

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

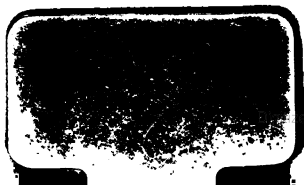
KNOWLEDGE

KNOWLEDGE

167 [i]

1883 Sept

Per. 27897 d. 72 (167.i)

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ И. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

1883

С Е Н Т Я Б Р Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ ОРЕНБУРГОМЪ. Гл. IV—VII. **Н. О. Дубровина.**
- II. РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Гл. VIII. **Е. К. С.**
- III. НОВАЯ БИОГРАФІЯ БАЙРОНА. Гл. I—III. **Н. Сбоева.**
- IV. ЗА УРАЛЪ! Разказъ изъ воспоминаній о Сибири. Часть вторая. Гл. IX—XVI. Окончаніе. **В. В. Романова.**
- V. САРАНЧА ВЪ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ. Гл. I. **К. Э. Линдемана.**
- VI. БЕЗДНА. Правдивая исторія. Часть вторая. Гл. IV—VIII. **В. М. Маркевича.**
- VII. ПРАЗДНИКЪ „СЛАВА“ У СЕРБОВЪ. **П. А. Кулаковского.**
- VIII. НЕ ПЕРВАЯ И НЕ ПОСЛѢДНЯЯ. Разказъ. **Ольга М.**
- IX. БИБЛИОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.
- X. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Университетскія дѣла. — Судебные куріозы. — Тургеневъ. — Проектъ общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Изобрѣтеніе г. Ливчака. — Россія и Западная Европа. — Черногорія и Сербія. — Король Альфонсъ XII въ Парижѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

•

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1883

ВИСЛИСТЪИ
КОРОТОНСКОГО
РЕЗЕРВНАГО
БАТАЛЮНА

ПУГАЧЕВЪ ПОДЪ ОРЕНБУРГОМЪ *

IV.

Указъ Пугачева генералу Рейнсдорлу.—Отправленіе отряда подъ начальствомъ Хлопуши и Андрея Бородина для овладѣнія крѣпостями Верхне-Озерною и Ильинскою.—Стойкость гарнизона Верхне-Озерской крѣпости.—Судьба постигшая отрядъ майора Заева въ Ильинской крѣпости.—Дѣйствія отрядовъ генерала Деколонга.—Возстаніе въ Башкиріи.—Обложеніе города Уфы Башкирцами.—Занятіе Бузулука мятежниками.—Грабежи Киргизъ - Кайсаковъ.—Тяжелое положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей.

Три послѣдовательные успѣха съ короткими промежутками времени настолько ободрили Пугачева и сдѣлали его самонадѣяннымъ что 17 ноября онъ потребовалъ отъ генерала-поручика Рейнсдорла покорности и сдачи города.

„Указъ нашему губернатору Иреинсдорлу“, писалъ Пугачевъ.

„Довольно извѣстно вамъ (и) изъ опубликованныхъ манифестовъ усмотрить можете какимъ образомъ мы отъ завыстныхъ общаго локоя всероссійскаго престола бизъзаконно лишенцы были, а нынѣ всемогущше Г-дъ нецызъ реченьными своими правидными судбами лаки возъвести насъ соизволятъ нашихъ вѣрно подѣданыхъ рабовъ скилетру вашему покоряеть, а зависниковъ общему локою подмоги наши повергаеть.

* См. № 8 Русск. Вѣсти.

„Только вы ослепясь невѣдѣниемъ или помрачитесь злобою ни приходите въ чювьство, власти нашея бизмерно чинити зъбольшимъ крокощамъ и тыщитися предъ святацаяся имя наша такимже образомъ дасть и прежде лаки угасить и нашихъ верно юдыданьныхъ рабовъ, аки младецовъ осиротить. Однако мы по прощанью Нашему къ веролодъданьному отеческому великодушю, буде хотя и ныне возникнувъ отьтрака невѣденія и пришедъ въ чювьство власти нашея усердно покорясь всемилостивѣйшии прощаемъ и сверхъ того всякою волностию отечески васъ жалую. А будещъ въ такомже ожесточеніи и суровости останитесь и данной намъ отъ создателя высокой власти непокоритесь, то уже ниминуемо навлечете на себя праведный нашъ гневъ.“ *

Прочтя этотъ указъ, оренбургскій губернаторъ былъ безсилень отвѣчать съ достоинствомъ на дерзкую [выходку самозванца. Рейнсдорлъ пришелъ къ сознанию что всѣ его попытки разогнать мятежниковъ не увѣнчались успѣхомъ, что несмотря на значительный численный составъ гарнизона, ** онъ не можетъ бороться съ Пугачевымъ и положеніе его весьма затруднительно.

Окруживъ со всѣхъ сторонъ Оренбургъ, мятежники отрѣзали всѣ сообщенія, и доставка въ городъ продовольствія и фуража оказывалась почти невозможною. Запасы въ городѣ были весьма незначительны: продовольствія могло хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, а фуража для лошадей и того меньше. Въ такомъ положеніи Оренбургу оставалось ожидать освобожденія извнѣ, и потому въ день полученія вышеприве-

* Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кв. II, листъ 175.

** Въ Оренбургской крѣпости находилось годныхъ для дѣйствія въ полѣ: регулярнаго войска 2,819 человекъ и иррегулярныхъ 450 человекъ. Сверхъ того, шивачиловъ, бодьныхъ, безкорныхъ казаковъ и Татаръ состояло 1,422 человекъ. Назначая этихъ послѣднихъ собственно для защиты крѣпости, оренбургскій губернаторъ находилъ необходимымъ прибавить къ нимъ, по числу семи дистанцій обороны, 910 человекъ и для внутреннихъ карауловъ въ крѣпости оставить 461 человекъ. За выдѣломъ этихъ 1,371 человекъ у него оставалось для дѣйствій въ полѣ 1,448 человекъ регулярныхъ и 450 иррегулярныхъ, всего 1,898 человекъ. Съ этимъ отрядомъ генерал-поручикъ Рейнсдорлъ не признавалъ возможнымъ перейти въ наступленіе и разогнать толпу Пугачева, болѣе потому что не имѣя обоза былъ прикованъ къ крѣпости.

деннаго указа самозванца Рейнсдорлъ просилъ Кара послѣ-
шить наступленіемъ, спрашивалъ гдѣ оны находится, околько
у него войскъ, что намѣренъ дваятъ, и когда можно ожидать
его прибытія чтобы выслать на встрѣчу отрядъ.*

Посланные съ этимъ письмомъ казаки не могли допасть
въ отрядъ Кара, въ деревню Дюсметеву, а привезли его въ
городъ Яики, къ коменданту полковнику Симонову.** Не подо-
зрѣвая этого, оренбургскій губернаторъ удивлялся почему
Кара ему не отвѣчаютъ и не идетъ на выручку Оренбурга, а
Пугачевъ, считая себя обезпеченнымъ съ этой стороны, со-
жалѣлъ только что и Кара не достигла участь Чернышева.

Когда Овчинниковъ и Зарубинъ (Чика) пріѣхали въ Бер-
ду съ доносеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ противъ Кара, са-
мовланецъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе что они не
захватили весь отрядъ живьемъ.

— Для чего вы его упустили? спрашивалъ Пугачевъ.

— У насъ не достало зарядовъ, отвѣчалъ Овчинниковъ.

Обратясь къ Хлопушѣ, самовланецъ благодарилъ его за
присылку въ Берду людей, провіанта, пороха и денегъ.***

— Сколько теперъ у тебя команды? спрашивалъ Пуга-
чевъ.

— Человѣкъ пятьсотъ и три пушки, отвѣчалъ Хлопуша.

— Гдѣ взялъ людей?

— На Авзяно-Петровскомъ заводѣ, а цыны пришли и изъ
другихъ жительствовъ.

— Порохъ, провіантъ, пушки и деньги, кои ко мнѣ при-
саалъ, гдѣ брать?

— Все это взято на заводахъ, а провіантъ возили изъ раз-
ныхъ мѣстъ, куда я посылаалъ отъ себя команды.

— Будь же ты за это полковникъ и имѣй у себя въ коман-
дѣ заводскихъ мужиковъ.

— Я грамотѣ не знаю, замѣтилъ Хлопуша,—а потому и
управлять людьми неспособно.

— У насъ и дубина служить вмѣсто грамоты, отвѣчалъ
Пугачевъ;—вотъ если что украдешь то и за алтынъ удавлю.

Всѣмъ за тѣмъ самовланецъ привалъ къ себѣ яцкаго
казака Андрея Бородина и приказалъ ему съ казаками, а

* Въ письмѣ Кару отъ 17 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

** Рапортъ Симонова Сенату 23 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба
(въ С.-Петербургѣ). Кн. I, 470.

*** Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 467 (13).

Хлопушѣ съ заводскими крестьянами идти къ Верхне-Озерной крѣпости, гдѣ, по свидѣніямъ, были большіе запасы продовольствія, взять крѣпость и доставить порохъ и провіантъ въ лагерь. Для полученія же снарядовъ и орудій, еще 8 ноября было отправлено въ Уфимскій уѣздъ приказаніе прикащику Воскресенскаго Твердышева завода, Петру Безпалову, исправлять орудія и лить снаряды. „Исправить тебѣ, сказано было въ указѣ Безпалову *, великому государю пять гаубицъ и 30 бомбовъ и которая изъ дѣла выйдетъ гаубица, представить бы тебѣ въ скоромъ послѣщеніи къ великому государю и не жалѣть бы государевой казны—сколько потребно давай, а я тебя за те, великій государь, буду жаловать.“ Не ожидая чтобы Безпаловъ выказалъ особую дѣятельность, Пугачевъ послалъ для наблюденія за нимъ казаковъ: Зарубина (Чуку), Илью Ульянова и Якова Ангилова **.

— Надобно бы было, говорили при этомъ ближайшіе совѣтники самозванца ***,—послать на нижніе яицкіе форлосты Михаила Толкачева съ манифестомъ чтобъ онъ до самаго Яицкаго городка бралъ вездѣ казаковъ, а къ Дусали султану (киргизскому) послать Яицкаго казака изъ Татаръ Тангаича также съ манифестомъ чтобъ онъ далъ вамъ въ помощь хотя 200 человекъ. И когда Толкачевъ наберетъ казаковъ, а Тангаичъ приведетъ Киргизовъ, то они и ударятъ на Яицкій городокъ.

Яицкій городокъ былъ необходимъ мятежникамъ какъ опорный пунктъ для зимовки, на тотъ случай если Оренбургъ не сдастся и у нихъ не хватитъ средствъ для продовольствія толпы. Поэтому совѣтники самозванца настаивали чтобы прежде всего овладѣть деньгами, боевыми и продовольственными запасами въ крѣпостяхъ Верхне-Озерной и Ильинской ****, а затѣмъ атаковать и Яицкій городокъ.

Пугачеву такъ понравился этотъ совѣтъ что онъ приказалъ тотчасъ же написать два манифеста: Ивану Почиталику

* Государств. Архивъ, VI, № 505 (2).

** Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Показаніе Зарубина (Чуки). Госуд. Арх., VI д., №№ 422, 467 и 512.

*** Казаки: Овчинниковъ, Лысовъ, Шигаевъ, Витошмовъ, Татаринъ Идорка и другіе.

**** Показаніе сотника Вѣлоносова. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 380.

ло-русски, а Болтаю ло-татарски и отправилъ съ ними Толкачева и Тапгаича.

Между тѣмъ, получивъ приказаніе самозванца, Хлопуша и Андрей Бородинъ выступили изъ Берды съ толлою въ 400 Илецкихъ казаковъ и 40 заводскихъ крестьянъ. Присоединивъ по пути Ногайцевъ изъ Желтаго редута, находившагося вблизи Озерной крѣпости, и Башкирцевъ жившихъ по рѣкѣ Ику, Хлопуша послалъ приказаніе кундровскимъ Татарамъ чтобъ они шли къ Верхне-Озерной крѣпости, а самъ двинулся къ Ильинской, находившейся въ 42 верстахъ выше и не имѣвшей почти никакого гарнизона.

По выступленіи бригадира Корфа съ отрядомъ изъ Верхне-Озерной крѣпости, для защиты послѣдней какъ наиболее важной, былъ присланъ изъ Ильинской полковникъ Демаринъ почти со всѣмъ гарнизономъ, состоявшимъ впрочемъ „изъ неспособныхъ къ походу польскихъ конфедератовъ“, нѣсколькихъ казаковъ, Башкирцевъ, Мещеряковъ и Калмыковъ *. Въ Ильинской крѣпости оставался лишь комендантъ поручикъ Лопатинъ и десятка полтора цвалидовъ. При нападеніи Хлопуши Лопатинъ былъ захваченъ въ лѣвѣ и потомъ по дорогѣ изрубленъ, а солдаты не оказали никакого сопротивленія. Забравъ съ собою деньги, пушки, снаряды и продовольствіе, Хлопуша пошелъ назадъ и къ ночи 22 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости, считавшейся самою важною и самою сильною въ Красногорской дистанціи. Она обнесена была небольшимъ землянымъ валомъ съ шестью бастіонами, имѣвшими впереди ровъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ палисады. Въ гарнизонѣ крѣпости находились: прибывшія изъ Сибири двѣ роты Звѣриноголовскаго гарнизоннаго баталіона, 80 гарнизонныхъ солдатъ, оставленныхъ бригадиромъ Корфомъ, и команда конфедератовъ—всего до 369 человекъ пѣхоты, 30 казаковъ, 100 Калмыковъ и 60 Башкиръ. Приготовляясь къ оборонѣ, Демаринъ расположилъ свой гарнизонъ по фасамамъ крѣпости и, въ видахъ всегдашней готовности къ отраженію, устроилъ въ крѣпостномъ валу землянку. Казаковъ, Башкировъ и Калмыковъ размѣстили между солдатами, которымъ было приказано колоть cadaго покусившагося на побѣгъ.

* Рапортъ Демарина графу П. И. Панину 8 декабря 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 27, кн. 502, листъ 58. (См. также *Оренбургскія Видомости* 1869 года, №№ 26—28.)

Оставивъ въ Желтомъ редутѣ, подъ прикрытіемъ 200 человекъ, все награбленное въ Ильинской крѣпости имущество и 6 пушекъ, * Хлопуша въ ночь на 23 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной и незамѣтно, скрывая свои силы въ оврагахъ, окружилъ крѣпость, но не успѣлъ овладѣть ею врасплохъ. Непривычная къ порядку, толпа мятежниковъ не въ состояніи была скрыть своего приближенія, и раздавшіеся выстрѣлы одного изъ нетерпѣливыхъ атакующихъ сласли крѣпость. Услыхавъ выстрѣлы не далее ста шаговъ отъ себя, часовой стоявшій на валу ударилъ тревогу, и гарнизонъ, быстро занявъ свои мѣста, открылъ огонь по наступающимъ. Завязалась перестрѣлка, безвредная для гарнизона, но продолжавшаяся почти цѣлый день. Одиночные смѣльчаки подъѣзжали ко крѣпости и кричали чтобы солдаты не слушали офицеровъ, перестали стрѣлять и покорились государю. Дождавшись вечера и видя что увѣщанія не дѣйствуютъ на гарнизонъ, Хлопуша двинулся на штурмъ, но былъ отбитъ. Въ самомъ началѣ дѣла всѣ инородцы и большая часть казаковъ передалась на сторону самозванца, но польскіе конфедераты защищались храбро и отразили какъ это, такъ и слѣдующее нападеніе. Не имѣя вовсе ни канонировъ, ни запаса ружейныхъ пуль, Демаринъ сформировалъ изъ Поляковъ прислугу при орудіяхъ, вмѣсто пуль употребляя „жвѣрки“ нарѣзанные изъ желѣза, и возвысивъ валъ присылкой къ нему снѣга, удержалъ крѣпость за собою. **

Хлопуша отступилъ къ Бундровской слободѣ, находившейся въ 12 верстахъ отъ крѣпости. Видя стойкость гарнизона и имѣя приказаніе, въ случаѣ неудачи, увѣдомить самозванца, Андрей Бородинъ написалъ письмо Пугачеву что Верхне-Озерную взять не могли. Тогда Пугачевъ самъ выступилъ изъ Берды со всеми Яицкими казаками; захвативъ по дорогѣ высланныхъ изъ Оренбурга художонныхъ казаковъ съ ихъ лошадьми и присоединивъ къ себѣ Ногайцевъ, утромъ 26

* Показаніе сотника Ивана Бѣловосова. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 380.

** Репортъ Де-Марина графу П. И. Панину 8 декабря 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Опись 27, кн. 502, листъ 58. Репортъ его же генералу Деколонгу 23 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 133. Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта* А. С. Пушкина. Т. VI, изд. 1881 года, стр. 312.

ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости и приказалъ открыть огонь изъ пушекъ, ружей и сабдиковъ. Въ полдень самозванецъ двинулъ свои силы на штурмъ, но былъ встрѣченъ сильными и мягкимъ огнемъ изъ крѣпости. Штурмующіе замѣшались, атака не удалась.

— Грудью, други! кричалъ Пугачевъ.

— Сунься-ко самъ! отвѣчали ему изъ толпы; — развѣ не видишь какъ намъ пули въ лобъ прилетаютъ?!

Пугачевъ принужденъ былъ отступить и къ вечеру отвелъ свою толпу къ Кундровской слободѣ. * Отсюда, послѣ двѣтки, онъ двинулся къ Ильинской крѣпости, случайно занятой отрядомъ майора Заева, шедшаго по распоряженію генерал-майора Станиславскаго на помощь Демарину. Узнавъ что матежники отступили отъ Верхне-Озерной крѣпости, Заевъ 27 ноября остановился въ Ильинской, имѣя у себя двѣ гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ, одну губернскую роту, 91 казака и три пушки, всего до 462 человекъ. ** По разоренію Хлопушей Ильинская крѣпость была въ самомъ печальномъ положеніи: все вооруженіе ея состояло изъ одной негодной пушки, брошенной въ воротахъ; провѣднскій сарай стоялъ отвореннымъ, нѣсколько четвертей муки и сухарей было раскидано на дворѣ. *** Размѣстивъ свой отрядъ по квартирамъ небольшими командами, что составляло весьма важную ошибку, Заевъ приказалъ залезть ворота и разставить бывшія съ нимъ орудія на укрѣпленіяхъ. Въ крѣпости было четыре бастіона, а пушекъ всего три; поэтому четвертый бастіонъ, обращенный къ рѣкѣ Яику, остался невооруженнымъ. На каждомъ бастіонѣ были поставлены наблюдательныя дикеты, человекъ по 12 солдатъ лицъ офицерахъ, за ними стояли небольшіе резервы; отводныхъ бекетовъ ни конныхъ, ни пѣшихъ за крѣпостью не было, а только ночью, показывалъ фурьеръ Пановъ, посы-

* Показанія Пугачева и Хлопуши. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 467 и 512.

** При выступленіи изъ Тобольска, въ каждой изъ гарнизонныхъ ротъ было по 120 человекъ строевыхъ и по 5 нестроевыхъ, а въ губернской 120 строевыхъ и 5 нестроевыхъ. (Репортъ сибирскаго губернатора Ничерина Военной Коллегіи 27 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 459.)

*** Показаніе капрала Ивана Кайгородова. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, 377.

явись казаки разѣздомъ кругомъ крѣпости не въ дальнемъ отъ оной разстояніи“. Солдатамъ, разставленнымъ по обывательскимъ квартирамъ, приказано было быть въ полной готовности, спать не раздѣваясь и въ боевой амуниціи, а часовымъ окакать проходящихъ и если кто по третьему отзыву не отзовется, то стрѣлять.

Въ сѹмерки, 28 ноября, человекъ сто мятежниковъ явились въ виду Ильинской крѣпости и учредили вокругъ нея свои разѣзды. Одиночные всадники подѣзжали къ укрѣпленіямъ и кричали часовымъ чтобъ они не стрѣляли, а вышли бы изъ крѣпости съ покорностью, „ибо-де подступилъ подъ крѣпость самъ государь“, который наградитъ ихъ жалованьемъ.

— У насъ въ Россіи, отвѣчали часовые,—есть государыня императрица Екатерина Алексѣевна и наследникъ ея великій князь Павелъ Петровичъ; кромѣ ихъ, никакого у насъ государя нѣтъ.

Спустя часа два послѣ этихъ переговоровъ, пугачевцы подвезли свои пушки и открыли огонь по крѣпости, но произведя выстрѣловъ десять прекратили стрѣльбу и отступили къ ближайшей деревнѣ. Нѣкоторые солдаты и конфедераты, бывшіе въ отрядѣ, просили Заева дать имъ подъемныхъ и казачьихъ лошадей и позволить атаковать мятежниковъ. *

— Развѣ вы хотите передаться злодѣю? спросилъ Заевъ;—оставайтесь здѣсь и защищайте крѣпость, а я отъ генерала выхождѣ на вылазку повелѣнія не имѣю.

Ночь прошла спокойно, а на утро 29 ноября, часовъ въ десять, Пугачевъ двинулъ на штурмъ всѣ свои силы, болѣе 1.500 человекъ, съ двумя орудіями положенными на сани. Впереди везли вожовъ пять сѣна и скрываясь за ними шли мятежники стрѣлявшіе по крѣпости. Атака произведена была со стороны рѣки Яика, противъ бастіона, на которомъ не было ни одного орудія. Майоръ Заевъ приказалъ привезти двѣ пушки съ другихъ бастіоновъ, но онѣ не помогли дѣлу. Пугачевцы успѣли пробить брешь и ворвавшись въ крѣпость, кололи и рубили защитниковъ. Майоръ Заевъ убитъ былъ однимъ изъ первыхъ и лежалъ со вскрытою злодѣями грудью. Команда его растерялась и

* Показаніе гренадера Ивана Ахлестина (у г. Анучина не вѣрно Ахлестышева) 2 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 387.

послѣ незначительнаго сопротивленія положила оружіе. Бывшіе въ отрядѣ Заева казаки вовсе не защищались, и Пугачевцы „тѣхъ казаковъ нисколько не били“.*

— Для чего вы къ намъ не вышли? спрашивали мятежники.

— Еслибъ, отвѣчали казаки,—мы изъ крѣпости стали выходить, то насъ бы солдаты побили.

Всѣхъ плѣнныхъ (число которыхъ доходило до 110) и раненыхъ (до 60), Пугачевъ приказалъ отвести въ свой станъ въ ближайшую татарскую деревню. Тамъ поставили ихъ на колѣни противъ заряженнаго единорога и въ такомъ положеніи приказали ожидать прибытія самозванца.

— Прощаетъ васъ Богъ, сказалъ Пугачевъ, подѣхавъ къ плѣннымъ,—и я вашъ государь Петръ Федоровичъ, третій императоръ.

Плѣннымъ приказано было встать; единорогъ повернули въ противоположную сторону, и произведенный выстрѣлъ по весъ ядро въ степь. Послѣ этой церемоніи самозванецъ призвалъ къ себѣ капитана Камешкова, прапорщика Воронова и неизвѣстнаго по фамиліи казачьяго сотника.

— Для чего вы противъ меня, вашего государя, идете и меня не слушаете? спросилъ самозванецъ.

— Ты не государь нашъ, отвѣчали офицеры,—и мы тебя онымъ не признаемъ; ты самозванецъ и бунтовщикъ.

Пугачевъ приказалъ тотчасъ же ихъ повѣсить и привести къ себѣ изъ Татаръ капитана Башарина. Ему грозила та же участь, но человѣкъ тридцать солдатъ губернской роты просили простить его.

— Капитанъ былъ до насъ добръ, говорили они,—и въ нашихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ насъ.

— Ну, когда онъ былъ до васъ добръ, сказалъ Пугачевъ,—такъ я его прощаю.

Башарину и всѣмъ плѣннымъ обрѣзали волосы по-казачьи, а казакамъ оставили лошадей и оружіе. По принятымъ правиламъ, со всѣхъ убитыхъ (даже и своихъ) было снято все платье**, а Ильинская крѣпость сожжена. Захвативъ

* Показаніе фурьера Степана Панова. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 375.

** „Съ побитыхъ людей, показывалъ сотникъ Яковъ Суторминъ, какъ со своихъ, такъ и съ нашихъ, онъ злодѣй Пугачевъ одежду всея приказываетъ снимать и на оныхъ ничего не оставлять, и всѣ мертвыя тѣла валяются въ крѣпости и за оной безо всякаго прибора...“ Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 383.

вблизи крѣпости караванъ изъ 26 верблюдовъ съ 20 Бухарцами, Пугачевъ роздалъ товары своимъ сподвижникамъ, Яцкимъ казакамъ *, а на верблюдовъ нагрузилъ боевые припасы, одежду снятую съ убитыхъ, оружіе и прочее имущество захваченное въ крѣпости. Дождавшись прибытія изъ Желтаго редута оставленныхъ тамъ орудій и прикрытія, Пугачевъ въ тотъ же день въ сумерки, съ лѣснями, выступилъ обратно въ Берду, имѣя въ своей толпѣ до 2.200 человѣкъ съ 12 орудіями. ** Онъ не пытался снова атаковать Верхне-Озерной крѣпости, потому что было получено извѣстіе о приближеніи 14й легкой полевой команды подъ начальствомъ генераль-майора Станиславскаго, шедшаго изъ Орской крѣпости на помощь отряду майора Заева.

Не доходя 25 верстѣ до крѣпости Ильинской, генераль Станиславскій узналъ объ участи постигшей отрядъ Заева. Онъ остановился и не пошелъ далѣе, опасаясь самъ попасть въ руки самозванца. Подъ предлогомъ того „чтобы не открыть всей линіи злодѣямъ на похищеніе“ ***, Станиславскій возвратился въ Орскую крѣпость, а вслѣдъ затѣмъ получилъ приказаніе генераль-поручика Деколлонга отступить къ Верхо-Яцкой крѣпости, забирая съ собою изъ лежащихъ на пути крѣпостей гарнизоны, денежную казну, артиллерію и жителей, которые изъявляютъ желаніе слѣдовать за отрядомъ. Тѣхъ жителей которые пожелаютъ остаться въ своихъ домахъ, генераль-майору Станиславскому приказано было снабдить продовольствіемъ, а артиллерію, которую почему-либо нельзя было взять съ собою, испортить или бросить въ воду.

Такое оставленіе значительной части края безъ войскъ Деколлонгъ признавалъ необходимымъ по ограниченности своихъ силъ (всего двѣ легкія полевые команды ****), по недостатку для нихъ продовольствія и по необходимости защитить Исетскую провинцію и Екатеринбургскіе заводы. По мнѣнію Деколлонга, опасность грозившая Исетской провинціи

* Тамъ же, листъ 383.

** Тамъ же, листъ 384.

*** Репортъ Станиславскаго Рейнсдорпу отъ 4 декабря. Дѣлопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевскаго бунта* А. С. Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, стр. 318.

**** Третья легкая полевая команда находилась еще въ походѣ. См. репортъ Деколлонга отъ 14 декабря. Военн. учев. арх., д. № 104 (А), листъ 101.

была такъ велика что съ наличными своими силами онъ не находилъ возможнымъ защитить столь обширный край, и просилъ сибирскаго губернатора Чичерина прислать ему тысячу выписныхъ казаковъ и сколь возможно рекрутъ обученныхъ экзерцици. *

„Хотя мое намѣреніе, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ графу З. Чернышеву, ** и состояло въ томъ чтобы находящимися при мнѣ сибирскихъ линій воинскими командами подать помощь осажденному городу Оренбургу и всѣ бесполезныя слѣдствія обратить во благо, но злодѣи Башкирцы генеральнымъ своимъ взбунтованіемъ до того же допустили, и причиняя почти повсемѣстно варварскія свои злодѣянія, заставили лечись о предохраненіи ливейныхъ и внутреннихъ Исецкой провинціи российскихъ селеній.“

Башкирія была въ полномъ возстаніи, и сообщеніе съ Оренбургомъ было прервано настолько что курьеры могли доѣзжать только до Орской крѣпости, да и то степною киргизскою стороною, а далѣе къ Оренбургу надо было отыскивать охотниковъ, пробиравшихся скрытными путями и по ночамъ.

Разъѣзжая конными партіями, Башкиры грабили русскія селенія. 18 ноября они произвели нападѣніе на Стерлитамакскую пристань на рѣкѣ Бѣлой, а 24 ноября толпа ихъ, въ 500 человекъ, подъ начальствомъ самозванныхъ: полковника Башкирца Каткина-Самарова и подполковника Уфимскаго казака Губанова, появилась въ виду селенія Чесноковки, находящагося въ десяти верстахъ отъ города Уфы. Жители селенія наложили четыре воза печенаго хлѣба и встрѣтили Башкирцевъ съ покорностью. Примѣру ихъ слѣдовали всѣ остальные подгородныя селенія, и мятежники, окруживъ городъ, расположились въ Чесноковкѣ, Богородскомъ, Ермашевскомъ и Красномъ-Яру. *** Сообщеніе Уфы съ окрестностями было прервано, и Башкирцы распространили свои разъѣзды столь далеко что воевода города Бирска,

* Письмо Деколонга Чичерину 12 декабря 1773 года. Московскій Арх. Главн. Штаба. Опись 47, дѣло о Пугачевѣ, ч. III.—Репортъ Деколонга Военной Коллегіи 14 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 358.

** Въ письмѣ отъ 14 декабря 1773 года, кн. II, листъ 359.

*** Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ. Моск. Арх. Главн. Штаба. Опись 47, дѣло о Пугачевѣ, ч. IV.

находившагося въ 50 верстахъ отъ Уфы, секундъ-майоръ Моисеевъ бѣжалъ и скрылся въ дер. Каракулино, * но потомъ былъ захваченъ Башкирцами. Число мятежниковъ съ каждымъ днемъ увеличивалось прибывающими ясачными Татарами, помѣщичьими, дворовыми и экономическими крестьянами, и въ короткое время dorосло болѣе чѣмъ до тысячи человекъ.

Ноября 29 къ городу Уфѣ подѣхало нѣсколько Башкирцевъ съ желаніемъ вызвать кого-либо изъ жителей для переговоровъ, но не услѣвъ въ своемъ намѣреніи, уѣхали. На слѣдующій день они повторили то же самое, и тогда на встрѣчу имъ были посланы: секундъ-майоръ Пекарскій ** и коллежскіе регистраторы Черкашениновъ и Дуровъ. Башкирцы требовали сдачи города, выдачи полковника и коменданта Мясоѣдова и воеводы Борисова. Получивъ отказъ, мятежники 1 декабря подошли уже значительною толпою къ городу, со стороны села Богородскаго, но были разогнаны сотней казаковъ, къ которымъ присоединились обыватели имѣвшіе лошадей. Мясоѣдовъ установилъ вокругъ города ночные разъѣзды, „въ которые назначались и статскіе чины, какъ-то: секретари и протоколисты, регистраторы и приказные служители.“ *** Видя съ одной стороны стойкость гарнизона и жителей, а съ другой—что съ шайкой вооруженною преимущественно стрѣлами, копьями и рогатинами взять городъ невозможно, предводители толпы отправили къ Пугачеву нарочнаго съ просьбой о помощи.

„Мы, сказано было въ прошеніи привезенномъ нарочнымъ, **** казанской дороги Башкиры и служилые Татары, Черемисы и дворцовые крестьяне, всѣ согласясь милосердому государю Петру Федоровичу склонились; что бы его величество ни приказалъ, мы свои услуги показать должны, не ложась силъ своихъ до послѣдней капли крови. Для того мы всепокорнѣйше просимъ вашего царскаго милосердія, въ нашу сторону прислать войска и нѣсколько пушекъ. Когда явятся въ нашу сторону какіе-нибудь супротивники вашему вели-

* Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. II, листъ 347.

** Тотъ самый Пекарскій залиска котораго напечатана въ *Московтанинѣ* 1841 года, ч. III.

*** Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ.

**** Государств. Архивъ, VI, д. № 416.

честву, то намъ сократить ихъ не съ чѣмъ безъ пушекъ. Нынѣ у насъ подкомандующихъ болѣе тысячи человекъ, и (приказано) всѣмъ окольнымъ жителямъ изготовлять для нынѣшней войны съ каждаго двора по одному казаку со всѣми ружьями, затѣмъ что мы нынѣшнюю пятницу городъ Уфу разорать вхатъ намѣрене имѣемъ.“

Добровольное подчиненіе Башкирцевъ власти мнимаго императора было весьма важно для Пугачева, потому что, владѣя большимъ числомъ лошадей, они гнали въ станъ самозванца цѣлыя косяки и дозволили ему посадить на коней бѣльшую часть своего ополченія.

Пугачевъ радъ былъ случаю и возможности отправить въ Башкирію одного изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, чтобы болѣе прочно подчинить населеніе своей власти. Воспользовавшись пребываніемъ Зарубина (Чики) въ Уфимскомъ уѣздѣ, на Воскресенскомъ Твердышева заводѣ, самозванецъ приказалъ ему отправиться подъ городъ Уфу и принять начальство надо всѣмъ собравшимся тамъ ополченіемъ. *

Не успѣлъ башкирскій посланный уѣхать изъ стана самозванца, какъ въ Бердѣ было получено новое радостное извѣстіе о занятіи мятежниками города Бузулука и почти всей Самарской линіи.

Самарская линія была совершенно беззащитна съ тѣхъ поръ какъ симбирскій комендантъ, полковникъ Чернышевъ, двигаясь къ Оренбургу и желая усилить свой отрядъ, забиралъ изъ крѣпостей лежавшихъ на пути его слѣдованія всѣхъ лучшихъ людей какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ. Въ Бузулуцкой крѣпости, считавшейся наиболѣе важною и имѣвшей коменданта завѣдывавшаго нѣсколькими сосѣдними крѣпостями, ** Чернышевъ оставилъ всего 27 рядовыхъ при шести унтеръ-офицерахъ и калралахъ, но и тѣ были старые и дряхлые. Двѣ годныя пушки Чернышевъ взял съ собою, а въ Бузулукѣ оставилъ тѣ которыя или были забракованы, или не имѣли лафетовъ. При нихъ не осталось ни одного канонира, а снарядовъ было, хотя и много,

* Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх.; VI, д. № 422.

** Въ подчиненіи бузулуцкаго коменданта находились крѣпости: Сорочинская, Тоцкая, Елшанская, Борская и Красно-Самарская, въ коихъ регулярныхъ войскъ вовсе не было, а были одни казаки подъ начальствомъ атамановъ.

же другаго калибра, такъ что ни одинъ изъ нихъ не входилъ въ дуло орудія.

Съ уходомъ Чернышева въ Бузулукъ осталось до 200 отставныхъ драгунъ, солдатъ и поселенныхъ казаковъ, но все это были люди больные, дряхлые, отказывавшіеся защищаться по неимѣнію оружія, „ибо полковникъ Чернышевъ не доволенъ что людей, но и ружья обобралъ и оставилъ одни испорченныя.“ *

Тѣмъ не менѣе, комендантъ Бузулуцкой крѣпости, подполковникъ Вульфъ, зять казанскаго губернатора фонъ-Брандта, установилъ между крѣпостями своей дистанціи постоянные разѣзды днемъ и ночью; но распоряженіе это исполнялось не долго. Въ началѣ ноября, находившійся въ Тоцкой крѣпости атаманъ Чулошниковъ прислалъ сказать Вульфу что онъ со всѣми своими подчиненными „преклонилъ къ императору Петру III“, далъ слово служить государю и совѣтуетъ то же сдѣлать коменданту Бузулуцкой крѣпости, такъ какъ въ непродолжительномъ времени къ нему прибудетъ отъ государя полковникъ съ войсками.

Человѣкъ нерѣшительный, слабого характера, неумѣвшій заставить подчиненныхъ повиноваться и исполнять свои приказанія, подполковникъ Вульфъ струсилъ и сталъ думать о собственномъ спасеніи. 17 ноября онъ съ ужасомъ узналъ отъ прибѣжавшихъ изъ отряда Чернышева объ участи постигшей симбирскаго коменданта, и въ слѣдующую ночь, призвавъ къ себѣ сержанта Ивана Звѣрева, объявилъ ему о своемъ намѣреніи уѣхать изъ крѣпости.

— Ну, Звѣревъ, говорилъ подполковникъ Вульфъ, — оставайся ты здѣсь съ сержантомъ Осипомъ Куклинымъ, а я съ командой отсюда уѣду. Я не хочу здѣсь, какъ Чернышевъ, умереть напрасно, а защищаться мнѣ не съ кѣмъ.

Звѣревъ просилъ и ихъ взять съ собою.

— Васъ взять нельзя, отвѣчалъ Вульфъ, — потому что вы находитесь при такихъ должностяхъ которыя остановить никакъ нельзя. **

Утромъ 18 ноября подполковникъ Вульфъ, забравъ свое семейство; отправился въ Самару, подъ конвоемъ двухъ

* Рапортъ полковника Вульфа Брандту 6 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 433.

** Звѣревъ завѣдывалъ всѣмъ письмоводствомъ, а Кукликъ — провіантомъ, денежною казною, питейнымъ и солянымъ сборомъ.

уатерь-офицеровъ, двухъ капраловъ и 25 рядовыхъ.* Не-
 ждаая ввѣренный ему постъ, подполковникъ Вульфъ напи-
 савъ въ приказъ что „имѣеть онъ, по нѣкоторому повелѣ-
 нію, отбыть изъ крѣпости Бузулуцкой со всею регулярною
 командою“. Два дня спустя толпа Яицкихъ казаковъ при-
 ѣхала въ Бузулукъ, опечатала всѣ провіантскіе магазины,
 обобрада всѣхъ лучшихъ лошадей и уѣхала, а почти въ пол-
 день 30 ноября, послѣ обѣдни, ко двору Кукулина подѣхало
 до двадцати саней съ мятежниками, подъ водительствомъ
 отставнаго солдата Ивана Жилкина. Онъ объявилъ что от-
 правленъ изъ арміи государя для забранія провіанта и денегъ.
 Узнавъ что комендантъ оставилъ крѣпость и населеніе не
 намѣрено оказывать сопротивленія, Жилкинъ сталъ распоря-
 жаться самовластно: осмотрѣлъ провіантскій магазинъ, при-
 казалъ принести вина для своихъ сообщниковъ и призвать
 всѣхъ солдатъ. Послѣ всеобщей попойки, въ которой прини-
 мали участіе два священника, солдаты и казаки, Жилкинъ
 взялъ ножъ, обрѣзалъ у солдатъ косы, объявилъ что теперь
 всѣ они казаки и распустилъ ихъ по домамъ.

Въ тотъ же день къ вечеру, въ предположеніи что Жил-
 кинъ встрѣтитъ сопротивленіе въ Бузулукѣ, была прислана
 ему на помощь команда изъ 50 казаковъ, подъ начальствомъ
 атамана Иаы Аралова, которые пьавствовали всю ночь, а
 на утро вмѣстѣ съ Жилкинымъ отправились грабить помѣ-
 щичьи имѣнія. Забравъ у жителей подводы, мятежники на-
 грузили на нихъ 62 четверти сухарей, 164 куля муки, 12 чет-
 вертей крупъ, пять пудовъ пороху и 2.010 рублей мѣдныхъ
 денегъ большею частью денежками и полушками.**

Несмотря на столь быстрые успѣхи самозванца, дѣйствія
 его противъ Оренбурга были крайне нерѣшительны и огра-
 ничивались обложеніемъ. Пугачевъ не рѣшился сунуться
 на штурмъ, и увѣрилъ своихъ легковѣрныхъ сообщниковъ

* Показаніе Звѣрева 31 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло
 № 437. Показаніе подполковника Вульфа 29 января 1775. Московск.
 Арх. Главн. Штаба. Опись 94, связка 17, дѣло № 23. По опредѣле-
 нію Военной Коллегіи 31 марта 1775, подполковникъ Вульфъ „за
 презрительную робость“, какъ происходящій изъ курляндскихъ мѣ-
 щанъ, былъ исключенъ изъ службы и вмѣстѣ съ женой высланъ за
 границу.

** Показаніе сержанта Ивана Звѣрева 31 октября 1774. Госуд. Арх.,
 VI, дѣло № 437.

что „сколько де онъ городовъ ни прошелъ, сказывалъ якобы онъ бывалъ въ Иерусалимѣ, въ Царьградѣ и въ нѣмецкихъ городахъ, но столь крѣпкаго города каковъ есть Оренбургъ не видалъ“. Онъ говорилъ что „болѣе приступовъ дѣлать къ городу не намѣренъ, а хочетъ осадой до того довести чтобъ у жителей не стало пропитанія, а тогда де и городъ сдаться ему будетъ принужденъ.“ *

Въ Орѣнбургѣ было дѣйствительно весьма мало продовольствія, и потому положеніе его было тяжелое. „Наши обстоятельства, писалъ Рычковъ къ Миллеру **, такія какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное нелученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею сколь трудно находить спосособовъ къ отправленію отсюда писемъ, а почты ординарной уже съ два мѣсяца отъ насъ нѣтъ въ отправленіи. Помощь наша отъ Господа сотворившаго небо и землю: мы всю надежду имѣемъ на Него.“ Всѣ попытки гарнизона улучшить свое положеніе были тщетны. Получивъ извѣстіе объ уходѣ Пугачева подъ Верхне-Озерную и Ильинскую крѣпости, генераль-поручикъ Рейнсдорпъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было положено произвести въ ночь на 30 ноября вылазку съ тѣмъ чтобъ атаковать непріятеля до разсвѣта и нечаянно. Вылазка эта однакоже не состоялась, такъ какъ назначенныя подъ орудія 30 лошадей въ ту ночь лали. *** И генераль-поручику Рейнсдорпу не оставалось ничего болѣе какъ просить Военную Коллегію чтобъ она учинила „защитительное попеченіе“ ввѣренной ему губерніи „при настоящемъ ея страданіи сопряженномъ съ государственнымъ большимъ предосужденіемъ“. Губернаторъ писалъ что, лишившись отъ безкормицы почти всей кавалеріи, онъ не въ состояніи съ одною лѣхотой разогнать непріятеля, захватывшаго въ разныхъ мѣстахъ хорошихъ лошадей и не подпускающаго къ себѣ не только на ружейный, но и на картечный выстрѣлъ. ****

* Рычковъ, *Осада Оренбурга*. См. Сочиненія Пущкина, т. VI, изд. 1881 года. Приложение, стр. 297.

** Отъ 25 ноября 1773 года. *Жизнь Рычкова*, соч. академика Печкарскаго, стр. 136.

*** Рычковъ, *Осада Оренбурга*. Соч. Пущкина, т. VI. Прил., стр. 308.

**** Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи 25 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербурѣ). Кн. II, листъ 169.

При вылазкахъ изъ крѣпости мятежники обыкновенно разсыпались по степи, держались внѣ выстрѣловъ и поражали наступающихъ огнемъ своихъ орудій, везомыхъ хорошими лошадьми и потому болѣе подвижныхъ чѣмъ тѣ которыми располагалъ гарнизонъ. Несмотря однакоже на значительное превосходство своего положенія, мятежники бывали слабы лишь не видя вылазки изъ крѣпости. Тогда они подѣзжали почти къ самому городу, вели переговоры съ гарнизономъ и требовали чтобъ онъ покорился государю Петру Федоровичу. 7 декабря они объявили осажденнымъ что завтрашній день будетъ къ нимъ изъ Москвы великій князь Павелъ Петровичъ съ 30.000 войскъ и съ тремя генералами.

— Въ понедѣльникъ (9 декабря), говорили они,—мы сдѣлаемъ такой приступъ что всему уже городу жарко будетъ.

Въ Оренбургѣ не вѣрили этимъ словамъ, но видя что большинство подѣзжавшихъ находятся въ полудьяномъ состояніи, гарцуютъ и джигитуютъ по степи, что въ лагерѣ самозванца замѣтно особое оживленіе и усиленное пьянство, долго не могли понять причины, и лишь въ послѣдствіи узнали что Пугачевъ праздновалъ прибытіе изъ Петербурга яцкаго сотника Аванасія Перфильева, сдѣлавшагося въ послѣдствіи ближайшимъ и наиболѣе энергическимъ сообщникомъ самозванца.

V.

Отправленіе изъ Петербурга въ станъ самозванца Яцкихъ казаковъ Аванасія Перфильева и Петра Герасимова. — Прибытіе Перфильева въ Берду. Жизнь въ Бердѣ.—Организація и администрація Пугачевскихъ силъ.—Пугачевская военная коллегія.—Свиданіе Перфильева съ Овчинниковымъ и Пугачевымъ.

Недѣли за двѣ до полученія въ Петербургѣ извѣстій о появленіи Пугачева подъ Оренбургомъ, прибыли въ столицу депутаты отъ Яцкаго войска: сотники Аванасій Перфильевъ, Иванъ Герасимовъ и казакъ Савелій Плотниковъ, дабы просить императрицу о невзысканіи съ Яцкаго войска наложеннаго на нихъ штрафа. * Въ столицѣ они нашли казака Петра Герасимова, еще 27 декабря 1771 года подававшего

* Смъ статью нашу „Предъ началомъ пугачевского бунта“. *Русскій Вѣстникъ* 1861 года, № 8, глава VIII, стр. 105 и 106.

прошеніе императрицѣ и скрывавшагося отъ преслѣдованія и розысковъ Военной Коллегіи. Не зная ничего о происходящемъ въ войскѣ, казаки Перфильевъ, двое Герасимовыхъ и Плотниковъ вновь сочинили прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писали „что могли вымыслить къ оправданію войсковой стороны, закрывая сколь можно свою вину, дабы черезъ то можно было получить испрашиваемое“. Не найдя случая подать прошеніе лично императрицѣ и считая Орловыхъ покровителями Яицкаго войска, Перфильевъ съ товарищами передалъ прошеніе графу Алексію Григорьевичу Орлову, отъ котораго получили отвѣтъ что просьба ихъ передана ея величеству и что имъ необходимо подождать резолюціи.

Слуста нѣкоторое время яицкіе депутаты были потребованы ко графу А. Г. Орлову.

— У васъ на Яикѣ сдѣлалось несчастье, сказалъ графъ пришедшимъ къ нему казакамъ.—Одинъ разбойникъ, бѣглый Донской казакъ Пугачевъ, назвавшись ложно покойнымъ государемъ Петромъ III, собралъ себѣ небольшую шайку изъ приставшихъ къ нему вашихъ же Яицкихъ казаковъ, какъ-то Чики и прочихъ укрывавшихся отъ наказанія по бывшему объ убійствѣ Траубенберга слѣдствію, и съ набранною шайкой пошелъ по крѣпостямъ къ Оренбургу. Съѣздите туда и постарайтесь уговорить казаковъ, дабы они отъ сего разбойника отстали и его поймали. Если вы постараетесь это сдѣлать то по возвращеніи въ Петербургъ ваше дѣло будетъ рѣшено въ пользу казаковъ.

— Готовы усердно служить всемилостивѣйшей государынѣ, отвѣчали Перфильевъ и его товарищи,—и сколько силъ будетъ исполнимъ повелѣніе въ точности. *

Заручившись такимъ обѣщаніемъ и справедливо считая графа Захара Чернышева виновнымъ во многомъ что происходило на Яикѣ и подъ Оренбургомъ, графъ Орловъ постарался устранить президента Военной Коллегіи отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Яицкихъ казаковъ. Сговорившись съ генераль-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, они испросили согласіе императрицы отлравить на Яикъ двухъ казаковъ Аванасія Перфильева и Петра Герасимова, а казаковъ Ивана

* Показаніе Аванасія Перфильева 12 сентября 1774. Госуд. Арх., VI, д. № 425.

Герасимова и Савелія, Плотникова оставить въ Петербургѣ, какъ бы задолжниками, но съ тѣмъ чтобъ они зависѣли только отъ одного князя Вяземскаго.

12 ноября 1773 года генераль-прокуроръ объявилъ Тайной экспедиціи что императрица повелѣла выдать сотнику Перфильеву и казаку Петру Герасимову, для проѣзда ихъ до Казани и обратно до Петербурга, каждому по паспорту, назвавъ въ оныхъ обоихъ ихъ, для извѣстныхъ ему, генераль-прокурору, причинъ *Черкесами*. * Другому же сотнику Ивану Герасимову и казаку Савелію Плотникову, для свободнаго здѣсь, въ Петербургѣ, жительства, дать изъ Тайной экспедиціи билеты **, съ такимъ предписаніемъ чтобъ ихъ ни въ какое правительственное мѣсто ***, безъ объявленія ему, генераль-прокурору, не брать и являться имъ каждую недѣлю по одному разу въ тайной экспедиціи и изъ Петербурга никуда имъ не отлучаться“ ****.

* Паспорты эти были слѣдующаго содержанія: „Объявитель сего черкесь (Аванасій Перфильевъ или Петръ Герасимовъ) отправленъ изъ С.-Петербурга въ Казань, къ генералу-аншефу и казанскому губернатору фонъ-Брандту, того ради по тракту сему на заставахъ и въ городахъ имѣющимся начальникамъ вездѣ пропускать безъ задержанія, а что по прошествіи положеннаго времени явиться ему у меня (князя Вяземскаго) въ томъ обязанъ подпискою. Въ вѣрности сего данъ ему сей паспортъ за подписаніемъ руки моею и съ приложеніемъ обыкновенной печати.“

** Билеты были такого содержанія: „По Высочайшему ея Императорскаго Величества соизволенію Правительствующаго Сената изъ тайной экспедиціи данъ сей билетъ войска Яицкаго сотнику Ивану Герасимову (въ другомъ, казаку Савелію Плотникову) для того чтобъ жить ему до указа здѣсь въ С.-Петербургѣ, у кого и гдѣ пожелаетъ. Буде же по какому-либо дѣлу, въ какое судебное мѣсто потребенъ будетъ, но однакожь его, когда онъ сей билетъ покажетъ, никуда не брать, а что онъ потребенъ въ какое присутственное мѣсто о томъ тотчасъ объявить генераль-прокурору, откуда и резолюція дана быть имѣетъ. До будущаго же о немъ опредѣленія являться ему въ Тайной экспедиціи каждую недѣлю одинъ разъ, а потому гдѣ онъ жительство будетъ имѣть объявить и безъ указа изъ Петербурга никуда не отлучаться и безъ объявленія квартиры своей не перемѣнять.“

*** То-есть въ Военную Коллегію, которой подчинены были казаки во всѣхъ отношеніяхъ.

**** Госуд. Арх., VI, д. №№ 414 и 415.

Получивъ паспорта, Перфильевъ и Герасимовъ выѣхали изъ Петербурга, но были въ большомъ раздумьѣ какъ поступить имъ въ будущемъ.

— Какимъ образомъ это сдѣлалось что простой человекъ могъ назваться государемъ? спрашивалъ Перфильевъ Герасимова. — Кажется, стать сему нельзя. Можетъ-быть называемый Емелькою Пугачевымъ и прямо государь Петръ III.

— Я покойнаго государя видѣлъ много разъ, отвѣчалъ спрошенный, — и буде сей называющийся подлинно государь, то его узнаю.

Приломиная молву ходившую по всей Россіи что Петръ III не умеръ, что манифесты о его смерти ложны, но что онъ изъ-подъ ареста „выкраденъ“ и освобожденъ, Перфильевъ и Герасимовъ рѣшили что если по пріѣздѣ къ Пугачеву Герасимовъ признаетъ въ немъ истиннаго государя, то рукъ на него не подымать и „никакого злаго умысла противъ него не предпринимать“.

— Какъ можно намъ, говорили казаки между собою, — свои руки поднять на государя; ихъ головы помазанныя. Вѣдь Богъ знаетъ чью сторону держать: государя или государыни; они между собою какъ хотятъ такъ и дѣлать, а намъ нечего въ ихъ дѣла вступаться; неравно его сторона возьметъ, такъ мы въ тѣ поры безо всего пропадемъ, а лучше останемся у него служить.

Условившись такимъ образомъ, Перфильевъ и Герасимовъ 25 ноября пріѣхали въ Казань и явились къ генералъ-поручику фонъ-Брандту. Отсюда они должны были подъ видомъ курьеровъ вѣхать съ печатными манифестами о самозванцѣ и съ письмами казанскаго губернатора къ яццкому коменданту, полковнику Симонову. Письма эти были настолько безсодержательны что по прѣздѣ чрезъ разѣзды, выставленные по границѣ Казанской губерніи, ихъ дозволено было уничтожить, точно такъ же какъ и подорожныя, въ которыхъ имъ разрѣшалось прѣхать по Самарской линіи до Бузулуцкой или другой какой крѣпости. Генералу Брандту стоило однакожь не малыхъ трудовъ заставить ихъ выѣхать изъ Казани. „Насилу, писалъ онъ, * уговоромъ ихъ отсюда 28го числа выжилъ, ибо по нынѣшнимъ дѣлшнимъ, отъ безпутныхъ

* Въ письмѣ князю Вяземскому отъ 30 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. №№ 414 и 415.

вѣстей сумнительнымъ обстоятельствамъ, не разсудилъ тѣмъ казакамъ себѣ дать въ карты глядѣть, да и по всегдашнемъ ихъ лянствѣ, не увѣрясь совѣмъ на нихъ, подъ видомъ наблюденія моего въ народѣ кредита, имѣлъ при нихъ, яко при чужихъ людяхъ Черкесами названныхъ, вѣрнаго унтеръ-офицера, какъ для примѣчанія ихъ разговоровъ, такъ и для отвращенія при такомъ случаѣ народнаго во мнѣ сомнѣнія, ибо слухъ носился что извѣстный злодѣй, по выступленіи моемъ изъ Казани на границы, разгласилъ яко бы я къ нему добровольно ѣду.*

Прибывъ въ Самару, Перфильевъ и Герасимовъ были узнаны казакомъ Ергучевымъ, ѣхавшимъ изъ Яицкаго городка съ донесеніями отъ полковника Симонова. Ергучевъ заявилъ самарскимъ властямъ что они не Черкесы, а ихъ Яицкіе казаки, бунтовщики, участвовавшіе въ убійствѣ генерала Траубенберга и бѣжавшіе изъ Яицкаго городка. Перфильевъ и Герасимовъ были задержаны и отправлены въ Симбирскую провинціальную канцелярію и отпущены далѣе только по наведеніи надлежащихъ справокъ.*

Изъ Симбирска они пріѣхали опять въ Самару, а затѣмъ отправились въ Яицкій городокъ, гдѣ и явились къ коменданту полковнику Симонову. Послѣдній долго не могъ повѣрить что казаки посылаются въ станъ самозванца, но подорожныя и письма Брандта заставили его согласиться на дальнѣйшее отправленіе, причемъ уполномоченные графа Орлова разѣхались въ разныя стороны: Петръ Герасимовъ поѣхалъ на нижніе яицкіе форлосты, сотникъ Аванасій Перфильевъ въ Берду, въ сопровожденіи взятыхъ имъ съ собою казаковъ Ивана Фофанова и Ивана Мирошихина.

— Я посланъ изъ Питера, говорилъ дорогою Перфильевъ своимъ спутникамъ,—отъ графа Орлова уговаривать казаковъ чтобъ изловить называющагося государемъ.

— Не могли ты объ этомъ и думать, отвѣчали они.—Мы тебя заколемъ если объ этомъ только подумаешь. Онъ, мы слышали, точный государь и къ намъ наслалъ весьма милостивые указы что насъ станетъ жаловать всею вольностію. Будучи еще въ городкѣ, мы догадались что вы съ Герасимовымъ не даромъ изъ Петербурга пріѣхали, и хотѣли было по

* Письмо генералъ-поручика Брандта князю А. А. Вяземскому отъ 29 декабря 1773 года. Госуд. Арх., IV, д. № 414.

пріѣздъ въ Берду на тебя довести, да хорошо что самъ намъ признался. Мы тебѣ еще разъ подтверждаемъ что не могли ты этого дѣлать.

Сторонникъ казачьихъ интересовъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ бывшей борьбѣ казаковъ за старыя порядки, Перфильевъ, не могъ не сочувствовать общему движенію и, прося товарищей чтобъ они на него не доносили, клялся что будетъ вмѣстѣ съ ними служить вѣрно и не предприметъ ничего противнаго казачьимъ интересамъ.

Около Николаина дна Перфильевъ и его слутники пріѣхали въ станъ самозванца, гдѣ все было для нихъ ново и необычайно.

Остановясь въ Бердѣ, Пугачевъ и его ближайшіе совѣтники расположились въ слободѣ, причемъ самозванецъ занялъ лучшей домъ казака Ситникова и назвалъ его „государевымъ дворцомъ“. Стѣны дворца вмѣсто обоевъ были обиты шумихой, украшены зеркалами, и на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ цесаревича Павла Петровича, взятый въ имѣніи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Андреемъ Овчинниковымъ. * На крыльцѣ „государева дворца“ находился постоянный караулъ въ 25 человекъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ самозванцу Яицкихъ казаковъ, составлявшихъ гвардію Пугачева и его конвой при торжественныхъ вѣздахъ.

Гвардія эта пользовалась нѣкоторыми привилегіями и составляла отдѣльную единицу въ общей организаціи пугачевскихъ войскъ, подчиненныхъ сначала одному Андрею Овчинникову, носившему званіе главнаго атамана, а потомъ раздѣленныхъ на полки различной численности, но по возможности одинаковаго племеннаго состава. Такъ Овчинниковъ командовалъ полкомъ Яицкихъ казаковъ, полковники: Иванъ Твороговъ — полкомъ Илецкихъ казаковъ, Билдинъ — Исетскихъ казаковъ, Тимоѣей Падуровъ — Оренбургскихъ и другихъ казаковъ взятыхъ въ крѣпостяхъ **, Дербстевъ — полкомъ ставропольскихъ Калмыковъ, Мусса-Аліевъ — каргалинскихъ Татаръ, Кинзя-Арслановъ — полкомъ башкирскимъ, Хлолуша — полкомъ заводскихъ крестьянъ. Всѣми лѣвыми

* Въ послѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ Яромъ.

** Въ составъ этого полка входили: Оренбургскіе, Самарскіе, Красногорскіе, Дубовскіе и Бердинскіе казаки, всего до 800 человекъ. (Показаніе Падурова 10 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 506).

солдатами командовалъ Швановичъ, а всею остальною сборною пѣхотой завѣдывалъ Казанскаго уѣзда Татаринъ Абдулъ. Артиллеріей управлялъ, подъ руководствомъ казака, Чумакова, взятый въ Татищевой крѣпости солдатъ Балмыковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ исправлять испорченныя пушки и мортиры.

Полки дѣлились на роты, человекъ во сто каждая, и ими командовали сотники, эсаулы и хорунжіе. Выборъ должностныхъ лицъ, даже и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, производился почти исключительно Яицкими казаками, имѣвшими значительное вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Обыкновенно собирался *кругъ*, которому предлагали имена кандидатовъ на должности, и „если выбираемый былъ *не по ихъ мысли*, то казаки кричали *не годенъ*.“ * Ни полковые командиры ни ихъ помощники не знали точно сколько находилось въ ихъ вѣдѣніи людей.

„Списковъ не было, показывалъ въ послѣдствіи Шигаевъ **, потому что часто прибывали и убывали, а былъ счетъ однимъ только командирамъ, коимъ въ руки и жалованье на ихъ команду отдавалось.“ Сводя показаніе многихъ лицъ, можно заключить что въ началѣ декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тысячъ человекъ съ 86 орудіями разныхъ калибровъ ***. Все это ополченіе было весьма плохо вооружено: кто кольеми, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой; ружей сравнительно было мало; Башкирцы были вооружены стрѣлами, а большая часть пѣхоты имѣла штыки воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имѣли вовсе никакого оружія и ходили подъ Оренбургъ съ одною плетью ****. Барабановъ и трубъ не

* Показаніе Наума Каалмыкова. Госуд. Арх. VI, д. № 437.

** Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 506. А. С. Пушкинъ ошибается говоря что полки имѣли одинаковый составъ въ 500 человекъ каждый и что жалованье получали одни Яицкіе казаки. Жалованье выдавалось всѣмъ, но не аккуратно, а когда были деньги.

*** Самъ Пугачевъ показывалъ что въ это время у него было до 12.000 человекъ. Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія* 1858 года, кн. 2д, стр. 25) всѣ цифры не вѣрны и самый текстъ напечатанъ съ искаженной рукописи.

**** Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI, дѣло № 467 (13).

было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрѣлами изъ орудій; „буде сдѣлается какая тревога, то собираютъ народъ атаманы, сотники и десятники (хорунжіе), а иногда и самъ самозванецъ бѣгаетъ подъ окно къ Яцкимъ казакамъ и приказываетъ, выходить въ походъ“.*

Каждый полкъ стоялъ особо въ своихъ землянкахъ и имѣлъ свое знамя, приготовленное изъ шелковой матеріи желтаго или краснаго цвѣта. На однихъ знаменахъ были нашиты кресты, на другихъ ликъ Спасителя или Николая Чудотворца.** Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отрядъ), учрежденную на рѣкѣ Сакмарѣ, ниже моста. На этой заставѣ располагалось обыкновенно до двухсотъ человекъ, а въ разѣзды по степной сторонѣ рѣки Яика посылались партіи по сту и болѣе человекъ. Сторожевая служба отправлялась конечно самымъ первобытнымъ способомъ: не было ни паролей, ни лозунговъ, а „когда по ликетамъ, показывалъ подпалорщикъ Аверкіевъ, въ ночное время разѣзжаютъ дозоры и ихъ окликаютъ, то они не больше отвѣчаютъ что *казаки*, а потому и можно безо всякой опасности объѣзжать ихъ ликеты и вѣрными изъ войскъ ея величества“.

Продовольствіе пріобрѣталось при помощи фуражировокъ, грабежа и доставки изъ селеній принявшихъ сторону самозванца. Хлѣбъ и скоть доставлялись изъ занятыхъ крѣпостей, изъ Каргалинской слободы и Сакмарскаго городка. Все это, по словамъ Оренбургской слѣдственной комиссіи, дѣлалось „почти безъ чувствованія тяжести, обнадѣясь на обѣщанныя имъ (жителямъ) льготы и вольности.“***

Вскорѣ послѣ перехода въ Берду, мятежники захватили 300 лошадей, 100 быковъ и 3.000 овецъ отправленныхъ Киргизомъ Аблаемъ для продажи въ Оренбургъ. Пугачевъ спрашивалъ Киргизовъ-погонщиковъ сколько имъ заплатить за все взятое.

* Показаніе подпалорщика Ставропольскаго баталіона Григорія Аверкіева 5 февраля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 436.

** Показаніе Астафія Долгополова. Государственный Архивъ, VI, д. № 435.

*** Всеподданнѣйшій рапортъ Оренбургской секретной комиссіи 21 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

— Намъ денегъ не надо, отвѣчали они,—а дайте намъ товаровъ.

— Товаровъ теперь нѣтъ, сказалъ самозванецъ,—подождите здѣсь.

Киргизы, до семидесяти человѣкъ, остались въ Бердѣ и служили при Пугачевѣ, а пригнанный ими скотъ употребленъ на продовольствіе толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими „*кучами* изъ разныхъ селеній“. Сюда стекались русскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе рабочіе, приписные крестьяне, „но сколько оныхъ было, говорилъ Пугачевъ, то не только онъ, но думаетъ что и Овчинниковъ не знаетъ“. * Что касается заводскихъ крестьянъ, то, по словамъ Оренбургской слѣдственной комиссіи, они были всѣхъ усерднѣе къ самозванцу, „потому что имъ отъ него также вольность обѣщана и уничтоженіе всѣхъ заводовъ, кои они ненавидятъ, въ разсужденіи тягости работъ и дальнихъ переездовъ“. **

По мѣрѣ того какъ толпа мятежниковъ увеличивалась и вліяніе самозванца въ краѣ распространилось, Яцккіе казаки пытались ввести среди ополченія нѣкоторый порядокъ и устройство. Самъ Пугачевъ почти не вмѣшивался въ администрацію, и всѣ распоряженія исходили изъ учрежденной имъ *военной коллегіи*.

Спустя нѣсколько дней по обложеніи Оренбурга, самозванецъ призвалъ къ себѣ яцкаго старшину Андрея Витошнова, казаковъ: Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, Илецкаго казака Максима Горшкава и объявилъ имъ что для управленія краемъ и войсками онъ учреждаетъ *военную коллегію*. ***

— Богъ и я великій государь, сказалъ Пугачевъ обращаясь къ Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину,—жалую васъ судьями въ военную коллегію, тебя Почиталина дьякомъ, а тебя Горшкава секретаремъ.

Пожалованные въ эти должности сначала просили избавить ихъ отъ такого назначенія, отговариваясь: Витошновъ

* Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

** Всеподданнѣйшій рапортъ Оренбургской секретной комиссіи 21 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

*** Ни Бѣлобородовъ, ни Падуровъ, какъ говоритъ Пушкинъ, не находились въ составѣ военной коллегіи.

старостью, Шигаевъ тѣмъ что онъ завѣдывалъ раздачей войску хлѣба и денегъ, а Твороговъ тѣмъ что имѣлъ много хлопотъ командуя Илецкимъ полкомъ. Пугачевъ запретилъ имъ возражать и приказалъ исполнить его волю безпрекословно, причемъ объявилъ что въ помощь имъ назначаетъ четырехъ повытчиковъ. Сперва главнымъ судьей былъ назначенъ Твороговъ, какъ полковникъ, но когда онъ самъ просилъ чтобы главнымъ сдѣлать Витошнова, какъ старшаго дѣтми, то самозванецъ согласился, но съ тѣмъ чтобы на Твороговѣ лежало все веденіе дѣла.

— Они люди безграмотные, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Творогову и указывая на избранныхъ имъ судей,—такъ ты одинъ станешь за нихъ подписывать бумаги. Тебѣ тутъ не сколько (не очень) много дѣла будетъ—только подписывай, а написать и безъ тебя есть кому.

Твороговъ повиновался этому распоряженію, и въ засѣданіяхъ коллегіи Витошновъ всегда „сидѣлъ выще Творогова, а Шигаевъ хотя и ниже ихъ сидѣлъ, по словамъ Горшкова“, но какъ онъ былъ ихъ замысловатѣе и любимѣе самозванцемъ, то они слѣдовали больше его совѣтамъ, а равно Почтадинъ и я слушали больше его“.

„Сію коллегію, показывалъ въ послѣдствіи Иванъ Твороговъ **, злодѣй учредилъ для того что ему наскучило давать самому указы свои тѣмъ которые, приходя къ нему со стороны, изъявляли свое усердіе набирать въ его службу людей или грабить помѣщичьи дома и самихъ убивать, такъ какъ (наскучило) и разбирать многія жалобы на Башкирцевъ и казаковъ, въ его толгѣ находящихся, въ обидахъ и разореніяхъ народу причиняемыхъ.“ Подобныхъ делутатовъ присланныхъ отъ селеній приходило много, и Пугачевъ принималъ ихъ всегда съ особою пріятливостью. ***

— Отъ меня, говорилъ обыкновенно самозванецъ приходившимъ,—никогда приказу такого не было чтобы дѣлать обывателямъ обиды. Я велю тебѣ дать указъ чтобы никто не разорялъ, а кто ограбленъ и къмъ именно прикажу тебѣ самому изслѣдовать.

Общанный указъ обыкновенно выдавался изъ „военной

* Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

** Въ показаніи отъ 27 октября 1774 года. Тамъ же, № 505.

*** Показаніе ясашнаго крестьянина Богорусланской слободы Гаврилы Давыдова 17 апрѣля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 431.

коллегіи“; причемъ въ немъ писалось чтобы по разслѣдованію о грабежѣ было непременно донесено и включалось требованіе чтобы присланный депутатъ склонилъ своихъ одмосельцевъ быть вѣрными государю, набралъ желающихъ въ его службу и съ ними защищалъ отъ нападена войскъ императрицы не только свое, но и сосѣднія селенія. Въ „коллегіи“ велся списокъ всѣмъ выданнымъ указамъ, и чрезъ посредство лицъ получившихъ указы администрація самозванца получала всѣ необходимыя свѣдѣнія о движеніи правительственныхъ войскъ и средства къ продовольствію собственныхъ. Всѣ хозяйственныя, стратегическія и тактическія соображенія также лежали на „военной коллегіи“: она обязана была формировать отдѣльныя отряды, указывать имъ цѣль дѣйствій, избирать пункты для сторожевыхъ постовъ и снабжать отдѣльныя команды продовольственными и боевыми припасами. „Въ сочиненіяхъ (бумагъ), показывалъ Твороговъ *, упрямались Горшковъ и понытчики, а Почитайкинъ рѣдко писывалъ, ибо мы съ нимъ худо знаемъ грамоту, а только что почти имена свои можемъ подписывать“.

„Въ сей коллегіи, говорилъ Горшковъ **, никакихъ письменныхъ судовъ не производилось, а разбираемы и рѣшаемы оныя были судьями на однихъ словахъ. Письменное же въ ней производство было только такое что даваемы были отъ нея наставленія поставленнымъ отъ самозванца начальникамъ, посылаемымъ отъ него въ разныя мѣста для покоренія народа, доставленія провіанта, фуража, разграбленія господскихъ пожитковъ и проч.“

Всѣ распоряженія „военной коллегіи“ приводились въ исполненіе по большей части безъ доклада и утвержденія Пугачева, считавшаго что въ глазахъ толпы его значеніе какъ государя будетъ тѣмъ выше чѣмъ меньше онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношеній со мнимыми своими подданными. Никто, напримѣръ, не имѣлъ права входить во дворецъ государя безъ доклада казака Якова Давилина; любимца самозванца, исполнявшаго при немъ обязанность дежурнаго генераль-адъютанта.*** Онъ обязанъ былъ ежедневно

* Показаніе Творогова 27 октября 1774 Госуд. Арх., VI, д. № 505.

** Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

*** Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 Госуд. Арх., VI, д. № 506. Этотъ Давилинъ въ послѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ Яркомъ.

представлять своему безграмотному повелителю записки о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Записки эти составлялись въ „военной коллегіи“ и заключали въ себѣ преимущественно свѣдѣнія о пріѣзжихъ. „Пріѣзжалъ за казной, сказано въ одной *, Яицкаго полка есаулъ Иванъ Ѳедоровъ Кузнецовъ.

„Еще взялъ сотникъ Иванъ Васильевичъ Изюмовъ восемь лушекъ“.

Пугачевъ принималъ эти донесенія съ важностью государя, о чемъ конечно не имѣлъ никакого понятія, а поступалъ такъ какъ казалось ему должны поступать государю. Однажды во время бомбардированія Оренбурга, находясь со своими сообщниками въ церкви Св. Георгія Побѣдоносца, бывшей вблизи города въ форштадтѣ, самозванецъ сѣлъ на престола желая убѣдить присутствующихъ что онъ истинный государь. **

— Вотъ, дѣтушки, говорилъ онъ, — двѣнадцать лѣтъ уже какъ я не сиживалъ на престолѣ.

Хотя этотъ поступокъ и послужилъ для нѣкоторыхъ доказательствомъ что Пугачевъ истинный государь, но были и такіе которые говорили что „еслибъ и подлинно онъ былъ царь, то не пригоже сидѣть ему въ церкви на престолѣ“. Такія лица должны были сохранять свое мнѣніе въ тайнѣ, потому что Пугачевъ не церемонился со своими сообщниками и вѣшалъ всѣхъ въ коихъ видѣлъ сомнѣніе въ своей личности. Онъ не пощадилъ самаго близкаго къ себѣ человека, Дмитрія Лысова, бывшаго у него полковникомъ, и какъ только тотъ въ пьяномъ видѣ проговорился что знаетъ откуда явился государь, то уже на слѣдующее утро былъ повѣшенъ. Отставной солдатъ Сорочинской крѣпости былъ повѣшенъ за то что „въ пьянствѣ говорилъ съ бабой, которая пила вино за благополучный успѣхъ взятія Оренбурга, а солдатъ отвѣчалъ что нынѣ де время зимнее, какъ можно его взять“***.

Довосы и шпіонство другъ на друга были развиты въ лагерь самозванца въ высшей степени, и счастливъ былъ тотъ

* Госуд. Арх., VI, д. № 512.

** Показаніе прапорщика 2го гренадерскаго полка Михаила Ивановича 17 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506. Срав. *Русскую Старину* 1870 года, т. II, стр. 418. Память измѣнила разсказчику, и онъ передалъ фактъ невѣрно.

*** Показаніе солдата Ставропольскаго баталіона Наума Калмыкова. Госуд. Арх., VI, д. № 437.

на кого доносили не прямо самозванцу, а въ „военную коллегію“. Пугачевъ вѣшалъ безъ суда и разбора, а въ „военной коллегіи“ судили словеснымъ судомъ и въ случаѣ явныхъ уликъ вѣшали, а въ случаѣ недостатка въ доказательствахъ обвиняемый освобождался отъ наказанія, если призывалъ Бога во свидѣтели своей невиновности и соглашался произнести установленную для этой цѣли клятву.

„Азъ нижепоименованный, долженъ былъ произнести оныя обѣщанія и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангелиемъ, что клевететь на меня тотъ (имя обвинителя) что я одѣлалъ то-то. Азъ же ей-ей и ни-ни, какъ сіе божественное Евангеліе учитъ и заповѣдаетъ, что я того не дѣлывалъ. А если я сказалъ ложно и что мнѣ изглаголаво пресвитеромъ клянущихся и неправедно, то буду отлученъ отъ свѣта единого Бога въ семь нынѣшнемъ и будущемъ мѣрѣ и затрясусь яко Каиъ и да приму проказу, геену и удавленіе Іудино и смерть Анашину и жены его Салфиры и буду я съ беззаконными еретиками въ жилищѣ вѣчнаго огня уготованнымъ и не обрящу Славу въ день воздаянія и да казнить мя Вышній Царь, яко преступника и супостата. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.“

Самъ Пугачевъ никакихъ разбирательствъ не производилъ и былъ строгъ со своими сообщниками. Никто не смѣлъ „никогда подавать ему никакихъ совѣтовъ, показывалъ Максимъ Шигаевъ,* а тѣмъ меньше выспрашивать о чемъ-нибудь, ибо самозванецъ надо всѣми безъ различія велѣть большую строгость и часто выговаривалъ что оны не любятъ ни совѣтниковъ, ни указчиковъ“. Просителей и доклады „военной коллегіи“ Пугачевъ принималъ обыкновенно сидя въ креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренбургскаго губернатора, и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавою, а другаго съ топоромъ, знаками власти. Всѣ приходившіе съ просьбами обязаны были кланяться въ землю, цѣловать руку и затѣмъ излагать дѣло, величая Пугачева: „надѣжа государь“, „ваше величество“, а иногда и просто „батюшко“. Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачевъ въ торжественныхъ случаяхъ носилъ шаровары мадиноваго бархата, бешметъ голубаго штофа, черную

* 29 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

мерлушечью шапку съ бархатнымъ малиновымъ дномъ и бѣлую рубашку съ косымъ воротомъ. Вооруженіе его состояло изъ сабли и двухъ пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе какъ поддерживаемый лодъ обѣ руки жившими у него дѣвками или Татарками, пріѣзжавшими изъ Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При такомъ парадномъ шествіи самозванца Яцкіе казаки глѣва глѣсною, нарочно ими въ честь его сочиненною, а писарь командира Исетскаго полка Билдина, Иванъ Васильевъ, долженъ былъ играть на скрипкѣ.

„Во время такихъ веселостей всѣ наливались до пьяна, а самозванецъ отъ излишняго питья воздерживался и употреблялъ рѣдко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили къ нему разныхъ съѣстныхъ припасовъ изобильно“. * Каждый старшина или предводитель партіи обязанъ былъ представлять самозванцу все лучшее изъ награбленнаго имущества, что и присылалось при особыхъ запискахъ или рапортахъ въ родѣ слѣдующаго:

„Его императорскому величеству и всея Россіи Государю Петру Федоровичу.

Отъ атамана и вѣрнаго вашего величества
раба Ильи Аралова

покорнѣйшій рапортъ.

При сей случившейся радостной вашего величества оказіи, отъ изверженныхъ и недостойныхъ вашего величества рабовъ, которые безчувственно ослѣплясь сами себя отрѣклись—собрано (захвачено) разныхъ сортовъ *кусу* (провизіи) и другихъ тому подобныхъ вещей, присемъ съ нарочно посланнымъ отъ меня хорунжимъ Василиемъ Жоновымъ, съ приложеніемъ при этомъ обыкновеннаго реестра, ** въ покорности моей посылаются.“

* Показаніе Горшкова 8 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 506.

** Реестръ, коликое число послано *кусу* къ его императорскому величеству, а именно: сахару три головы, винограду боченковъ два, рыбы свѣжей: осетръ одинъ, севрюга одна, бѣлорыбица одна, севрюгъ провѣсныхъ двѣ, ягодъ изюмныхъ небольшое число завернутое въ бумажкѣ, сорочимскаго пшена небольшое число, водки сладкой, сургуча въ завернутой бумажкѣ два лучка, бумаги писчей одна стопа, сотовъ три глѣзда, гусей четыре глѣзда, утокъ четыре глѣзда,

Кушанье приготовляли двѣ жившія у Пугачева русскія дѣвки, изъ коихъ одна была та самая дворовая капитана Нечаева которая явилась къ самозванцу въ Чернорычѣ съ жалобой на жестокость своего господина. Иногда же, за отсутствіемъ дѣвокъ, обязанность ловара исполнялъ Яцкій казакъ Козьма Фофановъ, жившій всегда въ домѣ Пугачева, бывшій его дворецкимъ и хранителемъ награбленныхъ денегъ и пожитковъ. *

Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены „военной коллегіи“ и нѣкоторые изъ Яцкихъ казаковъ. Первый гость Пугачевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ высѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй всероссійскій наследникъ Павелъ Петровичъ, провозносилъ самозванецъ, и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, говорилъ онъ; — какъ бы де его окаянныя злодѣи не извели.

Самозванецъ старался убѣдить толпу что князь Григорій Орловъ ищетъ случая похитить Павла Петровича, хочетъ жениться на государынѣ и вступить на престолъ. Объячая истребить всѣхъ Орловыхъ, Пугачевъ иногда, подъ пьяную руку, высказывалъ планы будущихъ своихъ дѣйствій. Планы и предположенія эти были весьма шатки, неопредѣленны и противорѣчивы: то онъ говорилъ что царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича, то высказывалъ что самъ вступить на престолъ и благодѣтельствуетъ своихъ подданныхъ. **

— Надобно, однакоже, прежде всего взять Орѣбургъ, замѣчалъ Пугачевъ, — а тамъ будетъ другое дѣло. Пойду на Казань, оттуда въ Москву, приму тамъ царство и буду писать великому князю чтобы ко мнѣ пріѣхалъ. Если государыня меня встрѣтитъ безъ брани, съ честью, то ее тогда прощу и куда похочетъ, въ свою ли прежнюю землю ѣхать, или въ

маса коровьяго одна кадка, рюмокъ хрустальныхъ одна пара, стопа хрустальная одна съ покрывкой, маку фунтовъ съ десять. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

* Показаніе Козьмы Фофанова 7 декабря 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512.

** Показанія Зарубина (Чики), Почталина и другихъ.

монастырь Бога молить о своихъ грѣхахъ. Богъ судя тетущкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, она меня молода женила и оттого я спозналъ чужую сторону и былъ въ такой бѣдности!

Желая польстить Яицкимъ казакамъ, Пугачевъ говорилъ что уничтожить Петербургъ, и отдааетъ Яицкій городокъ своею столицей, что велитъ „держать всѣмъ старую вѣру“, запретить брить бороды и носить немецкое платье „и будутъ, говорилъ онъ, всѣ ходить въ казачьемъ платьѣ“. Съ приближенными императрицы самозванецъ обещалъ поступить очень строго и беспощадно, такъ какъ, по его словамъ, они одни были причиной его скитальческой жизни.

— Я, говорилъ Пугачевъ, — съ церкви велѣлъ кресты снять тѣ которые сдѣланы крыжемъ, какъ на киркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, а бояры взвели на меня будто я церкви обращалъ въ кирки, чего у меня и въ мысляхъ не бывало. Главная причина вотъ чѣмъ я имъ былъ не любъ: многіе молодые люди изъ бояръ и середовици (среднихъ дѣтъ) бывало еще при тетущкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а потомъ и при мнѣ, годные бы еще служить, взявъ чинъ пойдуть, въ отставку, живутъ себѣ въ деревнѣ и разоряютъ бѣдныхъ крестьянъ. Я сталъ таковыхъ принуждать къ службѣ и хотѣлъ отнять у нихъ деревни чтобъ они служили на одномъ жалованьи, а судей которые дѣла судятъ несправедливо и притѣсняютъ народъ наказывалъ и смерти хотѣлъ предавать. Вотъ за это и стали они копать подо мною яму, и когда я поѣхалъ по Невѣ-рѣкѣ гулять въ шлюпкѣ, то они тутъ меня и заарестовали, показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свѣту, и гдѣ только я ни былъ и какой нужды ни претерпѣлъ!... Да что объ этомъ говорить много, вамъ самимъ вѣстимо; помните какъ вы меня обрѣли: рубашка на мнѣ гроша не стоила. Теперь, утвердясъ на царствѣ, буду стараться чтобъ все было порядочно и народъ отягощенъ не былъ. Отъ дворянъ лучше всѣ деревни отнять и опредѣлить имъ жалованье, хотя бы и большое. Васъ же, Яицкихъ казаковъ, буду жаловать всякою вольностію и деньгами. Учредивъ такъ все порядочно, пойду воевать въ другія земли—я вѣдь служивый человекъ, мнѣ на одномъ мѣстѣ не усидѣть. Пойдемъ мы воевать по всѣмъ государствамъ, и мнѣ во всемъ будетъ удача.

Такъ говорилъ Пугачевъ, стараясь возбудить къ себѣ сочувствіе, польстить самолюбію присутствующихъ и убѣдить

ихъ въ томъ что онъ истинный государь Петръ Федоровичъ. Тѣ Яцкіе казаки которые знали истинное происхождение Пугачева, старались помочь самозванцу и установили чтобы всѣ лѣвые солдаты, при приближеніи Пугачева, сами безъ приказанія становились на колѣни и черезъ то „многимъ мужикамъ дѣлала увѣреніе что онъ подлинно царь“ *.

— Вотъ, други мои, говорилъ въ такихъ случаяхъ Пугачевъ окружающей его толпѣ,—эти господа служивые нѣсколько разъ видѣли меня когда я царствовалъ, а потому и вы, мужики, должны увѣриться что я есть подлинный царь, а не самозванецъ.

Солдатамъ дарили платье, деньги, лошадей, а толпа вѣрила словамъ Пугачева, потому что хотѣлось вѣрить, потому что будущее казалось лучше прошлаго. Когда въ началѣ блокады Оренбурга матежники захватили шедшую изъ Петербурга почту и нашли въ ней манифестъ императрицы, то Пугачевъ приказалъ прочесть его предо всѣмъ народомъ.

— Смотрите, пожалуй, сказалъ онъ,—какъ они меня называютъ—Емельяномъ Пугачевымъ! Добро де, до времени терпѣть буду, а потомъ всѣ узнаютъ что я истинный государь.

Въ другой разъ, когда изъ крѣпости кричали что онъ самозванецъ, Пугачевъ показывалъ видъ что на это не сердится.

— Чтѣ на нихъ лезать! говорилъ онъ;—они бѣдные обмануты и почитаютъ меня мертвымъ.

Въ Бердинской слободѣ жили праздно и весело. Это была вертедь разврата, пьянства и буйства всякаго рода. Пугачевъ имѣлъ пять наложницъ, въ числѣ коихъ была и жена покойнаго Харлова, въ послѣдствіи повѣшенная по приказанію самого же Пугачева. Остальныя жены и дочери офицеровъ, захваченныя по крѣпостямъ, были отданы на поруганіе общникамъ самозванца.

Почти ежедневныя казни составляли общественное зрѣлище, и трупами несчастныхъ были завалены всѣ овраги, гдѣ мертвыя тѣла валялись полураздѣтыми, нагами, и незарытыми въ землю. Иногда Пугачевъ самъ присутствовалъ при казняхъ, и тогда выходилъ или выѣзжалъ изъ своего дворца въ сопровожденіи своей гвардіи. Отъ нечего дѣлать въ Бердѣ устраи-

* Показаніе Хлопуши 10 мая 1774.—Показаніе Зарубина (Чуку).—Показаніе Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. №№ 422, 467 (13) и 506.

вались скачки, стрельба въ цѣль, или смотрѣли на пляску двухъ медвѣдей, приведенныхъ въ подарокъ самозванцу заводскими мужиками. Будучи хорошимъ стрѣльцомъ, Пугачевъ часто забавлялся стрѣльбой, пробивалъ кольчугу, набитую свинномъ или на всемъ скаку попадалъ въ шалку поднятую на кольяхъ *. Присутствуя на скачкахъ, самозванецъ высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у своихъ сообщниковъ и отправлялъ на свою конюшню чтобъ имѣть въ запасъ на случай бѣгства. Мысль о возможности бѣгства не покидала самозванца, и онъ никогда не вызжалъ иначе какъ имѣя за собой пять или шесть хорошихъ заводныхъ лошадей. Отправляясь подъ Оренбургъ, Пугачевъ всегда переодевался въ самое простое платье чтобъ его не узнали и держался въ сторонѣ отъ выстрѣловъ **.

Такова была обстановка въ лагерѣ самозванца, когда Перфильевъ и его спутники пріѣхали въ Берду. Перфильевъ тотчасъ же отправился къ атаману Овчинникову.

— Зачѣмъ пріѣхалъ? спросилъ хозяинъ вшедшаго гостя.

— Служить государю, отвѣчалъ тотъ.

— Ты не самъ пріѣхалъ, а прислалъ, конечно, изъ Петербурга за чѣмъ ни есть, но не проста.

— Будучи въ Петербургѣ, я услышалъ про проявившагося здѣсь государя, бѣжалъ оттуда съ тѣмъ чтобы поступить къ нему на службу.

— А какъ же ты, спрашивалъ вкрадчиво Овчинниковъ, — ушелъ оттуда не окончивъ нашего войскового дѣла?

— Да нечего уже тамъ покаковы-то терять, отвѣчалъ Перфильевъ.—Вѣдь самъ знаешь что не скоро дождешься конца. Прослышавъ что здѣсь государь, я разсудилъ что лучше у него милости просить.

Последнія слова возбудили въ Овчинниковѣ еще большее подозрѣніе относительно пріѣзда Перфильева. Какія милости просить будетъ, когда милости уже пожалованы государемъ войску? Кто уполномочивалъ его быть здѣсь ходатаемъ? Это такіе вопросы, на которые и самъ Перфильевъ не могъ отвѣтить. Онъ видѣлъ что Овчинниковъ не вѣритъ его словамъ, что его допрашиваютъ, въ немъ сомнѣваются, и тогда онъ рѣшился во всемъ признаться откровенно.

* Показаніе подпиралорщика Аверкіева 5 февраля 1774. Госуд. Арх. VI, д. № 436.

** Показаніе Ивана Почталина 8 мая 1774; тамъ же, № 506.

— Я присланъ отъ графа Орлова, говорилъ Перфильевъ,— васъ казаковъ уговарить чтобы вы отстали отъ самозванца и его связали. Если казаки это сдѣлаютъ, то государыня обѣщаетъ не только прощенье, но и милость такую чтобъ остаться намъ при старыхъ обрядахъ.

— Слушай, Аѳанасій! коли бы ты не былъ мнѣ знакомъ, говорилъ на это Овчинниковъ,— и я бы тебя не любилъ, то тотчасъ бы сказалъ государю. Но мнѣ жаль тебя; люблю ты на все это и служи нашему батюшкѣ вѣрно. Онъ намъ оказалъ уже милости: пожаловалъ насъ водами и сѣнокосами, крестомъ и бородой и обѣщаетъ намъ еще жалованье—чего же больше. Онъ точный государь Петръ III, мы довольно въ семь увѣрены. Вольно же имъ называть его Пугачевымъ, пусть называютъ какъ хотятъ. Они скрываютъ прямое его названіе отъ простыхъ людей, а на обѣщаніе ихъ смотрѣть нечего, довольно мы отъ нихъ потерпѣли. Теперь мы сами все въ своихъ рукахъ имѣть будемъ; теперь, братья, мы сами резолюціи дѣлаемъ. Полно, перестань и не могъ ты никому объ этомъ (о порученіи) сказывать; служи вѣрно государю и скажи ему прямо зачѣмъ сюда присланъ.

Въ тотъ же день Овчинниковъ представилъ пріѣхавшаго самозванцу.

„Коль скоро взглянулъ на злодѣя, показывалъ въ послѣдствіи Перфильевъ, то въ сердце колынуло что не государь онъ, а какой ни есть простой мужикъ, однакожь поклонился злодѣю въ ноги“.

— Откуда ты? спросилъ Пугачевъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ Перфильевъ.

— Зачѣмъ ты былъ въ Петербургѣ?

— Я, батюшка, для войсковой просьбы туда ѣздилъ, да недождавшись резолюціи, прослыша про ваше величество что вы здѣсь, оставя просьбу свою бѣжалъ сюда къ вамъ и кочу служить вашему величеству вѣрно и правдою.

— Полно такъ ли, замѣтилъ Пугачевъ;—не шлюнацать ли пришелъ и не подослалъ ли тебя меня извести?

— Нѣтъ, ваше величество, я право отнюдь противъ васъ не имѣю никакаго злога намѣренія, сохрани меня Господи! а пріѣхалъ чтобъ усердно вамъ служить.

— Ну, когда это правда, такъ служи мнѣ, какъ и другіе ваши казаки служатъ, и я тебя не оставляю.

По возвращеніи Перфильева, Овчинниковъ спрашивалъ его: сказалъ ли онъ Пугачеву зачѣмъ присланъ.

— Нѣтъ, не сказалъ.

— Такъ поди же скажи, а то какъ провидается похию меня, тебѣ хуже будетъ.

На другой день Перфильевъ опять отправался къ самозванцу.

— Что скажешь? спросилъ Пугачевъ.

— Виновать я предъ вами, говорилъ Перфильевъ, кланяясь въ ноги,—что вчера вамъ правды не сказалъ и отъ васъ ее утаилъ.

— Богъ проститъ, коли виновъ; но скажи, что отъ меня утаилъ?

— Я былъ въ Петербургѣ, и оттуда государыня послала меня на Яикъ и велѣла все Яицкое войско уговаривать чтобы оно отъ тебя отстало, пришло бы въ повиновеніе ея величеству, а тебя бы связали и привезли въ Петербургъ.

— Ну, вотъ, вѣдь я угадалъ вчера что ты присланъ со злымъ намѣреніемъ, сказалъ самозванецъ.—Но я не боюсь ничего и думаю что мнѣ никто дурного не сдѣлаетъ.

— Я съ тѣмъ и на Яикъ ѣздилъ, продолжалъ Перфильевъ,—и объ ономъ Симонову разказалъ. Симоновъ меня сюда, а товарища моего, который со мною изъ Петербурга прѣхалъ, къ Толкачеву послалъ уговаривать казаковъ. Но я этого, такъ и товарищъ мой дѣлать не хотимъ и сохрани меня Богъ! Я никакъ не думалъ сіе противъ васъ дѣлать, а желаю служить вамъ вѣрно.

— Поди и служи, сказалъ Пугачевъ;—вотъ уже я съ тѣми которые тебя послали расправляюсь. А что про меня говорить?

— Да Богъ знаетъ, батюшка; слыхалъ въ кабакахъ отъ черни, да и то не въявь, а тихонько говорятъ что явился около Оренбурга императоръ Петръ III и беретъ города и крѣлости...

— Это правда, перебилъ его Пугачевъ;—ты самъ видишь сколько взято крѣлостей, а народу у меня какъ песку. Дай сроку, будетъ время и къ нимъ въ Петербургъ заберемса, моихъ рукъ не минуютъ. Я знаю что вся чернь меня съ радостію вездѣ приметъ, лишь только услышитъ. Теперь въ Петербургѣ вамъ просить уже нечего, мы и безъ просьбы съ ними раздѣлаемса. Что говорятъ про меня бояра въ Петербургѣ?

— Бояры межъ собою шушукуются и собираются они, да и государыня ѣхать за море.

Пугачевъ улыбауся; онъ зналъ что Перфильевъ вретъ.

— Ну, болры-то таковскіе, замѣтили самозванца, — а госу- дарынъ-то зачѣмъ вѣхать — а не помню ея грубостей, пусть бы только она лопла въ монастырь. Какое Павель Петровичъ?

— Хорошъ и великъ; онъ уже обрученъ.

— На комъ?

— На какой-то изъ нѣмецкой земли привдессѣ, и зовуть ее Наталья Алексевна.

Пугачевъ сдѣлалъ видъ будто крайне обрадованъ этимъ извѣстіемъ, нахлопъ Перфильева дольяна, подарилъ ему карма- зинный красный кафтанъ, тринадцать рублей денегъ и своего сѣраго коня.

„Послѣ сего, показывалъ Перфильевъ, * ни одного казака уже не склонялъ, да и изъ сердца своего все объявленное отъ графа Орлова повелѣніе истребилъ, а только думалъ и старался о томъ чтобы показать злодю услугу, а чрезъ то и быть большимъ человѣкомъ.“

Воспользовавшись прибытіемъ Перфильева, самозванецъ и его сообщники стали распускать слухъ что въ Берду при- вѣхалъ изъ Петербурга посланный съ извѣстіемъ что цесаре- вичъ Павель Петровичъ идетъ навстрѣчу къ своему отцу съ большимъ войскомъ и тремя генералами. Спустя нѣсколько дней, а именно 9 декабря, Пугачевъ съ толпой тысячи въ двѣ подошелъ къ Оренбургу чтобы показать Перфильева тѣмъ Яицкимъ казакамъ которые знали о посылкѣ его въ Петербургъ, находились въ крѣпости и остались вѣрными правительству.

Выѣхавъ впередъ, Перфильевъ намѣренъ былъ войти въ переговоры съ казаками собравшимися на валу.

— Угадываете ли вы, казаки, кричалъ онъ, — кто я?

— Мы видимъ что ты казакъ, отвѣчали изъ крѣпости, — но кто ты таковъ — не знаемъ.

— Я Перфильевъ, былъ въ Петербургѣ и присланъ оттуда къ вамъ отъ Павла Петровича съ тѣмъ чтобы вы шли и слу- жили его величеству Петру Федоровичу.

— Коли ты подлинно присланъ съ этимъ отъ Павла Петро- вича, такъ покажи намъ руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчасъ всѣ пойдемъ.

— На что вамъ строчка? кричалъ Перфильевъ, — я самъ все письмо.

* Госуд. Арх., VI, д. № 512 (1).

Казакъ не пострадалъ; въ одну изъ кучъ было пушено ядро изъ крѣпости, и толпа ятешскихонъ возвратилась въ лагерь безо всякаго успѣха; * а въ Оренбургѣ въ этотъ день было получено извѣстие что Каръ отступилъ по Ново-Московской дорогѣ, ** и слѣдовательно разчитывать на его помощь было нечего.

Рейнсдорлъ принужденъ былъ теперь созваться какъ опрометчиво поступилъ онъ отказавшись отъ содѣйствія и помощи предложенныхъ ему Деколонгомъ. Оренбургскій губернаторъ оправдывался тѣмъ что „скорѣе имъ генераламъ-майорамъ (Кару и Фрейману) съ войсками нежели сибирскому корпусу прибыть сюда уловалъ. Только къ крайнему моему сожалѣнью, прибавлялъ онъ, *** реченныхъ генераль-майоровъ не только лопытѣ сюда дожидаться, но по неоднократнымъ моимъ чрезъ нарочныхъ предложеніямъ и увѣдомленія отъ нихъ получить не могу, гдѣ они и въ какомъ состоянн находятся. „По причинѣ чего, *будучи со жтннелмъ вашего превосходительства весьма согласенъ*, прошу для содѣйствія здѣшнимъ войскамъ корпусъ подъ предводительствомъ генераль-майора Станиславскаго или кого другаго отправить сюда весь совокупно, ибо отправленіе раздробленное подвергается крайнему предосужденію.“

Сообщая Деколонгу что городъ Оренбургъ крайне нуждается въ продовольствіи и что запасовъ можетъ хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, Рейнсдорлъ просилъ заготовить провіантъ въ Исетской провинціи и прислать его съ отрядомъ Станиславскаго.

Почти поголовное возстаніе Башкирцевъ, ихъ грабежи и разореніе русскихъ селеній лишили Деколонга всякой возможности оказать какую-либо помощь Оренбургу. Опасаясь за городъ Челябинскъ и Екатеринбургскіе заводы, Деколонгъ принужденъ былъ прикрывать ихъ и принять мѣры къ ихъ охраненію. „Сверхъ того, писалъ Деколонгъ, **** за поженіемъ

* Показаніе Перфильева отъ 12 сентября 1774 года. Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. №№ 425 и 512.

** Лѣтопись Рычкова. См. Сочиненія Пушкина. Т. VI. Изд. 1881 года. Приложение, стр. 317.

*** Въ отношеніи Деколонгу отъ 10 декабря 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, ч. VI.

**** Генераль-поручику Брандту отъ 22 декабря 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, ч. VI.

Башкирцами по линии почты всѣхъ редутовъ и по неимѣнію подвѣздъ, по нынѣшнему зимнему холодному времени маршировать къ Оренбургу между крѣпостами, совсѣмъ нежелательными мѣстами, слишкомъ по семидесяти верстѣ должно съ великимъ для солдатъ изнуреніемъ.“

Такимъ образомъ отказъ Деколонга лишилъ Рейнедора послѣдней надежды на скорую помощь. Защита города предоставлялась собственнымъ средствамъ гарнизона, и освобожденіе его отъ осады откладывалось на неопредѣленное время.

VI.

Положеніе генералъ-майора Кара и его отряда.—Просьба о присылкѣ подкрѣпленій.—Отступленіе къ Бугуямыѣ.—Отъѣздъ Кара въ Петербургъ для объясненій съ графомъ Чернышевымъ.—Состояніе Казанской губерніи.—Прибытіе Кара въ Москву.—Тѣлки въ первопрестольной столицѣ.—Смѣна Кара.—Неудовольствіе императрицы.

Послѣ неудачи испытанной въ дѣлѣ подъ деревней Юзеевою, генералъ-майоръ Каръ признавалъ невозможнымъ какое бы то ни было наступательное движеніе съ тѣми силами которыя были въ его распоряженіи. Правда что на подкрѣпленіе его прибыли два орудія съ прислугой и 500 человекъ Башкирцевъ и Мещеряковъ, но все это не улучшало положенія отряда. Башкирцы и Мещеряки хотя и увѣряли что готовы служить, но когда имъ приказано было расположиться верстахъ въ двадцати отъ отряда для развѣдыванія о непріятелѣ, то старшины просили оставить ихъ лучше въ той деревнѣ гдѣ стоитъ лѣхота и пушки. Такое подкрѣпленіе только обременяло отрядъ, а не усиливало его, и Каръ рѣшился просить о присылкѣ къ нему хотя по одному полку лѣхоты, карабинеровъ и гусаровъ, и 12 орудій съ полнымъ числомъ прислуги.

„Безъ того, писалъ онъ, * съ успѣхомъ поиску къ истребленію бездѣльника Пугачева никакого способа не остается сдѣлать. Собранною нынѣ разныхъ командъ лѣхотой не только атаковать всю злодѣйскую толпу, но и отдѣленные отъ оной, для грабительства и разореніевъ, съ пушками партіи прогонять способу вѣтъ.“

* Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773. *Записки Академіи Наукъ*. Т. I. Приложение, стр. 31.

Въ самомъ дѣлѣ, получаемыя извѣстія подтверждали что толпа мятежниковъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ и что самозванецъ располагаетъ уже 70 орудіями, съ значительными запасами пороха и сварядовъ. Хотя слухи эти во многомъ были преувеличены, но не имѣя возможности ихъ провѣрять, Каръ не рѣшился двинуться впередъ. „Теперь принужденъ только *маячить*, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву, * а къ Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей, отъ морозовъ и злодѣйской канонады, безплодно только потерять. Въ полѣ вышныи занимать не можно, а въ деревняхъ, по рѣдкости ихъ и по состоянію все въ ямахъ, окруженныхъ горами, никакъ держаться нѣтъ средствъ, для того что по чрезмѣрной стужѣ людей тотчасъ всѣхъ переэнобишь, безъ провіанта и безъ выстрѣловъ останешься.“

Поставленный въ затруднительное положеніе, Каръ не находилъ ничего другаго какъ отступить къ Бугульмѣ и, прикрывъ границы Казанской губерніи, оставаться въ такомъ положеніи до прибытія подкрѣпленій, такъ какъ „*съ одною пѣхотой предпринять ничего не можно, безъ совершеннаго ея измуренія и безо всякаго успѣха*“. **

Предупреждая что замедленіе въ присылкѣ войскъ затруднитъ въ будущемъ прекращеніе волненій и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь что правительство не оцѣнитъ вполнѣ положенія дѣла подъ Оренбургомъ, генераль-майоръ Каръ рѣшился самъ отправиться въ Петербургъ, для личныхъ объясненій съ графомъ Чернышевымъ.

„Пока еще слѣдующая войска сюда собираются, писалъ онъ, *** учредивъ все нужное, по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы есть, для переговоровъ съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, поруча команду генераль-майору Фрейману (который мнѣ кажется человѣкъ хорошей и ничего нужнаго къ исполненію не упустилъ), намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, *ибо то время, которое употребляю*

* Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи Наукъ*. Т. I. Приложение, стр. 31.

** Репортъ генераль-майора Кара Военной Коллегіи отъ 15 ноября 1773. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ). Кн. I, листъ 312.

*** Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773. *Записки Академіи Наукъ*. Т. I. Приложение, стр. 31.

на пѣду еяго и съ возератомъ, здѣсь база всякихъ предпріятій въ протечетъ!“

Заявленіе Кара не было одобрено въ Петербургѣ, и графъ Чернышевъ, въ день полученія письма, отправилъ курьера съ требованіемъ чтобы Каръ не отлучался отъ своего отряда. „Намѣреніе ваше, писалъ президентъ Военной Коллегіи, * чтобъ оставя порученную команду ѣхать сюда, учинили вы неосмотрительно и буде оное исполните, то поступите точно протаву военныхъ регулъ и для того симъ предупреждая, рекомендую вамъ отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни подъ какимъ видомъ не отлучаться; а буде уже въ пути сюда находитесь, то гдѣ бы вы сіе письмо ни получили, хотя бы то подъ самымъ Петербургомъ, изволите тотчасъ съ того мѣста не ѣздя далѣе возвратиться и какъ наискорѣе ѣхать къ порученной вамъ командѣ, куда всемѣрно не замедлится доставлена вамъ быть вся требуемая нынѣ и впредь по представленіямъ вашимъ резолюція.“

Генералъ-майоръ Каръ не дождался ни резолюціи, ни этого письма. Дойдя до селенія Шалты и почувствовавъ „во всѣхъ костяхъ нестерпимый ломъ“, доведшій до того „что и лошадиныя силы терять началъ“, онъ сдалъ 18 ноября начальство надъ отрядомъ генералъ-майору Фрейману. Приказавъ ему остановиться въ Бугульмѣ и расположившись тамъ на зимовыя квартиры ожидать прибытія подкрѣпленій, ** Каръ уѣхалъ въ Казань, гдѣ своимъ появленіемъ произвелъ переполохъ среди населенія.

Еще задолго до пріѣзда Кара жители Казани находились въ большомъ страхѣ, и „вѣстей у насъ кромѣ худыхъ, иныхъ нѣтъ, писалъ Платонъ Любарскій Н. Н. Бантышъ-Каменскому, *** и народъ въ крайнемъ смущеніи, какъ во тьмѣ находится“. По городу ходили самыя недѣльные и преувеличенныя слухи объ успѣхахъ Пугачева и объ опасности угрожающей населенію. 3 ноября преосвященный Веніаминъ получилъ вышедшриведенное нами письмо императрицы и тотчасъ

* Въ письмѣ Кару отъ 25 ноября 1773. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Академіи*. Т. I. Приложение, 32.

** Репортъ Кара Военной Коллегіи отъ 18 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, 309.

*** Архимандритъ Спасо-Казанскій, въ письмѣ отъ 14 ноября 1773. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

поручилъ Платону Любарскому составить утѣреніе къ народу. 4 ноября оно было уже написано и разошлось по всемъ мѣстамъ епархіи. *

Напомнивъ о бѣдственныхъ для Россіи временахъ Гришки Отрельева и Стеньки Разина, преосвященный Веніаминъ въ посланіи къ своей паствѣ убѣждалъ население что Пугачевъ есть самозванецъ и похититель чужаго имени. Находясь въ Петербургѣ, ** будучи очевидцемъ и участникомъ при погребеніи императора Петра III, Казанскій архіепископъ писалъ своей паствѣ что тѣло покойнаго императора было при немъ привезено на утренней зарѣ въ Александро-Невскій монастырь, стояло въ тѣхъ самыхъ покояхъ гдѣ жилъ преосвященный и что на его глазахъ приходили къ покойному для отдачіи христіанскаго долга вельможи и люди всѣхъ званій. Преосвященный Веніаминъ свидѣтельствовалъ что въ сопровожденіи многочисленной толпы народа тѣло императора Петра III перенесено изъ его покоевъ въ церковь, тамъ отпѣто и самимъ имъ запечатлѣно земною перстью.

Архіепископъ Казанскій просилъ своихъ духовныхъ дѣтей не вѣрять никакимъ разглашеніямъ. „Твердитесь разумомъ, писалъ онъ въ своемъ посланіи, бодрствуйте въ вѣрѣ, стойте непоколебимо при присягѣ, яко и смертію залечатаѣти вамъ любовь и покореніе къ Высочайшей власти. Мужайтесь противъ всѣхъ ратоборцевъ, льстецовъ и нарушителей общія тишины и благоденствія, утверждайтесь и утверждайте въ благодушномъ повиновеніи, Господа ради, аще ли монархивъ, яко законной преобладающей, аще ли княземъ, яко отъ нея посланнымъ...“

„Препоясаша чресла ваша истинною, примите въ защищеніе правды вся оружія Божія, яко возможи вамъ противу коземъ

* Утѣреніе начинается словами: „Долгъ паптырскаго нашего званія“ и проч. Оно напечатано сначала въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1844 года, № 37, потомъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1860 года, кн. II, 83, и наконецъ въ *Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, № 22. Въ *Казанскихъ Вѣдомостяхъ* и *Чтеніяхъ* невѣрно обозначенъ октябрь 1773 года, а въ *Вятскихъ Вѣдомостяхъ* ни мѣсяць, ни годъ не обозначены.

** Въ званіи архіепископа С.-Петербургскаго. Подробности объ этомъ см. въ статьѣ: *Преосвященный Веніаминъ митрополитъ Казанскій и Свѣтскій*, свящ. Архангельскаго. *Страники*, 1866 года, № 1.

дьявольскимъ, противу нарушителей вѣры и предавъ церковныхъ, противу хуителей чести и похитителей власти царской; словомъ, противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ, локой души и жизни вашей, такожь чинъ государственный дерзостно возмущающихъ.“

Въ это время никакихъ достоверныхъ извѣстій изъ Оренбурга не было, а слышно только было что генералы Каръ и Фрейманъ съ отрядомъ стояли во ста верстахъ отъ самозванца, который гуляя свободно между Оренбургомъ и Самарскимъ городкомъ вовсе не опасался приближенія правительственныхъ войскъ.

„Удивленія достойно, прибавляя Платонъ Любарскій, что злодѣи свободно фуражируютъ, заводы и селенія грабятъ, изъ заводскихъ крестьянъ шайку свою приумножаютъ, лавѣны въ околичностяхъ не безъ успѣха разсѣиваютъ. Съ нашей же стороны доселѣ ни препятствія, ни поиску, ни поимки для получения о состояннн его толпы извѣстія не učinено. Изъ Ставрополя увѣдомляютъ что отправленные въ сикурсъ нашимъ Калмыки вреда окольнымъ селеніямъ причинили и причиняютъ много“.

Казанскій губернаторъ все еще находился въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и распоряжался ничтожнымъ отрядомъ майора Астафьева, разбросаннымъ по лостамъ небольшими частями. „У прикрытія границъ казанскихъ, писалъ Платонъ Любарскій,* принявъ команду здѣшній оберъ-комендантъ Лецкій; въ его распоряженіи состоятъ закамскіе дворяне съ дворовыми своими людьми, экономическіе, дворцовые и ясашные крестьяне, Чуваши, Черемисы и прочая Мордва, вооруженные луками, рогатинами, ножами, толпорами и проч.“

Это ололченіе не внушало къ себѣ особаго довѣрія, а другихъ войскъ въ Казани не было. Городъ былъ наполненъ конфедератами возвращаемыми изъ Сибири; въ немъ было до 2.000 колодниковъ и ожидалось еще 700 человекъ изъ Москвы. Прибытіе этой партіи крайне затрудняло губернское начальство, тѣмъ болѣе что по случаю прекращенія сообщеній въ ближайшихъ къ Казани селеніяхъ было уже размѣщено до 4.000 человекъ назначенныхъ для отправленія въ Сибирь на поселеніе. Все это были люди ожидавшіе только

* Баятышъ-Каменскому въ письмѣ отъ 14 ноября 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

случае перейти на сторону Пугачева и радовалшися каждому услужу его сообщниковъ. Для присмотра за ними въ Казани оставалось лишь нѣсколько дряхлыхъ и раненыхъ солдатъ, да и тѣ несли караульную службу почти безсмысленно.

Находясь въ такомъ положеніи, жители Казани узнали сначала о неудачѣ постигнутой Каря, а затѣмъ въ половинѣ ноября было получено свѣдѣніе что болѣе трехсотъ Яицкихъ казаковъ и Калмыковъ съ двумя орудіями появились на Самарской линіи, захватили команду въ 60 человекъ съ двумя офицерами и направились къ Бузулуцкой крѣпости съ цѣлью ворваться въ мѣста болѣе населенныя и склонить жителей къ возстанію*. Такимъ образомъ опасность стала угрожать и Казанской губерніи. Въ Казань возвратился генераль-поручикъ фонъ-Брандтъ; почти вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и генераль-майоръ Каръ. Толки въ городѣ усилились и были не въ пользу правительства.

„По привычкѣ многихъ легкомысленныхъ людей, доносилъ Брандтъ** къ ложнымъ и пустымъ разглашеніямъ, такія по возвращеніи моемъ изъ Кичуевского фельдшанца услышала я здѣсь разносящіяся о касательствахъ до известной заводѣйской толпы эхи что къ удержанію сего въ народѣ неустовства и къ сохраненію желаемой общей тишины необходимо должно здѣшній городъ укрѣпить сколь можно военными командами.“

Когда придутъ такія команды, да и придутъ ли еще, никто не зналъ, и въ виду угрожающей опасности все дворянство Казанскаго и Симбирскаго уѣздовъ стало переселяться въ Москву и въ ближайшіе къ ней уѣзды. Имѣнія оставались безо всякаго присмотра, а простой народъ „безъ надежнаго обузданія“*** Воспользовавшись свободой, крестьяне грабили дома своихъ господъ, и безпорядки въ краѣ стали распространяться все шире и шире. Прекратить ихъ и возстановить спокойствіе было некому. Уполномоченный правительствомъ генераль-майоръ Каръ отдалъ генераль-

* Репортъ Брандта Военной Коллегіи отъ 16 ноября. Арх. Главн. Штаба. (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 297.

** Въ репортѣ Военной Коллегіи, отъ 21 ноября 1773. Тамъ же, листъ 299.

*** Письмо, Кречетникова князю Вяземскому отъ 10 декабря 1773. Архивъ Кабинета Е. И. В. Особое дѣло о Пугачевѣ.

майору Фрейману категорическое приказаніе не предпринимать ничего до прибытія подкрѣпленій, * а самъ пробывъ въ Казани два дня, уѣхалъ въ Москву.

„По осмотрѣ лѣкаремъ, писалъ онъ графу Чернышеву, открылась къ несчастію моему еще фистула, которую безъ операціи никакъ излѣчить не можно. Къ томужь въ бытность мою здѣсь не только облегченія ни малѣйшаго не получилъ, а время отъ времени большее умноженіе той моей болѣзни слѣдуетъ. По неимѣнію же здѣсь нужныхъ лѣкарствъ и искусныхъ медиковъ, вышедъ изъ терпѣнія и опасаясь большаго отъ застарѣлости мученія, рѣшился для произведенія сей операціи ѣхать въ Москву, умолая на милость вашего сіятельства что вы между тѣмъ по посланному отъ меня въ государственную Военную Коллегію рапорту, требуемому мною о позволеніи семь резолюцію прислать соизволите, дабы тѣмъ, въ случаѣ иногда отъ моихъ злодѣевъ въ другую сторону толковъ отвратить было можно могущій вредъ.“ **

Прося разрѣшенія Военной Коллегіи на отѣздъ въ Москву, Каръ не думалъ покидать отрядъ, а намѣренъ былъ только воспользоваться тѣмъ временемъ пока собираются отправленные къ нему подкрѣпленія ***.

23 ноября онъ выѣхалъ изъ Казани, а 29 числа въ 30 верстахъ отъ Москвы встрѣтился съ курьеромъ везшимъ ему письмо графа Чернышева, запрещавшее отлучаться отъ отряда. Копія съ этого письма была отправлена и князю Волконскому съ просьбой ни въ какомъ случаѣ не пропустить Кара въ Петербургъ и съ этою цѣлью „наблюсти на почтовомъ дворѣ и гдѣ слѣдуетъ чтобы онъ не бывъ у вашего сіятельства Москвы проѣхать не могъ“ ****.

* Въ это время въ отрядѣ Фреймана находилось: штабъ-и оберъ-офицероѣвъ 34, унтеръ-офицероѣвъ 36, капраловъ 58, цирюльничковъ 9, музыкантовъ 29, рядовыхъ 1.418 и мастеровыхъ 13, всего 1.597 человекъ. Казаковъ поселенныхъ и экономическихъ крестьянъ 130. Башкирцевъ и Мещеряковъ 1.236 человекъ. При отрядѣ находилось 8 орудій и 22 зарядныхъ ящика.

** Письмо Кара графу З. Г. Чернышеву 21 ноября 1773. *Записки Академіи* Т. I. Приложение 34.

*** Рапортъ Кара Военной Коллегіи 21 ноября. Архивъ Главн. штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, 310.

**** Письмо графа Чернышева князю Волконскому 25 ноября 1773. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, 228.

Большой и въ горячкѣ Каръ не исполнилъ приказанія президента Военной Коллегіи и въ тотъ же день пріѣхалъ въ первопрестольную столицу.

„Пріѣздъ сюда г. Кара, писалъ князь М. Н. Волконскій графу Чернышеву, * худыя толкованія въ публикѣ здѣсь произвелъ какъ въ положеніи оренбургскихъ дѣлъ, такъ и его персоны что я сердечно сожалею“.

Императрицѣ также былъ весьма непріятенъ поступокъ Кара, дававшій поводъ къ разнаго рода толкамъ, и въ особенноти тамъ гдѣ толки эти были наиболѣе опасны. Тогдашняя Москва еще не оправилась отъ чумы, и всѣмъ памяты были только-что усмиреныя волненія черни. Интеллектное населеніе первопрестольной столицы состояло въ большинствѣ изъ лицъ недовольныхъ правительствомъ, почему-либо удалившихся отъ Двора или вышедшихъ въ отставку. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Считая себя недостаточно награжденнымъ послѣ штурма Бендеръ, онъ оставилъ службу, поселился въ своемъ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и построилъ подобіе Бендерской крѣпости. Поражая многія распоряженія правительства и будучи сторонникомъ державныхъ правъ великаго князя Павла Петровича, графъ П. Панинъ обращалъ на себя вниманіе императрицы, и она поручила начальнику Москвы зорко слѣдить за его поведеніемъ.

„Здѣсь слухъ носится, писала императрица князю Волконскому, ** что Петръ Панинъ живучи въ деревнѣ весьма дерзко вретъ и для того пошлите туда кого-нибудь надежнаго выслушать его рѣчей, и если что-нибудь такое иногда услышите, чего бы могло объяснить какихъ ни есть недозволенныхъ обращеній здѣсь (въ Петербургѣ) или у васъ, то дайте мнѣ наискорѣе узнать, дабы я могла усмирить мнѣ непокорныхъ людей, въ чемъ на вашу мнѣ извѣстную вѣрность весьма полагаюсь.“

„Для большаго объясненія я вамъ на ушко скажу что я здѣсь на примѣтѣ имѣю двухъ негодныхъ молодцовъ, что выйдеть не знаю. Я за ними примѣчаніе имѣю. Не объясните ли вы сіе, ибо болтунъ всего болтаетъ, а шайка кажется

* Отъ 30 ноября *Записки Академіи*. Т. I. Приложение 36. Подпись подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ читать не Волконскій, а Бибииковъ.

** Въ письмѣ отъ 30 августа 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 587.

ихъ. Прошу все сіе весьма скрыть, чего до времени нужно, чтобы не обидѣть людей лонапрасну, такъ какъ и самимъ не остаться въ расплохѣ.“

„Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго, болтуна, писала Екатерина въ другомъ письмѣ князю Волконскому, * то я здѣсь кое-кому внушила чтобы до него дошло что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его (графа Никиту Ивановича) осылала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю что и онъ его уймется же, а домъ мой очистится отъ каверзы.“

Тайное разслѣдованіе князя Волконскаго и посылка надежнаго человѣка въ подмосковное имѣніе П. И. Панина показали „что сей тщеславный самохваль много и дерзко болтаетъ“, что всѣхъ и все критикуетъ; но съ нѣкотораго времени „гораздо утихъ и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ“. Извѣстіе о наградахъ пожалованныхъ брату графъ П. Панинъ принялъ равнодушно, сталъ болѣе задумчивъ и собирался ѣхать въ Петербургъ, но разрѣшенія не получилъ, такъ какъ происшествія подъ Оренбургомъ заставили императрицу, въ интересахъ сохраненія власти, обратить особенное вниманіе на недовольныхъ и ни въ какомъ случаѣ не сосредоточивать ихъ вокругъ себя. Всѣхъ такихъ лицъ князь Волконскій совѣтовалъ не приближать ко Двору, а напротивъ того разсѣять по разнымъ мѣстамъ. „Ежели смѣю, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ, ** по моей безпредѣльной вѣрности и искренно-усердной къ освященной вашей особѣ преданности, мое мнѣніе сказать, кажется лучшебъ всего какъ наискорѣе отлучить отъ Двора и отъ обихъ резиденцій всѣхъ суслетныхъ (подозрительныхъ) людей тѣмъ или другимъ образомъ и шайку сію разсылать, то все такъ и кончится. Я ничего инаго на сердцѣ не имѣю, не взирая ни на что, какъ службу вашего императорскаго величества. Воля ваша государская мнѣ законъ и высокія повелѣнія ваши мнѣ предѣль, его же не преступлю.“

Руководимый такими началами, князь Волконскій старался развѣдать что стануть говорить о пріѣздѣ Кара люди

* Отъ 25 сентября 1773 года. *Османуатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 96.

** Въ письмѣ отъ 9 сентября. *Османуатый Вѣкъ*, изд. Бартенева, кн. I, 97.

разныхъ партій, и скоро убѣдился что Москвичи встрѣтили пріѣхавшаго весьма непріязненно. Оно иначе и быть не могло. Каръ былъ посланъ на защиту помѣщичьихъ интересовъ, былъ посланъ усмирить населеніе искавшее свободы отъ крѣпостной зависимости и отъ заводской работы. Онъ не исполнилъ порученія, не усмирилъ волненій и слѣдовательно достоинъ осужденія. Всѣ порицали Кара, но въ чемъ онъ виновать, никто не могъ дать себѣ яснаго отчета.

— Какой это генералъ, говорили одни,—что не могъ съ такими бездѣльниками управиться и самъ сюда ушелъ! Его надобно бы было повѣсить.

Другіе, не столь скорые въ своихъ приговорахъ, называли Кара только трусомъ, говорили что его надобно отдать подъ судъ, и всѣ толковали объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Пріѣзжіе изъ Казани привозили по большей части извѣстія столь тревожнаго свойства что князю Волконскому приходилось увѣрять Москвичей что дѣла вовсе не такъ дурны.

„Я теперь, всемілостивѣйшая государыня, писалъ онъ, * стараюсь публику увѣрить что оренбургскія дѣла никакого уваженія не заслуживаютъ и никакихъ худыхъ слѣдствій ожидать не можно, а что только шайка нукуды годныхъ людей собралась, которая вскорѣ истреблена будетъ, а Кару я чрезъ оберъ-полицеймейстера велѣлъ сказать чтобы какъ онъ самъ о тамошнихъ дѣлахъ ничего ни съ кѣмъ, а по малой мѣрѣ предосудительнаго, не говорилъ, такъ бы и людямъ своимъ запретилъ.“

Въ отвѣтъ на это императрица просила князя Волконскаго послать сказать Кару чтобъ онъ не дерзнулъ показаться ей на глаза и ѣхать въ Петербургъ. „А если, прибавляла императрица, ** на Москвѣ отъ его пріѣзда болтанья умножилась, то обновите изъ Сената указы старые о неболтаніи, каковыхъ много есть и въ прежнія времена и при мнѣ уже часто о семъ обновлялась память и съ услѣхомъ.“

Находя что оренбургскія дѣла „худымъ поведеніемъ Кара болѣе испорчены нежели поправлены“, императрица приказала

* Въ письмѣ отъ 2 декабря 1773 года. *Оснадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 108.

** Въ письмѣ князю Волконскому отъ 7 декабря. Тамъ же. Письмо это напечатано съ пропусками въ *Москвитянинѣ* 1845 года, № 9, и притомъ не вѣрно означено отъ 3 декабря.

исключить его изъ службы, „ибо, писала она князю Волконскому, * въ нужное время не надобно чтобы больнои и трусъ занималъ мѣсто и получалъ жалованья.“

„Ралорты ваши изъ Казани, писала Военная Коллегія генераль-майору Кару, ** исправно въ Коллегіи получены и ея императорскому величеству всеподданнѣйше представлены были. Ея императорское величество высочайше усматривая изъ оныхъ что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному вашему къ службѣ усердію и мужеству, когда высочайшей ея довѣренности надобно вамъ было соотвѣтствовать ревностью своею къ отечеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обазывали васъ долгъ и присяга, но въ случаѣ неизбѣжимости не щадить и живота своего, вы о болѣзненномъ себѣ сказавши припадкѣ, оставили самимъ вамъ *известной важности постѣ*, сдали тотчасъ порученную вамъ команду и самовольно отъ оной удалились. По такой слабости духа, въ персонѣ званія вашего примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей и не находить ея императорское величество прочности въ васъ къ ея службѣ, высочайше повелѣвая Военной Коллегіи изъ оной васъ уволить и дать вамъ алшидъ.“

Каръ былъ уволенъ. Чрезвычайныя обстоятельства вызвали наказаніе за поступокъ, который при другихъ условіяхъ считался дѣломъ весьма обычнымъ. Самовольная отлучка начальника отъ ввѣреннаго ему отряда конечно должна считаться преступленіемъ съ точки зрѣнія военной дисциплины, но не только въ тѣ, а и въ позднѣйшія времена, подобныя отлучки практиковались не рѣдко, никому не казались странными, и ни наказаній, ни даже выговоровъ не вызывали. Уѣзжая въ Казань и далѣе, генераль-майоръ Каръ вывелъ отрядъ изъ опаснаго положенія и не слагалъ съ себя ни отвѣтственности, ни возложенной на него обязанности. Очувтившись лицомъ къ лицу съ непріателемъ, онъ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ, не имѣлъ основанія презирать врага какъ презирали его въ Петербургѣ и не считалъ возможнымъ съ ничтожными силами ему данными исполнить

* Отъ 1 декабря 1773 года. *Осмадцатый Вѣкъ*, изд. Бартенева, кн. I, 102.

** Въ указѣ отъ 30 декабря 1773 года, Моск. Арх. Главн. Штаба. Секретн. опись 47, кн. 53, листъ 252.

инструкцію Военной Коллегіи, требовавшей чтобъ онъ старался „какъ самага Пугачева, такъ и злодѣйскую его шайку переловить“.

Зная изъ опытовъ прошедшихъ войнъ какъ трудно самымъ лучшимъ войскамъ, предводимымъ геніальными полководцами, имѣть дѣло съ народною войной, нельзя обвинять Кара въ бездѣятельности или трусости, но необходимо сказать что полуторатысячному отряду безъ кавалеріи и самага разнообразнаго состава трудно было не только переловить, но и разогнать толпу состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, преимущественно конныхъ. Каръ понималъ что окруженъ со всѣхъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ и въ каждомъ простолюдинѣ долженъ былъ видѣть пугачевца. Онъ видѣлъ что въ Петербургѣ высшія правительственныя лица были совершенно незнакомы съ особенностями Заволжскаго края и вовсе не понимали тѣхъ важныхъ и серьезныхъ послѣдствій которыя могли произойти отъ распространенія волненій. Онъ просилъ о скорѣйшемъ подкрѣпленіи его войскамъ, но президентъ Военной Коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ограничившись первыми сдѣланными распоряженіями, успокоился и не оказывалъ никакой помощи. Онъ не послалъ въ помощь Кару ни одного солдата даже и тогда когда ему указывали на необходимость отправления кавалеріи. „По мнѣнію моему, писалъ князь Волконскій,* надо необходимо туда конницы побольше, а на тамошнихъ надѣяться нельзя и употреблять ихъ не надо; они всѣ къ злодѣю перебѣгутъ, будучи заражены“. Графъ Чернышевъ отвѣчалъ что онъ признаетъ это мнѣніе основательнымъ, „въ чемъ теперь, говорилъ онъ, и упражняюсь“. Но упражненія эти были слишкомъ медленны, и Чернышевъ былъ болѣе погруженъ въ политическія интриги чѣмъ заботился о внутреннихъ дѣлахъ и о болѣе добросовѣстномъ исполненіи обязанности президента Военной Коллегіи. Дѣлая распоряженія, онъ не имѣлъ времени узнать насколько исполняются отдаваемые имъ приказанія. Такъ отправленные изъ Петербурга два орудія, дойдя только до Москвы, остались безъ колесъ и лафетовъ, которые разсыпались. Чтобы не задерживать дальнѣйшее ихъ отправленіе, князь Волконскій приказалъ положить орудія на сани и отправилъ въ такомъ видѣ въ Казань.

* Графу Чернышеву въ собственноручной припискѣ къ письму отъ 20 ноября 1773. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 227.

Онъ принужденъ былъ снабдить сопровождавшаго ихъ офицера прогонными деньгами и порохомъ, такъ какъ ни того, ни другаго въ Петербургѣ отлущено не было.*

Видя бездѣятельность Коллегіи, генераль-майоръ Каръ просилъ помощи у казанскаго губернатора, а генераль-поручикъ фонъ-Брандтъ, какъ самъ не имѣвшій никакихъ средствъ, писалъ о томъ же въ Москву князю Волконскому. Последній 23 ноября отправилъ въ Казань 200 человекъ пѣхоты и самъ остался только съ такимъ гарнизономъ который необходимъ былъ для содержанія самыхъ важныхъ карауловъ. Князь Волконскій опасался что тѣхъ силъ которыя были даны Кару будетъ недостаточно для подавленія возстанія. „Я думаю, писалъ онъ императрицѣ, ** весьмабы надобно нарочитѣйшій корпусъ цѣлыми полками туда отправить, чтобъ скорымъ разрушеніемъ бунтовщиковъ сіе зло до дальнѣйшаго распространенія не допустить“.

Всякое промедленіе въ отправленіи войскъ обходилось дорого, и каждая минута подрывала правительственную власть въ самомъ ея корнѣ. Возстановленіе этой власти возможно было только при самыхъ энергическихъ мѣрахъ и при силѣ превосходящей средства мятежниковъ. Но за Волгой не было другихъ войскъ кромѣ гарнизонныхъ, неподвижныхъ и никуда не годныхъ баталіоновъ, а отправленныя подкрѣпленія могли прибыть на мѣсто дѣйствій лишь въ январѣ 1774 года. Зачѣмъ они посылались? Если правительство смотрѣло на Пугачева какъ на простаго разбойника и поручало Кару переловить его шайку, то подкрѣпленія эти должны были олоздать и не могли принять участія въ ловлѣ. Если же возстаніе въ глазахъ президента Военной Коллегіи было дѣломъ серіознымъ, то болѣе чѣмъ странно дозволеніе развиваться мятежу до января мѣсяца, то-есть до сосредоточенія войскъ въ рукахъ начальника посланнаго усмирить волненіе и уничтожить безпорядки въ краѣ. До сосредоточенія своихъ силъ Кару приходилось, по его выраженію, *маячить* или, другими словами, оставаться въ бездѣйствіи и издали смотрѣть какъ мятежъ будетъ распространяться все шире и

* Письмо кн. Волконскаго гр. Чернышеву, 21 ноября 1773. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербурѣ). Кн. I, листъ 229.

** Въ письмѣ отъ 23 ноября 1773. *Ослабѣвшій Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, стр. 100.

шире. Такое положеніе было тяжело и невозможно для чело-
вѣка энергичнаго какимъ былъ Каръ, и понятно что онъ
рѣшился ѣхать въ Петербургъ чтобы разсвѣять ложный
взглядъ на совершающіяся событія и сколь возможно скорѣе
усилить свои боевыя средства. Мало знакомый съ дѣйстви-
тельнымъ ходомъ бунта, Пушкинъ, говоря объ отъѣздѣ
Кара, голословно обвиняетъ его, въ трусости, называетъ Пу-
гачева презрѣннымъ и, подобно современникамъ, силы его
ничтожными. На самомъ дѣлѣ, Кара слѣдуетъ упрекнуть не
въ трусости, а въ отсутствіи сознанія что при тогдашнемъ
положеніи внутреннихъ и вѣншихъ дѣлъ появленіе его въ
Петербургъ будетъ крайне непріятно. Въ столицѣ тщательно
скрывали все что могло хотя временно ослабить увѣренность
въ величіи и силѣ Россіи, а слѣдовательно и то что происходило
подъ Оренбургомъ. Пріѣзжающихъ курьеровъ приводили пря-
мо въ Сенатъ, гдѣ допрашивали что видѣли и слышали, а за-
тѣмъ обязывали подпиской что ни слова и никому разказы-
вать не будутъ. Понятно что при такихъ условіяхъ, лишь толь-
ко 25 ноября было получено письмо въ которомъ Каръ выра-
жалъ желаніе пріѣхать въ Петербургъ, его участь была уже
рѣшена. „Кару не суще удачно было, писала въ этотъ день
императрица С. М. Козьмину *, онъ былъ окруженъ, людей
не малое число потерялъ; у злодѣя, сказываютъ, 70 пушекъ.
Я посылаю Бибикова съ тремя полками. Каръ, потерявъ
трамонтанъ (сбившись съ толку), сюда скачетъ.“

Такимъ образомъ Каръ сдѣлался жертвой не своихъ оши-
бокъ, а бездѣятельности Военной Коллегіи и президента ея,
графа Захара Григорьевича Чернышева. Преемнику Кара
пришлось также долго *маячить* прежде чѣмъ онъ могъ дви-
нуться впередъ.

* Въ помѣстѣвникѣ 25 ноября 1773 года. *Сборникъ Император-
скаго Русскаго Историческаго Общества*. Т. XIII, стр. 367.

VII.

Назначеніе А. И. Бибикова для усмиренія волженнѣй.—Посылка новыхъ полковъ на театръ дѣйствій.—Второй манифестъ императрицы.—Права и власть предоставленныя новому главнокомандующему.—Мѣры правительства относительно колодниковъ и конфедератовъ.—Образованіе секретной комиссіи.

Остановивъ Кара въ Москвѣ, правительство лишило себя возможности узнать истинное положеніе дѣлъ и все-таки не могло скрыть отъ большинства населенія столицы и представителей иностранныхъ дворовъ то что происходило подъ Оренбургомъ.

„Всѣ извѣстія касательно мятежа въ Оренбургской губерніи, писалъ сэръ-Робертъ Гуннингъ,* по возможности сохраняются въ таймѣ, но я почти не сомнѣваюсь въ томъ что извѣстія эти чрезвычайно неблагоприятны и что городъ Оренбургъ находится въ большой опасности попасть въ руки инсургентовъ.“

По Петербургу ходили самые разнообразныя и преувеличенныя слухи, въ которыхъ даже и такія лица какъ англійскій посланникъ Гуннингъ, не могли отличить правды отъ неправды. Разказывали что во главѣ возстанія находятся искусно переодѣтые три гвардейскіе офицера, „изгнанные отсюда въ продолженіе нынѣшняго царствованія“, что мятежники захватили какіе-то серебряныя рудники, что опасаются какъ бы они не овладѣли всѣми остальными и пр.

Правительство не имѣло средствъ опровергнуть эти слухи, болѣе потому что получаемыя официальнымъ путемъ извѣстія были разкорѣчивы, неутѣшительны и, по словамъ того же Гуннинга, возбуждали сильное безпокойство императрицы и ея министровъ.

„Вчераеъ, писала Екатерина князю Волконскому,** я отъ генераль-майора Фреймана видѣла рапорта, будто они (мятежники) и Уфимскаго города атаквали, въ которомъ тысячь

* Графу Суффолькъ отъ 29 ноября 1773 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*. Т. XIX, 319. Въ этомъ письмѣ вмѣсто фамиліи Бауера слѣдуетъ читать: Каръ. ♦

** Въ письмѣ отъ 1 декабря 1773 года. *Осмадцатый Вѣкъ*, кн. I, 102.

съ пятьдесятъ денегъ и пороховой магазинъ. Богъ вѣсть чѣмъ сіе кончится; можетъ статься что и сами разбѣгутся. Я начинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра I, но что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ.“

Въ Петербургѣ сознали теперь что несчастіе это явилось вслѣдствіе небрежности и недостатка распоряженій. „Всего болѣе, писалъ Гуннингъ, осуждаютъ графа Захара Чернышева.“ Императрица была также недовольна его дѣятельностію, и избравъ генераль-аншефа Александра Ильича Бибикова командующимъ войсками, назначенными для дѣйствія противъ мятежниковъ, потребовала отъ президента Военной Коллегіи самыхъ энергичныхъ дѣйствій.

Ноября 27 курьеры везли уже приказанія: Изюмскому гусарскому (изъ Ораніенбаума), 2му гренадерскому (изъ Нарвы) и Владимірскому (изъ Шлюссельбурга) пѣхотному полкамъ выступить какъ можно скорѣе въ походъ и слѣдовать черезъ Москву въ Казань. Полки эти признано теперь необходимымъ передвинуть при помощи ямскихъ и обывательскихъ подводъ и потомъ разрѣшено каждому пѣхотному полку брать по 200, а гусарскому по 100 лошадей за прогоны. * Въ тотъ же день приказано послать изъ С.-Петербурга въ Казань, на почтовыхъ, ямскихъ и обывательскихъ подводъ шесть шестифунтовыхъ лушекъ, съ полнымъ числомъ прислуги, ** а командующему войсками въ Польшѣ генераль-поручику Романіусу отправить С.-Петербургскій карабинерный и Чугуевскій казачій полки въ Смоленскъ, а три эскадрона Венгерскаго гусарскаго въ Петербургъ. ***

На другой день, 28 ноября, собрался Государственный Советъ, въ засѣданіи котораго присутствовала и императрица. Она выразила оласеніе что войска не успеютъ прибыть вовремя и что Оренбургъ долго не удержится, по причинѣ недостатка хлѣба на содержаніе жителей. Графъ Чернышевъ увѣрилъ что черезъ два мѣсяца войска будутъ на мѣстѣ и

* Указъ Военной Коллегіи генераль-фельдмаршалу графу Разумовскому 27 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 231.

** Указъ Военной Коллегіи князю Г. Г. Орлову 27 ноября 1773 года, Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 233.

*** То же генералу Романіусу 27 ноября. Тамъ же, листъ 238.

поручился что оренбургскій губернаторъ будетъ держаться до крайности. Такъ какъ послѣдній былъ запертъ въ крѣпости, то императрица возбудила вопросъ: слѣдуетъ ли для управленія гражданскими дѣлами отправить въ Оренбургскую губернію особое лицо, облеченное властью губернатора, или подчинить всѣ тамошнія мѣста генераль-аншефу Бибикову. При этомъ она выразила справедливое опасеніе чтобы между двумя начальниками не произошло несогласія. Совѣтъ, имѣя въ виду „что всѣ тамошнія мѣста или заражены теперь возмущеніемъ или колеблются, слѣдовательно и не могутъ безъ воинской помощи управляемы быть“, призналъ посылку туда губернатора дѣломъ совершенно не нужнымъ.

Послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ въ засѣданіе совѣта былъ приглашенъ А. И. Бибиковъ и при немъ прочтенъ всѣмъ извѣстный манифестъ *, въ первоначальной редакціи котораго, между прочимъ, говорилось: „Содрагаетъ духъ нашъ отъ воспоминанія временъ *Годуновскихъ и Отрепьевскихъ* посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданского междоусобія... когда отъ явленія *самозванца Гришки-разстриги и другихъ ему послѣдовавшихъ* обманщиковъ и предателей города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь Россіянъ, отъ Россіянъ же, потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками Россіянъ въ конецъ разрушаемы были“.

При чтеніи этой части манифеста графъ Чернышевъ и князь Григорій Григорьевичъ Орловъ заявили что имъ кажется слишкомъ преувеличеннымъ улодоблять настоящее возмущеніе древнему нашему междоусобию, а Пугачева—Гришкѣ-разстригѣ. „Тогда“, говорили они, „все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ; такое сравненіе можетъ привести на память столь неприятное происшествіе и возгордить также мятежниковъ“.

Императрица отвѣчала что ей пришло на мысль сдѣлать такое улодобленіе съ цѣлью возбудить въ народѣ большее

---

* Налечтаны въ *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1860 года, кн. II, 72. У Пущкина (т. VI, стр. 186, изд. 1881 года) и въ *Примоченіи къ Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова*. Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ манифестъ ошибочно отнесенъ къ 23 декабря. Онъ подписанъ и напечатанъ 29 ноября 1773 года.

омерзевіе къ возмутителю, но что она снова его просмотритъ и если признаетъ нужнымъ, то и измѣнитъ. При вторичномъ просмотрѣ императрица исключила слова: „Годуновыхъ и Отрельевыхъ“, а вмѣсто словъ „самозванца Гришки-разстриги и другихъ ему послѣдовавшихъ“ написала *многихъ самозванцовъ* и въ такомъ видѣ манифестъ былъ утвержденъ и переданъ Бибикову. *

По прочтеніи манифеста государственный совѣтъ слушалъ инструкцію предоставлявшую Бибикову полную власть въ способахъ укрощенія мятежа; открытый указъ коимъ подчинялись ему всѣ власти военныя, духовныя и гражданскія, и наконецъ, объявленіе обещающее награжденіе тѣмъ кто доставитъ Пугачева живаго или мертваго.

Поводомъ къ составленію такого объявленія послужило только что полученное генераль-прокуроромъ письмо астраханскаго губернатора П. Кречетникова:

„Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости, писалъ онъ князю Вяземскому, ** осмѣливаюсь мою мысль сказать: я бы думалъ, не было бы бесполезно еслибы назначить какую знаменитую сумму денегъ и прощеніе его сообщникамъ, кои бы только его, Пугачева, живаго выдали или бѣ по крайности и мертваго. Казалось бы чтобъ изъ тѣхъ плутовъ могли таковыя найтись. Другое: можетъ бы могъ найтись изъ отважныхъ людей и таковой коему позволить къ нему предаться, опоруча его домогъ и семействомъ чтобы войдя къ нему (Пугачеву) въ услугу его убилъ или бѣ подговоря другихъ выдавъ. Бude бы таковой обѣщавшійся и солгалъ, то отъ одного человѣка знатныя оласности произойти не можетъ. Сіе вашему сіятельству донеся желалъ бы знать вапе

---

* При этомъ генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій писалъ главнокомандующему въ Москвѣ князю М. Н. Волковскому: „Ея императорское величество Высочайше указати соизволила чтобы ваше сіятельство приказали съ приложеннаго при семъ печатнаго манифеста церковными литерами напечатать въ Московской Синодальной типографіи 1.205 экземпляровъ, наблюдая чтобъ оное было секретно, и по напечатаніи прислать сюда пять экземпляровъ, а остальные, куда не употреблая, хранить за печатью до особаго объ оныхъ повелѣнія“. (Письмо князя Вяземскаго Волковскому отъ 5 декабря 1773 года. Архивъ кабинета Его Величества.)

** Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20 ноября 1773 года, изъ Саратова.

на то поведѣніе, но какъ отдаленность далека, то свѣдавъ гдѣ г. Брандтъ о семъ съ нимъ списываться буду и требовать его о томъ мнѣніи. Я признательно вамъ донести имѣю что сей злодѣй Пугачевъ столь мнѣ не терпимъ что описать не могу, что такая злобная и неустоявая тварь отважилась въ отечествѣ столь нетерпимое зло произвести, то онъ всеконечно всякаго рода искорененія достоинъ“.

Имѣя въ виду что для уговора казаковъ выдать Пугачева были уже отправлены Перфильевъ и Герасимовъ, императрица находила не сообразнымъ съ достоинствомъ ея сана назначать награжденіе за доставленіе головы Пугачева и тѣмъ подавать поводъ къ убійству. Она разрѣшила обѣщать награжденіе только за живаго и заявила „что то обѣявленіе объ этомъ генераль Бибиковъ можетъ сочинить самъ“. Тѣмъ не менѣе проектъ былъ составленъ въ Сенатѣ, утвержденъ императрицей и присланъ Бибикову *. Размѣръ вознагражденія не былъ опредѣленъ въ объявленіи, но въ послѣдствіи, какъ увидимъ, за голову Пугачева была обѣщана весьма значительная сумма.

Новый главнокомандующій былъ человекъ не случайный, но образованнѣйшій и болѣе другихъ опытный дѣятель тогдашняго времени. Произведенный 7 іюля 1746 года въ инженеръ-прапорщики, А. И. Бибиковъ служилъ потомъ въ Московскомъ Сенатѣ, участвовалъ въ работахъ по Кронштадтской крѣпости, а затѣмъ переведенъ былъ въ артиллерію и отправленъ за границу сначала въ Саксонію, для изученія технической части артиллеріи, а затѣмъ въ Пруссію и Померанію, для собранія свѣдѣній о запасахъ продовольствія и расположенія войскъ.

Будучи въ чинѣ подполковника и командуя 3мъ мушкетерскимъ полкомъ, онъ участвовалъ въ Семилѣтней Войнѣ и за личную храбрость въ сраженіи подъ Цорндорфомъ (14 августа 1758 года) произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ комендантомъ города Франкфурта и „отличаясь мягкостію характера, распорядительностію и умѣніемъ обходиться, сдѣлался любимцемъ жителей“.

Въ 1761 году, Бибиковъ, уже командуя лѣхотною бригадою, предпринялъ 1 сентября блестящее ночное нападеніе на отрядъ генерала Вернера, вышедшаго изъ крѣпости

* Государственный Архивъ, VI, д. № 485.

Колберга, разбилъ и захватилъ въ лѣвъ самого начальника, съ большою частію его отряда. По окончаніи войны въ февралѣ 1762 года онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ шефомъ Черниговскаго лѣхотнаго полка.

Блестящія дарованія молодого генерала обратили на себя вниманіе Екатерины II, и вскорѣ по вступленіи на престолъ императрица отравила Бибикова въ Холмогоры, для разузнанія образа мыслей сосланнаго туда принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго.

Въ декабрѣ 1763 года императрица писала графу Захару Чернышеву: „Моя воля есть чтобы генераль Бибиковъ здѣсь еще остался на мѣсяць; мнѣ въ немъ нужда“. * Нужда эта заключалась въ томъ что Бибиковъ былъ посланъ и съ блестящимъ успѣхомъ окончилъ порученіе по усмиренію волненій заводскихъ крестьянъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Въ 1767 году онъ былъ назначенъ маршаломъ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія и во время путешествія императрицы въ Казань находился въ ея свитѣ на галерѣ *Волга*. **

Въ промежутокъ времени съ 1769 по 1771 годъ, Александръ Ильичъ былъ посланъ для осмотра Финляндіи, потому жилъ въ Петербургѣ безъ дѣла и наконецъ былъ назначенъ присутствовать въ Военной Коллегіи. За все это время императрица не прерывала сношенія съ Бибиковымъ и въ отсутствіе его изъ столицы веда съ нимъ переписку.

Въ 1771 году онъ отправленъ былъ въ Польшу командовать войсками въ самое трудное время перваго оной раздѣла и исполнилъ данное ему порученіе съ такимъ успѣхомъ что получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и чинъ генераль-аншефа.

Въ первой половинѣ 1773 года положеніе нашихъ дѣлъ съ Турціей было не блестящее. Графъ Румянцевъ принужденъ былъ, по недостатку войскъ, перейти обратно черезъ Дунай и просить подкрѣпленій. Въ это время польскія дѣла были приведены уже къ окончанію, и тогда графъ З. Чернышевъ заявилъ „что по настоящему положенію польскихъ дѣлъ можно

* Собственноручная записка императрицы отъ 10 декабря. Арх. Канц. Воен. Минист. Высоч. повел., кн. № 51.

** См. *Славянинъ* 1828 года. Т. 5.

послать въ подкрѣпленіе первой арміи нѣсколько полковъ находящагося въ Польшѣ корпуса“. *

Государственный Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ своего сочлена, и Высочайшимъ указомъ 17 іюля 1773 года повелѣно было Военной Коллегіи: генераль-аншефа Бибикова, съ четырьмя пѣхотными, двумя карабинерными, однимъ гусарскимъ полками и съ пятью стами Донскихъ казаковъ, командировать въ первую армію подъ начальство генераль-фельдмаршала графа Румянцова. „При корпусѣ же войскъ нашихъ въ Польшѣ, писала императрица, оставить командиромъ генераль-поручика Романюса и отправить туда легионъ С. Петербургскій, да двѣ легкія команды, въ добавокъ къ войскамъ тамъ находящимся. Башкирскую же тысячную команду возвратити въ ихъ жилища“. **

Имѣя личные счеты и будучи въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, А. И. Бибиковъ считалъ это назначеніе немилостью для себя и просилъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ, надѣясь въ столицѣ выхлопотать себѣ другое назначеніе. „Если же и въ семь мѣвъ откажутъ, писалъ онъ графу Н. И. Панину, *** то будте увѣрены что я отсужа вынѣшнюю войну, не останусь ни на минуту въ службѣ. Желанія мои я ограничивать привыкъ: прихоти, роскошь и пышность меня не удержатъ; возвращусь я къ простобытности дворянскаго состоянія и буду тоже калусту садить, къ которой и по окончаніи всего въ жизни теченія наши братья возвращаются“.

* Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. I, стр. 252.

** Указъ данъѣй Военной Коллегіи 17 іюля 1773 года. Арх. канцеляріи Военнаго Министерства. Высочайш. повелѣнія, кн. № 23/49. Указы коллегіи графу Румянцову, Бибикову и Романюсу отъ 18 іюля, за №№ 246, 247 и 253. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. 53, листъ 118. Протоколу Государственнаго Совѣта 15 іюля дана настолько не точная редакція что изъ него можно заключить, будто въ Польшѣ только и оставалось войскъ что одинъ легионъ и двѣ легкія полевныя команды. Такою редакціей протокола введенъ въ заблужденіе и Д. Анучинъ, авторъ монографіи: *Дѣяствія Бибикова въ пугачевщину* (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года., т. ХСІХ., стр. 461)

*** См. *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, изд. 1865, стр. 79. Приложение.

Императрица разрѣшила Бибикову пріѣхать въ столицу на самое короткое время и съ тѣмъ, писала Военная Коллегія, дабы отправляемые въ первую армію полки, которые поручите вы старшему изъ генераль-майоровъ, слѣдованія своего черезъ то не останавливали.“*

Въ сентябрѣ Бибиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а 29 ноября былъ назначенъ командовать войсками отправляемыми для дѣйствія противъ Пугачева.**

„Тѣмъ болѣе интересуется общее Имперіи благо, писала императрица,*** безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патриота, коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ онаго и нашей, также и отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ.“

Сосредоточивая въ одномъ лицѣ всѣ средства и способы для усмиренія взволнованнаго края, императрица предоставила Бибикову обширныя полномочія. Всѣ мѣстные начальники: духовные, военные и гражданскіе подчинялись главно-

* Указъ Военной Коллегіи Бибикову 20 августа 1773 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба. Опись 47, кн. 53, листъ 147. Эпизодъ этотъ у Рунича разказанъ невѣрно (см. *Русскую Старину* 1870, т. II, 131).

** Подробности о назначеніи А. И. Бибикова разказанныя Г. Р. Державинымъ (см. его сочиненія, т. VI, стр. 462) и другими авторами (см. Д. Анучинъ *Русскій Вѣстн.* 1872 г., № 6, стр. 462, *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова* стр. 108 и пр.) надо отнести къ числу вымысловъ.

Въ среду 13 ноября 1773 года императрица уѣхала въ Царское Село на охоту, для стрѣлянія тетеревей, и оставалась тамъ до 25 ноября. 17 ноября, въ воскресенье, и 24 ноября, въ день тезоименитства Екатерины II, А. И. Бибиковъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу. Въ этотъ день, надо полагать, и было ему объявлено новое назначеніе, потому что на слѣдующій день императрица, въ приведенномъ нами выше письмѣ, сообщала объ этомъ С. М. Козьмину. 30 ноября былъ, дѣйствительно, балъ при дворѣ, по случаю кавалерскаго праздника Св. Андрея Первозваннаго, но изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно что А. И. Бибиковъ на этомъ балѣ не былъ.

*** Бибикову въ рескриптѣ отъ 29 ноября 1773. *Сборн. Импер. Истор. Общ.* т. XIII, стр. 367. См. также приложеніе къ *Запискамъ Академіи* т. I, 38.

командующему и обязаны были исполнять его требованія какъ бы приказанія самой императрицы, „дабы инако въ дѣлахъ комиссіи его, которыя для общаго государственнаго блага и для возстановленія драгоцѣннаго покоя толико нужны, никакого препятствія и остановки послѣдовать не могло.“*

Въ этихъ послѣднихъ видахъ императрица совѣтовала Бибикову, не ожидая сбора войскъ, отправиться немедленно въ Казань чтобъ имѣть время ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, присмотрѣться ко всѣмъ движеніямъ возмутителей и „познавъ прямо (точно) ихъ силы, ихъ связь въ землѣ, ихъ ресурсы въ пропитаніи, ихъ внутреннее между собою управленіе, словомъ, физическое и моральное ихъ положеніе во всѣхъ частяхъ онаго, послѣ тѣмъ съ большими выгодами поднять на нихъ оружіе и дѣйствовать наступательно съ тою поверхностью, каковую мужество, просвѣщеніемъ и искусствомъ руководствуемое, долженствуетъ всегда имѣть предъ толпою черни, движущуюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помысленіемъ“.

По прибытіи въ Казань, Бибиковъ долженъ былъ собрать къ себѣ все дворянство Казанской губерніи и изобразивъ „тутъ же живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго имъ края“, потребовать его содѣйствія въ усмиреніи волненій. Содѣйствіе это могло выразиться вооруженіемъ нѣкотораго числа людей и снабженіемъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Имѣя въ виду что дворянство всегда было опорой престола, императрица выражала увѣренность что оно явится на помощь по первому требованію, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ „интересованы въ высшей степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса“.

Скрывая отъ большинства своихъ подданныхъ все что происходило подъ Оренбургомъ, императрица не находила нужнымъ дѣлать это относительно дворянства Казанскаго, „ибо, писала она, не можетъ имъ быть закрыто что дворяне и чиновные людѣ поладшіеся до нынѣ, по несчастію, въ руки мятежниковъ, всѣ безъ изъятія и безъ малѣйшей пощады

* Открытый указъ 29 ноября, объ оказаніи Бибикову всѣми начальниками и поданными повиновенія и содѣйствія. *Сборн. Импер. Истор. Общ.*, т. 13, стр. 371.

преданы лютойшей и поносной смерти, котораго жребія натурально и они всё, одинъ по другому, ожидать должны будутъ, еслибъ, отъ чего Боже сохрани, возстаніе и мятежъ черни при самозванцѣ Пугачевѣ, иногда собственнымъ ихъ нерадѣніемъ и небреженіемъ, могъ переступить предѣлы Оренбургской губерніи и заразить ядомъ своимъ Казанскую“.

Что касается дѣйствій противъ мятежниковъ, то Бибикову вмѣнялось въ обязанность прежде всего разослать печатный манифестъ съ цѣлю открыть глаза „ослѣпленной черни и для испытанія не удастся ли симъ способомъ кротости“ и обѣщаніемъ совершеннаго прощенія „обратить на истинный путь если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть сообщниковъ самозванца Пугачева“. Такъ какъ манифестъ этотъ рѣшено было на первый случай публиковать въ районѣ дѣйствій мятежниковъ, то для большинства населенія той мѣстности онъ оказался совершенно непонятнымъ и потому не имѣлъ никакого успѣха. Излагая бѣдствія которыя испытала Россія отъ самозванца Лже-Дмитрія и возникшихъ тогда междоусобій, говоря о томъ что отечество наше едва не подпало подъ власть Польши и тогда греко-каѳолическая вѣра подверглась бы „римскому стужу“, Государственный Совѣтъ, гдѣ составлялся манифестъ, упустилъ изъ вида что онъ долженъ быть публикованъ почти исключительно среди раскольниковъ, магометанъ и язычниковъ. Населеніе Казанской, Оренбургской и Астраханской губерній не имѣло ничего или весьма мало общаго съ остальною Россіей, и защита православія конечно не входила въ интересы магометанъ, была чужда для цинородцевъ. Къ тому же написанный языкомъ непонятнымъ для простолюдина, манифестъ не могъ произвести впечатлѣнія на населеніе не имѣвшее никакого понятія о политическомъ строѣ, скавпее только воли и матеріальнаго обезпеченія.

„Нескладный слогъ“ воззваній Самозванца, по выраженію Бибикова, дѣйствовалъ на народъ гораздо болѣе чѣмъ внушеніе о религіозномъ единствѣ и политической цѣлости государства. Мы увидимъ ниже какъ манифестъ былъ понятъ населеніемъ и какія распоряженія вызвалъ онъ со стороны Бибикова, хорошо понимавшаго что возникшіе беспорядки надо на первыхъ порахъ уничтожать силой и что безъ войскъ его дѣятельность въ краѣ будетъ безплодна. Хотя въ зазданіи Государственнаго Совѣта, 28 ноября, было заявлено

объ отправленіи нѣсколькихъ полковъ, но А. И. Бибииковъ призналъ это недостаточнымъ, и по его настояцію Военная Коллегія приказала отправить: изъ Кексгольма въ Казань Архангелогородскій карабинерный полкъ, изъ Дерпта въ Новгородъ Лейбъ-Кирасирскій, * и изъ Могилевской губерніи въ городъ Вязму Владимірскій драгунскій полки. ** Президентъ Военной Коллегіи требовалъ теперь отъ полковыхъ командировъ „наипослѣднѣйшаго въ пути слѣдованія“ и сколь возможно скорѣйшаго прибытія къ мѣсту назначенія.

„О причинѣ по которой вы отправлены съ полкомъ, прибавляя графъ Чернышевъ каждому изъ полковыхъ командировъ, *** не только не имѣете вы нужды скрывать отъ вашихъ подчиненныхъ, но напротивъ сказывать имъ что сей имъ причиненный маршъ происходитъ отъ того что бездѣльникъ-самозванецъ около Оренбурга проявился, который дѣлая разбои и грабительства причиняетъ вредъ многимъ, и вы посланы не только сію плутовскую шайку разсѣять, разбить и привести въ той сторонѣ, подъ командою генерала Бибиикова, все въ совершенную тишину, но доставить вѣрнымъ подданнымъ то спокойствіе которое ея императорское величество онымъ всегда жаждаетъ и которое такими разбойниками каковъ есть сей самозванецъ и плутъ отъемлется, и что потому всякаго такого ненавистника покоя должно военному человѣку, во что бы то ни стало, низвергать и обращать въ небытіе.“

Для ускоренія всякаго рода сношеній, повелѣно было по тракту отъ Москвы до Казани усилить число почтовыхъ лошадей на станціяхъ. „Пришло на умъ, писала императрица князю Вяземскому, не худо бы еслибы на станціи отъ Москвы до Казани поставили лошадей по сорокъ до февраля мѣсяца, ибо посылокъ много быть можетъ: все же и сіе самое уже сдѣлаетъ въ людяхъ импрессию о сильныхъ мѣрахъ кои берутся“. Высочайшее повелѣніе это князь Вяземскій 28 ноября объявилъ Сенату съ прибавленіемъ что лошади

* Указы Военной Коллегіи полковымъ командирамъ, отъ 30 ноября 1773.

** Указъ Военной Коллегіи, отъ 7 декабря 1773, № 544.

*** Предписанія полковымъ командирамъ. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 295.

должны быть поставлены съ повозками и упряжью. * Въ-стѣ съ тѣмъ 30 ноября Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы ни колодниковъ, ни назначенныхъ на поселеніе въ Сибирь и Оренбургскую губернію туда не отправлять, а посылать ихъ въ Александровскую крѣпость, въ Азовъ и Таганрогъ, въ Финляндію на крѣпостныя работы и въ Ригу на работы по Двинѣ. Тѣхъ же колодниковъ и поселенныхъ которые находились временно въ Казанской губерніи и число коихъ было весьма значительно, отправить въ Азовъ и Таганрогъ, чрезъ Воронежскую губернію, небольшими партіями, человекъ по тридцати и на канатахъ.

„А о Полакахъ, писалъ Сенатъ, ** находящихся въ Казани и прибываемыхъ изъ Сибири, для возвращенія въ отечество сдѣлать немедленно разсмотрѣніе и распоряженіе Военной Коллеги“. Последняя приказала остановить всѣхъ конфедератовъ и сосредоточить ихъ въ двухъ пунктахъ: въ Тобольскѣ и Казани; но когда Бибииковъ нашелъ это неудобнымъ, то приказано было тѣхъ которые находились въ Казанской губерніи отправить чрезъ Москву и Смоленскъ до границы. ***

Поручая Бибиикову умиротворить край во всѣхъ отношеніяхъ и зная что въ Казани содержится „нѣсколько разглашателей объ извѣстномъ самозванцѣ Пугачевѣ“, императрица поручила ихъ въ „полное вѣдомство генераль-аншефа Бибиикова“ и съ этою цѣлью при немъ была составлена особая коммиссія, получившая въ послѣдствіи названіе *секретной*. **** Въ составъ этой коммиссіи были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Луницъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Василій Собакинъ и секретарь тайной экспедиціи въ Сенатѣ Зряховъ. Имъ

* Архивъ Сената. Высочайшія повелѣнія, кн. 135, листъ 573. Въ XIII т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества записка императрицы ко князю Вяземскому ошибочно отнесена къ январю 1774 года.

** Въ указѣ Военной Коллеги отъ 30 ноября 1773. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Рекрутская экспедиція. Опись 28, св. 484, № 9575.

*** Постановленіе Военной Коллеги 27 февраля 1774. Моск. Арх. Главн. Штаба. Опись 28, св. 484.

**** Высочайшій указъ казанскому губернатору 30 ноября 1773.

приказано было отправиться въ Казань какъ можно скорѣе и не дожидаясь пріѣзда Бибикова приступить къ занятіямъ.

Независимо отъ членовъ секретной коммисіи, въ распоряженіе Бибикова назначены: генераль-майоръ Мансуровъ и князь Петръ Голицынъ, „изъ коихъ сему послѣднему, въ Москвѣ теперь находящемуся, писала Военная Коллегія А. И. Бибикову, * у васъ и явиться велѣно, а Мансуровъ отправляется въ Симбирскъ, къ слѣдующимъ туда чрезъ Воронежъ изъ Смоленска легкимъ полевымъ командамъ“. Съ Бибиковымъ отправлены командиръ Великолудскаго полка, полковникъ Юрій Бибиковъ, ** одинъ инженерный офицеръ, одинъ лѣкарь, одинъ офицеръ генеральнаго штаба, и „для большаго оказательства“ ему разрѣшено было взять съ собой изъ гвардіи нѣсколькихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ и двѣнадцать гренадеръ. *** Въ числѣ выбранныхъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Г. Р. Державинъ, а лейбъ-гвардіи Коннаго полка адъютантъ князь Волконскій и поручикъ Кошелевъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Толстой отправившись въ Казань волонтерами.

На первый случай Бибиковъ могъ располагать только четырьмя полками, **** въ которыхъ было до 2,547 пѣхотинцевъ и 1,562 кавалеристовъ. Въ его распоряженіе должны были поступить 1,718 человекъ строевыхъ, съ 16 орудіями, находившіеся въ четырехъ полевыхъ командахъ, получившихъ приказаніе вмѣсто Саратова слѣдовать въ Симбирскъ, † отрядъ генераль-майора Фреймана (въ которомъ къ

* Въ указѣ отъ 29 ноября 1773. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербурѣ). Кн. I, листъ 250.

** Указъ Военной Коллегіи фельдмаршалу графу Разумовскому 4 декабря 1773. Тамъ же, листъ 422.

*** Протоколъ Государственнаго Совѣта 28 ноября 1773. Арх. Государственн. Совѣта. Кн. I, 444.

**** Вторымъ гренадерскимъ (1,552 строевыхъ) и Владимірскимъ пѣхотнымъ (995 строевыхъ) полками, Изюмскимъ гусарскимъ (703 строевыхъ) и Архангелогородскимъ карабинернымъ (859 строевыхъ). Въ статьѣ Д. Анучина: *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину* приведены иныя цифры численности полковъ. Разница происходитъ отъ того что онъ приводитъ весь списочный составъ полковъ, а здѣсь приведены только тѣ чины которые могли выйти въ строй.

† Къ половинѣ ноября состояло: въ 22й легкой полевой командѣ 368 человекъ строевыхъ и 60 драгунъ; въ 23й—371 человекъ стро-

10 декабря было только 1.754 человекъ строевыхъ съ 11 орудіями), * 280 человекъ Бахмутскихъ гусаръ и наконецъ отрядъ Деколонга, находившійся въ Троицкой крѣпости. **

На усиленіе войскъ въ Москвѣ отправлены были туда изъ Новгорода гренадерская рота Вятскаго пѣхотнаго полка и изъ Ладоги весь Нарвскій пѣхотный полкъ. „Кажется всего сего довольно, писалъ графъ Чернышевъ князю Волконскому, *** но дальность меня безпокоитъ и печалитъ то разореніе которое *плутецъ* (Пугачевъ) до прихода сего причинить.“

Дѣйствительно, „плутецъ“ долго еще могъ хозяйничать безнаказанно, такъ какъ даже и тѣ войска которыя были отправлены изъ Финляндіи и окрестностей Петербурга могли прибыть въ Казань не ранѣе первыхъ чиселъ января 1774 года, а остальные и гораздо позже.

Войска эти были большею частію въ походѣ и еще далеко отъ мѣста дѣйствій. Не скоро можно было приступить къ фактическому усмирению мятежниковъ, и потому А. И. Бибиковъ не особенно торопился отъѣздомъ изъ столицы, но призналъ необходимымъ отправить впередъ членовъ секретной комиссіи. Онъ приказалъ имъ ѣхать какъ можно скорѣе въ Казань и открыть засѣданія не ожидая его пріѣзда, дабы „укротить хотя мало бунтующія души въ городѣ и во всемъ околоткѣ, а наказаніемъ на первый случай преступниковъ заставить молчать ядомъ напоенныя сердца.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. ДУБРОВИНЪ.

евыхъ и 60 драгунъ; въ 24й—366 строевыхъ и 62 драгуна; * въ 25й командѣ—371 человекъ строевыхъ и 60 драгунъ. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листы 314, 391, 436 и 513.

* Къ 26 ноября въ отрядѣ Фреймана было: пѣхоты 1.288 человекъ строевыхъ, 234 казака и 631 Башкирецъ, а за побѣгомъ Башкирецъ къ 10 декабря состояло: пѣхоты 1.293 строевыхъ, 270 казаковъ и 191 Башкирецъ—всего 1.754 человекъ. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листы 104 и 325.

** Въ отрядѣ Деколонга состояли: двѣ легкія полевыя команды, одна губернская и три гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ и 150 казаковъ. Указы Военной Коллегіи генераламъ Фрейману и Деколонгу 30 ноября 1773. Моск. Арх. Главн. Штаба. Опись 47, кн. 53.

*** Въ письмѣ отъ 29 ноября 1773. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ). Кн. I, листъ 295.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКѢ *

VIII. Антагонизмъ протестантизма съ католицизмомъ и стремленіе къ объединенію.

Сила католицизма и слабость протестантизма. — Исконный врагъ протестантизма. — Стремленіе къ единенію. — Чѣмъ менѣе доступно, тѣмъ болѣе настоятельно. — Невѣріе. — Начало движенія. — Обосновавіе Евангелическаго Союза. — Вѣра во Христа какъ базисъ единенія. — Платформа. — Ея властичность. — Религіозная свобода какъ дѣйствительный базисъ для протестантскаго единенія. — Неоправданная надежда и цѣль въ будущемъ. — Организація. — Судьба единенія и филантропіи. — Др. Филиппъ Шаффъ. — Почему была желательна конференція въ Нью-Йоркѣ? — Официальное приглашеніе. — Поѣздка Шаффа въ Европу. — Аудиенція у императора Вильгельма и ея значеніе. — Предварительныя приготовленія. — Печать. — Вселенскій протестантскій соборъ. Средоточіе богословскихъ силъ. — Объединеніе. — Романизмъ какъ причина единенія. — Трудность задачи. — Чада свѣта. — Контрастъ. — Пріемъ делегатовъ и видимое единеніе. — Адамсъ, Стойтонъ, Фишъ, Дорверъ, Кристианъ и Нараянъ Шичарди. — Засѣданіе въ Steinway-Hall и третій пунктъ резолюціи. — Анализъ резолюціи. — Въ чемъ состояла конференція и на какія группы распалась? — Забвеніе вопроса о единеніи. — Устраненіе лицъ. — Устраненіе сектъ. — Универсалисты. — Открытое письмо священника-негра и африканскіе методисты. — Унитаріане и проповѣдь Др. Беллоуза. — Церковь епископальная. — Ея стремленіе къ соединенію съ Востокомъ и оппозиція конференціи. — Универсальная месса. — Складка съ духомъ. — Контрконференція свободномыслящихъ протестантовъ.

Въ своей статьѣ мы неоднократно проводили ту мысль что необычайно быстрое развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверо-Американской римско-католической церкви стоитъ въ ближайшей и непосредственной зависимости отъ завершенности ея ученія и обряда, тождества стремленій и

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 5 и 8.

цѣлей и единства дѣйствія, и что основная причина сравнительнаго безсилія протестантизма по ту сторону Атлантическаго океана лежитъ въ разнообразіи его ученій, въ разнохарактерности цѣлей, свободѣ дѣйствія каждой отдѣльной секты и неконтрольности въ дѣлѣ вѣры каждаго вѣрующаго. Церковь Рима представляетъ одинъ слѣдочный въ корпорацію организмъ, который живетъ общею, обнимающею какъ отдѣльныя части организма, такъ и весь организмъ, жизнью, почему она и въ силахъ проявлять необычайную энергію и непомерную силу въ своемъ развитіи. Протестантская же церковь распадается на цѣлый сонмъ независимыхъ другъ отъ друга организмовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею особою жизнью. Церковь Рима зорко слѣдитъ за дробленіемъ протестантизма на секты и деноминаціи и извлекаетъ изъ этого дробленія послѣдующую пользу. Подобно пчелѣ собирающей душистые соки съ разсыпавшихъ по полю цвѣтовъ, она изъ всѣхъ протестантскихъ сектъ беретъ прозелитовъ, и подобно тому какъ пчела несетъ соки въ улей и передѣлываетъ ихъ въ сотъ, католицизмъ группируетъ прозелитовъ около лалскаго средоточія и превращаетъ ихъ въ вѣрныхъ чадъ своей церкви. Рознь протестантизма идетъ на пользу Рима. Предоставивъ себя процессу дробленія, Протестантская церковь неизбежно наноситъ себѣ двойкій ущербъ: во первыхъ, она лишается части своихъ послѣдователей, уменьшаетъ численно свой лагерь, и, во вторыхъ, передаетъ прозелитовъ въ лоно Римской церкви и тѣмъ самымъ увеличиваетъ его численно. Такъ какъ Римъ вербуетъ прозелитовъ во всѣхъ протестантскихъ сектахъ, то въ результатъ количество прозелитовъ оказывается довольно значительное, во всякомъ случаѣ несравненно большее число чѣмъ переходящихъ изъ одной протестантской секты въ другую.

Представители протестантизма, его духовные вожди и теологи, не могутъ не видѣть что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе дробящаяся и распадающаяся на секты и деноминаціи Протестантская церковь постоянно подрываетъ къ себѣ уваженіе и довѣріе въ своихъ же послѣдователяхъ. Ища истины и вмѣсто нея обрѣтая у себя разногласія и споры, нестроеніе и рознь, протестанты переходятъ въ церковь Рима, которая представляется пытливому уму ихъ носительницей истины уже потому одному что не дѣлится и не дробится на секты, а сохраняетъ величіе своего единства, силы

и могущества. Это неизбежное и лагубное послѣдствіе несогласія и розни, къ которому протестантизмъ всегда долженъ быть готовъ и тѣмъ болѣе во дни обостренности религіозныхъ интересовъ. Своимъ единствомъ Римъ постоянно будетъ привлекать къ себѣ новыхъ прозелитовъ изъ лона разнородныхъ протестантскихъ сектъ.

Въ чемъ же видятъ протестанты средство для выхода изъ этого безотраднaго положенія? Противустоятъ католицизму они очевидно не могутъ мѣрами протестантскими. Въ церкви Протестантской, предоставившей всѣмъ вѣрующимъ безграничную свободу и не связавшей ея никакимъ авторитетомъ, такихъ мѣръ къ тому же и нѣтъ. Между тѣмъ, для обузданія Рима требуются средства которыя своимъ значеніемъ равнялись бы причинѣ способствующей его росту, и составляли бы противовѣсъ обаянію переманивающему протестантовъ въ католицизмъ. Словомъ, единству римскому Протестантская церковь должна противопоставить единство протестантское, по своимъ признакамъ вполнѣ отвѣчающее единству Рима. Иного средства для излеченія своей слабости и самосохраненія нѣтъ и быть не можетъ. Тутъ либо всесильное единство, либо всеразлагающая рознь. Вотъ почему въ протестантскомъ мѣрѣ время отъ времени подымается вопросъ объ объединеніи церквей и сектъ.

Стремленіе это не есть явленіе мимолетное и необычное для протестантскаго лагеря. Иногда, во дни сильнаго роста Римско-Католической церкви, оно одновременно сказывается во многихъ церквахъ и сектахъ, увлекаетъ духовенство, теологовъ и мірянъ, подымаетъ духъ взаимной терпимости и общительности, длится цѣлые годы, но затѣмъ вновь пропадаетъ, не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Словомъ, желаній и намѣреній основать единство у протестантовъ много; но горе ихъ состоитъ именно въ томъ что они не въ силахъ осуществить ихъ, провести въ практическую жизнь и содѣлать своимъ жизненнымъ достояніемъ. Благими намѣреніями вымощенъ адъ; но какъ ада они не могутъ превратить въ рай, такъ и Протестантскую церковь желанія не въ силахъ довести до дѣйствительнаго объединенія. Ея желанія едва-едва, съ большими натяжками и трудомъ, съ боязливостію и опасеніемъ переходятъ только въ робкія попытки, которыя не приводятъ и не могутъ приводить ни къ какимъ положительнымъ

результатамъ. Причина этого явленія лежитъ очевидно не во внѣшнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ протестантизма, а во внутреннихъ его свойствахъ, въ основныхъ его началахъ.

Помимо католическаго единства Протестантская церковь имѣетъ по ту сторону Атлантическаго океана еще много врага. Онъ выродился изъ лона самой Протестантской церкви. Разумѣемъ здѣсь невѣріе, которое есть кость отъ костей и плоть отъ плоти протестантизма. Врагъ этотъ разлагаетъ протестантскія церкви и секты еще болѣе чѣмъ римское единство, но на него менѣе обращается вниманія по той простой причинѣ что онъ, какъ дѣло частныхъ лицъ, а не корпорацій менѣе доступенъ ударамъ. Справиться съ нимъ чрезвычайно мудро; онъ неуловимъ и неуязвимъ. Тутъ пришлось бы говаться за лица, за каждымъ отдѣльнымъ организмомъ одареннымъ свободой и потому располагающимъ свой внутренней религіозный міръ по своему. А между тѣмъ невѣріе всецѣло отражается на такъ-называемыхъ американскихъ универсалистахъ спасенія, на американскихъ вѣдцерковникахъ, послѣдователяхъ спиритизма и т. д. Что касается вѣдцерковниковъ, то ихъ въ среднемъ выводѣ насчитывается въ Америкѣ до 7½ милліоновъ душъ. Исчислить универсалистовъ нѣтъ возможности, такъ какъ они не составляютъ отдѣльной корпораціи, а разсыяны по всѣмъ церквамъ, сектамъ и деноминаціямъ. Спиритовъ въ 1870 году въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось по умѣренной оцѣнкѣ до 2½ милліоновъ. На собраніи спиритовъ въ Чикаго въ сентябрѣ 1873 года одинъ изъ послѣдователей этого моднаго вѣроученія, нѣкто W. B. Anthony Higgins, представитель спиритовъ изъ Нью-Джерси, утверждалъ что въ Америкѣ до 9 или 10 милліоновъ спиритовъ. * Цифры эти чрезвычайно значительны. Относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ невозможно. Онѣ ясно указываютъ что результаты порождаемые протестантизмомъ поразительны по своей громадности. Но этого еще недостаточно. Здѣсь необходимо обратить вниманіе еще и на другую сторону дѣла. На Чикагоской конференціи спиритовъ тотъ же Гиггинсъ въ рѣчи своей, сопровождавшейся рукоплесканіями, говорилъ слѣдующее: „Насъ называютъ спиритами. Я имѣю иного рода наименованіе для

* *New York Herald*, отъ 18 сентября 1873 года.

нашей церкви, а именно: анти-христианъ (*рыкоплексанія*). Чтобы быть послѣдовательными спиритами, мы должны измѣнить не только людей, но и теорію. Въ нашей странѣ мы стараемся развивать право to be happy as best we may (быть какъ можно счастливѣе). Съ тѣхъ поръ какъ христиане перестали возвышать человечество, мы должны стремиться чтобы возвышеніе это пошло по иному пути... Каждый человѣкъ имѣеть наибѣе правое распоряжаться своимъ тѣломъ и своею душой"... Исходя отсюда, Гиггинсъ доказывалъ необходимость провозглашенія индивидуальной свободы въ качествѣ основнаго фактора какъ въ политической и социальнѣй сферѣ, такъ и сферѣ религіозной. На томъ же засѣданіи другой ораторъ, миссъ Анна М. Middlebrook изъ Коннектикута, говорила: „Стоя сегодня вечеромъ здѣсь, я вполне готова способствовать разрушенію христіанской религіи. Въ политическомъ отношеніи я совершенная мятежница. Я заявляю объ этомъ съ полною смѣлостью. Республика наша есть республика обмана. Что касается социальнымъ проблемъ, то я революционерка. Зачѣмъ намъ, живущимъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, ради нашихъ доктринъ обращаться за восемнадцать столѣтій назадъ? Развѣ изъ современной жизни мы не можемъ научиться несравненно большому? Еслибы мы были способны дорости до современной философіи, то мы могли бы усмотрѣть даже то время когда высохшія какъ муміи христіанскія вѣроченія (the mummy creeds of Christianity) будутъ испровергнуты“, * Но и этихъ фактовъ еще мало. На одной изъ свободно-религіозныхъ сходокъ протестантовъ, происходившей въ Нью-Йоркѣ въ октябрѣ 1873 года, о которой намъ придется еще говорить въ концѣ главы, одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ президенту собранія, мистеру Frothingham, со слѣдующими словами: „Вчера вечеромъ я былъ здѣсь и слышалъ какъ одинъ изъ ораторовъ употреблялъ слово „Богъ“. Принимая въ соображеніе то обстоятельство что на свѣтѣ не мало боговъ, осмѣливаюсь предложить чтобы на будущее время каждый ораторъ упоминаній о богѣ былъ обязанъ объявлять какого именно бога онъ имѣеть въ виду“. ** Факты эти не требуютъ поясненій.

* Тамъ же.

** N. Y. Staats-Zeitung, отъ 16 октября 1873 года.

Нечего удивляться поэтому что въ Америкѣ въ протестантскомъ лагерѣ бездна людей считающихъ совершенно излишнимъ крестить своихъ дѣтей; крещеніе же есть дѣло внешней формальности, отнюдь не обязательное для спасенія, а потому его можно и не совершать.

Вотъ прямыя результаты выродившіеся въ Америкѣ изъ основныхъ протестантскихъ принциповъ. Свобода вѣры, не стѣсняемая и нерегулируемая авторитетомъ церкви, превращается по ту сторону Атлантическаго океана въ своеволіе, своеволіе ведетъ къ дробленію, дробленіе къ подрыву довѣрія и уладку уваженія, уладокъ уваженія къ равнодушію, равнодушіе къ отрицанію. Путь отъ безграничной свободы вѣры къ полному невѣрію не далекъ и не особенно сложенъ.

Противъ этого врага Протестантская церковь думаетъ бороться тѣмъ же средствомъ что и противъ Рима, то-есть объединеніемъ, а слѣдовательно и оживленіемъ протестантизма. Она надѣется однимъ ударомъ побороть какъ Римскую церковь, такъ и религиозное невѣріе.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ стремленія Протестантской церкви къ объединенію стали клониться къ одному общему средоточію и повели за собой основаніе общества извѣстнаго подъ названіемъ Евангелическаго Союза; что же касается окончательнаго и возможно - практическаго осуществленія этихъ стремленій, то протестантскій міръ ожидалъ его отъ генеральной конференціи Евангелическаго Союза, состоявшейся въ Нью-Йоркѣ въ 1873 году. Къ изслѣдованію того и другаго явленія мы теперь и переходимъ.

Сознаніе внутренней слабости особенно сильно стало сказываться въ Протестантской церкви въ началѣ настоящаго столѣтія. Во всемъ протестантскомъ мірѣ обнаружилось въ это время какое-то смутное броженіе, затрогивавшее интересы всѣхъ большихъ протестантскихъ церквей и сектъ и привлекавшее къ себѣ вниманіе какъ духовныхъ представителей и теологовъ, такъ и мірянъ. Въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ, въ одномъ изъ центровъ протестантскаго міра, именно въ Англіи, окончательно наварѣлъ и совершился подъемъ духа, и потому въ ней стало обнаруживаться повсемѣстное и сильное желаніе выяснитъ смыслъ броженій и дать имъ тотъ или иной исходъ. Причина несостоятельности и слабости протестантизма скорѣе была признана окончательно и безповоротно; ее приурочили

къ дробленію и распаденію протестантизма на церкви, секты и деноминаціи. Вместе съ этимъ, изслѣдователи внутренняго состоянія протестантизма поняли очень хорошо что для восстановления ея крѣпости необходимо прибѣгнуть къ мѣрамъ экстраординарнымъ, необычнымъ для протестантскаго міра. Разсуждая объ этихъ средствахъ, представители церквей и теологи раздѣлились въ своихъ сужденіяхъ. Одни изъ нихъ полагали что Протестантская церковь потеряла возможность сама, своими мѣрами, оживить протестантизмъ, и утверждали что для спасенія его необходимо прибѣгнуть къ стороннимъ мѣрамъ, лежащимъ внѣ его кругозора или юрисдикціи, то-есть ко сліянію его либо съ римскимъ католицизмомъ, либо съ восточнымъ православіемъ. Изъ этого лагеря выдвинулась цѣлая школа богослововъ, направившая свои силы на изученіе исторіи, богословія и обрядности Православной и Католической церквей и породившая цѣлую серію ученыхъ изслѣдованій, трактатовъ, почему ей и усваивается общее наименованіе „tractarian movement“. Школа эта выдѣлила много первоклассныхъ богослововъ и въ томъ числѣ извѣстныхъ у насъ въ Россіи, Пьюзи, Ньюманъ, Нилъ, Пальмера и другихъ. Въ послѣдствіи она, послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ соединенію съ Православною церковью Востока, почти вся поголовно перешла въ лоно Римско-Католической церкви. Школа эта безспорно имѣла большое вліяніе на усиленіе какъ католицизма, такъ и ритуализма въ предѣлахъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Одинъ изъ плеяды богослововъ этой школы, Ньюманъ, живъ еще донынѣ. Пала возвелъ его недавно въ санъ кардинала за услуги оказанныя имъ учеными трудами Римской церкви. Ученые труды его до сихъ поръ не утратили свѣжести и долго еще будутъ читать католицизмъ въ Англіи и Америкѣ.

Другая часть богослововъ полагала что для восстановления силъ протестантизма нѣтъ необходимости обращаться за цѣлебнымъ средствомъ ни къ католицизму, ни къ православію и что онъ самъ въ себѣ самомъ имѣетъ достаточныя задатки внутренняго оживленія и укрѣпленія. Для этой цѣли, по ихъ мнѣнію, было достаточно слить различныя деноминаціи протестантизма въ одно цѣлое, и дѣло будетъ сдѣлано. Будучи объединены, онъ получитъ возможность не только бороться противъ своихъ враговъ, романизма и невѣрія, но и побѣдить ихъ и такимъ образомъ занять въ мірѣ подобающее значеніе.

Искать каеолоичности въ собственныхъ предѣлахъ Протестантской церкви, говорили они, нѣтъ нужды, такъ какъ она сама каеолоична и водима Святымъ Духомъ. Центромъ этого движенія стала Англія, но къ ней скоро примкнули протестанты другихъ странъ, и предварительная работа объединенія стала все болѣе и болѣе выясняться и опредѣляться. Протестантскіе богословы, духовенство и выдающіеся міряне съ 1842 года послѣдовательно собирались въ Глазго, Единбургъ и Ливерпуль и, наконецъ, послѣ долгихъ и напряженныхъ преній, среди нихъ созрѣла и выяснилась мысль о необходимости создать специальное общество, которое поставило бы своею задачей если не осуществить практическое единеніе церквей и сектъ немедленно, то по крайней мѣрѣ регулярно развивать и проводить идею единенія всѣми предоставленными въ его распоряженіе средствами. Мысль эта ободрила весь протестантскій міръ, всѣ его церкви и секты. Радость и надежда снова засіяла на лицахъ протестантовъ. И вотъ въ августѣ 1846 года въ Лондонъ изъ Англіи, Ирландіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италиі, Турціи, Соединенныхъ Штатовъ, Канады и другихъ странъ прибыло болѣе 900 делегатовъ, принадлежавшихъ къ „пятидесяти разнороднымъ церковнымъ организаціямъ“; въ числѣ делегатовъ были духовные и міряне, профессора богословія и выдающіеся писатели. * Они собрались въ залахъ вольныхъ каменьщиковъ на экстраординарную конвенцію, основали Евангелическій Союзъ, порѣшили признать свое собраніе „первою генеральною конференціей“ Союза и провозгласили единеніе Протестантской церкви совершившимся фактомъ. *Unum corpus sumus in Christo*, сказали члены лондонской конференціи, и съ той поры эта латинская фраза стала девизомъ Евангелическаго Союза.

Какого же рода единеніе дала лондонская конференція Союзу Протестантской церкви? Было ли провозглашенное ею единеніе действительно церковнымъ единеніемъ и была ли она сама въ строгомъ смыслѣ слова собраніемъ церковныхъ и правоспособныхъ представителей? На всѣ эти вопросы можно дать только отрицательный отвѣтъ. Лондонская конференція,

* *New York Observer*, органъ американскихъ пресвитеріанъ, отъ 25 сентября 1873 года насчитывалъ делегатовъ около 800, а *New York Herald* отъ 27 августа 1873 года утверждалъ что ихъ было 921.

прежде всего, не могла имѣть притязанія на строго-церковный характеръ. Протестантскія церкви и секты, когда понадобился рѣшительный шагъ, отнеслись къ дѣлу единенія въ высшей степени боязливо и сдержанно. Онѣ очень хорошо понимали что, выступая въ качествѣ официальныхъ приверженцевъ идеи церковнаго единенія, онѣ легко могутъ поставить себя въ крайне ложное и фальшивое положеніе. Ихъ притязанія легко могли быть заподозрѣны и истолкованы превратно, какъ посягательства одной на независимость всѣхъ остальныхъ, какъ домогательство главенства одной надъ всѣми другими, чего конечно не могли и не желали допустить эти другія, какъ въ совокулности такъ и каждая порознь. Вотъ почему секты и церкви какъ будто съ общаго согласія рѣшили не принимать на лондонской конференціи прямаго и непосредственнаго участія. Не зная что произойдетъ на конференціи и въ какую форму отойдетъ идея единенія, онѣ предпочли оставаться вдали отъ занятій конференціи, принявъ роль стороннихъ и выжидающихъ наблюдателей. Безъ сомнѣнія, онѣ дѣлали надежду воспользоваться работами Союза, еслибъ ему дѣйствительно удалось разработать планъ церковнаго единенія настолько что практическое осуществленіе его казалось бы возможнымъ. Вотъ объясненіе почему, отправляя своихъ представителей въ Лондонъ, онѣ не снабдили ихъ полномочіями явиться на конференцію въ качествѣ церковныхъ делегатовъ, которые бы отъ имени ихъ вели пренія и подписи коихъ были бы обязательны для будущей церковной дѣятельности. Такимъ образомъ оказывалось что учрежденіе Союза было дѣломъ частнымъ, не церковнымъ, дѣломъ профессоровъ богословія, а затѣмъ уже представителей духовенства, которые хотя и облечены были тѣмъ или инымъ духовнымъ саномъ въ своихъ церквахъ, но на конференцію явились въ качествѣ не епископовъ и пасторовъ, а специалистовъ и экспертовъ церковнаго дѣла. Они на свой частный лачинъ и на свой собственный страхъ съѣхались вмѣстѣ, составили собраніе, створились и учредили *добровольную конфедерацию*, которую и назвали „Евангелическимъ Союзомъ“.

Во имя чего же именно состоялось объединеніе? Во имя чего представители пятидесяти разнородныхъ церковныхъ организацій или слишкомъ 900 членовъ конференціи наши возможнымъ пожертвовать религіозною незави-

симостью церквей? И дѣйствительно ли основанное въ Лондонѣ единеніе устраняло принципъ Протестантской церкви, религиозную свободу въ дѣлѣ вѣры? *Unum corpus sumus in Christo*, говорили члены конференціи и тѣмъ заявили міру что единеніе ихъ состоялось во имя Христа, что по свойству своему оно есть христіанское единеніе. *Единеніе чрезъ стѣну во Христа*, говорили они далѣе, *есть основа для христіанскаго единенія*. Достаточно однако припомнить что въ древне-христіанской церкви лицо Іисуса Христа постоянно было центромъ церковныхъ разногласій; различное пониманіе догмата о лицѣ Іисуса Христа нѣсколько столѣтій сряду порождало ереси и было причиною раздѣленій церковныхъ; для прекращенія раздѣленій и установленія точнаго церковнаго ученія о лицѣ Іисуса Христа созывались церковью вселенскіе соборы, и только при помощи ихъ церкви удалось прекратить разногласія и раздѣленія. Члены лондонской конференціи, одушевленные идеей о необходимости единенія, не видѣли и не хотѣли видѣть шаткости своей основы. Какъ протестанты, отрицающіе внутреннее церковное значеніе вселенскихъ соборовъ, они не хотѣли принимать урокамъ исторіи. Къ тому же свое дѣло, свое единеніе они считали только попыткой, которая, еслибъ и не привела церкви къ дѣйствительному единенію, то отнюдь не могла измѣнять положенія церквей и сектъ къ худшему. Не имѣя другаго исходнаго пункта, они ухватились за вѣру во Христа какъ за единственную основу находившуюся въ ихъ распоряженіи. И вотъ, отирающаяся отъ этой основы, они постарались начертать прежде всего нѣчто въ родѣ исповѣданія вѣры, или, выражаясь по-американски, *платформу*, коею Евангелической Союзъ имѣлъ руководиться въ своей дѣятельности. Всѣ члены Союза согласились признавать:

Вопервыхъ, богодуховенность, авторитетъ и достаточность Священнаго Писанія.

Вовторыхъ, право и обязанность частнаго сужденія въ дѣлѣ толкованія Священнаго Писанія.

Втретьихъ, единство Божества и троичность Лицъ.

Вчетвертыхъ, конечное разращеніе рода человѣческаго вслѣдствіе грѣхопаденія.

Впятыхъ, воплощеніе Сына Божія, искушеніе Имъ грѣшнаго рода человѣческаго, Его посредствующее ходатайство и царство.

Вшестыхъ, оправданіе грѣшника одною вѣрой.

Вседьмыхъ, содѣйствіе Св. Духа въ дѣлѣ обращенія и освященія грѣшника.

Ввосьмыхъ, безсмертіе души, воскресеніе тѣла, судъ Господа нашего Иисуса Христа надъ міромъ, вѣчное блаженство праведниковъ и вѣчное наказаніе для нечестивыхъ.

Вдевятыхъ, божественное учрежденіе должности христіанскихъ проповѣдниковъ, обязательность и неотмѣнимость установленій (ordnances) крещенія и причащенія. *

Платформа эта такъ широка что можетъ обнять всѣхъ протестантовъ, какихъ бы частныхъ исповѣданій они ни придерживались и къ какимъ бы церквамъ и сектамъ ни принадлежали. Она соединяетъ въ себѣ истины не только такъ называемыхъ евангелическихъ исповѣданій, но и всего вообще протестантства, на что въ 1873 году и указывала американская печать. Но членамъ генеральной лондонской конференціи эта ширина казалась еще недостаточною. Не зная съ увѣренностію отвѣтить ли основа единенія требованіямъ жизни и какаа судьба въ будущемъ постигнетъ Союзъ, они предусмотрительно позаботились придать своей платформѣ властичность, способность растяжимости и сокращаемости, какъ и совершеннаго видоизмѣненія. Вслѣдъ за приведенными пунктами вѣры они признали благоразумнымъ внести въ платформу слѣдующія оговорки: „вопервыхъ, что этотъ краткій перечень не можетъ быть разсматриваемъ ни съ формальной, ни съ церковной стороны какъ символъ или исповѣданіе вѣры, что признаніемъ его не присвоивается право съ полнымъ авторитетомъ и на будущее время опредѣлять границы христіанскаго братства и что онъ есть простая декларація извѣстнаго класса людей желающихъ вступить въ Союзъ; и вовторыхъ, что избраніемъ извѣстныхъ положеній (tenets) съ олущеніемъ другихъ отнюдь не заявляется будто первыя опредѣлили собою весь кругъ важнѣйшихъ истинъ или будто позднѣйшія уже не могутъ имѣть никакой важности“ **. Оубликуывая свою платформу, Союзъ

* См. *New York Observer* отъ 25 сентября 1873 года; *N.-Y. Herald* отъ 21, 27, 29 сентября 1873 года; *N. Y. Staats-Zeitung* отъ 1 октября 1873 года, а равно и всѣ другія большія нью-йоркскія газеты за августъ и сентябрь 1873 года.

** Тамъ же.

постоянно выставляетъ въ ней вслѣдъ за пунктами вѣры и этотъ эластическій параграфъ, то-есть придаетъ ему такое же значеніе какъ и самимъ пунктамъ вѣры. Очевидно, одной ширины платформы было недостаточно для проявленія той или иной его дѣятельности, и въ виду этого устроена такая лазейка въ которую члены Союза могли бы при первомъ же натискѣ жизни ускользнуть на вольный воздухъ протестантизма чтобы составить новую платформу. Подобнымъ дѣйствіемъ Союзъ призналъ во внутреннемъ содержаніи протестантскихъ вѣроисповѣданій двѣ существенныя стороны: одну, поддающуюся въ извѣстной степени объединенію, и другую не поддающуюся никакой взаимной связи. Предоставляя вторую, по самому свойству ея, личной свободѣ возрѣвнѣя индивидуумовъ и частныхъ, то-есть разрозненныхъ, церквей и сектъ, онъ и первой не могъ придать обязательнаго и устойчиваго значенія, такъ какъ усвоилъ ей характеръ измѣняемости. Вотъ почему заимствованное Союзомъ изъ Римско-Католической церкви и приложенное имъ къ своей дѣятельности латинское изреченіе: „in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas“, (въ существенномъ единеніе, въ сомнительномъ свобода, во всемъ милосердіе) не вполне могло относиться къ Союзу. Существеннаго содержанія, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ не имѣлъ и не могъ имѣть, когда, издавая платформу, призналъ необходимымъ устроить въ ней заднюю дверь, выводящую его членовъ на свѣжій вольный воздухъ. Такимъ образомъ, официально и гласно полагая въ основу единенія вѣру во Христа, какъ единственно возможный базисъ находящійся въ его распоряженіи, Союзъ въ дѣйствительности признавалъ для взаимнаго единенія членовъ конференціи базисъ иного рода, а именно *религіозную свободу*, то-есть основной принципъ протестантизма. „Евангелическій Союзъ, такъ читаемъ въ одномъ изъ официальныхъ отчетовъ Союза *, состоящій изъ христіанъ различныхъ національностей и исповѣданій, былъ основанъ со спеціальною цѣлью слослѣдствовать религиозной свободѣ и христіанскому единенію, имѣющему въ основѣ своей эту свободу (for the

---

* Сморг. Report of the Deputation of the American Branch of the Evangelical Alliance, appointed to memorialize the Emperor of Russia in behalf of religious liberty. Printed by order of the Executive committee. New York 1871. Document VI, стр. 3.

express purpose of promoting religious liberty and Christian union on the basis of that liberty). Въ этомъ и заключается истинный результатъ до котораго дошелъ протестантизмъ въ своемъ стремленіи къ объединенію. Съ одной стороны, протестантизмъ стремится къ единенію и ради онаго безусловно долженъ пожертвовать частію своей свободы, къ чему пови-димому и готовится, а съ другой, заявляетъ что въ основу этого именно объединенія онъ полагаетъ свободу. Онъ учреждаетъ Союзъ съ тою цѣлью чтобы при его помощи связать независимость религіозную, которая въ Протестантской церкви служитъ исходнымъ началомъ и коренною причиною раздѣленія, нестройной и слабости, и въ то же время утверждаетъ что связать независимость можно только свободой же.

Таково-то воображаемое единство которое создали протестантскіе богословы своимъ ученымъ авторитетомъ. Это не дѣйствительное единство, а только тѣнь его, фикція, иллюзія. По истинѣ, можно удивляться какъ Евангелическому Союзу, состоявшему на первой генеральной конференціи болѣе чѣмъ изъ 900 членовъ или изъ представителей 50 разнородныхъ церковныхъ организацій, удалось провести даже эту тѣнь единенія. Задача его дѣйствительно была непосильно трудная: нужно припомнить здѣсь всю ту взаимную рознь церквей и сектъ, тотъ духъ религіозной нетерпимости и сепаратизма о которыхъ мы говорили въ прежнихъ главахъ, чтобы понять этотъ колоссальный трудъ. Съ другой стороны, не менѣе изумительно какъ самѣ церкви и секты могли позабыть свою рознь, проникнуться необычными для нихъ духомъ смиренія и взаимной терпимости чтобъ объединиться даже въ фиктивной платформѣ. Какъ бы ни была она широка по своему объему и содержанию и какими бы ни была она снабжена оговорками и лазейками, во всякомъ случаѣ она не явилась бы на свѣтъ Божій есабы богословы не отбросили обычную кичливость и заносчивость и не прониклись взаимною снисходительностью, умѣренностію и уступчивостію. Обстоятельство это всего лучше показываетъ какъ настоятельно было давленіе жизни на протестантскій міръ въ лицѣ римско-католическаго единства и всепоглощающаго невѣрія, и какъ сильно подъ вліяніемъ этого давленія окрѣпло въ протестантскомъ лагерѣ сознаніе пагубной розни и необходимости объединенія.

Такимъ образомъ, Евангелической Союзъ не оправдалъ немедленно и непосредственно послѣ своего образованія надеждъ кои возлагались на него протестантами. Не говоримъ здѣсь о богословахъ, ибо они какъ специалисты посвящены были въ сущность дѣла и вполнѣ понимали всю трудность и невыполнимость немедленнаго объединенія Протестантской церкви. Что же касается громадной массы мірянъ, то она дѣйствительно надѣялась что съ основаніемъ Союза немедленно будетъ установлено для всей Протестантской церкви какое-то видимое и осязаемое, формальное и органическое объединеніе. Достигнувъ только тѣни единенія, Союзъ отодвинулъ дѣйствительное единеніе въ неопредѣленное будущее и поставилъ его себѣ цѣлью къ которой онъ имѣлъ стремиться.

Чтобъ удобнѣе проводить, развивать и поддерживать среди протестантскихъ церквей и сектъ разбросанныхъ по всему земному шару идеи единенія, Союзу нельзя было имѣть только одинъ мѣстный центръ; ему нужно было создать нѣсколько центровъ, которые, дѣйствуя самостоятельно, поддерживали бы взаимную связь, общее согласіе и солидарность. Съ этою цѣлью на лондонской конференціи было рѣшено раздѣлить Союзъ на вѣтви. Всѣхъ вѣтвей было учреждено семь; каждая изъ нихъ обнимала извѣстный районъ:

первая—Соединенное Королевство Великобританіи и Ирландіи;

вторая—Соединенные Штаты Америки;

третья—Францію, Бельгію и французскую Швейцарію;

четвертая—Сѣверную Германію;

пятая—Южную Германію и нѣмецкую Швейцарію;

шестая—Британскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, и

седьмая—Востъ-Индію.

Вслѣдъ за тѣмъ, лондонская генеральная конференція Союза разработала общія правила объ отношеніи вѣтвей къ Союзу, объ открытіи новыхъ вѣтвей, о приѣмѣ членовъ и т. д. Между прочимъ, она постановила чтобы въ важнѣйшихъ вопросахъ ни одна вѣтвь не дѣйствовала единоличною властью, а переносила бы ихъ рѣшеніе на генеральныя конференціи Союза, которыя имѣли происходить періодически то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и состоять изъ делегатовъ отъ различныхъ вѣтвей. Чтобы сохранить взаимную солидарность было рѣшено вести правильную корреспонденцію между вѣтвями и непремѣнно обмѣниваться печатаемыми отчетами, обязательными для каждой вѣтви.

Дальнѣйшая судьба Союза такая же странная какъ и самое его учрежденіе. Она представляетъ двѣ отдѣльныя категоріи явленій: первая обнимаетъ исторію религіознаго движенія къ объединенію, вторая касается протестантской свободы. Союзъ послѣдовательно держалъ нѣсколько генеральныхъ конференцій: первую въ Лондонѣ въ 1846 году, вторую въ Парижѣ въ 1855 году, третью въ Берлинѣ въ 1857 году, четвертую въ Женевѣ въ 1860 году, пятую въ Амстердамѣ въ 1867 году, шестую въ Нью-Йоркѣ въ 1873 году и седьмую въ Базелѣ въ 1879 году. Въ теченіе сличкомъ тридцатилѣтняго существованія имъ было открыто много новыхъ вѣтвей, а именно: въ Швеціи, Турціи, Африкѣ, Австраліи, Новой Зеландіи и т. д. Идеи сближенія, объединенія и оживленія протестантизма Союзъ проводилъ на каждой своей конференціи и болѣе всего на нью-йоркской конференціи, о которой рѣчь будетъ впереди. Вообще можно сказать что идеи Союза нашли себѣ въ протестантскомъ мірѣ благопріятный откликъ и нѣкоторую поддержку. Онѣ понемногу стали проникать въ разрозненныя и разобщенныя протестантскія церкви и секты и оживлять надежду на взаимное объединеніе ихъ въ отдаленномъ будущемъ, хотя болѣе трезвые богословы и остались при прежнемъ своемъ возрѣніи что въ Протестантской церкви установить органическое единеніе невозможно. Въ теоретическомъ отношеніи разработка вопроса объ объединеніи со временъ лондонской конференціи до настоящаго времени не подвинулась. Вопросъ этотъ не только по содержанию, но и по формѣ, остается въ томъ же видѣ какъ въ 1846 году.

Что касается исторической судьбы общепротестантскаго принципа, религіозной свободы, то Евангелическій Союзъ съ первыхъ дней своего существованія поставилъ себѣ задачей не только объединеніе протестантизма, но и роль какого-то универсальнаго покровителя и защитника протестантовъ и протестантскихъ интересовъ. Въ этомъ отношеніи онъ заявилъ себя крайнею притязательностью, внимательствомъ во внутреннія религіозныя дѣла различныхъ странъ и государствъ и настойчивостію, чтобы не сказать назойливостію, въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей. Онъ просто-напросто хотѣлъ играть роль на міровой аренѣ, обратить на себя вниманіе и симпатіи протестантовъ всѣхъ странъ и отвлечь такимъ образомъ ихъ взоры отъ римскаго католицизма и современнаго невѣрія. Ему нужно было

показать протестантамъ что и онъ что-нибудь значитъ въ дѣлѣ веденія внутренней религіозной политики государствъ, что къ его голосу и желаніямъ прислушиваются государственныя власти и что заступничество его за протестантовъ и ихъ религіозную свободу имѣетъ вѣсъ у этихъ властей. Съ этою цѣлю онъ вмѣшивался въ религіозныя дѣла Испаніи, Швеціи, Турціи, Персіи, Японіи, Румыніи, даже Россіи. Читатели *Русскаго Вѣстника* вѣроятно не забыли еще пресловутой фридрихсгафенской депутаціи Союза къ покойному Государю Императору, когда делегаты европейскихъ и американскихъ вѣтвей вмѣшивались въ наши внутреннія русскія дѣла и ходатайствовали о расширеніи религіозныхъ правъ прибалтійскихъ Нѣмцевъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Русская печать 1871 года обстоятельно разбирала это дѣло и по достоинству оцѣнила какъ внутреннее значеніе этого вмѣшательства Союза въ дѣла Россіи, такъ и отвѣтъ правительства данный делегатамъ. Какъ извѣстно, князь Горчаковъ отказался представить Государю Императору адреса вѣтвей Союза, такъ какъ они были составлены неумѣло и излагали дѣло въ такой неумѣстной требовательной формѣ что могли оскорбить достоинство Россіи. Все это въ свое время было извѣстно русской читающей публикѣ. Но отъ русскаго читателя быть-можетъ укрылось одно очень ликаютное обстоятельство, обрисовывавшее закулисную сторону фридрихсгафенской депутаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего Евангелическаго Союза. Въ то время между делегатами депутаціи произошли раздоры и интриги, причемъ одною изъ причинъ несогласія и вражды послужила надѣтая профессоромъ Тишендорфомъ звѣзда ордена Станислава первой степени. Не станемъ вдаваться въ подробности этого дѣла, которыя подробно описаны въ книгахъ и брошюрахъ Вурстембергера и Тишендорфа, * между которыми по этому

* См. *Die Gewissensfreiheit in den Ostsee-Provinzen Russlands* von L. von Wurstemberger. Leipzig. 1872; *Die Evangelische Alliance-Deputation an Kaiser Alexander zu Friedrichshafen. Zur Abwehr der groben Entstellungen und Verleumdungen des Herrn von Wurstemberger* von C. von Tischendorf. Leipzig. 1872. *Die Evangelische Allianz-Deputation und Herr von Tischendorf. Seine Widerlegung* von L. von Wurstemberger. Leipzig. 1873; и въ качествѣ дополненія къ нумъ: *Report of the Deputation of the American Branch of the Evangelical Alliance, appointed to memorialize the Emperor of Russia in behalf of religious liberty.* New York. 1871.

предмету произошла даже печатная полемика. Окажемъ только что несогласія, вражда и интриги могли сказаться въ средѣ членовъ депутаціи только по сознанию неустойчивости предпріятого дѣла. Въ Римско-Католической церкви подобнаго происшествія не случилось бы. Покойный канцлеръ подмѣтилъ слабую сторону депутаціи и преподалъ ей поучительный урокъ; отказываясь представить Государю Императору адресъ депутаціи, онъ далъ ей понять всю неумѣтность вмѣшательства ея въ дѣла Россіи. Члены депутаціи почти перессорились между собою и разѣхались въ разныя стороны, не достигнувъ никакого результата.

Повторяемъ, судьба Евангелическаго Союза какаѣ-то странная. Основанный по частному почину протестантскихъ богослововъ, сметанный на живую нитку компромиссомъ весьма посредственнаго свойства, преслѣдующій туманныя или вовсе несуществимыя цѣли, Союзъ неизбѣжно долженъ былъ проявлять шаткость, разрозненность и предпочтеніе интереса отдѣльныхъ личностей интересу общаго дѣла. Чтобы замаскировать и скрыть свои слабыя стороны, онъ облачается въ туманную тенденціозность и тѣмъ еще болѣе расшатываетъ свои слабыя силы.

Перехода къ изслѣдованію происходившей на нашихъ глазахъ генеральной конференціи Евангелическаго Союза, состоявшейся въ 1873 году въ Нью-Йоркѣ, на которой по преимуществу обнаружилось стремленіе Союза объединить Протестантскую церковь, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ одной въ высшей степени замѣчательной личности, коей принадлежала самая видная и выдающаяся роль въ дѣлѣ устройства конференціи. Разумѣемъ доктора богословія Филиппа Шаффа.

Филиппъ Шаффъ родился въ Швейцаріи. Съ молодыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя изученію богословія, которое слушалъ въ швейцарскихъ и германскихъ университетахъ. Будучи молодымъ еще человѣкомъ, онъ упорнымъ трудомъ добился ученой степени доктора богословія и былъ избранъ профессоромъ въ Берлинскій университетъ. * Въ Берлинѣ онъ оставался впрочемъ недолго. Политическія и религіозныя убѣжденія влекли его въ новую страну за Океаномъ. Онъ переселился въ Соединенные Штаты и получалъ мѣсто

* Вурстембергера *Die Gewissensfreiheit*, стр. 66.

профессора въ Нью-Йоркской богословской семинаріи, известной подъ именемъ Union Theological Seminary. Америка сильно повліяла на складъ его воззрѣній и развила въ немъ эвергію. Изучивъ въ совершенствѣ англійскій языкъ, онъ скоро превратился въ совершеннаго Американца, за что его и хвалятъ и упрекаютъ его бывшіе товарищи по профессурѣ и сочлены европейскіхъ и американскіхъ вѣтвей Союза. * Но эта перемѣна не уменьшила его достоинствъ какъ теолога и экзегета. Когда въ Англіи возникла мысль о необходимости пересмотрѣть текстъ англійской Библии, Шаффъ дѣятельно ухватился за нее и предложилъ американскимъ богословамъ, безъ различія сектъ и деноминацій, заняться тѣмъ же дѣломъ на почвѣ Америки, и какъ только въ 1870 году въ Англіи для этой цѣли основалось цѣлое общество богослововъ и выдающихся церковныхъ представителей, Шаффъ послѣдовалъ не только учредить подобное же общество въ Америкѣ, но и установить между тѣмъ и другимъ обществомъ дѣятельную и кооперативную связь. ** Занятія американскаго общества привели несомнѣнную пользу общему дѣлу и имѣли безспорное вліяніе на установленія библейскаго текста. *** Весной 1873 года Шаффъ составлялъ сборникъ символи-

* Тамъ же, стр. 66 и 67 и № I *Observer* отъ 18 сентября 1873 года, № 2.628.

** См. брошюру Шаффа: *The Revision of the English Version of the Holy Scriptures by cooperative committees of British and American scholars of different denominations.* New-York. 1873.

*** Въ изданномъ въ 1881 году одновременно въ Англіи (въ Кембриджѣ) и Америкѣ (въ Нью-Йоркѣ) Новомъ Заветѣ, подъ названіемъ *Revised Version* (подъ тою же заглавіемъ его слѣдующее: *The New Testament of our Lord and Saviour Jesus Christ translated out of the Greek: being the version set forth a. D. 1611 compared with the most ancient authorities and revised a. D. 1881*) приводится даже сводъ иногда очень удачныхъ переводовъ текста американскимъ обществомъ подъ заглавіемъ: *List of readings and renderings preferred by the American committee, recorded at their desire.* Считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь что въ Нью-Йоркѣ въ день выпуска этого изданія, въ началѣ мая 1881 года, было распродано болѣе 300.000 экземпляровъ. Въ Лондонѣ продано было также громадное количество. Несмотря на видимое превосходство текста этого изданія надъ всѣми прежними и обычно-церковными изданіями, *Revised Version* до настоящаго времени не допущено до церковнаго употребленія ни въ Англіи, ни въ Америкѣ.

ческихъ книгъ какъ протестантскихъ, такъ и католической и православной церкви, и заимствовалъ у насъ *Пространный Катихизисъ* Филарета на нѣмецкомъ языкѣ, намѣреваясь перевести его на англійскій языкъ и помѣстить въ полномъ видѣ въ своемъ сборникѣ. Очень сожалѣемъ что не знаемъ окончилъ ли и напечаталъ ли онъ этотъ капитальный трудъ. Словомъ, Шаффъ представляетъ личность безспорно энергическую, способную и талантливую. Нѣтъ предпріятія которое поколебало бы и парализовало его энергію. Дѣлами Евангелическаго Союза Шаффъ сталъ заниматься давно, почти со дня его учрежденія. Въ американской вѣтви онъ занимаетъ должность почетнаго секретаря и негласно руководить дѣлами всей вѣтви. Въ 1871 году онъ былъ избранъ однимъ изъ делегатовъ американской вѣтви для участія въ депутаціи къ Государю Императору, и когда всѣ делегаты различныхъ вѣтвей собрались въ Штутгартъ, Шаффъ былъ единогласно поставленъ во главу депутаціи въ качествѣ ея президента.

Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, среди членовъ Союза, стало сказываться сильное желаніе созвать генеральную конференцію въ Америкѣ. Желаніе это оформилось на амстердамской конференціи 1867 года, гдѣ было рѣшено держать слѣдующее генеральное собраніе Союза въ Нью-Йоркѣ въ 1869 году. По просьбѣ британской вѣтви, почему-то нашедшей неудобнымъ выслать делегатовъ въ этомъ году въ Америку, нью-йоркская конференція была отложена до начала осени 1870 года. Всѣ приготовленія для нея были уже сдѣлааны; въ Нью-Йоркѣ стали уже съѣзжаться избранные делегаты, какъ вдругъ вспыхнула Франко-Прусская война, задержавшая французскихъ и нѣмецкихъ делегатовъ у себя дома въ Европѣ, почему конференцію вновь пришлось отложить и именно до осени 1873 года. * Союзъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ отказаться отъ намѣренія созвать конференцію въ Нью-Йоркѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ связывалъ съ нею большія надежды на объединеніе протестантизма и потому хотѣлъ осуществить ее во что бы то ни стало. Онъ полагалъ что конференція эта будетъ имѣть самое рѣшительное и плодотворное вліяніе на положеніе протестантизма прежде всего въ Америкѣ, а затѣмъ чрезъ Америку и въ Европѣ. Это экстраординарное значеніе Союзъ придавалъ ей на основаніи

* *New York Observer* отъ 25 сентября 1873 года, № 2629.

свѣдующихъ причинъ. Во первыхъ, конференція эта имѣла быть первою на американской почвѣ. На громадную массу пасты, а равно и на духовныхъ представителей ея должна была повліять прежде всего новизна событія. Она должна была возбудить необычайный интересъ и увлечь въ религиозно-церковномъ отношеніи какъ непосредственныхъ участниковъ конференціи, такъ и громадную массу приверженцевъ протестантскихъ сектъ. Разчеты Союза, какъ увидимъ ниже, въ известной степени были вѣрны. Во вторыхъ, Союзъ надѣялся осуществить въ Америкѣ объединеніе протестантскихъ церквей и сектъ въ виду того что въ Америкѣ почва для дѣятельности была иная чѣмъ въ Европѣ. То была страна полной независимости церкви отъ государства, страна которая прѣдставляла для Евангелическаго Союза возможность развернуть всѣ его религиозныя, нравственныя и филантропическія силы. Болѣе благоприятныхъ условій для проявленія своей дѣятельности и осуществленія своихъ цѣлей онъ не могъ найти нигдѣ на свѣтѣ. Америка представлялась взорамъ, особенно европейскихъ делегатовъ, какою-то страной обѣтованною, гдѣ все творится по волшебному мановенію руки; стоить де только пожелать серьезно, и дѣло будетъ сдѣлано. В третьихъ, Союзъ возлагалъ сильное упованіе на цѣлесообразность избраннаго для нью-йоркской конференціи времени. Въ Америкѣ недавно закончилась междоусобная война и состоялось національно-политическое объединеніе Штатовъ. Какъ совершившійся фактъ, подымавшій на необычайную высоту самосознаніе Американца, политическое объединеніе могло оказать, особенно на первыхъ порахъ, сильное вліяніе на идею религиознаго объединенія Америки, тѣмъ болѣе что оно само по себѣ въ известной долѣ устраняло уже взаимную вражду сектъ и деноминацій. Вопросъ о рабствѣ, въ свое время раздѣлившій почти всѣ главныя секты Америки на два лагеря, нынѣ былъ изъятъ изъ жизни, почему секты вновь стали сливаться во-едино. Вчетвертыхъ, Союзъ полагалъ и надѣялся привлечь къ нью-йоркской конференціи религиозный интересъ, возбужденный только что окончившимся Ватиканскимъ соборомъ въ Римѣ, и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Ватиканскій соборъ, какъ известно, произвелъ весьма сильное броженіе не только въ римско-католическомъ, но и въ протестантскомъ мірѣ. Но въ то время какъ римско-католическій міръ

завершилъ броженіе провозглашеніемъ лалкой непогрѣшимости, протестантскій міръ не только не получилъ никакого религіознаго удовлетворенія, но вслѣдствіе дробленія на секты еще болѣе ощутилъ свою внутреннюю разрозненность, несостоятельность и слабость. Вотъ почему Союзу казалось весьма удобнымъ обратить на себя взоры протестантскаго міра какъ на такую организацію которая одна способна даровать ему единство. Исходя изъ этой мысли, онъ сталъ не только называть предстоящую генеральную конференцію въ Нью-Йоркѣ вселенскимъ соборомъ Протестантской церкви, но и приравнивать нью-йоркскую конференцію къ Ватиканскому собору какъ двѣ соизмѣримыя величины въ ихъ внутреннемъ значеніи и вліяніи. Словомъ, нью-йоркская конференція въ глазахъ Евангелическаго Союза должна была служить какимъ-то противовѣсомъ Ватиканскому собору, и какъ послѣдній даровалъ церкви Рима полное и всесовершенное единеніе, такъ и первая имѣла даровать Протестантской церкви сліяніе церквей, сектъ и деноминацій. Всѣ эти причины лобуждали Союзъ не только не отказываться отъ мысли объ экстремномъ собраніи по ту сторону Атлантическаго океана, но напротивъ того еще болѣе убѣждать въ необходимости и даже неизбѣжности этого собранія.

Др. Филиппъ Шаффъ за все это время былъ чрезвычайно дѣятеленъ. Онъ нѣсколько разъ переплывалъ Океанъ чтобы своимъ личнымъ вліяніемъ поддержать въ Европѣ, среди богослововъ и церковныхъ представителей, идею о необходимости нью-йоркской конференціи. Онъ такъ сильно предался этому дѣлу что даже во время фридрихсгафенской депутаціи мысли его неслись болѣе къ предстоящей конференціи чѣмъ къ поддержкѣ домогательствъ Союза-относительно расширенія религіозныхъ правъ остзейскихъ лютеранъ *.

Наконецъ, въ январѣ 1873 года, американская вѣтвь Союза составила офиціальное приглашеніе къ другимъ вѣтвямъ, коимъ приглашала ихъ пожаловать въ Нью-Йоркъ къ октябрю того же года. Такъ какъ въ приглашеніи этомъ указываются побудительныя причины къ созыву конференціи и то чего отъ нея ожидалъ Союзъ, а съ другой стороны, такъ какъ намъ придется въ послѣдствіи неоднократно ссылаться на него, то мы приведемъ его здѣсь in extenso.

* Вурстембергера *Die Gewissensfreiheit*, стр. 69.

„Евангелической Сюзъ Соединенныхъ Штатовъ Америки къ вѣтвямъ Союза въ Великобританіи, Канадѣ, Германіи, Франціи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Турціи, Греціи, Индіи и другихъ странахъ,—благодарить, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа да будетъ со всѣми вами.

„Давно уже американскіе христіане ощущали потребность въ личномъ общеніи со всѣми призывающими какъ въ ихъ собственной странѣ, такъ и въ другихъ странахъ имя Господа Іисуса Христа. Наконецъ, при помощи Божіей, намъ, насколько то было возможно, удалось проложить пути къ такому единенію. Мы назначили и приготовили всеобщее собраніе различныхъ вѣтвей единого Евангелическаго Союза въ городѣ Нью-Йоркѣ на время отъ втораго по двѣнадцатое октября 1873 года, и симъ отъ всего сердца приглашаемъ васъ принять на немъ участіе.

„Вы знаете уже тѣ причины которыя побуждали насъ отложить назначенную на 1870 годъ конференцію. Именно то обстоятельство что въ то время двѣ великія націи Европы, представительства коихъ мы такъ настоятельно желали, не могли выслать своихъ делегатовъ, теперь, когда умолкъ громъ оружія, укрѣпляетъ насъ съ большею силой въ нашемъ желаніи узрѣть христіанъ всѣхъ странъ соединенными въ мирѣ Христовомъ и насколько возможно сближенными между собой.

„Что касается насъ, то намъ почти до послѣдняго времени приходилось сожалѣть о разнаго рода недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ между нашимъ народомъ и тѣмъ народомъ Европы съ которымъ мы соединены самымъ тѣснымъ образомъ общими для насъ языкомъ, литературой и обычаями. Однакожь и эти трудности при посредствѣ мирнаго соглашенія нынѣ устранены, и мы надѣемся что это событіе, искомое въ духѣ религіи, любви и мира, произведетъ злоху въ исторіи христіанской цивилизаціи.

„Непрестанно съ любовію памятуя о своемъ происхожденіи отъ различныхъ народовъ Европы, мы считаемъ за честь встрѣтить представителей родины нашихъ праотцевъ какъ своихъ гостей. Христіанство перешло къ намъ исторически изъ Европы; поэтому, вслѣдствіе естественнаго тяготѣнія, мы стремимся къ тѣснѣйшему соединенію Новаго Свѣта со Старымъ. Самыя заблужденія наносившія ущербъ цѣлебному вліянію церкви, а также невѣріе и націонализмъ, съ одной стороны, суевѣріе и раціонализмъ, съ другой, произошли

первично не изъ среды насъ, а были перенесены къ намъ изъ-за Океана; поэтому мы въ правѣ желать чтобы въ борьбѣ съ нами евангелическіе христіане другихъ странъ подали намъ помощь. Для нихъ не безынтересно и не безполезно было бы въ то же время обратить свое вниманіе на своеобразное развитіе религіозной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ; что же касается насъ, то мы ото всего сердца стремимся узрѣть ихъ лицомъ къ лицу и изъ ихъ собствѣнныхъ устъ внимать что для нихъ и чрезъ нихъ содѣлалъ Богъ.

„Мы надѣемся о Богѣ что наше октябрьское собраніе будетъ спослѣшествовать нашему стремленію къ тѣснѣйшему соединенію между собой всѣхъ христіанъ, укрѣпить духъ общаго ходатайства и благодаренія среди всѣхъ насъ, вновь оживить интересъ къ общему труду въ дѣлѣ милосердія и распространенія царства Божія и завершить такимъ образомъ существенное единеніе тѣла Христова жизненнымъ явленіемъ.

„Мы намѣрены въ непродолжительномъ времени опубликовать программу преній конференціи. Изъ нея вы усмотрите что на конференціи специалисты всякаго рода, лица духовныя и міряне, ученые и филантропы изъ разныхъ странъ, будутъ разсуждать и читать о важнѣйшихъ вопросахъ волнующихъ въ настоящее время церковь Христову и имѣющихъ значеніе для распространенія истины и подавленія заблужденій и пороковъ. Въслѣдствіе подраздѣленія на отдѣлы, на конференціи всегда найдется мѣсто и случай для точнѣйшаго изложенія и разбора предметовъ имѣющихъ особенный интересъ для отдѣльныхъ христіанъ и извѣстныхъ частей церкви.

„Настоятельно предлагаемъ вашему милостивому вниманію наше приглашеніе, которое уже было передано вамъ отъ нашего имени нашимъ уважаемымъ собратомъ Dr. Шаффомъ, и повторяемъ его письменно; особенно просимъ васъ соединиться съ нами въ молитвѣ чтобы при нашемъ собраніи Господь, всеустроющій и всѣмъ управляющій и давшій обѣщаніе пребывать во всѣ времена со своимъ народомъ и здравіемъ и миромъ сопровождать своихъ посланниковъ, исполнилъ сердца всѣхъ своею любовью.

„Во Христвѣ, общемъ для всѣхъ насъ Господѣ и Спасителѣ, ваши:

Президентъ William E. Dodge.

Почетные секретари: Thos. D. Anderson, W. Ives Bud-digton, Hervey D. Ganse, I. Irenaeus Prime, H. B. Ridgaway, Philip Schaff, Noah Hunt Schenck и Yos. P. Thompson.“

Разославъ официальное приглашеніе, американская вѣтвь Союза съ января стала постоянно собираться на регулярныя и экстренныя засѣданія, чтобы заблаговременно покончить всѣ приготовительныя для конференціи работы. Заботъ и хлопотъ было не мало. Нужно было списаться съ членами другихъ вѣтвей, узнать кто именно прибудетъ въ Нью-Йоркъ, вытребовать отъ будущихъ участниковъ конференціи темы ихъ рѣчей, рассортировать темы по рубрикамъ и отдѣламъ, составить полную программу засѣданій въ теченіе цѣлыхъ десяти дней; далѣе, нужно было приискать удобныя, обширныя и неотдаленныя помѣщенія для митинговъ, а равно и храмы для ежедневныхъ богослуженій; затѣмъ нужно было приготовить удобныя, дешевыя, а въ иныхъ случаяхъ даже даровыя жилища для делегатовъ, людей по большей части небогатыхъ; нужно было выговорить у пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ компаній пониженіе проѣздной платы для тѣхъ же делегатовъ; нужно было собрать необходимый капиталъ для уплаты расходовъ, которыхъ насчитывалось не менѣе 30.000 долларовъ *; нужно было наконецъ доставить делегатамъ и нѣкоторыя удовольствія, показать имъ американскія диковинки, какъ Ниагарскій водопадъ, рѣку Гудсонъ—американскій Рейвъ, городъ квакеровъ—Филадельфію, городъ Калитоліа—Вашингтонъ съ его президентомъ и т. д. и т. д. Все это требовало обсужденія и приуроченія къ опредѣленному времени, чтобы по возможности соединить пріятное съ полезнымъ.

Весной 1873 года Др. Шаффъ вновь отправляется въ Европу какъ провозвѣстникъ протестантскаго единенія, имѣющаго совершиться на американской почвѣ. Здѣсь онъ ведетъ самыя дѣятельныя и оживленныя переговоры съ членами различныхъ вѣтвей Союза и представителями разнородныхъ протестантскихъ церквей и сектъ, заигрываетъ съ вошедшими въ то время въ моду старо-католиками, домогается присылки въ Америку ихъ делегатовъ и получаетъ полуобѣщаніе что на конференцію прибудутъ еписколъ Рейвкинсъ, Риттеръ фонъ-Шудльте и профессоръ Губеръ, ** и въ концѣ концовъ добивается даже аудіенціи у масти-

* *New York Herald*, отъ 25 августа 1873 года.

** См. письмо Др. Шаффа изъ *Bad-Gastein* въ Австрію отъ 11 августа 1873, *New York Observer*, отъ 4 сентября 1873, № 2.626.

таго императора Германскаго Вильгельма, которую и описываетъ въ своемъ письмѣ на имя доктора богословія Иринея Прайма. Выставляя Вильгельма „царственнымъ покровителемъ евангелическаго протестантизма“ (the royal protector of evangelical Protestantism in Europe), Шаффъ писалъ въ письмѣ что этотъ покровитель „формально и повторительно уполномочилъ и просилъ (Шаффа) передать Генеральной Конференціи въ Нью-Йоркѣ его сердечное привѣтствіе и добрыя пожеланія, вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ его совершеннѣйшемъ сочувствіи къ идеѣ и стремленіямъ евангелическаго единенія, которому онъ придаетъ крайнюю важность особенно въ настоящее время борьбы съ невѣріемъ, съ одной стороны, и суевѣріемъ, съ другой; ибо только соединенная армія можетъ питать надежду побѣдить врага и воспользоваться благодѣяніемъ побѣды.“ * Письмо это произвело на американскій протестантскій міръ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Изъ *New York Observer*, органа американскихъ пресвитеріанъ, гдѣ оно первоначально появилось, оно перешло то дѣликомъ, то въ сокращеніи на столбцы всѣхъ большихъ политическихъ газетъ и вызвало передовыя статьи. Такъ самъ *Observer* говорилъ слѣдующее: „Вступленіе императора въ соприкосновеніе со свободною конференціей открываетъ дверь для распространенія въ Германіи американскихъ идей о христіанской свободѣ и дѣятельности. Но несравненно больше значенія имѣетъ сочувствіе императора Союзу, поскольку оно обнаруживаетъ всю ясность сознанія императоромъ своего положенія, какъ главы евангелической вѣры въ борьбѣ съ папскимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Германіи, и показываетъ какъ серьезно понимаетъ онъ отвѣтственность этого положенія. Нѣмецкая печать, передавая вышеприведенныя слова сказанныя Шаффу, прибавляетъ: „столь ясное и столь вѣское заявленіе изъ устъ покровителя Протестантской церкви въ Германіи имѣетъ характеръ опредѣленнаго акта и должно сопровождаться значительнымъ моральнымъ вліаніемъ.“ Какъ реформація вызвала къ существованію „Общество Іисуса“, служившее главною противоборствующею силою для власти папы, такъ триумфъ іезуитизма въ возведеніи папской велогрѣшности на престолъ Католической церкви и въ утверженіи

* Тамъ же.

лапскаго абсолютизма противъ современнаго общества, вызвалъ въ Германіи новую реформацію, признаваемъ главою коей въ политическомъ отношеніи является король Пруссіи*. Изъ этихъ выраженій легко можно усмотрѣть какъ сильно дорожилъ Союзъ постановкою своей предстоящей конференціи въ нѣкоторую связь и соприкосновеніе съ главою и покровителемъ Протестантской церкви въ одномъ изъ самыхъ могущественныхъ государствъ Европы. Сопрікосновеніе это, правда, не пошло далѣе словесно изъ-явленныхъ симпатій, которыя отнюдь не могли имѣть прямого и непосредственнаго вліянія на веденіе дѣла на конференціи; тѣмъ не менѣе, будучи выражены столь рѣшительно и торжественно, онѣ могли ободрить духомъ собравшихся делегатовъ, смягчить ихъ религіозный сепаратизмъ, одушевить ихъ религіозною терпимостью, укрѣпить въ нихъ мысль о прекращеніи розни и объединеніи, вновь указать въ перспективѣ на грозный обликъ ихъ общаго врага—римскій католицизмъ и т. д. Слова престарѣлаго императора, безъ сомнѣнія, должны были возбуждать тѣмъ большее одушевленіе что впечатлѣніе произведенное блестящими побѣдами его арміи и политическимъ объединеніемъ Германіи не утратило еще своего обаянія. Всю эту трудную задачу вынулъ на себя и превосходно исполнялъ Dr. Шаффъ. Въ Америку онъ вернулся только въ сентябрѣ, недѣли за три до начала засѣданій конференціи.

Въ его отсутствіе въ Нью-Йоркѣ безостановочно продолжались приготовления къ предстоящему церковному собранію. Дѣлами завѣдывали главнымъ образомъ три человека, вопервыхъ, Уильямъ Доджъ, глава торговаго дома лодъ фирмой Phelps, Dodge and Co, извѣстный знатокъ церковныхъ дѣлъ и филантропъ, за что онъ и былъ въ свое время избранъ президентомъ американской вѣтви Союза; во вторыхъ, докторъ богословія и пасторъ пресвитеріанской церкви въ Нью-Йоркѣ Уильямъ Адамсъ, извѣстный не только въ этомъ городѣ, но и на всемъ протяженіи Соединенныхъ Штатовъ, проповѣдникъ, большой авторитетъ въ своей сектѣ, старѣйшій членъ и ревностѣйшій сотрудникъ американской вѣтви Евангелическаго Союза, и третьихъ, докторъ богословія и

* *New York Observer* отъ 18 сентября 1873, № 2.628.

пасторъ Ирвей Праймъ, редакторъ-издатель органа пресвитеріанской секты *New York Observer* и предсѣдатель распорядительнаго комитета предстоящей конференціи. Эти три лица были главными сотрудниками Шаффа, коихъ овъ руководилъ какъ дѣйствительный вождь американской вѣтви и проводникъ идеи церковнаго объединенія. Они продолжали держать въ Нью-Йоркѣ регулярныя и экстренныя засѣданія вѣтви и постепенно приближали дѣло къ окончанію. Прежде всего они добились разрѣшенія держать засѣданія конференціи въ лучшихъ залахъ Нью-Йорка, то-есть въ зданіи „христіанской ассоціаціи молодыхъ людей“, въ домѣ извѣстнаго фортелианнаго фабриканта Steinway (Steinway-Hall) и въ Академіи Музыки; затѣмъ они добились чтобы сосѣднія со зданіемъ Ассоціаціи Молодыхъ Людей церкви различныхъ сектъ были открыты для ежедневныхъ богослуженій; далѣе, они продолжали сборъ пожертвованій для необходимыхъ расходовъ; окончательно разработали программу засѣданій, напечатали и разослали пригласительные билеты и т. д. Но болѣе всего они хлопотали о томъ чтобы расположить въ свою пользу печать. И въ этомъ отношеніи они вполнѣ достигли своей цѣли. Всѣ газеты, какъ церковныя такъ и политическія, наперерывъ слѣшили познакомиться своихъ читателей съ предстоящимъ событіемъ на американскомъ континентѣ, излагали исторію Союза, рассматривали его *платформу*, разсуждали о его цѣляхъ и намѣреніяхъ, перелечитали и обсудили программу предстоящихъ засѣданій, перечисляли прибывшихъ и имѣющихъ прибыть делегатовъ и т. д. Печать отнеслась къ конференціи въ высшей степени сочувственно. Такъ *New York Tribune* взялась напечатать рѣшительно всѣ привѣтствія, рѣчи, адреса, молитвы и гимны; другія газеты обѣщали обстоятельные рефераты и для себѣ отрядили цѣлый сомъ репортеровъ, коимъ распорядительный комитетъ по обычаю страны отводилъ одно изъ почетнѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣстъ на засѣданіяхъ. И вотъ, при посредствѣ печати, американская вѣтвь Союза успѣла возбудить къ конференціи необычайный интересъ во всей американской публикѣ. Всѣ кто читалъ газеты—а кто ихъ не читаетъ въ Америкѣ?—заговорили о конференціи и стали ожидать отъ нея громаднаго вліянія на весь протестантскій міръ. Безъ преувеличенія можно

сказать что рѣшительно всѣ протестанты Новаго Свѣта были подавляты на ноги. О конференціи рѣчь шла вездѣ, и въ церквяхъ съ ихъ кафедръ, и по домамъ въ гостиницъ, въ редакціяхъ газетъ и частныхъ конторахъ, въ богатыхъ кабинетахъ коммерсантовъ и бѣдныхъ лачугахъ рабочаго люда; разсуждали всѣ: духовенство, міряне, мушеры, женщины, дѣти, господа, прислуга, кондукторы, ѣдущая въ вагонахъ или омнибусахъ публика и т. д. О конференціи помѣстали даже до нѣсколькихъ статей органы Римско-Католической церкви, лучшей признавъ что и католиковъ заинтересовала конференція. Органы эти, конечно, не поддались протестантскому обаянію; они отнеслись къ предстоящему церковному событію въ протестантскомъ лагерѣ съ улыбкой и юморомъ, и перепечатали всѣ раздававшіеся въ этомъ лагерѣ недовольные и скептическіе отзывы.

Такъ какъ печать, съ одной стороны, есть отраженіе общественнаго мнѣнія, а съ другой—проводникъ идей въ общество, то здѣсь въ вышней степенѣ интересно и умѣсто разсмотрѣть какъ отнеслась она къ предстоящей конференціи и какихъ результатовъ ожидала отъ нея для протестантской церкви. Въ 1879 году, американская печать вся поголовно занималась дѣлами Союза и предстоящей конференціи, и можетъ-быть вслѣдствіе обилія разсуждавшихъ голосовъ вообще замѣчалась какая-то туманность и сбивчивость представленія. Тѣмъ не менѣе, при всей путаницѣ, можно было, хотя и съ немалымъ трудомъ, установить много общихъ и сходныхъ чертъ. Такъ вся печать предусматривала въ конференціи событіе необычайной важности. „Есть причина полагать, такъ говорилъ *New York Herald*, отъ 22 апрѣля, что конференція будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ собраній повѣшаго времени, не исключая даже послѣдняго вселенскаго собора въ Римѣ. То будетъ представительство ума, учености и благочестія протестантскаго міра. Безъ сомнѣнія, она составитъ эпоху для Нью-Йорка.“ Отъ 25 августа тотъ же *Herald* пишетъ: „По видимому протестантскій міръ никогда не былъ столь готовъ внимать собору какъ въ настоящіе дни, и притомъ такому какъ предстоящій вселенскій соборъ“... Отъ 26 августа *New York Daily Witness* писалъ: „Предстоящее собраніе будетъ повтореніемъ соборовъ древней церкви, съ тѣмъ различіемъ что

оно не будетъ постановлять декретовъ, дѣло не требующее повторенія“. Отъ 21 сентября *Herald* вновь писалъ что „конференція привлечетъ большее число духовныхъ лицъ чѣмъ послѣдній вселенскій соборъ привлекъ ихъ въ Римъ“. Органъ свободно-протестантскаго направленія *Independent*, отъ 25 сентября, уведомлялъ читателей что предстоящій „протестантскій соборъ, хотя и не имѣетъ притязаній быть вселенскимъ“, тѣмъ не менѣе соберетъ такое же, если не большее, количество разнородныхъ языковъ сколько было въ день Пятидесятницы въ Иерусалимѣ. Отъ 27 сентября *Herald* посвятилъ Союзу громадную статью, подъ заглавіемъ громадными буквами: *Протестантскій вселенскій соборъ. Великій космополитическій конклавъ христіанскихъ старшинъ* (captains), въ коей говорилъ слѣдующее: „То будетъ первое генеральное собраніе Союза въ Европѣ, и потому весь великій организмъ евангелическихъ христіанъ въ Америкѣ предусматриваетъ въ немъ собраніе исполненное чрезвычайнаго интереса; онъ надѣется что собраніе окажетъ вліяніе на религіозное преуслѣваніе всего міра. Ожидаютъ что на эту протестантскую вселенскую конференцію соберется несравненно больше церковной учености и таланта чѣмъ на всѣ прежніе соборы, начиная со временъ реформаціи. Въ составъ делегатовъ входятъ члены всѣхъ главныхъ сектъ или деноминацій, на которыя дѣлится протестантскій міръ. Методисты, баптисты, лютеране, реформаты, епископалы, пресвитериане, Wesleyане, конгрегационалисты, фри-чёрч-мены и сочлены признанныхъ государственныхъ церквей будутъ разсуждать на ея засѣданіяхъ объ интересахъ истинной религіи. Англійскіе, датскіе, германскіе, французскіе, италіянскіе, испанскіе, голландскіе христіане соберутся какъ братья на одну почву съ делегатами изъ Азіи, Африки и съ острововъ Океаніи“. Отъ 29 сентября *Herald* въ передовой статьѣ вновь писалъ: „Протестантскій вселенскій соборъ, великій космополитическій конклавъ христіанскихъ старшинъ, конгрессъ делегатовъ со всѣхъ континентовъ и острововъ моря, имѣетъ цѣлю утилизовать соединенныя силы христіанства, подавить нетерпимость и гоненіе, распространить Евангеліе Христово и отвратить скандалы которые возникали до настоящаго времени и столь сильно вредили общему дѣлу, то-есть между собою христіанскихъ сектъ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія что

американская печать предусматривала въ конференціи событіе вселенской важности по двумъ причинамъ: вопервыхъ, по громадному количеству делегатовъ и, во вторыхъ, по тѣмъ результатамъ которыми должна была сопровождаться для протестантскаго міра. И, въ самомъ дѣлѣ, на конференцію прибыло со всѣхъ странъ земнаго шара болѣе девяти сотъ делегатовъ. Почти всѣ протестантскіе университеты Западной Европы, всѣ безъ исключенія духовныя коллегіи Америки и Канады, всѣ вѣтви Союза и почти всѣ протестантскія церкви и секты имѣли здѣсь своихъ представителей. Собраніе богословскихъ ученыхъ силъ на конференціи, дѣйствительно, было поразительное. Американская вѣтвь, казалось, имѣла въ виду затмить количествомъ богословскихъ силъ какъ Ватиканскій соборъ въ Римѣ, такъ и всѣ бывшіе не только въ Америкѣ, но и Европѣ протестантскія собранія, и въ этомъ отношеніи она достигла цѣли. Нью-Йоркская генеральная конференція производила обаяніе какъ складъ матеріала, какъ энциклопедія учености по всѣмъ отраслямъ богословія. Но печать, помимо сего, ожидала отъ конференціи и результатовъ универсальнаго значенія. Безъ сомнѣнія, самъ Союзъ постарался внушить ей эти надежды. Въ официальномъ приглашеніи, разосланномъ американскою вѣтвью другимъ вѣтвямъ, говорилось: „Мы надѣемся о Богѣ что наше октябрьское собраніе *будетъ способствовать нашему стремленію къ тѣснѣйшему соединенію между собою всѣхъ христіанъ, укрѣпить духъ общаго ходатайства и благодаренія среди всѣхъ насъ, вновь оживить интересъ къ общему труду въ дѣлѣ милосердія и распространенія царства Божія и завершитъ* такимъ образомъ *существенное единеніе тѣла Христова Жизненнымъ явленіемъ.*“ Такимъ образомъ американская вѣтвь, созывая въ Нью-Йоркѣ экстраординарное собраніе, питала тайную надежду выработать и установить какое-то окончательное единеніе протестантскихъ церквей и сектъ, но выражала свою надежду темно и глухо. Печати американской облекать туманомъ намѣренія и надежды Союза не было цѣли. *New York Herald*, отъ 22 и 27 апрѣля, говорилъ безо всякихъ обиняковъ что „главная задача Евангелическаго Союза дать протестантскому міру нѣчто въ родѣ единенія“, что „однимъ изъ главныхъ мотивовъ для учрежденія Союза было желаніе чтобы протестантизмъ, подобно

романизму, могъ представить соединенный оплотъ въ отношеніи къ азычскому міру“, что „раздѣленіе слѣшкомъ долго было причиною безчестія и слабости Христовой Церкви“, и потому *Herald* писалъ: „Позвольте намъ надѣяться что разсужденія ея, то-есть конференціи, покончатъ съ кажушимся раздѣленіемъ протестантскаго міра и ускорятъ наступленіе того счастливаго времени когда будутъ едино стадо, единый Господь, едины вѣра, едино крещеніе“. Эту надежду нью-йоркскій *Herald* проводилъ во всѣхъ своихъ статьяхъ, постоянно посвящаемыхъ имъ конференціи съ весны 1873 года до начала ея засѣданій въ октябрѣ. Газета такъ прониклась этою идеей, такъ была увѣрена въ неизбѣжности единенія что въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда сѣззались делегаты, стала разсылать репортеровъ ко вновь прибывшимъ гостямъ, а также и нью-йоркскимъ хозяевамъ, чтобы вывѣдать какъ именно смотрять они на вопросъ о соединеніи церквей, какими мѣрами полагають осуществить его и въ какую форму отлить. * Въ этомъ же смыслѣ посмотрѣла на конференцію и вся остальная печать какъ политическая такъ и духовная. *New York Times, Tribune, Sun, World, Staats-Zeitung, Democrat*, вечерняя газета *New York Daily Witness, Observer*, органъ пресвитеріанъ, *Independent*, органъ свободорелигіознаго направленія, *Churchman* и *Church Weekly*, органы епископальной церкви, *Katholische Volkszeitung* издающаяся въ Балтиморѣ, *Katholische Zeitung* издающаяся въ Нью-Йоркѣ и т. д. Всѣ обсуждали вопросъ объ имѣющемъ совершиться на конференціи объединеніи Протестантской церкви. Въ день открытія конференціи, 2 октября, *Observer* помѣстилъ, очевидно съ расчетомъ на внушеніе делегатамъ, статью подъ заглавіемъ: *One in Christ*, въ которой газета указывала какого именно единенія во Христѣ желала бы достигнуть на конференціи, статью въ которой проглядывала мысль объ органическомъ единеніи.

Пытаясь на конференціи „завершить существенное единеніе тѣла Христова жизненнымъ явленіемъ“, американская вѣтвь Союза въ официальномъ своемъ приглашеніи говорила: „мы въ правѣ желать чтобы въ борьбѣ противъ заблужденія, невѣрія и націонализма, суевѣрія и рационализма еван-

* *New York Herald*, отъ 27 и 29 сентября 1873 года.

гелическіе христіане другихъ странъ подали намъ свою помощь“. Здѣсь о поводахъ и побужденіяхъ къ объединенію говорится темно и глухо. Но уже и здѣсь проглядываетъ съ достаточною ясностію что, во первыхъ, Союзъ ведетъ борьбу, что, во вторыхъ, борьба эта спеціально касается американскаго континента, и что, втретьихъ, американская Протестантская церковь ощущаетъ слабость въ борьбѣ и потому ищетъ отъ Европы помощи и видитъ ее въ соединеніи протестантскихъ силъ какъ Новаго такъ и Стараго Свѣта. Печать посмотрѣла на это дѣло нѣсколько яснѣе. Такъ *Daily Witness*, отъ 25 августа, говорила что конференція имѣетъ тѣ же намѣренія и цѣли какія въ свое время имѣли Лютеръ, Кальвинъ и Цвингли, то-есть „высвободить народъ изъ-подъ вліянія Рима“. Что же касается *Herald*, эта газета, отъ 22 сентября, утверждала что конференція имѣетъ цѣлю разработать „планъ христіанскаго единенія, при помощи коего можно было бы предотвратить междуусобіе сектъ и помощью котораго протестантскія секты могли бы вести общую борьбу противъ Рима, съ одной стороны, и рационализма и матеріализма, съ другой“. Другая газета * около того же времени писала: „Въ Америкѣ многіе протестанты объаты страхомъ по поводу непрекращающагося роста католицизма. Они утверждаютъ что Католическая церковь въ Соединенныхъ Штатахъ преслѣдуетъ опредѣленные цѣли, лежація внѣ предѣловъ естественнаго стремленія къ возрастанію. Что католики дѣйствительно возстаютъ противъ свободныхъ школъ, и что имъ желательно добиться особой покровительствуемой государствомъ системы воспитанія, это извѣстно всѣмъ. Нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ что протестанты озабочены этими фактами и что они поэтому желаютъ выставить противъ концентрированныхъ силъ Католической церкви свою замкнутую фалангу“. *Independent* въ виду этого имѣла полное основаніе отъ 25 сентября 1873 года высказать намекъ что на конференцію соберется армія которая должна заключить оборонительный и наступательный союзъ противъ Римско-Католической церкви.

Какого же рода единенія ожидала печать? Вопросъ этотъ очень интересенъ, такъ какъ рѣшеніе его могло проникнуть

* *N. Y. Staats-Zeitung*, отъ 23 сентября 1873 года.

въ печать подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Союза. Выше мы старались доказать что существенное препятствіе для своей дѣятельности Союзъ находилъ главнымъ образомъ въ самой Протестантской церкви, основнымъ началомъ коей является абсолютный индивидуализмъ въ дѣлѣ вѣры, несдерживаемый никакимъ авторитетомъ, вслѣдствіе чего всѣ многочисленныя секты и деноминаціи скорѣе согласятся подвергнуться процессу дальнѣйшаго распада на болѣе мелкія секты чѣмъ признать надъ собою власть издающую законы, наблюдающую за ихъ исполненіемъ и карающую за ослушаніе. Другую трудность Евангелической Союзъ, какъ мы видѣли выше, находилъ въ своихъ собственныхъ основныхъ принципахъ. Онъ не имѣлъ и не имѣетъ ни силы, ни власти, ни права выступить въ качествѣ церковнаго реформатора, уполномоченнаго на то какою-либо цною, вышею и притомъ, церковною властію; онъ не имѣетъ права издавать постановленій общихъ и обязательныхъ для всей Протестантской церкви и заявлять во главѣ этихъ постановленій „изволися Святому Духу и намъ“. А безъ этого права его голосъ никогда не пріобрѣтетъ значенія высшаго обязательнаго закона, и его законы, еслибъ онъ и рѣшился издавать ихъ, не могутъ пріобрѣсти значеніе голоса всей церкви и божественнаго освященія. Эти трудности не укрылись и отъ американской печати, но она посматрѣла на нихъ въ высшей степени своеобразно. Такъ *Independent*, отъ 25 сентября, утверждалъ что „объ органическомъ единеніи на конференціи не можетъ быть и рѣчи. Насколько можно утверждать въ настоящее время, говорить *Herald*, * Союзъ раз навсегда постановилъ не проводить никакихъ резолюцій которыя обязывали бы конференцію къ спеціальнымъ мѣрамъ или давали бы ей законодательныя прерогативы; онъ рѣшился оставить за всѣми членами и всѣми входящими въ его составъ церквами свободу по окончаніи конференціи слѣдовать ихъ собственными путями. „Союзъ не присвоиваетъ себѣ дисциплинарной власти. Онъ добровольная конфедерация христіанъ и христіанскихъ сектъ.“ ** „Генеральная конференція протестантизма, такъ говорилъ

* *New York Herald*, отъ 25 августа 1873 года.

** *New York Herald*, отъ 29 сентября 1873 года.

Herald въ другой своей статьѣ *, по необходимости должна быть свободною ассоціаціей. Протестантизмъ не монархія контролируемая видимымъ ея главою. Его духъ олицетворяется въ различныхъ, но гармонирующихъ между собою учрежденіяхъ. Въ сущности онъ одинъ и нуждается въ выраженіи своего единства. Евангелической Союзъ имѣеть цѣлію констатировать сознаніе единства, развить религиозную свободу, которая составляетъ жизненное дыханіе протестантизма, утвердить христіанскую мораль и расширить насколько возможно объемъ вѣры. Генеральная конференція не желаетъ издавать декретовъ, не желаетъ брать на себя господства надъ совѣстію человѣка и не будетъ анаеematствовать, но свѣтомъ и любовью собирая всѣхъ кого можетъ, она желаетъ уяснить дѣло Господне послѣдователямъ Господа разбросаннымъ по всему міру. "Газета *Independent*" ** почти за полгода до начала конференціи говорила что христіанская церковь въ Америкѣ не нуждается ни въ видимой главѣ, ни въ какой-либо иной верховной власти, и что всѣмъ церквамъ должно быть даровано право учить религіи безъ вмѣшательства государственной власти. Въ виду этого онъ серьезно убѣждалъ Союзъ не „затрогивать религиозной свободы и религиознаго равенства, которыя служатъ краеугольными камнями американской свободы“. „Каждое время и каждая страна, такъ говорила другая газета, *** имѣють свои требованія и свои средства къ удовлетворенію этихъ требованій. Время когда были необходимы декреты, акты и символы давно уже прошло; намъ, живущимъ въ девятнадцатомъ столѣтіи и притомъ въ просвѣщенной Америкѣ и пользующимся полнѣйшею личною свободою, нѣтъ нужды связывать себя опредѣленными формами, лишенными всякаго значенія; мы болѣе всего дорожимъ своею независимостью и никогда не согласимся промѣнять ее на внѣшній, стѣсняющій насъ авторитетъ.“ „Делегаты наши, говоритъ *Independent*, **** не забудутъ того что они чада свѣта и чада дня“. Исходя изъ этого

* *New York Herald*, отъ 27 апрѣля 1873 года.

** *New York Independent*, отъ 23 апрѣля 1873 года; *Herald*, отъ 27 апрѣля 1873 года.

*** *New York Daily Witness*, отъ 25 августа 1873 года.

**** *Independent*, отъ 25 сентября 1873 года.

положенія, протестантствующая печать противоположала генеральную конференцію въ Нью-Йоркѣ последнему собору въ Ватиканѣ. Въ Римѣ засѣданія велись „тайно“, въ Нью-Йоркѣ они будутъ происходить „при открытыхъ дверяхъ“ и „въ присутствіи публики“. Тамъ были „духовное рабство и тиранія“, здѣсь „свобода и терпимость“. Тамъ все дѣло велось иезуитами, здѣсь всѣ имѣютъ право какъ поднимать вопросы такъ и рѣшать ихъ. Тамъ „издаваемы были декреты связующіе совѣсть вѣрующихъ“, здѣсь „никакихъ декретовъ издано не будетъ, а слѣдовательно ничья совѣсть не будетъ насилуема“. Тамъ изрекались грозныя анаеменованія, здѣсь никакой анаемы не будетъ. Тамъ „всѣмъ за декретами послѣдовали громы протеста и опасенія за твердость престоловъ“, здѣсь „протестовъ не будетъ; всѣ будутъ довольны“ и всѣ останутся при обычной протестантской свободѣ. * Генеральная конференція никого ни къ чему не обязываетъ, никого ни къ чему не принуждаетъ, ничего не устанавливаетъ и стремится только поддержать и укрѣпить религиозную свободу. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ попытки раздуть конференцію до невѣроятныхъ размѣровъ, Союзу не удалось убѣдить печать въ самомъ важномъ пунктѣ, именно въ томъ что протестантскія секты готовы принести на алтарь общаго блага свою независимость и что самъ Союзъ обладаетъ верховною и законодательною властью для всего протестантскаго міра. Печать хотя и смутно, но все же создала что Союзъ возвращается въ какомъ-то неисходномъ противорѣчій, и что для Протестантской церкви всего дороже на свѣтъ ея „жизненное дыханіе“, религиозная свобода. Вотъ почему болѣе умѣренныя и болѣе осторожныя въ сужденіяхъ органы американской печати серьезно недоумѣвали какимъ способомъ конференціи суждено будетъ сгладить противорѣчіе и считали за лучшее воздержаться отъ гаданій и предоставить дѣло времени. „Намѣрены ли вожди этого движенія создать центральную власть наподобіе Римско-Католической церкви, или

* См. *New York Herald* отъ 21 и 29 сентября, *Observer* отъ 18 сентября, *Independent* отъ 25 сентября и 2 октября 1873 года. Отъ 2 октября *Independent* помѣстилъ даже цѣлую статью подъ заглавіемъ: „A contrast“ въ коей противопоставляетъ во всевозможныхъ отношеніяхъ нью-йоркскую конференцію Ватиканскому собору.

же укрѣпить Протестантскую церковь соответствующими реформами, это всего лучше скажется на заседанияхъ конференціи*, * говорили эти органы и отвѣсались къ предстоящей конференціи съ поразительною сдержанностью.

„Unum eorpus sumus in Christo“; „In necessariis unitas“; „In dubiis libertas“; „In omnibus caritas“; „E pluribus unum“: вотъ слова которыя мы прочли надъ трибунами въ залѣ Христіанской Ассоціаціи Молодыхъ Людей, когда 2 октября, въ 8 часовъ вечера, явились на торжественный официальный пріемъ даанный американскою вѣтвью Евангелическаго Союза делегатамъ чужестранныхъ вѣтвей. Тутъ же надъ трибунами видѣлись имена протестантскихъ реформаторовъ: Edwards, Wycliffe, Кнох, Wesley, Вупуан. Эти имена сами собою, безо всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, говорили каждому что созванная въ Нью-Йоркѣ генеральная конференція Евангелическаго Союза поставила своею задачей объединить Протестантскую церковь. Для человѣка свѣжаго, непосвященнаго въ нѣкоторыя такъ-сказать закулисныя тайны Евангелическаго Союза, могло пожалуй показаться въ этотъ вечеръ что Протестантская церковь дѣйствительно уже объединена. Здѣсь, на конференціи, представители всевозможныхъ протестантскихъ сектъ и деноминацій воссѣдали на одной общей трибунѣ. Здѣсь читались и пѣлись гимны о единеніи. Здѣсь всѣ, свыше девятисотъ делегатовъ и около полторы тысячи гостей, собрались для прославленія идеи единенія, и вся эта масса людей прониклась одною общею мыслью: unum eorpus sumus in Christo.

Официальный пріемъ делегатовъ былъ открытъ пѣніемъ гимна извѣстнаго въ Америкѣ подъ именемъ *Old Hundred*, прославляющаго величіе Бога какъ Творца вселенной и Испытателя всякой твари, и чтеніемъ Молитвы Господней. Затѣмъ президентъ американской вѣтви Союза, Уильямъ Доджъ, предложилъ Dr. Адамсу, какъ старѣйшему члену вѣтви, сказать нѣсколько привѣтственныхъ словъ прибывшимъ изъ-за Океана делегатамъ. Почтенный и убѣленный сѣдинами пасторъ пресвитеріанской секты привѣтствовалъ въ своей рѣчи делегатовъ какъ гостей съ которыми Америка давно уже знакома по ихъ литературнымъ трудамъ. „Авторъ хорошей

* N. Y. Staats-Zeitung, отъ 23 сентября 1873 года.

книги, говорилъ онъ, во всякой части свѣта у себя дома; поэтому никто изъ васъ не можетъ быть чужимъ и иностранцемъ для насъ“. Указавъ далѣе на внутреннее родство Америки съ Европой, онъ характеризовалъ цѣль настоящаго собранія слѣдующими многознаменательными словами: „Цѣль нашей конференціи не политическая и не церковная. Мы пришли сюда не для того чтобъ изслѣдовать формы церковной организаціи и церковнаго управленія, что запечатлѣно внѣшнимъ и случайнымъ характеромъ. Мы собрались чтобы выразить и засвидѣтельствовать свое единство. Все различіе между нами состоитъ только въ названіяхъ, которыя мы придаемъ странамъ и церквамъ, Германіи, Франціи, Швейцаріи, Давіи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, лютеранамъ, реформатамъ, англиканамъ, пресвитеріанамъ, епископаламъ, методистамъ, баптистамъ, индепендентамъ; но вѣру, согласно съ выраженіемъ нашего общехристіанскаго Символа Вѣры, во „святую каѳолическую церковь“ и „общеніе святыхъ“, мы желаемъ и намѣрены показать что несмотря на все это различіе формы и обстоятельство дѣйствительное единство вѣры и жизни уже существуетъ среди насъ... Мы не имѣемъ притязанія воздвигать единство, мы имѣемъ притязаніе засвидѣтельствовать что уже существуетъ.“ За рѣчью Адамса послѣдовали отвѣтныя рѣчи делегатовъ различныхъ національностей. Выражая признательность за радушный пріемъ оказанный имъ Американцами, они старались сказать нѣсколько словъ то о родствѣ націй, то о единеніи всѣхъ собравшихся, какъ братій, во единомъ тѣлѣ Христовомъ. Единство уже восстанавливается между нами, говорили они, и потому мы должны позабыть о своей принадлежности къ различнымъ сектамъ и различнымъ національностямъ. Докторъ богословія Стойтонъ, изъ Лондона, напоминая присутствующимъ о внутреннемъ сродствѣ Америки съ Англіей, проводилъ въ рѣчи ту мысль что люди часто смотрятъ другъ на друга чрезъ какой-то туманъ, отчего и не узнаютъ себя взаимно; но подходя ближе одинъ къ другому, они находятъ что туманъ разсѣивается, и что эти люди суть родные братья. Докторъ богословія Фишъ, изъ Парижа, съ восторгомъ говорилъ что не находитъ словъ выразить свою благодарность за радушный пріемъ и сердечныя привѣтствія Д-ра Адамса. Слушая его слова, ему каза-

лось „что онъ былъ на небѣ“. „Франція, продолжалъ онъ, много пострадала въ послѣднюю войну, но теперь она вновь собирается съ силами. Америка въ настоящее время болѣе всѣхъ другихъ странъ привлекаетъ вниманіе его соотечественниковъ; у нея они должны учиться быть республиканцами.“ Докторъ богословія Дорнеръ, профессоръ Берлинскаго университета, оплакалъ смерть нѣкоторыхъ талантливыхъ соотечественниковъ, послужившихъ дѣлу Союза, и между прочимъ помянулъ добрымъ словомъ только что умершаго Тишendorфа, профессора Лейпцигскаго университета. Затѣмъ выступилъ на сцену докторъ богословія Кристлибъ, профессоръ Боннскаго университета. Его рѣчь вызвала необычайное оживленіе и сопровождалась шумными рукоплесканіями. „Собраніе наше, говорилъ онъ, неоднократно было сравниваемо со вселенскимъ соборомъ, происходившемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Римѣ. Позвольте мнѣ перенести васъ нѣсколько далѣе. Болѣе 1400 лѣтъ тому назадъ, въ 431 году въ Ефесѣ былъ открытъ вселенскій соборъ слѣдующими словами: „привѣтствую васъ, братія моя, именовъ Марію, Божіей Матери, такъ какъ Ея заступленіемъ вы счастливо переплыли океанъ.“ Нынѣ, приходя изъ страны гдѣ впервые раздалось благословенное слово реформаціи, привѣтствую васъ не именовъ Марію, но именовъ нашего Господа и Спасителя, Который царить надо всѣми водами и колесница Коего принесла насъ сюда на крыльяхъ вѣтра“ (рукоплесканія). Выразивъ глубокую признательность за сердечный пріемъ и замѣтивъ при этомъ что лествъ не лежитъ въ натурѣ Германца, онъ въ общихъ чертахъ коснулся вопроса о единеніи. Христіанство, говорилъ онъ, всѣ націи поставило въ братскія отношенія другъ къ другу. „Помолимся же о единеніи; отъ души радуюсь, какъ первому плоду нашего собранія, тому обстоятельству что мы, Германцы, можемъ позабыть о своей національности и положить руки нашимъ французскимъ братьямъ.“ При цѣломъ громѣ рукоплесканій онъ дѣйствительно на трибунѣ потрясъ руку Дг. Фиша изъ Парижа. „Вполнѣ сочувствую, продолжалъ Кристлибъ, желаніямъ перваго оратора чтобы мы были дѣтьми одной вѣры и братьями (рукоплесканія). Да растетъ и да продолжаетъ расти это единеніе пока вся земля не будетъ положена къ ногамъ нашего Господа Иисуса Христа и пока она вся не исполнится славы

Божіей. Да поможетъ намъ Богъ положить еще одну ступень въ дѣлѣ блаженнаго единенія и да скажутъ вси люди *аминь, аминь*“ (продолжительныя рукоплесканія). Чрезвычайное вниманіе собранія обратилъ на себя пасторъ-миссіонеръ Нараянъ Шиадри, прибывшій въ Нью-Йоркъ изъ Бомбея и присутствовавшій на конференціи въ національномъ костюмѣ. Принадлежа по рожденію къ одной изъ высшихъ кастъ Индіи, онъ въ юношескомъ возрастѣ принялъ христіанство, примкнулъ къ пресвитеріанской сектѣ и сдѣлался ревностнымъ миссіонеромъ на своей родинѣ. Въ своей чрезвычайно сдержанной и симпатической рѣчи, онъ говорилъ о приверженности ко Христу и какъ бы взывалъ къ присутствовавшимъ о необходимости объединенія Протестантской церкви для блага самой же этой церкви въ дѣлѣ распространенія христіанства. „Когда я“, говорилъ онъ тихимъ, плавленнымъ и хватающимъ за сердце голосомъ, „отправлялся сюда, мнѣ говорили: касты существуютъ среди всѣхъ народовъ, касты существуютъ среди самихъ христіанъ; меня спрашивали поэтому: чѣмъ одна изъ нихъ лучше другой? Когда я возвращусь назадъ, я скажу имъ что въ нѣкоторыхъ пунктахъ мы различались, но что относительно великихъ принциповъ спасенія мы по духу были одно и что объ этомъ единствѣ я узналъ здѣсь. Я буду стараться распространять и доказывать это единство въ моей родной странѣ чтобы овцы заблудшія могли собраться на одной нивѣ.“ * Интересно съ какимъ чувствомъ внимали этимъ словамъ присутствовавшіе представители протестантскихъ сектъ. Въ словахъ Шиадри было столько вѣры, столько религіозной искренности, столько неподдѣльнаго христіанскаго увлеченія, что слезы неволью навертывались на глазахъ, и сердце рвалось къ нему чтобы обнять его какъ брата и дать ему испить отъ той воды жизни отъ которой „уже пить, не вжадется во вѣки“. Гдѣ-то онъ теперь, этотъ индійскій миссіонеръ? Живъ ли онъ, и не разочаровался ли давно въ той конференціи за Океаномъ, на которой онъ говорилъ свои сердечныя и глубоко прочувствованныя слова? Итакъ, на официальномъ приѣмѣ делегатовъ не было недо-

* Объ официальномъ приѣмѣ делегатовъ см. большія нью-йоркскія газеты отъ 3 октября 1873 года.

статка въ прекрасныхъ словахъ о церковномъ единеніи; можно было дѣйствительно подумать что Евангелическому Союзу на нью-йоркской его генеральной конференціи удалось объединить всѣ протестантскія церкви и секты и безо всякихъ усилій съ его стороны и прелестствій со стороны сектъ возвыситься на стелень главы Протестантской церкви, главы облеченной верховною властью издавать законы и блюсти за ихъ исполненіемъ.

На слѣдующій день (3 октября) делегаты собрались къ десяти часамъ утра въ Steinway Hall. Ровно въ десять часовъ все собраніе загло краткій гимнъ „Doxology“. Послѣ гимна была прочтена молитва, въ которой одинъ изъ делегатовъ воззвалъ къ Богу слѣдующими словами: „Отврати отъ насъ забвеніе—хоть бы даже на мигъ—что мы собрались здѣсь какъ истинные воины креста съ желаніемъ соединиться для доброй борьбы о вѣрѣ“. Вслѣдъ за этою молитвой прибывшій изъ Англіи деканъ Кентерберійскій прочелъ Символъ Вѣры. Когда эти предварительныя церемоніи были оковчены, президентъ американской вѣтви, достопочтенный Уильямъ Доджъ, открылъ засѣданіе. Въ сказанной имъ по этому случаю рѣчи онъ вновь проводилъ идею единенія. „Мы, говорилъ онъ, собрались какъ христіанскіе братія; отлагая на время въ сторону различія которыя раздѣляютъ насъ на секты и партіи, мы съ радостію встречаемъ другъ друга какъ дѣти одного Отца, собравшіяся съ тою цѣлью чтобы разсуждать о величій Его царства и обсудить вопросъ какимъ способомъ намъ всего лучше развить великія начала объединяющія насъ и всѣхъ истинно вѣрующихъ.“ Затѣмъ, заобдавшіе на трибунѣ делегаты приступили къ избранію личнаго состава конференціи. Постояннымъ президентомъ былъ избранъ пользующійся въ Америкѣ громадною извѣстностью и заслуженнымъ почетомъ докторъ богословія Теодоръ Вулсей изъ Нью-Гавена, бывшій президентъ Яльской коллегіи. Въ качествѣ помощниковъ, ему придаю двадцать четыре вице-президента и одинъ почетный секретарь, Др. богословія Иринеи Праймъ. Шаффъ былъ избранъ вице-президентомъ. Заявивъ президентское кресло, Др. Вулсей также сказалъ небольшую рѣчь въ которой вновь коснулся вопроса о единеніи.

Наконецъ наступилъ моментъ котораго мы съ нетерпѣніемъ ожидали. Конференція должна была постановить правила

своихъ засѣданій въ теченіе слѣдующихъ девяти дней. Здѣсь она волей-неволей должна была намѣтить путь осуществленія заветной цѣли Союза, то-есть объединенія церкви. Не знаемъ съ какими настроеніемъ ожидали этого момента делегаты; насъ лично оны сильно волновалъ. И, что же оказалось? Конференція приняла четыре пункта, изъ коихъ только одинъ третій имѣлъ отношеніе къ данному вопросу, и этотъ-то пунктъ гласилъ слѣдующее: „*Такъ какъ цѣль конференціи состоитъ въ сравненіи взглядовъ и свободною разсужденіи, а не въ законодательствѣ, то резолюцій которыя бы конференція обязывалась къ спеціальнымъ мѣрамъ издаваемо не будетъ*“. Что же это такое? подумалъ я. Конференція отказывается не только отъ попытки создать для Протестантской церкви органическое единеніе, но даже и отъ намѣренія вызвать среди сектъ простое соглашеніе, которымъ бы хоть въ нѣкоторой мѣрѣ обуславливалось единство жизни и дѣйствій протестантизма. Попрекъному духъ религіозной нетерпимости и религіознаго сепаратизма будетъ разобщать ихъ другъ отъ друга; попрекъному каждую изъ нихъ будетъ отдѣлять и окружать преграда великая, которую засыпать у людей не достаетъ ни силъ, ни матеріала. Зачѣмъ же, спрашивали мы себя, американская вѣтвь Союза въ своемъ офіціальномъ приглашеніи говорила о „завершеніи существеннаго единенія тѣла Христова жизненнымъ явленіемъ“? Зачѣмъ вводила она въ теченіе цѣлаго полугода американскую печать въ заблужденіе и побуждала ее раздувать конференцію до значенія протестантскаго вселенскаго собора, имѣющаго дать протестантизму существенное, то-есть реальное и осязаемое единеніе? Зачѣмъ чрезъ печать она ложивала въ громадной читающей массѣ Американскаго народа надежду которую не въ силахъ была осуществить? Зачѣмъ делегаты на вчерашнемъ торжественномъ приѣмѣ, да еще и сегодня, полчаса тому назадъ, прославляли единеніе, когда не только о дѣйствительномъ, но даже и о кажущемся единеніи конференція боялась помышлять? Она съ самаго начала засѣданій заявляетъ что задача ея состоитъ исключительно въ сравненіи взглядовъ и свободною разсужденіи. Ни то, ни другое,—ни сравненіе взглядовъ, ни свободное разсужденіе,—по ея дѣйствительнымъ намѣреніямъ, не должно идти дальше, не должно и не имѣть завершиться

ни обобщеніемъ взглядовъ, ни вѣдшимъ соглашеніемъ, ни издаваніемъ резолюцій, ни тѣмъ менѣе принятіемъ опредѣленныхъ законовъ общихъ для всѣхъ церквей, какъ результатъ разсужденій, обмѣна взглядовъ и мирнаго соглашенія. Обобщеніе взглядовъ и ихъ соглашеніе должно оставаться для конференціи въ сторонѣ, какъ вѣчто для нея недостижимое; всѣ ея занятія должны состоять въ сравненіи взглядовъ и свободномъ разсужденіи. Тѣмъ что здѣсь крылось внутренне логическое противорѣчіе, делегаты, несмотря на все обиліе просвѣщенія, отнюдь не смущались.

Конференція собиралась ежедневно въ теченіе девяти дней, съ 3 по 12 октября включительно. Засѣданія ея происходили три раза въ день: утромъ, послѣ полудня и вечеромъ, и иногда одновременно въ двухъ и даже трехъ различныхъ мѣстахъ. Каждому изъ членовъ была предоставлена возможность возбуждать вопросы, разсуждать о нихъ, излагать свои мнѣнія и высказывать тѣ или иныя сужденія. Но обсужденія вопросовъ или, вѣрнѣе, преній на конференціи не было. Тутъ же, наряду съ рѣчами, читались всевозможные адреса, ученые отчеты и записки, сочувственныя привѣтствія, какъ напиримѣръ официальное письмо архіепископа Кентерберійскаго, отчетъ „объ евангелической теологіи въ Германіи“, составленный не присутствовавшимъ на конференціи профессоромъ Галльскаго университета, докторомъ богословія Толуккомъ, привѣтствіе отъ лица Германскаго императора и т. д. Строго говоря, это была какая-то безконечная лекція, длившаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ. Одинъ профессоръ смѣнялъ другаго. Каждый изъ нихъ бралъ свой предметъ, говорилъ о немъ полчаса и затѣмъ уступалъ мѣсто другому и т. д. Говорилось здѣсь положительно обо всемъ имѣющемъ какъ ближайшее, такъ и отдаленное отношеніе къ протестантскому міру. Предметы были подраздѣлены на группы, каждой группѣ удѣлялся опредѣленный день, но затѣмъ на отдѣльныхъ засѣданіяхъ дѣло велось совершенно произвольно, такъ что нѣкоторые делегаты выражали даже жалобы на нераспорядительность распорядительнаго комитета. Одинъ обратившійся въ протестантизмъ Грекъ началъ свою рѣчь „о состояніи протестантизма въ Греціи“ сѣтованіемъ на недостатокъ времени для приготовленія, такъ какъ его уведомили о времени говоренія рѣчи

всего за десять минутъ. На Ватиканскомъ соборѣ всѣ засѣданія велись въ опредѣленномъ порядкѣ и клонились къ одной предварительно намѣченной цѣли. На Нью-Йоркскомъ протестантскомъ вселенскомъ соборѣ, между возбуждавшимися вопросами, не было никакой внутренней связи, о преднамѣченной же цѣли не могло быть и рѣчи. Когда весь наличный запасъ вопросовъ былъ перебранъ, когда каждому профессору дана была возможность блеснуть своимъ знаніемъ и краснорѣчіемъ, засѣданія конференціи должны были прекратиться сами собой; они и прекратились кажется потому только что не оставалось болѣе предметовъ для краснорѣчія.

О чемъ же именно было говорено на конференціи? Укажемъ только группы предметовъ чтобы имѣть понятіе объ обиліи возбужденныхъ вопросовъ.

Октября 3: отчеты о современномъ состояніи религіи въ различныхъ частяхъ христіанскаго міра.

Октября 4: христіанское единеніе.

Октября 5: воскресныя проповѣди делегатовъ въ различныхъ церквахъ Нью-Йорка, а вечеромъ митингъ въ Академіи музыки.

Октября 6: христіанство и его антагонисты.

Октября 7: христіанская жизнь.

Октября 8: протестантизмъ и романтизмъ.

Октября 9: христіанство и гражданское правительство.

Октября 10: христіанская миссія—чужестранная и американская.

Октября 11: христіанство и социальныя реформы.

Октября 12: воскресныя проповѣди делегатовъ въ церквахъ Нью-Йорка, Бруклина, Филладельфіи и другихъ окрестныхъ городовъ, а вечеромъ заключительное богослуженіе въ Нью-Йоркской Академіи Музыки со чтеніемъ молитвъ и адресовъ на всевозможныхъ языкахъ.

Американскій практическій умъ сказался на конференціи только въ обиліи вопросовъ взятыхъ изъ области жизни, а не отвлеченія. Тутъ были разобраны вопросы о миссіи во всевозможныхъ ея видахъ, развѣтвленіяхъ и фазахъ развитія, о личной и семейной религіи, о воскресной школѣ, о Христіанской Ассоціаціи Молодыхъ Людей, о религіозномъ пробужденіи и т. д. Словомъ, конференція походила на какую-то безконечную лекцію о вѣдшихъ услѣхахъ Протестантской церкви во всѣхъ сферахъ ея проявленія. Обиліемъ вопро-

совѣ она безъ сомнѣнія превзошла всѣ бывшія до того времени церковныя собранія. Но сомнѣваемся чтобы за все почти двухтысячелѣтнее существованіе христіанства было хоть одно собраніе церковныхъ представителей на которомъ ощущалось бы въ такой мѣрѣ отсутствіе внутренней связи и цѣли какъ на нью-йоркской конференціи. О церковномъ единеніи, прославленномъ и воспѣтомъ делегатами при открытіи конференціи, какъ будто было забыто на дальнѣйшихъ засѣданіяхъ. О немъ не заводилось рѣчи, какъ будто этотъ вопросъ съ общаго согласія делегатовъ былъ изъятъ изъ предметовъ разсужденія.

Но отказываясь отъ формальнаго установленія органическаго и дисциплинарнаго единенія для Протестантской церкви, генеральная конференція въ Нью-Йоркѣ не установила ли по крайней мѣрѣ фиктивнаго единства, единства въ исключительно протестантскомъ смыслѣ, основой которому служить вѣра во Христа? Не была ли эта вѣра видимымъ средоточіемъ представительства всѣхъ протестантскихъ церквей и сектъ, не была ли въ извѣстномъ смыслѣ оптическимъ лунктомъ, собравшимъ лучи со всего протестантскаго міра? Не проявила ли она хоть въ нѣкоторомъ отношеніи притязаніе на установленіе для всей Протестантской церкви общенія таинствъ, которое само по себѣ составляетъ единеніе церквей? Или по крайней мѣрѣ не могла ли она претендовать на осуществленіе въ своихъ засѣданіяхъ полной идеи религиозной свободы, которая, какъ мы видѣли выше, есть основной принципъ протестантскаго религиознаго мышленія? На всѣ эти вопросы мы можемъ дать лишь отрицательный отвѣтъ. Мало того, генеральная конференція въ Нью-Йоркѣ, къ огорченію многихъ протестантовъ, сопровождалась такими событіями которыя набросили на Евангелическій Союзъ весьма неблагоприятную тѣнь, обратившую на себя тѣмъ большее вниманіе что конференція происходила въ Америкѣ, классической странѣ свободы, гдѣ малѣйшій намекъ въ печати немедленно вызываетъ общественное обсужденіе и оцѣнку.

Конференція прежде всего считала себя въ правѣ не допускать въ засѣданія нѣкоторыхъ членовъ союзныхъ вѣтвей которые почему бы то ни было расходились съ ея воззрѣніями или казались ей опасными людьми. Лично намъ извѣстенъ слѣдующій фактъ. Выше мы имѣли уже случай сказать

нѣсколько словъ о возгорѣвшейся между Тимендорфомъ и Вурстембергеромъ жестокой полемикѣ изъ-за звѣзды Св. Станислава надѣтой Тимендорфомъ во время Фридрихсгафской депутаціи. Въ своихъ полемическихъ книгахъ, направленныхъ противъ Тимендорфа, Вурстембергеръ задѣлъ еще и Дг. Шаффа, приписавъ ему почти исключительно неудачу депутаціи. Шаффъ не могъ переварить этой обиды и рѣшился во что бы то ни стало отстранить Вурстембергера, члена швейцарской вѣтви Союза, отъ участія на нью-йоркской конференціи. Задолго до начала конференціи, въ апрѣлѣ 1873 года, мы имѣли по этому поводу интересный разговоръ съ самимъ Дг. Шаффомъ. Онъ говорилъ намъ тогда что считалъ ниже своего достоинства отвѣчать на взведенныя на него въ книгахъ Вурстембергера клеветы и обвиненія. Книги Вурстембергера, по его сужденію, лучше всего обойти молчаніемъ и вовсе игнорировать. „Мнѣ, говорилъ Шаффъ, чрезвычайно жаль что Тимендорфъ послушалъ отвѣтить Вурстембергеру и далъ тѣмъ поводъ къ полемикѣ. На Вурстембергера и только на него одного должна падать отвѣтственность за возникшія между членами депутаціи разногласія. Тимендорфъ намѣренъ былъ вести дѣло тихо, спокойно и деликатно, тогда какъ Вурстембергеръ хотѣлъ силою вломиться въ двери. Вслѣдствіе этого, американская вѣтвь не считала себя обязанною приглашать Вурстембергера на засѣданія генеральной конференціи; мы игнорируемъ его самого такъ же точно какъ игнорируемъ и его книги. Если же, продолжалъ Шаффъ, Вурстембергеръ пріѣдетъ сюда самъ, то мы во всякомъ случаѣ не отвѣтственны, —мы его не приглашали.“ И такъ, изъ-за личныхъ столкновеній конференція считала себя въ правѣ не допускать на свои засѣданія даже такихъ выдающихся лицъ какъ Вурстембергеръ, который, кстати сказать, сдѣлалъ много добра для Евангелическаго Союза. Она ставила такимъ образомъ личное благо однихъ выше блага другихъ и — что еще важнѣе — выше общаго блага, и предпочитала личный интересъ интересамъ всего предпринимаемаго дѣла. Могла ли тутъ быть рѣчь о христіанскомъ единеніи, когда люди руководились человѣческими страстями и инстинктами низшаго свойства?

Затѣмъ конференція считала себя въ правѣ отстранять отъ участія на своихъ засѣданіяхъ цѣлую группу протестантскихъ сектъ. Она отстранила универсалистовъ, методистскія

секты Негровъ, унитаріанъ, свободно-протестантскія секты, нѣкоторыя секты лютеранъ и реформатовъ и еще нѣсколько малоизвѣстныхъ и малочисленныхъ сектъ южныхъ штатовъ Америки.* Всѣмъ имъ, и особенно двумъ первымъ, она нанесла такимъ образомъ кровную обиду, которая никогда не будетъ прощена и забыта.

Секта универсалистовъ, причисляя себя къ евангелической протестантской церкви, считала своимъ неотъемлемымъ правомъ и нравственно-религіозною обязанностью выслать на конференцію своихъ духовныхъ представителей. На національной конвенціи этой секты въ Вашингтонѣ, лѣтомъ 1873 года, она повтому избрала докторовъ богословія Майвера, Челина и Райдера и уполномочила ихъ явиться на конференцію въ качествѣ делегатовъ. Союзъ отказался принять ихъ, на томъ основаніи что, во первыхъ, универсалистами не была будто бы подписана *платформа* принятая Союзомъ на первой его конференціи въ 1846 году и, во вторыхъ, что въ силу основныхъ вѣроисповѣдныхъ отличій универсалисты не имѣли де права причислять себя къ лагерю евангелическихъ христіанъ. Но первымъ пунктомъ, какъ замѣчала въ свое время печать, Евангелическій Союзъ противорѣчилъ самъ себя. Въ изданной имъ поманутой *платформѣ*, послѣ перечисленія основныхъ пунктовъ вѣры, Союзъ ясно и рѣшительно говорилъ что *платформа* эта не обязательна для вступленія въ Союзъ. Почему же она оказалась обязательною для универсалистовъ? Вторымъ пунктомъ Союзъ взялъ на себя право высказывать формальнѣя сужденія о протестантскихъ сектахъ и рѣшать вопросъ о степени принадлежности ихъ къ Протестантской церкви. Онъ не желалъ имѣть дѣло съ универсалистами, такъ какъ не призываетъ ихъ евангелическими христіанами. Такимъ образомъ, отказываясь издавать постановленія общія для всей Протестантской церкви, Евангелическій Союзъ присваивалъ себѣ право высшаго авторитета въ дѣлѣ оцѣнки основныхъ принциповъ той или иной секты и на основаніи этой оцѣнки или вводитъ ихъ въ нѣдра Протестантской церкви, или исключать изъ оной; иначе говоря, онъ присваивалъ себѣ право

* *New York Herald*, отъ 25 августа, 21, 22 и 27 сентября, *Independent*, отъ 2 октября и *Christian Leader*, послѣдній номеръ въ сентябрѣ 1873 года.

официальнаго критерія для Протестантской церкви. Еслибъ его дѣятельность въ этомъ отношеніи отличалась правдивостію и справедливостію, то церкви и секты могли бы съ нею помириться, или по крайней мѣрѣ отвести къ ней свисходительно. Но такъ какъ дѣйствія Союза отличались противоположнымъ свойствомъ, такъ какъ онъ былъ придирчивъ и несправедливъ, то его постулки немедленно получили обширную огласку и были приписаны духу религіозной нетерпимости. „Нельзя сомнѣваться,—такъ писалъ *Independent* въ день открытія конференціи,—насчетъ общаго настроенія американскихъ членовъ, которые въ настоящемъ собраніи составляютъ преобладающее большинство. Они не хотятъ имѣть ровно никакого дѣла съ универсалистами. Они положительно не хотятъ принять во вниманіе ни вѣры универсалистовъ, ни ихъ духовной жизни. По ихъ понятію, отъ Назарета можетъ ли добро быть?... Въ дѣйствительности евангелическія церкви еще не дозрѣли до того момента чтобы воздать универсалистамъ простую справедливость. Онѣ не внемлютъ фактамъ и предпочитаютъ придерживаться заблужденій прежнихъ поколѣній... За то вѣдь это и не есть конференція для свободнаго обсужденія. Это просто-на-просто митингъ для чтенія бумагъ избранными комитетомъ лицами; сколько намъ извѣстно, она не представляетъ возможности обсудить и измѣнить доктринальный базисъ, изъ-за котораго отъ конференціи устраняется часть лучшихъ христіанъ нашей страны. Какую крайнюю несостоятельность запечатлѣно это положеніе Союза! Онъ имѣетъ цѣлю единеніе протестантскихъ церквей и въ то же время его базисъ закладываетъ именемъ еретиковъ не малую долю истинныхъ учениковъ Христа и проповѣдниковъ Его Евангелія.“

Въ *New York Herald*, отъ 5 октября, было помѣщено слѣдующее открытое письмо одного пастора-негра, пролиравшее на дѣятельность конференціи далеко не двусмысленный лучъ свѣта. „Я негръ, пасторъ и проповѣдникъ въ этомъ большомъ городѣ. Въ Нью-Йоркѣ среднимъ числомъ до 25.000 черныхъ; всѣ они, за исключеніемъ 400 римскихъ католиковъ, принадлежатъ нашему протестантскому вѣроисповѣданію. Большинство черныхъ придерживается секты методистовъ. Я просилъ чтобы мнѣ былъ дозволенъ входъ въ залъ Ассоціаціи для присутствія на евангелической конференціи, и мнѣ не дано было позволенія, потому что моя

кожа черна. Но развѣ Всевышній различаетъ оттѣнки лица и кожи? Протестантская церковь по всему лицу земному пользуется свободой. Делегаты прибыли сюда во имя братской любви, и несмотря на это, черный проповѣдникъ не можетъ ни добиться мѣста, ни участвовать въ преніяхъ Евангелическаго Союза. Къ чему же намъ, протестантамъ и вѣрнымъ христіанамъ, хвалиться своимъ превосходствомъ предъ церковію Рима, если Христіанская Ассоціація Молодыхъ Людей опредѣлила не допускать черныхъ до принятія участія на соборѣ который имѣетъ жизненный интересъ для христіанъ? Я никогда не былъ въ Римѣ; но мнѣ говорили что въ его школахъ для пролаганды не менѣе сорока черныхъ студентовъ постоянно ожидаютъ себя посвященія; черные совершили много добра для церкви Рима, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ихъ труды. Меня извѣщали также что на вселенскомъ соборѣ провозгласившемъ неогрѣшимость настоящаго папы было до пятидесяти черныхъ епископовъ. Неужели евангелическіе христіане будутъ менѣе либеральны и менѣе милосерды чѣмъ католики? Слова не имѣютъ здѣсь значенія; все значеніе принадлежитъ дѣйствию. Пусть Союзъ взглянетъ на это обстоятельство. Черный пасторъ." Итакъ, Евангелическій Союзъ, наперекоръ новѣйшей цивилизаціи, истинной гуманности и наконецъ христіанской любви ко ближнимъ, заявилъ себя открыто противъ черной расы. Африканскіе методисты, какъ обыкновенно называютъ въ Америкѣ негровъ этой секты, отличаются отъ другихъ методистовъ только чернымъ цвѣтомъ своей кожи. Въ догматическомъ и обрядовомъ отношеніи между ними нѣтъ различій. Черные методисты были вынуждены отдѣлиться отъ бѣлыхъ методистовъ и образовать свои особыя секты только потому что бѣлые не хотѣли молиться вмѣстѣ съ ними въ однихъ и тѣхъ же храмахъ, и по той же самой причинѣ почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ не хотѣли ѣздить вмѣстѣ съ ними въ однихъ и тѣхъ же желѣзно-дорожныхъ вагонахъ и конно-желѣзныхъ омнибусахъ, сидѣть рядомъ въ театрахъ и т. д. Почему же, спрашивается, Евангелическій Союзъ отклонилъ отъ себя своихъ, хотя бы то и черныхъ, протестантствующихъ братьевъ, которые исповѣдуютъ тѣ же догматы и держатся тѣхъ же обрядовъ чѣмъ и онъ самъ? Вѣдь онъ выставялъ и выставяетъ себя поборникомъ истиннаго просвѣщенія, христіанской любви и свободы? Еще въ 1871 году,

когда Евангелическій Союзъ рѣшилъ послать свою делегацию въ Фридрихсгафенъ, одна изъ нью-йоркскихъ епископальныхъ газетъ, *Church Weekly*, недоумѣвая какимъ образомъ еписколъ штата Огайо Мс Plaine (Макъ Ильвенъ) согласился принять участіе въ смѣломъ предпріятіи Союза, спрашивала, существуетъ ли та религіозная свобода, о которой полагалъ хлопотать Союзъ для прибалтійскихъ протестантовъ, въ самой Протестантской церкви? Не находя ея въ ней, она совѣтовала Союзу заняться проповѣдью религіозной свободы въ самой же Протестантской церкви, а не внѣ ея.

Унитаріане посмотрѣли на устраненіе своихъ духовныхъ представителей отъ конференціи нѣсколько холодно и сдержанно. Такъ какъ Евангелическій Союзъ не хотѣлъ имѣть съ унитаріанами дѣла изъ-за отрицанія ими троичности Лицъ Божества, то-есть изъ-за догматическихъ разногласій, то они, какъ и слѣдовало ожидать, должны были свой протестъ противъ Союза перенести на догматическую почву, или, иначе говоря, отнестись критически къ пунктамъ вѣры изложеннымъ въ *платформѣ* Союза. Ихъ голосъ былъ поданъ главнымъ образомъ въ одной изъ проповѣдей, сказанной передовымъ вождемъ унитаріанской секты, извѣстнымъ нью-йоркскимъ проповѣдникомъ, докторомъ богословія Беллоузомъ. Въ воскресенье, 12 октября, онъ посвятилъ свою церковную рѣчь специально Союзу. Для объединенія христіанскихъ церквей, говорилъ онъ, необходимо избрать почву болѣе широкую чѣмъ базисъ Союза. Воздавая полную честь нью-йоркской конференціи и утверждая что со времени перваго Иерусалимскаго собора апостоловъ на свѣтѣ не было болѣе значительнаго религіознаго собранія, онъ находилъ однакоже ея стремленіе къ объединенію церквей не достигшимъ цѣли. Причина этого прискорбнаго обстоятельства, по его воззрѣнію, слѣдующая. Разногласія въ религіозныхъ вопросахъ касаются главнымъ образомъ вымершихъ формъ и состоятъ въ суевѣріяхъ прежнихъ, давно отжившихъ временъ. Въ Америкѣ, странѣ свободной, они не должны де имѣть жизненнаго значенія. Тѣмъ не менѣе до настоящаго времени изъ-за этихъ разногласій расходятся не только протестанты и католики, но и разнородныя протестантскія секты. Что касается католицизма, то онъ при посредствѣ воспитанія постепенно де приурочивать себя къ республикан-

скимъ условіямъ, такъ что нечего опасаться даже за свободу мысли. „Впрочемъ, говорилъ онъ, все произрастающее въ нашей странѣ имѣетъ право роста и увеличиваться.“ Такъ какъ сущность христіанства не въ догматахъ, а христіанской жизни, то различіе въ догматахъ постепенно все болѣе и болѣе будетъ де отходить на задній планъ. Сущностію религіи не можетъ быть тенденція вооружающая людей другъ противъ друга. „Все жизненное въ христіанствѣ заключается въ любви и боготвореніи Христа, въ томъ чтобъ усвоить себѣ Его духъ, Его характеръ, Его святость.“ Ортодоксальные догматы принадлежатъ де давно прошедшимъ вѣкамъ, они не въ силахъ де удовлетворить потребностей человѣка нашего времени. Исходя отъ этой мысли, Др. Беллоузъ поодиночкѣ перебралъ всѣ догматы вѣры изложенные въ *платформѣ* Союза и пытался показать ихъ несостоятельность. * Голосъ Беллоуза остался безъ отвѣта со стороны членовъ Союза, что очень польстило приверженцамъ унитаріанской секты. Изъ молчанія Союза они вывели заключеніе о непобѣдимости діалектики своего духовнаго вождя и простили Союзу нанесенную имъ сектѣ унитаріанъ обиду.

Что касается сектъ лютеранскихъ, реформатскихъ и придерживающихся свободно-религіознаго направленія, то причиною ихъ устраненія отъ конференціи послужило крайне-либеральное направленіе ихъ въ религіозно-церковномъ отношеніи.

Другія протестантскія церкви и секты сами отстранились отъ Союза и не пожелаали имѣть религіознаго представительства на нью-йоркской конференціи. Сюда слѣдуетъ отнести часть лютеранскихъ сектъ какъ носящихъ общее наименованіе High Church такъ и придерживающихся аугсбургскаго исповѣданія, большую часть сектъ со свободно-религіознымъ направленіемъ и болѣе всего церковь епископальную. **

* *N. Y. Staats-Zeitung*, отъ 16 октября 1873 года.

** Европейскіе старо-католики, несмотря на завѣреніе Др. Шаффа (*New York Observer*, отъ 4 сентября 1873 года), не выслали въ Нью-Йоркъ своихъ делегатовъ. Интересенъ отвѣтъ Деллингера явившемуся къ нему съ приглашеніемъ поѣзжать на нью-йоркскую конференцію Шаффу. Онъ сказалъ что не видитъ необходимости ѣхать въ Америку, гдѣ съ каждымъ новымъ днемъ рождаются новыя секты. Его призваніе состоитъ де въ учрежденіи христіанскаго единенія, но онъ не въ силахъ понять какимъ образомъ его поѣздка въ Нью-Йоркъ

Церковь епископальная, какъ и слѣдовало ожидать, отнеслась къ генеральной конференціи Евангелическаго Союза съ разногласіемъ, постоянно присутимъ ея духовнымъ представителямъ когда дѣло касается обще-церковныхъ вопросовъ. Дробясь на три главныя направленія, высокую, широкую и низкую церковь, она не могла отнестись къ конференціи со внутреннею солидарностью. Представители низкой и широкой церкви, вообще сочувственно относившіеся къ дѣятельности Союза, выслали, особѣнно изъ Англіи, своихъ делегатовъ въ Нью-Йоркъ. Что же касается высокой церкви и примыкающей къ ней церкви ритуалистовъ, то онѣ не пожелаали имѣть съ конференціей никакого общенія. Высокая церковь Америки, какъ извѣстно, стремилась въ свое время къ соединенію съ Православною церковію Востока. Въ шестидесятыхъ годахъ въ Нью-Йоркъ по этому поводу образовался цѣлый комитетъ, сносившійся съ С.-Петербургомъ и Константинополемъ подъ названіемъ Joint Committee on communication with Russo-Grech Church. * Чтобы ближе познакомиться съ Восточною церковью нѣкоторые духовные представители высокой церкви предприняли путешествіе въ Россію. Сношенія пошли такъ удачно что епископы епископальной церкви Америки представили Святейшему Синоду русской церкви формальное прошеніе объ установленіи взаимнаго общенія этихъ церквей. Къ сожалѣнію, попытка эта не могла увѣнчаться успѣхомъ. Добиваясь единенія, епископалы начали дѣло съ конца, а не съ начала, то-есть желали установить общеніе въ таинствахъ, предварительно не достигнувъ единенія въ вопросахъ вѣры. Отстаивая утерянную каеоличность, ** они ставили свою церковь въ параллель съ Православною Восточною церковью какъ равную съ равной.

для участія на засѣданіяхъ конференціи можетъ быть полезна въ этомъ отношеніи. Спеціальная миссія его состоитъ „въ сближеніи латинской церкви съ греческою, и чтобы не обидѣть ни ту, ни другую, ему необходимо остерегаться сближенія съ протестантами“ (*New York Herald*, отъ 25 августа 1873 года).

* Смотр. *Report of the joint Committee, presented to the General Convention, Baltimore, October, 1871. Privately printed 1872.*

** Такъ же какъ въ свое время отстаивалъ Dr. Пальмеръ. См. *Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841 by the late William Palmer*, изданную кардиналомъ Ньюманомъ въ Лондонѣ въ 1882. году.

Все это было выяснено въ краткомъ, но вѣскомъ отвѣтномъ письмѣ митрополита 'Новгородскаго Исидора на имя американскихъ епископовъ. Въ Америкѣ это отвѣтное письмо высокопреосвященнаго Исидора произвело сильное впечатлѣніе. Мы были тогда въ Нью-Йоркѣ и могли лично наблюдать этотъ фактъ. Оно поразило рѣшительно всѣхъ: Поттера, архиепископа Нью-Йоркскаго, у котораго на письменномъ столѣ стоитъ портретъ покойнаго митрополита Филарета; Йонга, епископа Флориды, изучившаго наши церковныя налѣвы; Куиндартъ, епископа Тенесси, съ неподдѣльною душевною теплотою бесѣдующаго о церкви Востока и т. д.; не говоримъ уже о членахъ комитета и ритуалистахъ, которые сильно надѣялись на успѣхъ дѣла. И вотъ изъ этого-то лагеря раздался осенью 1873 года голосъ противъ конференціи, голосъ достойный лучшей участи, вызывающій полное сочувствіе своею искренностью, прямою и неподдѣльною религіозностью. „Не вслѣдствіе гордости, не вслѣдствіе самолюбія или своенравія,—такъ писалъ *Churchman*, органъ американской высокой епископальной церкви,—удерживаемся мы отъ присутствія на конференціи, а вслѣдствіе внутренняго, глубокаго и даже принудительно-обязательнаго убѣжденія что она не приведетъ ни къ какой цѣли. Члены ея не знаютъ даже того какъ поставить на ноги такое собраніе. Признаемся что и среди насъ, епископовъ, господствуютъ рознь, ереси и невѣріе, которыя царятъ нынѣ между христіанами, вводятъ въ заблужденіе ихъ души, наносятъ ущербъ вѣрѣ, умерщвляютъ любовь. Еслибъ эту пропасть можно было заложить кровію мучениковъ, мы выставили бы для сего цѣлую доблестную армию. Но мы не можемъ понять, какимъ образомъ это зло можетъ быть устранено собраніями, союзами, компромиссами. Такимъ путемъ можно создать развѣ только новую секту. Секта эта уже извѣстна подъ именемъ *церкви будущаго*; она обладаетъ только однимъ пунктомъ вѣры, именно „либерализмомъ“. Мы не вѣримъ ни въ божественное озареніе мужей на этомъ собраніи, ни въ преизобиліе ихъ мудрости. Такъ какъ мы не въ силахъ привести добра Евангелическому Союзу и не ждемъ и для себя самихъ ничего добраго отъ него, то и предоставляемъ его собственной судьбѣ.“ Слова эти запечатлѣны такимъ ортодоксальнымъ характеромъ что даже издающаяся въ Балтиморѣ

католическая газета *Katholische Volkszeitung* сочла своимъ долгомъ перепечатать ихъ на своихъ столбцахъ.

Такимъ образомъ дѣлая серія американскихъ протестантскихъ церквей и сектъ держалась вдали отъ дѣятельности нью-йоркской конференціи. Очевидно что при такомъ положеніи дѣлъ конференція отаудъ не могла претендоваться ни на установленіе фиктивнаго единенія для Протестантской церкви, ни на видимое средоточіе представительства всѣхъ отдѣльныхъ церквей и сектъ. Съ другой стороны, утраченная отъ участія на своихъ засѣданіяхъ изъ-за тенденціозныхъ побужденій дѣлую группу родственныхъ себѣ сектъ, она не только не была представительницей религіозной свободы, но навлекла на себя даже укоръ въ религіозной нетерпимости. Къ довершенію всего этого, необходимо сказать что она не могла похвалиться даже установленіемъ простаго общенія таинствъ для Протестантской церкви, достигнуть чего въ ея положеніи было бы не особенно трудно еслибъ ея сочлены и делегаты отличались дѣйствительною христіанскою любовію и религіозною свисходительностію другъ ко другу.

Засѣданія конференціи происходили между 2 и 12 числами октября. Въ теченіе этого времени были два воскресные дня. Кому-то изъ делегатовъ еще на предварительныхъ засѣданіяхъ пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться однимъ изъ этихъ воскресныхъ дней для видимаго проявленія идеи объединенія Протестантской церкви. Овъ предложилъ устроить что-то въ родѣ универсальной обѣдни, дабы делегаты различныхъ вѣтвей Союза, то-есть представители разнородныхъ протестантскихъ церквей и сектъ могли собраться въ это время около одного алтаря Господня и, отложивъ лопеченіе о всемъ мірскомъ, временномъ и преходящемъ и забывъ всѣ прежніе споры, несогласія и раздоры, приступить къ общей вечери любви. Дѣйствительно, они имѣли бы здѣсь наилучшій и наилучнѣйшій случай заявить міру о своемъ видимомъ единствѣ во Христѣ. „Но, по словамъ *New York Herald*, отъ 25 августа 1873 года, Союзу не удалось совершить подобное богослуженіе; утверждаютъ что виною этой неудачи послужило его боязливое уваженіе къ баптистамъ, совѣсть коихъ не дозволила бы приступить къ общей трапезѣ съ христіанами крещеными не чрезъ погруженіе.“ Итакъ, въ то время какъ вся Протестантская церковь пламенно стремилась объединиться для дѣйствія противъ общаго врага

и когда ловидимому ей надлежало забыть всё прежіе споры, несогласія, раздоры и противоборства, Союзу приходилось изворачиваться на всё лады чтобы предотвратить выраженіе несогласія и вражды на предстоящихъ засѣданіяхъ своей конференціи. Даже таинство причащенія, высшее осуществленіе Христовой любви къ человечеству, не въ силахъ было смирить въ протестантствѣ и Евангелическомъ Союзѣ человѣческія страсти и пристрастія.

Какъ мало генеральная конференція Союза въ Нью-Йоркѣ могла претендовать на приписываемое ей американскою печатью значеніе протестантскаго вселенскаго собора и какъ далеко она отстояла отъ дѣйствительной возможности создать единеніе для всей Протестантской церкви, это обнаружилось немедленно по окончаніи ея засѣданій очень рельефнымъ событіемъ. Едва делегаты Союза успѣли оставить залы засѣданій и направить свои столы на Ниагарскій водопадъ чтобы полюбоваться чудомъ природы и искусствомъ американскаго мостостроенія, или въ Вашингтонѣ чтобы пожать руку президента, какъ изъ нѣдръ самой Протестантской церкви поднялась противъ конференціи жестокая оппозиція. Печать нисколько не удивилась ей и сочла ее дѣломъ естественнымъ и даже необходимымъ: на свѣтѣ де все истинно великое сопровождается оппозиціей, и чѣмъ де сильнѣе оппозиція тѣмъ значительнѣе самое дѣло. Но наряду съ этимъ возрѣніемъ та часть печати которая прежде относилась къ конференціи сдержаннѣе и холоднѣе теперь подняла голову и стала безпощадно разбирать ея дѣятельность и ея попытки къ объединенію протестантизма. Конференція, говорила она, наломываетъ намъ восточную сказку о склянкѣ въ которую былъ заключенъ духъ. Сдерживать духъ пока онъ сидѣлъ въ склянкѣ было не трудно. Но вотъ разъ какъ-то его выпустили на волю, и онъ немедленно принялъ такіе гигантскіе размѣры что втиснуть его обратно въ склянку оказалось дѣломъ невозможнымъ. Онъ пугалъ трусливыхъ людей, но такъ какъ въ склянку посадить его было нельзя, то люди волей-неволей были принуждены свосить его безчиства. То же самое произошло съ духомъ и идеями протестантизма. Лютеръ и другіе реформаторы выпустили протестантизмъ на волю не предполагая въ какую форму онъ отольется въ послѣдствіи. Евангелическій Союзъ пытается духъ протестантизма вновь вмѣстить въ склянку. Онъ увеличилъ даже

вмѣстимость ея, превратилъ ее въ громадную бутылъ, но и она, эта бутылъ, слишкомъ мала чтобы вмѣстить и удержать живучую идею*.

Оппозиція противъ генеральной конференціи Евангелическаго Союза состоялась въ контръ-конференціи, устроенной людьми различныхъ протестантскихъ сектъ придерживающихся въ дѣлѣ вѣры свободно-религіознаго направленія. Они собрались въ хорошо извѣстномъ во всемъ Американцамъ нью-йоркскомъ Cooper Institute и три дня подрядъ, 14, 15 и 16 октября, держали свои засѣданія. Избранный президентомъ собранія мистеръ Frothingham во всеуслышаніе объявилъ что организація контръ-конференціи отличается ото всѣхъ остальныхъ религіозныхъ собраній тѣмъ что она не придерживается никакого символа вѣры и не имѣетъ никакихъ догматовъ которые бы навязывались ея членамъ; она обвиняетъ христіанъ, Евреевъ, магометанъ и невѣрующихъ и по распространенности своихъ идей должна быть названа универсальною. „Ассоціація наша, говорилъ президентъ, не принадлежитъ ни къ одной видимой церкви. Но еслибы здѣсь могли присутствовать всѣ раздѣляющіе наши идеи и убѣжденія, то въ собраніи нашемъ были бы великіе люди изъ Франціи, великіе мыслители, поэты и ораторы изъ Испаніи, знаменитые народные вожди изъ Англіи и основательные ученые изъ Германіи.“ Цѣль нашего собранія, говорилъ другой ораторъ, состоитъ въ томъ чтобы установить различіе между теологіею и религіею, и въ этомъ отношеніи наше общество должно быть названо „ассоціаціею для испроверженія духовнаго рабства“. Выяснивъ свои цѣли и стремленія, контръ-конференція перешла къ критическому разбору генеральной конференціи Союза. Конференція безспорно де доказала что въ Америкѣ далеко не вымеръ общественный интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Въ засѣданіяхъ ея читались де самыя бессмысленныя рѣчи, и публика приветствовала ихъ съ восторгомъ. Дивиться и изумляться сему нечего; религіозные вопросы вездѣ, и въ Германіи, и Италіи, въ Великобританіи и Америкѣ принадлежать къ неотложнымъ. Евангелической Союзъ напрасно де взялъ на себя роль объединителя Протестантской церкви. Ея объединеніе не безусловно необходимо. Всѣ протестантскія секты, будучи

* См. N. Y. Staats-Zeitung, отъ 16 октября 1873 года.

вызваны къ жизни, имѣютъ полное право на существованіе. Онѣ представляютъ различныя формы человѣческой мысли. Человѣческая природа это—арфа, на которой натянуты тысячи струвъ, но всѣ онѣ необходимы для игры на арфѣ, для мелодіи. Неудивительно же поэтому что Евангелическій Союзъ не имѣлъ силъ справиться съ сектами. Онъ 27 лѣтъ подрядъ проводитъ идею о необходимости объединенія и до этихъ поръ не могъ достичь никакихъ результатовъ. Если онъ дѣйствительно желаетъ объединить въ себѣ всѣ протестантскія секты, то долженъ же отказаться отъ своей умственной ограниченности и узкосердія и расширить свою догматическую почву. Религія будущаго, безъ сомнѣнія, лежитъ не въ католицизмѣ или протестантизмѣ, а внѣ ихъ. Ея основными факторами будутъ три великія религіозныя силы: спиритизмъ, литература и наука. Что касается религіи Америки, то она должна же идти рука объ руку съ социальными и политическими реформами и прежде всего быть свободною. „Ничего подобнаго, говорилось на конгръ-конференціи, мы не видѣли на генеральной конференціи Евангелическаго Союза. Она затерялась въ догматизмъ, сектаріанизмъ и суевѣрія, исковаемыхъ врагахъ свободной религіи. Конференція Союза посвятила истинной религіи едва-едва двѣнадцатую часть своего времени; остальное время она потратила на доктринальныя и догматическія словопренія.“

Конгръ-конференція, какъ сказали выше, продолжалась три дня. Въ теченіе этого времени свободно-мыслящіе протестанты переговорили о цѣлой безднѣ предметовъ. Одни требовали уничтоженія должности капеллановъ при полкахъ арміи, другіе—изгнанія Библии изъ общественныхъ школъ, третьи—прекращенія присяги надъ Библіей, четвертые—обложенія церковью государственными налогами, пятые говорили о наукѣ и дѣйственности молитвы, шестые—о привнесеніи свѣта въ область религіи и т. д., и т. д.; словомъ, здѣсь говорилось обо всемъ, но непремѣнно съ цѣлю такъ или иначе затронуть и критиковать дѣятельность нью-йоркской генеральной конференціи Евангелическаго Союза. Одна женщина, Мери Девисъ, упрекала конференцію въ томъ что она позорно игнорировала женщинъ, не смотря на то что „женщины были послѣдними при крестѣ и первыми при гробѣ“. Здѣсь такъ много было говорено о Богѣ, о различныхъ правыхъ и неправыхъ воззрѣніяхъ на Божество, о

значеніи науки въ образованіи идеи о верховномъ Существомъ и Творцѣ твари, что одинъ изъ присутствовавшихъ протестантовъ обратился къ президенту собранія, мистеру Фротингему, со словами: „вчера вечеромъ я былъ здѣсь и слышалъ какъ одинъ изъ ораторовъ употреблялъ слово *Богъ*. Принимая въ соображеніе то обстоятельство что на свѣтѣ есть боговъ не малое количество, осмѣливаюсь предлѣжить чтобы на будущее время каждый ораторъ, упоминающій имя бога, былъ обязанъ объявлять какого именно бога онъ имѣетъ въ виду“.*

---

* О нью-йоркской свободно-протестантской конференціи см. въ большія нью-йоркскія газеты отъ 15, 16 и 17 октября 1873 года.

НОВАЯ БЮГРАФІА БАЙРОНА

The real lord Byron, by John Cordy Jeaffreson. 2 vol. 1883.

Маколей выразился о Байронѣ что это былъ самый знаменитый Англичанинъ девятнадцатаго столѣтія. Тѣмъ страннѣе что у Англичанъ до сихъ поръ нѣтъ вполне удовлетворительной біографіи великаго поэта, и они сами сознаются что лучшее изъ написаннаго о немъ принадлежитъ Нѣмцу, Карлу Эльце. А между тѣмъ въ матеріалахъ нѣтъ недостатка. Люди близкіе къ Байрону слышали по дѣлаться своими о немъ воспоминаніями, но подъ перомъ каждаго выступалъ онъ съ поразительными противорѣчіями которыя повидимому не могли бы совмѣщаться въ одномъ и томъ же лицѣ. Какъ объяснить что мрачный мизантроль обладалъ чисто женскою чувствительностью, не допускавшею его относиться равнодушно ни къ какому страданію и горю; что человѣкъ глубоко презиравшій людей былъ однако чрезвычайно озабоченъ ихъ мнѣніемъ о немъ; что человѣкъ обворожавшій своихъ друзей неподдѣльною искренностью, постоянно хотѣлъ рисоваться и играть роль; что старая жаждой найти отзывъ своей любящей душѣ, онъ отшатнулъ отъ себя почти всѣхъ женщинъ которыя не останавливались для него ни предъ какими жертвами? Если произведенія писателя могутъ служить наиболѣе надежнымъ источникомъ для

уразумѣнія его нравственной природы, то конечно это должно быть особенно примѣнимо къ писателю столь субъективному какъ Байронъ: „Никогда, даже въ самомъ свободномъ полетѣ своихъ мыслей, говоритъ Тень, онъ не можетъ отрѣшиться отъ самого себя; только о себѣ помышляетъ онъ и себя видитъ повсюду; не было болѣе великаго поэта который отличался бы столь узкимъ воображеніемъ; онъ не въ состояніи войти въ чью-либо другую душу; лишь свои собственные впечатлѣнія, разочарованія, порывы излагаетъ онъ въ своихъ стихахъ“. Публика очень скоро уразумѣла это свойство таланта Байрона, но бросилась въ крайность: хотѣла видѣть въ его произведеніяхъ откровенную исповѣдь, приписывала ему самому всѣ демоническія страсти которыми онъ надѣлялъ своихъ героев; подъ вліяніемъ этого, еще при его жизни, составился о немъ цѣлый рядъ такихъ невѣроятныхъ легендъ что по сравненію съ ними Байронъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, могъ бы показаться прозаическою личностью. Даже Гёте готовъ былъ вѣрить что онъ находился подъ гнетомъ какого-либо совершеннаго имъ преступленія. Конечно, эти мифическія представленія о Байронѣ разсѣялись, но по мнѣнію многихъ, все еще и въ событіяхъ его жизни, и въ его характерѣ есть нѣчто загадочное, что мѣшаетъ вѣрно понимать его.

Г. Джефрсонъ задумалъ разсѣять этотъ туманъ. Онъ хочетъ показать намъ „настоящаго“ Байрона, безо всякихъ прикрасъ и искаженій которыми затемнили образъ поэта его приверженцы и враги, сохраняя полное безпристрастіе и къ нему самому, и къ людямъ имѣвшимъ вліяніе на его судьбу. Не знаемъ, удалось ли біографу вполне достигнуть своей цѣли, но во всякомъ случаѣ изъ-подъ пера его вышла весьма интересная книга, встрѣченная единодушными похвалами англійской критики. „Въ послѣдніе годы, говоритъ *Athenaeum*, не появлялось у насъ ни одного сочиненія по исторіи англійской литературы въ девятнадцатомъ вѣкѣ которое могло бы быть поставлено на ряду съ книгой г. Джефрсона; автору удалось пролить потоки совершенно новаго свѣта на многія наиболѣе важныя обстоятельства въ жизни Байрона“. По словамъ *Academy*, „г. Джефрсонъ начертилъ эту дѣлю который на каждой страницѣ своей болѣе увлекателенъ чѣмъ любое произведеніе поэтической фантазіи“. Отзывы такого рода заставляютъ думать что у насъ, гдѣ о Байронѣ писано

очень немного, новая его біографія не должна пройти незамѣченною, вслѣдствіе чего мы и рѣшились познакомить съ нею читателей. Предупреждаемъ заранее что мы не коснемся въ нашемъ очеркѣ ни значенія Байрона въ литературѣ, ни вліянія его на умы современнаго ему поколѣнія, потому что и г. Джефрсонъ оставляетъ все это въ сторонѣ: характеръ поэта, а не талантъ его и дѣятельность, вотъ что исключительно имѣлъ онъ въ виду предпринимая свой обширный трудъ.

I.

Чтобы понять и оцѣнить такого человѣка какъ Байронъ, нельзя не остановиться на томъ какая кровь текла въ его жилахъ, какіе инстинкты и страсти были ему завѣщаны предками, какіе примѣры видѣлъ онъ въ своей молодости. Г. Джефрсонъ не придаетъ однако этому большого значенія, и по нашему мнѣнію не справедливо. „Много всякаго вздора, говоритъ онъ, было писано литературными шарлатанами о предкахъ Байрона, о томъ слѣдуетъ ли объяснять его геній норманскимъ его происхожденіемъ или счастливою смѣсью норманской и кельтской расы. Въ сущности это не ведетъ ровно ни къ чему. До тѣхъ поръ пока геній Байрона внезапно озарилъ міръ, никто и не слыхалъ о томъ были ли между отдаленными его родственниками люди замѣчательные въ интеллектуальномъ отношеніи. Во всей англійской аристократіи едва ли было семейство которое казалось бы менѣе способнымъ выставить изъ своей среды человѣка предназначеннаго прославить англійскую литературу“. Это не доказываетъ ровно ничего или, лучше сказать, доказываетъ только то что Байронъ обладалъ геніальнымъ талантомъ, тогда какъ предки его не отличались особенными способностями; но тѣмъ не менѣе въ характерѣ его, которымъ и условливался его талантъ, могли обнаружиться черты унаслѣдованныя имъ по родству. Неоднократно сравнивали Байрона съ Мирабо, и дѣйствительно это были во многомъ родственныя натуры. Но развѣ за исключеніемъ отца знаменитаго трибуна, извѣстнаго подъ прозвищемъ „Ami des hommes“, кто-нибудь изъ этого семейства оставилъ по себѣ видный слѣдъ въ обществѣ? А между тѣмъ можно ли отрицать что и въ натурѣ, и въ дѣятель-

ности Мирабо окажется много загадочнаго если не изучить отличительныя черты прежнихъ поколѣній его рода? То же самое относится и къ Байрону. Не углубляясь въ даль, достаточно обратить вниманіе на ближайшее его родство: какіе разнообразныя и странныя типы! Вотъ, напримѣръ, лордъ Уильямъ Байронъ, отъ котораго непосредственно перешло къ поэту званіе пера и который остался извѣстенъ подъ названіемъ „злаго лорда“. Въ молодости имѣлъ онъ дуэль со своимъ сосѣдомъ Чавортомъ, въ совѣтѣ почти темной комнатѣ, безъ свидѣтелей, и убилъ своего противника; за это судили его какъ убійцу, но вынесли ему оправдательный приговоръ, такъ какъ ничто не доказывало чтобъ онъ нарушилъ правила чести. Тѣмъ не менѣе общество отшатнулось отъ него, не столько вслѣдствіе этого процесса, сколько за невыносимый его характеръ: онъ былъ неумолимый тиранъ для жены и дѣтей, жестокій хозяинъ для своихъ арендаторовъ и рабочихъ, и людская молва приписывала ему всевозможныя преступленія. Увѣряли будто однажды, на дорогѣ, убилъ онъ своего кучера и положилъ трупъ его въ карету гдѣ сидѣла леди Байронъ; будто въ другой разъ столкнулъ онъ свою жену въ прудъ съ явнымъ намѣреніемъ утопить ее и т. п. Все это оказалось вымысломъ, но несомнѣнно что жена, измученная звѣрскимъ обращеніемъ, бросила его; что, онъ прогналъ сына, осмѣливавшаго жениться безъ его позволенія, и съ этой минуты началъ умышленно разорять свое помѣстье, лишь бы не досталось оно его наслѣднику, и перессорился со всѣми другими своими родственниками. Никто не посѣщалъ его. Въ мрачномъ уединеніи проводилъ онъ послѣдніе годы своей жизни, развлекаясь тѣмъ что строилъ игрушечныя крѣпостцы по берегамъ пруда, слускалъ на воду маленькую флотилію и производилъ ею разныя эволюціи. Какая поразительная противоположность этому суровому нелюдиму его племянникъ, отецъ поэта, котораго привыкли звать не иначе какъ „сумасбродный Джакъ Байронъ“. Въ немъ соединялось все чтобы плѣнять людей не слишкомъ строгихъ на счетъ общественной морали, цѣнящихъ главнымъ образомъ острый умъ, изящныя манеры и веселый характеръ. „Сумасбродный Джакъ“ получилъ воспитаніе въ одной изъ французскихъ военныхъ академій, и съ самой ранней молодости проникся непреодолимою любовью ко Франціи, гдѣ умѣлъ

наслаждаться жизнью несравненно лучше и шире чѣмъ въ его отечествѣ; но для того чтобы вкушать эти наслажденія надо было имѣть деньги, а именно этого-то и не доставало ему. Не долго однако пришлось ему жаловаться на судьбу. Вскорѣ по возвращеніи его въ Лондонъ и когда ему было только двадцать два года, страстно влюбилась въ него маркиза Кармартенъ, женщина славившаяся своею знатностью, но еще болѣе своею красотой, развелась съ мужемъ и вступила съ нимъ въ бракъ. Счастливецъ полетѣлъ опять въ Парижъ, гдѣ погрузился въ омутъ свѣтской жизни, но тяжкій ударъ неожиданно разразился надъ нимъ: жена его умерла оставивъ ему дочь Августу, съ именемъ которой связано столько хорошихъ воспоминаній какъ о женщинѣ всегда служившей въ послѣдствіи добрымъ ангеломъ для ея брата, великаго поэта. Отчаяніе „Джака“ было тѣмъ сильнѣе что со смертью жены онъ лишился всѣхъ своихъ доходовъ, такъ какъ имущество ея перешло къ законнымъ наслѣдникамъ. Нужно было во что бы то ни стало поправить дѣла, а для этого представлялось попрежнему только одно средство—выгодная женитьба. Снова отправляется „Джакъ“ на родину, гдѣ поиски его опять увѣнчиваются успѣхомъ: на этотъ разъ плѣнилъ онъ сердце миссъ Гордонъ, принадлежавшей къ одной изъ знатныхъ шотландскихъ фамилій и о которой говорили будто она должна получить огромное наслѣдство, тогда какъ все ея состояніе простиралось лишь до 23.000 ф. ст. „Джакъ“ охотно вѣрилъ преувеличеннымъ слухамъ, тѣмъ болѣе что въ затруднительномъ его положеніи не приходилось быть слишкомъ требовательнымъ. Меньше чѣмъ въ два года Парижъ поглотилъ новое богатство, и леди Байронъ непременно захотѣла возвратиться „домой“, хотя для нея самой было вѣроятно не совсемъ ясно что она понимала подъ этимъ, ибо на родинѣ уже продано было все что ей принадлежало тамъ. Но эта перспектива приводила въ ужасъ „сумасброднаго Джака“: во Франціи вращался онъ въ изысканномъ обществѣ, былъ другомъ маршала Бирона, который называлъ его своимъ кузеномъ, посѣщалъ салоны всѣхъ извѣстныхъ тогда красавиць,— и вдругъ очутиться въ грубой Шотландіи, гдѣ не было и помину о jeunesse dorée, да еще безъ копѣйки денегъ! Жизнь его тамъ была далеко не красна: никакого общества, крайняя нужда, безпрерывныя ссоры съ женой, осылавшею его упреками за то что онъ разорилъ семейство. Ему удалось однако

занять гдѣ-то нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ, что дало ему возможность снова отправиться во Францію, но вскорѣ оттуда получено было извѣстіе что онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на тридцать шестомъ году отъ роду.

Любопытный тиль представляетъ собой и жена этого несчастнаго, леди Гордонъ-Байронъ. Несмотря на то что она чванилась своимъ знатнымъ происхожденіемъ и утверждала не безъ основанія что въ ея жилахъ течетъ королевская кровь, она поражала всѣхъ своею вульгарностью. Не было и признака какого-либо изящества въ ея манерахъ: небольшого роста, толстая, широкоплечая, съ незначущими чертами лица, она походила не на знатную даму, а на дочь какого-нибудь фермера или мелочнаго торговца. Въ Англіи прошлаго столѣтія женщины высшаго круга далеко не отличались образованіемъ, но невѣжество леди Байронъ даже въ то время могло казаться поразительнымъ; она не знала ни одного иностраннаго языка, говорила съ грубымъ шотландскимъ акцентомъ, а сохранившіяся ея письма испещрены множествомъ самыхъ забавныхъ орфографическихъ ошибокъ. Никогда ничего не читала она, и не могла поддержать никакого разговора выходящаго за предѣлы обычныхъ житейскихъ мелочей. Нельзя сказать чтобъ это была злая женщина; напротивъ, у нея проявлялись иногда весьма великодушныя порывы, но на ряду съ этимъ она была способна предаваться необузданной ярости, внушавшей отвращеніе къ ней всѣмъ кто сближался съ нею. Словомъ, трудно было бы представить себѣ болѣе взбалмошный характеръ. Замѣчательно что леди Байронъ, какъ ни мало заботилась она о политикѣ, усвоила себѣ демократическія, даже республиканскія убѣжденія, и не желала скрывать этого; въ девяностыхъ годахъ, когда все англійское общество относилось съ негодованіемъ къ событіямъ во Франціи и скорбѣло объ участи Людовика XVI, она повторяла при всякомъ удобномъ случаѣ что находитъ вполнѣ справедливыми и разумными мѣры принимаемыя Французами для „диспроверженія тиранніи“.

По смерти „сумасброднаго Джака“ леди Байронъ осталась почти безо всякихъ средствъ, имѣя на своемъ попеченіи двухъ дѣтей: Августу, дочь своего мужа отъ перваго брака, и сына, будущаго поэта. Августу услѣла она, впрочемъ, пристроить къ одной изъ своихъ родственницъ, а сынъ до поступленія въ школу оставался при ней. Конечно,

менѣ всего способна была она имѣть какое-нибудь вліяніе на его умственнаго развитіе, но несомнѣнно что она весьма тщательно внушала ему съ дѣтства свои демократическія идеи. „Мать, говоритъ Джефрсонъ, учила его ненавидить тирановъ, не переставала повторять что всѣ бѣдныя и несчастныя достигли бы замѣчательнаго благосостоянія еслибы только деслоты не вмѣшивались въ ихъ судьбу и предоставили бы ихъ самимъ себѣ, и эти уроки не остались безъ слѣда“. Но вообще не было женщины менѣ способной чѣмъ леди Байронъ воспитать кого бы то ни было, особенно же мальчика съ такою своеобразною натурой какою отличался ея сынъ. Гордость его не знала границъ. Многіе утверждали будто въ послѣдствіи, пользуясь громкою славой, онъ гордился несравненно болѣе своею знатностью чѣмъ своими литературными успѣхами; но это не совсѣмъ справедливо. Напротивъ, наиболѣе близкими ему друзьями, съ коими охотно дѣлился онъ своими помыслами и къ которымъ относился съ необыкновенною нѣжностью, были люди отнюдь не принадлежавшіе къ аристократіи; но Байронъ никогда не забывалъ о своемъ происхожденіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ мучился сознаніемъ что его родъ, несмотря на свою древность, все-таки принадлежалъ къ числу захудалыхъ. Не могъ онъ не замѣчать что родственники Байроновъ по женской линіи, какъ, напримѣръ, лордъ Карлейль, который былъ его опекуномъ, смотрѣли на нихъ очень свысока. Главною причиною уладка его семьи была бѣдность, и эту бѣдность испытывалъ онъ болѣе чѣмъ кто-нибудь: еще источникъ постояннаго раздраженія и недовольства своею судьбой. Природа надѣлила его чрезвычайно привлекательною наружностью, прекрасными чертами лица, мелодическимъ голосомъ, о которомъ дѣти говорили что этотъ голосъ такъ же сладокъ какъ музыка, но и тутъ несчастье постигло его: какъ извѣстно, Байронъ былъ хромъ. Объ этомъ физическомъ его недостаткѣ г. Джефрсонъ распространяется очень много и не безъ основанія. Хромота Байрона происходила отъ укороченія на обѣихъ ногахъ, преимущественно же на правой, мускуловъ изъ которыхъ исходитъ Ахиллово сухожиліе (*tendo Achillis*); это мѣшало ему при ходьбѣ становиться всею ступней на землю, онъ долженъ былъ ходить на носкахъ. По всему вѣроятію, было бы возможно исцѣлить это уродство, обнаружившееся еще въ раннемъ

дѣтствѣ, но благодаря неумѣлымъ врачамъ Байронъ остался съ нимъ на всю жизнь. Безо всякаго преувеличенія оно причиняло ему непрерывно душевныя терзанія. Всякія средства придумывалъ онъ чтобы сдѣлать свою хромоту незамѣтною, носилъ сапоги съ необыкновенно высокими каблуками, да еще съ подстилкой между каблукомъ и пяточкой, но ни что не помогало, а между тѣмъ хромота грозила отразиться на всемъ его организмѣ. Такъ какъ онъ не могъ дѣлать сколько-нибудь продолжительныхъ прогулокъ лѣшкомъ, то началъ толстѣть, и толщина принимала съ каждымъ мѣсяцемъ размѣры приводившіе его въ совершенное отчаяніе. Тогда молодой человекъ прибѣгнулъ къ героическому средству, рѣшилса систематически изнурять себя голодомъ, разными лѣкарствами и паровыми ваннами; по цѣлымъ днямъ довольствовалса онъ нѣсколькими сухарями и содовою водою, затѣмъ иногда неукротимо набрасывалса на лищу, что вызывало разумѣется сильное расстройство желудка, и потомъ возвращалса къ строгой діетѣ. Такъ какъ голодъ не переставалъ мучить его, то онъ жевалъ табакъ и принималъ олиумъ, постепенно увеличивая дозы этого страшнаго зелья и не сознавая какъ разрушительно можетъ оно подѣйствовать на его здоровье. Цѣль была однако достигнута, и Байронъ долго оставалса вѣрнѣ усвоенному имъ режиму, по поводу коего г. Джефрсонъ высказываетъ любопытное замѣчаніе. Несомнѣнно, говоритъ онъ, что привычка изнурять себя голодомъ и другими ослабляющими средствами дѣйствовала возбуждительно на мозгъ Байрона, до такой степени что только подъ вліяніемъ этого понялъ онъ какія богатыя духовныя силы таятся въ немъ. Потрясеніе нервной его системы вызвало наружу его геній. Если де въ началѣ всячески истощалъ онъ себя изъ тщеславія, то въ послѣдствіи прибѣгалъ къ этому средству чтобы витать въ сферѣ идеальныхъ помысловъ, которая не всегда была доступна ему безъ посторонняго возбужденія. Подобный, слишкомъ медицинскій способъ объяснять творческую дѣятельность Байрона кажется намъ не совсѣмъ удачнымъ; вѣрнѣе то что Байронъ своимъ страннымъ образомъ жизни подготовлялъ себя преждевременный конецъ. Мало того, это было для него причиной тяжкихъ невзгодъ въ сношеніяхъ его съ людьми, чему, какъ увидимъ далѣе, г. Джефрсонъ представилъ убѣдительныя доказательства.

По мнѣнію многихъ, если Байронъ никогда не могъ примириться со своимъ физическимъ недостаткомъ, всячески

скрывалъ его и буквально приходилъ въ отчаянiе замѣчая что старанiя его были безуспѣшны, то во всемъ этомъ руководился онъ мелкимъ и недостойнымъ чувствомъ тщеславія. Указываютъ, между прочимъ, на Вальтеръ-Скотта, который былъ хромъ подобно ему, но и не думалъ придавать этому особенной важности. Но Байрону было мало блистать умомъ, талантомъ, онъ заботился о вѣншемъ изяществѣ, особенно же дорожилъ своими услѣхами у женщинъ. Однажды, послѣ тяжкой болѣзни, онъ говорилъ своему пріятелю, маркизу Слейго: „какъ я блѣденъ! мнѣ хотѣлось бы умереть отъ чахотки, потому что въ такомъ случаѣ всѣ женщины находили бы меня очень интереснымъ.“ Несомнѣнно что тщеславіе занимало видное мѣсто въ его характеристикѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не удивляться твердости воли которую обнаруживалъ онъ съ раннихъ лѣтъ подвергая себя тяжкимъ и изнурительнымъ лишениямъ. Вообще въ этой натурѣ совмѣщались самыя противоположныя свойства, и совершенно основательно высказывалось неоднократно замѣчаніе что лучшія и благороднѣйшія изъ этихъ свойствъ восторжествовали бы надъ дурными еслибы въ молодости Байронъ находился подъ разумнымъ руководствомъ. Къ несчастію, мать слособна была только испортить его. Она отталкивала его отъ себя своею взблжношностью и тривіальностью, самымъ грубымъ образомъ оскорбляла его самолюбіе, непрерывно происходили между ними ужасныя сцены; если онъ былъ раздражителенъ, то раздражительность леди Байронъ доходила до изступленія, причемъ надо замѣтить что она всегда была одинаково безразсудна. „Твоя мать сумашедшая“, говорили ему товарищи по школѣ. „Знаю“, отвѣчалъ онъ. Не было въ ней ни малѣйшей деликатности, вслѣдствіе чего она, сама, того не сознавая, оскорбляла самыя завытныя его чувства. Благотворное вліаніе доктора Дрѣри, наставника Байрона въ Гарроу, доказало однако что онъ охотно подчинялся дисциплинѣ, и что не ожидало бы его столько несчастій въ будущемъ еслибы получилъ онъ иное воспитаніе.

Ему было не болѣе девяти лѣтъ когда влюбился онъ въ свою сверстницу Мери Дѣффъ, прелестную дѣвочку съ черными волосами и „съ глазами газели“. Какъ ни странно говорить о любви въ такомъ возрастѣ, но мы увидимъ что она оставила на немъ глубокой слѣдъ. Конечно, онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ чувствѣ и испытывалъ только

большое наслажденіе проводить съ Мери цѣлые дни, гулять съ нею, участвовать въ ея играхъ. Три года слустя полюбилъ онъ такъ же страстно свою кузину Маргариту Паркеръ, которая, какъ доказываетъ г. Джефрсонъ, внушила ему въ послѣдствіи „стансы къ Тирсъ“. Но пламеннѣе всего было его чувство къ Мери Чавортъ, когда ему только что минуло шестнадцать лѣтъ. По словамъ Томаса Мура, до конца своей жизни не любилъ онъ такъ искренно, сильно ни одной женщины. Миссъ Чавортъ была уже взрослая дѣвушка, и ей не приходило конечно въ голову отвѣчать серьезно на ухаживаніе почти ребенка, она не хотѣла заигрывать съ его страстью, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялась оскорбить его самолюбіе; отсюда неопредѣленные отношенія, причинявшія много горя молодому человѣку. Разказываютъ будто онъ узналъ что однажды она сказала кому-то въ разговорѣ о немъ: „неужели вы полагаете что я интересуюсь этимъ хромымъ мальчишкой?“ То было жестокимъ для него ударомъ, но онъ разстался съ нею еще не отказываясь отъ мысли что когда-нибудь она сдѣлается его женой. По поводу всего этого г. Джефрсонъ высказываетъ соображенія объ оригинальныхъ въ высшей степени чертахъ характера Байрона. „Въ области ощущеній, говоритъ онъ, Байронъ съ ранней молодости и до тѣхъ поръ когда начали сдѣлать его волосы обнаруживалъ чувствительность которую слѣдуетъ назвать въ полномъ смыслѣ слова болѣзненною. Только этою чувствительностью въ связи со способностью чрезвычайно живо воспринимать всякаго рода впечатлѣнія объясняется то что его *страсти* смѣнялись одна другою съ поразительною быстротою. Къ счастью для общества, чувствительность такого рода встрѣчается рѣдко. Еще удивительнѣе что она была соединена у него съ необычайною памятью, а къ этому нужно присоединить еще такую силу воображенія какая достается въ удѣлъ лишь весьма немногимъ. Только принимая во вниманіе эти три различныя силы и то какимъ образомъ дѣйствовали онѣ одна на другую, можно понять многое что иначе представлялось бы въ Байронѣ крайне страннымъ.“ Мы упоминали сейчасъ что въ дѣтствѣ полюбилъ онъ Мери Дѣффъ, прошло затѣмъ нѣсколько лѣтъ, и онъ имѣлъ, кажется, возможность забыть предметъ своей первой любви; мало того, онъ находился въ пароксизмѣ своей страсти къ миссъ Чавортъ когда совершенно неожиданно узналъ что Мери Дѣффъ вышла

замужь. Сообщила ему объ этомъ его мать. „Изъ Эдинбурга извѣщаютъ меня, сказала она, о свадьбѣ твоей прежней пріятельницы Мери съ Робертомъ Кокбёрномъ.“ — „Что отвѣчалъ я на это?“ разказываетъ самъ Байронъ: „я рѣшительно не въ состояніи отдать отчетъ въ моихъ чувствахъ въ эту минуту. Знаю только что со мною сдѣлались конвульсія до такой степени сильныя что мать моя перепугалась и въ послѣдствіи избѣгала уже всякаго разговора со мною объ этомъ.“ Съ точки зрѣнія г. Джефсона, потрясеніе испытанное Байрономъ было какъ нельзя болѣе естественно. „Потрясеніе это, говоритъ онъ, было вызвано прежде всего памятью которая оживила предъ его взорами всѣ привлекательныя черты нѣкогда любимой имъ дѣвушки; воображеніе усилило ихъ обаяніе, а чувствительность снова пробудила пріязнь которую можно было считать потухшею. Въ человѣкѣ одаренномъ въ высшей степени этими свойствами, даже давно замолкнувшая страсть можетъ иногда, хотя и на короткое время, проявляться съ неукротимою силой.“ Именно въ этомъ, какъ увидимъ, лежитъ разгадка странныхъ противорѣчій въ чувствахъ Байрона къ его жемъ послѣ совершившагося ихъ разрыва; но это же самое, по мнѣнію г. Джефсона, проливаетъ свѣтъ и на характеръ его поэтическаго творчества. „Память, воображеніе и чувствительность, говоритъ авторъ, были такъ сильно развиты у Байрона что онъ испытывалъ гораздо болѣе наслажденія предаваясь воспоминаніямъ о какой-либо красивой мѣстности посѣщенной имъ, чѣмъ въ то время когда созерцалъ ее своими глазами, и точно также сильное огорченіе не только не изглаживалось у него съ годами, но становилось несравненно жгучѣе и болѣзненнѣе каждый разъ какъ онъ припоминалъ событіе породившее его. Происходило это невольно, но не подлежитъ сомнѣнію что иногда Байронъ умышленно возстановлялъ въ своей памяти давно минувшіе образы и ощущенія. Вашингтонъ-Ирвингъ былъ правъ предполагая что онъ нарочно обращался мыслью къ прошлому ища возбужденія для своего чувства и творческой энергіи. Онъ былъ способенъ при этомъ видоизмѣнять свои воспоминанія сообразно требованіямъ своего поэческаго вдохновенія и даже вводитъ въ нихъ многое что было чистымъ вымысломъ.“

Мы не лишемъ подробной біографіи Байрона и не считаемъ нужнымъ сообщать давно извѣстные всѣмъ разказы о

томъ какъ протекала его молодость. Остановимся лишь нѣсколько на его пребываніи въ Кембриджскомъ университетѣ. Онъ поступилъ туда въ то время когда уже унаслѣдовалъ званіе дававшее ему законное право засѣдать въ палатѣ лордовъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось матеріальное его положеніе, хотя далеко не въ такой мѣрѣ чтобъ онъ могъ считать себя довольнымъ. Помѣстье Ньюстедъ, унаслѣдованное имъ отъ „злаго лорда“, было обременено долгами и требовало большихъ расходовъ, а относительно другаго помѣстья приходилось вести убыточный процессъ. Байронъ не терялъ надежды что сумѣетъ устроить свои дѣла какъ нельзя лучше, а до тѣхъ лоръ нуждался постоянно въ деньгахъ. Это нисколько не мѣшало ему вести въ Trinity College самый расточительный образъ жизни. Достаточно сказать что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ не только проживалъ все что получалъ изъ дома, но еще сдѣлалъ около 10.000 фунт. ст. долга. Онъ держалъ отличный экипажъ и лошадей, имѣлъ превосходно отдѣланную квартиру, давалъ завтраки и обѣды, собиралъ вокругъ себя молодежь жаждавшую насладиться жизнью. Тьюторы и профессора скоро убѣдились что серіозныя занятія вовсе не входили въ его намѣренія, что въ Кембриджѣ онъ представлялъ собой одинъ изъ извѣстныхъ типовъ такъ-называемаго „а Trinity nobleman“. Но образъ жизни Байрона служилъ соблазномъ для другихъ; пиршества которыя непрерывно устраивалъ онъ, причемъ ученая обитель оглашалась воплями и смѣхомъ, неприятно дѣйствовали на студентовъ собравшихся въ университетъ вовсе не для веселаго препровожденія времени, и очень понятно что они, не говоря уже объ ихъ наставникахъ, весьма желали отдѣлаться отъ безпкойнаго товарища. Мы уломинаемъ объ этомъ въ виду одного интереснаго обстоятельства на которое указываетъ г. Джеффри. Извѣстно что первыя поэтическія произведенія Байрона относятся ко времени пребыванія его въ Кембриджѣ и что по поводу одного изъ нихъ, *Hours of Idleness*, появилась желчная и далеко не безпристрастная статья въ *Edinburgh Review*. Вопросъ о томъ кто былъ авторомъ этой статьи, сильно раздражившей поэта, много занималъ въ послѣдствіи англійскихъ критиковъ. Одни приписывали ее Джеффри, другіе пользовавшемуся уже тогда извѣстностью Бруму, и самъ Байронъ склонялся къ этому послѣднему предположенію. „У меня только одинъ другъ—моя сестра Августа

и только одинъ человѣкъ котораго я искренно ненавижу— ядовитая гадина Брумъ“, говорилъ онъ много лѣтъ спустя. Но г. Джефрсомъ убѣжденъ что Брумъ былъ тутъ не при чемъ; ни тонъ, ни выраженія статьи не допускаютъ мысли чтобы вышла она изъ-подъ пера Брума или кого-либо изъ обычныхъ сотрудниковъ *Edinburgh Review*; на основаніи весьма правдоподобныхъ соображеній, авторъ доказываетъ что статья принадлежала тому или другому тьютору Trinity College, который воспользовался удобнымъ случаемъ дать чувствительный урокъ молодому лорду. Ударъ былъ направленъ не изъ Единбурга, а изъ Кембриджа. Нанесшій его могъ радоваться своему успѣху, потому что Байронъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь отдавшійся съ этой минуты литературѣ, вскорѣ покинулъ университетъ, гдѣ видимо тяготился его присутствіемъ. Онъ не замедлилъ отомстить своимъ противникамъ знаменитою сатирой *Англійскіе барды и шотландскіе критики*, вызвавшею въ нѣкоторыхъ кружкахъ волли негодованія, но впервые обнаружившею его геній.

II.

Послѣ двухлѣтнаго заграничнаго путешествія Байронъ вернулся въ Англію съ первыми двумя главами *Чайльдъ-Гарольда*. Успѣхъ ихъ былъ неслыханный, небывалый. По всей справедливости можно было примѣнить къ нему извѣстное выраженіе что проснувшись въ одно прекрасное утро Байронъ вдругъ убѣдился что сдѣлался знаменитымъ. Общество было въ высшей степени заинтересовано не только поэмой, но и личностью автора; о путешествіи его по Востоку, о любовныхъ его тамъ интригахъ, объ опасностяхъ которымъ подвергался онъ ходили анекдоты столь же правдивые какъ сказки *Тысячи одной ночи*. Самъ Байронъ ничего не опровергалъ; напротивъ, давалъ понять что далеко не все было вымысломъ въ приписываемыхъ ему романическихъ приключеніяхъ. Къ тому же и образъ его жизни по возвращеніи въ Лондонъ былъ достаточно эксцентриченъ; между прочимъ появлялся онъ на публичныхъ гуляніяхъ съ красавою дѣвушкой переодѣтою въ мужское платье, которую въ шутку выдавалъ за своего брата; англійское высшее общество не только не скандализировалось этимъ, но готово

было переносить всѣ самыя странныя выходки молодого поэта, вдругъ сдѣлавшагося его баловнемъ. Въ салонахъ только и было рѣчи что о Байронѣ; предъ его домомъ въ улицѣ Сентъ-Джемсъ стояла веревца экилажей; приглашительные билеты стекались со всѣхъ сторонъ; принцъ-регентъ пожелалъ познакомиться съ нимъ, и другъ регента, извѣстный денди Бруммель, считалъ его опаснымъ для себя соперникомъ.

Странное, непривлекательное зрѣлище представляло англійское высшее общество въ то время когда вступилъ въ него Байронъ. Въ послѣдствіи онъ говорилъ что Лондонъ относительно распущенности нравовъ могъ бы поспорить съ Венеціей, и въ этомъ не было преувеличенія. Отъ молодого человѣка въ положеніи Байрона требовалось необычайное самообладаніе чтобы не поддаться искушеніямъ которыя встрѣчалъ онъ на каждомъ шагѣ. Царицей салоновъ была леди Каролина Ламбъ, жена Уильяма Ламба, въ послѣдствіи лорда Мельборна, который по воцареніи королевы Викторіи занималъ должность перваго министра. Дизраэли, лордъ Биконсфильдъ, изобразилъ ее въ двухъ своихъ романахъ: въ *Vivian Grey* подъ именемъ митриссъ Лорренъ и въ *Venetia* подъ именемъ леди Монтигль. Байронъ увѣрялъ будто въ ней не было ничего привлекательнаго, но онъ говорилъ такъ послѣ того какъ разошелся съ ней, послѣ того какъ она сама взялась за перо чтобы изобразить въ ненавистномъ свѣтѣ его характеръ, а въ началѣ онъ былъ совсѣмъ другаго мнѣнія. Нельзя отрицать что леди Каролина обладала красотой, какою-то оригинальною граціей, пылкимъ воображеніемъ—и все это въ связи съ ея знатностью, съ почетомъ окружавшимъ ея семейство, доставило ей первенствующее мѣсто въ лондонскомъ обществѣ. Несомнѣнно, однако, что это была не умная женщина, и г. Джефрсонъ рѣшается даже назвать ее женщиной положительно глупою. Дизраэли очевидно погрѣшилъ причисливъ ее къ разряду—какъ выразился онъ—„государственныхъ женщинъ“ (*states-women*) и стараясь увѣрить своихъ читателей будто бы ее ожидала важная роль еслибъ она дожила до того времени когда мужъ ея занялъ мѣсто во главѣ управленія. Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно прочесть три ея романа *Glenarvon*, *Graham Hamilton* и *Ada Reis*, въ которыхъ не видно ни ума, ни таланта, несмотря на всѣ старанія наемныхъ писакъ придать этимъ жалкимъ произведеніямъ

приличную литературную форму. Леди Каролину люби-ли за ея простодушіе, за ея странныя выходки, даже за ея капризы, за умѣнье оживлять общество веселою болтовней; это было существо не привыкшее стѣсняться ничѣмъ, и все прощалось ей потому что всѣ привыкли къ ея эксцентричностямъ. Въ день своей свадьбы она была такъ раздражена какою-то мелочью что наговорила дерзостей совершавшему обрядъ епископу, разорвала на себѣ платье и почти въ безсознательномъ состояніи была посажена въ экипажъ; въ другой разъ, за ужиномъ на балу, она серьезно покушалась ударить себя ножомъ въ грудь. Одною строкой въ *Донъ-Жуанъ* Байронъ весьма вѣрно характеризовалъ ее:

She played a devil, and then wrote a novel.

Могла ли такая женщина оставаться спокойною въ разгаръ „байроманіи“, внезапно овладѣвшей англійскимъ обществомъ? Въ то время какъ, по словамъ леди Морганъ, дамы наперерывъ тѣснились къ своему цдолоу и не давали ему прохода, могла ли она уступить кому-нибудь первенство въ поклоненіи ему? О Байронѣ говорилъ весь высшій свѣтъ который она привыкла занимать до тѣхъ поръ собою; какъ же было ей не привлечь къ себѣ новое свѣтило? Леди Каролина выражала страстное желаніе познакомиться съ поетомъ. „Я долженъ предупредить васъ, сказалъ ей кто-то, что онъ хромаетъ“. „Еслибъ онъ былъ такъ же безобразенъ какъ Эзолъ, отвѣчала она, я все-таки хочу сблизиться съ нимъ“. Байронъ былъ представленъ ей, или, вѣрнѣе сказать, она была представлена Байрону на балу у леди Вестморландъ. Она подошла къ нему, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ и затѣмъ быстро отвернулась, не сказавъ ни слова. „Человѣкъ съ которымъ очень опасно сойтись“, записала она въ своемъ дневникѣ. Такая же игра продолжалась и въ послѣдствіи; леди Каролина видимо завлекала Байрона, и конечно ей удалось достигнуть своей цѣли. Началось сближеніе которое дало обильную пищу всякимъ толкамъ и сплетнямъ въ салонахъ, и ни для кого эти толки не были конечно прискорбнѣе какъ для леди Мельборнъ, свекрови леди Каролины. Она предвидѣла опасность угрожавшую ея сыну, который питалъ безграничное довѣріе къ своей женѣ и къ тому же отличался слишкомъ безлечнымъ и спокойнымъ характеромъ чтобы могло пробудиться въ немъ чувство ревности. Надлежало

принять мѣры, но притомъ такія чтобы не оттолкнуть отъ себя Байрона, не поссориться съ нимъ, ибо онъ представлялъ собой силу кою не слѣдовало пренебрегать и которая могла оказаться весьма пригодною съ теченіемъ времени. Онъ только что произнесъ свою первую рѣчь (maiden speech) въ палатѣ лордовъ, возбуждившую не мало надеждъ; предлагали—хотя и ошибочно, какъ обнаружилось въ послѣдствіи—что онъ будетъ принадлежать къ виднымъ парламентскимъ дѣятелямъ; партія виговъ старалась завербовать его въ свои ряды, а однимъ изъ главныхъ центровъ этой партіи былъ отель лорда Мельборна. Все это приняла въ расчетъ леди Мельборнъ, задумавъ женить Байрона на своей племянницѣ, Аннѣ Изабеллѣ (или, какъ обыкновенно ее называли, Анна-беллѣ) Мильбанкъ.

Этотъ бракъ причинилъ столько несчастія поэту и имѣлъ вообще такое громадное вліяніе на его судьбу что г. Джефрсонъ подробно останавливается на всѣхъ относящихся къ нему обстоятельствахъ. Прежде всего упрекали Байрона—и упреки такого рода слышатся еще до сихъ поръ—будто онъ женился изъ расчета, будто онъ хотѣлъ поправить жеманной своей залутованной дѣлѣ. Г. Джефрсонъ побѣдоносно опровергаетъ эти нареканія. Правда, Байронъ нуждался въ деньгахъ и имѣлъ долги, но совершенно отъ его доброй воли зависѣло выйти изъ затруднительнаго положенія. Именно въ то время когда онъ задумалъ жениться, явились покупатели предлагавшіе ему за помѣстье Ньюстидъ 140.000 ф. ст., что за удовлетвореніемъ всѣхъ кредиторовъ обезпечило бы ему 5.000 ф. ст. ежегоднаго дохода; кромѣ того, была основательная надежда что другое помѣстье Рочдель, о которомъ онъ велъ процессъ, перейдетъ въ его руки. Къ тому же, миссъ Мильбанкъ отнюдь не принадлежала къ числу богатыхъ невѣстъ, ибо все ея приданое простиралось до 10.000 ф. ст. У нея былъ богатый дядя, лордъ Уэнтвортъ, но она не могла знать какое наследство получить отъ него, ибо у лорда Уэнтворта было не мало другихъ родственниковъ, не говоря уже о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ его, на которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивалась его привязанность. Словомъ, въ матеріальномъ отношеніи бракъ съ миссъ Мильбанкъ не только не представлялъ ничего заманчиваго, но даже былъ положительно невыгоденъ. Чѣмъ же объяснить что леди Мельборнъ такъ скоро склонила его

къ сдѣланному ею выбору, и это въ то самое время когда онъ повидимому былъ совершенно лѣнивъ леди Каролинѣ Ламбъ? Но въ отношеніяхъ его къ леди Каролинѣ и нужно быть-можетъ прежде всего искать объясненія этой загадки. Онъ не разставался съ ней цѣлые шесть мѣсяцевъ,—слишкомъ достаточно времени для того чтобъ она успѣла страшно надоесть ему. Въ самомъ началѣ связь съ царицей лондонскаго fashion льстила его самолюбію, онъ вполнѣ искренно увлекался этою женщиной, но затѣмъ ея обмороки и слезы, ея капризы, бессмысленныя требованія и ревность выводили его изъ терпѣнія. Гдѣ только ни появлялся Байронъ, леди Каролина овладѣвала имъ и не отпускала его ни на шагъ отъ себя; случалось ли ему провести вечеръ въ домѣ гдѣ не было ея въ числѣ приглашенныхъ, онъ часто по возвращеніи встрѣчалъ ее на подъѣздѣ своей квартиры; однажды на балу приставала она къ Байрону съ вопросомъ можно ли ей танцовать или нѣтъ, и когда тотъ отвѣчалъ что ему это рѣшительно все равно, она оскорбленная такимъ равнодушіемъ грозилась броситься въ окно. Въ обществѣ начали подсмѣиваться надъ этими дикими проявленіями страсти, и самъ Байронъ сознавалъ что онъ становится смѣшнымъ. „Женщины, говорилъ онъ въ послѣдствіи своему другу Медвину, легко забираютъ меня въ свои руки, а потому и леди Каролина приобрѣла сильное надо мною вліяніе, отъ котораго я едва успѣлъ освободиться. Долго терпѣлъ я эту муку, стараясь по возможности избѣгать всякихъ сценъ, но наконецъ рѣшился однимъ ударомъ разрубить узелъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, у насъ происходили частыя ссоры пока дѣло дошло до явнаго разрыва... Со своею неустовою подозрительностію она вообразила однажды что у меня сидитъ женщина и явился ко мнѣ переодѣтая извожикомъ. Камердинеръ мой Флетчеръ, не опытный въ маскарадныхъ переодѣваньяхъ, впустилъ ее— и вдругъ, къ его изумленію, вмѣсто извожика оказалась дама... Можете себѣ представить эту сцену! Какъ будто прямо изъ Фоблаза!“ Непродолжительная связь леди Каролины съ Байрономъ завершилась его письмомъ къ ней, которое она не задумалась съ поразительною безтактностію напечатать въ своемъ романѣ *Glenarvon*. „Навсегда сохраняю я благодарное воспоминаніе, говорилъ Байронъ въ этомъ письмѣ, о многочисленныхъ доказательствахъ расположенія которое вы мнѣ оказывали.

попрежнему, если позволите, я буду вашимъ другомъ, и пусть лучшимъ свидѣтельствомъ моей дружбы послужить совѣтъ съ которымъ обращаюсь къ вамъ: подавляйте въ себѣ ложный забавное тщеславіе; пресѣдуйте своими капризами другихъ, но оставьте меня въ покоѣ.“ Тонъ письма и рѣзокъ, и оскорбителенъ, но, какъ замѣчаетъ г. Джефрсонъ, обвинять безусловно Байрона могли бы только люди не имѣвшіе понятія о томъ что леди Каролина Ламбъ способна была и не такого нервнаго и впечатлительнаго человѣка довести до изступленія.

Знакомство Байрона съ миссъ Мильбанкъ относится именно къ тому времени когда разрывъ, о которомъ упомянули мы сейчасъ, сдѣлался неизбежнымъ. Племянница леди Мельборнъ расположила его къ себѣ уже тѣмъ что представляла рѣзкій контрастъ съ леди Каролиной. Не отличаясь красотой, она имѣла много привлекательнаго; любила читать, писала стихи и не увлекалась блескомъ свѣтской жизни, хотя двери аристократическихъ салоновъ были повсюду открыты ей. Держала она себя очень холодно, что, по увѣренію людей близко знавшихъ Байрона, было не малою для него приманкой, ибо онъ самъ въ сношеніяхъ съ людьми отличался замѣчательною сдержанностью и холодною, хотя это вовсе не происходило у него отъ сухости сердца. Но съ самаго начала онъ жестоко ошибся въ этомъ относительно миссъ Мильбанкъ: холодность ея условливалась ни чѣмъ инымъ какъ черствостью ея натуры. То была женщина дорожившая въ высшей степени соблюденіемъ внѣшнихъ приличій, всегда готовая исполнять свой долгъ, но не вносившая въ исполненіе его нисколько сердечной теплоты и увлеченія. Сильно подѣйствовало на Байрона даже то что она была одна изъ весьма немногихъ женщинъ вовсе не думавшихъ слѣпо преклоняться предъ его гениемъ; она говорила съ нимъ объ его произведеніяхъ серьезно и спокойно и не задумывалась высказывать что отнюдь не все находятъ въ нихъ безупречнымъ. Вскорѣ послѣ перваго знакомства Байронъ сдѣлалъ ей предложеніе и—получилъ отказъ: это не столько оскорбило его сколько еще болѣе усилило его чувство; онъ не привыкъ отступать предъ встрѣчавшимися препятствіями, и мысль о томъ что онъ отвергнуть, когда много другихъ не задумались бы конечно связать свою судьбу съ его судьбой, была для него невыносима. Преодолѣть во что бы то ни стало сопро-

тивленіе миссъ Мильбанкъ сдѣлалось для него задачей жизни; онъ успѣвалъ достигнуть своей цѣли. Въ январѣ 1815 года устроилась ихъ свадьба. По словамъ Томаса Мура, дѣло происходило иначе. Онъ рассказываетъ будто не за долго до вторичнаго своего предложенія, Байронъ сватался за другую, гораздо болѣе богатую невесту, но долженъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ. „Вы видите, сказалъ онъ будто бы Муру, мнѣ не остается ничего болѣе какъ обратиться снова къ миссъ Мильбанкъ“. Анекдотъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, во первыхъ, потому что находится въ рѣзкомъ противорѣчій со всеми свѣдѣніями какія содержатся въ перепискѣ Байрона; во вторыхъ, по той причинѣ что вообще доверять разказамъ Мура объ его другѣ слѣдуетъ не иначе какъ съ крайнею осторожностію. Въ данномъ случаѣ онъ самъ замѣтилъ впрочемъ что память, быть-можетъ, обманываетъ его („as far as I can trust my recollection“), дѣйствительно она сыграла съ нимъ дурную шутку.

Женитьба Байрона была громовымъ ударомъ для леди Каролины Ламбъ. Миссъ Мильбанкъ не любила ея и называла ее не иначе какъ „beautiful Silliness“ или „fair-seeming Foolishness“; что касается леди Каролины, то она никогда не удостоивала свою кузину серьезнаго вниманія,—и вдругъ эта дѣвушка, лишенная по ея мнѣнію всякихъ достоинствъ, отняла у нея человѣка въ которомъ сосредоточивались для нея всѣ радости жизни! Изъ любовницы леди Каролина превратилась въ неумолимаго врага. Все свое раздраженіе и злобу рѣшила она излить въ романъ, который въ послѣдствіи, когда измѣнилось настроеніе общества относительно поэта, сильно повредилъ его репутаціи; но въ первое время своей женитьбы Байронъ былъ ловидимому такъ счастливъ что не хотѣлъ вспоминать о прошедшемъ и не заглядывалъ въ будущее. „Я очень влюбленъ, говорилъ онъ въ письмахъ къ друзьямъ, и такъ же глупъ какъ обыкновенно бываютъ люди въ моемъ завидномъ положеніи... У жены моей нѣтъ недостатковъ, кромѣ того что она ужъ черезчуръ хороша для меня, но съ этимъ недостаткомъ не трудно примириться... Жена и я какъ нельзя лучше подходимъ другъ къ другу...“ Такія изліянія чувствъ непрерывно встрѣчаются у Байрона. Все улыбалось ему: онъ нѣжно любилъ свою сестру Августу и имѣлъ удовольствіе видѣть что тѣсная связь установилась между Августой и его женой; онъ задумалъ завѣ-

щать часть своего состоянія Августъ, не задолго предъ тѣмъ вышедшей замужъ за полковника Лея, и не встрѣтилъ сопротивленія со стороны леди Байронъ; напротивъ, она вполнѣ одобрила эту мысль и наставляла на скорѣйшемъ ея осуществленіи. Жена старалась предупреждать наималѣйшія его желанія, и въ его обращеніи съ нею не было ничего что могло бы подать ей поводъ къ какому бы то ни было упреку...

И вдругъ разрывъ,—разрывъ лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой безмятежной жизни! Невольно рождается вопросъ: любилъ ли Байронъ дѣйствительно свою жену? Конечно любилъ, иначе зачѣмъ остановилъ бы онъ на ней свой выборъ если, какъ уже доказано неопровержимо, не могли быть связаны съ этимъ выборомъ никакіе расчеты? но онъ любилъ ее лишь насколько это было совместно съ его натурой. Еслибы Байронъ нашелъ женщину которая считала бы себя вполнѣ счастливою съ нимъ и въ свою очередь удовлетворяла бы всѣмъ его требованіямъ, то это было бы великимъ чудомъ. „Такая женщина, говоритъ г. Джефрсонъ, должна была бы обожать его не проявляя ни малѣйшаго признака ревности; быть беззащитно ему преданною и не предъявлять никакихъ требованій; отличаться крайнею осмотрительностью въ своемъ поведеніи и не обращать вниманія на его увлеченія и уклоненія отъ долга; обладать характеромъ живымъ, страстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненнымъ нѣжности и мягкости; быть не лишненною юмора для того чтобъ умѣть понимать его причудливыя рѣчи; всегда готовою и способною разсвѣять его мрачную меланхолю, не надоедая ему своимъ соболѣзнованіемъ; словомъ, быть подругой неизмѣнно пріятною и одинаково занимательною.“ Едва ли впрочемъ Байронъ отдался бы вполнѣ даже такому идеалу женщины; мысль о томъ чтобъ обуздывать въ угоду кому бы то ни было свои-прихоти и волю приводила его въ содроганіе, и онъ готовъ былъ проклинать узъ которыя еще недавно казались ему обольстительными. Леди Байронъ менѣе всякой другой женщины способна была понять такой характеръ и подчиниться ему. Столкновение было неизбежно. Вскорѣ послѣ медоваго мѣсяца, Байронъ началъ помышлять о путешествіи на Востокъ и приглашалъ съ собой Томаса Мура, которому писалъ между прочимъ: „если я возьму съ собой жену, то и вы можете ѣхать со своею женою; въ противномъ случаѣ придется вамъ

оставить ее дома“. Леди Байронъ энергически возстала противъ этого плана какъ только услышала о немъ; она была не въ состоянiи сдѣлать за своимъ мужемъ и не безъ основанiя удивлялась что онъ намѣренъ покинуть ее въ то время когда она готовилась сдѣлаться матерью. Убѣдясь что ея увѣщанiя и просьбы не дѣйствуютъ на него, она прибѣгла къ средству къ которому обращалась не рѣдко съ первыхъ же дней своего замужства: она искала поддержки у его сестры; но и вмѣшательство Августы оказалось не дѣйствительнымъ. Не даромъ друзья Байрона упрекали его въ эгоизмъ; по словамъ Гобгауса, несомнѣнно преданнаго ему человѣка, это былъ наиболѣе выдающійся его порокъ. Когда Байронъ чего-нибудь хотѣлъ и когда именно въ этомъ отказывали ему, то съ непреклоннымъ упорствомъ настаивалъ онъ на своемъ желанiи, сколько бы горя ни причиняло это другимъ. Но кромѣ жоманутаго нами обстоятельства, послужившаго главнымъ поводомъ къ раздору, было еще много такого что непрерывно отравляло семейную его жизнь, и нельзя отрицать что вина падала преимущественно на него. Обращенiе его съ женой вдругъ сдѣлалось таково что не только леди Байронъ была въ правѣ оскорбляться имъ, но и людямъ искренно его любившимъ оно казалось въ высшей степени страшнымъ. Достаточно сказать что и его сестра, которой часто приходилось быть свидѣтельницей тяготныхъ сценъ, и его племянникъ Джорджъ возмущались его поведенiемъ и отнюдь не скрывали этого. Подъ тѣмъ предлогомъ что ему неприятно было видѣть какъ ѣдятъ женщины, онъ не являлся вовсе ни къ завтраку, ни къ обѣду, или приходилъ лишь на нѣсколько минутъ; онъ мучилъ жену тѣмъ что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не говорилъ съ нею ни слова; однажды вошла она къ нему въ кабинетъ когда онъ задумчиво стоялъ предъ каминомъ и спросила его: „Я вамъ мѣшаю?“—„Дьявольски мѣшааете“, отвѣчалъ онъ. Въ другой разъ, въ ея присутствiи, онъ съ яростью бросилъ на полъ свои любимые часы и разбилъ ихъ желѣзными щипцами. Мало всего этого, онъ повторялъ женѣ что проклинаетъ день когда обвѣнчался съ нею. Словомъ, не прошло и году послѣ свадьбы, а сожителство становилось уже невозможнымъ. Защитники леди Байронъ ставили ей въ заслугу что въ теченiе этого времени она не сдѣлала ни одного ложнаго шага, не позволяла себѣ ничего что могло бы служить обвиненiемъ противъ нея.

Дѣйствительно, это было такъ. Безстрастный ея характеръ не измѣнялъ себѣ ни въ чемъ, но своею неприступностью и холодною она еще болѣе раздражала мужа. Никогда не обращалась она къ нему съ жалобами; но за то изливала свое негодованіе въ бесѣдахъ съ его сестрой и особенно со своею бывшею гувернанткой, мистриссъ Клермонъ, поселившеюся у нея въ домѣ. Весьма естественно что она ничего не утаивала отъ женщины преданной ей и долго занимавшейся ея воспитаніемъ; но мистриссъ Клермонъ была далеко не привлекательная личность: злая, пронырливая, привыкшая всюду совать свой носъ, интриганка по природѣ, она была способна не успокоивать, а только раздражать страсти. Байронъ считалъ ее одною изъ главнѣйшихъ виновницъ своего разрыва съ женой и называлъ ее не иначе какъ „*mischieftaker*“. Между прочимъ онъ обвинялъ ее, и кажется не безъ основанія, что она похитила у него любовныя письма, которыя получалъ онъ отъ какой-то дамы еще до своей женитьбы, и передала ихъ леди Байронъ.

Но неужели только особенностями характера Байрона, его отвращеніемъ отъ стѣсненій себя какими бы то ни было узамъ, — отвращеніемъ, доходившимъ до того что вѣроятно бракъ не только съ миссъ Мильбакъ, но и со всякою другою женщиной не принесъ бы ему счастья, — слѣдуетъ объяснять его образъ дѣйствій относительно жены? Конечно, объясненія нужно искать главнымъ образомъ въ этомъ, но кромѣ того дѣйствовали и другія причины. Не подлежитъ сомнѣнію, по словамъ г. Джефсона, что въ періодъ времени о которомъ идетъ рѣчь онъ находился въ крайне болѣзненномъ состояніи: разлитіе желчи мучило его, а нервная его система была потрясена залутанными денежными дѣлами; чтобъ избавиться отъ своихъ страданій онъ прибѣгалъ къ болѣе чѣмъ когда-нибудь усиленнымъ дозамъ опиума, людъ вліяніемъ ко-его и говорилъ, и дѣйствовалъ очень часто какъ человѣкъ находящійся не въ здоровомъ умѣ. И леди Байронъ, и Августа Лей залодазривали его въ умственномъ разстройствѣ. Онъ не могъ не видѣть что съ нимъ происходитъ что-то необычайное. Иногда Байронъ не могъ удерживаться отъ истерическихъ рыданій, и это случалось съ нимъ даже при многочисленной лублцѣ, какъ напримѣръ однажды въ театрѣ, когда игралъ Кинъ. Быть-можетъ онъ самъ отдавалъ себѣ отчетъ въ терзавшемъ его недугѣ, и не имѣя силы

бороться съ нимъ, остановился на мысли что было бы лучше еслибы жена, хотя на короткое время, разсталась съ нимъ. Онъ началъ настаивать на этомъ лишь только разрѣшилась она отъ бремени дочерью, которой дано было имя Ады. Впрочемъ, разлука вовсе не имѣла непріязненнаго характера. Леди Байронъ отправилась въ помѣстье своихъ родителей Киркби-Маллорц, и мужъ ея намѣренъ былъ послѣдовать туда же за нею. Но тутъ начинаются событія давнія совершенно иной оборотъ дѣлу и которыя г. Джефферсонъ изслѣдовалъ въ своей книгѣ съ такою тщательностью что это сдѣлало бы честь любому юристу.

Въ самый день своего прибытія въ Киркби-Маллорц, 15 января 1816 года, леди Байронъ подробно разказала отцу и матери объ отхошеніяхъ своихъ къ мужу, не утаивъ отъ нихъ ровно ничего (she made a full statement without a single reserve). Выслушавъ эту печальную исторію, изложенную съ полною откровенностью (a story, from which nothing was withheld), сэръ-Ральфъ и его жена вполне согласились со своею дочерью что Байронъ страдаетъ вѣроятно какимъ-нибудь недугомъ, что необходимо окружить его самыми важными леченіями и что было бы лучше всего еслибы онъ послѣдшилъ пріѣхать къ нимъ. Черезъ день послѣ этого леди Байронъ получила извѣстіе изъ Лондона отъ одного изъ близкихъ ей людей, имѣвшаго случай видѣться съ ея мужемъ, что, по его мнѣнію, хотя Байронъ несомнѣнно одержимъ болѣзнію, но что никакъ нельзя считать его сумасшедшимъ. Съ этой минуты внезапно обнаруживается въ ней рѣшительный переворотъ. Она какъ будто делала мысль что мужъ ея одержимъ умственнымъ расстройствомъ, словно такой ужасный исходъ вполне удовлетворилъ бы ее; но едва убѣдилась она въ противномъ какъ все ея симпатіи къ страдающему смѣнились чувствомъ непримиримой къ нему ненависти. Она объявила что никогда не проститъ человѣку который находясь въ здоровомъ умѣ подвергалъ ее невыносимымъ оскорбленіямъ и требовала развода. Какое-то лихорадочное нетерпѣніе овладѣло ею: 19 января избрала она своимъ адвокатомъ г. Лэшингтона, который долженъ былъ обратиться въ судъ еслибы Байронъ не согласился разстаться съ ней добровольно. Прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этой рѣшительной мѣрѣ, адвокатъ вмѣстѣ съ докторомъ Балли посѣтилъ Байрона чтобы убѣдиться со своей стороны въ состояніи его умственныхъ

способностей, и оба они пришли къ заключенію что онъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ сумашествія. Оставалось слѣдовательно хлопотать о разводѣ; но что же должно было служить легальнымъ поводомъ къ тому? Въ рукахъ г. Лэшингтона находилась записка составленная самою леди Байронъ, записка въ которой она изложила все то что разказывала отцу и матери, въ которой не содержалось ровно ничего кромѣ обвиненія мужа въ дурномъ съ нею обращеніи. Г. Лэшингтонъ полагалъ что хотя Байронъ много виноватъ предъ своею женой, все-таки между ними могло бы состояться примиреніе; что вины его не принадлежатъ къ числу такихъ которыя не могла бы простить любящая женщина; что еслибы дѣло дошло до суда,—а оно должно было дойти до него, ибо въ началѣ Байронъ не хотѣлъ добровольно согласиться на требованіе своей жены,—то при этомъ огласились бы различныя обстоятельства семейной жизни которыя не слѣдовало бы разоблачать предъ публикой; всякія мелочи не минуемо породили бы скандалъ, что отозвалось бы тяжко на душевномъ настроеніи поэта, нервы коего и безъ того были потрясены въ высшей степеніи. Но леди Байронъ была неумолима. Пуританизмъ вполне согласовался у нея съ сухостью сердца. Она утверждала что если гордость ея мужа должна понести кару, то пусть лучше будетъ это въ здѣшней чѣмъ въ загробной жизни; что тяжко ей сдѣлаться орудіемъ такого возмездія, но она должна подчиниться волѣ Провидѣнія.

Таково было положеніе дѣлъ когда леди Байронъ явилась къ г. Лэшингтону съ цѣлью сдѣлать „добавочное показаніе“ (additional statement). По словамъ ея, она не все повѣдала своимъ роднымъ, потому что боялась слишкомъ огорчить ихъ, и по необъяснимымъ причинамъ считала нужнымъ скрывать нѣкоторыя обстоятельства и отъ своего адвоката. Только теперь пришло ей въ голову раскрыть ему истину. Съ какимъ же новымъ обвиненіемъ выступила она противъ своего мужа? Въ чемъ заключалась эта тайна леди Байронъ (the mystery of lady Byron), дѣйствительно тайна, ибо она приняла всѣ мѣры чтобъ облечь глубокою таинственностью свое показаніе и ни она сама, ни ея родственники никогда не преговорились о немъ ни словомъ? Выслушавъ ее г. Лэшингтонъ объявилъ что онъ отказывается отъ своего мнѣнія о возможности для нея сойтись съ мужемъ, что разлука

становится дѣйствительно необходимою: опять какое широкое поприще для предположеній и догадок! Биографы Байрона усердно, хотя и совершенно тщетно, старались разсвѣять этотъ мракъ, какъ вдругъ въ 1869 году гжа Бичеръ-Стой въ своей книгѣ, или вѣрнѣе сказать въ своемъ памфлетѣ *The true story of lady Byron's life* сообщила публикѣ истинныя невѣроятныя вещи. По словамъ ея, тайна заключалась въ томъ что леди Байронъ покинула мужа въ твердомъ убѣжденіи будто онъ находился въ преступной связи со своею сестрой Августой. Эта клевета была встрѣчена всеми, вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ. Множество убѣдительныхъ фактовъ опровергаютъ ее: такъ, напримѣръ, не подлежитъ сомнѣнію что съ той минуты какъ начался разладъ между супругами, леди Байронъ болѣе чѣмъ когда-нибудь питала дружескія чувства къ своей свояченицѣ; въ письмахъ къ ней она неоднократно повторяла что дорожить ея привязанностью какъ высшимъ благомъ жизни; она не переставала ее извѣщать обо всѣхъ обстоятельствахъ касавшихся задуманнаго ею развода; всякій разъ прїѣзжая изъ Киркби-Маллори въ Лондонъ она слѣдила видѣться съ нею; затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ окончательной разлуки съ мужемъ и даже послѣ его смерти, леди Байронъ поддерживала тѣсную связь съ мистриссъ Августой Лей. Возможно ли допустить чтобъ она оставалась къ ней въ такіе отношеніяхъ если бы дѣйствительно подозрѣвала ее въ томъ о чемъ разказывала въ послѣдствіи гжѣ Бичеръ-Стой? Г. Джефрсонъ убѣжденъ что въ то время ложь еще не касалась ея устъ; что если она не отступала предъ ложью, то уже гораздо позднѣе подъ вліяніемъ чувства которое, какъ увидимъ, выставляетъ ея характеръ въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ. Но если она была правдива въ своихъ объясненіяхъ съ г. Вашингтономъ, то и не могла разказать ему ничего что набрасывало бы ненавистную тѣнь на мистриссъ Августу Лей.

Чѣмъ же однако леди Байронъ такъ смутила его? Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на этотъ счетъ, но они найдутся, быть-можетъ, въ мемуарахъ Гобгауса, содержаніе коихъ неизвѣстно до сихъ поръ никому. Гобгаусъ завѣщаль обнарудовать ихъ въ 1900 году, и по всему вѣроятію записки этого человѣка, въ высшей степени правдиваго и знавашаго Байрона лучше чѣмъ кто другой, объясняютъ многое что представляется загадочнымъ въ жизни поэта. Въ ожиданіи

того когда появятся онъ въ свѣтъ, нужно довольствоваться предположеніями, и г. Джефрсонъ останавливается на одномъ изъ нихъ, которое дѣйствительно кажется весьма вѣроятнымъ. Биографы Байрона сообщаютъ мало извѣстій о дѣвухѣ бывшей матерью незаконной его дочери Аллегры. То была Жанна Клермонъ (несмотря на сходство фамилій, не имѣвшая ничего общаго съ гувернанткой леди Байронъ), родная сестра Мери Годвинъ, находившаяся въ связи съ поэтомъ Шелли, который также занималъ тогда видное мѣсто въ литературѣ; по капризу или по какимъ-либо другимъ причинамъ она отказалась отъ своего имени, и всѣ называли ее не иначе какъ Кларой. Хорошенькая брюнетка съ лыкимъ и веселымъ характеромъ, она задумала поступить на сцену театра Drury Lane, въ комитетъ коего Байронъ пользовался значительнымъ вліяніемъ, обратилась къ нему за протекціей, и это сблизило ихъ. Актрисой она не сдѣлалась, но страстно привязалась къ своему покровителю. Начало ихъ связи относится къ тому времени когда леди Байронъ только что покинула своего мужа; о связи этой она узнала отъ своей бывшей гувернантки. Понятно что она была раздражена въ высшей степени. Окончательно утвердилась она въ мысли что мужъ никогда не любилъ ея если такъ скоро утѣшился въ разлукѣ съ нею. Онъ взялъ любовницу въ то время когда еще только шли переговоры о разлукѣ и когда онъ еще не терялъ надежды на примиреніе съ женой. Леди Байронъ ничего не упомянула ни своимъ роднымъ, ни своему адвокату о новомъ нанесенномъ ей оскорбленіи, потому что не имѣла о немъ понятія; но какъ только мистриссъ Клермонъ просвѣтила ее на этотъ счетъ, она не замедлила сдѣлать „дополнительное показаніе“, и г. Лэшингтонъ, старавшійся до тѣхъ поръ склонить ее къ миру, тотчасъ измѣнилъ свой образъ мыслей. Конечно, это лишь догадка, но догадка несравненно болѣе правдоподобная чѣмъ всѣ другія, которыми старались объяснить разыгравшуюся драму.

Такимъ образомъ, главная причина къ разводу оставалась неизвѣстною; но самая эта неизвѣстность страшно вредила Байрону въ общественномъ мнѣніи. Публика предполагала что-то необычайное, невѣроятное. Друзья Байрона основательно сѣтовали на то что онъ не согласился вести процессъ; судебное разбирательство было бы общдо для его самолюбія, но оно выяснило бы дѣло, разсѣяло бы тѣ чудовищныя сказки

которыя распространялись во всѣхъ слояхъ общества. Нельзя отрицать что жена его поступила въ этомъ случаѣ въ высшей степени коварно. Вида какая страшная буря поднимается противъ него, она не произвела на одного слова которое могло бы опровергнуть нелѣпые толки; она выражала лишь готовность обличить клевету если клевета будетъ произнесена *въ ея присутствіи*, но очевидно что этого было слушкомъ мало; упорное молчаніе ея и близкихъ къ ней лицъ какъ будто было рассчитано на то чтобы повредить Байрону. Напрасно протестовалъ онъ противъ этой уловки. Нѣсколько поздне, когда покинулъ онъ свое отечество, написаны были имъ слѣдующія строки, которыя, по его просьбѣ, Гобгаусъ долженъ былъ показывать кому угодно: „По дошедшимъ до меня слухамъ, адвокаты леди Байронъ заявляютъ что на уста ихъ наложена печать молчанія относительно причинъ вызвавшихъ мою разлуку съ нею; не я конечно побудилъ ихъ къ этому; напротивъ для меня было бы высшимъ благодѣяніемъ еслибы не скрывали они всего что имъ извѣстно.“ Этотъ вызовъ остался безъ отвѣта, и Байронъ имѣлъ право обвинять своихъ противниковъ въ томъ что „молчаніемъ умышленно прикрывали они самую вопиющую ложь“.

А между тѣмъ г. Джефрсонъ старается доказать что не столько леди Байронъ была безплощадна относительно своего мужа, сколько самъ онъ поступилъ съ нею въ высшей степени жестоко. На чемъ же это основано? На извѣстномъ стихотвореніи *Fare Thee Well*, которое написалъ поэтъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Англій. Признаемся, мы не находимъ въ этомъ стихотвореніи ничего такого что оправдывало бы негодованіе г. Джефрсона. Гжа Сталь прочитавъ его воскликнула: „какъ бы я была рада сдѣлаться несчастною на мѣстѣ леди Байронъ!“ и слова эти отнюдь не кажутся странными. Въ помянутомъ стихотвореніи поэтъ говорилъ: „Прощай, и если это навсегда, пусть будетъ такъ. Хотя ты не умѣешь прощать, сердце мое никогда не возмутится противъ тебя. Ахъ, еслибы влоднѣ разоблачилось предъ тобой это сердце, на которомъ такъ часто покоилась твоя голова когда посѣщалъ тебя тихій сонъ, котораго ты не будешь знать отнынѣ! Ахъ, еслибъ это сердце, насквозь пронзенное тобой, могло повѣдать самыя затаенныя свои мысли, ты убѣдилась бы что не заслуживало оно презрѣнія. Пусть весь міръ оправдываетъ тебя, пусть

радуется онъ наносимымъ тобой ударами: похвалы эти должны тебя оскорблять если онъ вызваны страданіями чело-вѣка. Хотя много пороковъ исказили мою натуру, неужели нельзя было для того чтобы нанести мнѣ неисцѣлимую рану, найти другую руку, а не ту которая нѣкогда обнимала меня... Когда ручки нашей дочери будутъ обвивать твою шею, когда уста ея будутъ касаться твоихъ устъ, вспоминай о томъ чья молитва будетъ благо-словлять тебя, думай о чело-вѣкѣ котораго ты исцѣлила бы своею любовью“. Нужно быть слишкомъ предубѣжденнымъ чтобы не оцѣнить прежде всего глубокое чувство которымъ проникнуто все стихотвореніе. Такъ могъ говорить лишь чело-вѣкъ который уходя отъ женщины раздѣлявшей его судьбу покидалъ ее не только съ уваженіемъ къ ней, но и съ чувствомъ непритворной привязанности. Чѣмъ же могла она оскорбиться? Но Байронъ, говоритъ г. Джефрсонъ, выставялъ ее женщиной не умѣвшею прощать (*unforgiving woman*), женщиной гордость коей находила удовлетвореніе въ проклятіяхъ раздававшихся противъ него со всѣхъ сторонъ. Дѣйствительно, онъ такъ смотрѣлъ на нее, и не подлежитъ сомнѣнію что она давала достаточный къ тому поводъ. Но въ словахъ его слышится не злоба и не раздраженіе, а чувство глубокой печали: неужели слѣдуетъ ставить ему въ непростительную вину что онъ не скрылъ этого чувства?

Байронъ былъ застигнутъ разразившеюся надъ нимъ бурей какъ чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ. „Не знаю, писалъ онъ въ 1819 году, на основаніи чего публика составила свое мнѣніе, но мнѣніе это сдѣлалось общимъ и рѣшительнымъ. Обо мнѣ извѣстно было ей только что я писалъ стихи, принадлежалъ по происхожденію къ аристократіи, женился, поссорился съ женой и ея родственникамъ; но чѣмъ была вызвана ссора, это оставалось тайной, потому что противники мой не хотѣли высказать открыто свои обвиненія... Имя мое было заляпано. Я убѣдился что если все что разглаго-лдось обо мнѣ было справедливо, то я не пригоденъ для Ан-глій; а если ложно, то Англія непригодна для меня, и поэту счелъ необходимымъ удалиться...“ По мнѣнію Маколея, едва ли былъ примѣръ такого крутаго и рѣзкаго переворота въ обществѣ: ольпаненіе восторга вдругъ смѣнилось непреодолимымъ отвращеніемъ къ чело-вѣку, которому еще наканунѣ поклонялись какъ идолу. Но г. Джефрсонъ очень

убѣдительно объясняетъ что эта перемѣна въ настроеніи публицы наступила вовсе не такъ внезапно, какъ кажется; напротивъ, она приготовлялась мало-по-малу издавна, и первые ея признаки обнаружались еще до появленія въ свѣтъ *Чайльдъ - Гарольда*. Многие были оскорблены религіознымъ скептицизмомъ въ первыхъ произведеніяхъ Байрона, а затѣмъ политическія его мнѣнія создали ему непримиримыхъ враговъ. Прежде всего отшатнулась отъ него торійская партія, которую особенно раздражилъ онъ тѣмъ что выразилъ сочувствіе королевѣ Каролинѣ въ процессѣ ея съ Георгомъ IV; торіи не могли читать безъ скрежета зубовъ известныя его строфы: „weep daughter of a royal line“; съ этой минуты газеты ихъ занялись безпощаднымъ преслѣдованіемъ поэта. Вскорѣ затѣмъ и виги не прочь были отдѣлаться отъ союзника, который, не принося имъ существенной пользы, только компрометтировалъ ихъ. Байронъ преклонялся предъ гениемъ Наполеона въ то время какъ почти всѣ его соотечественники безъ различія мнѣній видѣли въ императорѣ Французовъ воплощеніе чудовищнаго зла; онъ называлъ великимъ человѣкомъ Вашингтона, говорилъ что освобожденіе Американскихъ колоній есть одно изъ отраднѣйшихъ событій всемірной исторіи: все это были такіе грѣхи въ глазахъ Англичанъ которые не заслуживали прощенія. Дизраэли не безъ основанія замѣчаетъ въ своемъ романѣ *Venetia* что когда разыгралась катастрофа, то въ партіи виговъ Байронъ встрѣтилъ еще менѣе поддержки чѣмъ въ торіяхъ. Но кромѣ того возстановилъ онъ противъ себя множество людей по причинамъ не имѣвшимъ ничего общаго съ его религіозными и политическими убѣжденіями. „Байронъ, говоритъ г. Джефрсонъ, былъ сатирикъ и денди, — сатирикъ, раздражавшій въ высшей степени самолюбіе писателей жадныхъ до похвалъ и негодовавшихъ что похвалы достаются человѣку который безпощадно осмѣивалъ ихъ; денди, обладавшій притягательною силой для великосвѣтскихъ женщинъ, къ великому отчаянію ихъ мужей и братьевъ.“ Эти враги не столько вопили объ его радикализмѣ сколько старались распространять самыя зазорныя слухи объ его нравственной испорченности. Со своей стороны, онъ не мало содѣйствовалъ этому; ему нравилось все что выставило его не похожимъ на другихъ людей, но онъ конечно и не подозревалъ какими это отразится на немъ тяжкими послѣдствіями.

Исторія его съ женой послужила искрой для взрыва накопившейся противъ него злобы. Ничего не зная достоверно объ этой драмѣ, публика тѣмъ охотнѣе ловила самые недѣльные слухи: говорили будто онъ немилосердно билъ жену, стрѣлялъ у нея въ спальнѣ изъ пистолета чтобы напугавъ ее причинить ей смерть отъ преждевременныхъ родовъ; будто приводилъ къ себѣ въ домъ публичныхъ женщинъ; приписывали ему самые отвратительные пороки, сравнивали его съ Нерономъ, Калигулой, Гелиогабаломъ и съ регентомъ герцогомъ Орлеанскимъ. Когда онъ показывался въ театрѣ, то всѣ сторонились отъ него; актриса Мардинъ подверглась оскорбленіямъ за то что не измѣнила своихъ дружескихъ къ нему отношеній; онъ долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія парламента.

Конечно, требовалось не мало мужества чтобы средъ этого разгара страстей идти наперекоръ общественному мнѣнію. Друзей способныхъ на подобный подвигъ было у Байрона не много, и къ числу ихъ принадлежала леди Джерси, занимавшая высокое положеніе въ аристократіи по своей знатности и богатству. Наканунѣ отъѣзда Байрона изъ Англіи она разослала пригласительные билеты на раутъ, нисколько не скрывая что это дѣлается въ его честь. Разумѣется, салоны ея были наполнены избраннымъ обществомъ, но только сама хозяйка дома расточала любезности гостю: всѣ ея гости смотрѣли на него какъ на зачумленнаго; одни ограничивались тѣмъ что обмѣнялись съ нимъ холодными поклонами; другіе, не желая исполнить даже этой простой вѣжливости, старались не попадаться ему на глаза; дамы, къ которымъ подходилъ онъ, едва отвѣчали ему нѣсколькими словами и со смущеніемъ озирались по сторонамъ; лишь немногія вступали съ нимъ въ разговоръ какъ бы похваляясь своимъ великодушіемъ. Никогда самолюбіе Байрона не страдало такъ сильно какъ въ этотъ вечеръ, а на слѣдующее утро ожидала его не менѣе тяжелая сцена. Толпа черни собралась вокругъ дорожной его коляски, и изъ среды ея раздавались такіе возгласы что онъ могъ ожидать для себя всего дурнаго; малѣйшая неосторожность съ его стороны могла вызвать бурю; но спокойный, исполненный рѣшимости видъ Байрона подѣйствовалъ на толпу; она разступилась молча, и онъ не вынужденъ былъ прибѣгать къ пистолетамъ которые уже были у него наготовѣ.

III.

Съ 1816 года начинается скитальческая жизнь Байрона. Сперва поселился онъ въ Швейцаріи, куда одновременно съ нимъ прибылъ Шелли со своею возлюбленною Мери Годвинъ и съ сестрой ея Кларой, о которой мы упоминали выше. Если поэтъ послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ потрясеній нуждался въ успокоеніи, то долженъ былъ отказаться отъ надежды найти его уже потому что всюду предшествовали ему чудовищные слухи объ его репутаціи. Въ Женевѣ, въ Hôtel Sécheron всѣ путешественники взволновались при вѣсти о прибытіи Байрона; корридоръ, гдѣ находились его комнаты, былъ постоянно наполненъ людьми которые съ жаднымъ и грубымъ любопытствомъ смотрѣли на него; толпа ожидала его на подъѣздѣ, и такою же толпой окруженъ былъ онъ на пристави когда возвращался съ прогулки по озеру. Черезъ нѣсколько дней Байронъ, со своими друзьями Шелли, вынужденъ былъ переселиться на противоположный берегъ озера въ виллу Belle Rive, но и тутъ не оставляли его въ покоѣ; услужливый хозяинъ Hôtel Sécheron приобрѣлъ для своихъ постояльцевъ огромный телесколь, который съ утра до ночи былъ направленъ на виллу. Байронъ нашелъ наконецъ мѣсто гдѣ удалось ему укрыться отъ любопытныхъ, но лишившись возможности слѣдить за нимъ, они тѣмъ усерднѣе занимались всякими вымыслами на его счетъ. Разказывали будто въ новомъ его помѣщеніи, въ виллѣ Дюдати происходить ежедневно сцены дикаго разврата, будто Байронъ находится въ связи не только съ Кларой, но и съ сестрой ея Мери и т. л. При такихъ условіяхъ не легко было ему найти доступъ въ среду сколько-нибудь избраннаго швейцарскаго общества; только въ одномъ салонѣ встрѣчалъ онъ всегда радушный пріемъ, а именно въ салонѣ гжи Сталь, но и тамъ приходилось ему наталкиваться на непріятныя сцены. Нѣкая гжа Гервей, почтенная дама и даже писательница, вскрикнула и упала въ обморокъ когда представили ей Байрона, потому что весьма наивно привыкла считать его не въ переносномъ, а въ буквальномъ значеніи слова волащеніемъ сатаны.

Отношенія къ Кларѣ много вредили поэту во мнѣніи публики, которая не знала что вскорѣ по прибытіи ихъ въ Швей-

царію уже начался между ними разрывъ. Г. Джефрсонъ подробно разказалъ исторію этой дѣвушки, да и вообще, задумавъ изобразить „настоящаго“ Байрона, онъ преимущественно останавливается въ своей книгѣ на той роли которую играли въ его судьбѣ женщины, предполагая что тутъ особенно ярко выражался его характеръ. Клара какъ бы обречена была на несчастіе: дѣвушка пріятельной наружности, умная, образованная и весьма радикальнаго образа мыслей—какъ и слѣдовало ожидать при ея близости къ Шелли, который былъ явнымъ атеистомъ — она постоянно предавалась увлеченіямъ и переходила отъ одной крайности въ другую; не могла она ни на кого обнаруживать вліянія, и въ свою очередь, не подчинялась вліянію другихъ. Очевидно что такая своенравная натура не въ состояніи была ужиться долго съ Байрономъ; нѣтъ достаточно данныхъ чтобы судить, что породило между ними охлажденіе, но главнымъ поводомъ къ нему послужилъ вопросъ о незаконной ихъ дочери Аллегрѣ. Когда родилась эта дѣвочка, Байронъ задумалъ отдать ее на воспитаніе сестрѣ своей мистриссъ Лей и конечно это было бы разумнѣе всего, но Клара рѣшительно воспротивилась такому плану. Она заручилась торжественнымъ обѣщаніемъ Байрона что Аллегра будетъ постоянно находиться при немъ, что никогда не отдастъ онъ ее въ чужія руки. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Клара послѣдовала за своимъ возлюбленнымъ въ Италію и тамъ къ величайшему своему горю узнала о намѣреніи его помѣстить дѣвочку въ монастырскій пріютъ въ *Bagna Cavallo* близъ Равенны. Мысль о томъ что дочь ея очутится на попеченіи католическихъ монахинь приводила ее въ трепетъ, но къ этому примѣшивалось еще другое чувство. По увѣренію г. Джефрсона, Клара, замѣтившая что Байронъ измѣнился къ ней, не теряла однако надежды что снова пробудится въ немъ прежняя привязанность; она вѣрила что это случится неизменно если онъ сохранитъ при себѣ дѣвочку, которая даже въ ея отсутствіи будетъ служить живою связью между ними, напоминая ему о страстно любившей его женщинѣ. Цѣлью Клары было закрѣпить свою связь съ Байрономъ законнымъ бракомъ: почему, казалось ей, не разчитывать на это послѣ того какъ онъ окончателно убѣдился бы въ безплодности своихъ попытокъ сойтись съ женой? Съ этой точки зрѣнія, удаленіе Аллегры было для нея тяжкимъ ударомъ,

особенно когда она узнала кто былъ главнымъ виновникомъ этой мѣры. Байронъ, какъ увидимъ, находился тогда въ тѣсной связи съ графиней Гвиччиоли и рѣшился разстаться съ дочерью по ея совѣту. Въ этомъ случаѣ графиня тоже дѣйствовала по расчету. „Клара, говоритъ г. Джефрсонъ, никогда не опасалась чтобы могла замѣнить ее какая-нибудь изъ тѣхъ вульгарныхъ красавицъ съ которыми сходился по временамъ лордъ; но другое дѣло итальянская аристократка, красивая, изящная и равная ему по положенію въ обществѣ. Нельзя было презирать такую солерницу. Со своей стороны, графиню Гвиччиоли неотступно преслѣдовала мысль что Байронъ вернется къ Клара, которая не уступала ей въ красотѣ и неизмѣримо превосходила ее умомъ. Эти двѣ женщины глубоко ненавидѣли другъ друга; онѣ знали въ точности все что касалось каждой изъ нихъ и вели борьбу съ замѣчательнымъ искусствомъ.“ Въ борьбѣ этой побѣдительницей осталась графиня Гвиччиоли: несчастная Клара, убѣдившись что дочери ея нѣтъ мѣста въ домѣ отца, умоляла его чтобы онъ по крайней мѣрѣ отдалъ дѣвочку ей, осыпала его улреками, старалась пристыдить его что онъ нарушилъ данное обѣщаніе, но все тщетно, Байронъ былъ непреклоненъ. Всякая пріязнь къ нему исчезла въ ея сердцѣ, и она до послѣднихъ своихъ дней вспоминала о немъ не иначе какъ съ глубокою ненавистью. Вообще это былъ одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ въ жизни лорда; тѣмъ менѣе могъ онъ считать себя правымъ что Аддегра умерла пяти лѣтъ отъ роду въ монастырѣ, куда онъ отдалъ ее, и мать приписывала это конечно дурному уходу за нею монахинь.

Едва ли впрочемъ ожидала бы дѣвочку лучшая участь еслибы не разлучалась она съ отцомъ. Въ Венецію, куда переселился онъ изъ Женевы, уже рѣшительно некому было бы ухаживать за нею. Онъ велъ тамъ такой образъ жизни который какъ бы оправдывалъ всѣ неблаговидные слухи распространявшіеся о немъ въ обществѣ. Сначала сошелся онъ съ женой какого-то торговца Маріанной Сегати, затѣмъ съ Маргаритой Коньи; но этого было мало, — palazzo Mocenigo на Canale Grande, служившій его мѣстолребываніемъ, сдѣлался вскорѣ притонкомъ грубаго разврата. Здѣсь былъ у него чуть ли не цѣлый гаремъ, и происходили сцены невѣроятнаго разгула. Могло ли быть что-нибудь ужаснѣе что человѣкъ съ его гениемъ могъ дойти до подобнаго упадка! „Не такъ страшно

было бы для него общество этихъ лозорныхъ тварей, говорить г. Джефрсона, еслибы настолько проникнуть былъ онъ грубымъ дивизмомъ чтобы смотрѣть на нихъ какъ на животныхъ отличавшихся отъ четвероногихъ только внѣшнимъ видомъ и даромъ слова. Но мягкость его натуры не позволяла ему усвоить подобный взглядъ на filles de joie пощивавшихъ его домъ. Какъ ни была развратна женщина съ которою сходился онъ, Байронъ ощущалъ къ ней привязанность столь же нѣжную сколько мимолетную. Называть это любовью было бы профанаціей, но трудно придумать другое подходящее слово для того чувства съ которымъ относился онъ къ этимъ жалкимъ существамъ снисходя съ высоты своего генія и культуры до ихъ низменнаго уровня. Этимъ объясняется странное и даже возмутительное удовольствіе которое находилъ онъ въ ихъ плоскихъ шуткахъ, въ ихъ грубомъ зубоскальствѣ; во всей нашей литературѣ едва ли есть что-нибудь болѣе оскорбительное для образованнаго читателя какъ тѣ страницы на которыя Байронъ занесъ, на примѣръ, безстыдныя и наглыя выраженія Маргариты Конъи,—такія выраженія что въ самыхъ дурныхъ закоулкахъ Лондона всякій порядочный человекъ заткнулъ бы уши чтобы не слышать ихъ. "Что же были за причины доведшія—хотя и временно—до подобнаго уладка столь благородную и избранную натуру? Томасъ Муръ увѣряетъ будто Байронъ предавался разврату отнюдь не по влеченію, а единственно для того чтобы показать какъ глубоко презиралъ онъ своихъ враговъ трубившихъ на всю Европу объ его безнравственности. Онъ никогда не боялся раздражать общественное мнѣніе, и это даже доставляло ему удовольствіе. По словамъ близкихъ къ нему лицъ, онъ самъ содѣйствовалъ тому что въ итальянскихъ газетахъ появлялись далѣко не лестные о немъ разказы и радовался когда они проникали въ Англію. Но, замѣчаетъ г. Джефрсона, если подобный способъ возстановлять противъ себя публику нравился ему, то пусть бы онъ и довольствовался имъ; цѣль его достигалась вполнѣ: тысячи людей никогда не знавшихъ его лично твердо вѣрили что онъ былъ самый безнравственный человекъ въ мірѣ; чего же больше? Зачѣмъ же было въ угоду имъ доказывать не словами, а дѣйствіями что они нисколько не ошибались? Неужели Байронъ опасался что легенды сложившіяся на его счетъ все еще не достаточно убѣдительны и для этого задумалъ подкрѣпить

ихъ фактами? Неужели только это заставляло его не цадить своего нравственнаго достоинства?

Нѣтъ, Муръ очевидно ошибался на счетъ своего друга! Были другія причины заставившія Байрона броситься въ омутъ разгульной жизни. Никогда не находился онъ въ такомъ угнетенномъ состояніи духа какъ въ первые годы своего пребыванія въ Италіи: сознаніе своего невольнаго одиночества, тоска по родинѣ, оскорбленное самолюбіе, все это удручающимъ образомъ дѣйствовало на него. Онъ работалъ много, съ какою-то лихорадочною послѣдностью, но при впечатлительности своей натуры не могъ удовлетворяться только работой; развлеченій не было почти никакихъ; итальянское общество съ которымъ встрѣчался онъ въ салонахъ гжи Альбрицци и графини Бенцони наводило на него скуку, общество это знало лишь по слухамъ объ его произведеніяхъ и надобдало ему невѣжественными вопросами въ родѣ того, правда ли что Эдмондъ Боркъ убилъ на дуэли Вашингтона. Байронъ, всегда воздержный на вино, началъ употреблять его въ это время очень неумѣренно, а отсюда ужъ не далеко было и до другихъ излишествъ. Онъ видимо искалъ средствъ забыться, разсѣять тяжелый гнетъ омрачившій его душу. Почти во всемъ что выходило изъ-подъ его пера, во всѣхъ проклятіяхъ вырывавшихся у него противъ родины, слышится болѣзненный волю челоуѣка который на крыльяхъ вѣтра полетѣлъ бы домой еслибы была малѣйшая надежда что его встрѣтитъ тамъ радушный пріемъ, еслибы не боязнь очутиться совершенно отчужденнымъ. Тщеславіе, говорить г. Джефрсонъ, заставляло его считать себя космополитомъ, но трудно было бы найти Англичанина менѣе пригоднаго чѣмъ онъ для этой роли.

Удивительно ли что образъ жены часто представлялся его взорамъ. Изгладить прошлое, примириться съ нею казалось ему дѣломъ возможнымъ, и онъ не разъ пытался осуществить эту мысль. Еще находясь въ Швейцаріи онъ обратился, по совѣту гжи Сталь, къ леди Байронъ съ предложеніемъ въ такомъ смыслѣ; но время для этого было выбрано весьма неудачно. Онъ еще не разставался тогда съ Кларой и напрасно думалъ что продолжающаяся его связь съ нею укроется отъ его жены; стоустая молва доводила до ея свѣдѣнія все что касалось ея мужа, даже съ преувеличеніями, и нельзя винить ее за то что она увидѣла въ попыткѣ Байрона лишь

новое для себя оскорбленіе. Но Байронъ до конца жизни не отказывался отъ надежды сблизиться съ нею. При этомъ нельзя не вспомнить то что говорить г. Джефрсонъ объ основныхъ свойствахъ его творчества: по временамъ, жена представлялась ему только въ привлекательномъ свѣтѣ; память до мельчайшихъ подробностей воспроизводила все что было свѣтлаго въ краткій періодъ ихъ супружеской жизни, сердце его было растрогано, воображеніе неудержимо разыгрывалось на эту тему, и изъ-подъ пера его лились строфы проникнутыя чувствомъ раскаянія и пріязни. Примеромъ этого можетъ служить даже стихотвореніе *Fare thee well*, которое такъ сильно раздражило леди Байронъ. Но въ другія минуты онъ видѣлъ въ женѣ главную и единственную виновницу своихъ невзгодъ; память, воображеніе, сердце подсказывали ему исключительно то что должно было обвинять ее и онъ самъ готовъ былъ искренно вѣрить что некогда, рѣшительно никогда не литалъ ни малѣйшей къ ней привязанности. Мысль его переносилась къ другимъ женщинамъ, особенно къ Мери Чавортъ, которая въ юношескихъ его годахъ произвела на него сильное впечатлѣніе; въ *The Dream* онъ утверждалъ что свѣтлый образъ этой дѣвушки не покидалъ его даже въ минуты брачнаго обряда: „Я видѣлъ его, говорить онъ о себѣ, рядомъ съ привлекательною невѣстой; лицо ея было красиво, но то не была звезда которая сіяла надъ нимъ въ молодости. Онъ стоялъ прямо, спокойный и хладнокровный, произносилъ необходимые обѣты, но не слышалъ своихъ словъ, и ему казалось что все вертится вокругъ него...“ Читая эти строки можно подумать что дѣйствительно были правы люди утверждавшіе будто не что иное какъ расчетъ побудилъ Байрона жениться на миссъ Мильбанкъ; но мы знаемъ что не рѣдко въ самыхъ задушевныхъ свиданіяхъ поэта выражалось лишь минутное его настроеніе и что было бы въ высшей степени ошибочно искать въ нихъ искреннюю его исповѣдь.

Н. СБОЕВЪ.

(До слѣд. №.)

ЗА УРАЛЬ!

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СИБИРИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Въ больничной комнатѣ горѣлъ ночникъ, и слабо освѣщала простую деревянную некрашеную кровать, на которой лежалъ Васька Зарѣвъ. Его красивое лицо, обвѣтренное и загорѣлое, такъ осунулось за одинъ день что заходившіе къ нему рабочіе считали его уже не жильцомъ на бѣломъ свѣтѣ. Сильное потрясеніе подвѣствовало и на его желѣзный организмъ. Онъ вдругъ опустился. Не физическая боль сломила его, не ударъ, полученный отъ руки хозяина, былъ для него обидой или оскорбленіемъ. Его давило сознаніе утраты авторитета; онъ видѣлъ что сошелъ подъ общій уровень, что теперь убей онъ или изувѣчь хоть десять человѣкъ, онъ уже не будетъ прежнимъ ухаремъ Васькой Зарѣвомъ: онъ просто Васька-битый. Мысль о томъ что его пожалуй еще и простятъ и даже дѣла не затѣютъ, а отвезутъ его въ городъ, въ больницу, мучила его нестерпимо. Злила его и слабость

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 6, 7 и 8.

которую онъ ощущалъ; раздражала его и Степанида, ухаживавшая за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ.

Онъ слышалъ, словно сквозь сонъ, громкое *ура!* и ему очень хотѣлось спросить, померещилось ли оно ему или было дѣйствительно, и ради чего кричали рабочіе.

Степанида, свернувшись калачикомъ на своемъ тюфякѣ, дремала чуткимъ сномъ старухи привыкшей за долгую жизнь думать о чужихъ удобствахъ, о чужомъ покоѣ.

Каждой опытной хозяйкѣ случалось наблюдать что между курами попадаются насѣдки по призванію; какъ ни приглядывай, услѣдить за ними нельзя. Такая курица ни за что не положитъ лапу въ указанное мѣстечко и не станетъ высидывать подъ надзоромъ. Она непремѣнно разыщетъ сама укромный уголокъ, высидитъ всѣ яйца и водить свое потомство лучше и бережнѣе другихъ. Процедура выводки будущаго поколѣнія для нея высшее блаженство. Такія „насѣдки по призванію“ попадаютъ и между женщинами. Прежде ихъ было больше; въ настоящее время, къ невыгодѣ нараждающихся поколѣній, онѣ попадаютъ все рѣже и рѣже. Окончательно выраждающаяся порода „нянь“ вербовалась именно изъ этихъ насѣдокъ по призванію. Имъ близко и дорогъ былъ каждый ребенокъ, если не свой такъ чужой, лишь бы его отдавали нянь на ся исключительное попеченіе. Въ немъ олицетворялась для нея семья; въ него клала она всѣ свои силы, жертвовала ему своимъ здоровьемъ, своими удовольствіями, и эта сумма жертвъ принесенныхъ одному существу дѣлала изъ него предметъ поклоненія и обожанія. Выросло это существо, удалялось, а привычка жертвовать собою оставалась до гробовой доски. Къ этому исчезающему типу нянь принадлежала и Степанида. У нея всегда былъ отмѣченный субъектъ къ которому она привязывалась, а на остальное человечество она ворчала и сердилась, до перваго несчастія съ кѣмъ-либо. Несчастіе давало право на участіе съ ея стороны.

Жажда начала мучить Ваську, но онъ крѣпился не желая просить Степаниду. Послѣ долгихъ усилій ему удалось повернуться на бокъ, и онъ протянулъ руку къ кружкѣ, стоявшей на столикѣ, но тяжелая кружка была не подъ силу ослабѣвшей рукѣ. Степанида услышала стукъ и очнулась.

— Ты это что же? трудно развѣ сказать что лить захотѣлось.

И она, одною рукой приподнявъ ему голову, помогла налечься.

— Сама хвора, а за мной какъ за малымъ ребенкомъ ходишь! въ видѣ благодарности проворчалъ Васька.

— Моя хворь всегда при мнѣ, со мной и въ могилку пойдемъ, а ты человекъ молодой, оправешься.

— Чего мнѣ оправляться-то? все та же каторга впереди.

— Экъ злобы-то въ тебѣ накопѣло! Чего тебѣ не хватало? Работа твоя была легче чѣмъ у другихъ; господа тебя отличали; межъ всѣми напередѣ стоялъ. А онъ на-лоди! чѣмъ бы Бога благодарить, на убивство пошелъ!

— Господа?! презрительно усмѣхнулся Васька.—Мало тебя должно-быть били какъ крѣпостною-то была? Вѣрною-то рабу, за то что вѣрною была, въ Сибирь отправили господа-то твои! Ну, конецъ бы кажись, такъ нѣтъ, здѣсь сама новыхъ нашла. Скоро ли этимъ господамъ-то переводъ будетъ?!..

— Дуракъ ты, посмотрю я на тебя, Василий, а еще грамотный, книжки читаешь. Были рабы и вѣкъ будутъ. Поколя люди Бога забываютъ, потоль и рабы будутъ. Господь-то ежели переведутъ, такіе какъ ты развѣ въ господа себя не начнутъ производить? Чтѣ ты небось, изъ всѣхъ-то, изъ рабочихъ, кого съ собой вровень ставишь? подъ начало къ кому пойдешь? Ума у тебя и впрямь больше, изъ себя ты молодецъ, силаца у тебя большая; дай тебѣ волю, тоже станешь всѣхъ кто послабѣе въ бараній рогъ гнуть. А тамъ одежу себѣ показистѣ сошьешь, галуны надѣлешь, сдѣлаешь себя мужчицкимъ генераломъ, и хуже отъ тебя будетъ зло, потому что ты не ученъ, науки настоящей не произошелъ...

— Откуда ты это ума набралась? усмѣхнулся Васька.—Я отъ бабъ никогда такихъ разговоровъ не слыхала.

— Гдѣ же простой бабѣ про мудреныя вещи знать! Я вѣдь тридцать лѣтъ въ горницахъ выжила; барыня меня почитай какъ родную сестру содержала. О чемъ бывало съ голубушкой не переговоримъ...

— Какъ же ты въ каторгу-то попала? Ты не сердись что я къ слову спросила, сама начала.

— Да вотъ такъ и попала. Разные господа-то бываютъ. Чтѣ про межъ насъ, то жъ и у нихъ, всякіе попадаются.

Старушка поправила ночникъ, дала больному налечься, примостилась поудобнѣе на стулѣ и взяла свой чулокъ.

Замелькали слезы, но старушка видимо уже не могла успокоиться.

— Какъ попала-то?.. ворчливо начала она олять,—ужь вѣстимо не думалось не гадалось что поладу. Отецъ мой былъ камердинеръ, у барина въ любимцахъ состоялъ и на крестницѣ его, въ мастерницахъ въ Москвѣ обучалась, женился. И въ городѣ и въ деревнѣ у нихъ своихъ двѣ комнаты было. Родилась я давно, еще до Француза. Какъ спалилъ Французъ Москву, батюшка-то мой много тогда всякаго добра барину спасъ при домѣ оставшихся. Домъ-то сгорѣлъ, а подвалы уцѣлѣли. Вотъ какъ стали возвращаться, онъ барину все въ цѣлости и представилъ. Сейчасъ его въ дворецкіе пожаловали, пенсію окромя жалованья назначили, а матушкѣ помогли свой магазинъ открыть и всей нашей семьѣ дали вольную. Пятеро всѣхъ насъ было: два мальчика, да три дѣвочки. Я барынѣ старой полюбилась, взяли меня въ домъ нянѣ въ подмогу, и больше мнѣ дѣла не было какъ съ самою маленькою барышней играть. Стала барышня подростать, въ годы входить, а я уже была дѣвушка на возрастѣ. Посватался за меня хорошій человекъ; батюшка съ матушкой благословили, господа въ посаженные назвались, приданое мнѣ справили. Два годика всего прожила я съ мужемъ; померъ онъ, осталась я какъ ума рѣшившись, а тѣмъ временемъ барышню мою тоже замужъ выдали, дочка у ней родилась, я къ ней пришла да и говорю: „Возьмите меня, сударыня, въ нянюшки — больше моего только вы сами дочку свою любить будете“. Она обрадовалась, расплакалась, разцѣловала меня. „Спасибо тебѣ, Степанида, говорить, такъ ты меня обрадовала!“ Зажила я у нея какъ въ раю... Только не долго ей пожить пришлось, мужъ ей непутевый попался. И не льяница, и не картежникъ, а такъ, Богъ его знаетъ, шалый какой-то. Чтò она въ немъ нашла,—не силкомъ ее отдавали, сама выбрала,—мнѣ всегда не вдомекъ было. Изъ себя немного побольше карла, весь-то накрашенный, насурмленный; корсетъ, знаешь чѣмъ дамы-то себя стягиваютъ, чтобы тоньше казаться, носилъ. А насчетъ женскаго пола такъ чтò твой лѣтухъ. Да не на сторонѣ какъ другіе, а все у себя, въ своемъ домѣ. Еще какъ старый баринъ жилъ такъ онъ съ олаской былъ, а какъ не стало барина и пошелъ чертить. Горничныхъ самъ выбиралъ, экономокъ, кружевницъ, бѣлошвеекъ; полонъ домъ бывало этого добра. Не придумаешь бывало какъ Лизаньку,

барышню-то мою, убережь. Про барыню бѣдную и говорить нечего; убивалась она, истаяла вся, а виду не подаетъ. Меня баринъ не трогалъ, и на нашу на дѣтскую половину своихъ шамшурокъ не лускалъ. Девятый годъ Лизанькѣ пошелъ какъ барыня наша захворала, съ постели почитай и не вставала. Началь баринъ къ Лизанькѣ учительницѣ приставлять, да такъ-то ихъ мѣняетъ, то Франдуженку, то Нѣмку найметъ, и сейчасъ ее къ себѣ. Которая его пристыдить да и уйдетъ, которую самъ смѣнить. Поступила наконецъ наша Русская. Изъ себя-то красивая, высокая; глаза большущіе, да злые-презлые. Начала она мою Лизаньку пофдомъ вѣсть: и сидитъ-то не такъ, и поклонилась не этакъ, и вѣсть-то, и пить не умѣетъ. Я молчу, да Лизаньку уговариваю чтобы не перечила. Меня-то мамзель сразу не взлюбила, такъ боялась я какъ бы мою дѣвочку отъ меня не отобрали: какъ дочку родную любила ее. Померла барыня, мамзель еще больше, еще пуще стала Лизаньку гнать, а барина совсѣмъ подъ башмакъ свой забила. Не втерпежь мнѣ стало, пошла я къ нему да и говорю: „Воля ваша, сударь, а мамзель барышню нашу въ гробъ вгонить: щиплетъ ее да толкаетъ; а ребенокъ-то тихій, кроткій“—„Сама ты, спрашиваетъ, видѣла?“—„При мнѣ, говорю, кабы попробовала, такъ я бы не дала; а дѣвочку-то я раздѣваю, такъ вижу“.—„Пустяки, говоритъ, врешь ты все. А не хочешь у насъ жить, ступай. Ты вѣдь вольная“.—„Бога вы, баринъ, не боитесь. Я барыня покойницѣ образъ цѣловала что Лизаньку въ обиду не дамъ, до замужества не оставляю.“ Какъ закричитъ онъ, какъ затопаетъ! „Вонь! духу твоего чтобы не было. Опекунша проявилась какая! завтра со двора съвзжай.“ А мамзель-то слушаетъ. Я въ дѣтскую, она за мной. „Пошла, говоритъ, прочь, ты разчитана!“ Лизанька ко мнѣ кинулась; плачемъ вмѣстѣ, мамзели-то она не слушаетъ. Та и возьми ее за волосики, на руку кудряшки-то ее закрутила, да и тащить... Я свѣту не взвидѣла, схватила графинъ граненый что съ водой стоялъ, да какъ ударю ее по головѣ!.. прямо въ високъ угодила, изъ нея и духъ вонь... Страхъ меня взялъ! „Господи, думаю, неужто убила?“ Шелвельнула ее, водой спрыснула. Не дышетъ! холодать начала. А Лизанька глазки-то свои большіе раскрыла, воззрилась въ нее, да и говоритъ: „Теперь уже она мамой не будетъ!“—„Что ты, голубушка? спрашиваю, какой мамой?“ А она-то вся дрожить, ко мнѣ прижалась. „Уйди скорѣе няня, я скажу что я

ее ударила, меня простятъ, а маленькая; а тебѣ голову отрубятъ!“ Да изъ комнаты тащить меня, плачетъ, трясется вся... Тутъ баринъ пришелъ. Такое поднялось въ домѣ-то, полиція, судъ и разные жандары!... Правда, не нарочно, безъ умыслу я ее убила, а все-таки заповѣдь Божію нарушила, наказаніе повести должна. Все-таки кровь на убійцѣ какъ на Каинѣ, а Каина самъ Господь не простилъ. Весь родъ его въ Египто-повъ обратилъ; по сю пору черными ходять.“

— Это арапы-то? они отъ Хама!

— Нѣтъ, Василій. Отъ Хама всѣ что въ неволѣ родятся, а отъ Каина всѣ черные люди пошли. Они и у Ноя въ ковчегѣ не были, а такъ на горѣ на одной парочка въ пещеркѣ спаслась. Оттого они и людей вѣдятъ что у Ноя-то въ ковчегѣ провизія была, а они человѣчьимъ мясомъ питались. Старецъ мнѣ одинъ про это разказывалъ. Не простой старецъ. Онъ въ этой странѣ былъ, куда архангелъ Адама да Еву изъ рая прогналъ. И пещеру ту ему видѣть привелось; кости человѣческія, тѣхъ самыхъ что на снѣдъ пошли, такъ о сю пору не разсыпались, лежать черныя какъ уголь и земля ихъ не беретъ.

— Спасибо тебѣ, Божья старушка, неожиданно проговорила Васька,—разговорила ты меня. Какъ будто полегчало и въ головѣ-то просвѣтлѣло. На сонъ клонить.

— Засни. Коли сонъ человѣку приходитъ, значитъ бѣсъ-то отъ него отошелъ. Я вотъ молитвочку за тебя такую прочту да и сама прилягу.

— А ты бы въ слухъ... пробормотала Васька.

Старуха стала на колѣни, сложила свои сморщенные худыя руки и слабымъ голосомъ начала 37й псаломъ: *Господи, да не яростию Твоею обличили меня, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша меня...*

Когда раздался слова: *озлобленъ быхъ и смирихся...* Васька приподняла голову и подъ конецъ повторивъ, вслѣдъ за Степанидой: *Господи Боже мой, не отступи отъ мене...* тихо заснула.

Утромъ никто, кромѣ Стороженка и Неломнящаго, не взглянулъ къ Василю, хотя всѣ уже вернулись съ новаго прииска. Всѣмъ было не до Васьки; золото пошло такъ что на первой съемкѣ было олатъ около двухъ фунтовъ. Старательская работа, переведенная съ кубиковъ на золотники, была черезчуръ заманчива. Могли вдругъ дойти до увала, а хозяева объявили что трое сутокъ подъ радъ будутъ разчиты-

вать старательскую работу по золотникамъ, желая возможно скорѣе дойти до максимумъ содержанія. Работали взапуски, съ глѣвными которыя дѣйствовали на Зарѣза угнетающимъ образомъ. Теперь только онъ сознавалъ свое ничтожество даже въ глазахъ рабочихъ, а прежде былъ увѣренъ что за Ваську вся артель вступится какъ одинъ человекъ. Ему казалось непонятнымъ что его это не злитъ и не возмущаетъ. Первая горячка, которою захворалъ Василиій, ослабила его, и простая бесѣда Степаниды, которую въ другое время онъ и слушать бы не сталъ, сильно на него подѣйствовала. „Должно-быть замолила за меня Божья старушка“, думалось ему. Къ вечеру навѣстилъ его Павелъ Чижъ, въ сопровожденіи Непомнящаго.

— Какъ тебѣ, Василиій, полегчало ли? Мнѣ приказано твои вещи собрать, да въ амбаръ на храненіе сдать, такъ ты не сумлѣвайся. Я ничего не ворошилъ, а склалъ въ мѣшки да печать конторску приложилъ, вотъ при немъ приложилъ.

— Спасибо! ты не позарисься, отвѣтилъ больной.—Что у васъ тамъ? какъ золото?

— Шибко пошло. Баятъ, дойдемъ до увалу.

— Моеть-то кто?

— Алексѣй Сибирякъ, да еще двое проявилось, ну тѣ поплоше будутъ. Бывай здоровъ. Коли что скажи—сдѣлаю.

— Спасибо. Теперь мнѣ не о мирскомъ думать, не встану пожалуй, слабость одолѣла.

— Богъ дастъ поправишься. Вотъ докторъ, говорятъ, скоро пріѣдетъ.

Павелъ ушелъ, а Непомнящій сталъ устраиваться на ночь.

— Развѣ Степанида не прідетъ? тревожно спросилъ его больной.

— Сама расхворалась. Господа за ней ухаживаютъ. Тоже дежурство промежъ себя устроили.

— Божья старушка, оправила меня вечеръ. Я такой еще не видывалъ.

— Это ты правильно. Какъ въ молитвѣ Ефрема Сирина упоминается, такъ къ ней и приложено: смиренномудрія, терпѣнія и любви преисполнена.

— Что ты, Непомнящій, не считаешь ли мнѣ? все равно про себя читать будешь.

— Хочешь почитаю, да только книга-то у меня не гражданская.

— Гражданскихъ я и самъ не мало читывалъ. Костенъшесть отъ нихъ. Я отъ того и попросилъ что вчера мнѣ Степанида псаломъ читала: говорить, много такихъ псалмовъ есть.

— Псалмовъ всѣхъ полтораста. Писалъ ихъ царь Давидъ. Я ихъ тебѣ и наизусть многіе прочесть могу. Слушай!

На третьемъ псалмѣ Василій крѣпко заснулъ. Искуснымъ чтеніемъ слылъ Непомнящій, да только одного не хватало въ его чтеніи: той теплой, беззавѣтной вѣтры, которая давала Степанидѣ возможность тронуть даже Зарѣза.

А бѣдная Степанида, еще наканунѣ ухаживавшая за больнымъ, сама нуждалась въ уходѣ. Много взяла она на себя съ переѣзда на пріускъ. Черезчуръ старательно относилась она къ своему дѣлу. Ни холодъ раннею весной, ни вѣтры и дожди не могли удержать ее въ теплой комнаткѣ. Она и кладовую въ порядкѣ содержала, и обѣдъ господамъ готовила, и за коровами приглядывала, и въ амбарѣ забѣгала къ великой претензіи Никиты, и за больными ухаживала. Да и покушеніе Васьки на жизнь Нилова ужъ очень ее перевернуло. Слегла старушка, а тутъ господа сами стали за ней ухаживать. Значить не простая у нея хворь, должно-быть болѣзнь какая тяжелая. Смерти она не боялась, но ужъ очень не хотѣлось ей умереть безъ налутствія. Крѣпилась она день, другой, видитъ не легчаетъ ей и рѣшилась обратиться къ Термину.

— Дмитрій Павловичъ, простите старуху, хлопотъ я вамъ обоимъ надѣлала, а все еще у меня просьба есть.

— Говори скорѣе, няня, какая просьба. Сейчасъ исполнимъ.

— Очень бы мнѣ священника хотѣлось повидать. Позволь чтобъ Андрей Гаврилычъ подводу нанялъ, да письмецо въ городъ написалъ. Только деньги я сама заплачу, на такое дѣло нельзя иначе.

— Писать не нужно: чрезъ три дня Николай Павловичъ къ намъ пріѣдетъ, а съ нимъ общалъ отецъ Яковъ быть. Коля уже здѣсь, да тебя потревожить не хотѣлъ, оттого и не ходилъ.

— Батюшка, лозови ты его. Какое тутъ безпокойство! Ишь что придумали! Скоро совсѣмъ усложоюсь и рада была бы на милыхъ поглядѣть, да нельзя будетъ. Пожалуста лозови, да пусть одинъ ко мнѣ прідетъ, у меня къ нему слово есть.

Когда Коля вошелъ къ больной, она попросила его притворить дверь полотною, и начала его просить чтобъ онъ,

не говоря хозяевамъ прииска, написалъ бы сейчасъ, не откладывая, Ольгѣ Петровнѣ что старая Степанида молъ очень плоха, на ладонь дышетъ и слезно просить ее не отказать и пріѣхать проститься. „Пиши, соколикъ, очень просить, именемъ Божиимъ, и дѣло важное передать имѣеть, такъ и напиши и самъ пошли, или Стороженку попроси, онъ для меня сдѣлаеть, а господамъ не говори, пусть и не знаютъ.“

Когда въ точности исполнилъ ея порученіе, и инородецъ, которому Стороженко послудилъ бутылку спирту, обѣщалъ трехъ лошадей по улусамъ перемѣнить, но ѣхать не отдыхая.

На другой день было получено извѣстіе что горный ревизоръ, вернувшійся въ городъ изъ объѣзда, выѣзжаетъ для отвода новаго прииска. А старый приискъ, какъ будто не желая отпускать свое населеніе, давалъ золота все больше и больше. Съемка дошла до пяти фунтовъ въ день, что на пятьдесятъ человекъ рабочихъ бываетъ очень рѣдко.

X.

Цѣлыхъ пять троекъ пріѣхало разомъ на Ивановскій приискъ. Горный ревизоръ Золотимскаго округа, маленькій, толстый, въ золотыхъ очкахъ едва державшихся на его крошечномъ носикѣ, человекъ, едва выйдя изъ своего, приспособленнаго къ тайгѣ тарантаса, просилъ позволенія перемѣнить туалетъ. Его нагнали экипажи Горскихъ, и узнавъ что ѣдутъ дамы, онъ не рѣшался показаться имъ въ своемъ дорожномъ *déshabillé*. Стороженко проводилъ его въ контору. Горный исправникъ, отправлявшійся въ объѣздъ, нарочно началъ съ Ивановаго прииска, такъ какъ не хотѣлъ упустить случая солугствовать Ольгѣ Петровнѣ, пріѣхавшей вмѣстѣ съ Вѣрой. Николай Павловичъ посадилъ съ собой отца Якова, который обѣщалъ освятить новооткрытый приискъ, и Иеремію, предложившаго свои услуги въ качествѣ леаломника. По дорогѣ присоединился къ повѣзду и Таркизь съ Варенькой, давно уже собиравшійся посѣтить „молодыхъ бояръ“.

Какъ Павлу Чижу ни претила должность повара, но скрѣпя сердце, онъ еще наканунѣ предложилъ свои услуги. Его призвала Степанида и прямо сдала ему ключи отъ кладовой...

— Посмотрю я, лутный ли ты человекъ? сказала она.—Къ господамъ гости надуть, а безъ ногъ, окромѣ тебя никто ничего сготовить не сумѣетъ. Коли добро да ласку помнишь, выручай! Умѣлъ на Святой синенькую взять, зарабатывай красненькую, да и мое спасибо. Умиращаго порадуешь, сто грѣховъ простится.

Нечего было дѣлать, Чижъ надѣлъ фартукъ.

Ниловъ и Терминъ встрѣтили дорогихъ гостей за версту отъ построекъ. Оба они ничего не знали о Колиной эстафетѣ и не поняли изъ словъ горнаго ревизора о какихъ дамахъ онъ толкуетъ. Сильно забилось сердце у Нилова когда онъ увидѣлъ знакомую соломенную шляпу съ бѣлымъ перомъ.

„Неужели Ольга?“ мелькнуло у него въ головѣ, и онъ, какъ семнадцатилѣтній юноша, кинулся ко второму тарантасу мимо Горскаго и отца Якова, выѣзжавшихъ изъ перваго.

— Очень рады? немного рѣзко спросила его Вѣра, и сама перекофузилась отъ своей невольной выходки.

— Такъ радъ что и оказать не сумѣю, откровенно отвѣтилъ Ниловъ, высаживая обѣихъ.—Какая вы милая, Вѣра Николавна, вѣрно вы уговорили лалашу взять вась съ собой?

— И не думала! правда, мнѣ очень хотѣлось, да я просить бы не рѣшилась. Еслибы не письмо Степаниды, мы бы никогда не прѣѣхали.

— Какая ты, Вѣра, болтушка бываешь, накинулся на нее подбѣжавшій Коля,—такъ это даже удивительно!

— Я, право, не знала что это секретъ!

— Ничего, Вѣра, не оторчайся, утѣшила ее Ольга,—я все равно о письмѣ бы сейчасъ же разказала.

Къ нимъ подошелъ Терминъ, тоже не мало удивленный прѣздомъ дамъ. Таркизъ съ Варенькой держались въ сторонѣ, не рѣшаясь подойти къ говорившимъ.

— Петръ Акимычъ! Варенька! привѣтствовалъ ихъ Коля и кинулся къ нимъ:—привезли Домажгиря?

— Какже, Никола Николычъ! Варынька трехъ лошадей загналъ, сама разыскала. Вотъ прѣѣхалъ!

— Молодецъ, Коля! Намъ съ Дмитриемъ и въ голову не пришло узнать не прѣѣхалъ ли Домажгирь, сказалъ Ниловъ.—Только вотъ бѣда! Согласится ли Степанида у него лѣчиться?

— Это ужъ я на себя беру, вступилась Ольга.—Меня она вѣрно послушаетъ. Мнѣ она вѣрить.

Всѣ пошли лѣшкомъ къ пріиску. Ниловъ съ Ольгой незамѣтно остались въ послѣдней партіи. Коля съ жаромъ разказывалъ Вѣрѣ свои тайновыя похождения; Горскій разспрашивалъ Термина о работахъ и удивлялся любезной предупредительности горнаго ревизора, который не полѣнился ускорить отводъ пріиска и тѣмъ давалъ возможность еще съ осени поставить работы.

— Не удивляйтесь, Николай Павловичъ, говорилъ горный исправникъ, — что нашъ ревизоръ послѣдилъ. Изъ канцеляріи генераль-губернатора — пріятелей-то у него тамъ много — писмецо получилъ. Молодыми-то хозяевами нашими въ Петербургѣ особы какія-то интересуются и нашего „самого“ объ нихъ просили. Ну, повѣстно, узналось объ этомъ, и теперь всякая жалоба на задержку или промедленіе безслѣдно не пройдетъ.

— Впрочемъ, у него и заявокъ въ этомъ году очень мало. Я думаю ему и выѣзжать больше не придется.

— Здѣсь-то ему скоро не вырваться. Я слышалъ что и Ковалевъ, и Уткинъ, и Слемина ужъ послали свои партіи чтобъ остатки ваши захватить.

— Не много имъ останется, замѣтилъ Терминъ. — Первый участокъ заявленъ Ниловымъ, второй Николаемъ Павловичемъ, съ двухъ концовъ мои, а больше тамъ и сибиророха не найдуть. Мои двѣ заявки не составляютъ и половины одного полнаго отвода, поэтому я всѣ лога заявилъ.

— И всюду шурфа пробиты и столбы поставлены?

— Еще бы! мы взяли людей не отсюда. Здѣшніе работали только на участкѣ Нилова, а то съ разныхъ мѣстъ. Никита набиралъ.

Стороженко, не дожидаясь приказаній, самъ распорядился на скорую руку прибрать почище пріисковый поселокъ. Для большинства рабочихъ пріѣздъ хорошихъ господъ, да еще и дамъ, былъ явленіемъ необычайнымъ и многіе изъ нихъ, пользуясь обѣденнымъ временемъ, переодѣлись и почистились. Весь пріискъ сразу принялъ такой праздничный видъ что не только гости были пріятно удивлены чистотой и порядкомъ, но даже и хозяева, привыкшіе къ умѣнью рабочихъ приспособляться къ обстоятельствамъ, были поражены этимъ своего рода тактомъ. Браки, говору не было слышно вовсе, ихъ замѣнила чинная сдержанность.

Ольга прошла прямо къ Степанидѣ, которая встрѣтила ее радостными слезами. На предложеніе посовѣтоваться съ Домажиремъ она только усмѣхнулась.

— Чтѣ жь! пуцай попробуетъ. Только напрасно ты думаешь, голубка моя, что мнѣ люди помочь могутъ. Время мое пришло, зоветъ къ себѣ Господь рабу грѣшную, и никто-то меня не лодыметъ. Я сегодня и Лизаньку вослѣ видѣла. „Я, говоритъ, няня давно тебя жду. Ты за мое здоровье молилась, а я уже здѣсь, гдѣ ни болѣзней, ни печали нѣту.“

Домажирь осматрѣлъ больную и объявилъ что помочь онъ можетъ, но лишь на время.

— Ея болѣзнь — старость и слабость. Силы немножко ей прибавить можно, а старость на молодость смѣнить нельзя.

Онъ приготовилъ ей литье и посовѣтовалъ сдѣлать ванну.

Какъ ни возставала Степанида, какъ ни упрашивала бросить это дѣло, но ее слушать не стали. Наличные, доморощенные столяры и плотники живо принялись за работу, объявляя что къ вечеру ванна хотя и некрасивая, но будетъ готова.

О своемъ секретномъ дѣлѣ Степанида не захотѣла говорить сразу.

— Поди, голубушка, погуляй, сказала она Ольгѣ. — Вечеркомъ я тебя позову когда всѣ улягутся, а теперь не время. Если меня не послушаешь, и я тебя слушать не стану. Отецъ Яковъ пріѣхалъ, я теперь совсѣмъ покойна. Безъ напутствія не умру; со всѣми вами попрощаться услѣю. Такъ теперь легко на душѣ стало что и разказать тебѣ не сумѣю. Значитъ Господь меня простилъ.

И къ Зарѣзу сводили Домажиря, и тому далъ онъ лѣкарство, причемъ объявилъ что онъ хотѣ завтра можетъ встать. Зарѣзъ, узнавъ о пріѣздѣ гостей и дамъ, первымъ долгомъ, къ удивленію Непомнящаго, спросилъ, догадались ли собрать цвѣтотъ и сдѣлать букеты. Это идиллическое отношеніе къ гостямъ было передано Нилову, который разрѣшилъ исполнить его совѣтъ, и Непомнящій съ однимъ изъ рабочихъ отправился въ лѣсъ собирать цвѣты.

Обѣдали на открытомъ воздухѣ, такъ какъ маленькая столовая не могла бы вмѣстить такого многочисленнаго общества. Павелъ отлучился, и изъ скудныхъ запасовъ состряпалъ такой обѣдъ что горный ревизоръ, охотникъ покушать и имѣвшій солидныя понятія о гастрономіи, пришелъ въ восторгъ.

Послѣ обѣда ревизоръ предложилъ Ольгѣ разказать ей всѣ подробности золотого дѣла. Нилому это было очень не по душѣ, такъ какъ онъ самъ хотѣлъ заняться этимъ, но дѣлать было нечего. Всѣ пошли въ разрѣзъ, и лишь только подошли къ сходамъ, какъ Стороженко, Алеша и Никита поднесли большіе букеты душистыхъ цвѣтовъ, невиданныхъ Ольгой, такъ какъ на горахъ попадають сорта перенесенные вѣтромъ и лгцами съ южныхъ китайскихъ склоновъ Саяна и Алтая. Огромныхъ размѣровъ душистый львиный-зѣвъ и особая порода желтыхъ сильно пахучихъ лилій привели Вѣру въ восторгъ. Коля, уже изучившій немудрую технику мытья лесковъ на корытахъ, отвелъ Вѣру и Вареньку отъ ораторствовавшего ревизора и объяснялъ имъ процедуру работы прикладывая теорію къ практикѣ.

Онъ взялъ кайлу и началъ усердно работать, предложивъ имъ обѣимъ проходить вдоль корыта съ грабельками. Его идея нагляднаго обученія всѣмъ понравилась, и къ негодованію ревизора, все общество размѣстилось у двухъ корытъ и начало пресерьозно работать. Не прошло и полчаса какъ всѣ жестоко устали, и со смѣхомъ и шутками приступили къ сѣмкѣ.

Когда Коля ставшій на шаггердъ за промывальщика, приступилъ къ отбивкѣ, ревизоръ ахнулъ: на шаггердѣ оказалось болѣе десяти золотниковъ.

— Да вы, господа, въ сорочкахъ оба родились! крикнулъ толстенькій человѣчекъ. — Я думалъ вы со мною шутите, а вѣдь вы дѣйствительно на увалѣ работаете.

— Ваше выскродіе, доложилъ Стороженко, — на трехъ корытахъ до камня дошли; не угодно ли взглянуть.

Изъ почвы высовывался углубившійся въ нее громадный камень аршинъ въ десять длины. Начали обходить его траншеей съ одной стороны чтобъ узнать его ширину. Оказалось болѣе четырехъ аршинъ. Изъ траншеи принесли нѣсколько штукъ маленькихъ самородковъ, которые были собраны прямо въ ручную и служили доказательствомъ что подъ камнемъ, или за нимъ, можно встрѣтить наибольшее содержаніе золота, такъ какъ почва за камнемъ начинала подыматься. Ревизоръ сознался что ему за все время службы ни разу не приходилось имѣть дѣло съ такимъ каменнымъ препятствіемъ, и на общемъ совѣтѣ было рѣшено попробовать разбить камень при помощи нѣсколькихъ взрывовъ. Штейнъ, получивъ три измѣренія

камня и свѣсивъ отколотый, довольно правильный кубическій кусокъ, вычислилъ приблизительно вѣсъ всей глыбы. Съ двухъ сторонъ начали долбить углубленіе для засылки двухъ зарядовъ и подкапываться подъ камень для закладки самой большой мины, разчитывая что монолитъ если и не приподымется, то непременно треснетъ на нѣсколько кусковъ.

На пріискѣ былъ большой запасъ пороху, который возбуждалъ не мало насмѣшекъ со стороны сосѣдей, увѣрившихъ что новыми золотобромышленниками изобрѣтены способы добывать золото взрывая почву. Цѣлый вечеръ былъ посвященъ на приготовленія, а Алексѣй мылъ да мылъ песокъ добытый кругомъ камня и, одинъ, на простомъ вашгердѣ, намылъ около фунта золота, которое отличалось отъ прежняго величиной золотинъ и кусочками кварца со вкрапленными въ него золотыми прожилками.

Хозяева, гости и рабочіе, всѣ были въ лихорадочномъ нетерпѣннѣи. Только Ольга и Вѣра не принимали участія въ общемъ возбужденіи; ихъ гораздо больше занимала ванна которую къ вечеру изготовили и распарили. Какъ ни отговаривалась Степанида, но Вѣра и Варенька перенесли ее въ ванну, соблюдая всѣ указанія Домажгиря, вылившаго въ ванну цѣлый котелъ наваренныхъ имъ травъ. Старуха почувствовала себя „обновленною“ и прибодрилась, а Домажгирь объявилъ Ольгѣ что ее можно смѣло везти въ городъ, гдѣ Вельшъ окончателно рѣшить, удастся ли поставить ее на ноги.

— Я полагаю, сказалъ онъ,—что она теперъ какъ лампада въ которой еще нашлось немножко масла и фитиль его потянулъ. Начнетъ желудокъ работать—опять жить будетъ, а не начнетъ, тогда тихо догоритъ и потухнетъ!

Рѣшено было что Таркизъ дастъ свой тарантасъ, и Ольга съ Вѣрой при помощи Іереміи и Домажгиря повезутъ ее завтра же въ городъ.

Поздно вечеромъ кончили приготовительныя работы ко взрывамъ монолита. Ревизоръ настолько заинтересовался предстоящимъ результатомъ увала, которые рѣдко встрѣчаются на россыляхъ съ бѣднымъ содержаніемъ, что, вопреки своему обыкновенію коротать время за картами или въ бесѣдахъ на раслашку за бутылками, пустился въ горячія разсужденія о золотомъ дѣлѣ. Штейнъ ему оппонировалъ.

— Чтѣ вы говорите, господа, вмѣшался въ ихъ споръ Горскій,—а я стою за единственную теорію, которая не проти-

ворѣчить тому что даетъ намъ практика. Ея придерживается и Гумбольдтъ. Громадные потоки одни могли образовать розсыли, и изучая наслоенія вы какъ бы присутствуете при ихъ образованіи. Вода и ледъ разрушили вершины горныхъ хребтовъ и несли массы камней и разныхъ рудъ, которыя, при страшномъ треніи, дробились и перетирались почти въ пыль. По мѣрѣ того какъ ослабѣвало теченіе, болѣе тяжелыя частицы осадились первыми, на гладко отлодированныя водою русла, образовавшіяся въ ущельяхъ и долинахъ. Весь вопросъ въ томъ: какихъ именно хребтовъ вершины были разрушены: эти ли, которыя насъ окружаютъ, или тѣ которыя лежатъ южнѣе.

— Позвольте, Николай Павловичъ! перебилъ ревизоръ, — въ послѣднемъ случаѣ придется допустить что все пространство между Гималаями и Алтайскимъ и Саянскимъ хребтами было покрыто водою на громадную высоту, и эта, хотя измельченная, но все-таки, по удѣльному вѣсу, страшно тяжелая масса шла выше средней высоты Алтай и Саяна, чтобъ имѣть возможность осадиться здѣсь, по сию сторону хребтовъ?

— Не только здѣсь, но даже далѣе, почти вплоть до Ледовитаго океана. Вы бывали въ Туруханскѣ, вѣдь и тамъ полагается золото.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Штейнъ, — пока вы мнѣ, господинъ ревизоръ, въ здѣшнихъ хребтахъ не укажете тѣхъ самыхъ каменныхъ породъ которыя мы встрѣчаемъ въ розсыляхъ, вы мнѣ не объясните какимъ образомъ, откуда онѣ здѣсь очутились, а между тѣмъ на Гималаяхъ и во всѣхъ отрогахъ его онѣ полагаются. Тамъ жильное золото есть, здѣсь его нѣтъ.

— Есть ли оно тамъ, это тоже вопросъ! Неужели вы думаете что еслибъ оно тамъ было, Англичане не стали бы его разрабатывать.

— Что они желали бы, это несомнѣнно, но могутъ ли—это другой вопросъ. Покуда Индія въ рабствѣ, выжиманіе оліума для Англичанъ тѣ же золотыя розсыли, имъ незачѣмъ затрачивать громадные капиталы на розыски жильнаго золота по недоступнымъ, даже для нихъ, Гималайскимъ вершинамъ.

— Но вѣдь на Уралѣ есть жильное золото? спросилъ Терминъ.

— На Уралѣ есть, это безспорно, и поэтому въ уральскихъ розсыляхъ вы встрѣчаете всѣ тѣ же породы которыя попадаютъ на окружающихъ вершинахъ, отвѣтилъ Штейнъ.— Я полагаю что Уралъ представляетъ собою остатки хребта который былъ гораздо выше теперешняго, а вершины его были смыты во время одного изъ потоповъ, и смыты, если смотрѣть сверху, съ запада на востокъ; вотъ почему на всемъ Уралѣ розсыли встрѣчаются только въ его сибирской половинѣ, а на европейскомъ склонѣ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

— Вы изволите говорить о томъ что въ окружающихъ насъ вершинахъ нѣтъ тѣхъ породъ которыя попадаютъ въ розсыляхъ. Но кто изслѣдовалъ эти вершины? никто-съ! Когда я пріѣхалъ еще молодымъ человѣкомъ въ Барнаулъ и былъ на работахъ на одномъ изъ кабинетскихъ заповѣдныхъ участковъ, мнѣ пришла блестящая мысль. Я ее изложилъ въ формѣ разработаннаго проекта и взявъ отпускъ махнулъ въ Петербургъ. Послѣ долгихъ ожиданій въ пріемной министра, а наконецъ удостоился бесѣды съ его высокопревосходительствомъ, но увы! они меня выслушали до половины, затѣмъ усмѣхнулись и простились, хотя проектъ мой оставили у себя, съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ ревизоръ.

— Въ чемъ же заключался вашъ проектъ? спросилъ Штейнъ.

— Мысль моя была, доложу вамъ, довольно смѣлая, но она давала возможность сразу разъяснить вопросъ о происхожденіи розсылей. Я проектировалъ выбрать гору, лежащую близъ самаго богатаго изъ когда-либо разрабатывавшихся приисковъ, обнажить ее всю отъ лѣсу и земли, а затѣмъ, при помощи взрывовъ, разрушить ее постепенно. При этомъ выяснилось бы все ея внутреннее содержаніе и никакіе прожилки не ускользнули бы отъ наблюдателей!

Всѣ переглянулись едва удерживаясь отъ смѣха. Даже Коля сообразилъ всю нелѣпость проекта и удивленно раскрылъ глаза.

— Но это стоило бы громадныхъ денегъ! воскликнулъ Штейнъ.— Это труднѣе постройки египетской пирамиды!

— Громадность, слово относительное-съ! Для казны два милліона не суть громадные деньги, въ виду важности разрѣшенія такого научнаго и практическаго вопроса, а болѣе по расчету не требовалось. Вы только представьте себѣ, еслибъ я открылъ жилу золота! Какъ бы ни была она мала, все-таки покрыла бы затраты.

— А еслибы не нашли, что, согласитесь, гораздо правдоподобнѣе?

— Все-таки я рѣшилъ бы разъ навсегда научный вопросъ. Европа была бы изумлена такимъ смѣлымъ опытомъ, и честь разрѣшенія вопроса принадлежала бы нашему отечеству.

— Такъ вы и не получили отвѣта изъ Министерства?

— Никакого-съ! мой проектъ остался у его высокопревосходительства, и даже мое ближайшее начальство не знало что я подавалъ проектъ самому господину министру.

— Я думаю, замѣтилъ Горскій, — вы были благодарны министру что онъ оставилъ проектъ у себя.

— Очень-съ. Или явились бы завистники, или меня сочли бы выскочкой, а послѣдствія были бы въ обоихъ случаяхъ для меня неблагоприятны.

Размѣстивъ гостей, причемъ Ольга Петровна, Вѣра и Варенька заняли комнату рядомъ со Степанидой, хозяева отправились въ разрѣзъ, гдѣ застали Стороженка и Алешу, которые сидя на камнѣ разсуждали о предстоящемъ взрывѣ. Новый промывальщикъ оказывался гораздо честнѣе нежели бывший фаворитъ Стороженка, Васька, и посвящалъ свое начальство во всѣ штуки на которыя пускаются промывальщики желающіе своровать золото.

— Первое дѣло сало на подошвахъ, а еще лучше коли подошвы у сапоговъ толстыя, такъ клапанчикъ такой вырѣжутъ чтобы внутрь только открывался. Наступить на золото, да ногой и поведетъ. Золото-то въ клапанъ и набьется. А самородокъ при промывкѣ попадется, рабочій такъ лопаткой поддастъ что самородокъ-то какъ пуля шаговъ за тридцать отлетитъ; потомъ и подыметъ. Если золото не очень мелко, глотаютъ его тоже, только ежели много съѣсть, съ непривычки умереть можно. Не то еще въ вашгердѣ планочку подвижную сдѣлаютъ, да ею въ водяной ящикъ и сдвигаютъ золото, или щель раздвижную устроятъ. Прикащикъ хорошій непременно каждый день вашгердъ вывѣрять долженъ и слоднизу тоже осматривать. Щетки тоже съ фокусомъ бываютъ: нѣсколько пучечковъ волоса смажутъ салцемъ у самого корня, да шерстинками перелетутъ; много золота набить можно. На Уралѣ да у Киргизовъ въ стеляхъ, тамъ бываетъ золото какъ пыль, на водѣ плаваетъ, такъ то стянуть трудно, дай Богъ отбить. Чуть воду сильно пустилъ, все въ хвостахъ будетъ. Шлихъ лежитъ, а золото тью-тю! уплыло начисто, и ворочай всѣ

хвосты назадъ. Еще хорошо какъ догадаешься у вапгерда пристулокъ сдѣлать, да доски нашершить чтобы больше держали, а то въ песокъ уйдетъ на земь, и въ хвостахъ не найдешь.

— Что, Гаврилычъ, доволенъ новымъ промывальщикомъ? спросилъ Стороженка Ниловъ.

— Очень доволенъ, ваше выскородіе, не чета Васькѣ. Осмѣюсь доложить какая Васькѣ резолюція будетъ?

— Мы рѣшили дѣла не начинать. Онъ, говорятъ, поправляется, такъ ты ему скажи что горный исправникъ здѣсь, но мы подѣ судъ его отдавать не хотимъ, считаемъ что его пристулокъ сдѣланъ имъ не въ своемъ умѣ. Можетъ получить разчетъ и идти на всѣ четыре стороны. По закону, если его будутъ судить, то ояъ на каторгу попадетъ; ну, а Дмитрій Павловичъ его достаточно образумилъ.

— Степанида очень его въ чувство привела, замѣтилъ Стороженко.—Точно другой человекъ сталъ. Да и болѣзнь здорово перевернула. Узнать нельзя.

— Что-то завтра Богъ дастъ, Гаврилычъ?

— Алеша говорить побольше луда намоемъ. Очень бы это счастливо было, ваше вскородіе, съ такого плохаго прииска хорошія деньги получить. Городскіе страхъ надъ нами смѣялись что мы на брошеномъ приискѣ работы ставили.

— Много, баринъ, такихъ приисковъ есть, вставилъ Алексѣй и свое замѣчаніе,—отъ жадности ихъ побросали, все сразу разбогатѣть хотять. Думается, мнѣ еслибы лочаще изъ Россіи сами господа пріѣзжали, много бы золота изъ здѣшнихъ земель добыли.

XI.

Рано утромъ всѣ были на ногахъ. Груды промытыхъ песковъ и палки были тщательно отброшены отъ камня, и почва была выметена какъ полъ; корыта убраны подальше на случай паденія осколковъ при взрывѣ, и Ниловъ какъ бывший артиллеристъ, при помощи Штейна и Иереміи, тщательно изготовлялъ столпны для передачи огня минамъ. Нужно было такъ разчитать горніе чтобы взрывы произошли одновременно, для сильнѣйшаго разрушительнаго дѣйствія на монолитъ; Терминъ съ горнымъ инженеромъ, при помощи Стороженка и Алеши, самъ зарядилъ всѣ три мины. Рабочіе толпились надъ разрывомъ, и среди нихъ виднѣлась блѣдная,

осунувшаяся физиономія Васьки Зарѣза, который впервые вышелъ изъ больничной комнаты. Никита разказывалъ ему весь ходъ работъ съ того дня какъ онъ слегъ, и Васька внимательно наблюдалъ за приготовленіями. Его ухарства какъ не бывало, онъ молча и серьезно слушалъ и наблюдалъ.

Когда къ разрѣзу подошли дамы, онъ сходилъ въ контору и принесъ оттуда три стула. Казакъ Иванъ не мало изумился, увидя его направляющимся къ конторѣ, но не успѣлъ нагнать какъ тотъ вышелъ со стульями. Иванъ, видя что Васькѣ не подъ силу тащить стулья ослабѣвшими руками, помогъ ему донести ихъ.

Горскій съ Колей и отцомъ Яковомъ тоже присоединились къ дамамъ. Горный исправникъ, на правахъ начальства, спустился въ разрѣзъ и началъ помогать совѣтами, но вопіялъ напрасно, и чрезъ нѣсколько минутъ все было готово. Ниловъ, Терминъ и Стороженко, дождавшись когда остальные вышли изъ разрѣза, по командѣ Нилова зажгли столпны и поднялись наверхъ. Бѣловатый дымокъ курился тремя трубками у камня, и Ниловъ, опасаясь обваловъ, попросилъ гостей отойти подальше отъ разрѣза.

Прошло минуты три томительнаго ожиданія; Коля толтался на мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Терминъ, на часахъ котораго былъ секундомѣръ, держалъ ихъ въ рукахъ.

— Дмитрій Павлычъ, скоро? не выдержалъ Коля.

— Еще двѣ минуты, отвѣтилъ Терминъ среди общаго молчанія.

Ниловъ сталъ около Ольги Петровны, заслоняя ее отъ разрѣза; Коля, замѣтивъ этотъ маневръ, сталъ около Вареньки.

— Полминуты! сказалъ Терминъ среди общаго молчанія.

Всѣ три бѣловатыя полоски продолжали куриться освѣщаемыя солнцемъ, которое только-что заглянуло въ разрѣзъ.

Терминъ поднялъ голову отъ часовъ, почти въ ту же секунду грохнулъ ударъ и точно сѣрая пелена разостлалась надъ разрѣзомъ, затѣмъ ее словно прорвалъ и всколыхнулъ второй оглушительный взрывъ, но третьяго не послѣдовало. Бѣлый, густой, съ черноватымъ подбоемъ, дымъ клубомъ засталъ разрѣзъ и тихо потянулся кверху.

— Такъ я и думалъ что нижній столпны слѣдовало сдѣлать иначе! съ досадою крикнулъ Ниловъ.—Его придавило верхнимъ взрывомъ, и онъ вѣроятно потухъ.

— Еще неизвестно. Быть-можетъ въ немъ медленно глѣветъ трупъ и придется подождать минуты три, замѣтилъ Терминъ.

— Пала, а вѣдь камень треснулъ на нѣсколько кусковъ. Я вижу трещину отсюда, сказалъ Коля, который смотрѣлъ въ бинокль.

— Если треснулъ, то послѣдній взрывъ можетъ подбросить осколки вверхъ. Нужно всѣмъ отойти еще дальше.

— Ваше выскбродіе, осмѣлюсь доложить, сказалъ Стороженко, — позвольте мнѣ сходить посмотреть и новый столпъ заложить.

— Подождать нужно, Гаврилычъ, не дай Богъ взорветъ еще, такъ мы и кусковъ твоихъ не соберемъ: шутка сказать, тамъ два пуда заложено, сказалъ Пилонъ.

— Назадъ! назадъ!.. ты съ ума сошелъ, Василиі!.. закричалъ Терминъ, но Васька Зарѣвъ былъ уже въ разрѣзѣ и бѣжалъ по направленію къ камню. Видно было какъ онъ размахивалъ рукой, раздувая большой кусокъ трута, затѣмъ онъ скрылся за камнемъ и черезъ нѣсколько секундъ кинулся бѣгомъ въ сторону. Онъ не пробѣжалъ и ста шаговъ какъ раздался страшный гулъ и трескъ, земля дрогнула у всѣхъ подъ ногами, черные и синеватые клубы дыма вновь заволокли весь разрѣзъ, и оглушительные раскаты загремѣли въ горахъ, повторяясь по всѣмъ направленіямъ. Не скоро разсѣялся дымъ, не скоро пришли въ себя пораженные неожиданно выходкой Зарѣва многочисленные зрители, и когда дымъ разнесло настолько что можно было различать предметы, всѣ сразу увидѣли Зарѣва стоявшаго на колѣняхъ. Въ самый моментъ взрыва онъ слоткнулся, улалъ, и только благодаря этой случайности остался живъ, такъ какъ на три шага впереди лежалъ большой осколокъ монолита, которымъ онъ былъ бы убитъ на мѣстѣ.

— Молодецъ, Василиі! невольно крикнулъ Стороженко, а за нимъ и многіе изъ рабочихъ.

Молодечество, въ какой бы безумной или бессмысленной формѣ ни выражалось, всегда находитъ сочувствіе въ простомъ русскомъ человѣкѣ, къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ. Да и не только Русскіе, а всѣ люди вообще склонны восторгаться когда видятъ проявленіе беззавѣтной, лихой отваги. Только измелъчавшіе, душевно и физически, представители и проповѣдники космополитизма относятся презрительно къ отвагѣ и храбрости, такъ какъ сами къ нимъ неспособны. Они считаютъ ихъ недостатками не вполнѣ развитыхъ организмовъ, хотя сами охотно

пользуются ими въ лицѣ тѣхъ несчастныхъ фанатиковъ которые вербуются ими при помощи громкихъ фразъ о всеобщемъ равенствѣ, будущемъ благоденствіи имѣющемъ де наступить когда всесвѣтлые проходимцы доберутся до власти.

Хозяева въ сопровожденіи гостей спустились въ разрѣзъ. Рабочіе тоже хотѣли за ними послѣдовать, но Стороженко остановилъ ихъ въ ожиданіи распоряженій.

Разбитый монолитъ представлялъ какую-то безобразную груды обломковъ и кусковъ самаго неправильнаго очертанія. Тѣдкій запахъ пороха пропиталъ весь разрѣзъ, и вмѣсто ровныхъ стѣнокъ со всѣхъ сторонъ видѣлись массы осыпавшагося торфа, а близь камня весь золотonosный пластъ былъ испещренъ глубокими разщелинами и трещинами. Около того мѣста на которомъ лежалъ монолитъ даже почва мѣстами потрескалась.

— Стороженко! крикнулъ Ниловъ.—Живо пусть запрягутъ всѣ телѣжки, и сколько есть тачекъ всѣ сюда. Всѣ ломы въ разрѣзъ, да какіе найдутся жерди на поселкѣ прикажите при- тащить.

— Чтò вы такъ заторопились, Павелъ Александрычъ? спросилъ его Горскій.

— Мнѣ хочется очистить мѣсто Николай Павловичъ. Ольга Петровна увидетъ тотчасъ послѣ обѣда, такъ пусть увидитъ результаты нашего взрыва. Если этотъ камень центръ увала, то мы должны найти подъ нимъ и около него хорошее мѣсто.

— А я полагаю что вы найдете подъ почвой второй пластъ,* сказалъ ревизоръ.—Вотъ тогда-то вы и проклянете Пакулевскій способъ мытья корытами. При машинахъ весь разрѣзъ чистъ, а тутъ не угодно ли вывезти всѣ промытые пески...

— Пусть только окажется второй пластъ, да въ немъ богатое содержаніе, а мы ужъ какъ-нибудь вывеземъ, отвѣтилъ Ниловъ.

Зарѣзъ, снявъ шапку, подошелъ къ Термину.

— Простите, ваше благородіе, что я безъ просу кинулся; хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь заслужить.

— Хотѣлъ заслужить, а могъ насъ подѣ ответственность подвести. Отвѣтственность еще не бѣда, такъ какъ все начальство ваше въ сборѣ и само видѣло все дѣло, а ты думаешь

* Случается, хотя очень рѣдко, что подъ почвой оказывается второй и даже третій слой золотonosныхъ песковъ.

легко бы намъ было знать что ты погибъ даромъ, безъ толку, только ради молодечества?

— Хотѣлось, сударь, и ребятамъ показать что трусомъ послѣ несчастія моего я не сдѣлался. Позвольте ужъ за разъ и повиниться. Лукавый меня полуталъ, да и людской вины есть. Уткинскій прикащикъ посулилъ мнѣ тысячу рублей если вы этотъ приискъ за негодностью бросите. Я и сталъ золото слускать, а Андрей Гаврилычъ залримѣтилъ что я разрѣвъ въ уклонъ веду да и переставилъ корыта. Только вѣрьте, сударь, али не вѣрьте, и я объ увалѣ не зналъ, а просто, думалось, золото лучше пошло, а вамъ все равно новый приискъ богатый попался. Смутила меня тысяча рублей, а Богъ-то и наказалъ. Простите сударь, позвольте къ вашгерду стать, на вѣкъ работникомъ буду.

— На новомъ приискѣ не знаю какъ Павелъ Александровичъ рѣшить, а здѣсь тебѣ работать нельзя. Самъ себя вини.

Зарѣвъ глубоко вздохнулъ и, надѣвъ шапку, тихо пошелъ изъ разрѣза. Ольга Петровна внимательно посмотрѣла на него и спросила въ полголоса у Нилова.

— Это тотъ самый?

— Да! это тотъ который хотѣлъ уложить меня, такъ что и Степанида не отходила бы.

— Вы еще не знаете, Павелъ Александровичъ, что Степанида очень проситъ васъ зайти къ ней предъ ея отъѣздомъ.

— Я и безъ того непремѣнно бы съ нею простился.

— Это само собой, но она желаетъ поговорить съ вами наединѣ. Мнѣ кажется Домажгирь правду говоритъ что она вспыхиваетъ какъ догорающая лампа.

— Не лучше ли не трогать ея съ прииска?

— Нѣтъ. Я рѣшилась везти ее не откладывая, именно потому что боюсь за исходъ болѣзни. Ей жутко было бы думать что на ея могилку никто не придетъ, и придется лежать одной въ лѣсу, въ забытой и заброшенной могилѣ.

— Оля, посмотрите какая прелесть, точно изумруды! подбѣжала къ нимъ Вѣра съ большимъ кристалломъ переливающимъ зеленою игрой.—Это изъ-подъ камня сейчасъ достали.

— Это хризолитъ, сказалъ Ниловъ.—Его можно огранить какъ изумрудъ, но онъ очень хрупокъ и годится только на серьги, потому что даже отъ простаго тренія портится и теряетъ блескъ.

— Ну господа еще разъ поздравляю, обратился ревизоръ къ молодымъ хозяевамъ. — Нынѣшній день дастъ вамъ не менѣе лятнадцати тысячъ за лудъ золота, я вамъ ручаюсь.

Въ первыхъ ведрахъ песку вывутаго изъ-подъ обломковъ моволита золото было видно простымъ глазомъ. Крулныя золотинки какъ блестящія жучки сверкали на солнцѣ, и Коля набралъ уже маленькую пригоршню стоя на колѣняхъ въ ямѣ изъ которой вытаскивали обломки взорваннаго камня. Слой песку подъ камнемъ былъ очень не великъ, не болѣе шести сотъ лудовъ, и рѣшили все промыть въ ручную на вашгердѣ. Изъ запасныхъ досокъ былъ на скорую руку сколоченъ большой помостъ, на которомъ установили вашгердъ, для того чтобы слускать хвосты не прямо на землю, а на доски и затѣмъ вновь перемывать ихъ на вашгердѣ. Терминъ распорядился, предоставивъ Нилову угощать гостей и проводить дамъ. Гости направились къ дому, кромѣ Коли, который усердно таскалъ песокъ изъ-подъ камня и осторожно отвосилъ его вмѣстѣ со Стороженкомъ и Никитой въ желѣзныхъ ведрахъ на помостъ.

Ниловъ прошелъ къ Степанидѣ, которая сдала на словахъ все свое хозяйство Павлу и, одѣтая Вѣрой и Варенькой, была готова тронуться въ дорогу.

— Поздравляю, Павелъ Александрычъ, привѣтствовала она Нилова, — говорили мнѣ: Богъ вамъ обоимъ счастье послалъ; только золото тлѣнь, а я тебя хотѣла спросить, неужто ты настоящее счастье свое не видишь?

— Какое „настоящее“, няня?

— Да тебя кто отъ болѣзни-то спасъ? неужели такъ ты и повѣрилъ что я да Кирилычъ тебя отходили, когда тебѣ лаохо пришлось? А не ты ли мнѣ говорилъ что матушку свою у постели видѣлъ?

— Такъ то былъ бредъ, няня.

— Бредъ бредомъ, а только за свою матушку ты барышню нашу, голубку, принялъ. Какъ бы не она украдкой ото всѣхъ тебя навѣстила, ни вьюги, ни мороза, ни навѣтовъ людскихъ не побоявшись, да не указала бы намъ что и какъ сдѣлать нужно, такъ Богъ вѣсть, отходилъ ли бы тебя Вельшь. Я тебѣ долго бы еще не сказала, да теперь ждаты-то мнѣ ужъ нѣкогда. Можетъ въ послѣдній разъ съ тобой говорю... А въ могилу съ собой людскаго счастья брать не хочу; время тебѣ глаза-то открыть. Полюбите вы другъ друга крѣпко, нерушимо.

А я, грѣшная, Бога молить буду чтобы послалъ онъ вамъ миръ, да любовь, да согласіе.

Сильно стучало сердце у Нилова, а на душѣ стало свѣтло и радостно... Значитъ то былъ тогда не сонъ, а дѣйствительность? Ощущеніе руки, которая во время болѣзненнаго бреда какъ бы сняла съ головы его страшную тяжесть, не приснилось, не померещилось ему. Ольга была у его изголовья и какъ ангелъ хранитель отогнала отъ него злую немочь.

Вмѣсто отвѣта онъ крѣпко поцѣловалъ Степаниду и благоговѣйно наклонилъ голову когда старушка набожно перекрестила его.

— Ну теперь, слава Богу, сказала я тебѣ и на душѣ легче стало. Хоть и просила она меня всячески тебѣ не разказывать, да я сердце-то наше женское знаю. Языкъ-то говорить что голова прикажетъ, а сердце-то чувствуетъ иное. Тоже Богъ дастъ, Степаниду добрымъ словомъ помянетъ.

Ниловъ вышелъ отъ Степаниды сіяющей. Вѣра и Варенька, укладывавшія ея вещи въ сосѣдней комнатѣ, съ удивленіемъ переглянулись, а когда передали свои наблюденія надъ Ниловымъ Ольгѣ Петровнѣ, та почувствовала какъ кровь приливаетъ къ ея щекамъ. Она боялась догадаться о чемъ говорила Степанида и чтобы скрыть смущеніе съ которымъ не могла овладѣть, поскорѣе прошла къ старушкѣ.

— Былъ у тебя Павелъ Александровичъ, няня? спросила она.

— Былъ, родная моя, былъ, голубка, просто отвѣтила Степанида,—простились мы съ нимъ, благословила я его, теперь и ѣхать готова когда скажешь.

— Вотъ только пообѣдаемъ, да и въ путь, сказала Ольга, у которой тотчасъ отлегло отъ сердца.—У Таркиза переждемъ темноту и со свѣтомъ дальше поѣдемъ. Къ полудню въ городѣ будемъ.

— Ну, вотъ, стулай голубка, локушай, а я предъ дорогой вздремну маленько, что-то ко сну клонить.

Обѣдали опять на открытомъ воздухѣ. Всѣ были въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи. Хотя золото найденное въ увалѣ принадлежало только Нилову и Термину, но всѣ принимали живое участіе въ успѣхѣ, всѣми овладѣло то странное чувство которое является у зрителей окружающихъ игорный столъ во время игры. Если у такого стола появится смѣлый игрокъ, начнетъ крупную игру и играетъ счастливо, у всѣхъ является сочувствіе къ нему и большинство свѣдѣть

за его ставками, желая отъ души чтобъ онъ выигрывалъ еще и еще. Банкометы и крупье никогда не пользуются сочувствіемъ, и если смѣлый игрокъ проиграетъ крупную ставку, на нихъ смотрять съ досадою и негодованіемъ, какъ бы удивляясь какъ они осмѣлились выиграть въ свою очередь. Больше всѣхъ радовался Таркизь.

— Очень я рада, очень! Нельзя настоящимъ боярамъ безъ деньга быть, никакъ эта невозможна. Теперь и молодые бояръ, и старый нашъ бояръ, Николая Павлыча, всѣ богаты будутъ. Отъ ихъ богатства, не такъ какъ отъ другихъ, отъ купца да отъ чиновникъ, чтò деньгу на себя да, подъ себя кладутъ. Отъ нихъ бѣднымъ польза будетъ, рабочимъ польза, дѣлу польза. Очень я рада!

— Чего же ты радуешься, Петръ Акимычъ? спросилъ его Терминь.—Отъ увала богатства никакого еще не будетъ. Тысячь двадцать лишнихъ съ этого пріиска получимъ, такъ до богатства-тò еще далеко.

— Что уваль! уваль пустяки. Да эта деньга вамъ теперь крѣпко нужна, для новаго пріиска нужна. Я про новый пріискъ все знаю, тамъ много деньга лежитъ, а чтобы достать, нужна сперва деньга потратить. Теперь одна тысяча больше чѣмъ другой раза десять, пятнадцать тысяча. Правда я говорю, Николая Павлыча? а? скажи—правду Таркиза сказалъ.

— Правда, Петръ Акимычъ! Для нашихъ молодыхъ хозяевъ вышло по пословицѣ: дорого яичко къ красному дню.

— Хорошо яичко! воскликнулъ ревизоръ,—лобольше луда уже теперь, а еще половина лишь промыта.

Терминь предложилъ гостѣ за дамъ. „Вы привезли съ собою счастье, и геній пріиска ждалъ васъ чтобы положить къ вашимъ ножкамъ свое сокровище“, закончилъ онъ свой спичъ. Всѣ крикнули ура! обѣдавшіе у казармы рабочіе подхватили его еще громче, и эхо повесело громовый кликъ изъ ущелья въ ущелье. Ревизоръ въ свою очередь началъ длинную рѣчь, его стали перебивать, и Ниловъ, пользуясь общимъ разговоромъ, обратился къ Ольгѣ.

— Ольга Петровна, согласитесь вы выпить за исполненіе моего желанія?

— Какого? вслыхнула дѣвушка.

— Не спрашивая какого, согласитесь?

Ольга подняла свои большіе глаза, и ихъ взоры встрѣтились. Ниловъ смотрѣлъ на нее ласково, но серьезно. Она молча подняла руку и чокнулась.

Лишь только кончился обѣдъ подали два тарантаса. Въ первый положили Степаниду, около которой усѣлся Теремія; во второй сѣли Ольга и Вѣра, и къ нимъ на козлы при-
чистился Домажиръ.

Всѣ рабочіе сплошною толпою окружили тарантасъ въ которомъ лежала Степанида и наперерывъ съ ней прощались. Зарѣвъ забрался на подножку, раздѣловаль старушку и на его глазахъ навернулись слезы. Одинъ изъ рабочихъ замѣтилъ:

— Пять годовъ Ваську знаю, а такой штуки не видалъ. Глянь, братцы, Васька плакать умѣеть!

— Выздоровливай, няня; безъ тебя всѣмъ скучно будетъ, сказалъ ей Ниловъ.

— Прощайте, барчуки милые, прощайте и вы всѣ, братцы! Спасибо за ласку, за доброе слово. Не увидимся больше. Храни васъ Христось, проговорила старушка, утирая слезы.

Тарантасы тронулись, и долго еще провожали ихъ рабочіе, подавая цвѣты и вѣтки съ ягодами смородины и малины, кусты которыхъ окружали дорогу. Искреннія пожеланія здоровья и скораго возвращенія не мало порадовали и ободрили старушку, которая сознавала что всѣ ее любятъ, что для всѣхъ она „няня любимая“.

Только услышавъ колоколь призывавшій на работу повернули назадъ провожавшіе. Васька Зарѣвъ болѣе трехъ верстѣ шелъ у тарантаса, не рѣшаясь отойти отъ Божьей старушки, которая вдругъ для него стала дорога какъ родная мать. Но еще слабыя ноги его не могли дальше двигаться, и онъ сѣлъ у поворота, провожая глазами тихо удалявшіеся экипажи.

А на приискѣ Алексѣй домывалъ послѣднее золото изъ увала, возбуждая похвалы и удивленіе своею чистой и ловкою работой.

XII.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня всѣ тронулись на новый приискъ. Большинство гостей, за исключеніемъ отца Якова и ревизора, предпочли ѣхать верхомъ, и Коля гарцовалъ около Вареньки, которая очень сконфузилась когда Термизъ объявилъ что она олицетворяетъ собою прекрасный полъ. Она ловко сѣдла на новомъ дамскомъ сѣдлѣ, выписанномъ изъ губернскаго города „по телеграму“, какъ разказывалъ

Таркизъ. „Все бывало верхомъ, а теперь не хочетъ. Правда, ужь совсѣмъ бульшой дѣвушка, такъ многа лучше, прилично больше“, говорилъ онъ, обращаясь къ Термину, а Варенька красѣла и муштровала своего воронаго красавца-цвоходца.

Вся компанія двигалась шагомъ по небольшой тролкѣ, которую рабочіе на ходу расширяли, срубая деревья и ломая длинныя вѣтви тайговыхъ вѣковыхъ великановъ. Громко раздавалась удамая лѣсня Алеши-промывальщика объ Ермакѣ Тимошеевичѣ, какъ тяжело былъ ему жалованный панцырь и желѣзная ерихонка, присланные отъ самого царя.

А и снялъ бы да снять нельзя,

Самъ царь дарилъ, самъ пожаловалъ!

Истомился весь да измаялся,

А и виду не подастъ, выпрямается!

Къ полудню слѣдали роздыхъ; задымилъ костеръ, зашлопотали кашевары, забулькалъ боченокъ изъ котораго Игнатъ отпускалъ порціи подходившимъ людямъ. Рабочіе, растаявши по всей дорогѣ, постепенно собирались къ мѣсту привала. Одинъ изъ нихъ, выждавъ минуту когда Терминъ отдѣлился отъ общей группы, тихонько отозвалъ его въ сторону.

— Баринъ, пожалуйте въ сторонку: пару словъ доложить нужно.

Терминъ съ удивленіемъ оглядѣлъ говорившаго. Онъ зналъ въ лицо всѣхъ рабочихъ, а это былъ незнакомый.

— Ты откуда? спросилъ онъ его, отходя съ нимъ подѣтвь большаго кедра въ сторонкѣ отъ тролки.

— Къ вашей милости съ запиской. Приказано безпремѣнно самимъ въ руки передать и съ отвѣтомъ вернуться.

Рабочій, развязавъ бродню на ногѣ, вытащилъ кусокъ сыромятной кожи, въ которую былъ завернутъ изящный конвертикъ изъ атласистой бумаги съ вычурнымъ золотымъ вензелемъ.

Судорожно разорвавъ и кинувъ въ сторону конвертъ, Терминъ быстро пробѣжалъ записку, и приказавъ посланному не трогаться съ мѣста, пошелъ къ Нилову. Онъ не замѣтилъ, что Варенька, не слускавшая съ него глазъ, прошла мимо него и углубилась въ лѣсъ. Выждавъ удобную минуту, онъ отозвалъ Нилова и передалъ ему полученное посланіе. Записка была короткая: „Сейчасъ узнала о пріѣздѣ къ вамъ цѣлаго табора. Не желая быть гостьей не вовремя и составить пару съ Mlle Barbe Tarkez, во имѣя крайнюю необхо-

димось видѣть васъ какъ можно скорѣе, прошу немедленно придумать предлогъ вернуться и пріѣхать ко мнѣ. Я тоже направляюсь къ Сухой Полянѣ и убѣждена что вы позаботились оставить участокъ для меня, конечно, заявивъ его на свое имя. Жду непременно; посланный проводить васъ до моего прівала. Lydie.“

— Что скажешь, Павелъ? или, вѣрнѣе, что посоветуешь?

— Нужно ѣхать, хотя я бы на твоёмъ мѣстѣ предпочла бы принять се при всѣхъ.

— Чтобы поставить всѣхъ въ неловкое положеніе и подать поводъ къ слетнямъ?

— Отъ слетенья тебѣ и такъ не избавиться, а здѣсь при всѣхъ насъ она не рѣшится на рѣзкую выходку. Впрочемъ, если ты сочтешь почему-либо нужнымъ передать ей твою заявку, я тебѣ заранѣе дамъ мое согласіе. Есть положенія при которыхъ отказывать нельзя.

— Ты ошибаешься, Павелъ, я еще не въ цѣляхъ и никакихъ обѣщаній или обязательствъ не давалъ. Мнѣ Слемина не дѣвочка и даже не совсѣмъ женщина. Въ дѣлахъ она опытнѣе многихъ мужчинъ и за себя постоять сумѣетъ. По счастью, мы не на дѣловой ногѣ, и перейти на нее безо всякаго основанія я вовсе не желаю.

— Но по тону записки я подумалъ что вы уже вступили въ дѣловыя отношенія.

— Представь себѣ что о Сухой Полянѣ у насъ съ нею даже и разговоры не было!

— Тогда я ничего не понимаю! воскликнулъ Ниловъ, вторично пробѣгая записку Слеминой.—Лучше всего тебѣ поѣхать. Я придумаю отговорку полправдоподобнѣе. Да просто скажемъ что ты забылъ портфель который держишь всегда при себѣ. Всѣ такъ заняты уваломъ и предстоящимъ открытіемъ пріиска что на твою временную отлучку особаго вниманія не обратятъ, только возвращайся скорѣе.

Терминъ закусилъ усы и, пожавъ руку Нилова, пошелъ самъ сѣдлать лошадь. Ниловъ вернулся къ своимъ слугамъ и былъ встрѣченъ Колей, который озабоченно озирался по сторонамъ.

— Павелъ Александровичъ, вы не встрѣтили Вареньку? обратился къ нему Коля.

— Развѣ она не съ вами была?

— Нѣтъ! Представьте себѣ, она всю дорогу едва отвѣчала и даже отказалась разливать намъ чай, а теперь уже съ полчаса какъ скрылась отъ насъ.

— Спросите Петра Акимыча.

— Я уже спрашивалъ, да онъ глупости говоритъ, съ сердцемъ замѣтилъ Коля.—„Можетъ у ней голувка болить, такъ пошла свой лѣкарство принимать“, передразнилъ Коля Таркиза.—И знаете какое лѣкарство? Онъ увѣряетъ что она вѣсть муравьевъ. Ну, можно ли говорить такія глупости?

Ниловъ не могъ удержаться отъ улыбки, глядя на расходившагося мальчика. „И тутъ любовь, подумалъ онъ, да еще и безнадежная.“

— Не тревожьтесь, Коля, утѣшилъ онъ бѣднаго мальчика,—покушаетъ муравьевъ и вернется. Пойдемте-ка, поѣдимъ чего-нибудь ловкусѣе.

— Вотъ и вы шутите, упрекнулъ его Коля,—а мнѣ право какъ-то жутко. Точно какое-то предчувствіе.

— Вамъ просто не по себѣ отъ жары и отъ усталости. Посмотрите какая туча на горизонтѣ. Вѣрно къ вечеру будетъ гроза.

— Вѣрно говоришь, Павла Александрычъ. Бульшой гроза будетъ, вмѣшался въ ихъ разговоръ Таркизь.—У меня такой примѣта: у Варенька голувка заболѣла, у меня лѣвый нога заломилъ, а мой лошади Шайташъ чихать крѣпко сталъ, безпремѣнно гроза будетъ. Нужно намъ торолиться чтобы на чисто мѣсто къ ночи доходить. По эта долинка вода шибко любѣжить.

— А не поискать ли Вареньку если мы скоро тронемся? спросилъ Коля.

— Зачѣмъ ее искать?! удивился Таркизь.—Одна дорогу знаетъ, лошади у ней добра, шубка въ торокахъ, рувальбуръ при себѣ исправно; не маленька, не слабенька, не глупенька. Тронуть ее ни человекъ, ни звѣрь не посмѣй, не барышня городской, Таркизова дочка! съ самодовольнымъ смѣхомъ заключилъ онъ свою тираду и, похлопавъ по спинѣ Колю, добавилъ:—такъ-то, Никола Николычъ, ты за нее не бойся; муравей покушаетъ, здорова и весела будетъ.

Терминъ, осѣдлавъ своего Ахмета, молча лохмалъ за рабочимъ. Ему было не по себѣ: выходка Слеминой злила и раздражала его. Самый тонъ залуски прямо показывалъ что „черная красавица“ считаетъ его должникомъ, обязаннымъ ей...

„Чѣмъ же?“ думалось Термишу, „два дня взаимнаго ольянѣнія хмѣлемъ весны еще не даютъ ей никакихъ правъ. Стоило ей сказать тамъ, въ гротѣ, *utidume!* и я конечно ушелъ бы.“ На душѣ у него смутно шевелилось чувство какого-то опасенія, страха предъ чѣмъ-то, чего еще нѣтъ, но что можетъ быть. Онъ не хотѣлъ даже самъ себя оформить этотъ пассивный страхъ, назвать то что смутно сказывалось настоящимъ именемъ, и только машинально повторялъ „не можетъ быть“, сознавая впрочемъ что легко „можетъ-быть“, и возможность „этого“ была ему до того не по душѣ, до того казалась чудовищно глухою, дикою, что мурашки пробѣгали у него по спинѣ, и онъ встрахивался, и качалъ головой какъ будто желая сбросить неотвязную мысль.

Вожакъ рабочій, пробѣжавъ съ полверсты по тролкѣ, свернулъ въ логу и началъ продираться, чуть не на прямикъ, сквозь сплошную чащу валежника и бурелома. Сухія вѣтки царялали лошадей, молодые побѣги были и хлестали лутниковъ по лицу; ежесекундно приходилось вертѣться то вправо, то влево... Наконецъ Термишъ не выдержалъ.

— Смотри, такъ мы въ такую чащу залѣземъ что и не выберемся.

— Сбиться баринъ нельзя; мы значить низкомъ, по логу продираться должны, а тамъ на другую тролку безпрѣменно вылѣземъ. Вона, гляньте, мой слѣдъ совсѣмъ примѣтенъ. Я этимъ самымъ мѣстомъ и леръ, какъ отъ дѣвки-то побѣхалъ.

— Отъ какой дѣвки?!

— Да отъ московки-то, отъ Дашки.

— Да залыску-то эту тебѣ кто дала?

— Она и дала, „Богомъ, говоритъ, тебя прошу что хоть дамъ, ты хоть двухъ лошадей загуби, а залыску къ привалу ихнему доставь“. Намъ инородецъ Таркизовъ разказалъ гдѣ привалъ-то у васъ будетъ, я напрямикъ и взялъ. Наши-то съ барыней тоже къ сухому логу пробираются, инородецъ ихъ и ведетъ. Эхъ! здоровъ шельма водку жрать. Два стакана хлопнулъ, не поморщился.

„Ну барынька, подумалъ Термишъ, полиція и сыскная часть у нея въ порядкѣ. Слѣдить за нами шагъ за шагомъ“...

Сзади лутниковъ что-то треснуло, и раздался какой-то сдержанный крикъ. Оба остановились и стали прислушиваться.

— Должно-быть „самого“ потревожили, замѣтилъ рабочій.— Я еще какъ туда продирался, такъ тоже въ этой самой чащѣ

„его“ потревожилъ. Талеръ-то „оно“ сытъ, смиренный, насъ не тронетъ.

— Да ты его выдашь? спросилъ Терминъ, догадавшись что подъ „самимъ“ рабочій разуметь медвѣдя.

— Самого-то не выдашь, а на сѣдлѣ набрелъ. Такого крѣпко по грываи ступалъ что ажъ всѣ пальчики смѣрять можно.

Путники тронулись далѣе; чрезъ полчаса непролазная наша смѣнилась чистымъ лѣсомъ, и они вышли на торную и расчищенную тропку, которая скоро вывела ихъ на широкую свѣтлую поляну. Подъ большимъ кустомъ курился огонекъ, у котораго сидѣла женская фигура и напѣвая заунывную пѣсенку, подбрасывала въ огонь сухія вѣтки. Не въ далекомъ лѣсу слышалась стреноженная лошадь.

— Вотъ она самая и есть! сказалъ рабочій.—Дарья Тимоеевна, барина-то я привелъ.

— Ахъ сударь! вотъ ужъ спасибо вамъ. А я-то ужъ и надежду потеряла. Думаю, не придетъ нашъ баринъ, такъ хоть пропадай. А ты чего ущи палишь? обратилась она къ рабочему.—Два сѣдлалъ, обѣщанное получи, да айда домой. Барина-то я сама провожу.

И вскочивъ съ мѣста она подошла къ стреноженной лошади, достала изъ тороковъ завернутую въ кусокъ кошмы бутылку и подала ее рабочему. Тотъ бережно взявъ дорогую посудину и поставивъ ее противъ солнца, началъ любоваться.

— Ишь ты, поди жъ ты! и я на своемъ вѣку заправскаго рому посмакую. Только, Дашенька, ази жалость до кожда, подари ошметочекъ; я бутылочку-то онять заверну, не то грѣхомъ звякнешь ее, такъ тогда хоть ума рѣшился. Ну вотъ спасибо, добавилъ онъ, дая на лету броненную Дашей кошму,—теперь значитъ бывайте здоровы! совѣтъ вамъ да любви!

И рабочій засунувъ завернутую бутылку за лязуку крупною рысью поѣхалъ въ обратный путь.

Термина покорило при послѣднихъ словахъ рабочаго, но почти тотчасъ онъ улыбнулся. Идея хитрой горничной обратить на себя подозрѣнія рабочихъ Слениной показавшаяся ему забавною.

— Гдѣ же Лидія Сергѣевна? спросилъ онъ Дашу, слѣзая съ лошади и отвязывая отъ сѣдла притороченное ружье.

— Она теперь впередъ, сударь; приказала мнѣ записку вамъ доставить и какъ придетъ, такъ здѣсь васъ и задержать. Она

съ партіей вчера еще съ Преображенскаго тронулась; весь день шла. Ужь такъ-то устала я, такъ устала! легко ли дѣвущкѣ на мужскомъ сидѣннѣ верхомъ ѣхать! Не всѣ барыниной комплексіи, имѣ все какъ съ гуся вода. Вотъ къ примѣру какъ вы отъ насъ прошлый разъ уѣхали, она цѣлый день проходила, штукъ двадцать дичи настрѣляла; ягташь-то мнѣ едва подвѣять, а она все домой принесла. Сама-то мокрая! не то что бѣлье, платье-то все хотъ выжми. Другая всю дичь побросала бы; тетеревъ одинъ фунтовъ десять если не больше вѣсилъ, а она все домой приволокла.

— И часто она такъ охотится? спросилъ Терминъ, закуривая папиросу и протягиваясь на травѣ.

— По положенію, два раза въ недѣлю она аккуратно жаркое себѣ поставяетъ. Все гладиль рубаетъ на пять въ мѣсяцъ экономіи и набѣжить. Человѣка если послать, весь день проходить другой разъ и пары рябчиковъ не принесетъ. Фу ты пропасть, жарница какаа! вскрикнула дѣвущка:—хотъ бы выкупаться. А который часъ, баринъ?

— Половина третьяго, отвѣтилъ Терминъ, взглянувъ на часы.

— Ну барыня еще раньше какъ часа черезъ два сюда не попадетъ. Тутъ, недалеко рѣчущка есть; можетъ на мое счастье и впадишку найду. Вы сударь позволите? обратилась она къ Термину.

— Богъ съ нами, купайтесь себѣ на здоровье, я здѣсь жду васъ въ тѣни.

— Мерси-съ, съ глубокимъ вздохомъ сказала Даша, видя съ какимъ хладнокровіемъ относится красивый баринъ къ ея намѣренію изобразить тайговую русалку.—И выпрямъ попомощусь, авось легче будетъ отъ ламитевскихъ чувствъ!

Она бѣгомъ нустилась по полямъ и скоро скрылась въ зеленыхъ кустамъ, густо разросшихся у разлива тайговой рѣчки.

Терминъ, растянувшись во весь ростъ и закинувъ руки за голову, глядѣлъ въ безконечную синеву неба и слѣдилъ за причудливыми измѣненіями бѣлыхъ какъ снѣгъ облаковъ, которыя дикимъ веревачей таялись съ востока на западъ, попутно мѣняя свои очертанія. Ему не хотѣлось думать о предстоящемъ свиданіи, и онъ намѣренно направлялъ мысли въ другую сторону. Неожиданная перспектива возможности вернуться къ прежней жизни, съ которою онъ, какъ казалось ему, при отъѣздѣ изъ Петербурга простился навсегда, не

радовала его такъ какъ онъ думалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Въмѣсто трудовой жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, на что онъ хотя и не легко, но твердо рѣшился, онъ неожиданно и негаданно получалъ возможность не только вернуться къ прежнему образу жизни, но даже затмить многихъ изъ бывшихъ соперниковъ. Еще на дняхъ онъ говорилъ другу о той пустотѣ которая его охватываетъ, о томъ что онъ никому не нуженъ, а теперь, когда онъ припоминалъ всѣхъ оставшихся тамъ, куда тянутся безконечною лентой эти облака, въ его памяти воскресали черты которыя глубоко вѣзались на сердцахъ и которыя онъ послѣ своего крушенія такъ старательно затушевывалъ. Помнить ли обо мнѣ? думалось ему. Разсудокъ увѣрялъ что даже теперь черезъ годъ онъ уже вѣроятно забудетъ, а сердце тихо спрашивало: „а почему ты въ этомъ увѣренъ? а какія у тебя доказательства?“ Еще недавно Розинъ передавалъ въ письмѣ не только поклонъ, но нѣчто большее: искреннее, сердечное пожеланіе успѣха. Вѣрно желали отъ души, быть-можетъ молились... успѣхъ неожиданный, полный. Не только вернулось потерянное, вернулось вдвойнѣ, если не вчетверо болѣе. Термину вспомнились немногіе прощальные визиты которыя онъ сдѣлалъ предъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Онъ такъ задумался что не слышалъ топота лошади громко раздававшася по лѣсу. Кто-то скакалъ во весь махъ, и скоро раздался звонкій женскій голосъ поучававшей лошадь. Терминъ очнулся и поднялъ голову. На поляну выскакала амазонка въ которой онъ, къ немалому изумленію, скорѣе угадалъ чѣмъ узналъ хорошенькую дочку Таркиза.

Дѣвочку дѣйствительно не легко было узнать. Ея бойкіе всегда полузакрытые длинными рѣсницами, выразительные глаза сверкали и горѣли; черныя тонкія брови были судорожно сдвинуты; тонкая, рѣзкая, характерная морщинка разсыпала красивый лобъ; губы были сжаты, и все лицо какъ будто постарѣло и потемнѣло. Сбитая на быстрой ѣздѣ шалочка висѣла на спинѣ, удерживаемая свуркомъ и безчисленныя косички цѣлымъ снопомъ развѣвались по вѣтру. Нѣкоторыя изъ нихъ полурасплелись, и кусочки вѣтвей, листья и хвоя, залутавшись въ волосы, образовали какой-то странный уборъ, не лишенный оригинальной красоты.

Выскакавъ на поляну, Варенька приподнялась на сѣдлѣ и круто осадивъ лошадь начала осматриваться. Въ своемъ

сидимъ хадатикъ отороченномъ желтомъ опушкой, изъ-подъ котораго вырѣзывалось желтое короткое платье, туго перетянутое кавказскимъ серебрянымъ кушакомъ съ заткнутыми за него ножомъ и револьверомъ, въ своей оригинальной прическѣ, дѣвочка выдѣлялась на темномъ фонѣ дѣса какою-то сказочною царевной былыхъ временъ, воскресшею дочерью царя Кучума, высматривающею казаковъ Ермака.

— Варенька, за кѣмъ это вы гонитесь? крикнулъ ей Терминъ.

Услышавъ знакомый голосъ, дѣвочка мгновенно преобразилась. Морщина пропала, губы сложились въ радостную улыбку, рѣсницы закрыли сверкнувшіе глаза, и она шагомъ направилась къ Термину, сдерживая разгоряченную лошадь:

— Вы одни здѣсь? спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, сходя съ лошади и беря ее на чумбуръ.

— Не совсемъ одинъ, сейчасъ могутъ подойти другіе, отвѣтилъ ей Терминъ, подымаясь и подходя къ лошади, которая отфыркивалась и тяжело переводила духъ.— Васъ развѣ прислали за мной?

— Нѣтъ, я сама; вы не сердитесь, я хотѣла вамъ сказать... я боялась... ахъ! я не умѣю, не могу такъ это хорошенько по-русски сказать чтобы вы ловили меня...

Дѣвочка видимо оробѣла и путалась, не находя словъ передать угнетавшую ее мысль.

— Что съ вами, милая Варенька, вы точно меня боитесь?

— Ахъ, нѣтъ! Я только не умѣю. Видите, съ вами худо будетъ, я знаю. Она уже разъ убила, я знаю отъ вѣрнаго человѣка. Она и васъ обманетъ и убьетъ. Не выдайтесь съ ней, Дмитрій Павлычъ! Пожалуста поведемъ къ нашимъ, а то худо, очень много худо будетъ!

— Да кто это „она“? кого вы такъ боитесь?

— Зачѣмъ вы спрашиваете? вы вѣдь знаете. Я конвертъ нашла, а его въ маленькіе, самые маленькіе кусочки разорвала. Отчего я не могу ее также разорвать! съ неожиданнымъ рыданіемъ почти крикнула дѣвочка, и такъ покачнувшись что Терминъ невольно подхватилъ ее на руки.

Почти въ ту же минуту изъ-за большаго дерева на опушкѣ грянулъ несоразмѣрно громкій выстрѣлъ. Куски жеребья засвиствали въ воздухъ и осыпали кустъ у котораго стояли Терминъ и Варенька. По лицу Термина заструилась кровь, одна изъ косичекъ дѣвочки срѣзанная жеребьемъ ударила

его по глазамъ. Варенька инстинктивно ухватилась за шею тоже задѣтую кусочкомъ свинца. Лошади шарахнулись отъ выстрѣла и начали биться. Терминъ, схвативъ лежавшее на травѣ ружье, вскинулъ его къ плечу и выстрѣлялъ изъ обоихъ стволовъ по направленію дыма отъ перваго выстрѣла. Кто-то страшно застоналъ, и изъ-за дерева оказался чело-вѣкъ державшійся обѣими руками за голову. Варенька, выхвативъ изъ-за пояса свой ножъ, кинулась на него, но Терминъ ее обогналъ и схватясь съ незнакомцемъ свалилъ его на землю. Все это произошло такъ быстро что выскочившая изъ кустовъ Даша не успѣла даже добѣжать какъ тотъ уже былъ скрученъ Терминымъ, при помощи Вареньки, которая подала ему чумбуръ отъ своей лошади, отрѣзавъ его ножомъ отъ уздѣчки. Скрученный тоже былъ въ крови: пятку лять, шесть крупныхъ дробинокъ попали ему въ лицо и повредили глазъ.

— Дмитрій Навлычъ! что случилось? съ волаемъ кинулась Даша къ Термину.

— Убить насъ этотъ негодяй хотѣлъ, отвѣтилъ Терминъ, затагивая узелъ.—Что, Варенька, васъ не задѣло?

— Ничего, такъ, чуть немножко! летѣла дѣвочка, подчиняясь чувству страха уже миновавшей опасности. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ и съ ужасомъ смотрѣла на кровь струившуюся по лицу Термина.

— Говорилъ тебѣ, Дашка, будетъ кровь! вотъ и дождалась! злобно прохрипѣлъ связанный.

— Батюшки! да это нашъ конюхъ Иванъ! воскликнула Даша.—Разбойникъ ты, душегубецъ! какой я тебѣ поводъ подала? за что ты неповинныхъ людей губилъ? Вотъ Богъ-то тебя и наказалъ...

— Варенька, обратился къ ней Терминъ,—поѣзжайте скорѣе къ нашимъ и скажите Павлу Александровичу чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ Стороженка и казака. Да покажите-ка мнѣ? Слава Богу ничего, только царянуло...

И онъ, вынувъ платокъ изъ кармана, осторожно началъ перевязывать ей шею, сбросивъ шалочку, которую Даша подхватила на легу.

— Вотъ ужъ истинно ребенка-то Богъ спасъ! гляньте ка сударь, въ шалочкѣ дрови сколько натыкалось.

Слабенькое расшитое блестками и бисеромъ, плотное, подложенное картономъ, донышко шалочки задержало нѣсколько

дробинокъ и кусочковъ жеребья. Не будь шалочки, онъ бы всё попалъ въ затылокъ и въ тею дѣвочка.

Терминъ, перевязавъ дѣвочку, которая совершенно оправилась, посадилъ ее на сѣдло и, посоветовавъ ей торопиться, началъ приводить себя въ порядокъ. Даша принесла воды и помогала ему отмыть и очистить залякшуюся мѣстами кровь. Окрученный Иванъ, которому тоже обтерли лицо и перевязали опухшій глазъ, злобно поглядывалъ на ея хлопоты; онъ попробовалъ было высвободиться, но волосяной чумбуръ зажатый сильными руками Термина не поддавался.

— Что же я такъ и буду собакой брошенной? проворчалъ онъ, видя невозможность даже съотъ безъ посторонней помощи.

— Подожди, скоро вотъ приберутъ тебя въ острогъ! отвѣтила ему Даша, дрожащими руками выжимая импровизованный компрессъ изъ его мамашки. — Вы что думаете, судары? обратилась она къ Термину:— онъ вѣдь хотѣлъ меня съ вами подстрѣлить. Еще какъ вы впервой у насъ были, грозился, если я съ вами буду разговаривать, обоихъ насъ убить.

— Не за разговоры, за безпутство твое убить а тебя хотѣлъ замѣтить конюха.

Терминъ, сбросившій поддевку, нашелъ въ ней еще крупный кусокъ свищу, который, пробивъ толстый дракъ, застрялъ въ кошелькѣ, лежавшемъ въ боковомъ ее карманѣ. Онъ началъ доставать жеребежъ изъ кошелька и увидѣлъ на замшевомъ днѣ треснувшій лоскутъ камешекъ, данный ему нѣкогда матерью Таркуса при гадаши. „А вѣдь пожалуй подарокъ-то этотъ спасъ меня отъ серьезной раны!“ подумалъ онъ, бережно завертывая и свищъ, и камешекъ, сослу жившій неожиданную службу.

— А вотъ и барыня! вывела его изъ задумчивости Даша, которая старательно отмывала поддевку. На поляну вышла Слемина и направлялась къ нимъ. Увидя кровь на рубашкѣ Термина и связаннаго конюха съ левизкой на лицѣ, она живо спрыгнула съ лошади и бросилась къ Термину.

— Mon Dieu qu'est-ce qu'il vient d'arriver? восклицала она.

Терминъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ ей все случившееся.

— Слушайте, барыня, Лидя Сергѣевна, вдругъ обратилась къ ней Иванъ, грубо возвысивъ голосъ,—если меня сейчасъ

не отпустятъ, то я на допросѣ уже заодно всѣ грѣхи сразу сдамъ. Это вы такъ и знайте.

Слемина попросила Термина отойти съ ней въ сторону.

— De grace, Дмитрій Павловичъ, laissez partir ce misérable. Je vous en dirai la raison ensuite, сказала она ему такимъ молящимъ голосомъ что онъ изумился.

— Il s'agit d'un crime, madame; en ai-je le droit? отвѣтилъ онъ...

— Je vous le demande au nom de notre amour! прошептала она, со страхомъ заглядывая ему въ глаза и впервые замѣтивъ кровавый подтекъ на его щекѣ.

— Кто мнѣ поручится что онъ не рикнетъ на третье убійство? тоже шепотомъ спросилъ онъ, глядя на нее въ упоръ.

Слемина съ изумленіемъ и съ ужасомъ раскрыла глаза. Мертвенная блѣдность покрыла ея красивое лицо.

— Онъ подкрался ко мнѣ тайкомъ и ранилъ не только меня, но еще дочь Таркиза. Та уже поскакала за людьми, и одно чтò я могу сдѣлать, это предоставить его вамъ, на вашу волю. Безъ ружья, которое я захвачу, онъ для васъ не опасенъ; вы хорошо вооружены и хорошо владѣете оружіемъ. Дѣлайте съ нимъ чтò хотите, онъ въ вашихъ рукахъ, а я удаляюсь.

— Но мы не можемъ такъ разстаться, Дмитрій! чуть не вскрикнула Слемина.—Я вѣдь не могу отвѣчать за поступки звѣря, ты не можешь меня винить въ этомъ локушеніи.

Терминъ пожалъ плечами.

— Я не знаю кѣмъ дрессированъ этотъ звѣрь, Лидія Сергѣевна, но...

— Онъ возилъ мои письма, горячо перебила Слемина,—онъ подозрѣваетъ мои тайны, но у меня нѣтъ ничего общаго съ нимъ, клянусь...

— Во всякомъ случаѣ вы за него просите даже послѣ его выстрѣла. Я дѣйствительно не желаю имѣть съ нимъ общихъ секретовъ и потому предлагаю вамъ на выборъ одно изъ двухъ: или мы остаемся вѣтѣть и сдадимъ его на руки людей за которыми я послалъ, или я предоставляю его вамъ, а самъ удаляюсь.

Терминъ докончилъ свой туалетъ, распуталъ лошадь, приторочилъ ружье и, держа лошадь въ поводу, подошелъ къ Слеминой, которой Даша передавала всѣ подробности происшед-

шаго. Но Слемина повидимому не слушала разказа. Присѣвъ на кочку, она туло смотрѣла предъ собой, вся погашенная разрѣшеніемъ ультиматума предложеннаго ей Терминымъ, и увидя его предъ собой, растерянно начала умолять измѣнить свое намѣреніе.

— Поймите что я не могу поступить иначе, Лидія Сергѣевна! рѣшительно отвѣтилъ онъ ей и помолчавъ прибавилъ:— вы не рѣшаетесь остаться вмѣстѣ?

— Да не могу же я, не могу! со злобой и отчаяніемъ крикнула Слемина.

— Въ такомъ случаѣ прощайте! тихо сказалъ ей Терминъ, сѣлъ на лошадь, не слѣвша разобрать повода, оглянулася еще разъ и выѣхала рысью на тропивку.

Даша обомѣла; нѣсколько секундъ она смотрѣла то на свою барыню, то на удаляющагося всадника и наконецъ не выдержала:

— Барыня, да что же это? обратилась она къ Слеминѣ.

Та, не отвѣчая, подошла къ Ивану и вынувъ ножъ перерѣзала узлы чумбура; Иванъ вскочилъ на ноги.

— Наша взяла! усмѣхнулся онъ,—значить теперь сократится на время нужно. Пожаауйте денегъ, сказалъ онъ Слеминѣ.

Слемина молча достала кошелекъ и подала ему нѣсколько бумажекъ.

— Двадцать-то рублей? съ этими далеко не уйдемь, замѣтилъ онъ.—Придется понавѣдаться; вы вотъ черезъ Дашу передайте. А ружье-то увезъ! да я новое возьму; можетъ еще повстрѣчаемся баринъ.

— Только подумай, крикнула Слемина,—на мѣстѣ убыю!

Она кинулася къ своей лошади, Даша послѣвшила послѣдовать ея примѣру, и поляна олуствѣла. Одиѣвъ Иванъ стоялъ, раздумывая куда ему направиться въ виду надвигающейся грозы.

XIII.

Терминъ не проѣхалъ и ста сажень отъ поляны, когда за однимъ изъ поворотовъ мелькнула лошадь, и къ нему на встрѣчу выѣхала Варенька.

— Дмитрій Павлычъ, простите, робко заговорила она,—я не повѣдала... я боялась васъ съ ней оставить!

— Хорошо сдѣлали, милая Варенька, отвѣтилъ ей видимо обрадованный Термицъ. — Я очень жалѣлъ что скоропаче послалъ васъ. Не подумалъ что вы легко можете сбѣгаться съ дорогахъ, а тутъ въ добу, какъ я сюда вѣхалъ, мы съ проводникомъ слугнули медвѣда. Могли бы на него попасть, да и темнѣть скоро будетъ; коснемъ ли мы до грозы на дорогу выбраться...

— Это вы не медвѣда слугнули тогда, заговорила дѣвочка, тоже обрадованная тѣмъ что Термицъ не разсердился за неисполненіе его порученія. — Это я за вами вѣхала, да попала въ яму. Едва, едва выкарабкалась! думала лошадь не выберется, а онъ молодецъ!

Дѣвочка ласково погладила своего чуходца.

— Знаете о чемъ я васъ прошу Варенька? Не рассказывайте того что съ нами было.

— Ахъ, я рада! я никому, никому не скажу. А то я все думала: отецъ такъ разсердится! онъ за меня на каждую нойдетъ! Только совсѣмъ не сказать медведя... вотъ я и думала. Если хотите, для васъ я даже солгу...

— Нѣтъ Варенька! лгать ни для кого никогда не нужно. Мы только не скажемъ, кто въ насъ стрѣлялъ.

— А вы что съ нимъ сдѣлали, Дмитрій Павлычъ?

— Я его Варенька подарилъ: Только теперь я въ долгу предъ вами: онъ и васъ стрѣлялъ, слѣдовательно я долженъ былъ и васъ спросить, можно ли его отпустить безъ наказанія.

— Нѣтъ, онъ въ меня не стрѣлялъ, отвѣтила дѣвочка. — Еслибъ онъ зналъ что это я, онъ бы не сталъ стрѣлять. Въ меня онъ нечаянно, а въ васъ нарочно. Ему больше попало, онъ теперь... какъ это... однимъ глазомъ не видитъ.

— Да онъ вѣрно навсегда будетъ кривымъ.

— Вотъ видите! значить его можно было пустить. Вы его развязали?

— Нѣтъ, я его такъ связаннымъ и подарилъ. Пусть сами развязываютъ. Только ружье съ собой взялъ. Еслибъ онъ не такой сильный зарядъ положилъ, въ насъ бы больше попало.

— Дмитрій Павлычъ, отдайте мнѣ это ружье. — Я его беречь буду! сказала Варенька.

— Хорошо, я вамъ его привезу. Не болитъ у васъ шея?

— Нѣтъ! только жгло немножко, а теперь я траву приложила, такъ совсѣмъ прошло. Я и вамъ приготовила, меня Домажгиръ училъ, только...

— Только что Варенька? спросил Терминъ, видя ее смущеніе.

— Только ее жевать нужно было...

И дѣвочка, взглянувъ на него моллицими глазами, робко достала спрятанный на груди самодѣльный пластырь, изъ большаго листа, на которомъ была ровно наложена зеленая, какъ натертая въ аптекъ, масса.

Терминъ невольно улынулся этой деликатности дикарки.

— Давайте ваше лѣкарство, давайте сюда.

И онъ наложилъ пластырь на щеку, начинавшую горѣть и ныть нестерпимо. Почти тотчасъ же почувствовалъ облегченіе онъ сказалъ:

— Хорошій врачъ Домашгиръ, сейчасъ легче стало. Да и вы хорошая ученица.

— Ахъ! я такая глупая, все забываю. А онъ мнѣ много говорить, мало кому такъ много говорить. Онъ хорошій, такой добрый, честный. Если я буду большая, я въ Россію поѣду и его съ собой возьму. Только теперь я не поѣду, задумчиво добавила она, трогая повязку на шеѣ.

— А я думалъ что вамъ хочется побывать въ Россіи. Вотъ я зимой буду въ Петербургѣ, такъ пришлю вамъ разные виды Москвы и Петербурга, вы посмотрите и вамъ понравится.

— Вы развѣ совсѣмъ, такъ навсегда увидите? услужливо глядя на него, спросила Варенька.

— Не знаю, Варенька. Можетъ-быть и скоро вернусь, а можетъ никогда не прійду.

Путники, разговаривая, уже свернули въ лѣсъ и благодаря промятой тропѣ пробиралось скорѣе нежели утромъ. Вдали раздавались раскаты грома, а темныя чернильные цвѣта облака, низко нависши надъ землей, послысь и развѣртывались рядами, завлакивая весь горизонтъ. Въ воздухѣ, яричитанномъ электричествомъ, стояла лютѣйшая тишина. Все постепенно замирало; только по временамъ низко пролетали птицы усмеленно размахивая крыльями, какъ бы съ трудомъ разсѣвая воздухъ. Лошади, тяжело переводя дыханіе, сами ускоряли шагъ, видимо старалось выбраться изъ чащи.

— Гдѣ-то насъ захватитъ гроза? озабоченно проговорил Терминъ, глядя наверхъ.

— Я грозы не боюсь, гроза красива въ лѣсу, сказала Варенька.—Вы еще не видали большой грозы въ тайгѣ?

— Нѣтъ; грозы бывали этимъ лѣтомъ, только очень большой, такой о какихъ намъ разказывали, еще не случалось видѣть.

— Сегодня большая гроза будетъ. Когда такъ дышать тяжело и облака словно кусокъ матеріи... видите какъ?... развертываются, большой громъ будетъ... и молнія, молнія, дождь, какъ потопъ, не каллами, нитками пойдетъ.

Логъ кончился; они выѣхали на тропку, и Терминъ, пропустивъ Вареньку впередъ, перевязалъ ружья, завернувъ ихъ въ кошму которою былъ обернутъ его кожанъ. Какъ ни отговаривалась дѣвочка, но онъ накиннулъ на нее кожанъ, и они крулою рысью тронулись дальше. Раскаты грома становились громче, рѣзче и продолжительнѣе, но молніи еще не было видно. Темнота усиливалась, и съ трудомъ можно было различать предметы, но лошади бодро двигались впередъ, держась самой середины тропки. Наконецъ сверкнула молнія, и ослѣпительный блескъ озарилъ лѣсъ; каждый листокъ, каждая вѣтка, каждый камушекъ на дорожкѣ, пробитой сотней недавно прошедшихъ ногъ и копытъ, отчетливо вырѣзались на фиолетово-бѣломъ фонѣ электрическаго свѣта и грянулъ рѣзкій, одашительный ударъ, подхваченный на сотни отзвуковъ эхомъ окрестныхъ горъ и ущелій. Лошади приостановились.

— Намъ нужно слѣзть съ лошадей, Варенька, сказалъ ей Терминъ.

— Да, я знаю, мнѣ Домажгиръ говорилъ, отвѣтила Варенька сбрасывая кожанъ и соскакивая съ сѣдла.— Вотъ вы видите, мнѣ нельзя въ кожанѣ идти, онъ длинный такой и тяжелый. У меня шубка отъ дождя, я ее надѣну.

Терминъ надѣлъ кожанъ, и пока она развязывала шубку, развернулъ запасный арканъ и замѣнилъ имъ отрѣзанный чумбуръ у Варенькиной лошади. Привязавъ арканъ къ подругѣ своего сѣдла онъ распустилъ чумбуръ у своей лошади и повелъ ее отойти на всю длину чумбура. Варенька шла рядомъ съ нимъ.

Грянулъ второй ударъ, затѣмъ третій. Эхо безкомечными перекатами вторило словно лущечнымъ выстрѣломъ, и скоро удары посыпались такъ часто что гулъ, трескъ и грохотъ не прекращались ни на одну минуту. Молнія била за молніей, то стрѣлой вертикально устремаясь къ землѣ, то подымею

охватывая пооднеба, то зигзагами мелкая со всѣхъ сторонъ. Ослабительный свѣтъ переливался всѣми оттѣнками, переходя изъ фіолетоваго въ желтый, изъ огненнаго въ ярко-бѣлый. Иногда выдавались нѣсколько секундъ полной темноты, лутники и лошади невольно останавливались, не видя даже вѣтокъ предъ самыми глазами. По временамъ часть неба какъ будто разрывалась, и вся окрестность выступала какъ декорация освѣщенная Дрюмондовымъ свѣтомъ. Вершины горъ зубцами и башнями вырисовывались на черномъ фонѣ причудливо клубившихся, низко нависшихъ тучъ; эти темныя массы неслись неудержимо, погоняемая вихремъ, который, еще не касаясь земли, разыгрывался въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Внизу же было такъ тихо что даже листья стояли неподвижно и дымокъ отъ зажженнаго Терминымъ трута вился спирально вверхъ.

— Теперь близко до привала, сказалъ Термиль, — вѣрно наши разбивали шалашъ и оставили его для обратныхъ.

— Дождь еще не скоро ударить, замѣтила Варенька. — Покуда тучи не пригодимутся, онъ не можетъ лойти, развѣ огонь съ неба зажжетъ дерево. Тогда можетъ вдругъ полить.

При непрерывномъ блескѣ молніи лутники добрались до долины привала; имъ навстрѣчу выскочилъ изъ-за кустовъ Коля въ сопровожденіи Павла Чижка.

— Слава Богу! слава Богу! заговорилъ Коля, — мы такъ за васъ боялись, такъ боялись! Я сказалъ всѣмъ что не тронусь отсюда пока васъ не дождусь. Что это съ вами, Дмитрій Павловичъ? Что у васъ на лицѣ?

— Ничего особеннаго, Коля, послѣ разкажу. У васъ тутъ вѣрно шалашъ есть.

— Лучше чѣмъ шалашъ! Мы съ Павломъ тутъ скалу нащипали, точно гротъ, и не очень высоко. Я вамъ покажу, только вотъ лошадей вашихъ разсѣдаемъ; нужно сѣдла туда отнести; наши ужъ тамъ и сѣдла, и ружья.

Лошади живо были разсѣданы, только потяжиковъ съ нихъ не сняли, стреножены и оставлены у кустовъ. Не прошло и пяти минутъ какъ всѣ уже размѣстились въ углубленіи которое очень напомнило Термину гротъ на Тулумбѣ. Коля, узнавъ что они съ утра ничего не ѣли, началъ угощать уже завареннымъ чаемъ и цѣлымъ заласомъ разной провизіи. Варенька сперва отказалась, но по настоянію Термина рѣшилась начать, и голодъ взялъ свое. Коля былъ въ восторгѣ.

А гроза разыгрывалась. Сперва зашевелили листья на кустарникахъ, затѣмъ дрогнули тонкія какъ стрѣлки верхушкы молодыхъ деревьевъ, и наконецъ отъ сильнаго, продолжительнаго порыва зашевелились даже старыя лѣсные великаны. Стройныя лихты и лиственницы начали раскачиваться все сильнѣе, порывы вѣтра участились и вдругъ перешли въ вихрь. Лѣсъ ожилъ и зашумѣлъ; то тутъ, то тамъ раздавался трескъ ломавшихся сучьевъ или отъ паденія подгниващаго сухостоя. Вѣтеръ заревѣлъ и завывалъ какъ звѣрь, какъ левъ, разбившій желѣзную кайтку и разметавшій все преграды. По дошибъ неслабѣ цѣлыя столбы сухихъ листьевъ, хвои, валежнику и того лѣснаго мусора что годами скопается въ нѣдрахъ тайги. Наконецъ раздался еще небывалый, короткій, словно выстрѣлъ изъ тяжелаго орудія, особенно оглушительный ударъ, все видимое изъ грота пространство какъ бы залило огнемъ, и громадный, отъ верхушкы до низу рацеленный кедръ, вспыхнулъ разомъ, какъ гигантскій смольный факель. Почти сафдемъ за раскатомъ хлынулъ такой ливень какого никто изъ присутствовавшихъ не могъ себѣ и представить. Не прошло полчася какъ по срединѣ долины шумѣлъ и клокоталъ мутный потокъ, неся цѣлыя кусты и даже деревья.

Когда громовой ударъ зажегъ дерево, Варенька и Коля невольно вскочили на ноги, Павелъ перекрестился, а Термина не могъ удержаться отъ восклицанія „какая прелесть!“ Коля, подавши чувство страха, старался оправиться и заговорилъ первый.

Коля обсуждалъ съ Павломъ необходимость развѣять луты у лошадей, которыхъ забило въ кусты. Павелъ же безъ труда добрался, частью долакомъ, на четверенькахъ, до лошадей, и умная животная сразу бросилась къ тому мѣсту гдѣ находилась изъ хованка.

Гроза начала стихать, но трогаться въ луты и думать было нечего. Впрочемъ мѣстечке въ которомъ они оказались отъ грозы было гораздо удобнѣе всякаго шалаша: на капли дождя въ него не попадаю; моху, листьевъ, еще до прѣзда Термина съ Варенькой, Коля и Павелъ натаскали цѣлую кучу, и лутники устроились, какъ говорилъ Коля, „не-царски“. У входа развели костеръ, который разгорался по мѣрѣ того какъ утихала бѣра; все размѣстившись поудобнѣе, и вскорѣ захрапѣлъ Павелъ, а за нимъ и остальные сладко заснули

послѣ тревожнаго дня, подъ глухіе раскаты удаляющейся грозы и релютъ новообразовавшейся дождевой рѣки.

Солнце уже поддалось высоке когда первымъ проснулся Павелъ; онъ вскочилъ на ноги, съ удивленіемъ омянулся и не могъ сразу вспомнить гдѣ онъ и почему попалъ въ эту пещеру.

— Эхъ, проза-то насъ изморима! оказалъ онъ, велемнивъ вчерашній вечеръ.—Пожалуй часъ восьмой, коли не больше, задалъ онъ себѣ вопросъ и тихо вышелъ изъ расщелины.

Лошади были на мѣстѣ и въ запуски рвали сочную, словно алмазами осыпанную траву. Павелъ прежде всего направился къ потоку и сломавъ жерди началъ искать брода, а кста-ти сполоснулъ себѣ лицо и руки. Только пройдя съ полверсты онъ нашель мѣсто, гдѣ глубины было не болѣе аршина. Вернувшись назадъ, Павелъ обтеръ лошадей и наконецъ рѣшился будить господъ. Термишъ откликнулся первымъ и вышелъ на поляну. Коля тоже вскочилъ на ноги и живо присоединился къ Термишу. Онъ началъ по-французски разспрашивать Термина о его ранѣ и тотъ, къ ужасу Коля, сообщилъ ему по секрету что ишь чуть не убитъ. Коля какъ-то разомъ повздорилъ, кудаки его судорожно ожалась и онъ такимъ необычнымъ голосомъ спросилъ: „кто же въ нее стрѣлялъ?“ что Термишъ невольно замѣтилъ: „одинъ вы бѣдочный!“ Узнавъ что Варенька тоже легко ранена, онъ съ укоризной посмотрѣвъ на Термина кинулся къ грету, но остановился у входа какъ вкопанный. Померекъ разсѣданнымъ былъ лопатыми, рванутый во всю шарину, кожанъ, и изъ него раздался голосъ Вареньки:

— Я скоро буду готова! Я васъ крикну тогда, а вы вотъ чайничка согрѣйте.

И изъ-за кожана высунулась смуглая, но маленькая и красивая рука съ чайникомъ.

— У васъ ничего не болитъ, Варенька? озабоченно спросилъ ее Коля.

— Головка болитъ, мурашекъ буду кумать, малюбнымъ голоскомъ отвѣтила ему дѣвочка, и ея веселый звонкій смѣхъ успокоилъ и обрадовалъ мальчика.

Не скоро вышла Варенька къ петербургско ожидающимъ ее спутникамъ. Не легкое дѣло было ей притясти себя въ порядокъ; она должна была переплести наново все свои безчисленные косички, и вѣрно немало волосъ пришлось ей

выдернуть и отрѣзать чтобъ освободить свою прическу отъ вчерашнихъ непрошешыхъ украшеній. Коля только ахнулъ, увидавъ комокъ который она бросила въ воду.

— А у меня одной косички нѣтъ, сказала Варенька Термину, — только кусочекъ остался.

— Косичку вашу вѣрно срѣзало, отвѣтилъ ей Терминъ; — а ее нашелъ и спряталъ на память. Однако намъ пора, нужно торолиться.

Скоро лошади были осѣдлавы, и они тронулись на новый приискъ.

XIV.

На сухой полянѣ кипѣла работа. Въ логахъ валяли дѣрвья и пилили доски; къ ключу прорубали широкую просѣку и одновременно ставили козлы подъ желобъ, который долженъ былъ вести воду на поляну. Штейнъ былъ въ восторгѣ отъ ключа и доказывалъ возможность усилить притокъ воды. Горный ревизоръ не могъ надивиться равномерному распредѣленію водота въ розсыли, такъ какъ пробы, промываемая изъ шурфовъ, на протяженіи пяти верстъ показывали одинаковое содержаніе.

— Богатѣйшій у васъ приискъ, Павелъ Александровичъ! богатѣйшій! говорилъ онъ Нилу.— Вы отсюда, бѣдно-бѣдно, тысячь триста рубликовъ добудете. На десять лѣтъ по тридцати тысячь аренды получали.

— Не вѣрно считать изволите, спорилъ Штейнъ.— По моему расчету, изъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ мыть въ два раза больше. Только бы вода была. Я убѣжденъ что въ этихъ логахъ найдутся еще ключи, а если хоть одинъ еще найдемъ, то сразу въ двѣ машины мыть будемъ.

— О сухомъ логѣ давно слухи ходили, замѣтилъ Старый, который считался самымъ знающимъ и въ то же время самымъ неудачнымъ золотопромышленникомъ.— Еще Козалевъ сюда партію посылалъ, только его прикащикъ и шурфовъ не билъ. „Зачѣмъ, говорить, мы время терять будемъ, нешто безъ воды можно золото мыть?“

— Я тоже такъ полагалъ, вмѣшался въ разговоръ главный виновникъ открытія новаго прииска, вожакъ Филиппъ.— Да только думалось: неужто воды провести нельзя? У Американцевъ, говорятъ, за 50 верстъ воду трубами ведутъ. У насъ-то трубы

и за большія деньги не купишь, правда; ну, а лѣсъ-то не покупной. Чѣмъ больше свалишь, тѣмъ больше пользы. Легче жить; лихорадокъ да сырья всякаго меньше будетъ. Вотъ я и сталъ пробы-то въ мѣшкѣ таскать. Пудовъ больше ста на себѣ за двѣнадцать верстъ приперѣ. Промыслъ, вижу благодать Господня! А теперь, глядь, Богъ и воду далъ. И сколько у насъ, повыше-то, въ горахъ такихъ мѣстовъ по ущельямъ да по догамъ лежить—страсти! Наши-то промышленники лишь бы урвать богатую розсылъ изъ середки, а что поплومه такъ лесками завалить. Начальство-то мирводитъ...

— Ну ты смотри, говори да не заговаривайся! крикнулъ на него ревизоръ,—я тебѣ морду почищу!..

— Эхъ—сударь, ваше благородіе! отъ чистки-то отъ этой сколько убытку казна терлитъ, того не подумаетъ.—Развѣ я тебѣ согрубилъ, али вру? а ты бы меня, мужика, выслушалъ да пораспросилъ,—вотъ какъ господа настоящіе дѣлаютъ, хозяева-то наши, да дѣло бы наскрозъ произошелъ; была бы и тебѣ честь, и царю польза. Кабы зналъ нашъ батюшка что вы у него золотого-то, на кабинетскихъ земляхъ, загубили да завалили, плохо бы и вамъ пришлось..

— Чтò ты, болванъ, о двухъ головахъ что ли? накинудся на него горный исправникъ,—я тебя въ острогъ посажу.

— Не посадишь баринъ, не за чтò. Самъ знаешь что правду говорю; да и не про васъ, а про томскихъ да барнаульскихъ. Здѣсь казенныхъ работъ нѣтъ. И Филиппъ, выложивъ душу, какъ онъ объяснилъ Стороженку, пошелъ къ шурфамъ, а ревизоръ обратился къ Нилову.

— Вотъ, батюшка, вотъ плоды вашей гуманности—въ глаза начальству чтò говорить!

— Чтò жъ, сказалъ Ниловъ усмѣхаясь,—по новѣйшей адвокатской фразеологіи, онъ лишь констатируетъ факты и строить предположенія.

— Ну адвокатовъ сюда къ намъ въ Сибирь еще не скоро пришлютъ, замѣтилъ ревизоръ.—Сибирь-матушка ото всякихъ этихъ новшествъ надолго еще застрахована. На нашъ вѣкъ еще старыхъ порядковъ хватить.

— Помилуйте! перебилъ его исправникъ.—Если у насъ введутъ новые суды, да разныхъ тамъ слѣдователей, защитниковъ и застѣдателей, тогда либо бѣги отсюда вонъ, либо ложись и помирай... И то каторжную лямку тянешь ради того лишь

чтобы на старость кусочекъ отложить, а тогда и отъ него откажешься.

Отчего вы такъ боитесь новыхъ порядковъ? спросилъ Ниловъ.

— Какъ отчего-съ? вѣдь тогда никакая власть не выдержитъ. Да вотъ помните мое слово, у васъ тамъ и въ Россіи-то договорятся... Сегодня оправдали, завтра отпустили; глядишь, отпущенныхъ да оправданныхъ кучка порядочная наберется и начнутъ они другъ съ дружкой снюхиваться, да знакомиться; глядишь и шайка подобралась. Омъ-то хоть и оправданъ и изъ-подъ ареста даже безъ суда отпущенъ, а все-таки какъ бы клейменный. Съ доврѣемъ къ нему ужъ рѣдко кто останется...

— Что слѣдователи должны быть осмотрительнѣе, это правда.

— Да что такое у васъ слѣдователи? Либо пленецъ со школьной скамьи, либо офицеръ или чиновникъ, который и экзамена никакого не сдалъ; а власти имъ дано пожалуй больше чѣмъ губернатору. Вотъ онъ и усердствуетъ. Богатаго да знатнаго трогать не смѣетъ, ну а надъ простыми людьми куражится. А за неправильный арестъ самого вѣдь не посадятъ.

— Это-то и безъ слѣдователей у насъ практикуется, замѣтилъ Старый.

— Практикуется-то надъ правъ-лишенными. Они, такъ сказать, уже не граждане, а такъ себѣ—доживающіе земной срокъ.

— Такъ что жъ по вашему они не люди?

— Съ точки юридической: не вполне.

— Да вѣдь наказаніе они отбыли?

— Нѣтъ-съ! наказаніе они должны нести до гробовой доски. Какъ только правъ лишили, то уже права не возвращаются. Назадъ за Уралъ ни-ни! Ну, а здѣсь Сибирь-съ! не даромъ же говорится „сослать въ Сибирь“. Онъ и здѣсь безъ правъ долженъ оставаться, а то какое же ему было бы наказаніе. Притѣромъ возьмемъ нашъ округъ. Климатъ отличный, много лучше и здоровѣе сѣверныхъ губерній Россіи. Хлѣбъ родитъ не хуже какъ въ Малороссіи, вѣдять здѣсь хорошо, лѣсу еще много. Вся Новгородская губернія сюда бы сбѣжала кабы знали какъ здѣсь живется работающему мужику.

Вдали послышались колокольчики; разговоръ прекратился, и всѣ съ любопытствомъ обратились къ просѣкѣ, недоумѣвая кто могъ проѣхать по только-что проложенной тропѣ. На

полянѣ выбѣжала тройка коренастыхъ, мохнатыхъ лошадокъ запряженныхъ гусемъ въ легонькій, плетеный тарантасикъ на длинныхъ уакихъ дрогахъ. Верхъ былъ откинутъ, и хорошо знакомая всѣмъ статная фигура Ватрушина выдѣлилась на пестромъ коврѣ покрывавшемъ сидѣнье. Его сопровождали Терминъ, Варенька, Коля и Павелъ Чижъ.

— Ниловъ, Горскій и всѣ гости пріиска послѣдили навстрѣчу новоприбывшимъ. Ватрушина молодецки на ходу выскочилъ изъ тарантаса и началъ здороваться, а затѣмъ, обратившись къ собравшимся около котловъ рабочимъ, крикнулъ имъ „здорово братцы“ такимъ начальственно-привѣтливымъ голосомъ что всѣ не хуже роты солдатъ гаркнули: „здравія желаемъ Нилъ Петровичъ“!

— А! господа „золотые начальники“, вы еще здѣсь? Честно имѣю кланяться! привѣтствовалъ ихъ Ватрушинъ.—А я думалъ что олаздаю и не застаю вашего блеска.

— Все шутите, Нилъ Петровичъ! отвѣтилъ ему съ любезною улыбкой ревизоръ.

— Гдѣ тутъ шутить! до того ли! Я радуюсь что избавляю васъ отъ напрасныхъ трудовъ если правда что вы отъ прекрасной дамы уже успѣли получить заявку.

— Отъ какой „прекрасной дамы“? удивился ревизоръ.

Значить не получали и ничего не знаете. Отлично! а я вамъ новость привезу, господа, да еще какую! годъ всѣ вмѣстѣ будете отгадывать и не придумаете, продолжалъ Ватрушинъ, направляясь къ палаткѣ въ которой изъ-за приподнятаго полога видѣлся накрытый столъ.—Вотъ только, если хозяева угощать, пропущу „большущую“, а тамъ и разкажу.

— Если не втерпежъ, дорогой Нилъ Петровичъ, то пропустайте, а мы думали, благо Терминъ подѣхалъ, начать съ молебна; а тамъ отецъ Яковъ и тралезу бы намъ благословилъ, смѣясь отвѣтилъ ему Ниловъ.—Мы сейчасъ пріискъ открываемъ.

И то дѣло! подождать можно.

Всѣ спустились въ глубокую траншею съ которой начался разрѣзъ новаго пріиска. Отецъ Яковъ, облачась при помощи Непомнящаго, началъ молебствіе. На доскѣ начальнаго столба доморощенный живолисецъ красиво намалевалъ „Симеоновскій пріискъ“, и всѣ присутствовавшіе, не исключая и Вареньку, навалили по лодной лопатѣ пласта въ „первую таратайку“ новооткрытаго пріиска. Таратайка, за неимѣ-

нѣмъ еще машины, лѣзла къ временному корыту, а гости вслѣдъ за хозяевами направились къ палаткѣ.

Когда Ватрушинъ пропустилъ двѣ „большущихъ“ и всѣ размѣстались около импровизованныхъ столовъ, Ниловъ обратился къ неожиданному гостю.

— Что же общанный разказъ Нилъ Петровичъ?

— Сперва позвольте допросить присутствующихъ, не догадался ли кто о причинѣ моего наѣзда. Чтобы облегчить загадку могу намекъ дать. Жили мы проживали, деньги зарабатывали, ото всякихъ вѣяній хоровались, ото всякихъ „измовъ“ сторонились; по слухамъ лишь о нигилистахъ знали—ни одного здѣсь въ глаза не видали. И вдругъ, честные господа, оказывается что и у насъ не безъ того... Я какъ исправникъ, главный полиціи начальникъ, ничего о семъ не знаю, да пожалуй еще и помогаю. И вотъ получилъ я нахлобучку за эту самую штучку, сѣлъ въ свой тарантасъ и очутился среди васъ. Такъ-то-съ!

Всѣ съ изумленіемъ переглянулись.

— Не трудитесь, не ломайте головы, не догадаетесь, заговорилъ Ватрушинъ,—а самъ сказать не могу—порученіе секретное. Ну-съ, дорогіе хозяева, продолжалъ онъ,—спасибо за щи и за кашу, да за ласку вашу! теперь посомоку на дорожку, да и въ путь. Хоть въ глухую полночь, а послѣтъ долженъ. А завтра и въ городъ.

— Мы тоже сегодня выѣдемъ, сказалъ Горскій, ловко заминная неудобный для исправника разговоръ,—теперь здѣсь начнетъ работать Кузьма Силычъ.

Охъ! Николай Павловичъ, боюсь я, какъ бы моя неудачливость при мнѣ не осталась!

Не бойся Кузьма Силычъ! золото не уйдетъ; не даромъ отецъ Яковъ молился. Его молитва и съ тебя чары сниметь.

Когда обѣдъ кончился, Таркизь, неуспѣвшій переговорить съ дочерью, взялъ ее на допросъ. Варенька очень хитро передала ему подробности своей отлучки; выставила Термина своимъ спасителемъ; разказала какъ о ней заботились Коля съ Чижомъ и сумѣла даже растрогать грубую, но чадолобивую натуру инородца.

Таркизь поймалъ Термина и, стиснувъ обѣими руками его руку, какъ преданная собака заглянулъ ему въ глаза.

— Другъ! кунакъ! на вся жизнь тебѣ Таркизь должна будетъ. Прикажи что хочъ! спрости что хочъ! все бери! что скажешь, все Петра Акимычъ сдѣлаеть!

Прижавъ руку Термина къ своей груди, онъ сильно ее потрясъ и не ожидая отвѣта отъ изумленнаго Термина, быстрыми шагами пошелъ къ своимъ лошадямъ, и лѣ дороги ъкрикнулъ Колю.

Никола Николычъ! ходи на пара словъ!

Коля подбѣжалъ къ нему.

— Мой Варенька все мнѣ говорила! все знаю! спасибо тебѣ Никола Николычъ! Выростешь большой, тебѣ Таркизь стара другъ будетъ!

— Вы давно знаете, Петръ Акимычъ, что я Вареньку какъ сестру люблю, отвѣтилъ ему Коля.

— Луби, Никола Николычъ! луби! хороша дѣвушка мой Варенька; больше растеть, больше хороша станетъ. Я теперь впередъ поѣду, у меня приставать будете; приготовить надо, а она лущай съ вами ѣдетъ. Я шибко любѣгу на лошадяхъ. Три раза мѣнять буду, двадцать пять верста въ одна часъ дѣлать буду; ей не послѣтъ. Павла Чиж! Павла! ходи ко мнѣ! крикнулъ онъ къ рабочимъ.

Павелъ подошелъ на зовъ и Таркизь спросилъ его чрезъ плечо:

— Ты на прииска остаешься? съ господамъ въ городъ не ѣдешь?

Нѣтъ, Петръ Акимычъ, мнѣ приказано на старый приискъ идти.

— Зачѣмъ лѣвшкомъ ходилъ, когда свой лошадь есть?

— Какая лошадь? у меня отродясь своей не бывало.

— А я тебѣ говорю есть! сердито сказалъ Таркизь,—вонъ моя чалый на тебя глядитъ, значитъ хозяина призналъ. Бери, ѣзди, береги, да за мой дочка у Бога моли чтобъ здоровъ былъ!

— Спасибо, Петръ Акимычъ! догадался Павелъ,—дай Богъ вамъ обоимъ сто лѣтъ здоровымъ быть.

— Не ты мнѣ, я тебѣ спасибо говорю. Такъ какъ есть, со всѣмъ прикладомъ бери, да не скажи никому, за что давалъ. Говоры: службу Таркизу дѣлалъ, она и подарилъ.

— Какъ сказали, такъ и говорить буду, отвѣсилъ ему низкій поклонъ Павелъ и повелъ даренаго коня подальше отъ цинородческихъ лошадей. Лошадь была добрая; мысленно онъ отъвилъ ее рублей въ пятьдесятъ.

Скоро лошади были осѣданы, тарантасы и повозки запряжены, и длинный поѣздъ, звеня колокольчиками и громыхая и дребезжа бубенчиками, тронулся длинною вереницей.

Рабочіе, оставшіеся подъ начальствомъ у Старого, дружными, раскатистымъ ура! проводили своихъ главныхъ хозяевъ. Къ ночи всѣ добрались до Ивановскаго прииска; на которомъ ужь сразу и очень замѣтно налегла печать запустѣнія. Ливень прорвалъ лотки, вода во многихъ мѣстахъ затопила разрѣзъ, занесла лескомъ, иломъ и мусорожъ отводныя каналы; разворотила сходни и разметала остатки корытъ и разныхъ приспособленій. Идеальный порядокъ и чистота, которые поддерживались Стороженкомъ, уже уступали мѣсто безобразному хаосу, который воцарился на оставляемомъ приискѣ. За исключеніемъ хозяйскаго домика и амбара, всѣ постройки представляли начало разрушенія: рамы были вынуты, двери окаты съ петель; желѣзо которое только можно было взять или вытащить изъ стѣнъ было уже взято; и длинная казарма мрачно зилаа черными отверстиями бывшихъ оконъ и дверей. Одинъ лишь хозяйскій домикъ сохранилъ свою привѣтливую наружность и блестялъ стеклами своихъ оконъ, приглашая путниковъ остановиться для отдыха. Стороженко, оставшійся съ десяткомъ рабочихъ на приискѣ, встрѣтилъ хозяевъ у въѣзда и доложилъ что завтра можно начать перевозку стоящаго матеріала на новый приискъ.

XV.

Секретъ Ватрушина разъяснился на перепутьи у Таркиза, куда исправникъ прибылъ почти вслѣдъ за всѣмъ кружкомъ. Секретное порученіе его было успѣшно имъ исполнено, и онъ не имѣлъ причинъ болѣе таиться. Тѣмъ не менѣе новость поразила всѣхъ. Оказалось что онъ ѣздилъ арестовать Слемину, и красивая вдовушка была отправлена имъ подъ конвоемъ въ Золотинскъ. Между общими знакомыми только и было разговору что объ этомъ событіи.

— Мнѣ все-таки не въ домекъ-съ, говоритъ гордый ревизоръ Ватрушину, — въ чемъ суть. Неужели Ладія Сергѣевна замѣтана въ какое-нибудь политическое дѣло?

— Во что она замѣтана, не знаю. Знаю только что она поддерживаетъ какія-то сношенія, съ какими-то революционерами въ Европѣ и вапши доморощенными. И на кой прахъ имъ эта бабенка понадобилась, понять не могу.

— Мужъ, покойникъ, виновать, сказала Горскій. У него въ головѣ всегда сквознякъ подувалъ, а тутъ еще жегунка бѣдовая попалась. Чѣмъ бы ее уму-разуму научить, онъ-то самъ ее на дурацкія мысли навелъ, да за границу возить, людей смотрѣть. Вотъ она и насмотрѣлась.

Варенька ужасно интересовалась тѣмъ что съ нею сдѣлають и упросила Колю непременно спросить у исправника.

— Вамъ развѣ любопытно знать что сдѣлають со Слониной? спросила ее Коля.

— Какое вамъ дѣло? я хочу чтобы вы спросили, вы и спрашивайте.

— Я-то спрошу, а все-таки...

— Ничего-таки... спросите сейчас!

Коля послушно обратился къ Валрушину.

— А что со Слониной будетъ, Нилъ Петровичъ?

Не знаю, дружокъ, что съ нею будетъ. Телерь ее повезутъ въ нашъ губернской городъ, а оттуда вѣроятно и дальше.

— Куда дальше? спросилъ Таркивъ.

— Въ Петербургъ, Петръ Акимычъ. Такихъ вѣсѣхъ сперва въ Петербургъ на казенный счетъ везать, тамъ имъ Цѣлной мостъ покажутъ, черезъ Фонтанку перевезутъ, а затѣмъ либо въ стравы не столь отдаленныя, либо на всѣ на четыре стороны. Проловѣдывай, голубчикъ, лока олятъ не поладеться. А проловѣдывать такому и съ руки, и вѣры ему больше; все равно какъ раскольнику, который въ острогѣ за вѣру посидѣлъ. Пострадавшій; гоненія удостоился; мученикъ! пари держу что трехъ лѣтъ не пройдетъ, какъ у Лидіи Сергѣевны свой салонъ въ Петербургѣ будетъ.

— Коля, олятъ шепнула Варенька, — что значить салонъ?

— Салонъ, по-русски значить гостинная. Это значить у нея будетъ своя квартира, а въ ее гостинную будутъ многіе приходять.

— А правду онъ это сказалъ?

— Вѣроятно правду. Я по палашиной улыбкѣ вижу что правду.

— Зачѣмъ же къ ней лойдутъ?

— Вѣроятно она въ моду войдетъ.

Какія глупости! мода только на платья бываетъ; разсердилась Варенька. — Николай Павловичъ! можетъ развѣ чело-вѣкъ въ моду войти?

— Можетъ; стоить только ему что-нибудь такое сдѣлать чтобы всѣ о немъ заговорили. Покуда будутъ говорить, куда онъ и въ модѣ будетъ.

— Вотъ теперь у насъ Слемина въ модѣ будетъ, замѣтилъ Нидовъ.

— Она у насъ давно въ модѣ и изъ моды не выходила сказалъ ревизоръ.—А все-таки досадно что одной хорошенькой барыней меньше станетъ; хоть полюбуешься бывало...

— Змѣйка тоже очень красивъ бываетъ, захохоталъ Таркизь, а на нее мода простой: какъ увидишь, такъ и пристукнула. Слемина большой змѣя, хорошо что ей увезутъ. Пожалуста, Нилъ Петровичъ, такъ увози чтобы совсѣмъ назадъ не вернулся.

Термиъ упорно молчалъ, глядя въ окно, и Нидовъ, замѣтивъ какъ ему не по себѣ, послѣдшилъ переменить разговоръ.

Вскорѣ всѣ простились съ гостеприимнымъ инородцемъ и отправились въ Золотимскъ.

По переѣздѣ въ городъ Нидовъ и Термиъ поселились не на старой квартирѣ, а въ небольшомъ, новомъ домѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ дома Горскихъ. Домъ этотъ былъ нанятъ для нихъ Николаемъ Павловичемъ и отличался отъ общаго типа золотимскихъ домовъ расположеніемъ и высотой своихъ просторныхъ комнатъ, такъ какъ хозяинъ строилъ его для себя и только въ силу разныхъ нежданыхъ обстоятельствъ рѣшился отдать его въ наемъ. Предшествою зимою Нидовъ и Термиъ даже не открывали многихъ ящичковъ съ разными вещами привезенными изъ Петербурга; за лѣто они еще кое-что выписали, и теперь только при помощи всей семьи Горскихъ приступили къ устройству своего новаго гнѣзда.

Молодежь не мало дивилась что холостые люди отдѣлываютъ свой домъ совершенно по семейному. Но скоро причина этого стала для всѣхъ понятною.

Въ одинъ изъ теплыхъ октябрьскихъ дней Термиъ, только что вернувшійся изъ Барнаула, куда онъ ѣздилъ сдавать золото намытое на Ивановскомъ приискѣ, предложилъ устроить поѣздку за городъ большою компаніей. Предъ самымъ отъѣздомъ старушкѣ Стеланидѣ, которая лежала во фангелѣ дома Горскихъ, стало хуже, и Ольга Петровна, несмотря на всѣ уговоры, рѣшилась остаться при ней. Въ минуту отъѣзда Нидовъ получилъ заказное письмо и объявилъ что сперва

напишеть и пошлетъ телеграмму, а затѣмъ нагонитъ всѣхъ за городомъ близъ заимки, которая была назначена конечною дѣлю импровизованнаго пикника. Пришлось и его уволить. Всѣ постовали, поворчали, но тѣмъ не менѣе рѣшили отправиться, такъ какъ Терминъ обѣщалъ въ случаѣ неавки Нилова отрадить депутацию съ порученіемъ привезти его хотя бы силой.

Не прошло и получаса съ отъѣзда всѣхъ какъ Ниловъ вошелъ во дворъ дома Горскихъ и направился къ флигелю въ которомъ лежала Степанида. Ольга Петровна, сидѣвшая у открытаго окна, окликнула его.

— Павелъ Александровичъ, вы отчего же не лоѣхали?

— Получилъ письмо, на которое мнѣ хотѣлось бы отвѣтить телеграммой, но отвѣтъ зависить отъ васъ, Ольга Петровна, сказалъ Ниловъ.—Что наша больная? могу ли я войти къ вамъ во флигель?

— Больная въ полузабытці, и вы ее не потревожите если войдете тихонько. Почему отвѣтъ, да еще и телеграммой зависить отъ меня? спросила Ольга, когда Ниловъ вошелъ въ комнату.

— Прочтите письмо и узнаете, отвѣтилъ Ниловъ, подавая ей конвертъ.

Ольга какъ-то нерѣшительно взяла изъ его рукъ письмо и взглянула на почеркъ адреса. Почеркъ, видимо женскій, былъ ей незнакомъ.

— Это рука моей матушки, сказалъ ей Ниловъ.

Когда Ольга прочла первую страницу письма, густая краска залила ея лицо и шею; опустивъ голову, молодая дѣвушка нѣсколько минутъ не могла заговорить съ Ниловымъ.

— Теперь вы знаете, Ольга Петровна, почему отвѣтъ зависить отъ васъ. Что я могу сообщить моей матери?

Ольга подняла на него свои большіе вдумчивые глаза, и никогда еще она не смотрѣла на Нилова такимъ серьезнымъ ласково-вспытующимъ взглядомъ какъ въ эту, на всю жизнь памятную для него минуту.

— Я горячо полюбилъ васъ, Ольга Петровна. Еще не скоро думалъ я сказать вамъ это, но эта старушка своими простыми сердечными словами придава мнѣ и мужества, и рѣшимости. Она мнѣ все рассказала. Вы мнѣ сласли жизнь, и теперь я васъ прошу, позвольте мнѣ посвятить вамъ эту жизнь вполнѣ, навсегда, безраздѣльно.

— Судьба ли я одвѣлять эту жизнь не бременемъ, а легкой и приятной ношей, Павелъ Александровичъ? взволнованно проговорила Ольга. — Я вспоминаю любимое выраженіе моего отца. Онъ говорилъ: „мужъ и жена только тогда могутъ быть счастливы когда они несутъ легко тяготу другъ друга.“

— Когда другъ друга любятъ искренно, все кажется легкимъ, Ольга Петровна.

— Да, въ началѣ, въ первые годы, а тамъ, когда жить принесетъ массу своихъ мелкихъ ежедневныхъ мелочей, потребностей и волненьевъ, которые необходимо разрѣшать ежедневно, зная что впереди ихъ будетъ являться все больше и больше... Я въ домъ Горскихъ узнала жизнь съ-ея непріятной стороны. Я ежедневно вижу какой трудъ, какаа отвѣтственность лежитъ на людяхъ которые вступаютъ въ бракъ.

— Простите, дорогой мой Павелъ Александровичъ, что я вамъ это говорю какъ бы въ отвѣтъ на ваше искреннее, сердечное признаніе... Я ему вѣрю! я сама насъ любила еще раньше васъ... я ждала этой минуты... а думала о ней, и теперь, когда она настала, предо мной невольно провеселась все эти вопросы, все эти сомнѣнія, которые осаждали и мучили меня за это время... Ну, Богъ съ ними! вотъ вамъ моя рука, она давно ваша...

Нилъ схватилъ протянутую ему руку и сыпалъ ее лобызаніями. Онъ чувствовалъ что, несмотря на свою живость, на свою близку, это не была рука свѣтской, балованной барышни; это была рука русской, хорошей, любящей дѣвушки...

Молодые люди не замѣтили что баловная пришла въ себя; очнувшись и съ любовью на нихъ смотрѣла.

— Что, родные мои? слабымъ голосомъ заговорила Степанида, — али Богъ мнѣ радость послалъ первой васъ поздравить женихомъ да невѣстой?

— Тебѣ, няня, тебѣ! Ты, по праву, первая должна насъ поздравить, отвѣтила ей Нилъ, не выпуская руки Ольги.

— Дай вамъ Господь совѣтъ да любовь. Дождайтесь таки большой радости. Теперь совсемъ готова туда идти даъ за васъ молиться буду. А наши-то все тѣ же?

Ея рассказали о Нилѣ за городъ, и старуха засуетилась несмотря на свою слабость.

— Сейчасъ туда поѣзжайте! сейчасъ. Почему вамъ въ такіе-то часы у больной старухи сидѣть? Счастливые этихъ часовъ!

у васъ въ жизни не будетъ. Мало ли тутъ народу за мной присмотрѣть!

Какъ ни отговаривалась Ольга, но больная настояла на своемъ, и чрезъ полчаса молодые люди уже вѣхали верхомъ по красивой рошѣ, начинавшейся отъ самаго города. Неуправляемые лошади шли крупнымъ, махистымъ шагомъ по песчаной дорогѣ, а всадники, не слуская глазъ другъ съ друга, обмѣнивались тѣми короткими фразами значеніе которыхъ непонятно для посторонняго слушателя. Они вспоминали всевозможные мелкіе эпизоды своего перваго знакомства, разныя подробности первыхъ встрѣчъ и разговоровъ, обмѣнивались мыслями, которыя приходили имъ по поводу другъ друга въ теченіе цѣлаго года жизни въ Золотинскѣ. Незамѣтно доѣхали они до заимки и застали все общество готовящее обѣдъ подъ открытымъ небомъ.

Дѣти очень удивились увидѣвъ ихъ вдвоемъ, а Николай Павловичъ обмѣнялся выразительнымъ взглядомъ съ Анной Павловной, которая улыбнулась какою-то скорѣе грустною чѣмъ радостною улыбкой. Она догадалась что жизнь требуетъ еще одной жертвы, лишая ее и друга и незамѣнимой помощницы въ дѣлѣ образованія дѣтей. „Хорошо что почти всѣ уже на ногахъ“, подумала она.

— Послалъ телеграмму? спросилъ Терманъ Нилова.

Ниловъ, взглянувъ на Ольгу, сильно покраснѣвъ. Ему было неловко совнаться что въ чаду своей радости онъ забылъ поскорѣе обрадовать любимую мать.

— Пошлю сегодня вечеромъ, отвѣтилъ онъ своему другу, отъ взгляда котораго не скрылось его смущеніе.

— А какимъ обѣдомъ мы васъ угостимъ! торжественно провозгласилъ Коля.—Я варю стерлядь; Стась, несмотря на помѣху Саша, готовить нельмени; Вѣра страдаетъ парожное; Іеремія Осипычъ жаритъ шашлыкъ, а Кирилычъ насъ всѣхъ бранитъ и ничего не дѣлаетъ!

— Много бы вы надѣлали безъ Кирилыча! проворчалъ старикъ.—Одинъ не доваритъ, другой не дожаритъ, третій пересолитъ. Такъ не кушавши всѣ бы и домой поѣхали.

Вѣра, подойдя къ сѣзавшей съ лошади Ольгѣ Петровнѣ, пытливо на нее посмотрѣла. Она подмѣтила какое-то новое выраженіе въ лицѣ своего друга-наставницы и не могла догадаться что оно означаетъ.

— Что, Степанидъ лучше? спросила она.

— Гораздо лучше, отвѣчала Ольга Петровна, заправляя шлейфъ своей, не особенно длинной амазонки.—Дайте и мнѣ какое-нибудь дѣло.

— Какое вамъ дѣло дать? откликнулася Кирилычъ.—Накрывайте-ка на столъ, Павелъ Александровичъ, вамъ помогутъ. Телерь онъ взаправду свой человекъ, можно имъ это удовольствіе доставить.

— Спасибо, Кирилычъ! телерь и ты меня своимъ считаешь, сказалъ ему Ниловъ, направляясь къ корзинѣ съ посудой.

— Чтò съ вами подѣлаешь! шутилъ старикъ,—дѣлмый годъ искусь выдержали, телерь и аттестатъ вамъ выдать можно: поведенія дескать добродѣтельного, тверезъ и дѣло свое знаетъ.

Всѣ засмѣялись, а Саша, раскатавъ тонкій кусокъ тѣста, подбѣжала къ старику.

— Кто же аттестатъ подпишетъ, Кирилычъ? спросила она, выводя палочкой на тѣстѣ аттестацию Кирилыча.

— Кто? конечно не я и не вы, Егоза Петровна.—Вотъ можетъ-быть барышня, Ольга Петровна, подпишутъ. Павелъ-то Александровичъ все больше имъ прислуживалъ.

— Оля! милая! подпишите! раздалось со всѣхъ сторонъ. Шутка всѣмъ понравилась.

— Только я предложу другую редакцію, сказалъ Горскій.—Раскатай вновь свой листокъ Саша и пиши: предъавитель сего честень, правдивъ, смѣлъ и положится на него можно во всемъ. Согласны ли вы подписать такой аттестатъ, Ольга Петровна?

Ольга покраснѣла, но взявъ палочку изъ рукъ Саши, написала на листкѣ свое имя, число и годъ. Коля считалъ одинъ изъ желѣзныхъ листовъ и повесъ поджаривать аттестатъ при дружномъ смѣхѣ молодежи.

— Спасибо вамъ за эту аттестацию, Николай Павловичъ, сказалъ Ниловъ.—Отъ васъ она очень дорога для меня.

— Я думаю вамъ не меня слѣдуетъ благодарить, а Ольгу Петровну. Она рѣшилась подписать.

— Довлю васъ на словѣ, Николай Павловичъ, воскликнула Ольга.—Коля, давайте сюда листокъ, пусть Николай Павловичъ подпишетъ тоже.

— Тогда уже и я подпишу, сказала Анна Павловна.—За Павла Александровича и я хочу быть поручкой.

— А мнѣ бѣдному никто не дастъ аттестата, жалобно заговорилъ Терминъ, раскатывая новый листокъ изъ тѣста.

— Вамъ такой же дать нельзя, сказала Вѣра и сконфузилась.

— Почему нельзя?... начали такъ договаривайте, Вѣра Николаевна.

— Говори, Вѣра, подтвердилъ Николай Павловичъ.

— То-есть можно, но только одно слово нужно прибавить.

— Какое слово? не конфузся, Вѣрокъ, говори.

— Мнѣ кажется даже все можно оставить, но только прибавить одинъ недостатокъ, въ которомъ Дмитрій Павловичъ не виноватъ. Нужно бы сказать „но непостояненъ“. Дмитрію Павловичу, торопливо добавила Вѣра, какъ бы боясь чтобъ ее не поняли въ другомъ смыслѣ,—все скоро прискучивается.

А вѣдъ пожалуй Вѣра права, замѣтилъ Горскій.

— Знаешь ли, Дмитрій, какъ тебя охарактеризовала матушка Екатерина? она говоритъ что ты орелъ одиночка. Кстати, отчего бы тебѣ къ ней теперь не проѣхать? ее заимка очень близко отсюда.

— Напрасно бы проѣхали, сказалъ Іеремія, осторожно поворачивая предъ огнемъ палочки, на которыхъ жарились нарезанные куски баранины.—Матушка Екатерина только сегодня вернется домой, какъ разъ по этой дорогѣ.

— Ну такъ мы ее и перехватимъ, а теперь пора бы намъ перехватить хоть пельменей. Молодежь, шевелитесь! крикнулъ Николай Павловичъ,—а то мы начнемъ съ чего полагло, и всѣ ваши труды пропадутъ.

Со смѣхомъ и шутками все общество разсѣлось на травѣ, и неумѣлая стражня молодежи, приправленная свѣжимъ воздухомъ и веселымъ настроеніемъ, была добросовѣстно уничтожена. Послѣ обѣда начались игры, скоро прерванныя пріѣздомъ старовѣрки.

Матушка Екатерина вѣхала не одна. Ее сопровождали два старика, очень мрачной и непривѣтливой наружности. При видѣ многочисленнаго сборища они оба какъ-то съежились, и лишь только Екатерина остановила свою телѣжку какъ ея слутники слѣзли и, отвѣсивъ общій поклонъ, скорыми шагами пошли по дорогѣ.

Молодежь окружила старовѣрку которая степенно и ласково со всѣми поздоровалась и, увидѣвъ Термина, отвела его въ сторону.

— Не чаала тебя, соколикъ, здѣсь повстрѣчать. Сказывали ты въ Барнауль проѣхалъ, а у меня до тебя нужда есть. Войска, старцы мои, чтѣ ходомъ лошади, третій разъ навѣдываются, все съ тобой поговорить хотятъ.

— Какое дѣло у меня съ ними можетъ быть, не придумаю, отвѣтилъ Терминъ.

А вотъ поѣдемъ ко мнѣ; поговоришь, узнаешь, а къ вечеру и въ городъ вернуться успѣешь.

Я къ вамъ и то собирался, да сказали что васъ дома нѣтъ. Я изъ Барнаула уже дней пять какъ вернулся.

— Значитъ и поѣдемъ вмѣстѣ. Николай Павлычъ, отлучка со мной молодца. Къ вечеру я его въ городъ на своихъ предоставляю.

Поговоривъ со всѣми и пошутивъ съ Ниловымъ, старовѣрка усѣлась въ свою телѣжку вмѣстѣ съ Терминымъ и поѣхала дальше, а все общество начало укладываться въ виду надвигавшейся дождевой тучи и скоро тронулось въ обратный путь.

Тотчасъ по прїѣздѣ, Ниловъ отправился на станцію, но не сразу удалось ему составить телеграмму которая была бы непонятною для начальника станціи. Телеграмма вышла очень короткая: „Все рѣшено. Молитесь за двухъ. Письмо посылаю завтра“. Вернувшись домой, онъ сѣлъ описывать своей старушкѣ свое настоящее счастье, свои мечты и надежды на будущее.

А Терминъ бесѣдовалъ съ матушкой Екатериной и ея старцами, которые, чинно усѣвшись на лавкахъ въ знакомомъ домикѣ старовѣрки, внимательно осматривали „петербургскаго барина“, старательно подмѣчая всѣ его ухватки и обычаи, взвѣсивая каждое его слово и обмѣниваясь взглядами. Бесѣду повела старовѣрка, сперва помолвившись предъ образами, причемъ оба старика старательно клали поклоны, перебирая длинныя лѣстовки.

— Вотъ, сударь, Дмитрій Павловичъ, дѣло до тебя какое. Старички эти отъ меня и отъ другихъ людей много про тебя наслышаны и хотятъ тебѣ дѣло хорошее предоставить, только спервоначала и они, и я тебя просимъ чтобы ты намъ слово далъ, предъ образомъ крестнымъ знаменіемъ оствѣнился, о бесѣдѣ о нашей здѣсь никому не говорить; о дѣлѣ чтѣ тебѣ предоставить хотятъ ни съ кѣмъ бы совѣта не держалъ. Пройдетъ время, годовъ этакъ пять, тогда воленъ ты съ кѣмъ

хочешь говорить, кому пожелаешь рассказывать, а до той поры не единого слова, чтобъ отъ тебя никто не услышалъ. Дашь ли слово крѣпкое, верушмое?

— Старцы впились глазами въ лицо Термина.

— Даю вамъ всемъ мое честное слово, серьезно отвѣтилъ онъ и, взглянувъ на образа, медленно перекрестился, прибавивъ:— Богъ мнѣ свидѣтель что слова моего ни для кого ни въ какомъ случаѣ не нарушу.

— Аминь! проговорили старики, и усѣлись, не дожидая приглашенія, на разныхъ лавкахъ отставшихъ вдомъ отнѣвъ.

— Расскажи по порядку, старца честная, какъ мы тебѣ говорили, сказала одинъ изъ нихъ.

— Ничего не забудь, все говори! прибавилъ другой.

— Приложу стараніе, старцы честные. Слыжалъ ты, чай, оударь, о мѣстѣ что въ народѣ зовутъ Бѣловодьемъ? Нѣтъ такого мѣста, сказки одни, а есть взаправду за рѣкой за Угомъ три селенія большія на самой на границѣ Китайскаго государства. Съ давнихъ поръ старой вѣры люди туда отъ гоневіевъ ушли, отъ начальства безправнаго сخورились. И о сю пору временемъ нѣтъ-нѣтъ да еще кое-кто поладаетъ. Опрічь нашихъ старой вѣры людей, другіе туда не поладатъ, да и доласть не могутъ. Посылали туда Ватрушина перелічь произвестъ, да и онъ не простъ. Отписалъ генералу: „коли пришлете мнѣ роту солдатъ настоящихъ, да казаконъ сотни три, да на расходы тысячь десять рублей, такъ тогда поѣду, а безъ этого и пробовать не стану.“ Тѣмъ и дѣло кончилось, такъ начальство тамъ и понынѣ не бывало.

— Чѣмъ же занимаются въ этихъ селахъ? какъ живутъ? спросилъ Терминъ.

— Занимаются тѣмъ же чѣмъ всѣ люди: и пахутъ, и сквютъ; скотъ держатъ; пчелу завели; звѣря промышляютъ, съ двоюродцами торгъ ведутъ; стерегутъ границу. А живутъ по Божьему закону, свою церковь соблюдаютъ, за себя да и за всѣхъ людей православныхъ молятся.

— Какое же мнѣ дѣло хотять предложить, и кто эти старцы? начальные или выборные люди? спросилъ Терминъ.

— И начальные, и выборные. Это ты угадалъ вѣрно. Вѣрить имъ ты можешь. Они теперь ото всего міра пришли съ тобой говорить. Видишь ли: кромѣ тѣхъ занятіевъ, что и тебѣ сказывала, рыбныя ловли у нихъ есть въ рѣкахъ да въ озерахъ. Прошлымъ лѣтомъ у нихъ паренекъ утонулъ,

въ омутъ его затамуло. Не захотѣли его нечисти водной на съѣденіе оставить, порѣшили какъ ни на есть тѣло его грѣшное добыть и предать землѣ честнымъ погребеніемъ. Много хлопотъ было, чуть еще утопленниковъ къ нему не прибавили, но какъ ни есть, а добыли. Добываючи его много плау да песку съ камнями со дна натаскали, да случайно одинъ изъ старцевъ сталъ этотъ песокъ въ рукѣ перетирать; глядь, а въ немъ золотишки простымъ глазомъ видны. Добыли изъ омота-то еще песку, еще того больше золота начистили. Вотъ и порѣшили всѣмъ міромъ что оставить тутъ такое дѣло нельзя. А какъ самимъ-то заняться безъ знающаго да хорошаго человѣка все равно что безъ умѣнья желѣзо ковать, начали смекать кого бы къ этому дѣлу приставить. Такого чтобъ и дѣло вести, и наладить сумѣлъ, и по закону заниматься имъ могъ, и начальства чтобы не боялся и отстранить его могъ, и міръ бы не обманулъ, подѣлился бы по чести и по совѣсти. И изъ всѣхъ-то знаемыхъ по здѣшнему округу людей ты и выходишь самый что ни на есть подходящий.

— Спасибо за довѣріе, только какъ же это вы думаете начальство отстранить?

— Самое пустое дѣло. Золотое маслице все смажетъ. А тебѣ они и на слово повѣрятъ, заглазно и заявку и нарѣзку сдѣлаютъ, и планы нарисуютъ, и изъ горницы не выходя во владѣніе введутъ. Это, сударь, намъ повѣрь, вступился одинъ изъ стариковъ.

Терминъ внимательно оглядѣлъ говорившаго. Это былъ высокій, сухой, костистый старикъ лѣтъ шестидесяти. Его смуглое, изможденное, прорѣзанное глубокими морщинами, энергичное лицо казалось снимкомъ съ одного изъ тѣхъ старинныхъ, написанныхъ въ прошломъ вѣкѣ, портретовъ имени таго кулечества, которые теперь еще изрѣдка попадаются въ старыхъ кулеческихъ семьяхъ. Узкіе, сѣрые, маленькіе, глубоко вдавленные глаза какъ-то фосфорически сверкали изъ-подъ густыхъ, широко разставленныхъ, низко нависшихъ бровей. Другой старикъ былъ пониже ростомъ, плотнаго сложенія и отличался болѣе свѣтлою кожей и какими-то бѣгающими, точно масломъ подернутыми, выпуклыми глазами. Глаза эти какъ будто все чего-то искали, о чемъ-то допытывали и никогда не мѣняли своего пытливаго выраженія. Волосы у обоихъ стариковъ были замѣчательно густы и обстрижены въ скобку, а бороды спускались до середины груди. На

обоихъ были надѣты черные, длинныя кафтаны изъ валеной, въ родѣ тонкаго войлока, шерстяной матеріи домашняго приготовленія; толстые и широкіе кожаные ремни замѣняли кушакъ; на ногахъ были новыя и довольно чистыя бродни.

— На какихъ же условіяхъ вы меня хотите позвать къ себѣ?

— Приѣдешь ты, сударь, къ намъ, заговорилъ второй старикъ,—безъ опаски. Первое, беречь мы тебя должны; второе, залогоу тебѣ или кому прикажешь мы хоть сорокъ тысячъ чистыми деньгами дадимъ. Рабочихъ, матеріалъ, все что для твоего благородія потребуется, все мы доставлять должны, и что до дѣла касается, во всемъ въ твоей волѣ будемъ и всѣ приказы исполнимъ. А какъ осенью золото везти, мы его, значить, свѣсимъ, на половину ты намъ до возвращенія вѣселя дашь, а половина твоя; изъ нея вычету на работы и прочее никакого: какъ бы, значить, замѣсто жалованья.

— Такъ. Ну, а при мнѣ можетъ кто-нибудь быть или я долженъ одинъ къ вамъ поѣхать?

— Двухъ человѣкъ съ собой взять можешь, только они ужъ до конца срока у насъ должны оставаться и ходу имъ назадъ не будетъ.

— А срокъ какой?

— Сроку пять лѣтъ. Пять полныхъ рабочихъ годовъ.

— Ну, а какъ вы полагаете велика въ годъ добыча будетъ?

— Доподлинно сказать не можемъ, а такъ полагаемъ что поболь какъ на двѣ сотни тысячъ въ годъ будетъ.

— Богъ подастъ и вдвое можетъ набѣжить, сказалъ первый старикъ.

Терминъ нѣсколько минутъ просидѣлъ молча, переводя глаза съ одного старика на другаго, затѣмъ всталъ.

— Хорошо вы, старцы, придумали, да не совсѣмъ, проиически проговорилъ онъ.—Объ одномъ забыли.

Оба старика поднялись на ноги. Первый довольно рѣзко спросилъ:

— О чемъ это?

— О моей присягѣ забыли, о чести моей не подумали. Какъ же вамъ въ голову не пришло что если я на ваше воровское дѣло пойду, такъ мнѣ вѣры давать не слѣдуетъ? Какой же былъ бы я дворянинъ, какой слуга Богу и царю есlibы рѣшился на такое незаконное дѣло изъ-за денегъ пойти? За себя покуда не бойтесь. Слово я вамъ даю,

довощикомъ не буду, да и всѣ ваши розказни за бабы сказки считаю. Только знайте напередки что если я сюда со-вѣмъ на житье прѣйду, то и съ одною сотней къ вамъ доберусь если мнѣ это поручать. Счастье ваме что мы у нея встрѣтились, подъ ея кровлей, продолжалъ онъ, указывая на старовѣрку.

Оба старика метнули злобные взгляды на хозяйку, которая безучастно сидѣла на своемъ мѣстѣ и даже бровью не повела; затѣмъ, неслышно ступая, живо вышли изъ комнаты. Терминъ сѣлъ на прежнее мѣсто и, какъ будто продолжая бесѣду, обратился къ ней:

— Чтѣ же, матушка, вы меня медкомъ не поподчуете?

— Орелъ ты какъ есть, погляжу я на тебя! На падалъ не накинудся какъ другіе, сказала матушка Екатерина.—Только ломца, Дмитрій Павловичъ, моей тутъ руки не было. Просили меня съ тобой ихъ свести, отказать не могла. Говорила имъ: „смотрите, старцы, какъ бы не ошибиться“, а они свое: „кто отъ золота откажется!“ анъ и отказался.

— А все-таки, матушка, приятелю моему ты не предложила, а мнѣ.

— Виновата въ этомъ; того сразу признала, тотъ тебя душевнѣй. Въ тебѣ удали да слѣси больше, а душа-то у тебя такая же. Не въ наши времена тебѣ бы жить: простору тебѣ нѣтъ.

Когда Терминъ, поздно вернувшись въ городъ, проѣзжалъ мимо дома Горскихъ, въ одномъ изъ оконъ еще мерцалъ огонь. Это бесѣдовала мать семьи съ тою которая была ей другомъ и старшею названною дочерью. Она благословляла ее въ новый путь, на новую жизнь.

XVI.

Не больше мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ Нилова. Никакихъ туалетовъ, кромѣ вѣнчальнаго платья, нареченной дѣлать не пришлось, такъ какъ ихъ не кому было бы показывать, не къ кому было ѣздить съ визитами. Ольга Петровна и Нилъ рѣшили что въ случаѣ успѣха золотого дѣла, въ чемъ послѣ осеннихъ пробныхъ работъ всѣ были увѣрены, они поѣдутъ черезъ годъ въ Россію, къ матери Павла Александровича. Мечтали они проѣхать за границу,

и къ ихъ мечтамъ присоединилась Варенька, которая объявила Таркизу что ей очень хочется посмотреть какъ живутъ люди въ Европѣ. Таркизу жутко было даже подумать какъ это его „Варынька“ увидеть за многія тысячи верстъ, но онъ скрывалъ свой родительскій страхъ и храбро объявилъ что „съ Ольга Петровна онъ отлуститъ Варынька хоть на сама дума коли туда дорога есть“.

Вѣра и Саша сильно завидовали „богатой“ Варенькѣ, но Коля утѣшалъ ихъ разказами о неисчерпаемыхъ богатствахъ коммандейскихъ приисковъ.

Изъ Петербурга было получено извѣстiе о перечисленiи Мити, на мѣсто брата, на вакансiю въ корпусъ, и Митю готовили въ дорогу, такъ какъ Терминъ брался довести его и сдать на руки одному изъ прiателей Горскихъ, который хлопоталъ по этому дѣлу.

Предчувствiя Анны Павловны Горской вполнѣ оправдались, ихъ затiшье всколебалось думовенiемъ съ дальняго заграда. Одинъ изъ прiивхавшихъ похитилъ ея друга-помощницу, другой увозилъ ея любимца. Но за то, благодаря этимъ же похитителямъ, ея семья получала почти богатство, ея дѣти прiобрѣтали двухъ такихъ друзей на которыхъ она смотрѣла съ ложнымъ безграничнымъ довѣрiемъ. Всегда помышлявшая съ ужасомъ на кого останутся ея дочери въ случаѣ если ей придется „уйти изъ жизни“ до ихъ совершеннолѣтiя, Анна Павловна теперь была покойна, зная что Ниловы оба будутъ смотрѣть на нихъ какъ на родныхъ сестеръ.

Тихо и скромно отпраздновали свадьбу. Пришлась она въ воскресенье, а во вторникъ всѣ знакомые намъ друзья и прiатели Горскихъ были приглашены къ нимъ на обѣдъ. Обѣдъ этотъ давался въ честь молодыхъ и какъ проводы увѣжавшему Термину, который получилъ отъ своихъ компанiоновъ годовой отлустъ. Его охватила тоска „по родинѣ“, по гнилому Петербургу, и Вельшъ очень серьезно объявилъ что это вовсе не фантазiя и не лустяки, а дѣйствительно особый видъ начинающейся психической болѣзни, которая вѣроятно пройдетъ, не дальше какъ чрезъ мѣсяць по удовлетворенiи его желанiя.

Терминъ очень обрадовался когда авторитетъ Вельша убѣдилъ его друзей въ неспрiтвренности его томленiй. Онъ самъ отлично сознавалъ полное отсутствiе какихъ бы то ни было серьезныхъ причинъ (сердечное влеченiе, напелтывавшее ему

разныя мечты, онъ самъ считалъ вздоромъ) которыя могли бы оправдать его стремленіе туда, обратно за Уралъ, гдѣ ни кто его не ждалъ, куда ни что определенное его не манило. Ему было до боли и до слезъ жаль расстаться съ гостеприимною страной, страной гдѣ и люди, и природа, и даже мать-сибирская земля, по выраженію Іереміи, его призвали, обновили и въ буквальномъ смыслѣ слова озодотили. Но и семья Горскихъ, которую онъ горячо полюбилъ, и Ниловъ ставшій ему не простымъ пріятелемъ, а дорогимъ братомъ, и рабочій людъ съ коимъ онъ впервые сошелся такъ близко и научился понимать и цѣнить его, и тайга съ ея вѣковыми лѣсами, неизвѣданными хребтами горъ, потоками и ручьями, съ ея богатою охотой, и чистое, золотое дѣло, которое онъ „постигнулъ“ и которое ему такъ понравилось: все это вдругъ, разомъ, безо всякой разумной причины, ему опостылѣло. Онъ боролся съ этимъ болѣзненнымъ, тяжелымъ чувствомъ; пока онъ бывалъ „на людяхъ“, оно проходило, стихало, но стоило ему остаться одному, его охватывала щемающая, безысходная тоска, равносильная и подобная той которую испытывалъ Андрюшка когда его весной тянуло въ лѣсъ; въ тайгу, подальше отъ людей.

Столъ въ большой комнатѣ дома Горскихъ былъ впервые раздвинутъ на всѣ шесть досекъ. Въ числѣ приглашенныхъ не было ни Ковалевыхъ уѣхавшихъ еще до свадьбы à Paris, ни Слеминой, которую мчалъ на почтовыхъ жандармъ показать ей зданіе у Цѣльнаго моста, какъ разказывалъ дѣтямъ Ватрушинъ; но за то важно возсѣдалъ сіяющій Таркивъ въ новомъ бархатномъ кафтанѣ и конфузившаяся Варенька, точно въ такомъ платьѣ какое было на Вѣрѣ. Сидѣли Старый со Штейномъ которые привезли хлѣбъ-соль отъ рабочихъ съ прииска, и обхаживалъ гостей, съ бутылками въ рукахъ, Стороженко, которому, по мнѣнію Кирилыча, подавать блюда было бы неприлично, но обнести вино было можно. Всѣ были веселы, разговорчивы, оживлены, и лишь одна Варенька конфузливостью старалась скрыть болѣе горькое, болѣе жгучее чувство, которое тяжелымъ камнемъ лежало на ея начинавшемъ сознавать себя сердечкѣ. Бѣдная дѣвочка съ ужасомъ думала что чрезъ какихъ-нибудь два-три часа лихая тройка ломчить Дп-ми-трія Павловича (она съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ растягивала мысленно дорогое ей имя) туда гдѣ такъ много блестящихъ дамъ и дѣвицъ,

ковечно таких блестящих что предъ ними даже Ольга Петровна не болѣе какъ маргаритка предъ розами. Едва отвѣчая на шутки Вѣры и Саши, глотая слезы, бѣдная Варенька съ завистью смотрѣла на Митю, который, сидя между Терминымъ и Анной Павловной, тоже по временамъ смахивалъ набѣгающую слезу, и то увлекался мечтами о красивомъ мундирчикѣ и о всѣхъ прелестяхъ предстоящей новой жизни, то, взглянувъ на мать, трусилъ при мысли что онъ тамъ будетъ одинъ, совсѣмъ одинъ, и баловать его уже будетъ никому.

Къ концу обѣда шумное и веселое настроеніе начало стихать. Смѣхъ и возгласы раздавались рѣже; всѣ какъ бы вспомнили что въ числѣ присутствующихъ сидитъ мать впервые разстающаяся съ однимъ изъ своихъ питомцевъ, да еще вдобавокъ (всѣ это знали) и съ любимымъ. Николай Павловичъ замѣтилъ это затишье, и взявъ въ руку стопку съ медомъ, всталъ со своего мѣста.

„Дорогіе друзья! началъ Горскій. Мы собрались вмѣстѣ пожелать нашимъ новобраннымъ совѣтъ и любовь на многіе годы. Они начинаютъ новую жизнь, но по счастливому для многихъ изъ насъ стеченію обстоятельствъ, и намъ приходится считать этотъ годъ началомъ если не новой, то измѣненной жизни. Благодаря пріѣзду Павла Александровича, который не побоялся отправиться „въ Сибирь“, въ страну ссылки, о которой русскіе люди до сихъ поръ не имѣютъ правильнаго понятія, благодаря тому что онъ пріѣхалъ сюда посмотреть и поучиться, мы всѣ сдѣлались изъ людей бѣдныхъ сравнительно богачами.

„Пріѣхалъ Павелъ Александровичъ, познакомился съ нами, началъ учиться. Немудреную науку онъ постигъ скоро; страну полюбилъ сразу. Его русская душа помогла ему понять что съ русскимъ рабочимъ можно свѣтъ перевернуть если сумѣть съ нимъ сойтись, сумѣть понять его потребности, его понятія, его вѣрованія. Рабочіе сразу признали въ немъ хотя и барина, но вполнѣ русскаго, православнаго человѣка.

„Уговорилъ онъ и Дмитрія Павловича пріѣхать попробовать новой жизни, посмотреть невѣдомую, хотя и давно русскую страну.

„Начали оба работать и прежде всего заработали самое дорогое, то что ни деньгами, ни многостороннимъ знаніемъ ни купить, ни добыть нельзя, имѣй хоть сотни милліоновъ,

оомиѣнцѣй въ себѣ хоть всю мудрость человѣческую. Заработали они общее уваженіе, довѣріе и любовь темной, но чуткой къ истинному добру рабочей братіи. Увидѣвъ бѣднѣйшіе люди что они не оберутъ, не ограбятъ, не станутъ смѣивать его, не дадутъ потаки ни вору, ни мошеннику, „за этого не проладеешь“! горѣшили рабочіе и гурьбой повалили къ настоящимъ хозяевамъ.

„Правда, нашимъ молодымъ друзьямъ посчастливилось. Не часто открываютъ такіа пріиски какъ Симеоновскій. Вонъ Кузьма Сидычъ двадцать лѣтъ работалъ и не нашелъ. Но тѣмъ радостнѣе для всѣхъ что на этотъ разъ фортуна смѣла своею повляску и видѣла кого награждала. Теперь Дмитрій Павловичъ ѣдетъ въ Россію: Попросимъ его чтобъ онъ указалъ молодымъ русскимъ людямъ, тѣмъ что со всѣхъ концовъ Россіи стремятся въ Петербургъ, въ надеждѣ найти мѣсто въ какомъ-нибудь департаментѣ, въ какой-нибудь конторѣ, гдѣ за скудный заработокъ платятъ здоровьемъ и жизнью, и въ особенности тѣмъ кто имѣя ередства несутъ ихъ сорить въ Европѣ,—чтобъ онъ указалъ имъ на непочатая богатства матушки Сибири золотого дѣла, которыя ждутъ наследователей, открывателей, работниковъ.

„Не вѣчно же Сибирь будетъ страной сыска, пора ей быть русскою Америкой. Если Симеоновскихъ пріисковъ не много, за то Ивановскихъ тысячи, а мы видѣли что брошенный за негодностью пріискъ далъ чуть не сто процентовъ на затраченный капиталъ. Работающій человѣкъ, съ пятью-шестью тысячами, всегда заработаетъ у насъ рубль на рубль, если не будетъ мечтать о милліонахъ. А работа дѣйствительно есть. Непочатая богатства рассыпаны и на землѣ, и въ недрахъ ея; червоземъ сторпцей возвратитъ брошенные въ него зерна; лѣса ждутъ разработки; степи и луга накормятъ несметныя стада, озера и рѣки кипятъ дорогою рыбой; желѣзо, мѣдь, свинець, серебро и золото попадаютъ въ такіихъ образцахъ и въ такомъ количествѣ что для добычи ихъ нужны только умѣлые люди. А самая легкая, самая прибыльная работа—дѣйствительно золотая: ни гаря, ни колоти, ни сквернаго, зараженнаго воздуха, ни бессонныхъ ночей. Лѣсъ, горы, зелень, вода, здоровая лица, свѣжій воздухъ, близость къ природѣ, развѣ это не лучше жизни въ городѣ, гдѣ вѣчѣмъ дышать и гдѣ каждый кусокъ достается съ бою, каждый услѣхъ цѣной падевія или гибели конкуррента?

„Здѣсь всѣмъ достаетъ мѣста, для всѣхъ найдется работа, и услѣхъ одного даетъ возможность услѣха и другимъ. Благодаря услѣху нашихъ молодыхъ друзей и мы, старики, стали на ноги.

„Пожелаемъ, господа, отъ души чтобы наши молодые друзья были предвѣстниками другихъ, честныхъ работниковъ-пришельцевъ. Сибирь покорена бывшимъ разбойникомъ и долго была страной ссылки, пора ей промѣнять свое названіе на другое, болѣе ей соответствующее. Сибирь—житница и неисчерпаемая запасная казна Русскаго царства! Сибирь—страна русскаго будущаго! Мы отдали Американцамъ маленькую Калифорнію, потому что у насъ есть своя громадная. Во славу русскаго Калифорніи! ура!“

Всѣ присоединились къ возгласу Горскаго; вновь оживилась бесѣда, и когда встали изъ-за стола подъ окнами уже перезванивались колокольчики нѣсколькихъ троекъ. Рѣшено было проводить Термина всю компаніей нѣсколько верстъ за городъ.

Въ тарантасъ Термина сѣлъ Николай Павловичъ, Анна Павловна сѣла съ Митей, и къ нимъ присоединились Вѣра и Саша. Остальные размѣстились какъ полагало, но когда доѣхали до назначеннаго заранее сборнаго пункта, оказалось что не достаетъ молодыхъ Ниловыхъ и Таркиза съ дочерью. Съ полчаса прождали ихъ и наконецъ начали прощаться. Термину было грустно уѣхать не пожавъ еще разъ руки другу, не поцѣловавъ ручки Ольги Петровны, которую онъ полюбилъ какъ сестру. Онъ посадилъ къ себѣ Митю, который горько рыдалъ и готовъ былъ въ эту минуту отказаться навсегда ото всякихъ мундирчиковъ, и еще разъ поцѣловавъ Николая Павловича крикнулъ своему амщичку: „пошелъ съ Богомъ!“ Лихая тройка рванулась съ мѣста и скоро унеслась по извивавшейся межъ холмовъ, гладкой какъ шоссе, почтовой дорогѣ.

Провожавшіе тихо тронулись обратно въ городъ.

Скоро домчался Терминъ до первой станціи и только что хотѣлъ крикнуть „лошадей!“, какъ его тарантасъ окружила цѣлая толпа.

— Ваше благородіе! баринъ! Дмитрій Павлычъ! счастливаго вамъ пути, гладкой дорожки! возвращайтесь здоровыми! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Терминъ съ радостнымъ изумленіемъ узнавалъ одного за другимъ тѣхъ изъ рабочихъ съ которыми ему чаще приходилось имѣть дѣло, бесѣдовать, отправляться на розыски. Были тутъ и Павелъ Чижъ, и Игнатъ Беркувъ; казакъ Иванъ и Филиппъ стояли немного всторонѣ, ожидая когда баринъ выйдетъ изъ тарантаса; на крыльцѣ станціи Неломнящій и Никита съ маленькимъ караваемъ хлѣба, а рядомъ съ ними молодые Ниловы и Таркизь съ Варенькой.

Терминъ, тронутый до слезъ неожиданнымъ сюрпризомъ, разцѣловалъ ближайшихъ рабочихъ, обнялъ Нилова и принявъ хлѣбъ-соль, сейчасъ же распаковалъ одинъ изъ чемодановъ.

— Хочу вашъ хлѣбецъ цѣлымъ довести. Такого мѣшъ въ Питерѣ никто не дастъ, обратился онъ къ рабочимъ.—Спасибо братцы что не полѣзлились двадцать пять верстъ лишкомъ впередъ пройти; порадовали вы меня своимъ привѣтомъ!.. сказалъ онъ обратившись къ рабочимъ и не скрывая набѣжавшей слезы.

— Много тобой мы всѣ довольны были, баринъ, отвѣтилъ за всѣхъ Филиппъ.—За этотъ годъ точно ты намъ родной сталъ. Дай Богъ тебѣ здоровья да счастливаго пути, а намъ еще тебя повидать, да на тебя поработать!

Когда побесѣдовавъ, напившись чаю и раза три возобновивъ прощанье, Терминъ окончательно усѣлся въ тарантасъ и торопилъ Митю со слезами цѣловавшаго Ольгу Петровку, къ тарантасу пробралась Варенька и глотая слезы подала Термину маленькій плоскій ящичекъ.

— Это вамъ на память о тайгѣ, едва выговорила она, и вдругъ подѣловавъ протянутую Терминымъ руку бросилась на крыльцо. Не уберегла бѣдная дѣвочка своей первой тайны.

„Сердце бросишь, золото возьмешь“, сверкнуло какимъ-то острымъ уколомъ не то въ головѣ, не то въ сердцѣ Термина.

Нашъ разказъ конченъ. Если читателей заинтересуетъ дальнѣйшая судьба нашихъ знакомцевъ, зауральскихъ пионеровъ, быть-можетъ мы еще разъ возьмемъ за перо чтобы передать, въ другой уже формѣ, все что съ ними происходило за истекшія двѣнадцать лѣтъ.

ВАДИМЪ РОМАНОВЪ.

Февраль—августъ 1882.

САРАНЧА ВЪ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, саранча во многихъ мѣстахъ Южной Россіи останавливала на себѣ вниманіе, палящая большими тучами и угрожая значительными опустошеніями. Въ особенности осенью 1882 года она несмѣтными тучами явилась въ разныхъ мѣстностяхъ Донской области и заложила тамъ яички на громадномъ пространствѣ. Величину этого зараженнаго пространства опредѣляли въ *сорокъ тысячъ десятинъ*. Благодаря чрезвычайнымъ усиліямъ населенія пораженныхъ мѣстностей и энергіи администраціи, вышпенней весной удалось повсюду истребить саранчу болѣе или менѣе совершенно. Во время этой упорной борьбы съ нею выяснились многіе моменты, показывающіе какъ, несмотря на тысячелѣтнее знакомство съ саранчей, мы тѣмъ не менѣе знакомы съ нею такъ плохо что до сихъ поръ еще не удается организовать борьбу съ нею такъ чтобъ она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Можно даже высказать еще болѣе рѣзкое сужденіе. Въ каждой наукѣ есть конечно не мало такихъ вопросовъ гдѣ, за недостаткомъ метода изслѣдованія или по другимъ причинамъ, знанія наши оказываются болѣе или менѣе скудными. Такіе вопросы представляются въ видѣ бѣлыхъ страницъ какъ для людей науки, такъ и для массы. Совсѣмъ иначе представляется вопросъ о саранчѣ. Врядъ ли найдется другое насѣкомое которое въ такой мѣрѣ и также давно какъ саранча останавливало бы на себѣ вниманіе человѣ-

чества и по поводу коего имѣлась бы такая же громад-ная литература. Будучи довольно крупный размѣровъ, собираясь большими массами и насильственно заставляя людей интересоваться ею, саранча изстари была объектомъ для наблюденій земледѣльца, и поэтому въ массѣ народа, ближе къ природѣ стоящаго, накопились довольно точныя свѣдѣ-нія о главнѣйшихъ моментахъ ея жизни и ея вредной дѣ-ятельности. Но въ то же время какъ объектъ научный са-ранча была изслѣдована лишь крайне поверхностно, такъ сказать мимоходомъ, и потому въ литературѣ въ многихъ сто-ронахъ жизни и ея дѣятельности сложились возрѣнія далеко несогласныя съ истиной. Произошло такимъ образомъ весьма странное и прискорбное разнорѣчье между наукой о саранчѣ и знаніемъ ея народомъ,—разнорѣчье въ которомъ правда на сторонѣ народа. Въ слѣдующихъ главахъ приведено будетъ много доказательствъ сказаннаго здѣсь.

По приглашенію управленія Донскою областью, я пред-принялъ туда дѣломъ нынѣшняго года поѣздку для изученія вредныхъ насекомыхъ и обратилъ особое вниманіе на изуче-ніе саранчи. Я посѣтилъ болѣе ота мѣстностей пораженныхъ саранчей и приобрѣлъ такимъ образомъ большой фактической матеріалъ который позволяетъ мнѣ высказаться такъ рѣши-тельно о состояніи нашихъ знаній по этому вопросу.

При такомъ состояніи ученія о саранчѣ, конечно, и прак-тическая сторона дѣла, то-есть борьба съ нею, необходимо должна представлять много недодѣланнаго и недодуманнаго.

Дѣйствительно, ловюда борьба съ саранчей носить у насъ характеръ чего-то, случайнаго, иногда чего-то неожиданнаго; поэтому, несмотря на всѣ успѣхи и жертвы, она не приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Исторія нашествія саранчи въ послѣдніе годы даетъ много фактовъ подтверждающихъ ска-занное.

Въ 1881 году, въ Кубанской области, *сорокъ тысячъ* человекъ занимались истребленіемъ саранчи на пространствѣ 200 ква-дратныхъ верстъ. Это была гигантская работа стоившая на-селенію и администраціи громадныхъ затратъ, энергіи и труда.

Въ 1882 году очень саранча снова залетѣла въ Кубанскую область изъ сообѣднихъ мѣстностей и поразила юрты десяти станицъ. Въ одномъ Темрюкскомъ уездѣ истребленіемъ ея потомства занимались въ іюнь 1883 года около трехъ тысячъ человекъ. Эти работы были окончены въ концѣ іюня, а

15 июля налетѣли новыя туча саранчи, которая въ одной только мѣстности (близъ станицы Курчавской) заняла пространство въ восемь квадратныхъ верстъ. Это значить что и въ 1884 году Кубанской области предстоитъ заняться борьбою съ саранчей.

Ставропольская губернія нѣсколько лѣтъ къ ряду принуждена то тутъ, то тамъ напрягать свои силы въ борьбѣ съ этимъ наѣдомымъ.

Въ Черкасскомъ округѣ, Донской области, тогда три уже продолжается истребленіе саранчи.

Въ Астраханской губерніи ежегодно нараждаются все новыя полчища саранчи, распространяющіяся по соседнимъ мѣстамъ. Такая налетная саранча поразила въ 1882 году до сорока тысячъ десятинъ въ Донской области и заставила весной 1883 года болѣе *пятидцати тысячъ* человекъ оторваться отъ своихъ обычныхъ занятій и отдаться дѣлу истребленія саранчи. Такая же саранча поразила многія тысячи десятинъ въ Новохоперскомъ (5.500 десятинъ), Борисоглебскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ.

Все эти факты доказываютъ что выработаннаго общаго плана борьбы съ саранчей нѣтъ. Отсутствие такого плана есть прямое слѣдствіе отсутствія знаній о саранчѣ и тѣхъ лѣжныхъ возвращеній на нее которая укоренилась въ науку и стала господствующими. Указанные факты прямо свидѣтельствуютъ о настоятельной необходимости выработать наконецъ обстоятельный планъ истребленія саранчи, основанный на точныхъ научныхъ данныхъ.

Изученіе саранчи привело меня къ тому заключенію что это наѣдомое по своему сельскохозяйственному значенію весьма рѣзко отличается отъ большинства другихъ главнѣйшихъ наѣдомыхъ-враговъ культурныхъ растений, каковыя клѣбный жукъ, гессенская муха, пыльцики и др.

Относительно послѣднихъ наѣдомыхъ мои изслѣдованія привели меня къ убѣжденію въ глубокой зависимости этихъ враговъ отъ состоянія земледѣльческой культуры и потому даютъ надежду что съ измѣненіемъ, съ усовершенствованіемъ этой культуры численность враговъ будетъ уменьшаться и дѣятельность ихъ все болѣе и болѣе ослабѣвать.

Относительно саранчи мы придемъ къ заключенію совершенно другому. Мы убѣдимся въ томъ что ни размноженіе саранчи, ни распространеніе ея, ни ея вредная дѣятельность,

несколько не зависятъ отъ того или другаго состоянія культуры, и поэтому какія бы измѣненія въ этомъ отношеніи ни произошли, они не окажутъ никакого вліянія на саранчу.

Для меня, какъ защитника идеи о зависимости размноженія вредныхъ наѣдокъ отъ состоянія земледѣльческой культуры, весьма прискорбно признать что саранча въ этомъ отношеніи составляетъ видное и важное исключеніе. Но признавая за нею такое значеніе на основаніи изученія основныхъ свойствъ ея и ея образа жизни, мы должны тѣмъ тщательнѣе ознакомиться со всеми главнѣйшими моментами ея жизни и всеми сторонами ея вредной дѣятельности чтобы тамъ почерпнуть указаніе: каковы должны быть мѣры для противодѣйствія наѣдкомъ ставшему независимымъ отъ обычныхъ пріемовъ земледѣлія. Обращусь сначала къ изложенію общихъ свойствъ саранчи на основаніи моихъ собственныхъ исследованийъ.

I. Общій характеръ саранчи. Саранча есть наѣдкомое болотное.

Исследования большого числа мѣтностей пораженныхъ саранчой въ Донской области въ 1883 году приводятъ меня къ повѣрчивымъ на основныя черты жизни и свойства саранчи, значительно отличающимся отъ господствующаго въ литературѣ взгляда на это наѣдкомое.

Влѣдствіе недостаточныхъ наблюденій и слишкомъ послѣплаго обобщенія единичныхъ фактовъ, ученые авторы сочиненій о саранчѣ пришли къ заключенію что саранча есть наѣдкомое степное, для размноженія коего прежде всего необходимо сухія, къ концу лѣта выгорающія степи какія мы видимъ въ Южной Россіи, составляющей одну изъ областей обширнаго отечества саранчи, раскинувшася отсюда по степямъ Средней Азіи, Китая, Аравіи и Африки.

Никто изъ авторовъ наблюдавшихъ саранчу не могъ не замѣтить столь очевидной любви этого наѣдкомаго къ камышамъ въ лавняхъ степныхъ рѣкъ; но полагали что это растеніе можетъ служить лишь для прокормленія преимущественно взрослой саранчи, такъ какъ мѣтности обыкновенно заняты камышами, по причинѣ значительной

влажности ихъ лички, рѣшительно не могутъ служить для складыванія личекъ и развитія въ нихъ молодой саранчи. Полагаютъ что прокормившись въ некоторое время камышомъ, саранча затѣмъ непременно оставляетъ плавни и перелетаетъ въ степь, чтобы въ сухой почвѣ ея пристроить свои лички, такъ какъ влажность, а тѣмъ болѣе обильная вода будто бы неминуемо губить лички и молодые выводки саранчи. Такой совершенно невѣрный взглядъ на саранчу былъ въ наиболѣе рѣшительной и безповоротной формѣ высказанъ г. Келпемъ въ его сочиненіи о саранчѣ, которое до настоящаго времени разсматривается какъ сводъ послѣднихъ изсѣдованій саранчи. * Такъ мы находимъ у него слѣдующія выраженія:

„Саранча обитаетъ главнымъ образомъ въ сухихъ степяхъ. Она избѣгаетъ влажныя мѣста и пространныя плавни вдоль большихъ рѣкъ, заросшія тростникомъ, посѣщаетъ, сколько мнѣ извѣстно, только въ видѣ имаго (то-есть взрослого наѣкомаго), когда влага не можетъ ей вредить“ (стр. 85).

„Распространеніе саранчи въ Европейской Россіи, кромѣ климатическихъ условій, вѣроятно въ некоторой степени зависитъ и отъ протяженія степей“ (стр. 211).

„Для сложения личекъ саранча выбираетъ различныя мѣста и почвы. По наблюденіямъ сѣвернымъ мѣсто въ Екатеринославской губерніи, она клала свои лички преимущественно въ твердую дѣлицу“ (стр. 88). „По моему мнѣнію, тѣ лички лежатъ всего лучше, которыя весной не подвергаются слишкомъ большой сырости или даже наводненіямъ отъ разливовъ рѣкъ“ (стр. 89).

„Чрезмѣрная сырость дѣйствуетъ губельно какъ на лички, такъ на личинку и на совершенное наѣкомое“ (стр. 134).

„Я не сомнѣваюсь что лички положенныя на тѣхъ мѣстахъ которыя въ продолженіе некотораго времени затопляются весенними разливами водъ неминуемо должны погибнуть“ (стр. 195).

„По моему мнѣнію, болотистыя плавни въ устьяхъ рѣкъ, совершенно затопляемыя весеннимъ половодьемъ, стекающимъ иногда лишь въ іюнь, рѣшительно не представляютъ удобнаго мѣста для вылулденія саранчи, которая въ состояніи личка

* Келпемъ, *О саранчѣ*. Въ *Трудахъ Петербургскаго Этномологическаго Общества*, 1870 года.

и личики не можетъ переносить сильную сырость; но мощныя наблюденія въ саранчѣ для кладки яичекъ предпочитаютъ высокую степь неизменнымъ лавнамъ“ (стр. 214).

Тѣ же самыя возрѣнія г. Келлена высказываетъ и въ другомъ сочиненіи, озаглавленномъ: *Вредныя насекомыя 1882 года*. Здѣсь (ч. II, стр. 43) онъ даетъ лишь извлеченіе изъ выше-названной статьи своей. И здѣсь также говорится что „чрезмѣрная сырость дѣйствуетъ губительно на яички“ (стр. 43), и что „саранча обитаетъ по преимуществу въ сухихъ степяхъ, избѣгая влажныя мѣста и посѣщая лавны вдалѣ болящихъ рѣкъ, заросшія тростникомъ, только въ видѣ пняго“ (стр. 47)... „Для сложенія яичекъ саранча предпочитаетъ твердую почву, въ особенности цѣлину“ (стр. 47).

Я выписалъ здѣсь такъ подробно эти строки изъ сочиненія г. Келлена потому что онъ особенно рѣзко опредѣляетъ точку зрѣнія теперь господствующую въ петербургской литературѣ о саранчѣ. Мысли положенныя въ основу приведенныхъ разсужденій были высказаны еще прежде нѣкоторыми авторами, хотя въ менѣе рѣшительной формѣ чѣмъ это дѣлаетъ Келленъ.

Такъ г. Кушакевичъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: * „Саранча... водясь по преимуществу въ лавнахъ и камышнѣ Дуная и Кубани и будучи тамъ постоянною... иногда навдѣляетъ южныя предѣлы Россіи“ (365).

„Въ камышнѣхъ и лавнахъ саранча находитъ себѣ обильное питаніе во весь періодъ окрыленнаго состоянія. Послѣ оплодотворенія она выносятся въ близъ лежація степи для складыванія яичекъ“ (стр. 366).

„Исслѣдованія показали что изъ года въ годъ саранча закалываетъ свои яички въ степныхъ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ долинамъ рѣкъ (Днѣстра, Буга, Днѣпра и др.). Такое постоянство даетъ поводъ заключить что лавны и камышистыя мѣстности юга Россіи съ прилежащими къ нимъ сухими степными пространствами играютъ весьма важную роль въ распространеніи насѣкомаго, представляя ему всѣ нужныя дѣвныя для жизни и развитія въ массахъ“ (стр. 366).

„При кладкѣ яицъ саранча по преимуществу избираетъ сухія степи, толоки, перелогы и даже цѣлины. Мѣстности же

* „О саранчѣ на югѣ Россіи“. Въ журналѣ *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*. 1865 года, августъ, стр. 365.

обыкновенно занимаемая суть въ большей части случивъ степи смежныя съ долинами рѣкъ“ (стр. 367).

Я приведу еще взгляды третьяго автора нашего известнаго энциклопедическаго г. Мочульскаго, писавшаго о саранчѣ еще въ 1853 году. Въ сочиненіи: *О саранчѣ и средствахъ къ ея искорененію* * г. Мочульскій высказываетъ слѣдующіе взгляды:

„По изысканіямъ Черныявскаго, летучая саранча постоянно встрѣчается въ одиночку и попарно въ камышахъ устьевъ Дуная и Днѣстра. Точно также я находилъ ее постоянно около камышей Кубана, въблизи озеръ степей кавказскихъ, около устьевъ Терека, Волги и Урала и въ камышахъ озеръ: Кургальджина, Норъ-Сайсана и Балхана въ киргизскихъ степяхъ. Всѣ эти мѣста поэтому гнѣздилища этого насѣкомаго, гдѣ оно непрерывно плодится (№ 2, стр. 55); при перелетахъ саранча слѣдуетъ обонянію, чувствуя весьма далеко запахъ камышей, хлѣбныхъ растений и другой нужной ей пищи“ (№ 2, стр. 53).

„Для складыванія личекъ саранча избираетъ возвышенныя мѣста или рыхлую землю, поросшую рядкою травкой, какъ то: толоки, виноградники, огороды, бугры покрытые малымъ кустарникомъ“ (№ 2, стр. 46).

Говоря все это, г. Мочульскій въ то же время, подъ гнетомъ фактовъ о которыхъ вѣроятно слышалъ допускаетъ что саранча размножается и въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Хотя онъ и не высказываетъ такой мысли въ видѣ особаго положенія, но она довольно ясно выражена въ слѣдующихъ словахъ его:

„Численность скопищъ саранчи противъ прежняго, кажется, уменьшилась. Но крайней мѣрѣ въ Европѣ теперь не слышно ни о повсемѣстномъ опустошеніи саранчей, ни о заразительныхъ и повальныхъ болѣзняхъ, отъ согниванія самого насѣкомаго порождавшихся. Причину этого должно преимущественно искать въ постепенномъ высушеніи болотъ и озеръ въ степныхъ мѣстахъ южной Европы вообще и черезъ распространеніе тамъ хлѣболашества. Черезъ это стѣснились мѣста для спокойной выводки саранчи, особенно пространных заросшія тростниками“ (№ 1, стр. 21). Хотя все высказанное здѣсь носить на себѣ характеръ фантазирования, я привелъ эти слова потому что они показываютъ намъ какъ

* *Труды Вольноэкономическаго Общества*. 1853 г., №№ 1, 2.

г. Мочуальскій невольно допускаетъ что камыши и болота нужны не только для прокормленія крылатой саранчи, но что они необходимы также для „спокойной выводки“ ея.

Въ то время какъ петербургская литература о саранчѣ постепенно приходила къ воззрѣнiямъ изложеннымъ въ книгѣ г. Келлена, въ провинціи появились двѣ-три работы объ этомъ насѣкомомъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ совершенно другой основной взглядъ на это насѣкомое.

Такъ М. Л. Каменевъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ руководившій истребленіемъ саранчи въ Кубанской области, говоритъ что саранча выводится тамъ въ камышахъ, лавникахъ и сырыхъ мѣстахъ Темрюкского и Ейскаго уѣздовъ. *

А. И. Штригель, также завѣдывавшій истребленіемъ саранчи въ Кубанской области, много разъ видѣлъ какъ саранча выводилась въ мѣстахъ богатыхъ влагою. Въ статьѣ своей онъ приводитъ нѣсколько фактовъ. ** „Нерѣдко саранча закладываетъ свои сѣмена въ такихъ мѣстахъ,“ пишетъ онъ, „которыя весной и осенью заливаются водой; такъ въ 1876 году, на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, въ болотѣ Ташкѣ, саранча выплодилась на пространствахъ 600 десятинъ, несмотря на то что мѣсто это болѣе мѣсяца находилось подъ водой.“ „То же самое явленіе замѣчено и въ 1881 году, въ юртѣ станицы Новотроицкой, по рѣкѣ Егорыку, гдѣ лички саранчи были потоплены весеннимъ подоводіемъ и саранча изъ нихъ выплодилась двадцатью тремя днями позже той которая была на мѣстахъ сухихъ.“ ***

То же самое наблюдалъ въ Ставропольской губерніи г. Дементьевъ, также принимавшій непосредственное участіе въ дѣлѣ истребленія саранчи въ этой губерніи въ послѣднее время. Г. Дементьевъ также приводитъ нѣсколько подобныхъ фактовъ въ прекрасной статьѣ *Саранча на Кавказѣ*. **** „Въ 1881 году весной всѣ камыши были буквально залужены саранчей; она появилась въ камышахъ вдоль по Кумѣ (авторъ перечис-

* Каменевъ, *О саранчѣ въ Кубанской области въ периодѣ съ 1873 по 1880*. Екатеринодаръ. Изданіе комитета по приваію мѣръ къ истребленію саранчи.

** А. Штригель, *Наблюденія и выводы изъ практики истребленія саранчи въ Кубанской области въ 1876 и 1880*. Кубанскія Областныя Вѣдомости 1881.

*** Стр. 5 отдѣльнаго оттиска.

**** Журналь *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*. 1882; июль и июль

ааетъ здѣсь нѣсколько мѣстностей), затѣмъ на востокѣ Караногайскаго приставства по болотамъ около Кизикѣвской станціи и въ урочищѣ Култукъ, наконецъ по болотамъ въ урочищахъ Иортбасъ-коль и Сулейманъ-Тюбе.“

„Камыши въ низовьяхъ Калауса и въ Шарахансунгѣ были лодны саранчей. Естественные резервуары для снѣговыхъ и дождевыхъ водъ въ Больше - Дербетовскомъ улусѣ, Цоросъ и малый Бурукшунъ были сплошь заняты яйцами саранчи. По мѣрѣ того какъ вода начала высыхать въ этихъ водовмѣстностяхъ, начала выводиться и саранча. Многія мѣста освободились отъ воды только 15 мая и все-таки саранча на этихъ мѣстахъ благополучно вывелась *.

Такимъ образомъ, въ послѣднее время накопилось въ литературѣ нѣсколько положительныхъ фактовъ доказывающихъ справедливость стариннаго и въ народѣ всюду распространеннаго мнѣнія что саранча выводится въ лавныхъ и болотистыхъ мѣстахъ по берегамъ рѣкъ. Но несмотря на то въ Петербургѣ продолжали стоять на точкѣ зрѣнія книги Келлена. Такъ въ 1883 году Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности было составлено *Наставленіе для истребленія саранчи*, въ коемъ изложена въ краткихъ чертахъ естественная исторія саранчи по сочиненію Келлена, причемъ только что упомянутыя мною противоположныя наблюденія совершенно оставлены безъ вниманія.

Осмотрѣвъ большое число мѣстъ въ Донской области пораженныхъ саранчей, я имѣлъ возможность ознакомиться со многочисленными фактами, позволяющими мнѣ категорично высказаться противъ взглядовъ и разсужденій г. Келлена. Эти собственные изслѣдованія привели меня къ слѣдующимъ взглядамъ на саранчу.

Низменная, весной затопляемая равнина близъ устьевъ широко разливающихся рѣкъ (Дона, Кубани и др.) такъ же какъ низкіе берега степныхъ рѣкъ Маныча, Егорлыка, Кумы и др., гдѣ влажная почва покрыта непролазными зарослями камыша, куги, осота и другихъ тому подобныхъ растений,— вотъ нормальная обстановка жизни саранчи, составляющая ея

* Келленъ приводитъ (на стр. 85) наблюденія Тюрка, который видѣлъ саранчу въ болотахъ, на берегу Нейзидлерзее, въ Венгріи, въ 1858 году, но считаетъ себя въ правѣ не придавать этому положительному наблюденію никакого значенія.

первоначальное отечество. Роскошному развитію этихъ растеній въ южно-русскихъ болотахъ и безпредѣльному ихъ размноженію вполне соответствуетъ какъ величина тѣла саранчи, такъ и способность ея размножаться въ ужасающей степени. Какъ будто нарочно создала природа саранчу затѣмъ, чтобъ удерживать чрезмѣрное распространеніе камыша и куги, и одарила ее значительною величиной и чрезвычайно продуктивностью, которая позволяетъ ей съ нѣкоторымъ усиліемъ исполнять данную ей роль въ экономіи природы. Великанъ между насѣкомыми южной Россіи является достойнымъ врагомъ камыша и куги, этихъ гигантовъ флоры южнорусскихъ степей. У большинства насѣкомыхъ одно или нѣсколько любимыхъ растений, на которыхъ преимущественно, а иногда даже исключительно, сосредоточивается вся жизнедѣятельность ихъ. Мы нерѣдко наблюдаемъ какъ такіа насѣкомыя приспособляются къ особенностямъ формы извѣстныхъ органовъ и къ извѣстнымъ періодамъ жизни растеній, предпочтительно ими обитаемыхъ. Для саранчи роль такихъ покровительствующихъ растеній играютъ *камышъ* и *куга*. Это ея родныя растенія, которыми она охотнѣе всего кормится въ теченіе всей своей жизни, во всѣхъ періодахъ своего развитія, у которыхъ она ищетъ защиты отъ враговъ, приспособляясь къ нѣкоторымъ особенностямъ формы частей этихъ растеній.

Обитая въ степяхъ южной Россіи и Средней Азіи, саранча первоначально является членомъ той фауны которая въ предѣлахъ этихъ степей приурочена къ болотнымъ низменностямъ и влажнымъ мѣстностямъ; отсюда она лишь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ распространяется на самыя степи, истребляя ихъ растительность.

Высказавъ категорично взглядъ на саранчу глубоко расходящійся въ самыхъ основныхъ пунктахъ съ воззрѣніями г. Келлена, столь же рѣшительно имъ выраженныхъ въ вышеприведенныхъ строкахъ его сочиненія, я имѣю въ виду не только тѣ факты коими обогатили науку гг. Каменевъ, Штригель и Дементьевъ; мнѣ самому удалось собрать много фактовъ которые, вполне согласуясь съ наблюденіями приведенныхъ авторовъ, заставляютъ меня придти къ изложенному взгляду и считать саранчу насѣкомымъ болотнымъ, а не степнымъ. Я прихожу къ этому выводу тѣмъ прямѣе что, вытекая изъ множества фактовъ, онъ если встрѣчаетъ

противорѣчія, то не въ *фактахъ*, а только въ разсужденіяхъ и предположеніяхъ, какъ видно изъ дословныхъ выписокъ изъ сочиненія г. Келлена и другихъ защитниковъ того же взгляда. Обращаясь къ изложенію этихъ фактовъ, я считаю нужнымъ предварительно заявить что всѣ мѣстности о которыхъ буду говорить, я посѣтилъ въ сопровожденіи мѣстныхъ жителей и властей и что обо всѣхъ этихъ осмотрахъ имѣются акты и документы, которые хранятся въ окружныхъ и областныхъ распорядительныхъ комитетахъ Войска Донскаго. Вотъ, стало-быть, факты которые не только наблюдались изслѣдователемъ, но констатированы документально.

1. Близъ хутора *Вертычаго* Трехостровянской станицы, на лѣвомъ берегу Дона, саранча осенью 1882 года заложила яички на „плантаціи“ (то-есть на калустномъ огородѣ). Эта плантація расположена, какъ всегда, въ низменной мѣстности, которая весной затопляется водою изъ Дона. Весной 1883 года эта плантація освободилась отъ воды 7 мая. Она имѣетъ видъ большой площади, поверхность коей была покрыта очень скудною растительностью въ день моего посѣщенія ея, именно 10 июня. Осматривая ее въ этотъ день, я нашелъ на ней довольно много саранчи перваго возраста. Между ними прыгали еще совсѣмъ бѣлыя личинки саранчи, слѣдовательно вышедшія изъ земли не болѣе какъ часъ тому назадъ. На черной поверхности иловой земли, мѣстами совершенно голой и не покрытой растеніями, я находилъ кучки маленькихъ бѣлыхъ тѣлецъ, имѣвшихъ видъ неправильныхъ зернышекъ, величиной менѣе просянаго зерна. Эти тѣльца оказались засохшими „рубашечками“ саранчи, то-есть тѣми пленками которыя сбрасываетъ съ себя личинка саранчи послѣ выхода изъ яйца (Amnios). Эти рубашечки лежали кучками около маленькихъ отверстій черезъ которыя личинки саранчи выходили изъ-подъ поверхности земли. Я находилъ такія группы рубашечекъ во многихъ мѣстахъ на поверхности этой плантаціи и наблюдалъ здѣсь непосредственно самый процессъ выхода изъ земли личинокъ еще покрытыхъ рубашками. Одна за другою выдвигались личинки чрезъ неправильное отверстіе изъ-подъ маленькой глыбы или комочка земли, словно выталкивая оттуда одна другую.

Раскапывая въ нѣсколькихъ мѣстахъ землю этой плантаціи, я нашелъ въ ней много яичекъ саранчи. Эти факты доказы-

вають что саранча прыгавшая по поверхности этой плантации вывелась въ ея предѣлахъ, а не перешла сюда изъ другихъ мѣстъ. Хотя вода сошла здѣсь уже 7 мая, тѣмъ не менѣе саранча начала выводиться не раньше 7 июня, такъ какъ я не нашелъ здѣсь ни одного экземпляра старше перваго возраста. Въ этомъ мѣстѣ потребовался цѣлый мѣсяцъ времени на то чтобы почва просохла и прогрѣлась настолько это необходимо для развитія саранчи изъ личекъ.

2. Въ тотъ же день (10 июня) я видѣлъ близъ того же хутора Вертачаго большія массы саранчи въ займищѣ (то-есть на поемномъ лугу), съ котораго вода Дона сошла также лишь 7 или 8 мая. На роскошной травѣ этого займища сидѣли многочисленныя общества саранчи перваго возраста, между которыми встрѣчались единичныя особи втораго возраста.

Последнее обстоятельство доказывало что здѣсь саранча начала выводиться дней восемь или десять тому назадъ, слѣдовательно немного раньше чѣмъ на помянутой плантации; хотя обѣ мѣстности отстоятъ одна отъ другой не дальше какъ версты на двѣ. Мѣста гдѣ сидѣли здѣсь въ травѣ выводки саранчи легко можно было замѣтить даже издали, такъ какъ они представлялись въ видѣ округленныхъ ямокъ или котловинъ, потому что трава на нихъ была объѣдена. Въ предѣлахъ такихъ мѣстъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, я находилъ на поверхности земли описанныя выше кучки засохшихъ бѣлыхъ „рубашечекъ“ саранчи. Раскапывая здѣсь землю, я находилъ въ ней много гнѣздъ уже развившихся личинокъ, еще не успѣвшихъ выйти на поверхность земли, но уже вполне къ тому готовыхъ.

И въ этомъ случаѣ не было никакого сомнѣнiя что саранча сидѣвшая на травахъ этого займища вывелась изъ личекъ сложенныхъ въ почву этого займища, которое весной было подъ водой въ теченiе цѣлаго мѣсяца. Къ истребленiю этой саранчи было приступлено послѣ 10 июня.

3. Близъ самой станицы Качалинской, въ займищѣ носящемъ названiе *Дыжка* и на примыкающемъ къ нему займищѣ станицы Трехостровянской, получившемъ названiе *Черная тунка*, я видѣлъ 10 июня огромныя массы саранчи, мѣстами сплошнымъ ковромъ закрывавшiя поверхность земли. Это займище было затоплено водой Дона въ теченiе цѣлаго мѣсяца, то-есть вполне освободилось отъ воды около 8 мая, что однако и въ этомъ случаѣ не помѣшало саранчѣ выло-

даться несметными массами. При посѣщеніи этой мѣстности я нашелъ здѣсь большинство особей саранчи уже въ третьемъ возрастѣ, но еще попадалось много экземпляровъ и втораго и перваго возраста. Это доказываетъ что выводъ саранчи въ этомъ займищѣ, отстоящемъ отъ вышеописанныхъ не болѣе какъ верстъ на десять, начался ранѣе чѣмъ тамъ, и вѣроятно дней за пятнадцать, то-есть около 25 мая. И здѣсь также во многихъ мѣстахъ я находилъ на поверхности земли кучки засохшихъ рубашечекъ; при раскалываніи земли нашелъ въ ней какъ многочисленныя выводки саранчи уже готовые выйти на поверхность ея, такъ и яйца еще не окончившія своего развитія.

4. Близъ станицы *Иловинской* я осматривалъ 12 іюня займище въ которомъ вывелось большое количество саранчи. Это займище носить названіе *Уголъ за первымъ яромъ* и занимаетъ полуостровъ образуемый рѣкою *Иловлею* предъ ея впаденіемъ въ *Донъ*. Во время весенняго разлива оно было затоплено водою такъ же какъ и въ предыдущихъ случаяхъ до 7—8 мая. Пространство десятиль въ шесть было, въ день моего посѣщенія, почти сплошь покрыто выводками саранчи втораго и перваго возраста; кое-гдѣ попадались небольшія группы саранчи третьаго возраста. Здѣсь саранча была слѣдовательно не много моложе той которую я за два дня предъ тѣмъ видѣлъ въ займищѣ станицы *Качалинской*. Нельзя сомнѣваться въ томъ что эта саранча вывелась тутъ же, такъ какъ мѣстность эта съ трехъ сторонъ олоясана рѣками, а съ четвертой уходитъ въ громадное займище, тянущееся по берегу *Дона* и также точно затопляемое весной. И въ этомъ случаѣ слѣдовательно продолжительное нахождение личекъ саранчи подъ водою не воспрепятствовало ихъ развитію.

5. Близъ хутора *Блужьяго*, станицы *Сиротинской*, я видѣлъ 12 іюня большія массы саранчи третьаго, втораго и перваго возрастовъ въ займищѣ которое было затоплено водою также до 8 мая. Жителямъ хутора уже съ осени было извѣстно что саранча залегла въ этомъ займищѣ и положила тамъ яички.

6. Въ юрту станицы *Голубинской*, близъ хутора *Песковатаго*, саранча осенью 1882 года заложила яички въ мѣстности носящей названіе *Лиманъ*. Это большая котловина, ограниченная гребнями передвижнаго, сыпучаго песка. Весной эта

котловина наполняется водою изъ Дона и превращается въ озеро, или вѣрнѣе въ лиманъ. Несмотря на то что дно этого лимана песчаное, легко провицаемое для воды, саранча вывелась 9 мая изъ яичекъ заложенныхъ на днѣ лимана. Къ истребленію ея было приступлено 12 мая. Я посѣтилъ эту мѣстность 10 іюня и видѣлъ здѣсь множество труповъ саранчи въ тѣхъ канавахъ которыя служили для загона ея при истребленіи.

Описанные здѣсь случаи доказываютъ неопровержимо что въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжающееся затопленіе мѣстностей зараженныхъ яичками саранчи не обусловливаетъ гибели этихъ яичекъ даже въ томъ случаѣ когда почва затопленныхъ мѣстностей состоитъ изъ сылчуга песка, въ которомъ вода легко проникаетъ до заложенныхъ яичекъ. Наблюдая громадныя массы саранчи выплывшейся въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ, приходишь къ убѣжденію что вода, въ теченіе цѣлаго мѣсяца покрывавшая яички саранчи, не оказала на нихъ никакого неблагоприятнаго вліянія, не уничтожила замѣтнаго процента въ ихъ общемъ числѣ.

Обращаюсь затѣмъ къ описанію такихъ случаевъ гдѣ еще болѣе продолжительное затопленіе мѣстности весеннимъ разливомъ не оказало никакого вреднаго вліянія на заложенные въ ней яички саранчи.

7. Осенью 1882 года саранча влетѣла большими массами въ окрестности хуторовъ *Арпачинскихъ*, станицы Старочеркасской, расположенныхъ на берегу Дона, и заложила яички на пространствѣ около 500 десятинъ, въ займищѣ. Это займище тянется вдоль лѣваго берега Дона въ видѣ равнины, достигающей отъ трехъ до пяти верстъ ширины и возвышающейся надъ Дономъ, во время самой низкой воды, не болѣе какъ на полторы сажени. На югѣ оно упирается въ возвышенную степь, на которой расположены хуторскія поля. Поверхность займища неровная; на немъ замѣчается нѣсколько продолговатыхъ бугровъ, такъ-называемыхъ *градинъ*, поднимающихся не болѣе какъ на одинъ аршинъ выше остальной его поверхности. Въ первый разъ я посѣтилъ это займище 21 мая и видѣлъ его тогда еще совершенно покрытымъ водою. Предомной разстлалось тогда необъятное море, простиравшееся къ сѣверу на десятки верстъ, подступавшее къ горамъ Ново-черкасскимъ и уходившее вмѣстѣ съ Дономъ и Аксаемъ къ

Азовскому морю. 21 мая вся эта мѣстность такъ была залита водой что я не могъ подъѣхать къ Арлачинскимъ хуторамъ. Вода начала здѣсь сладать и обнажать сначала хребты помянутыхъ грядинъ лишь въ послѣднихъ числахъ мая. Затѣмъ въ теченіе іюня она поемногу обнажала все большую и большую площадь займища. Когда я посѣтилъ Арлачинскіе хутора вторично, 3 и 4 іюля, то въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ я еще засталъ достаточно воды, такъ что почва ихъ была мокрая и вязкая какъ въ болотѣ. Такія низменные мѣста между грядами, такъ-называемыя *музги*, позднѣе такъ же совсѣмъ пересыхаютъ.

Упомянутыя музги, болѣе или менѣе низменные, болѣе или менѣе скоро высыхающія, покрыты чисто болотною флорой. Въ большинствѣ случаевъ на нихъ растутъ непролазныя заросли камыша, куги (*Scirpus lacustris*), гранухи (*Scirpus maritimus*) и чакона (*Typha angustifolia*). Эти растенія суть главные члены флоры этихъ музгъ; они достигаютъ здѣсь громаднаго роста (аршина три, четыре или даже пять высоты) и растутъ такъ густо что съ трудомъ продираешься сквозь нихъ. Къ этимъ преобладающимъ растеніямъ музги присоединяются еще: ежеголовки (*Sparganium*), оусакъ (*Butomus umbellatus*), стрѣлолистникъ (*Sagittaria sagittifolia*), горькій трилистникъ (*Menyanthis trifoliata*), различные мелкіе ситники, рѣзухи (*Scirpus*), осоки (*Carex*) и нѣкоторые злаки.

На грядинахъ флора нѣсколько иная. Здѣсь камышъ встрѣчается лишь кое-гдѣ, а куги и чакона вовсе нѣтъ. Преобладаютъ здѣсь разныя мелкія осоки и злаки; встрѣчаются между ними *Valeriana*, *Malva*, *Lythrum*, *Scutellaria galericulata*. Травы на грядинахъ вообще гораздо ниже ростомъ, чѣмъ въ музгахъ.

На описанномъ здѣсь займищѣ, среди этой болотной флоры, изъ личекъ завѣдомо заложенныхъ здѣсь саранчей осенью 1882 года, вывелись нынѣшнею весной громадныя массы саранчи какъ на грядинахъ, такъ и въ музгахъ. Сначала саранча выводилась на грядинахъ, а потомъ, по мѣрѣ освобожденія частей займища отъ воды, она выводилась и на болѣе низменныхъ мѣстностяхъ. Осматривая эти мѣста 3 и 4 іюля, я видѣлъ здѣсь чрезвычайно большія массы саранчи. Вечеромъ онѣ мѣстами покрывали поверхность займища какъ бы сплошнымъ краснымъ ковромъ. Днемъ камыши качались отъ движенія миллиардовъ саранчи, передвигавшейся по нимъ съ мѣста на мѣсто.

Я нашелъ здѣсь саранчу разныхъ возрастовъ. Преобладали однако: первый, второй, третій и даже четвертый. Между особами перваго возраста было множество совѣтъ еще маленькихъ, вышедшихъ изъ земли никакъ не болѣе двухъ дней тому назадъ, слѣдовательно не ранѣе 2 или 1 юля. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же находились, хотя и рѣдко, экземпляры пятаго возраста и даже крылатыя особи. Эти произошли очевидно изъ тѣхъ яичекъ которыя были сложены на самыхъ возвышенныхъ хребтахъ упомянутыхъ грядинъ, уже въ концѣ мая освободившихся отъ воды.

Въ моемъ присутствіи приступили 5 юля къ истребленію этой саранчи, подъ руководствомъ помощника окружнаго начальника и мѣстнаго засѣдателя. Для ея истребленія было собрано около 500 человекъ рабочихъ.

Въ только что описанномъ случаѣ саранча благополучно вывелась изъ яичекъ находившихся подъ водой болѣе двухъ мѣсяцевъ. При этомъ она вывелась здѣсь въ такихъ массахъ что нѣтъ возможности допустить мысль о какомъ-нибудь вредномъ вліяніи воды на яички, предположивъ что яички развившіяся здѣсь составляютъ лишь ничтожный процентъ общаго числа яичекъ заложенныхъ въ этомъ заимщѣ осенью 1882 года. Ничто не даетъ намъ права сдѣлать такое заключеніе.

8. Осенью 1882 года саранча налетѣла въ огромномъ количествѣ въ юртѣ станицы *Елисаветовской* (Елисаветинской), близъ устьевъ Дона, опустилась здѣсь въ двухъ мѣстахъ, близъ хуторовъ Рогожинскаго и Колузаева, и положила тамъ яички. Въ первой изъ этихъ двухъ мѣстностей она заколала яички на песчаныхъ холмахъ, представляющихъ самый высокій пунктъ въ долинѣ донскаго устья и незатопляемыхъ во время полои воды. Даже при самыхъ сильныхъ разливахъ Дона, въ такъ-называемую „хомутовскую воду“, эти холмы не были затоплены водой, такъ что хуторяне спасали тогда на нихъ свой скотъ. На этихъ холмахъ саранча въ большемъ количествѣ вывелась нынѣ уже въ срединѣ мая, такъ что здѣсь приступили къ истребленію ея 22 мая.

Вторая мѣстность, близъ хутора Колузаева, есть огромная низменность заросшая камышомъ и кугой и сплошь затопляемая не только во время весенняго разлива, но даже при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ. Точно такъ же какъ въ описанномъ выше заимщѣ Арлачинскихъ хуторовъ, такъ и

здѣсь поверхность не совсѣмъ ровная; мѣстами возвышаются здѣсь такія же грядины, между которыми расположены музги. Эти грядины едва замѣтно возвышаются надъ музгами, но покрыты не камышами, а осоками и злаками. Все займище во время весенняго половодья остается подъ водою въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Обыкновенно оно начинаетъ освобождаться отъ воды вскорѣ послѣ половины мая, слѣдовательно немного прежде чѣмъ выше лежація займища (напримѣръ подъ Новочеркасскомъ). Это повидимому странное обстоятельство объясняется присутствіемъ двухъ желѣзнодорожныхъ плотинъ близъ Ростова, со времени сооруженія коихъ вода близъ Гвиловской и Елисаветовской станицъ стала спадать весной нѣсколько прежде чѣмъ въ мѣстностяхъ выше этихъ плотинъ лежащихъ.

Въ это займище саранча налетѣла осенью 1882 года въ огромномъ количествѣ и тогда же обратила на себя вниманіе населенія. Нѣсколько дней спустя послѣ этого налета саранчи поднялась сильная буря съ моря, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней и подымавшая воду въ Дону такъ что все займище было затоплено совершенно какъ весной. Вода стояла на такой высотѣ въ теченіе двухъ недѣль и потомъ опять совершенно спала. Многие надѣялись что это осеннее продолжительное наводненіе мѣстности пораженной саранчей погубитъ лички, которыя саранча уже успѣла положить въ лочву займища. Радовались тому что саранча массами попала словно въ западню. Но надежды не сбылись. Несмотря на это довольно продолжительное наводненіе, несмотря на то что весной 1883 года вся мѣстность вторично была затоплена въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, сложеныя здѣсь лички саранчи не пропали.

2 іюля я посѣтилъ эту мѣстность въ то время когда, подъ руководствомъ застѣдателя, происходило здѣсь истребленіе саранчи, отродившейся въ несмѣтномъ числѣ. Я нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Донской области не видалъ въ томъ же году такихъ громадныхъ массъ саранчи. Камыши шумѣли отъ движенія полчищъ ея. Мѣстами *камышъ полегъ* подъ тяжестью насѣвшихъ на него колоннъ саранчи лятаго возраста. Мѣстами лавны получили очень оригинальный видъ, такъ что издали можно было замѣтить мѣста гдѣ саранча провела предъ тѣмъ нѣкоторое время. Въ такихъ мѣстахъ листья камыша были сплошь уничтожены и стояли одни

голые стебли его. Казаки мучили что саранча помогаетъ имъ готовить камышъ, избавляя ихъ отъ труда обивать осенью его листья. Осматривая эту мѣстность 2 июля, я нашелъ здѣсь саранчу различныхъ возрастовъ; преобладали особи четвертаго, третьяго и втораго возрастовъ; попадались много особей перваго возраста; встречались также особи перваго возраста, но очень рѣдко. Несомнѣнно что здѣсь еще два или три дня тому назадъ выходила саранча изъ яичекъ. Тутъ же я нашелъ нѣсколько экземпляровъ крылатой саранчи, но число ихъ было ничтожно въ сравненіи съ громадными массами саранчи еще неокрыленной. Такое различіе въ возрастѣ саранчи на этомъ займищѣ объясняется тѣмъ что на градилахъ, ранѣе выступившихъ изъ-подъ воды, саранча начала выводиться раньше чѣмъ въ мѣстахъ болѣе низменныхъ и въ музгахъ, гдѣ она отрождалась лишь постепенно, по мѣрѣ послѣдовательнаго обнаженія ихъ изъ-подъ воды.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что вся саранча на этомъ займищѣ произошла изъ тѣхъ самыхъ яичекъ которыя были здѣсь положены и потомъ затоплены вышеупомянутымъ осеннимъ наводненіемъ. Многія выкалывали здѣсь изъ земли живыя яички и живыхъ личинокъ весной, вскорѣ послѣ спада воды. Кромѣ того, саранчѣ не откуда было и зайти въ это мѣсто со стороны, такъ какъ кругомъ раскинулись все такія же займища, и мѣстность расположена была на островѣ образуемомъ рукавомъ Дона и Донцемъ. Когда ѣдешь горою отъ станицы Гниловской къ Роетову, то открывается видъ на всю эту огромную низменность Донской дельты, представляющей чудесную картину. Голубыя ленты затѣйливо искривленныхъ гирлъ Дона вьются здѣсь по темнозеленому фону зарослей камыша и куги. Далеко на противоположномъ возвышенномъ берегу видны сплошныя массы хлѣбныхъ полей, въ началѣ іюля уже созрѣвшихъ, скошенныхъ и потому желтымъ дѣвтомъ своимъ рѣзко отдѣляющихся отъ лавней, точно золотистая рамка темнозеленой картины. Однимъ взглядомъ видишь предъ собой всю долину Донскаго устья, простирающуюся версты на тридцать въ длину и версты на десять въ ширину; совершенно одинаково покрытую лавнями на пространствѣ многихъ десятковъ квадратныхъ верстъ и затопляемую весной на всемъ ея протяженіи. Мѣстность хутора Колузаева, нынѣ пораженная саранчей, есть только часть этой долины. . .

Трудно найти болѣе рѣшительныя доказательства тому какъ мало страшна вода для личекъ саранчи даже въ томъ случаѣ когда она затопляетъ ихъ въ теченіе столь продолжительнаго времени что позволяетъ имъ начать свое развитіе лишь тогда когда въ другихъ мѣстностяхъ саранча уже окончила весь циклъ своего развитія.

Въ предшедшихъ строкахъ я представилъ описаніе мѣстностей которыя посѣтилъ самъ и гдѣ я лично убѣдился въ томъ что лички саранчи не погибаютъ отъ продолжительнаго затопленія занятой ими мѣстности. Но кромѣ того я получилъ еще нѣсколько официальныхъ сообщеній о фактахъ совершенно такого же рода. Сомнѣваться въ точности этихъ сообщеній я конечно не имѣю никакихъ основаній.

9. Такъ, по сообщенію Черкаскаго окружнаго распорядительнаго комитета, саранча осенью 1882 года залегла въ юртѣ станицы *Новочеркасскихъ* близъ озера *Мартишкина* и положила лички на пространства до 20 десятинъ, въ займищѣ. Это займище весеннимъ разливомъ Дона покрывается водою въ продолженіе двухъ, иногда трехъ мѣсяцевъ. Музги, поросшія камышомъ и кугой, чередующіяся съ небольшими грядинами, покрытыми густою травой, характеризуютъ пораженную мѣстность. Саранча была здѣсь открыта въ октябрѣ 1882 года; для уничтоженія ея было тогда же приступлено къ перелаживанію, и успѣли перелажать 4—5 десятинъ. Весною 1883 года, вода сошла съ этого мѣста въ первыхъ числахъ іюня. Первые выводки саранчи показались 18—19 іюня и притомъ только на тѣхъ пяти десятинахъ которыя съ осени были распаханы. Къ истребленію этой саранчи намѣревались приступить 4 іюля.

10. По сообщенію того же распорядительнаго комитета, саранча нынѣшнею весной вывелась въ займищѣ, въ болотистой мѣстности, въ юртѣ станицы *Гилловской*, близъ границы Ростовскаго уѣзда.

11. и 12. По свѣдѣніямъ Ростовской земской управы, саранча вывелась нынѣшнею весной въ займищѣ въ камышахъ близъ села *Кудешовки*, *Новониколаевской* волости, и въ такой же мѣстности близъ города *Нахичевана*. Къ истребленію этой саранчи приступили послѣ перваго іюля.

Само собою разумѣется что факты подобныя изложеннымъ, здѣсь могутъ повторяться и въ другіе годы. Никому конечно не можетъ придти въ голову что только въ нынѣшнемъ

году, вслѣдствіе какихъ-нибудь особыхъ временныхъ условій, лички саранчи такъ успѣшно защищались противъ вреднаго вліянія избытка влаги. Но дабы не было возможности прибѣгнуть даже къ этой натяжкѣ, я напомню факты приводимые Камеевымъ, Штригелемъ и Деметьевымъ, о коихъ я говорилъ выше и которые относятся къ другимъ годамъ. Къ этимъ фактамъ я прибавлю еще слѣдующіе.

Путешествуя въ 1882 году по Кубанской области съ цѣлью изученія вредныхъ насѣкомыхъ, я видѣлъ выводки саранчи въ юртахъ станицъ *Камышеватской* и *Ясенской*, Ейскаго уѣзда. Въ обоихъ случаяхъ я наблюдалъ ихъ близъ самаго берега моря, въ камышевыхъ лавняхъ, заливаемыхъ водой. Въ землѣ я находилъ лички и личинокъ готовыхъ выйти на ея поверхность (14 и 15 мая), такъ что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что сидѣвшіе на травѣ экземпляры саранчи (исключительно перваго возраста) вывелись тутъ же на мѣстѣ въ почвѣ, которая весной была нѣкоторое время подъ водой. При этихъ наблюденіяхъ присутствовалъ войсковой старшина *А. И. Штригель*, авторъ цитированной выше статьи.

По свѣдѣніямъ областного распорядительнаго комитета въ Новочеркасскѣ, саранча въ 1882 году вывелась въ большомъ количествѣ въ камышахъ рѣки *Маныча*, близъ хутора *Веселого*, гдѣ и была истребляема 9 іюля. Жители этого хутора и сосѣдняго съ нимъ хутора *Холутецъ* разказывали мнѣ что саранча водится у нихъ въ камышахъ *Маныча* всегда, что они видятъ ее тамъ ежегодно, но что она лишь очень рѣдко выходитъ изъ этихъ камышей на поля и очень рѣдко причиняетъ вредъ хлѣбамъ.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго въ предшедшемъ слѣдуетъ что взглядъ который началъ устанавливаться на саранчу въ литературѣ совершенно неправиленъ и что саранча вовсе не погибаетъ когда мѣстность занятая ея личками будетъ затоплена весной въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Во многихъ мѣстахъ населеніе, давно знакомое съ этими фактами, идетъ еще далѣе, допуская что не только двухмѣсячное, но даже *многолѣтнее* пребываніе личекъ саранчи подъ водой не убиваетъ ихъ. Повсюду на *Манычѣ* и въ устьяхъ Дона казаки убѣждены что если вода не сойдетъ съ нѣкоторыхъ займищъ занятыхъ въ предшедшемъ году личками саранчи, останется

въ нихъ на годъ или на два, то эти яички не погибаютъ, а только задерживаются въ своемъ развитіи. Изъ яичекъ сложенныхъ, напримѣръ, въ 1883 году, саранча можетъ вывестись при такихъ условіяхъ въ 1885 году и позднѣе. Такое же мнѣніе существуетъ въ Бессарабіи, на Дунаѣ. Въ Кубанской области этотъ взглядъ также очень распространенъ. Такъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, саранча появившаяся въ 1883 году весной въ огромномъ количествѣ въ юртахъ нѣкоторыхъ станицъ Темрюкского уѣзда вывелась здѣсь изъ яичекъ сложенныхъ въ 1876 году, то-есть 7 лѣтъ тому назадъ. „Плывни наполненыя въ нынѣшнемъ году саранчей, въ февралѣ и послѣдующіе мѣсяцы 1877 года, потомъ въ 1878 и 1881 году покрывались разливами Кубани, и обсохли только осенью 1882 года.“ * Эти факты весьма замѣчательны, хотя къ сожалѣнію недостаточно гарантированы точными изслѣдованіями. Фактовъ этихъ пока еще недостаточно для рѣшенія этого вопроса; но значительная распространенность приведеннаго воззрѣнія въ народѣ позволяетъ думать что оно должно имѣть основаніе.

Подобно тому какъ яички саранчи нисколько не страдаютъ отъ продолжительнаго вліянія на нихъ избытка влаги, личинки саранчи даже въ самые первые періоды ихъ развитія относятся къ ней довольно индифферентно. Мнѣ удалось наблюдать такіе факты которые несомнѣнно доказываютъ это и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно опровергаютъ предположеніе Келлена что „чрезмѣрная сырость дѣйствуетъ губельно какъ на яичко, такъ и на личинку и на совершенное насѣкомое“. (См. стр. 134.)

11 іюня 1883 года во многихъ мѣстностяхъ по среднему теченію Дона (въ ст. Качалинской, Иловлинской, Сиротинской, Старо- и Ново-Григорьевской и другихъ) шелъ сильнѣйшій дождь. Въ видѣ почти непрерывнаго и страшнаго ливня онъ продолжался весь день и всю ночь 11 іюня, и въ теченіе всего утра, до полудня 12 іюня. Дождь лилъ какъ изъ ведра и причинилъ много бѣдъ. Во многихъ мѣстахъ онъ смылъ и обрушилъ берега Дона. Въ Сиротинской станицѣ имъ было снесено въ Донъ около трехсотъ овецъ. Въ Старо-Григорьевской станицѣ такимъ же образомъ погибло въ

* *Кубанскія Областныя Вѣдомости* 1883 года, № 27. Изъ официального донесенія темрюкского уѣзднаго начальника.

этотъ день болѣе двухъ тысячъ овецъ. Много скота погибло и въ станицѣ Ново-Григорьевской. Повсюду дождь положилъ хлѣбъ и траву. Въ юртѣ Качалинской станицы этотъ дождь уничтожилъ большое количество сусликовъ, затопивъ ихъ въ норахъ и увесши множество ихъ въ Донъ. Вода въ Дону значительно прибыла, такъ что, напримѣръ, въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ почти затопила строящійся тамъ мостъ.

Двѣнадцатаго іюня въ полдень, когда дождь еще шелъ, но уже не въ видѣ такого страшнаго ливня какъ наканунѣ и утромъ того же дня, я посѣтилъ въ сопровожденіи засѣдателя Н. П. Пушкарева, атамана Иловлинской станицы и нѣкоторыхъ мѣстныхъ хозяевъ, займище близъ станицы Иловлинской, по рѣкѣ Иловль, чтобъ ознакомиться съ тѣмъ положеніемъ въ какомъ находится саранча тотчасъ послѣ такого сильнаго и продолжительнаго ливня. Оказалось что этотъ ливень не имѣлъ на саранчу рѣшительно никакого вліянія. Саранча совершенно невредимо сидѣла въ огромномъ количествѣ на верхинкахъ мокрыхъ травъ и вслугиваемая нами передвигалась, какъ обыкновенно, прыжками, даже во время дождя. Здѣсь находились особи втораго и перваго возраста, и многія изъ послѣднихъ были такъ малы что вывелись очевидно не далѣе какъ 10 іюня.

Въ этотъ же день, нѣсколькими часами позднѣе, я осматривалъ займище близъ озера *Калдаура* (около хутора Бѣлужьяго, Сиротинской станицы), гдѣ ливень продолжался также болѣе сутокъ и прекратился лишь утромъ 12 іюня. Трава еще была мокрая, и всюду стояли лужи воды. Саранча же совершенно невредимъ сидѣла, какъ всегда, большими сплошными обществами на мокрой травѣ и спокойно занималась объѣданіемъ ея.

15 іюня я осматривалъ въ юртѣ станицы Перекопской мѣстность называемую *Березовый буеракъ* и нашелъ здѣсь между экземплярами саранчи втораго возраста также экземпляры перваго возраста, которые слѣдовательно выводились изъ земли какъ разъ 11 іюня, когда и здѣсь тоже шелъ поманутый сильный дождь.

Все это доказываетъ что сильныя и продолжительныя дожди вовсе не такъ губительно дѣйствуютъ на саранчу, какъ это думаютъ нѣкоторые ученые, и что дожди повидимому даже не мѣшаютъ выходу только что выллодившейся саранчи на поверхность земли.

Июльду 4 июля займище *Артачинских* хуторовъ, о которыхъ было мною упомянуто выше, я находилъ большія общества саранчи въ некоторыхъ едва просохшихъ музгахъ, покрытыхъ такими густыми зарослями камыша что лошадь съ трудомъ прокладывала себѣ дорогу, наклоняя предъ собою цѣлые валы камыша и куги. Эти общества состояли изъ саранчи всѣхъ возрастовъ; я видѣлъ здѣсь, мѣстами почти въ одинаковыхъ пропорціяхъ, особей перваго, втораго, третьяго, четвертаго и пятаго возраста, между которыми находились и крылатые экземпляры (самцы и самки). Изъ многочисленныхъ особей перваго возраста многія очевидно вылодились лишь наканунѣ. При видѣ такого пестраго, разновозрастнаго общества въ мѣстности весьма недавно обнажившейся отъ воды, необходимо было допустить что саранча постепенно передвигалась съ грядинъ въ музги, по мѣрѣ высыхания первыхъ, и такимъ образомъ постоянно примѣшивались особи болѣе старшихъ возрастовъ къ тѣмъ которыя только-что развились изъ личекъ по мѣрѣ осушенія музгъ. На возвышенной грядинѣ займища я видѣлъ мѣста трава которыхъ была сильно объѣдена саранчей, между тѣмъ какъ самой саранчи тутъ уже не было. Она вся ушла въ близъ лежавшую музгу, гдѣ смѣшалась съ новыми, позднѣйшими выводками. Но это передвиженіе изъ мѣстъ сухихъ въ мѣста болѣе влажныя не представляетъ постоянного, необходимаго явленія. На сосѣдней большей грядинѣ я наткнулся на колонну саранчи, которая состояла почти исключительно изъ особей четвертаго и пятаго возраста, съ небольшимъ числомъ экземпляровъ третьяго возраста и крылатыхъ. Это былъ очевидно ранній выводокъ вылодившійся на самой грядинѣ, но при своихъ переходахъ постоянно державшійся предѣловъ этой грядины и потому не смѣшавшійся съ поздними выводками болѣе низменныхъ мѣстъ.

Эти факты доказываютъ что молодая саранча, вылодившись въ обсохшихъ мѣстахъ займища, не боится переходить на ластбище въ мѣста болѣе влажныя и не гибнетъ отъ долгаго пребыванія въ нихъ, продолжающагося иногда въ теченіе всего періода ея развитія.

Многіе старики-казаки на Манычѣ увѣряли меня что саранча развивается даже изъ-подъ воды, заключая объ этомъ

изъ того что саранча часто встрѣчается на камышахъ стоящихъ въ водѣ иногда далеко отъ берега. Я самъ много разъ видѣлъ такое явленіе на Манычѣ (напримѣръ въ зимовникѣ Карасева, на Челаакѣ, близъ Великокняжеской станицы) и потому для меня не подлежитъ сомнѣнію вѣрность самаго факта, случающагося притомъ здѣсь очень нерѣдко. Но объясненіе даваемое ему казаками нельзя считать правильнымъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ саранча, выплывшись въ мѣстностяхъ уже обсохшихъ, мало-по-малу передвигаясь по вершинкамъ камышей въ сплошныхъ заросляхъ ихъ, заходила наконецъ въ такія части лавней, гдѣ камыши еще стояли въ водѣ. Эти факты подтверждаютъ все ту же мысль что саранча вовсе не боится влаги; что слышь да рядомъ вся жизнь ея протекаетъ непосредственно надъ поверхностью воды, гдѣ она живетъ постоянно окруженная влагой, особенно во время утреннихъ густыхъ тумановъ, стелющихся по поверхности рѣкъ. А между тѣмъ нигдѣ не нашелъ я такихъ фактовъ которые позволяли бы предположить что наступающая иногда для саранчи необходимость жить при такихъ условіяхъ отражается вредно на ея развитіи.

Все изложенное въ предшедшихъ строкахъ имѣло цѣлью убѣдить въ томъ что влага вовсе не представляетъ фактора уничтожающаго саранчу въ состояніи яйца и личинки въ различныхъ ея возрастахъ. Я полагаю что приведенные мною факты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ этомъ. Но я иду еще дальше. Я не только убѣжденъ что вода не вредитъ саранчѣ въ указанные періоды ея жизни, но полагаю даже что она играетъ весьма важную и полезную роль для нея, именно тѣмъ что затопляя весной на продолжительный срокъ времени тѣ мѣста гдѣ положены яички саранчи, она охраняетъ эти яички отъ вреднаго вліянія другихъ условій. Я полагаю, слѣдовательно, что такое затопленіе яичекъ есть моментъ благоприятный размноженію саранчи. Обращусь къ разсмотрѣнію тѣхъ данныхъ которыя позволяютъ мнѣ высказать такую гипотезу.

Мои изслѣдованія познакомили меня съ многочисленными фактами показывающими въ какомъ множествѣ гибнутъ иногда яички саранчи сложенные въ возвышенныя, совершенно сухія степныя мѣстности. Приведу здѣсь нѣсколько фактовъ этого рода.

1) Баивъ хутора *Сузова первого*, Арчадавской станицы, осенью 1882 года залегло несметное количество саранчи въ вершинѣ *западной балки*, немного къ сѣверу отъ кургановъ, носящихъ названіе *Три брата*. Олустившаяся здѣсь саранча закрыла площадь десятиемъ въ пятнадцать на поверхности высокаго, сухаго бугра, немного наклоненной къ югу. Почва—песчаный черноземъ. Во время налета саранчи одну часть этой площади занималъ скошенный пырейный перелогъ, другую—лещище. Въ срединѣ ея находится большой терновый кустъ.

Я посѣтилъ это мѣсто 20 июня. Вся площадь была покрыта прекрасною травой, еще не скошенной и нигдѣ не представлявшею ни малѣйшихъ признаковъ поврежденія. Преобладающія здѣсь травы были: *мышей* и *пырей*, весьма любимыя саранчей, затѣмъ росли здѣсь лебеда, чернобыльникъ, икотникъ, березка, молочай, овсюгъ, желтый донникъ, дикий ленъ, сурѣлка и многія другія.

Несмотря на всѣ эти, повидимому, благопріятныя условія, саранча весной 1883 года не вывелась здѣсь вовсе. Между тѣмъ массы предыдущей осенью налетѣвшей сюда саранчи были громадныя. Осматривая эту мѣстность 20 июня, въ сопровожденіи засѣдателя В. И. Пономарева и уполномоченнаго по истребленію саранчи Кузнецова, я находилъ здѣсь огромнѣйшее количество прошлогоднихъ труповъ саранчи. Мѣстами они лежали почти вплотную, образуя словно сѣрый коверъ, закрывавшій поверхность земли. Такое зрѣлище я видѣлъ почти на каждомъ пунктѣ въ предѣлахъ этой площади. Въ пяти различныхъ мѣстахъ, безъ особаго выбора ихъ, я сосчиталъ трупы лежавшіе на землѣ и получилъ слѣдующія числа:

- а) На квадратномъ поларшинѣ: 16 самцовъ и 4 самки.
- б) На квадратномъ поларшинѣ: 30 самцовъ и 9 самокъ.
- в) На квадратномъ поларшинѣ: 29 самцовъ и 10 самокъ.
- г) На квадратныхъ $\frac{3}{4}$ аршина: 34 самца и 3 самки.
- д) На квадратныхъ $\frac{3}{4}$ аршина: 102 самца и 37 самокъ.

Несмотря на громадное количество залегшей здѣсь саранчи, несмотря на то что осенью не принимали никакихъ мѣръ чтобы сдѣлать ее безвредною, что саранчу тогда не избивали и занятыхъ ея личками мѣстъ не лахали и не борошили, весной 1883 года она здѣсь совсѣмъ не вывелась. Я не нашелъ здѣсь ни единой личинки саранчи, хотя посѣтилъ эту мѣстность въ такое время когда въ другихъ т сухихъ.

подобныхъ ей мѣстахъ саранча уже почти оканчивала свое развитіе. Въ виду этого страннаго факта я предположилъ сначала что можетъ-быть туча налетѣвшей здѣсь саранчи состояла изъ однихъ самцовъ. Но вышеприведенныя числа очень скоро отняли у меня возможность дать такое объясненіе, ибо, несмотря на рѣшительное преобладаніе самцовъ, самки все-таки составляли здѣсь весьма значительный процентъ общаго числа саранчи.

Очевидно всѣ сложенныя здѣсь яички пропали несмотря на вполне благоприятныя, по видимому, условія мѣстности.

2) Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстности только что описанной, также близъ хутора *Сухова перваго*, въ мѣстности называемой *Часовенка*, саранча осенью 1882 года налетѣла въ огромномъ количествѣ и положила яички въ суглинистой почвѣ перелога. Я осматривалъ эту мѣстность 20 июня. Трава въ это время была здѣсь только-что скошена и сѣно сложено въ копы. На открытой поверхности земли я находилъ множество труловъ налетѣвшей въ прошломъ году саранчи. Мѣстами, въ особенности въ ямкахъ и по бороздкамъ, куда скосила ихъ дождевая вода, трулы лежали сплошнымъ слоемъ закрывая землю. Несмотря на то что осенью никакихъ мѣръ противъ упавшей тутъ саранчи не предпринималось и мѣстность зараженная ея яичками не была ни перелавана, ни боронована, здѣсь не вывелось весной 1883 года ни единого экземпляра саранчи. Я осматривалъ хлѣба окружающіе эту площадь и убѣдился въ рѣшительномъ отсутствіи саранчи; хлѣба были въ цвѣтущемъ состояніи, обѣщали прекрасный урожай и не представляли ни малѣйшихъ слѣдовъ какого-либо поврежденія. Я осматривалъ эту мѣстность въ сопровожденіи засѣдателя В. И. Пономарева и распорядителя по истребленію саранчи Кузнецова, которые сообщили мнѣ что раннею весной здѣсь выкалывали много яичекъ, но что всѣ они оказывались погибшими и заллѣсившимися.

3—5. Такъ же какъ въ предшедшихъ случаяхъ саранча осенью 1882 года налетѣла въ большомъ числѣ, но затѣмъ весной 1883 года вовсе не вывелась въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: а) въ мѣстности называемой *Савушкинъ колодезь*, станицы Кременской; б) *Колотилкинъ колодезь*, станицы Переконской; в) близъ хутора *Уланскаго*, станицы Кременской. Всѣ эти мѣстности сухія, незатопляемыя водой. Осенью нигдѣ здѣсь никакихъ мѣръ противъ залетѣвшей въ нихъ саранчи

не принимали и несмотря на это саранча совѣмъ не вывелась. Первыя двѣ изъ названныхъ мѣстностей, расположенныя въ высокой степи, на правой сторонѣ Дона, я осматривалъ 15 июня въ сопровожденіи засѣдателя В. И. Пономарева и Е. М. Федорова, ставицкаго атамана и распорядителя по истребленію саранчи, и не нашелъ здѣсь ни единого экземпляра саранчи. Какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, здѣсь всѣ яички саранчи пропали совершенно, несмотря на то что эти мѣстности вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ условіямъ которыя, по мнѣнію Келлена, необходимы для успѣшнаго размноженія саранчи.

6—7. Осенью 1882 года очень большое количество саранчи зашло на *Солоной балкѣ* близъ хутора *Сухова втораго*, Арчадинской станицы, и заняло пространство около двадцати десятинъ по сухому суглинистому склону балки. Весной 1883 года вывелось здѣсь лишь весьма немного саранчи, такъ что она образовала только два выводка, двѣ „кулиги“, изъ коихъ одна заняла площадь въ двѣ съ половиной десятины, другая площадь въ 30 квадратныхъ сажень. 10 июня оба выводка уничтожены въ одинъ день, причемъ истребленіе было до того полное что посѣтивъ эту мѣстность 20 июня, я не нашелъ здѣсь ни одного экземпляра саранчи.

Точно также на *Голую балку* означеннаго хутора тогда же налетѣло очень много саранчи, закопавшей яички въ сухой почвѣ склона этой балки. Несмотря на то что и здѣсь олутившуюся саранчу не трогали и мѣстность занятую ею яичками не пахали и не борошили, саранча весной 1883 года выплодилась въ ничтожномъ количествѣ. Несомнѣнно что въ обоихъ случаяхъ большинство яичекъ погибло въ землѣ, и только изъ самой незначительной части ихъ безпрепятственно выплодилась саранча.

8. Въ юртѣ станицы Кременской, въ мѣстности называемой *Вольница*, лежащей также въ высокой степи на правой сторонѣ Дона, саранча въ сентябрѣ 1882 года налетѣла въ большомъ числѣ и положила яички на старыхъ перелоггахъ и на житницѣхъ (ржаномъ жнивѣхъ). Пораженную мѣстность не перелаживали и не бороновали, но тѣмъ не менѣе саранча вывелась здѣсь въ самомъ незначительномъ числѣ. И здѣсь также большинство яичекъ погибло.

Мѣстностей подобныхъ только что упомянутымъ, гдѣ вывелось лишь незначительное количество саранчи, несмотря

на массы ея залегшія тутъ съ осени, а могъ бы назвать еще много; но полагаю что и приведенныхъ здѣсь примѣровъ совершенно достаточно чтобы показать какъ много пропадаетъ яичекъ положенныхъ саранчей въ мѣста совершенно сухія, никогда не затопляемая водой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ яички погибли массами, несмотря на сухость почвы возвышенныхъ степей, въ которыхъ они были положены. Не смотря на массы налетѣвшей саранчи и на многочисленность положенныхъ ими яичекъ, въ слѣдующемъ году вовсе не получило потомства, такъ какъ яички погибли, или получило такое ничтожное потомство что нѣсколькими десятками человекъ въ теченіе двухъ-трехъ дней (мѣстами даже одного дня) удавалось его совершенно уничтожить. Весьма интересно то обстоятельство что рѣшительно никакихъ мѣръ въ этихъ случаяхъ не принималось для достиженія такого благоприятнаго результата. Это заставляетъ относиться съ большою осторожностью къ объясненію тѣхъ случаевъ когда успѣхъ въ борьбѣ съ саранчей приписывается тѣмъ предупредительнымъ мѣрамъ которыя были предпринимаемы съ осени (пахота, боронованіе), потому что саранча могла исчезнуть, то-есть вовсе не вылодиться изъ положенныхъ яичекъ, не вслѣдствіе примѣненія такихъ мѣръ, а по другимъ причинамъ, подобно тому какъ въ случаяхъ выше мною изложенныхъ.

Какія же могутъ быть причины такой чрезвычайной смертности яичекъ?

Въ продолженіе длинной южно-русской осени и столь же длинной весны яички саранчи, положенныя въ самомъ поверхностномъ слое почвы, представляютъ лакомую добычу для многочисленныхъ животныхъ степи. Въ теченіе четырехъ осеннихъ и трехъ весеннихъ мѣсяцевъ яички неподвижно лежатъ здѣсь какъ готовый запасъ пищи. Уже давно извѣстно что различныя животныя дѣйствительно истребляютъ яички саранчи. Относительно вышеприведенныхъ примѣровъ уничтоженія ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Донской области, это подмѣчено населеніемъ и въ нынѣшнемъ году. Такъ относительно хутора *Сухова пераго*, о которомъ я говорилъ выше, гдѣ въ мѣстности *Часовенка* саранча вовсе не вывелась, положительно извѣстно что съ осени выгоняли сюда ежедневно все стадо свиней ближайшаго хутора, и было замѣчено что онѣ съ жадностью вырывали и ѣли яички

саранчи. Такъ въ станицѣ *Великокняжеской* на Чеплакѣ, владающемъ въ Манычѣ, было извѣстно что свиньи сами открыли осенью прошлаго года то мѣсто гдѣ саранча заложила яички и ежедневно приходили сюда большими стадами для выкалыванія ихъ. Случаевъ подобныхъ этимъ извѣстно много, и нѣкоторые авторы даже предлагали было пользоваться свиньями для истребленія яичекъ саранчи.

Совершенное исчезновеніе саранчи въ мѣстностяхъ называемыхъ *Савушкинымъ* и *Колотилкинымъ колодцами* (о которыхъ было упомянуто выше) населеніе объясняетъ дѣятельностью земляныхъ зайчиковъ (*Dipus*), которыхъ многіе видѣли весной въ моменты выкалыванія ими яичекъ саранчи. Дѣйствительно, какъ здѣсь такъ и въ другихъ степныхъ мѣстностяхъ занятыхъ саранчей (напримѣръ въ станицахъ *Цымыланской*, *Кумшацкой* и др.) я видѣлъ на поверхности земли многочисленныя ямки, выкопанныя отчасти этими звѣрками, отчасти клювами грачей и воронъ.

На основаніи этихъ прямыхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ двухъ-трехъ мѣстностяхъ, можно предположить что и въ другихъ степныхъ мѣстахъ яички саранчи могли быть съѣдены различными животными. Давно уже извѣстно что яичками саранчи охотно кормятся кромѣ названныхъ еще очень многія животныя, какъ-то: суслики, землеройки, полевая мышь, кроты, слѣпыши, галки, жаворонки и журавли. Къ этимъ крупнымъ врагамъ яичекъ саранчи, изъ коихъ одни выкалываютъ ихъ, другіе истребляютъ лодъ землей, присоединяются еще многочисленныя мелкіе враги изъ насѣкомыхъ. Я находилъ множество яичныхъ мѣшечковъ испорченныхъ различными насѣкомыми, личинками *мухъ* (*Anthomya*) и *ктырей* (*Asilus*), личинками щелкуновъ (*Elatér*), различными тысячножками, муравьями и хищными жуками, и неоднократно имѣлъ случай находить всѣхъ этихъ насѣкомыхъ внутри пораженныхъ ими мѣшечковъ. Дементьевъ наблюдалъ въ Ставропольской губерніи * также двухъ личинокъ паразитовъ яичныхъ въ мѣшкахъ саранчи и говоритъ что „имъ именно и принадлежитъ причина загниванія саранчевыхъ яицъ на пахотныхъ поляхъ, онѣ-то и вызываютъ это загниваніе“. Эта мысль Дементьева совершенно правильная, и я неоднократно могъ убѣдиться въ вѣрности ея. Очень часто попадаютъ въ землѣ яичные мѣшечки

* *Сельское Хозяйство и Лѣсоводство* 1882, іюнь, стр. 219.

отгившіе или покрытыя лѣтсенью, въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно затвердѣвшіе словно палочки. Внимательно изслѣдуя такіе отмершіе мѣшечки, я въ большинствѣ случаевъ находилъ въ нихъ слѣды присутствія паразитныхъ личинокъ, какъ-то: изверженія, шкурки сброшенныя ими при линяніи; въ другихъ мѣшечкахъ большія выѣденныя мѣста прямо указываютъ на то что они погибли отъ поврежденія ихъ хищными насѣкомыми. Въ тѣхъ случаяхъ гдѣ личинки мухъ, ктырей или шелконовъ находились еще въ мѣшечкахъ, разрѣшеніе вопроса о причинахъ гибели послѣднихъ было конечно еще легче. * Профессоръ Степановъ видѣлъ въ Крыму что яичками саранчи (*Stauronotus cruciatus*) кормятся еще соьльгуи (стр. 13).

Зная эти факты, зная въ какомъ множествѣ встрѣчаются въ южной Россіи всѣ названныя животныя принадлежащія къ числу обыкновенныхъ членовъ ея фауны, зная далѣе какъ много времени дается имъ на истребленіе яичекъ саранчи, для нихъ весьма доступныхъ, мы легко представимъ себѣ какую неравною должна быть эта борьба между беззащитными и неподвижными яичками саранчи и многочисленными смышлеными врагами ихъ. Вышеизложенные примѣры достаточно ясно показываютъ намъ къ какимъ результатамъ приводитъ иногда эта дружная дѣятельность наземныхъ и подземныхъ враговъ яичекъ саранчи. Только такую ихъ дѣятельностью мы можемъ объяснить тѣ случаи когда вовсе не получается выводковъ саранчи въ такихъ мѣстностяхъ гдѣ съ осени саранча олустилась большими тучами, или когда эти весенніе выводки, по своей малочисленности, вовсе не отвѣчаютъ опасеніямъ и ожиданіямъ основаннымъ на количествѣ саранчи крыматой, съ осени налетѣвшей на данную мѣстность и положившей въ ней многочисленныя яички.

* Проф. П. Т. Степановъ въ сочиненіи *Паразиты саранчи*, напечатанномъ въ *Трудахъ Харьковскаго Общества Испытателей Природы*, т. XIII, 1880 года, говоритъ (стр. 3 отдѣльнаго оттиска) что при изслѣдованіи яичекъ *Stauronotus cruciatus*, найденныхъ имъ въ большомъ числѣ въ степной мѣстности въ Крыму, около селенія Тулаукъ, онъ нашелъ что большая часть яичныхъ мѣшечковъ содержала вмѣсто яицъ по одной личинкѣ принадлежащей, какъ казалось, двукрылому насѣкомому.

Сравнивая величину выводков саранчи въ нынѣшнемъ году, получившихся въ различныхъ мѣстахъ Донской области, я прихожу къ тому заключенію что саранчи было гораздо больше въ мѣстностяхъ болотистыхъ чѣмъ въ сухихъ, степныхъ; то-есть что въ одинъ и тотъ же годъ, въ одномъ ограниченномъ районѣ, находившемся подъ вліяніемъ болѣе или менѣе одинаковыхъ метеорологическихъ и климатическихъ условій, саранча въ мѣстахъ низменныхъ, затопляемыхъ весеннею водою, появилась въ гораздо большемъ числѣ особей чѣмъ въ сухихъ степяхъ. Я могу это объяснить только тѣмъ что въ мѣстностяхъ перваго рода пропало гораздо меньшее число яичекъ саранчи чѣмъ въ мѣстностяхъ втораго рода. Дѣйствительно, въ 1883 году въ Донской области самыя значительныя массы саранчи были въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Въ займищахъ устья Дона, какъ въ предѣлахъ Черкаскаго округа Донской области, такъ и въ Ростовскомъ уѣздѣ.

Въ займищахъ Арпачинскихъ хуторовъ.

Въ займищахъ станицъ Трехостровянской, Качалинской и Иловлинской.

Слѣдовательно, все въ такихъ мѣстностяхъ которыя затопляются на продолжительный срокъ во время весенняго разлива.

Съ другой стороны, мнѣ неизвѣстно ни одного такого случая гдѣ бы яички положенныя осенью 1882 года въ мѣста затопляемыхъ весеннею водою пропали окончательно, такъ чтобы весной 1883 года не получилось вовсе выводковъ саранчи; между тѣмъ какъ во многихъ степныхъ мѣстахъ тою же осенью пораженныхъ саранчей въ Донской области, саранча (какъ разказано выше) или вовсе не вывелась, или вывелась лишь въ ничтожномъ количествѣ. Такой фактъ, совершенно немислимый съ точки зрѣнія господствующаго взгляда на саранчу, не можетъ быть конечно объясняемъ вліяніемъ какихъ-нибудь климатическихъ различій. Онъ объясняется только тѣмъ что въ мѣстностяхъ низменныхъ, въ займищахъ, вода весной на продолжительный срокъ времени затопляющая мѣстность содержащую яички саранчи дѣлаетъ эти яички недоступными для тѣхъ многочисленныхъ враговъ которые въ это же самое время легко истребляютъ ихъ на сухихъ степныхъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого, благодаряпокровительствующему вліянію весенняго разлива, боль-

шинство личекъ положенныхъ въ займищахъ развивается усильно, тогда какъ лички заложенные въ стебляхъ и потому лишенные этого покровительства погибаютъ массами, а иногда даже истребляются совершенно.

Самые главные изъ числа вышеозначенныхъ враговъ саранчи никогда не встрѣчаются въ займищахъ. Различныя мелкія млекопитающія (суслики, мыши, кроты и др.) не могутъ жить здѣсь уже потому что займища бываютъ закрыты водой въ продолженіе именно того періода времени когда эти животныя наиболее нуждаются въ томъ чтобы имѣть возможность укрыться въ норахъ подъ поверхностью земли, то-есть весной, когда они имѣютъ дѣтенышей. Другіе враги, именно птицы, избѣгаютъ тѣхъ непролазныхъ зарослей и лавней въ которыхъ саранча часто складываетъ свои лички, такъ какъ здѣсь онѣ стѣснены въ своихъ движеніяхъ. Поэтому въ займищахъ и въ особенности въ лавняхъ не встрѣчаешь рѣшительно ни одного изъ перечисленныхъ выше истребителей личекъ саранчи. Большинство ихъ суть исключительно степныя животныя. Хищнымъ насѣкомымъ также затрудненъ доступъ къ личкамъ саранчи сложенымъ въ займищахъ, весной—потому что они защищены здѣсь водой, а осенью—потому что почва займища какъ войлокомъ поросла корнями растеній, почему лишь съ большимъ трудомъ раскалывается какъ этими насѣкомыми, такъ и другими животными. Это послѣднее обстоятельство также служитъ важнымъ моментомъ, покровительствующимъ личкамъ саранчи сложенымъ въ лавняхъ.

Въ предшедшемъ я изложилъ многочисленные факты которые доказываютъ два положенія, именно слѣдующія:

Избытокъ влаги не оказываетъ губительнаго вліянія ни на лички саранчи, ни на личинокъ ея въ различные періоды ихъ развитія.

Затопленіе мѣстности занятой личками саранчи въ теченіе продолжительнаго срока времени весной оказываетъ полезное вліяніе на размноженіе саранчи, защищая лички ея отъ истребленія ихъ различными животными, которыя при отсутствіи такой защиты уничтожаютъ ихъ въ большомъ количествѣ.

Но этимъ рѣшительнымъ покровительствомъ, находимымъ саранчей въ займищахъ и лавняхъ въ первые моменты ея жизни, не ограничивается связь между нею и этими займи-

щамъ; она простирается гораздо далѣе. Покровительство и защита оказываемыя такими мѣстностями живущей въ нихъ саранчѣ представляются столь сложными и многосторонними, такъ сильно отражающимися на организацию и нѣкоторыхъ правахъ саранчи что изученіе этихъ явленій приводитъ насъ къ слѣдующему выводу: саранча не только не боится воды и влаги, не только *иногда* находитъ себѣ защиту въ водѣ заливающей болотистыя низменности и лѣсные луга, но есть *коренной обитатель* этихъ болотистыхъ низменностей, весьма многообразно и глубоко приспособившаяся къ нѣкоторымъ наиболее характернымъ чертамъ ихъ. Если она и вылетаетъ иногда въ степныя мѣста, то лишь изрѣдка, подъ вліяніемъ особыхъ условій и притомъ на погибель себѣ или, вѣрнѣе, на конечную гибель своему потомству.

Приведу тѣ данныя которыя, какъ мнѣ кажется, необходимо вѣдутъ къ такому взгляду.

Когда я былъ знакомъ съ саранчей только по книгамъ и музейнымъ образцамъ, я никакъ не могъ понять значенія тѣхъ измѣненій окраски которыя она претерпѣваетъ во время своего развитія. Вылупившись безцвѣтно изъ яичка, она вскорѣ становится совершенно черною, затѣмъ постепенно образуетъ въ своихъ покровахъ красный пигментъ, все болѣе и болѣе распространяющійся, такъ что въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ возрастахъ, то-есть въ теченіе большей части ея личиночной жизни, она является окрашенною въ красный цвѣтъ; наконецъ окрыляясь саранча становится зеленовато-сѣрою, нагдѣ не сохранивъ того яркаго краснаго пигмента который такъ характеренъ для нея въ ея личинковомъ состояніи. Это измѣненіе окраски саранчи во время ея развитія есть явленіе чрезвычайно странное, такъ какъ красный пигментъ вовсе не составляетъ необходимой ступени для образованія зеленовато-сѣраго пигмента у взрослого насѣкомаго. Только теперь, послѣ того какъ мнѣ удалось видѣть громадныя массы саранчи разныхъ возрастовъ въ ея родныхъ болотахъ и наблюдать ее среди обыкновенно окружающей ее обстановки, значеніе этихъ превращеній и причина обусловившая ихъ возникновеніе стали для меня вполнѣ ясными. Я понималъ что красная окраска личинокъ саранчи играетъ для нихъ роль покровительствующаго момента въ обитаемыхъ ими болотахъ и приобрѣтена ими вслѣдствіе приспособленія къ нѣкоторымъ наиболее характернымъ предметамъ среды обыкно-

венно ихъ окружающей. Я убѣдился въ томъ что именно такую красную окраску должны были получить личинки саранчи для того чтобъ имъ возможно было укрываться отъ ихъ враговъ въ плавняхъ и займищахъ.

Куги и камыши суть наиболѣе характерныя члены флоры сырыхъ низменностей. Имъ преимущественно обязаны плавни своею характерною физиономіей, такъ какъ они отодвигаютъ совершенно на задній планъ всѣ другія растенія ихъ. Сплошными обществами поселяется куга и въ займищахъ, всюду гдѣ на поверхности послѣднихъ находятся углубленія съ болѣе влажною почвой, или же она размѣщается вмѣстѣ съ камышомъ по берегамъ ихъ озеръ и лимановъ. Трудно представить себѣ такой поемный лугъ по берегамъ южнорусскихъ рѣкъ гдѣ бы не встрѣчались болѣе или менѣе часто темно-зеленыя островки куги, рѣзко отличающіеся отъ остальной поверхности этихъ луговъ, занятой обычными луговыми травами, между которыми преобладаютъ блѣдно-зеленыя злаки и осоки. Въ плавняхъ куга мѣстами образуетъ такія же сплошныя замкнутыя группы; мѣстами же, именно тамъ гдѣ почва становится богаче водой или даже совсѣмъ пресыщается и покрывается ею, куга смѣшивается съ камышемъ, гранухой (*Scirpus maritimus*) и чакономъ (*Typha angustifolia*).

Въ началѣ іюня куга образуетъ большіе красныя колоски расположенныя по пятнадцати и до двадцати штукъ метелкой на верхннкѣ темно-зеленаго стебля, несущаго подъ мѣстомъ прикрѣпленія этихъ колосковъ прицвѣтникъ, какъ бы продолжающій стебель. Колоски имѣютъ довольно значительную величину; каждый достигаетъ въ длину до десяти миллиметровъ при толщинѣ въ четыре миллиметра. Эти колоски сохраняются въ такомъ видѣ въ теченіе всего іюня. Къ срединѣ іюля въ плавняхъ устьевъ Дона они начинаютъ созрѣвать и осыпаться, а стебли отмираютъ и желтѣютъ или бурѣютъ. (Въ плавняхъ Арлачннскихъ хуторовъ 4 и 5 іюля куга только что начала осыпать плоды, но большинство экземпляровъ имѣло еще красныя колоски и зеленые стебли.) У гранухи (*Scirpus maritimus*), растущей только въ плавняхъ, такіе же красныя колосья сидятъ по пяти, шести или семи, кучею на верхннкѣ стебля и достигаютъ болѣе значительной величины, именно миллиметровъ пятнадцать въ длину и миллиметровъ шесть въ ширину.

Когда каждый стебелекъ густой, только изъ куги состоящей заросли, растущей въ видѣ островка въ какомъ-нибудь углуб-

леніи займища, украсить верхушку свою метелкой этихъ большихъ красныхъ колосковъ, получается весьма интересный и оригинальный эффектъ: вся поверхность такой заросли куги покрывается тогда точно однимъ сплошнымъ красноватымъ покровомъ, состоящимъ изъ этихъ многочисленныхъ колосковъ и испещренныхъ верхушками темно-зеленыхъ стеблей и прицвѣтниковъ. Въ плавняхъ совершенно также убираетъ свои стебли метелками большихъ красныхъ колосковъ другой членъ этой флоры—грануха, производящая тогда совершенно такой же эффектъ какъ куга, и потому тамъ гдѣ оба эти родственныя растенія растутъ вмѣстѣ, они дополняютъ другъ друга, тѣмъ болѣе что стебли ихъ достигаютъ почти одинаковой высоты.

Въ то же самое время, когда во всякомъ займищѣ, въ каждой плавнѣ появляются многочисленные красныя пятна различной величины, образуемая группами куги покрытой колосками, когда займища и плавни пріобрѣтаютъ такую особенность какой никогда не имѣютъ высокія сухія степи, когда пейзажъ ихъ получаетъ своеобразную физиономію вслѣдствіе появленія описанныхъ красныхъ пятенъ, въ то же самое время въ тѣхъ же займищахъ и плавняхъ появляется лѣшная саранча, особенно охотно питающаяся кугою.

Появившись въ концѣ мая или въ началѣ іюня, въ теченіе всего іюня и начала іюля живя въ плавняхъ на кугѣ и на рядомъ съ нею растущемъ камышѣ, лѣшная саранча ищетъ защиты у кормящихся ее растеній и потому приспособилась къ нимъ такимъ образомъ. Она пріобрѣла окраску сходную съ окраской колосковъ куги, достигающихъ величины соответствующей величинѣ саранчи среднихъ возрастовъ. Она выработала себѣ еще привычку собираться большими обществами на верхушкахъ или подъ верхушками стеблей тѣхъ растеній которыми она питается или на которыхъ располагается для ночлега.

Вслѣдствіе такой привычки лѣшей саранчи и вслѣдствіе ея красной окраски, стада ея, размѣстившись гдѣ-нибудь въ займищѣ или въ плавняхъ, представляются на нѣкоторомъ разстояніи въ видѣ красноватаго пятна, лаброшеннаго на зеленую поверхность растеній. Мѣсто занятое такимъ краснымъ пятномъ или (какъ выражаются на Дону) такую *кулигой* саранчи такъ похоже на группу куги покрытой колосками что увидавъ въ первый разъ въ займищѣ

одновременно и красную кулигу саранчи и красную заросль куги, я былъ пораженъ сходствомъ этихъ двухъ явленій. Достаточно разъ увидать это чрезвычайное сходство кулиги саранчи и такой заросли куги чтобы ни на минуту не сомнѣваться болѣе въ томъ что оно не представляетъ простой случайности, а есть выраженіе глубокой биологической связи этихъ организмовъ между собою.

Главнѣйшіе и страшнѣйшіе враги лѣшней саранчи (не считая ея паразитовъ) суть различныя птицы (розовые и черныя скворцы, грачи, вороны). Возможность укрыться отъ этихъ враговъ въ совсѣмъ открытой мѣстности составляетъ для саранчи необходимое условіе ея размноженія. Эта цѣль хорошо достигается только что изложенными чертами, благодаря коимъ птицы, перелетая болѣе или менѣе высоко надъ мѣстностью занятою лѣшею саранчей, могутъ впасть въ ошибку и принять кулигу саранчи за покрытыя колосками заросли куги. Такое толкованіе причинъ несомнѣннаго сходства названныхъ явленій нельзя считать искусственнымъ.

Борьба за существованіе и присущая вѣмъ живымъ существамъ способность приспособляться и пріобрѣтать покровительствующія особенности, заставляютъ огромное количество животныхъ и въ особенности насѣкомыхъ вырабатывать такія формы, такую окраску и даже такія манеры которыя дѣлаютъ ихъ сходными съ тѣми или другими предметами, особенно характеристичными для мѣстностей ими обыкновенно обитаемыхъ и составляющими ихъ нормальную обстановку; эта борьба за существованіе и приспособляемость организма суть общіе законы живой природы. Они проявили свое вліяніе и на саранчу въ ея отношеніяхъ къ ея обстановкѣ. Чтобы ввести въ обманъ своихъ враговъ, лѣшная саранча получила сходство въ окраскѣ съ наиболее характерными предметами ея нормальной обстановки, именно съ колосками куги и гранухи. Для большаго сходства она пріобрѣла еще привычку скучиваться кулигами на верхушкахъ травъ, потому что и куга, лодъ защиту которой она такимъ образомъ пріобрѣла, растетъ зарослями, то-есть тоже образуетъ кулиги и колоски ея тоже сидятъ на верхушкахъ стеблей. Кто самъ видѣлъ займища и лавны, тотъ согласится что здѣсь нѣтъ другихъ тѣлъ которыя такъ же хорошо какъ колоски куги могли бы служить

для покровительства пшвей саранчи въ качествѣ объекта для подржанія.

Въ подтвержденіе высказанной здѣсь мысли нужно еще указать на то что связь саранчи съ кугою не ограничивается окраскою и привычкою собираться кулигами; она идетъ еще дальше и выражается въ некоторомъ совладеніи явлений во времени. Въ началѣ іюня образуются колоски куги и гранухи; въ началѣ же іюня начинается появляться въ займищахъ саранча окрашенная въ красный цвѣтъ, который принадлежитъ только личинкамъ и никогда не бываетъ у взрослой саранчи. Въ началѣ іюля куга начинаетъ осыпаться свои колоски и стебель ея отмираетъ; въ это же время въ займищахъ и плавняхъ оканчиваютъ свое развитіе главныя массы саранчи и начинаютъ превращаться въ крылатыхъ особей. Следовательно саранча сохраняетъ извѣстную сумму особенностей, покровительствующихъ ей въ плавняхъ и займищахъ, лишь до тѣхъ поръ пока существуетъ та обстановка къ которой она приспособилась. Какъ только обстановка эта начинаетъ измѣняться и терять тѣ черты которыя защищали саранчу, такъ и послѣдняя начинаетъ измѣняться: она окрыляется и получаетъ этимъ большую независимость отъ среды перестающей ей покровительствовать; она измѣняетъ окраску, сбрасывая цвѣтъ который теперь не имѣетъ уже того значенія какъ прежде.

Всѣ изложенные здѣсь факты и соображенія необходимо приводить къ тому выводу что *красная окраска пшвей саранчи и ея привычки жить обществами, кулигами, суть следствие ея приспособленія къ зарослямъ куги, имѣющаго цѣлью укрыть ее отъ враговъ въ родныхъ займищахъ и плавняхъ.*

Въ пользу только что высказаннаго здѣсь предположенія говоритъ повидимому еще слѣдующій интересный фактъ.

При моихъ изслѣдованіяхъ въ Довской области, я нашелъ что молодая саранча живущая въ сухихъ степяхъ или хлѣбныхъ поляхъ представляетъ весьма различную окраску. Рядомъ съ экземплярами красными встрѣчаются многочисленныя особи окрашенные совершенно иначе, именно желтыя и зеленыя, иногда одноцвѣтныя, чаще съ черными пятнами. Зеленыя встрѣчаются чаще желтыхъ и составляютъ болѣе или менѣе значительный процентъ всей массы саранчи. Въ сухихъ степяхъ бываетъ иногда зеленыхъ личинокъ столько же сколько и красныхъ.

Фактъ существованія такихъ измѣненій въ окраскѣ тѣла личинокъ саранчи становится особенно интереснымъ если обратить вниманіе на распространеніе такихъ необыкновенно окрашенныхъ личинокъ по мѣстностямъ. Я видѣлъ миллионы особей саранчи во многихъ займищахъ Дона и его устья и не видалъ между ними ни единого экземпляра зеленого или желтаго. Когда стоишь предъ движущемою колонной саранчи, то во время ея прохожденія легко замѣтить особей рѣзко отличающихся желтою или зеленою окраской своей отъ массы красныхъ личинокъ. Но и при такихъ условіяхъ ни разу не удалось мнѣ замѣтить такихъ желтыхъ или зеленыхъ личинокъ въ займищахъ. Поэтому если онѣ и встрѣчаются здѣсь, то несомнѣнно лишь крайне рѣдко. Наоборотъ, между саранчей сухихъ степей такіа зеленыя особи встрѣчаются очень часто, хотя конечно и здѣсь большинство экземпляровъ бываютъ красными. Это въ свою очередь служитъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ мысли что красная окраска личинокъ саранчи есть результатъ приспособленія къ колоскамъ куку и что поэтому тамъ гдѣ господствуетъ кука, саранча бываетъ всегда красною, тамъ же гдѣ кука всегда отсутствуетъ и окраска саранчи представляетъ частыя отклоненія отъ той которая приобретена ею вслѣдствіе указаннаго приспособленія.

Доказанное въ предшедшемъ приспособленіе саранчи къ нѣкоторымъ наиболее характернымъ болотнымъ растеніямъ, имѣющее цѣлью доставить ей защиту во время ея самаго безпомощнаго состоянія, въ свою очередь ставитъ вѣдъ всякаго сомнѣнія ту основную мысль что *саранча есть насѣкомое первоначально принадлежащее болотной фаунѣ*. Мы необходимо приходимъ къ такому заключенію, ибо всюду въ животномъ царствѣ видимъ проявленіе общаго закона, по которому животныя приспособляются къ предметамъ входящимъ въ ихъ обычную родовую обстановку. Въ силу этого правила насѣкомое ищущее такого покровительства у болотной *куки*, путемъ подражанія ея колоскамъ въ ихъ окраскѣ и размѣщеніи, непрѣмьно должно быть обитателемъ болотъ. Только признавъ правильность такого взгляда мы получаемъ возможность понять значеніе нѣкоторыхъ другихъ главнѣйшихъ явленій въ жизни саранчи, исходя изъ принциповъ общей зоологіи. Нѣкоторыя самыя основныя черты образа жизни саранчи приобретаютъ разумное значеніе лишь при допущеніи мысли что она есть насѣкомое болотное.

Въ займищахъ и лавняхъ низовой Дона и на Манычѣ крылатая саранча начинаетъ появляться въ первыхъ числахъ іюля, главныя же массы ея окрыляются лишь около половины іюля. Окрыленная саранча живетъ въ теченіе всего іюля, августа и отчасти сентября. Въ продолженіе всего этого времени саранча, вслѣдствіе значительной величины тѣла и знаменитой прожорливости, вошедшей въ поговорку, требуетъ громаднаго количества пищи, состоящей только изъ свѣжихъ зеленыхъ растений. Между тѣмъ во время появленія крылатой саранчи и тѣмъ болѣе въ теченіе всего времени ея существованія въ этой формѣ, степи прилегающія къ названнымъ рѣкамъ не даютъ ей никакой пищи. Мнѣ удалось видѣть въ началѣ и въ первой половинѣ іюля Коннозаводческую степь на Манычѣ, степи калмыцкихъ кочевій за Саломъ и южную Задонскую степь, и никогда не изгладится изъ памяти та оригинальная картина которую представляютъ онѣ въ это время. Куда ни глянешь, видишь безконечную засохшую и желтую равнину, словно покрытую насыпаннымъ на нее сѣномъ. Только заросли солодкового корня, въ это время ярко зеленого и украшеннаго свѣтло-фіолетовыми кистями цвѣтовъ, яркими пятнами прерываютъ мѣстами тоскливо однообразный желтый цвѣтъ картины. Въ Коннозаводческой степи этотъ солодковый корень покрываетъ сплошными обществами десятки десятинъ, и такія площади кажутся зелеными какъ весной; но подѣхавъ къ нимъ ближе, находишь между этими зелеными растеніями ту же совершенно выгорѣвшую и засохшую растительность какъ и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ надѣ не тронутые, никѣмъ не поврежденные листья солодкового корня убѣждаютъ весьма наглядно въ томъ какъ мало служатъ это растеніе животнымъ для прокормленія. * На выгорѣвшей степи въ это время словно выгораетъ и вся животная жизнь. Хлѣба въ это время также вездѣ созрѣли и либо скошены, либо стоятъ на корнѣ, обуславливая въ послѣднемъ случаѣ еще болѣе желтый, болѣе сухой видъ всей мѣстности. Въ началѣ іюля, въ этихъ степяхъ травы и хлѣба выгораютъ и

* Въ Калмыцкой степи солодковый корень встрѣчается рѣже и не образуетъ такихъ роскошныхъ зарослей какъ въ степи Коннозаводческой, вѣроятно вслѣдствіе болѣе высокаго поднятія первой надъ моремъ и меньшаго содержанія необходимыхъ ему солей.

соднуть въ такой степени, что легко возникаютъ степные пожары, распространяющіеся иногда на огромныя пространства. Такъ, въ нынѣшнемъ году, 6 и 7 июля, въ нижнемъ улусѣ Калмацкой степи (въ западномъ углу ея), степь горѣла на протяженіи восьмидесяти верстъ, причемъ погибло множество хлѣба на корню. Это доказываетъ что я не преувеличиваю, говоря что вся степь покрыта въ это время не травой, а сѣномъ и соломой.

Такимъ образомъ, въ то самое время когда окрыляются массы насѣкомаго требующія пищи, эта пища въ степяхъ повсюду исчезаетъ, то-есть становится негодною для употребленія. Такое обстоятельство невольно поражаетъ насъ, привыкшихъ вездѣ видѣть въ живой природѣ разумную согласованность явленій, такъ или иначе связанныхъ между собою. Допуская что саранча есть насѣкомое сухихъ степей, признавая ее однимъ изъ наиболее, характерныхъ членовъ ихъ фауны, мы были бы въ то же время принуждены констатировать случай рѣшительной несогласованности связанныхъ между собою явленій и пришлось бы признать что природа заставляетъ насѣкомое степей появляться въ нихъ въ такое время когда тамъ не бываетъ никакой пищи. Это было бы парадоксъ равнаго которому мы не знаемъ.

Между тѣмъ, въ то самое время когда степи рѣшительно не могутъ доставить никакой пищи полчищамъ окрыленной саранчи, плавни и займища покрыты сочными зелеными растеніями, между коими преобладаютъ составляющія любимую пищу саранчи. Признавая за этими плавнями значеніе родной страны для саранчи, мы не найдемъ ничего страннаго въ томъ что саранча окрыляется въ такое время года когда степи уже выгорѣли и засохли, такъ какъ камыши, куга и другія растенія плавней въ теченіе всего лѣта и всей осени обезпечиваютъ пищу какой бы то ни было массѣ саранчи. Эта связь различныхъ явленій въ свою очередь доказываетъ что природа не предназначила саранчѣ жить въ сухихъ степяхъ, а отвела ей во владѣніе плавни и займища.

Отдавая саранчѣ такія мѣстности, природа одарила ее высоко развитою летательною способностью, позволяющею легко переноситься чрезъ огромныя пространства. Эта способность даетъ саранчѣ возможность, въ случаѣ уничтоженія необходимыхъ ей растеній въ родныхъ ея плавняхъ, отправляться на поиски за другими плавнями, отстоящими болѣе

или менѣе далеко. Еслибы саранча была коренною обитательницей сухихъ степей, то не было бы ей необходимости въ ея мощныхъ крыльяхъ, такъ какъ вездѣ она со всѣхъ сторонъ окружена безпредѣльными степями.

Между птицами охотящимися за крылатою саранчей заслуживаютъ особаго вниманія соколы: пустельга (*Falco tinunculus*) и колчикъ (*Falco vesperinus*), весьма часто встрѣчающіеся повсюду въ степяхъ Донской области. Я часто видѣлъ ихъ парящими надъ мѣстностью гдѣ уже начала окрыляться саранча и выжидающими пока хоть одна особь поднимется и полетитъ чтобы схватить ее, ибо сидящую въ камышахъ или движущуюся въ нихъ саранчу соколы не ловятъ. Такъ 5 іюля я бродилъ по густымъ и высокимъ камышамъ въ лавняхъ Арлачинскихъ хуторовъ и безпрестанно вслугивалъ отдѣльные крылатые экземпляры саранчи. Вскорѣ надо мною собралось до десяти колчииковъ, которые то и дѣло схватывали поднятыхъ мною особей саранчи. Ясно было что лавни укрывали и защищали окрыленную саранчу, дѣлали ее недоступною для наиболѣе важныхъ враговъ ея до тѣхъ поръ пока, окрылившись массами, огромными тучами своими она преодолеваетъ и подавляетъ единичныхъ враговъ своихъ. На годой, выгорѣвшей степи рѣдкія и низкія травы не могли бы укрыть взрослую саранчу, и она скоро была бы истреблена ловкими хищниками.

Итакъ, многочисленные и разнообразныя факты, каждый въ отдѣльности и въ общемъ сочетаніи съ другими, приводятъ неизбежно къ тому заключенію что саранча есть болотное насекомое. Этотъ конечный выводъ имѣетъ не только высокій теоретическій интересъ, но и большое практическое значеніе, ибо лишь зная основной характеръ саранчи, мы получаемъ возможность отнестись критически къ разнообразнымъ мѣрамъ коими предлагаютъ сдѣлать это насекомое безвреднымъ, и къ различнымъ воззрѣніямъ на значеніе саранчи въ сельскомъ хозяйствѣ будущаго.

Такъ г. Келпемъ говоритъ:

„Я полагаю что дѣйствительнаго уменьшенія числа саранчи въ южной Россіи можно ожидать лишь при увеличившемся народонаселеніи и по водвореніи въ новороссійскихъ степяхъ болѣе интензивнаго хозяйства.“*

* Келпемъ. *О саранчѣ*, стр. 313. *Труды Русскаго Этномологическаго Общества* 1870.

„Саранча современнѣмъ отступила предъ развившимся хозяйствомъ, подобно тому какъ и распространенные когда-то въ южной Россіи тарланы, сайги и байбаки вымерли или оставили древнія свои обиталища вслѣдствіе возрастанія тамъ народонаселенія“.*

Послѣ высказаннаго въ предшедшемъ намъ, конечно, ясно какъ мало значенія имѣютъ эти мечтанія. Еслибы мановеніемъ волшебнаго жезла всѣ берега южнорусскихъ рѣкъ покрывались фермами и огородами, то плавни ихъ отъ этого не перестали бы служить роднымъ очагомъ и колыбелью для саранчи, которая при такомъ развитіи хозяйства и культуры вблизи ея плавней только получила бы возможность наносить земледѣлю страны еще болѣе тяжкіе удары чѣмъ въ настоящее время**.

Такъ Дементьевъ, для того чтобы отнять у саранчи возможность размножаться въ будущее время большими массами, предлагаетъ слѣдующее:*** осушить болота вдоль теченія рѣкъ и обратить одну часть осушеннаго пространства въ виноградники, другую подъ культуру лѣса.

Не оспаривая нѣкоторой цѣлесообразности предложенія осушить болота для уничтоженія саранчи (не вдаваясь здѣсь въ вопросъ о практической его выполнимости), должно указать по поводу этихъ предложеній что разводить виноградники въ плавняхъ Донскаго устья и имъ подобныхъ

* Тамъ же, стр. 314.

** Насколько увѣренія подобныя только что приведеннымъ мечтаніямъ основываются не на фактахъ, а на фантазіяхъ, это лучше всего явствуетъ изъ того что другой авторъ видитъ причину размноженія саранчи какъ разъ въ томъ самомъ въ чемъ Келленъ усматриваетъ залогъ ея истребленія въ будущемъ. Такъ Герштеккеръ, не имѣя, очевидно, никакихъ подтверждающихъ данныхъ, говоритъ слѣдующее:

„Происхожденіе и существованіе большихъ передвиженій саранчи коренится въ противополоственной и широко распространенной культурѣ злаковъ и другихъ полевыхъ растеній, которыя доставляютъ этимъ животнымъ обильную пищу“ (Герштеккеръ. *О саранчѣ*. Переводъ изданный комиссіей состоящей при Одесской земской управѣ для разработки вопроса о вредныхъ для земледѣлія насекомыхъ. Одесса, 1878, стр. 11.)

*** Дементьевъ. *Саранча на Кавказѣ*. *Журналъ Сельское Хозяйство и Лѣсоводство*. Июль 1882, стр. 228 и 229.

наверяд ли предложить тотъ кто видалъ эти лавны. Но даже въ томъ случаѣ еслибы какимъ-нибудь образомъ камышевыя лавны этихъ устьевъ превратились въ лавны виноградниковыя, саранча все-таки продолжала бы успѣшно развиваться въ нихъ, потому что виноградная лоза не убивала бы личинокъ саранчи, а рѣчки продолжали бы все также затоплять эти низменности и продолжали бы защищать яички саранчи въ этихъ виноградникахъ такъ же успѣшно какъ и въ тѣхъ камышевыхъ заросляхъ, которыя въ настоящее время занимаютъ эти лавны.

Точно также едва ли возможно разведеніе въ лавнахъ такихъ лѣсовъ которые изгнали бы отсюда саранчу, какъ это предлагалъ Кушакевичъ * и снова предлагаетъ теперь Дементьевъ. Дремучихъ лѣсовъ развести въ лавнахъ конечно никогда не удастся; а рѣдкіе кустарники нисколько не мѣшаютъ саранчѣ пристроить въ почвѣ ихъ яички и не мѣшаютъ этимъ яичкамъ вылодить лѣшую саранчу.

Такимъ образомъ, выяснивъ себѣ основной характеръ саранчи, мы получаемъ возможность критически отнестись къ тѣмъ мѣрамъ которыми думаютъ положить предѣлъ размноженію этого бича земледѣлія. Это ясно показываетъ намъ какое важное практическое значеніе имѣетъ конечный выводъ, вытекающій изъ всего изложеннаго мною въ оканчиваемой здѣсь главѣ, а именно что

Саранча есть болотное насекомое.

К. ЛИНДЕМАНЪ.

(Продолженіе будетъ.)

* Кушакевичъ. О саранчѣ на югѣ Россіи. Журналъ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства 1865, августъ, стр. 367.

БЕЗДНА*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рамазановой

IV.

— Такъ какъ же, сестрица, спрашивалъ Сусальцевъ владшую въ глубокую задумчивость Наталью Дмитріевну,—согласны вы будете?

— На что? воскликнула она какъ съ просонья.

— А насчетъ этого самаго письма къ графинѣ Драгенбергъ, что я вамъ сейчасъ говорилъ...

— Ахъ да, вспомнила дѣвушка;—что же, если вы считаете это непременно нужнымъ, я готова...

— По-французски-съ, начерно, послѣшилъ онъ напомнить,— а я ужь собственноручно перепишу потомъ.

— Хорошо. Когда оно вамъ нужно?

— Да еслибы возможно, поскорѣе... что жь съ этимъ медлить? Еслибы, къ примѣру, къ завтраму могли вы приготовить?...

Настасья Дмитріевна кивнула въ знакъ согласія. Провъ Ефремовичъ схватилъ ея руку и пожалъ ее до боли въ своей могучей длани.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 1, 2, 3, 4 и 5.

— И не могу вамъ сказать просто, сестрица, какъ благодаренъ вамъ за родственныя ваши ко мнѣ чувства! воскликнулъ онъ растроганнымъ тономъ;—я человекъ не дурной, повѣрьте, и еслибъ Антонина Дмитриевна понимать это хотѣла...

Онъ оборвалъ короткимъ вздохомъ, прищурился слегка на сводяченицу и заговорилъ опять какъ бы нѣсколько смущенно:

— Позвольте васъ, сестрица, обезлокоить однимъ моимъ вопросомъ.

— Какимъ? спросила она, лодымая на него глаза въ свою очередь какъ бы чуть-чуть ислуганно.

— Не нуждается ли вы въ чемъ теперь?

Она не услѣла отвѣтить.

— Потому, продолжалъ онъ торопливо,—вы бы меня смертельно оскорбили и огорчили сердечно еслибъ обошли меня въ такомъ случаѣ... Я всею моею душой, могу сказать, всегда готовъ по-родственному... по-братски...

— Спасибо вамъ, прервала его Ларина, морщась и краснѣя,—мнѣ ничего не нужно...

Но у него былъ такой просящій и какъ бы оробѣвшій вмѣстѣ съ тѣмъ видъ что она тутъ же прибавила:

— Я не изъ гордости, Провъ Ефремовичъ, право... Еслибъ я очутилась когда-нибудь въ большой нуждѣ, я скорѣе бы, конечно, обратилась къ вамъ чѣмъ къ кому-либо другому за... за *временнымъ* одолженіемъ, чуть-чуть подчеркнула она.

Онъ еще разъ ухватилъ ея руку обѣими своими:

— И повѣрьте, не то чтобъ я, вы одолжите меня этимъ превыше мѣры... Потому я, сестрица, расположеніемъ вашимъ дорожу чрезвычайно и близкое себѣ лицо вижу въ васъ. Я лаской не избалованъ: *родительницы* лишился еще въ дѣтствѣ, батюшка мой былъ человекъ суровый... Такъ если такая особа какъ вы, которую я по всѣмъ правамъ долженъ уважать, оказываетъ мнѣ дружественное чувство, то я со своей стороны всю душу, кажется, готовъ положить...

Онъ смолкъ отъ нахлынувшего на него умиленія и отвернулся, мигая влажными глазами...

Настасья Дмитриевна вдумчиво глядѣла на него: въ мысли ея слагалось какое-то соображеніе:

— Вы добрый человекъ, Провъ Ефремовичъ, молвила она,—вашимъ словамъ вѣрить можно, и я вамъ вѣрю дѣйствительно...

Я не въ нуждѣ, повторяю, и съ этой стороны мнѣ не о чемъ у васъ просить, но вы, быть-можетъ, могли бы мнѣ послужить добрымъ совѣтомъ въ одномъ обстоятельствѣ...

Она какъ бы вдругъ заколебалась продолжать...

— Говорите, сестрица, сдѣлайте милость, воскликнулъ Сусальцевъ;—я радъ радешенекъ буду если только чѣмъ могу...

Она еще разъ зорко взглянула ему въ лицо:

— Знаете ли вы, начала она дрогнувшимъ голосомъ,—кто этотъ молодой человѣкъ, Поспѣловъ, котораго вы видѣли въ Венеціи у графини Драженбергъ... и про котораго Тоня говорила вамъ такіа гадости? примолвила дѣвушка со мгновенно выступившимъ у нея олять при этомъ влomorphic румянцемъ негодованія на щекахъ.

Онъ раскрылъ широко глаза:

— Нѣтъ, не знаю-съ, впервой и увидалъ его только тутъ на самомъ канунѣ моего отъѣзда... А вамъ, что же, извѣстенъ онъ развѣ?

— Это братъ нашъ съ Тоней, медленно прошептала она, безсознательно озираясь кругомъ,—Володя... Владиміръ Дмитріевичъ Буйносовъ,

Провъ Ефремовичъ руками всплеснулъ и даже поблѣднѣлъ весь:

— Сосланный?

Ларина утвердительно кивнула.

— Уйти значить успѣлъ, и теперь... въ Венеціи... А Антонина Дмитріевна „Альфонсомъ“ его зоветъ, роднаго-то брата!...

Онъ вскочилъ съ мѣста, прошелся, пробѣжалъ въ лихорадочномъ волненіи по залуу, сѣлъ опять:

— Вамъ какже это извѣстно, сестрица?

— Я отъ него письмо получила.

— Оттуда?... по почтѣ? примолвилъ тутъ же испугавшо Сусальцевъ.

— Нѣтъ; я была еще тогда въ Болгаріи. Письмо доставлено мнѣ было по случаю...

Она опять пріостановилась, почтя неудобнымъ сообщить ему подробно о „случаѣ“. А произошло это такъ:

На первыхъ порахъ службы ея въ госпиталѣ, послѣ извѣстнаго дѣла на Зеленыхъ Горахъ, привезенъ былъ въ числѣ раненыхъ молодой лѣхотинецъ изъ вольноопредѣляющихся, довольно тяжело раненый въ ногу. Это былъ субъектъ непри-

вскатальной наружности и жестокаго нрава, мрачно относившійся ко всему его окружавшему и переносившій какъ бы съ досадою уходъ и заботы о немъ врачей и сестеръ. Настасья Дмитриевна была повтому весьма удивлена когда однажды послѣ перевязки, — дѣло было вечеромъ, большинство раненыхъ кругомъ спало, — человекъ этотъ какимъ-то страннымъ, какъ бы испытующимъ взглядомъ посмотрѣвъ ей въ глаза, тихо проговорилъ:

— Возьмите у меня подъ подушкой письмо, это вамъ отъ брата.

— Отъ... вашего брата? спросила она не понимая.

— Отъ моего! фыркнулъ онъ: — никакого брата у меня не имѣется; отъ вашего, отъ Буйносова.

Она послѣшнно сунула руку подъ подушку, ощутила и вытащила конвертъ.

— Какъ оно къ вамъ попало? неволью спросилось ею.

— Изъ Горнаго Студня доставлено, какъ бы также неволью сорвалось у него съ языка.

— Отъ кого?

Онъ вдругъ весь пришелъ въ раздраженіе:

— Вамъ этого нисколько знать не нужно, прошилъ онъ, — и не старайтесь... и оставьте меня, прошу; вы свое дѣло сдѣлали, и мнѣ съ вами разговаривать нечего...

Она утѣшилась въ большомъ недоумѣніи. Какимъ путемъ могло это письмо попасть въ Горный Студень, письмо отъ русскаго бѣглаго ссыльнаго, и очутиться теперь для передачи ей въ рукахъ темнаго армейца, не имѣющаго очевидно никакихъ точекъ соприкосновенія съ блестящею средой пребывавшею въ ту пору тамъ, въ томъ неказистомъ болгарскомъ мѣстечкѣ? „Неужели это въ связи съ тѣми толками?“ спрашивала она себя, вспоминая слышанное ею что-то за нѣсколько дней назадъ отъ пріѣзжавшаго изъ Горнаго Студня врача о прибытіи де туда какого-то „довѣреннаго отъ русскихъ эмигрантовъ“, благосклонно будто бы выслушаннаго въ продолжительной аудіенціи и уѣхавшаго съ какими-то надеждами... Все это очень походило на сказку, и Настасья Дмитриевна, озабоченная своимъ насущнымъ дѣломъ, пропустила въ ту пору эти „розысканія“, какъ говорится, мимо ушей. Они теперь неволью приходили ей на память.

Но ей не удалось провѣрить ихъ: пріѣзжавшій врачъ уже вернулся къ мѣсту своей службы, а мрачный передатчикъ

письма умеръ нѣсколько дней спустя отъ воспаления вентъ... Въ самомъ же письмѣ не заключалось ни слова о способѣ какимъ оно доставлялось ей. Володя въ нѣсколькихъ строкахъ извѣщалъ сестру что онъ благополучно пребываетъ въ Вѣнѣ, гдѣ имѣлъ случай поступить учителемъ въ одно русское семейство, съ которымъ уѣдетъ по всей вѣроятности на зиму въ Италию. „Письмо твое изъ ***“, говорилось далѣе (она отравила его чрезъ посредство Коробкина), въ которомъ ты сообщаешь о *патриотическомъ* (прилагательное это было въ подлинникѣ подчеркнуто) намѣреніи твоёмъ поступить въ госпиталь за Дунаемъ, я получилъ и пишу тебѣ на всякій случай туда; отвѣчать же мнѣ если вздумаешь очень прошу не по почтѣ, дабы ты себя совершенно бесполезно не компрометтировала, ибо не сомнѣваюсь что гдѣ русская власть тамъ всѣ письма читаются. А такъ какъ особенныхъ okazji доставить мнѣ письмо частнымъ образомъ ты легко не найдешь, то и воздержись вообще отъ писанія. Впрочемъ, можешь и такъ поступить: напиши, вложи въ конвертъ съ адресомъ *Василію Ивановичу Постылову* (значусь нынѣ подѣ сею ключкой), а конвертъ вложи въ другой на имя *Степана Михайловича Мурзина* въ Москвѣ, и отошли опять-таки не по почтѣ, а если найдешь кого вѣдущаго прямымъ путемъ въ Москву, то съ нимъ. Тамъ пусть спроситъ Мурзина, его всѣ знаютъ, а онъ ужъ найдетъ средство переслать мнѣ письмо за границу, гдѣ бы я ни былъ.“

Настасья Дмитриевна воспользовалась указаніемъ и отравила „съ оказіей“ отвѣтъ брату въ Москву на имя указаннаго имъ лица. Получилъ ли письмо Володя или нѣтъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ она затѣмъ до настоящей минуты не получала отъ него ни строчки и, по возвращеніи ея въ Россію, узнала о судьбѣ его впервые изъ того что пришлось ей услышать отъ Прова Ефремовича Сусальцева.

— Ахъ, вѣчная для меня мука эта мысль о братѣ! говорила она теперь сочувственно и жадно внимавшему ей зятю;— я бы кажется полжизни отдала съ радостью еслибы могла его спасти!

— То-есть, какъ это „спasti“? спросилъ недоумѣло тетя,— конечно какъ еслибъ онъ рѣшился просить помилванія... такъ и тогда вѣдь...

Дѣвушка скорбно улыбнулась.

— Развѣ такіе люди какъ онъ на это слесобны? Онъ въ себѣ вѣритъ какъ язычникъ какой-нибудь въ идоловъ своихъ... а если и пересталъ вѣрить, все равно, умереть, а не сознается, самолюбіе!.. Нѣтъ, я объ этомъ и думать не могу... Но вотъ то что о немъ говорить Тоня,—это ужасно!.. И какой онъ педагогъ, чему онъ со всѣми этими идеями своими можетъ научить ребенка этой бѣдной доброй графини? Вѣдь это также безсовѣстство... испортить, отравить молодую жизнь... Самъ онъ пропалъ, зачѣмъ же чужихъ губить!.. У меня все это не выходитъ изъ головы... И вотъ объ этомъ я и хотѣлъ бы посоветоваться съ вами, Провъ Ефремовичъ... Нельзя ли было бы его тамъ, за границей, пристроить къ какому-нибудь занятію, работу ему найти, а то что же это за бродячее, безцѣльное... позорное наконецъ существованіе! горячо воскликнула она, судорожно заламывая руки.

— Чего ужъ хуже когда человѣкъ изъ себя дѣлать что не знаетъ! утвердительно закачалъ головой Провъ Ефремовичъ, и прибавилъ подумавъ:—занятіе почему же, можно найти ему и за границей, и даже не то чтобы какимъ-нибудь ремесленникомъ, а по коммерческой части... Языки вѣдь онъ знаетъ?

— Такъ же хорошо какъ Тоня и я.

— И чудесно! Такъ вотъ я бы могъ предложить прямо: по нашему дѣлу, на примѣръ, постоянно требуются свѣдѣнія изъ Франціи и Англій насчетъ новыхъ образцовъ, красокъ и всего прочаго. Какъ еслибъ онъ захотѣлъ этимъ заняться, а бы его на свой счетъ туда отправилъ, пусть бы поучился, а тамъ коммиссіонеромъ бы его назначилъ, и отъ другихъ фирмъ современемъ могъ бы онъ заказы получать. Не то что пропитаться, капиталецъ бы такимъ слесобомъ, и даже не въ очень продолжительное время, могъ бы зашибить Владиміръ Дмитрічъ, жизнь свою навсегда обезлечить.

Наташья Дмитріевна привскочила даже на стулѣ отъ радости.

— Какъ мнѣ благодарить васъ за это, Провъ Ефремовичъ, какъ благодарить я ужъ право не знаю! Это именно спасенье для него, исходъ... Я ему сейчасъ же объ этомъ напишу...

— По мочтѣ! еще разъ услужливо воскликнулъ Сусальцевъ.

— Нѣтъ, невольво усмѣхнулась она:—тутъ есть, въ Москвѣ, одно лицо чрезъ которое я уже однажды переслала ему письмо...

— Смотрите, сестрица, и Провъ Ефремовичъ закачалъ головой,—вы осторожиѣе съ этимъ народомъ, потому по вынѣш-

нему времени, сами знаете, кавардакъ у насъ по государству идетъ, путаница; кто вѣрный, кто измѣнникъ, разобрать даже трудно, такъ чтобы какъ-нибудь вамъ, да и мнѣ, не вляпаться во что-нибудь неподходящее?...

— Васъ я даже и не назову въ письмѣ, сказала на это дѣвушка, — скажу просто что дѣлаютъ ему такое-то предложеніе, а что отъ кого оно идетъ онъ узнаетъ въ послѣдствіи если будетъ согласенъ принять его... А насчетъ того человека черезъ котораго я думаю писать, примолвила она, подумавъ, — то я не знаю имѣю ли я право сообщить вамъ его имя....

— А Богъ съ нимъ! воскликнулъ Сусальцевъ: — знать мнѣ его насколько не требуется, я вѣдъ единственно изъ опасенія относительно васъ собственно чтобы вамъ не нанести себѣ какой неприятели изъ-за этого.

— Авось я миную ее, усмѣхнулась Настасья Дмитриевна, — а во всякомъ случаѣ великое вамъ спасибо за все!

Провъ Ефремовичъ поднялся съ мѣста и вытаскилъ часы:

— Въ добрый часъ, сестрица!.. А я, будьте ужъ въ этомъ вполнѣ благонадежны, во всякое время готовъ служить вамъ чѣмъ могу... Съ вами я теперь прощусь, ждутъ меня по одному дѣлу...

Онъ протянулъ ей руку и крѣпко пожалъ ея тонкіе пальцы:

— Какъ если позволите опять заѣхать къ вамъ... Позвольте однако объ одномъ спросить васъ, сестрица, вспомнилъ онъ вдругъ: — почтенная старушенція ваша сказывала мнѣ что вы думаете теперь на нашу Малую сцену поступить. Очень было бы хорошо колибъ такъ, и я даже всею душой порадовался... На чемъ же дѣло стоитъ въ настоящую пору, желалъ бы знать?

Ларина передала ему о разговорѣ своемъ утромъ съ Ашанинымъ.

— Ашанинъ, Владиміръ Петровичъ, засмѣлся Сусальцевъ, — милый человекъ...

— Вы его знаете?

— Кто жъ его по Москвѣ-то не знаетъ! Старато заика, хороший баринъ, благородный... Только ужъ вы, сестрица, того... поосторожьте съ нимъ, нежданно лживая и думчивый видъ выговорилъ Провъ Ефремовичъ.

— Въ какомъ же это отношеніи? удивилась Настасья Дмитриевна.

— А какъ вы дѣвушка, пролетѣлъ онъ нѣсколько смущенно, и однѣ... потому насчетъ женскаго пола они тутъ

съ Николаемъ Григорычемъ Эдельштейномъ, съ калельмейстеромъ, первые ходоки...

— Сердце у меня за семью замками, Провъ Ефремовичъ, плодувздыхнула, плодуудыбнулась въ отвѣтъ ему она:—добратся до него и этому всеобщему покорителю не удалось бы если только допустить что ему бы это вздумалось.

— И чудесно, скажу вамъ-съ, что подъ замками держите, вздохнулъ въ свою очередь Сусальцевъ,—потому золотое оно у васъ, такъ и хранить его надо для достойнаго... А какъ вотъ если, какъ у супруги моей, у Антонины Дмитриевны, вмѣсто сердца булыжникъ съ мостовой имѣется...

Онъ не договорилъ, махнулъ рукой и, торопливо пожавъ еще разъ руку свояченицы, вышелъ быстрыми шагами изъ комнаты.

Настасья Дмитриевна прошла въ свою и принялась за письма.

V.

Ne nous faisons pas d'illusions, le monde est gouverné par les sociétés secrètes.

Napoléon III.

Было еще не поздно когда она дописала. На небѣ проявилъбо. „Съѣздить къ этому Мурзину сейчасъ, попросить переслать скорѣе письмо къ Володѣ“, пришло ей въ голову,

Она его, никогда не видала, но „вѣдь не на обумъ же указалъ Володя на него какъ на лицо чрезъ которое могутъ быть доставляемы ему письма“ и которому она уже разъ послала изъ Болгаріи такое письмо для передачи брату—„не прогонитъ же онъ ее отъ себя“!..

Въ казенномъ домѣ, куда она прежде всего отправилась, швейцаръ какъ-то особенно предупредительно (лицо о которомъ она спрашивала внушало ему видимо большой *respect*) сообщилъ ей адресъ Мурзина, сказавъ что „Степанъ Михайлычъ должны быть безпрерывно у себя дома темеръ“.

Мурзинъ жилъ въ Старой Конюшенной, въ нововыстроенномъ домѣ, и занималъ довольно большую квартиру во второмъ этажѣ, куда и направилъ дѣвушку дебелый парень въ синей сибиркѣ, состоявшій здѣсь на положеніи привратника.

Она подошла къ указанной имъ двери налѣво, дернула за пуговицу колокольчика... Но въ то же самое время дверь внезапно отворилась, чуть не задѣвъ ее по головѣ, и на площадку лѣстницы быстро вышла женская особа въ пальто и низко надвинутой на брови шапочкѣ, повязанной внизъ къ подбородку чернымъ вязанымъ шарфомъ, который она какъ бы инстинктивно потянула себѣ на лицо испуганнымъ движеніемъ при неожиданномъ видѣ Настасьи Дмитріевны.

За нею на порогѣ показался очевидно хозяинъ квартиры проводившій ее до передней, средняго роста, лѣтъ тридцати ляти, съ продолговатыми, блѣдно-голубыми глазами, словно застывшими надъ своими недвижимыми вѣками. Онъ не то смущенно, не то подозрительно глянулъ на стоявшую предъ нимъ въ недоумѣніи Ларину и тотчасъ же перевелъ глаза на торопливо сбѣгавшую внизъ по ступенькамъ лѣстницы недавнюю гостью свою. Ему видимо хотѣлось остановить ее, сказать ей нѣсколько словъ, но онъ не рѣшался въ присутствіи посторонней...

— Вы ко мнѣ? скороговоркой обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, когда шаги той смолкли за отворенною ей привратникомъ дверью на улицу.

— Господинъ Мурзинъ... Степанъ Михайловичъ? проговорила Ларина.

— Я.

— Мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами... неувѣреннымъ голосомъ объяснила она.

Онъ еще разъ подозрительно оглянулъ ее снизу-вверхъ.

— Фамилія моя Буйносова... Вы изъ Болгаріи получили отъ меня въ началѣ этого года письмо для передачи...

— А, знаю! не даль онъ ей кончить;—не угодно ли будетъ войти?..

Онъ пропустилъ ее впередъ, въ темную переднюю, вошелъ самъ, залеревъ за собой дверь на крюкъ.

Она скинула пальто, калоши. Онъ повелъ ее въ свой кабинетъ, довольно просторную комнату, съ полками бібліотеки кругомъ и цѣлымъ ворохомъ газетъ, брошюръ и бумагъ на столахъ и стульяхъ.

— Не угодно ли вамъ присѣсть будетъ? коротко проговорилъ онъ, указывая кресло у письменнаго своего стола.

Она опустилась въ него.

Онъ сѣлъ насупротивъ, уставившись на нее пристальнымъ, смущавшимъ ее своею неотступностью, взглядомъ и видимо ожидая чтобъ она начала разговоръ.

Но она оставалась безмолвна, какъ-то бессознательно ожидая въ свою очередь чтобъ онъ *поощрилъ* ее говорить.

Такъ прошло съ полминуты.

— Я письмо ваше своевременно отправилъ, сухо, какъ бы официально проговорилъ онъ наконецъ,—и, какъ мнѣ известно, оно дошло по назначенію.

— Я чрезвычайно благодарна вамъ, послѣдно отвѣчала она,—и прошу извиненія что такъ прямо, безо всякаго съ моей стороны объясненія, отправила его на вашу адресъ.... Мнѣ такъ сказано было сдѣлать въ письмѣ полученномъ мною отъ брата передъ этимъ...

— Вы гдѣ его получили, прервалъ ее Мурзинъ:—въ Горнемъ Студнѣ?

— Изъ Горняго Студна, объяснила она:—я была въ госпиталѣ въ **.

— Развѣ онъ тамъ былъ? воскликнулъ изумленно ея собесѣдникъ.

— Кто? съ неменьшимъ удивленіемъ спросила дѣвушка.

Мурзинъ не отвѣчалъ; брови его сжались и блѣдые глаза вскинулись опять съ тѣмъ же выраженіемъ подозрительности на Ларину:

— *Какъ* именно доставлено вамъ было это письмо, можете мнѣ сказать?

— Черезъ одного раненаго послѣ второй Плевны, котораго привезли къ намъ...

Онъ еще разъ поморщился.

— Знаете кто это былъ?

— Нѣтъ; мы фамилій никогда не спрашивали тамъ... Онъ умеръ притомъ черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ передалъ мнѣ это письмо.

— Онъ ничего вамъ не говорилъ, передавая его?

— *Ровно ничего!* подчеркнула Настасья Дмитріевна.

— Писалъ вамъ опять братъ съ тѣхъ поръ? спросилъ онъ обрывисто.

— Нѣтъ, но я имѣю о немъ извѣстіе... стороной, онъ въ Венеціи былъ въ послѣднее время, на мѣстѣ...

Мурзинъ повелъ головой, какъ бы говоря „знаю“.

— И мнѣ теперь необходимо извѣстить его объ одномъ обстоятельстве, продолжала Ларина, быстро доставая изъ

кармана заготовленное письмо къ брату;—мнѣ ужасно совѣстно бездокоучть васъ олатъ, но если вы имѣете все также возможность доставить его...

— Очень нужное? не давая ей договорить, кивнулъ онъ на конвертъ который она съ какою-то невольною робостью протягивала ему черезъ столъ.

— Да, очень, подтвердила она:—у насъ съ нимъ родственникъ есть одинъ... зять, онъ имѣеть дѣла съ за границей и хочетъ доставить тамъ брату мѣсто по своей торговлѣ...

На лицѣ Мурзина выразилось очевидное для Лариной бездокоучство.

— Развѣ онъ недоволенъ своимъ теперешнимъ положеніемъ? воскликнулъ онъ послѣшшо.

— Я не знаю... не думаю, возразила она,—и даже полагаю напротивъ: графшя Драженбергъ—онъ поступилъ учителемъ къ ея сыну—очень хорошая женщина; я съ ней познакомилась въ Болгаріи... Но братъ мой вовсе не созданъ... не подготовленъ быть педагогомъ... особенно воспитателемъ. Но еслибъ онъ былъ и другой даже, какое будущее въ учительствѣ, притомъ за границей, гдѣ Русскіе живутъ лишь проѣздомъ?... Разъ ужъ онъ принужденъ жить въ изгнаніи, вздохнула тяжело дѣвушка,—надо подумать какъ ему лучшимъ образомъ устроиться тамъ.

— А я полагаю, молвилъ на это Мурзинъ, *сладко*, показалося ей, прищурившись на дѣвушку,—я полагаю что челоуѣкъ тѣхъ убѣжденій которыхъ держится вашъ братъ, и которыя вы вѣроятно раздѣляете...

Онъ пріостановился на мигъ, пытливо глядя ей прямо въ глаза.

„Не раздѣляю, нѣтъ!“ чуть не крикнула она на это въ первую минуту, но тутъ же, въ силу какого-то инстинкта, прикусила губы и опустила глаза. „Пусть договорить!“ проносилось у нея въ головѣ.

— Такой челоуѣкъ, я полагаю, докторально продолжалъ Мурзинъ,—имѣеть въ виду „занятія“ нѣсколько болѣе широкаго и общепользнаго характера чѣмъ эгоистическую заботу о собственномъ „устроеніи“ по какой-нибудь торговой части... и мы съ вами, съ этой стороны, никакъ не въ правѣ отрицать *raison d'être* его настоящаго „учительства“:— оно, весьма можетъ быть, заключаетъ въ себѣ очень серіозную и *опредѣленную* цѣль, вѣско заключилъ Мурзинъ.

Настасья Дмитриевна не поняла, и пытливо въ свою очередь взглянула на говорившаго.

— Если это состоитъ въ томъ что онъ мальчику, котораго поручили ему учить, станеть проповѣдывать тѣ же „убѣжденія“ какія самого его заставляли бѣжать за границу, то, по моему, это... (*недобросовѣстно*, срывалось у нея съ языка, но она удержалась) сдѣшкомъ равно во всякомъ случаѣ.

Ученый собесѣдникъ ея двусмысленно усмѣхнулся.

— Это зависитъ отъ взгляда. Нѣкоторые полагають что на той стадіи гражданскаго развитія на которой находимся мы въ настоящую пору наука вообще къ дѣлу не важна, а что главное развивать съ юныхъ лѣтъ въ нарождающемся поколѣніи критическое отношеніе къ существующему социальному порядку...

— Ахъ, вотъ за это самое и раслачивается теперь братъ! скорбно вырвалось теперь у Настасьи Дмитриевны;—вѣдь онъ оторванъ ото всего близкаго, роднаго... и это безвозвратно, на всю жизнь...

— Кто же вамъ это сказалъ? съ какимъ-то не то прощальнымъ, не то вызывающимъ отгвѣткомъ въ звукъ голоса промолвилъ на это Мурзинъ.

Она вскинула на него изумленно свои большіе глаза.

— Онъ стоекъ, онъ не повинится никогда! пролепетала она недоумѣло.

Онъ повелъ плечомъ.

— Это отъ него и не потребуется.

— Но тогда какъ же?..

Мурзинъ поднимая руку на высоту глазъ, поглядѣвъ на свои ногти и чуть-чуть усмѣхнулся еще разъ.

— Мало ли какія перемѣны могутъ быть! дѣшнво уронилъ онъ. Но какаа-то необыкновенная увѣренность въ чемъ-то что, въ его убѣжденіи, должно было непремѣнно случиться слышалась въ этихъ словахъ.

— Амнистія? радостно вскакнула подъ впечатлѣніемъ ихъ дѣвушка.

— Н-да... то или другое, загадочно произнесъ Мурзинъ, и тутъ же какъ бы слохватившись—Вы лжете здѣсь (онъ указалъ глазами на положенное ею на столъ письмо ея къ „Володѣ“) объ этомъ... коммерческомъ мѣстѣ которое предлагается вашему брату?

— Пишу, да.

Онъ ломолчалъ.

— Вы продолжаете желать чтобъ оно было ему доставлено?

— Да, желаю... если это васъ не обезпокоитъ, добавила она неволью смущенная холодностью его тона.

Онъ въ первую минуту не отвѣчалъ, и на лицѣ его она прочла самое искреннее удивленіе тому что она упорствовала въ желаніи своемъ отправить письмо о томъ что онъ, Мурзинъ, почиталъ почему-то бесполезнымъ сообщать эмигранту.

— Хорошо-съ, процѣдилъ онъ наконецъ, закуривая палироску и медленно пуская изъ нея струйки дыма въ воздухъ, — я постараюсь найти случай... препроводить... это письмо... по адресу...

И вдругъ возрилася въ нее съ какимъ-то суровымъ, чуть-не угрожающимъ выраженіемъ въ чертахъ.

— Вы понимаете что было бы совершенно неумѣстно съ вашей стороны повѣрять кому бы то ни было чрезъ кого вы нашли средство переписываться съ вашимъ братомъ... Я съ нимъ не знакомъ, не принадлежу къ его... фракціи, и оказываю вамъ услугу единственно изъ того что порядочные люди... какіе бы ни были во мнѣніяхъ ихъ *оттѣлки*, вернула онъ подчеркивая, — должны по возможности давать другъ другу руку помощи въ виду... общей дѣлы, уже словно проглотилъ онъ.

Настасья Дмитріевна вслыхнула вся и поднялась съ мѣста.

— Меня еще никто въ жизни не былъ въ правѣ упрекнуть въ нескромности, дрогнувшимъ голосомъ вымовила она.

Мурзинъ всталъ тоже.

— Вы меня извините, я говорилъ на всякій случай... а западазривать васъ я не имѣю никакого права, хотя...

— „Хотя“? повторила она вопросительно.

Насилованная усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Хотя собственно о вашихъ *личныхъ* убѣжденіяхъ мнѣ ничего неизвѣстно.

— Это должно быть для васъ совершенно безразлично, съ такою же улыбкой отвѣтила она.

— Однакоже...

Она не дала ему времени продолжать.

— Я актриса, была одно время сестрой милосердія, и въ-мѣ и въ другомъ положеніи ни о чемъ кромѣ своего дѣла думала.

— А-а! какимъ-то страннымъ возгласомъ протянулъ Мурзинъ.

Она протянула ему руку:

— Позвольте мнѣ еще разъ искренно благодарить васъ, молвила она, пожимая его тонкіе и холодные пальцы, наклонила голову въ знакъ прощанія и направилась ко двери.

Онъ вышелъ молча за нею въ темную переднюю, подаль ей пальто...

— Еслибы вамъ, промолвилъ онъ весьма неожиданно для нея, налагая руку на крюкъ отворить ей двери на лѣстницу, — еслибы вамъ пришла когда-нибудь охота „думать серьезно“, я буду всегда радъ помочь вамъ какъ и чѣмъ могу.

Она не отвѣчала, поклонилась еще разъ и лоторопилась уйти.

„На что же они надѣются всѣ? стояло у нея неотступно въ головѣ во все время проѣзда своего отъ Мурзина къ Харитонию въ Огородникахъ, — „есть же у нихъ что-то определенное, положительное въ виду, чего они увѣрены достигнуть... Вѣдь вотъ не мальчикъ... человекъ пользующійся здѣсь извѣстностью, и онъ такъ убѣжденно говорилъ о перемѣнахъ послѣ которыхъ Володя могъ бы будто вернуться въ Россію открыто, не боясь за прежнее... Страшно даже!“ сказала она себѣ вдругъ, и нервная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу...

Она вернулась вся озабоченная домой.

Въ залѣцѣ у Лизаветы Ивановны сидѣли за пьальцами, подъ наблюдениемъ хозяйки (шла слѣпшая работа ковра), три молодые особы. Всѣ онѣ, завидя входящую, съ любопытствомъ подняли на нее глаза. Двухъ изъ нихъ Лариной уже случалось видѣть здѣсь; третья, высокая, тонкая брюнетка, съ роскошными темными волосами и блѣднымъ лицомъ была ей незнакома, но она тотчасъ же узнала ее: это была та самая особа съ которою она встрѣтилась у дверей Мурзина.

Дѣвушка видимо узнала ее въ свою очередь, зардѣлась мгновенно румянцемъ по самые глаза и низко, низко склонила голову надъ своею работою.

Настасья Дмитріевна, не останавливаясь, послѣшила пройти къ себѣ.

— Ну что, андѣль мой, каковы дѣла? заговорила, входя за нею, Лизавета Ивановна, — хлопчете вы?

— Да, нужно мнѣ было създать оячь... по одному обстоятельству, пролетела она. — Скажите, кто это у васъ новая, блѣдная такая, красивая, за ляльцами сидитъ? спросила она тутъ же.

— Красивая, точно, андѣль мой, и хорошая, больно хорошая, благочестивыхъ родителей дочь, завздохала вдругъ маленькая особа,—я за нее каждый день особливо молюсь, потому... начала и не договорила она.

Ларина поглядѣла на нее съ удивленіемъ:

— Потому... что?

Та озабоченно замотала головой.

— А чтобы, значить, Царица Небесная, прошенала она своимъ своеобразнымъ языкомъ,—прикрыла ее ризою Своею, душу ея отъ соблазна и наважденія лукаваго отвела...

— Какъ ее зовутъ?

— Курсакова, андѣль мой, Курсакова, Лидія Петровна. Отецъ ея казначеемъ служитъ... Хорошей фамліи люди, старинные, пожилые ужъ, по-Божески живутъ. Младшая это дочь у нихъ; старшія замужъ хорошо выданы... И этой вотъ самой Лидіи Петровнѣ отаичныя партіи представлялись, да вотъ тутъ это самое... не договорила она опять.

— Несчастливая любовь? сказала съ полуусмѣшкой Настасья Дмитріевна.

— Несчастливая, именно что несчастная! вскрикнула Лизавета Ивановна,—потому, первое, женатый человекъ...

— Женатый?

— Съ женой они, по новѣшнему, врозь живутъ; она съ другимъ, съ мужемъ родной сестры въ связь вошла и дѣти у нихъ даже,—новѣ вѣдь это, андѣль мой, очень просто, безъ стыда, потому страха Божескаго въ людяхъ нѣту ужъ нисколько, и кто законъ блюдетъ того даже гаулымъ почитаютъ... Ну, а самъ онъ тоже вотъ этимъ самымъ занимается какъ бы душу невинную дѣвичью съ лутіи истиннаго совратить...

„Мурзинъ“! чуть не произнесла громко Ларина.—Влюбилъ ее въ себя? спросила она.

Лизавета Ивановна скорбно закачала головой:

— Влюбилъ, или чѣмъ инымъ смутилъ, только какъ потерянная она ходитъ, не ѣсть, не пьетъ, родителей своихъ ажъ до отчаянія сокрушаетъ. Потому лоять вельзѣ: въ домъ къ нимъ

самый этотъ человекъ не вхожъ и о немъ даже, можно сказать, болѣе догадываючись дошла, а не такъ чтобы доподлинно, то-есть... Можетъ, даже и напрасно на него поклесть взвели (маленькая особа набожно перекрестилась при этомъ), а только-что съ того самаго времени у нея это и пошло какъ начала она разными науками заниматься.

— Что же, она, лекціи что ли слушаетъ?

— Нѣ, отецъ лущать пересталъ. Самъ онъ человекъ съ понятіемъ, доходить до всего можетъ... Ну, и полюбоблывствовалъ онъ въ эти тетрадки заглянуть, и замѣтилъ онъ,— что именно не скажу вамъ, андѣл мой, потому я *отъ Писанія* сколько-нибудь могу, а насчетъ этихъ наукъ и прочаго свѣтскаго темна темнешенька, прямо говорить владо; а только-что онъ мнѣ,—я съ нимъ въ давнемъ пріятельствѣ нахожусь,—это, говорить, и не такую молодую голову съ толку сбить можетъ, потому наболтано тутъ всяческаго; лучше, говорить, пусть поменьше знаетъ, да чтобы въ Бога и законъ вѣру не потеряла.“ Такъ и запретилъ ей ходить. Тутъ и затосковала она не въ мѣру, однако противу отца съ матерью не супротивилась, какъ они люди почтенные, настоящие, и она ихъ дѣйствительно душой уважаетъ, да и нравъ-то у нея вообще, какъ у голубки, знаете, самый это тихій, ласкательный... А только, завздыхала опять Лизавета Ивановна,—узнали намнясь ея родители что она съ какимъ-то ученымъ гдѣ-то выдается и всѣ ночи на пролетъ книжки какія-то отъ него читаетъ, и отъ того самаго и сонъ и аппетитъ потеряла совсѣмъ...

— Голубушка Лизавета Ивановна, сказала Ларина,—познакомьте меня съ этою дѣвушкой! Ея душевное состояніе интересуется меня... и понятно мнѣ, я сама чрезъ все это прошла, я бы, можетъ-быть, могла ей быть полезна.

— Ахъ, андѣл вы мой, на словѣ на этомъ вашемъ душевномъ спасибо! воскликнула радостно та;—дай-то вамъ Царица Небесная въ эвтомъ предметѣ благослослѣвія всякаго!.. Сейчасъ, сейчасъ я вамъ ее сюда приведу...

— Куда же вы, я сама могу къ ней пойти туда; ноги вы свои берегите! удерживала ее Настасья Дмитриевна.

Но старушка съ юношескою торопливостью поднялась на эти слабыя ноги свои и полпелась въ залду.

— Ушла! объявила она, разводя руками, чрезъ нѣсколько

минуть возвращаясь оттуда;—вась испужалась ишь, говорятъ дѣвушки.

— Меня! промолвила Ларина машинально; ей было совершенно понятно изъ-за чего именно видъ ея „испужалъ“ эту заинтересовавшую ее собой жертву той же умственной путаницы изъ которой сама она „выкарабкалась какимъ-то чудомъ“, говорила она себѣ теперь.

— Какъ теперь чужой кто, объяснила Лизавета Ивановна,—такъ она и прочь, а въ себя, какъ улитка, уйдетъ, слова отъ нея не добьешься. Ко мнѣ даже рѣдко ходить стала, какъ-анъ прежде всѣхъ чаще, бывало, по сосѣдству—на Чистыхъ Прудахъ они тутъ живутъ, домикъ у нихъ свой,—всѣхъ чаще за лаяцами шить приходила, а въ другую какую работу возьметъ, потому насчетъ жалости, если помочь кому нужно, первая это она завсегда бывала... Ну, а новье развѣ въ недѣлку разъ на часокъ забѣжитъ, да и опять домой, эти *его* книги читать что отъ нихъ покоя потеряла она совсѣмъ.

Маленькая особа глубоко печальнымъ взглядомъ глянула на свою собесѣдницу, примолкла на мигъ и заключила неожиданно:

— Что это, андѣль мой, какъ нынче свѣтъ мудренъ сталъ! Умныхъ-то да ученыхъ почитай развелось видимо-невидимо, а только я такъ спрощу: кому нынче жить хорошо?

„Кому, въ самомъ дѣлѣ?“—словно никогда не представлялась ей этотъ вопросъ съ той высшей, *душевной* точки отправления съ которой, чувствовала она, дѣлался онъ ей теперь Лизаветой Ивановной,—пронеслось въ головѣ Настасьи Дмитриевны. И обѣ онѣ тяжело задумались и примолкли.

Часу въ одиннадцатомъ вечера—половина дома уже отошла на покой, и сама хозяйка, уложивъ свою сиротку и разцѣловавшись на сонъ грядущій съ привередницей Таисіей Филипповной, собиралась опочить на узкомъ и жесткомъ диванчикѣ служившемъ ей ложемъ,—никогда небывалый въ такую позднюю пору звонъ колокольчика въ передней поднявъ переполохъ въ укромномъ обиталищѣ Лизаветы Ивановны. Таисія Филипповна привскочила и застонала на своемъ *спиникѣ*; проснувшаяся дѣвочка заплакала; гимназистикъ въ одной рубашенкѣ растерянно метнулся въ сѣни отворять, по привычкѣ, дверь. Лизавета Ивановна принялась испуганно креститься, но тутъ же вспомнивъ слышанное ею утромъ отъ Лариной что къ ней вечеромъ обѣщался прѣхать

„по дѣлу“ Ашанинъ, услокопила своихъ домохозяевъ и спустилась со своей свѣтелки внизъ, какъ-то вдругъ инстинктивно разсудивъ что съ такимъ „кавалеромъ“, какимъ она помнила „Владимира Петровича“ (она его лѣтъ лятнадцать не видала), „не годится оставлять *дѣвицу* одну“, да еще „въ ночной часъ“.

Поздній гость былъ дѣйствительно Ашанинъ. Маленькая особа (онъ ее едва узналъ, но привѣтствовалъ самымъ дружескимъ образомъ) пригласила его въ залу, куда вышла изъ своей комнаты и Ларина, и усадила все къ тѣмъ же лямпамъ, составлявшимъ какъ бы *центр тяжести* этого локала.

Вѣсти привезенныя Ашанинымъ очень обрадовали Настасью Дмитриевну:

— Артистическій кружокъ, говорилъ онъ, — чрезвычайно дозволенъ, узнавъ что вы согласны будете дать въ немъ нѣсколько представленій. Условія такія: вамъ — половина чистаго сбора; выборъ пьесъ предоставляется вамъ, а они со своей стороны подберутъ подходящихъ актеровъ. Завтра утромъ будетъ къ вамъ старшина распорядитель, съ которымъ, если вамъ будетъ угодно — и это я вамъ совѣтую — вы можете заключить формальное условіе.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, Владиміръ Петровичъ!..

Онъ надѣялся что вслѣдъ за этимъ у нихъ завяжется „артистическая бесѣда“, съ которой ничего не будетъ уже легче перейти на обычныя ему *амурныя* темы, но дѣвушка ограничилась этою „благодарностью“; она очевидно не была вообще расположена теперь *разговаривать*. Онъ попробовалъ было „приняться“ за Лизавету Ивановну, заговорилъ о покойной Марьѣ Яковлевнѣ Лукояновой, о Троекуровыхъ, — но маленькая особа умирала отъ сна и то и дѣло крестила маленькимъ крестомъ свои позѣвывавшія поблеклыя губы. Старый красавецъ повертѣлся еще минутъ пять на своемъ стулѣ, всталъ наконецъ, простился, и въ довольно кисломъ настроеніи духа отправился прямо спать домой.

Это нисколько не помѣшало ему впрочемъ, два дня спустя, сидя за утреннимъ ланчаемъ съ актеромъ Ростиславцевымъ и распространяясь олятъ о „необыкновенномъ прозрѣніи“ гадалки Варвары Аванасьевны, разказывать пріятелю съ самымъ искреннимъ внутреннимъ убѣжденіемъ слѣдующее:

— И вообразите, какъ напорочила, такъ въ точію и исполнилось. *Моя* (онъ разумѣлъ *Фараонку*) третьяго дня, какъ

вамъ извѣстно, написала мнѣ чтобъ я непременно прѣѣжаю къ ней вечеромъ. Я обѣщаль и непременно хотѣлъ исполнить, но мнѣ послѣ театра необходимо было заѣхать къ этой Ларинѣ, которой я устроилъ спектакли въ Артистическомъ клубѣ. Я тамъ у нея засидѣлся такъ долго что ѣхать къ моей было уже поздно. Отправляюсь къ ней вчера. Прѣѣжаю,—мебель куда-то перетаскиваютъ, выбѣгаетъ ея кухарка и объявляетъ мнѣ что „Татьяна Николаевна уѣхала на новую квартиру, а на случай я буду, приказала мнѣ сказать чтобъ я не трудился болѣе ѣздить къ ней“...

— Что вы! вскрикнулъ отставной теноръ;—такъ, значить, у васъ съ ней кончено?

— На вѣки вѣчныя! торжественно возгласилъ Аппаманъ, сверкая глазами;—буквально по предсказанію Варвары Аванасьевны что выйдетъ у насъ ссора изъ-за той самой дамы которая привезетъ мнѣ изъ Петербурга извѣстіе объ отказѣ намъ барономъ въ декорацияхъ.

— Удивительно! глухо произнесъ Ростиславцевъ, качнулъ значительно головой, и перенесъ даму ликъ на короля червей.

VI.

Кто герой? Тотъ кого не потрасеть взглядъ женщины.

(Изъ индійской рукописи I вѣка по Р. X.)

Въ третьей изъ залъ галереи palazzo Pitti *, предъ *Виднїемъ Іезекїиля* Рафаэля, этою *маленькою* картиной, по грандіозности замысла и очаровательности исполненія не имѣющей себѣ равной въ мірѣ, стояли въ одно свѣтлое октябрьское утро бѣлокурый молодой человекъ и молодая же дама въ круглой, черной шляпѣ съ перомъ, изъ-подъ которой выбивались въ изыщномъ безпорядкѣ пряди вьющихся рыжеватыхъ волосъ. Оба они равно молча и недвижно глядѣли на возносимаго „ловерьхъ облакъ“ алокалитическихкими звѣрами и ангелами-дѣтьми *Бога силъ*, но далеко не равное ловидимому впечатлѣніе производило на нихъ это гениальное полотно. Между тѣмъ какъ въ жадно взиравшихъ

* Во Флоренціи.

на него, широко раскрытых глазах молодой женщины сказывался не поддельно-страстный художественный восторгъ, на лицѣ ея спутника выразилось не то какое-то тоскливое утомленіе, не то досадливое сознаніе чего-то удручающаго и раздражающаго.

Она быстро обернулась на него, вся сіяющая.

— Что вы про это скажете? проговорила она по-русски въ подголоса, въ виду дѣловой стаи Американокъ облеченныхъ во всѣ цвѣта радуги, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ и подъ водительствомъ *чичероне* подвигавшихся въ это время къ картинѣ.

— Символика какая-то! проѣдиль онъ сквозь зубы и какъ-то неестественно щурясь.

— Ну да, конечно, живо возразила она, — такъ и должно быть, вѣдь это видѣніе пророка... въ Библии... Развѣ вы не читали?

— А вы? спросилъ онъ ухмыляясь.

— Что я?

— Читали сами?

Нѣтъ, она, бѣдная, „сама“ не читала, или хорошо не помнила, и залепетала, видимо сконфузась.

— Все равно... Вещь сама за себя говорить... Это такая прелесть, такое величіе и поэтичность концепціи!..

— Принято восхищаться, извѣстно!..

— The famous vision of Hezekiel! сквернымъ англійскимъ акцентомъ произмесь за ними водившій американскую компанію *чичероне*.

Затлантическія дѣвы и Джонатаны такъ и ткнулись всѣ вооруженными *pinse-nez* глазами на картину.

— Beautiful indeed!.. О-о, the lovely painting! * загоготали кругомъ ихъ птичьи гортани.

— То же вотъ, пропустилъ бѣлокурый, — не сказать бы имъ — онѣ бы такъ и прошли мимо, не замѣтивъ; а на, молъ, говорятъ имъ, вотъ этимъ самымъ восхищаться требуется, онѣ и въ лиски!

— Такъ на то онѣ и изъ той страны гдѣ ничего *этого* нѣтъ и быть не можетъ, проговорила дама чуть-чуть пренебрежительно и скороговоркой, отходя и направляя шаги въ слѣдующую залу.

* Превосходно, ослѣпительно, какая милая картина.

„Да и не нужно вовсе никому“, чуть не добавляя къ словамъ ея молодой человѣкъ, но почему-то сдержался и пошелъ за нею, устало передвигая ноги.

Она повела его прямо къ очаровательному портрету герцогини Урбино, извѣстному подъ названіемъ „La bella di Tiziano“, * остановилась и опять спросила:

— Ну, а это какъ вамъ нравится?

Онъ посмотрѣлъ на полотно, потомъ на нее, и усмѣхнулся слегка.

— Въ родѣ васъ нѣсколько!..

Она вся вспыхнула отъ удовольствія.

— Развѣ потому что и она рыжа какъ я... Это любимѣйшій цвѣтъ женскихъ волосъ у мастеровъ венеціанской школы, какъ бы поучительно встала она, — но гдѣ же мнѣ съ моею frimousse идти въ сравненіи съ этою идеальною красавицею! Я никакъ не ожидала что вы способны льстить.

— Льстить? повторилъ онъ, — а я думалъ, напротивъ, вы на меня разсердитесь.

— За что?

— Да потому что лицо у этой госпожи самое нещептливое.

— Ахъ, вы съ *этой* стороны нашли у нея сходство со мною? расхохоталась молодая женщина.

Онъ не смутился:

— Нѣтъ, у васъ все же больше смысла въ выраженіи.

— Merci beaucoup!.. Но скажите, перемѣняя тонъ молвила она, глядя ему съ люболытствомъ въ глаза, — неужели вы и къ этой, просто *женской*, прелести остаетесь равнодушны какъ и ко всему остальному?

Молодой человѣкъ засмѣялся:

— Съ чего же приходитъ въ восторгъ отъ нѣмага полотна!

— А еслибъ она была живая, влюбился бы? быстро спросила она.

— Не знаю... Я не влюбчивъ, почелъ онъ какъ бы нужнымъ прибавить.

Она видимо хотѣла что-то сказать на это, не сказала, и только съ неопредѣленнымъ выраженіемъ пожала ладными плечами своими:

* Въ галлерей Degli Uffiziі находится не менѣе извѣстная нагая Венера того же мастера, писанная съ той же красавицы.

— Поѣдемте домой, васъ ни чѣмъ не разшевелишь.

— Поѣдемте! усмѣхнулася онъ олять.

Она вышла, слустилась съ лѣстницы. Ливрейный слуга въ штиблетахъ и culotte courte кинулся за ожидавшимъ на площади ландо нашей дамы... Но она уже перемѣнила на-мѣреніе.

— Не хотите ли на полчаса сюда, въ Boboli? * обратилась она къ своему слугѣ, — у меня есть билетъ для входа отъ префекта.

— Извольте.

— Предложите мнѣ руку по крайней мѣрѣ, засмѣялась она олять. — Quel sauvageon! прибавила она, глядя ему еще разъ прямо въ глаза.

Онъ молча подставилъ ей локоть; она продѣла въ него руку, и такъ и повисла на его рукѣ...

У входа въ садъ разгуливалъ полицейскій стражъ. Взглянувъ на пропускной билетъ поданный ему молодою женщиной, онъ почтительно приложилъ руку ко лбу и указавъ вслѣдъ за тѣмъ на раздававшуюся впереди аллею, какъ бы говоря: „вправо или влѣво, куда угодно“!

Въ саду было пустынно какъ на Робинзоновомъ островѣ. Тѣнь и свѣжесть такъ и манили укрыться отъ жгучаго итальянскаго солнца подъ густолиственную сѣнь вѣковыхъ платановъ. Наша чета усѣлась на скамью у мраморнаго Фавна...

— Ахъ, какъ хорошо! заговорила дама, сладостно вдыхая полный аромата воздухъ; — когда подумаю какая теперь гадость въ Петербургѣ!.. А здѣсь „лавромъ и лимономъ пахнетъ.“ Это у Пушкина, кажется, гдѣ-то...

— Не знаю.

— Въ *Каленножъ Гостѣ*, да, вспомнила... Вы читали?

— Н-ѣтъ, кажется...

— Вы и поэзіи не любите? вскрикнула она чуть не въ отчаяніи.

— Отчего же! Некрасова даже и очень люблю.

— Не-красова, протянула она съ гримаской неудовольствія на алыхъ губахъ.

— Ну, конечно, „мужицкій поэтъ“, по вашему? скривилъ онъ губы въ свою очередь.

* Садъ при дворцѣ Pitti.

— Развѣ онъ „мужицкій“ въ самомъ дѣлѣ? удивилась она; — а ничего его не читала... Нѣтъ, нѣтъ, погодите: „Что ты жадно глядишь на дорогу“, что Цыгане любятъ,—это вѣдь его?

— Его.

— Ну, вотъ это я знаю. *Se n'est pas mal du tout...* И все въ такомъ родѣ, въ демократическомъ, у него?

— „Муза мести и печали“, какъ-то неволью изысканно проговорилъ молодой человѣкъ:—настоящій поэтъ своего... *нашего*, какъ бы поправилась онъ,—поколѣнія.

— Да-а? Ахъ, я непременно въ такомъ случаѣ хочу про- честь его всего. Я хоть и старуха сравнительно съ вами, но все же еще недалеко отстала отъ этого *вашего* *поколѣнія*... Мы заведемъ отсюда къ *Viensseux* *, и я скажу ему выписать для меня...

— Хорошо сдѣлаете! одобрилъ онъ качнувъ головой,—просвѣтитесь.

— Вы находите что мнѣ это нужно? промолвила она серьезнымъ тономъ, межъ тѣмъ какъ глаза ея смѣялись.

— Вы, разумѣется, говорите это насмѣхъ, возразилъ онъ нѣсколько раздраженнымъ тономъ,—и полагаете что вамъ черезчуръ достаточно того что вы знаете и въ чемъ, по вашему, вся мудрость человѣческая заключается, а что вотъ меня, напротивъ, требуется выдрессировать къ разумнѣю всѣхъ тѣхъ предестей которыя мнѣ недоступны... по великой тулости моей, конечно, такъ вѣдь это? заключилъ онъ съ насилуваною проныей.

— За что же вы разсердились, Василий Ивановичъ? жалобнымъ голосомъ произнесла молодая женщина;—а ничего про себя не думаю, кромѣ того что ничего серьезно не знаю, какъ всѣ мы, свѣтскія, а ужъ никакъ не имѣю претензій „дрессировать“ васъ къ чему-то... А мнѣ просто жалко... ну да, жалко что такой молодой человѣкъ... молодая душа не находитъ въ себѣ никакого отклика на всѣ эти чудеса искусства которыя я вожу васъ показывать вотъ ужъ сколько дней, а вы, какъ слѣпой какой-то, точно не видите совсѣмъ... Вѣдь все это наслаждения, *autant de jouissances*, которыя вы будто на-зло отбрасываете отъ себя, а мнѣ это больно... не разсер-

* Известный во Флоренціи кабинетъ для чтенія, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Европѣ по числу выписываемыхъ имъ повременныхъ изданій и книгъ на всевозможныхъ языкахъ.

дитесь на меня опять!—больно за васъ... Вы не можете же мнѣ запретить de vous porter intérêt, какъ бы неудержимо досадливо вырвалось у нея, и легкій румянецъ выступилъ подъ бѣлосвѣткою кожей ея лица.

Та же внезапная краска покрыла на мигъ и его блѣдныя щеки; глаза сверкнули... Но онъ тотчасъ же опустилъ ихъ.

— Что же дѣлать, не такъ воспитанъ видно чтобы понимать *изящное*, подчеркнул онъ, стараясь сохранить тотъ же пролическій тонъ.

— Не правда! горячо вскрикнула она,—вы не семинаристъ какой-нибудь чтобы не понимать...

— Бывшій семинаристъ именно, перебилъ онъ ее;—вы мой паспортъ видѣли: „Не кончившій курса въ Казанской Духовной Академіи, сынъ священника...“

Она замахала руками.

— Не правда, не правда, vous parlez le français tout aussi bien que moi, я не вѣрю вашему паспорту!...

— Вы полагаете, онъ... фальшивый?

Молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ...

— Оставьте, какое мнѣ дѣло! торопливо, не доканчивая фразы, заговорила она:—я знаю *vous*, а има все равно... Вы имѣете свои причины, и я уважаю... Когда-нибудь потомъ... когда я заслужу ваше довѣріе... вы мнѣ скажете. А теперь я не хочу, не хочу, и не смѣю говорить объ этомъ!... Я знаю только que vous êtes aussi bien né que moi, и совсѣмъ не то чтобы вы не были въ состояніи понимать, а просто vous vous faites fort de mépriser l'art, и вотъ это самое я и хотѣла бы знать: почему вы считаете нужнымъ его презирать?

Невольная усмѣшка пробѣжала въ складкахъ губъ Послѣдова (читатель, не сомнѣваема, давно успѣлъ узнать его, равно какъ и его собесѣдницу): слова ея видимо польстили его самолюбію. Но брови его въ то же время сжались съ какимъ-то сосредоточеннымъ, чтобы не сказать мрачнымъ, видомъ.

— Я ваше *искусство*, „l'art“, не презираю, началъ онъ съ замѣтно дидактическимъ оттѣнкомъ въ рѣчи,—и не скажу, какъ сказано это было нѣсколько лѣтъ назадъ, впрочемъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ какой былъ данъ этимъ словамъ во враждебномъ лагерѣ, что „салоги выше Шекспира“. Я даже нахожу что оно имѣло свою raison d'être въ прежнее время, когда человѣчество не было такъ развито, или, говоря опредѣлительнѣе, когда изъ этого человѣчества почиталось

людьми лишь известное привилегированное меньшинство, — все же остальное были плоты, рабы, вассалы, порабощенныя, безправныя, безгласныя существа, потерявшія всякій образъ человеческій. Для этого меньшинства искусство дѣйствительно представляло собою нѣкій облагораживающій элементъ. Заказывать картину какому-нибудь Рафаэлю или Тициану все же былъ шагъ впередъ противъ гладиаторской рѣзни или глухихъ рыцарскихъ турнировъ, хотя бы уже потому что тутъ уважался человекъ безотносительно къ его происхожденію и за трудъ его платили деньги, а не брали его даромъ. Наконецъ это давало производящей этотъ трудъ личности возможность выходить изъ состоянія плотизма въ которомъ находились ея собратія...

— Отчего же „плотизма“? возразила графиня Драхенбергъ;— искусство въ Италиі разцвѣло именно въ ту эпоху когда почти каждый городъ былъ отдѣльною республикой и граждане этихъ городовъ пользовались полною свободой. Здѣсь во Флоренціи, я читала, было даже время междоусобныхъ ея войнъ, когда самый низшій классъ народа, его такъ и называли „і роролани“, взялъ верхъ надъ остальными и правилъ ими сколько-то мѣсяцевъ или лѣтъ, уже не помню.

— Ну, это все равно! нетерпѣливо вскрикнулъ эмигрантъ, въ своемъ качествѣ революціонера не вѣдавшій да и не почитавшій нужнымъ знать никакихъ историческихъ фактовъ:— поднаго социальнаго равенства здѣсь, какъ и въ остальномъ мѣрѣ, никогда не было; свободой пользовались только богатые, умѣвшіе тѣмъ или другимъ путемъ накопить себѣ капиталы, которыми они, какъ всюду и всегда, эксплуатировали трудъ бѣдняка, наживались лѣтомъ его и кровью.

— Да, это конечно... недоумѣло пролепетала сбитая съ лозиціи молодая женщина;—и это „всюду, всегда“, comme vous di-tes, бываетъ avec les paucres gens!.. вздохнула она самымъ искреннимъ образомъ при этомъ.

Голосъ Послѣлова зазвенѣлъ внезапно, горячимъ увлеченіемъ:

— И вамъ, скажите, никогда не приходило на мысль что этотъ вѣчный гнетъ богатаго надъ бѣднымъ не можетъ быть долѣе терлимъ, что социальныя условія при которыхъ возможны оны должны быть низвергнуты?..

— Une révolution, да? прошептала она дрогнувшимъ голосомъ, забывая впередъ того что ожидала отъ него услышать.

Мурашки пробѣжали у нея по тѣлу, ей стало разомъ и жутко, и въ то же время сладко, сладко отъ того именно чувства неопредѣленнаго страха котораго заставило ее вздрогнуть.

— Вамъ это кажется очень страшно? чуть-чуть насмѣшливо сказалъ онъ.

Она подняла на него глаза съ какимъ-то внезапнымъ и очень забавнымъ выраженіемъ отваги:

— Совсѣмъ нѣтъ; en France, sous la Terreur, женщины которыхъ вели на гильйотину удивляли всѣхъ своимъ безстрашиемъ. Если les gens de notre classe должны погибнуть въ Россіи, я не побоюсь, soyez sûr... Мнѣ кажется даже что эта мысль умереть на эшафотѣ, предо всѣми, должна экзальтировать такъ что на него пойдешь весело какъ на балъ... „Décolletée et manches courtes“, пронеслось у нея тутъ же капризнымъ зигзагомъ мысли, „чтобы показать имъ себя въ послѣдній разъ dans tous mes avantages“, и сама она чуть не расхохоталась громко этому своему „сумашедшему“ представленію.

— Для чего же вамъ погибать когда вы могли бы, напротивъ... вскрикнулъ было и тутъ-же оборвалъ эмигрантъ.

— Чтò могла бы, чтò, говорите... говорите же! съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ въ глазахъ, въ звукъ голоса приставала она къ нему;—вы можете все мнѣ говорить, все, я умру, скорѣе чѣмъ васъ выдать... я вѣдь знаю...

— Чтò вы знаете? быстро обернулся онъ на нее, въ свою очередь, съ изумленнымъ и недовольнымъ выраженіемъ въ чертахъ.

Она мгновенно сложила руки на груди какимъ-то дѣтски умоляющимъ движеніемъ:

— Ради Бога, не сердитесь на меня, я нечаянно... слышала...

— Чтò слышала?...

— Вашъ разговоръ съ товарищемъ въ гондолѣ, въ Венеціи... помните, на серенатѣ?... Вы не подозрѣвали что подлѣ васъ были Русскіе и говорили между собой громко... Со мною была Топу, ея мужъ и маркизъ. Но всѣ они слушали музыку, и я одна... Я никому изъ нихъ не сказала, никому, клянусь вамъ... И мнѣ такъ захотѣлось послѣ этого познакомиться съ вами...

— Такъ, значитъ, смущенно спросилъ Послѣдовъ,—маркизъ не случайно нашелъ меня въ моемъ отелѣ?

— Нѣтъ, я его послала, сказавъ что мнѣ нуженъ русскій... наставникъ для моего сына... Мнѣ и нужно было дѣйстви-

тельно, послѣшила она прибавить,—и что я слышала отъ моего курьера что въ отелѣ Бауеръ есть одинъ такой... Онъ васъ нашелъ тамъ... и привелъ тогда...

Послѣловъ покликъ головой и какъ-то неопредѣленно развелъ руками.

— Я узнала изъ вашего разговора, съ лихорадочнымъ одушевленіемъ продолжала между тѣмъ графиня,—что вы были сосланы куда-то на сѣверъ... *C'est inique cela!* вскрикнула она какъ бы въ скобкахъ,—но ушли съ какимъ-то мужикомъ и чуть не погибли въ лѣсу отъ холода, и васъ только спасъ un flacon de cognac, который вамъ дала эта дочь кого-то... я не разслышала... Скажите мнѣ пожалуйста: c'était une jeune fille, или замужняя?...

— Она была дочь становаго... и не замужняя, какъ-то само собою сорвалось съ устъ молодого человѣка. Его словно вдругъ захватило и понесло что-то чему онъ противостоять уже не могъ.

— И она любила васъ?

— Думала вѣроятно... Во всякомъ случаѣ я былъ не первый, кажется, прибавилъ онъ не то пренебрежительно, не то какъ бы въ чемъ-то извиняясь.

— Вамъ не было жаль ее покидать?

Онъ пожалъ плечами:

— Въ нашемъ исключительномъ бытѣ, промолвилъ онъ съ извѣстною долей полуналуцвенной, полудискретной театральности,—субъективные чувства каждаго изъ насъ такъ привыкли подчиняться верховной, *гражданской* идеѣ, которой всѣ мы посвятили жизнь, подчеркнул онъ,—что о нихъ никому изъ насъ просто не думается, да и какъ бы стыдно думать... Особа эта къ тому же и не имѣла ничего привлекательнаго для меня... Она мнѣ была нужна какъ соглядатай за отцомъ, которому поручено было наблюдать за мною, и какъ пособница для моего бѣгства; я и воспользовался ея... расположеніемъ.

Графиня словно только и ждала этого, на иной взглядъ безсердечнаго, чтобы не сказать циническаго, признанія. Она всплеснула руками и воззрилась восхищеннымъ взглядомъ въ своего собесѣдника:

— Вы герои всѣ, герои!.. Знаете, вѣдь я всю жизнь мечтала встрѣтить кого-нибудь такого какъ вотъ вы, un citoyen, un Brutus, который отдалъ бы себя всего на служеніе d'une

noble idée, восклицала она, вполне убѣжденная въ эту минуту что ни о чемъ иномъ дѣйствительно не мечтала „всю жизнь“;—я даже думала что сага patria ихъ вовсе производить не можетъ... но теперь я вижу что есть они, есть!..

Эмигрантъ съ видимымъ изумленіемъ вперилъ въ нее глаза:

— Я этого никакъ не ожидалъ, признаюсь, промолвилъ онъ радостно зазвенѣвшимъ голосомъ:—вы, аристократка, петербургская барыня... какимъ образомъ могли сложиться у васъ такіа честныя убѣжденія?

— Ахъ, именно потому что я петербургская и все это тамъ наизусть знаю... весь нашъ *monde*... Понимаете, вѣдь они всѣ тамъ „рабы“, *comme vous dites*... хуже—лакеи! Ils vous disent de belles paroles, такіе либеральные на словахъ, а на дѣлѣ... Alexis Толстой такъ хорошо про нихъ сказалъ что у нихъ въ натурѣ у всѣхъ „ползать предъ тѣмъ или этимъ на брюхѣ“... * Я всю жизнь провела съ ними, насмотрѣлась на войнѣ... Патриотизма, *des sentiments élevés*, ни на грошъ ни у кого; смѣлаго, честнаго слова никто сказать не смѣетъ; только и въ мысли какъ бы ножку подставить своему же *collègue*, и самому сѣсть на мѣсто ловыгоднѣ, *entrer en faveur*, да денегъ, денегъ побольше сорвать, жалованья, аренда, земель съ лѣсами, тамъ ихъ теперь тысячами десятины раздають, кто только выпроситъ сумѣетъ... Вы понимаете что когда все это видѣла вблизи и всю эту изнанку знаешь, можно получить отвращеніе къ Петербургу и тѣмъ кто въ немъ держитъ *le haut du pavé*?..

И алая, полная какъ слѣлая вишня, губы молодой вдовы сложились въ очень милое въ своей искренности и весьма шедшее къ характеру ея подвижнаго лица выраженіе гадливости.

Эмигрантъ не отрывался теперь глазами отъ этого свѣжаго лица съ румянцемъ объявшаго ее внутренно волненія, и Богъ вѣсть что въ эту минуту преобладало въ его чувствѣ: восхищеніе ли *féminin*, или уваженіе ко *гражданинѣ* которую „прозрѣвалъ“ онъ въ ней теперь... Онъ усмѣхался какою-то счастливою улыбкой:

— Безполезно было бы слѣдовательно, говорилъ онъ,—объяснять вамъ *raison d'être* революціонной партіи въ русской молодежи, партіи прямо положившей сабѣ задачей, *soûte que soûte*, низвергнуть ту монгольскую власть и азіатскіе

* *Потокъ-богатырь*, баллада.

порядки при которыхъ у насъ плодятся и множятся могутъ только рабы и лакеи; вы сами это теперь должны понимать.

— О да, я понимаю!.. И это у васъ все такъ интересно, вскакинула она снова:—заговоры, тюрьмы, бѣгства, точно въ романъ Александра Дюма рѣге... Я говорила это тогда же маркизу... *вообще*, разумѣется, говорила, послѣшила она прибавить, — мы съ нимъ послѣ этой серенаты лѣхали въ гондолѣ подъ Pont des soupirs, и мнѣ такъ страшно сдѣлалось, вспомнивъ что тутъ прежде происходило... Скажите, неожиданно вдругъ спросила она,—вы не надѣваете масокъ когда собираетесь для вашихъ совѣщаній въ какомъ-нибудь *souterrain*?

— Н-нѣтъ... для чего это? проговорилъ онъ, нѣсколько орошенный.

— Я думала... Прежде всегда такъ, кажется, дѣлали чтобы не могли узнать лицъ, въ случаѣ еслибы тутъ случился какой-нибудь шпіонъ...

— Правительство такъ мало даетъ денегъ на своихъ шпіоновъ, и всѣ они такъ глупы, кромѣ тѣхъ которые для пользы дѣла поступаютъ иногда въ эту должность изъ нашихъ же, что всѣхъ мы ихъ на перечь знаемъ, возразилъ на это не то хвастливымъ, не то пренебрежительнымъ тономъ *Послѣловъ*;—изъ нашей же собственной среды предателей быть не можетъ, потому каждый знаетъ что за малѣйшую измѣну его ожидаетъ смерть.

— Смерть! повторила протяжно графиня съ омрачившимся внезапно лицомъ и вздрагивая,—да, это конечно... Но зачѣмъ, скажите, пронеслось у нея и громко сказалось тутъ же,—зачѣмъ этого бѣднаго Мезенцова убили, — *un si brave homme!* Я его хорошо знала.

— Убили не *бравома*, не вашего знакомаго, а официальную личность, шефа царскихъ шпіоновъ.

— Вы же сами говорили что всѣ они такъ глупы...

Послѣловъ нахмурился.

— Тутъ вопросъ въ принципѣ, докторально проговорилъ онъ:—надо было доказать правительству что ни *brave homme*'а сомыакъ, ни преслѣдованія не въ силахъ сломить энергію и живучесть революціонной партіи. Смерть генерала Мезенцова, это вызывная перчатка смѣло брошенная теперь революціонною молодежью въ лицо автократіи! подвернулась ему подъ языкъ бойкая фраза, уже сказанная имъ въ разговоръ съ Волкомъ,

и фраза эта произвела теперь желанное дѣйствіе: графиня опустила глаза, закачала головой и убѣжденно произнесла:

— Oui, certainement, le principe est une grande chose...

— Борьба началась, продолжалъ Послѣдовъ торжественнымъ тономъ,—борьба на жизнь и смерть...

Она, мгновенно забывъ о „principe“, схватила его за локоть, глядя ему съ какимъ-то жаднымъ перелугомъ въ глаза:

— Да? Вы знаете? Кого-нибудь еще будутъ убивать?..

— Я ничего не знаю, а только... Послушайте, Елена Александровна, перебилъ онъ себя, говоря себѣ мысленно что „ее требуется нѣсколько просвѣтить“,—если только вы, какъ я въ правѣ заключить изъ всего того что вы сейчасъ говорили, личность вполне развитая, вы должны понимать что есть высшія требованія и что жертвы приносимыя имъ представляются для каждаго истиннаго революціонера вопросомъ совершенно второстепеннымъ. Русская пословица говоритъ: „дрова рубяты, щелки летяты“, а французская: „qui veut la fin veut les moyens“. Прямая задача состоитъ въ достиженіи побѣды революціонныхъ, *избавительныхъ* началъ, пояснилъ онъ,—а что при этомъ придется устранить нѣсколько личностей, такъ вѣдь это только необходимое... весьма печальное, можетъ-быть, я согласенъ, но необходимое, повторяю, неизбежное, естественное послѣдствіе самаго революціоннаго процесса. Ни одинъ изъ фазисовъ постулательнаго движенія человечества къ своему освобожденію не обходился безъ крови,—ничего съ этимъ не подѣлаешь, Елена Александровна... Въ мірѣ насѣкомыхъ даже, вспомнилось ему вдругъ смутно прочитанное имъ въ какой-то популярной зоологической статьѣ нѣчто могшее, по его мнѣнію, „идти къ дѣлу“ въ эту минуту,—есть породы въ которыхъ абсолютнымъ условіемъ рожденія особей является ловальная смерть всѣхъ рожищъ.

Фантастическая зоологія, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ:

— Это ужасно что вы мнѣ говорите, тяжело вздохнула графиня,—mais c'est bien intéressant! И она еще разъ склонила покорную голову предъ „неотразимой“, представлялось ей, аргументаціей своего собесѣдника. „Онъ такъ хорошо говоритъ и такъ умно *смотрѣлъ* при этомъ“ что она „все бы кажется слушала, слушала его... и глядѣла“...

Новый вопросъ, имѣвшій вызвать новое съ его стороны „краснорѣчивое“ возраженіе, готовъ былъ уже слетѣть съ ея устъ, когда вдругъ изъ-за поворота аллеи донесся до нихъ

скриль чьихъ-то торопливыхъ шаговъ по песку и сквозь зелень вѣтвей мелькнулъ свѣтлосѣрый цилиндръ...

— Маркизь! вскрикнула графиня, и все говорившее въ ней за мигъ предъ этимъ оживленіе слетѣло разомъ съ ея лица.

Эмигрантъ какъ-то бессознательно быстро поднялся съ мѣста, которое занималъ рядомъ съ нею на скамьѣ, но тотчасъ же оправился и всталъ, вытянувшись въ ростъ, чуть не въ боевую позицію.

Быстро подходившій къ нимъ между тѣмъ маркизь Калодимонте отнюдь впрочемъ не вызывалъ своимъ наружнымъ видомъ необходимость такой позиціи. Свѣжій, точно сейчасъ изъ ванны, элегантъ отъ прюнелевыхъ ботинокъ и до этого своего сѣраго цилиндра, которымъ, скинувъ его съ головы за десять шаговъ не доходя графини, онъ салютовалъ ее (*saluer du chapeau*) какъ шлягой, откидывая руку въ сторону, съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ и широкою улыбкой подъ красиво прикрученными усами,—онъ, казалось, былъ весь веселость, любезность... и безлечность.

— *J'arrive de Rome*, говорилъ онъ, съ какою-то особенною изысканною почтительностью пожимая протянувшуюся къ нему руку молодой вдовы и самымъ дружескимъ образомъ приветствуя въ то же время заморгавшими глазами ея *kavallera*,—*et je tenais à vous donner le plus vite possible des nouvelles de madame Tony*... Я узналъ въ отелѣ гдѣ вы останавливались, объяснилъ онъ,—что вы взяли окончательно ту виллу на *Colli* * на которую я вамъ указывалъ и уже переселились туда. Я вѣхалъ къ вамъ, когда проѣзжая мимо *Pitti*, узналъ ваше ландо,—*et me voici!*

— *Grand merci, cher marquis!* преодолевая насколько могла свою досаду, улыбалась ему она;—что Tony, хорошо ей въ Римѣ живется?

— Отлично повидимому; наша очень приличное и теплое помѣщеніе—въ Римѣ холодно зимой—и до весны не думаетъ оттуда трогаться.

— *Le prince Jean toujours?* какъ-то вдругъ разсмѣялась графиня.

— *Toujours!* подтвердилъ, сдержанно, какъ бы только изъ учтивости улыбувшись со своей стороны маркизь, и тутъ же воскликнулъ:—Но какая неосторожность, графиня: вы сидите на мраморной скамьѣ; это губельно въ нашемъ климатѣ

* Возвышенная часть города по лѣвому берегу Арно.

и этого никогда не слѣдуетъ забывать здѣсь. Я вижу что monsieur Pospelof, примолвилъ онъ съ самою любезною улыбкой по адресу молодого человѣка, — гораздо предусмотрительнѣе васъ: онъ очевидно все время стоялъ на ногахъ пока вамъ вздумалось отдохнуть здѣсь отъ вашей... вѣроятно продолжительной... прогулки sous ses ombrages fleuris (онъ указалъ кругомъ рукою), но въ этомъ случаѣ я осмѣливаюсь думать что къ его courtoisie примѣшивалась нѣкоторая доля эгоизма (un petit grain d'égoïsme),—ему слѣдовало бы предварить васъ.

— Никакой courtoisie и никакого эгоизма! отрѣзалъ, впрочемъ видимо смущенно, эмигрантъ;—я не подумалъ... да и не зналъ въ сущности что не слѣдуетъ садиться...

Маркизь только взглянулъ на него, и все такъ же вѣжливо усмѣхнулся опять.

Графиня Драхенбергъ была уже на ногахъ. „Противный человѣкъ, проносилось въ нея въ мысли, всегда все видитъ и все угадываетъ!“...

— Merci pour le bon avis, сказала она громко, — намъ, Русскимъ, никогда не мѣшаетъ напоминать о здоровьѣ; мы нисколько не привыкли беречь его... Можетъ-быть потому, промолвила она нежданно, прищурившись куда-то вдаль,—потому что мы вообще не дорожимъ жизнью...

У Пospelова почему-то дрогнули вѣки. Маркизь вопросительно, чуть не тревожно вперилъ глаза въ говорившую.

Но алая губы ея улыбались теперь опять съ тѣмъ „ser-to non so ché di voluttuoso“ * что неотразимо чаровало его въ этой „сѣверной женщинѣ“, и лепетали любезно и лѣжливо:

— Вы вѣхали ко мнѣ съ визитомъ, cher marquis; я предлагаю вамъ мѣсто въ моемъ экипажѣ и обѣдь à la fortune du pot; вы мнѣ за столомъ разкажете подробно о Тону и о „вѣчномъ городѣ“.

Прозрливый Итальянецъ былъ обезоруженъ. Онъ молча, съ радостно забившимся сердцемъ, поклонился въ знакъ согласія и, подставивъ, не откладывая, локоть молодой женщинѣ, повелъ ее мѣрнымъ шагомъ къ выходу.

Она усадила его рядомъ съ собою въ ландо. Пospelовъ занялъ мѣсто на передней скамьѣ; во все время пути онъ поводилъ глазами то вправо, то влево, тщательно избѣгая встрѣтиться ими со своими спутниками, и сложивъ губы трубочкой, свисталъ не слышно какую-то арию.

* Чѣмъ-то сладострастными.

VII.

Шесть недѣль прошло уже со дня поступленія Послѣлова на должность учителя къ маленькому сыну графини Елены Александровны Драженбергъ, но въ первый еще разъ сегодня довелось ей разговориться съ нимъ въ волю. До этой минуты ей какъ-то не удавалось оставаться съ нимъ рядомъ вдвоемъ. Прежде всего ее, когда они жили въ Венеціи, „стерегли, точно двѣ цѣльныя собаки“ (мы повторяемъ то что говорила она себѣ внутренно), маркизь Калодимонте и гжа Сусальцева,—одинъ изъ ревности, другая изъ того „бывшаго въ глаза“ чувства недоброжелательности къ молодому эмигранту которое, по объясненію пылаго воображенія графини, происходило, „какъ это почти всегда бываетъ dans les grandes passions, вслѣдствіе страсти испытанной ими первоначально другъ къ другу“... Долгъ безпристрастнаго повѣствователя обязываетъ насъ ипрочемъ замѣтить что гжа Сусальцева, проводя въ ту пору всѣ дни и вечера съ „кузиной“, менѣе всего заботилась о чувствахъ ея къ кому бы то ни было. Послѣ размолвки съ мужемъ и внезапнаго его отъѣзда въ Россію, „кузина“ представлялась ей нѣкимъ спасительнымъ берегомъ, къ которому удобно было ей до поры до времени подтянуться со своею еще не совсѣмъ надежно оснащеною на-ново ладьей. Разчетъ тутъ былъ самый прямой. Волервыхъ, нужны были деньги, которыя, какъ мы уже знаемъ, и ссужены ей были банкиромъ подъ поручительство графини. Вовторыхъ, князь Іоаннь, во слѣдъ которому стремилась она во Флоренцію, долженъ былъ, какъ оказывалось, провести тамъ не болѣе трехъ, четырехъ дней, предполагая затѣмъ ѣхать въ Римъ и пробыть тамъ до русскихъ Святковъ. Надлежало слѣдовательно вмѣсто Флоренціи, куда сначала предполагали ѣхать „этаблироваться“ на зиму обѣ молодой женщины, склонить „Нелли“ къ переселенію въ италіанскую столицу, куда звалъ ее и князь Іоаннь, говоря что „иначе у него во всей тамошней русской колоніи не будетъ ни одной интимной знакомой“. На основаніи сдѣланнаго имъ при этомъ перечисленія лицъ составлявшихъ въ ту пору эту колонію въ Римѣ, Сусальцева сообразила, съ другой стороны, что это были по большей части все незнакомыя ей, къ тому

же принадлежавшія къ самой fine fleur петербургскаго свѣта особы, съ которыми войти въ близость было бы для нея гораздо затруднительнѣе тамъ, особенно при той сравнительно весьма скромной обстановкѣ въ какой она находилась теперь, чѣмъ на берегахъ Сены, гдѣ она соперничала, благодаря мужней расточительности, со всѣми свѣтилами парижской vie mondaine. Ей нуженъ былъ поэтому въ Римѣ, какъ на будущее время и въ Петербургѣ, женскій, твердо поставленный въ свѣтѣ, шаргон, подъ покровомъ и при содѣйствіи котораго она могла бы быть признана тамошнимъ русскимъ людомъ „своею“ и почувствовать себя „tout aussi à l'aise qu'à Paris.“ Шаргон этотъ былъ готовъ въ лицѣ все той же „кузины Драхенбергъ“, состоявшей по родству, воспитанію и отношеніямъ въ ближайшихъ связяхъ съ большинствомъ этихъ лицъ изъ fine fleur. Она перезнакомитъ ее со всѣми. Она же въ „случаѣ чего приметъ на свой страхъ и тѣ „assiduités“ князя Иоанна которыхъ чаяла прекрасная Антонина Дмитриевна видѣть себя лично предметомъ въ Римѣ, гдѣ при тѣхъ же условіяхъ (то-есть за тою же удобною ширмой *старой дружбы* его къ „Нелли“) нѣтъ никакой причины, весьма правильно разсуждала она, не быть продолженію того что такъ хорошо началось въ Венеціи“... Объ этомъ своемъ новомъ plan d'installation на зиму гжа Сусальцева толковала каждый день графинѣ, которую, съ другой стороны, старался всячески склонить на то же маркизъ, принужденный вѣхать самъ въ Римъ по какимъ-то весьма для него важнымъ и не терпѣвшимъ отлагательства дѣламъ. Но молодая вдова оказывалась неподатливою. „Климатъ въ Римѣ, утверждала она, былъ, по мнѣнію докторовъ, съ которыми она совѣтовалась еще въ Петербургѣ, вовсе неблагоприятенъ для здоровья ея мальчика. Къ тому же она должна была бы тамъ представиться ко двору, такъ какъ лично знакома съ королемъ и королевой Италіи, при которыхъ состоялъ покойный мужъ ея въ пору пребывания ихъ величествъ въ Петербургѣ. „Это неминуемо повлекло бы за собою то что я была бы принуждена aller dans le monde, а этого именно я вовсе не хочу“, заключила она самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Но почему не хочешь, почему? приставала къ ней однажды болѣе обыкновеннаго Антонина Дмитриевна:—твой трауръ кончается, ты недостаточно еще стара чтобъ отказаться

вдругъ отъ свѣта безо всякой разумной причины, и есабы ты это сдѣлала, всѣ стали бы отыскивать эту причину— такъ какъ люди злы прежде всего, то и наши бы ее въ томъ по всей вѣроятности чего у тебя и въ головѣ нѣтъ, можетъ-быть...

Графиня поняла намекъ и вся вспыхнула:

— Причину, ты хочешь знать причину! пылко вскрикнула она,—такъ я тебѣ скажу: въ Римѣ проводить эту зиму моя мать, графиня Пршехронщевская, имѣвшая безуміе выйти замужъ уже бабушкой за человѣка годящагося ей по лѣтамъ въ сыновья, который безстыдно обираетъ ее и обманываетъ и котораго она, какъ я видѣла это въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну, ревнуетъ какъ тигрица; а я, ты должна это понимать, отнюдь не желаю ни прощрять смѣшныя стороны моей матери (*les ridicules de ma mère*), ни краснѣть за нихъ...

Елена Александровна не лгала, не прибѣгала къ извороту чтобы скрыть свою тайную мысль; и мнѣніе петербургскихъ докторовъ о климатѣ Рима, и то что графиня Пршехронщевская, наполовину разоренная своимъ *gandin*-супругомъ, и ревновавшая его „какъ тигрица“, проводила тамъ зиму, все это было совершенно справедливо,—но все же того что составляло главную, хотя можетъ-быть и для нея самой не совсѣмъ ясную, сущность ея помысловъ графиня не высказывала... А высказать ее могла бы она въ двухъ словахъ: „на что мнѣ теперь свѣтъ, дома гораздо любопытнѣе“.

Любопытство, страстное желаніе узнать, „изучить“ новый, незнакомый ей и „во всякомъ случаѣ интересный тиль“,— „*l'attrait de la saveur particulière du nihiliste russe*“, какъ объяснялъ это со своей стороны съ саркастическою улыбкой маркизъ Калодимонте въ интимныхъ разговорахъ своихъ объ этомъ съ *M-me Topy*, вотъ что несомнѣнно стояло теперь первымъ пунктомъ въ мысленномъ процессѣ молодой вдовы. Она дѣйствительно „знала наизусть“ все что называютъ свѣтомъ“, и чѣмъ-то безвозвратно постыдымъ вѣдала для нея теперь ото всего что носило на себѣ его печать. Какъ старому *gourmet* ищущему какую-нибудь особую прелестью доставить еще невѣдомое наслажденіе своему давно пресыщенному вкусу, ея дремавшей со временъ „венгерскаго тигра“ и воспранувшей теперь съ новою силой жажды жизни и фантазіи требовалось именно то нѣчто, ни съ чѣмъ ей знакомымъ не схожее, не укладываемое ни въ какія

извѣстныя рамки, рѣзко характерное, полустрашное, полужахватавающее, что сказывалось ей нѣмымъ, но уже красно-рѣчивымъ для нея языкомъ въ усталомъ лицѣ, въ молчаливой, но высокообрной усмѣшкѣ этого бѣлокурого „заговорщика, съ которымъ,“ говорила она мысленно съ какою-то сладостною дрожью по всему тѣлу, „свело ее тайное предопредѣленіе судьбы“...

Но какъ мы уже сказали выше, образъ жизни ея въ Венеціи не представлялъ ей удобнаго случая къ сближенію съ нимъ, къ тѣмъ „интимнымъ разговорамъ“ которые въ ея чаяніи должны были открыть ей такъ много „d'absolument neuf“, такъ много безконечно интереснаго. Маркизь являвшійся къ ней каждый день въ часъ пополудни для поѣздокъ къ антикваріямъ и неизмѣнно сопровождавшій ее по вечерамъ на площадь Святаго Марка, гжа Сусальцева съ отъѣзда мужа раздѣлявшая всѣ трапезы съ нею и ея домохозяицами, „вѣчно стояли между ею и имъ“, досадливо жаловалась себѣ самой Елена Александровна. Послѣловъ со своей стороны отнюдь, по видимому, не питалъ намѣренія выходить изъ строго опредѣленной роли учителя - наемника. Онъ аккуратно приходилъ къ своему ученику въ 10 часовъ утра, диктовалъ ему „изъ Ушинскаго“, выслушивалъ со строгимъ вниманіемъ заданный „разказать собственными словами“ урокъ изъ *Краткой Священной Истории* (графиня непремѣно требовала чтобъ „этотъ предметъ“ входилъ въ программу занятій русскаго преподавателя) и безучастно, но по возможности совѣстливо объяснялъ урокъ „на слѣдующій разъ“ изъ той же *Истории*, видимо стараясь не подымать глазъ на неизмѣнно присутствовавшую при этомъ мать мальчика. То же повторялось за завтракомъ и обѣдомъ: онъ сидѣлъ олутивъ глаза въ тарелку и разжимая ротъ лишь для необходимыхъ и по возможности кратчайшихъ отвѣтовъ на робкіе вопросы съ которыми изрѣдка обращалась къ нему хозяйка. Но самолюбіе, а съ нимъ какое-то всегда присутствующее женщинамъ въ подобныхъ случаяхъ чутье говорило графинѣ что источникъ этой чрезобрной, ледяной сдержанности съ нею молодаго человѣка слѣдуетъ искать ни въ чемъ другомъ какъ въ тѣхъ странныхъ, становившихся съ каждымъ днемъ непонятнѣе для нея отношеніяхъ въ которыхъ находился онъ съ неразлучавшеюся съ нею Топу, и что пока она, эта Топу, будетъ *тутъ*, слѣдуетъ отказаться ото всякой надежды что онъ перемѣнитъ свою явно предвзятую *manière d'être*.

Лишенная возможности „заглянуть ему въ душу, *vois clair dans son âme*“, какъ выражалась она внутренно, она тѣмъ прилежнѣе наблюдала за нимъ съ его вѣншей стороны— и приходила все къ болѣе и болѣе благоприятнымъ для него заключеніямъ. „Онъ революціонеръ“, говорила она себѣ (и мы знаемъ что въ этомъ заключалась для нея не малая доля притяженія), „но *порядочный человекъ*, un homme comme il faut, вмѣстѣ съ этимъ. У него ничего нѣтъ общаго съ тѣми *нигилистами* которыхъ изображаютъ намъ всегда такими грязными, съ длинными волосами и ногтями вѣчно въ траурѣ. У него ногти круглые, *taillés en amande*, и длинная аристократическая рука; онъ за столомъ никогда не ѣстъ съ ножа, какъ эти бѣдные мои госпитальные доктора въ ***, которые такъ лязгали бывало ножами своими по зубамъ за обѣдомъ что у меня просто дѣлались *des pausées*, и я вставала и уходила, подѣ предлогомъ головной боли, чтобы не видѣть этой гадости; его скромный *единственный* костюмчикъ, бѣдный, у него нѣтъ средствъ имѣть ихъ много, а то, я увѣрена, онъ не уступилъ бы самому маркизу въ элегантности своей *tenue*. Костюмчикъ его сидитъ на немъ свободно и красиво... И ко всему этотъ его *pur accent français!* Сомнѣнія быть не можетъ: онъ — un jeune homme de bonne maison приставшій по искреннему убѣжденію къ *новымъ теоріямъ*, и изъ-за этого вѣроятно разсорился съ родными, покинулъ ихъ и все, *et comme les nobles chevaliers errants d'autrefois*, отправился искать правды въ этомъ скверномъ мірѣ, а за это попалъ въ тюрьму и изгнаніе, *raucge jeune homme!*...“ И все сильнѣе разгоралось у молодой вдовы желаніе „повѣрить все это въ дѣйствительности“, услышать подтвержденіе своихъ предположеній изъ собственныхъ устъ „бѣднаго *фѣнола*“.

Съ неотвязчивою Топу и союзникомъ ея, маркизомъ, графиня согласилась наконецъ на томъ что она пріѣдетъ въ Римъ, „но не надолго и не сейчасъ, такъ какъ намѣрена прежде всего устроиться *le plus chaudement possible* во Флоренціи, которую избираетъ своею главною *кантониръ-квартирой*, какъ говорилъ ея покойный мужъ, и откуда она уже будетъ дѣлать, если только позволить здоровье сына, — „*sesi avant tout!*“, внушительно объясняла она, — непродолжительныя поѣздки въ то или другое мѣсто, въ Римъ, Неаполь, можетъ-быть въ Палермо, котораго она никогда еще не видала...

Антонина Дмитриевна не спорила болѣе, такъ какъ заручилась формальнымъ обѣщаніемъ „кузины“ дать ей письмо къ проводившей зиму въ Римѣ пріятельницѣ своей Lizzy Ваханской, самой живой и извѣстной изъ всѣхъ петербургскихъ mondaines, которая знала Топу еще въ Петербургѣ, когда та жила у старушки Лахницкой, всегда была мила съ нею, „и будетъ теперь въ восхищеніи, я тебѣ за это отвѣчаю, горячо утверждала Елена Александровна, сдѣлать тебѣ les honneurs de Rome и не только познакомить, но и подружить тебя со всею русскою колоніей“. Кромѣ того, положено было что Сусальцеву будетъ провожать въ Римѣ маркизь, который брался устроить ее тамъ наикомфортабельнѣйшимъ образомъ и содѣйствовать ея вступленію въ общество мѣстной римской аристократіи; съ которою связывали его многія дружескія и даже родственныя связи, такъ какъ его мать была Римлянка родомъ.

Въ силу такой комбинаціи вся наша компанія перекочевала съ венецианскихъ лагунъ на берега Арно, съ тѣмъ чтобы прожить еще тамъ вмѣстѣ недѣли двѣ... Когда, собираясь туда, графиня замѣтно краснѣла и съ тревогою на лицѣ сообщала русскому учителю Никса о предположенномъ отъѣздѣ, слыша оговорить при этомъ что „это впрочемъ будетъ въ значительной степени зависеть отъ того, согласится ли онъ, Василій Ивановичъ, переселиться съ нами во Флоренцію и продолжать давать тамъ уроки своему ученику“, Послѣловъ счелъ почему-то нужнымъ изобразить на лицѣ своемъ, какъ бы нѣкоторое недоумѣніе и колебаніе... Елена Александровна ужасно заволновалась.

— Еслибы вы имѣли жестокость мнѣ отказать, вскрикнула она жалобнымъ тономъ,—я просто не знала бы что дѣлать! Никсъ сдѣлалъ съ вами такъ много услѣховъ et je tiens tant чтобъ онъ хорошо учился по-русски... Насчетъ условій, вы понимаете, и она заикаясь смущенно отвела голову въ сторону, не зная „какъ деликатнѣе приступить къ этому отвратительному вопросу о деньгахъ“,—я тамъ хочу нанять виллу... вы будете жить съ нами... et quant aux honorairees, вы понимаете, уже не по урокамъ... а помѣсячно, я думаю... Я впрочемъ не знаю, словно услуганно перебила она себя тутъ же,—какъ вы захотите... И сумму тоже назначьте, ради Бога сами... сколько хотите... Я все съ радостью готова... когда идетъ дѣло объ образованіи моего сына...

— Нѣтъ, ужь это вы какъ знаете, обрывисто промолвилъ эмигрантъ,—а фхять мнѣ все равно.

— Я даю нашему Англичанину *trois cent livres* * *par an*, заторопилась сказать графиня,—и если вы найдете что это достаточно...

„Много!“ невольно сказалось въ первую минуту въ сознаниі молодого человѣка, но онъ вспомнилъ о Волкѣ, какъ-то бессознательно вздохнулъ... и кивнулъ въ знакъ согласія.

Она обернулась теперь на него вся сіяющая.

— *Merci de toute mon ame!*

И протянула ему свою мягкую, бѣлую руку съ узоромъ си-
ненькихъ жилокъ, будто разрисованныхъ лодъ ея тонкою
кожей.

Онъ прикоснулся къ ней окончностью пальцевъ, глядя куда-
то поперѣхъ головы ея и силась не моргнуть, между тѣмъ
какъ кровь внезапнымъ приливомъ била до боли въ его виски.

Угадала ли это молодая вдова, не знаемъ; но никогда еще
съ тѣхъ поръ какъ познакомился онъ съ ней не случилось
Поспѣлову подслушать въ ея голосѣ такихъ радостно звеня-
щихъ нотъ.

— Маркиезъ и Топу, дѣйствительно точно лѣла она ка-
кой-то торжествующій гимнъ,—пробудуть съ нами тамъ только
ко двѣ недѣли, а потомъ уѣдутъ въ Римъ.

— И вы тоже? какъ бы невольно вторя ей зазвучалъ въ
свою очередь голосъ эмигранта какою-то нежданною, ребяче-
скою шутливостью. „Она не поѣдетъ“, говорило ему вну-
треннее чутье съ неотразимою увѣренностью. „Ни за что
не поѣдетъ!..“

Онъ былъ правъ: она отвѣтила ему такимъ же ребяческимъ,
беззавѣтнымъ смѣхомъ и задвигала отрицательно указатель-
нымъ пальцемъ по воздуху.

— Ни, ни, нѣ, никакъ! Я имъ общаю и буду говорить
до конца что буду и пусть они меня тамъ ждутъ, а я... а ихъ
надую... надую! повторила она, какъ бы чувствуя какую-то
особую потребность и удовольствіе выразиться теперь имен-
но этимъ вульгарнымъ, „смѣшнымъ“ въ ея понятіи сло-
вомъ.—Я жажду тихой домашней жизни послѣ нашей здѣш-
ней *toute en dehors*... Развѣ что вамъ очень скучно будетъ?
не то вызывающимъ, не то робкимъ тономъ домолвила она
вопросительно.

* Триста фунтовъ стерлинговъ.

Послѣловъ хотѣлъ что-то отвѣтить... и не нашелъ. Глаза ихъ встрѣтились на мигъ, и разомъ олустились у обоихъ.

Разговоръ на этомъ оборвался и не возобновлялся болѣе. А въ первое время по переѣздѣ во Флоренцію графиня по-видимому и думать позабыла о намѣреніяхъ своихъ вести „тихую домашнюю жизнь“. Тамъ во многочисленной колоніи соотечественниковъ нашлось у нея такъ много давнихъ друзей, а тѣ кого встрѣчала она здѣсь впервые выражали такъ искренно и сердечно желаніе сблизиться съ нею и ея красавицей „кузиной“ что дамы наши еще болѣе чѣмъ въ Венеціи охвачены были и унесены круговоротомъ свѣтской разсѣянности; имъ не хватало, дня для всѣхъ тѣхъ *matinées*, *luncheons*, обѣдовъ и *parties de campagne*, которые давались и устраивались въ честь ихъ... Такъ продолжалось до отъѣзда гжи Сусальцевой въ „вѣчный городъ“, куда рыцаремъ-охранителемъ отправился съ нею маркизь Калодимонте. На слѣдующій же день графиня Драхенбергъ переехала всѣмъ домою изъ *hôtel Victoria* въ нанятую ею виллу подъ городомъ, по сосѣдству съ *San Miniato*, знаменитымъ во дни флорентинской независимости монастыремъ-цитаделью, гдѣ на разрушенныхъ нынѣ валахъ, возведенныхъ въ тѣ дни всетворящимъ гениемъ Микель-Анжело, стоялъ великій художникъ съ фитилемъ у лусекъ, отстаивая родной городъ отъ осаждавшаго его врага,—и увѣдомила знакомыхъ что назначила у себя пріемные дни и вечера по пятницамъ. „Иначе, говорила она любезно и весело, — тѣ кого я желаю и кто желаетъ меня видѣть, рискуютъ совершая цѣлое путешествіе сюда не заставить меня почти никогда дома: я жадна до искусства, а его цѣбья сокровища въ этихъ италіянскихъ Аѳинахъ, какъ говорятъ Нѣмцы, и ихъ мнѣ въ цѣлый годъ не пересмотрѣть“. Эти обязательно посвященные *свѣту* пятницы давали ей возможность располагать свободно своимъ временемъ во всѣ остальные дни недѣли. „Наконецъ-то!“ воскликнула она съ радостнымъ всплескомъ рукъ, сообщая Василию Ивановичу о томъ какъ она „хитро распорядилась“...

Наконецъ!.. Надо было прежде всего, по ея понятіямъ, растормошить его, заставить зазвенѣть въ немъ артистическую струнку, а то „онъ черезчуръ уже какъ-то кажется ко всему равнодушнымъ“, разсуждала молодая женщина... И начались у нихъ тѣ художественныя странствованья

по галлереймъ и храмамъ Флоренціи, образчикъ которыхъ мы имѣли случай представить читателю въ предыдущей главѣ и о конечныхъ послѣдствіяхъ коихъ онъ узнаеть изъ слѣдующихъ.

VIII.

Какое счастье: и ночь, и мы одни.

Фемъ.

— Вы устали, графиня? говорилъ въ десятомъ часу послѣ обѣда на виллѣ молодой вдовы маркизъ Калодимонте, исчерпавъ весь свой запасъ новостей о Римѣ и о „*M-me Топу*“, которая, какъ оказывалось изъ его передачи, при содѣйствіи *Lizzy Ваханской*, восплававшей къ ней съ первой минуты ея пріѣзда самую горячую симпатіей, была тамъ отлично принята, услѣла представиться ко двору и весьма даже понравиться королевской четѣ, и „плыла теперь на всѣхъ парусахъ по волнамъ самаго неоспоримаго услѣха“.

— Да, признаюсь, отвѣчала полулежавшая въ длинномъ креслѣ хозяйка, улыбаясь и сдерживая зѣвокъ прорывавшійся сквозь ея пышныя губы;—это путешествіе по переходамъ изъ *Uffizii* въ *Pitti* съ ихъ нескончаемыми подъемами и спусками *m'a cassé bras et jambes*.

— Если прибавить еще къ этому вашу продолжительную прогулку въ *Voboli*, чуть-чуть подчеркивая пропустилъ онъ лукаво,—можно только удивляться вашей неустойчивости.

— Мой спутникъ за то, живо возразила она, все такъ же улыбаясь и насмѣшливо кивая на *Послѣлова*, который, опершись о косякъ открытыхъ на обѣ половины дверей выходящихъ на широкій балконъ-террасу увитый пахучими розами и козьею жимолостью, глядѣлъ куда-то вдаль, не принимая участія въ разговорѣ,—мой спутникъ никакъ не въ правѣ этимъ похвалиться: онъ до сихъ поръ не можетъ придти въ себя отъ утомленія.

— Или отъ избытка (*le trop plein*) перечувствованнаго имъ... *артистическаго* наслажденія, съ легкою задержкой, какъ бы затруднившись на мигъ въ выборѣ надлежащаго прилагательнаго, и самымъ любезнымъ тономъ промолвилъ Калодимонте:—*monsieur Pospelof ne nous a pas fait ses confidences*.

— Я не художникъ, для меня этихъ наслажденій не существуетъ, отрѣзалъ тотъ, не перемѣняя положенія.

Маркизь усмѣхнулся недоброю усмѣшкой подь своими прикрученными усами, но не почелъ нужнымъ отвѣтить и обращаясь къ графинѣ:

— Я осмѣлюсь дать вамъ совѣтъ пораньше спать лечь сегодня, сказалъ онъ:—вы собираетесь, кажется, завтра олять на довольно утомительную экскурсію. Vous allez à Val-lombrosa * avec la comtesse Gamba, n'est-ce pas?

— Какъ это вы успѣли узнать, едва пріѣхавъ? засмѣялась она.

— Мнѣ сказала сама графиня, которую я встрѣтилъ на Lungarno **, вѣдучи съ желѣзной дороги въ мой отель, и которая даже имѣла любезность пригласить меня быть ея кавалеромъ... если только, разумѣется, вы будете на это согласны, добавилъ онъ, почтительно склоняя свою тщательно расчесанную и раздушенную голову.

— Ah, marquis, pouvez vous en douter! протянула она въ свою очередь съ шутливою преувеличенностью акцента и движенія округло приподнявшихся рукъ. И тутъ же:—Что за прелестная женщина эта графиня Гамба! вскрикнула она, — je suis plus que jamais sous son charme... И какая наружность, красивая, умная и характерная! Да, это дѣйствительно дочь вашего жгучаго неба, вашей плодородной земли...

— Вы и она—равной величины свѣтила въ созвѣздіяхъ противоположныхъ полушарій: въ ней, вы правы, жгучій и рѣзкій пламень нашего юга; въ васъ—обаятельно мягкая прелесть вашихъ задумчивыхъ сѣверныхъ сіяній, проговорилъ на это маркизь съ тою цвѣтистостью и образностью рѣчи которая такъ неподготовленно и заурядъ, въ силу генія самой народности ихъ, срываются съ языка людей его страны, и сопровождая слова свои страстнымъ взглядомъ по адресу „della bella Russa“.

Она звонко разсмѣялась:

— Monsieur Pospelof, vous entendez? Вотъ какъ надо говорить съ женщинами, а ваше поколѣніе этого не умѣетъ; хуже, пренебрегаетъ этимъ!...

— У нашего поколѣнія задачи посерьознѣ чѣмъ говорить любезности женщинамъ, все также не двигаясь уронилъ на это эмигрантъ точно съ башни.

* Одна изъ очаровательныхъ окрестностей Флоренціи. Старинное бенедиктинское аббатство XI вѣка, на склонѣ холма Prato magno, въ густомъ листовномъ лѣсу; съ высоты его открывается великолѣпная панорама всей долины Арно.

** Набережная Арно, обычное мѣсто прогулки Флорентинцевъ.

„Che brutta bestia (какое животное)“! чуть не произнесъ громко изящный Италіанецъ, и губы его сложились въ выраженіе какой-то неодолимой гадливости.

— Вотъ почему, можетъ-быть, возразилъ онъ, медленно и вѣско, но все съ тою же благовоспитанною сдержанностью въ тонѣ,—и оказывается оно, къ сожалѣнію, такимъ безплоднымъ до сихъ поръ въ своихъ попыткахъ всякаго рода создать что-либо могущее стать на высотѣ его претензій (*rouvant s'élever à la hauteur de ses prétentions*).

Онъ сидѣлъ полуобернувшись къ дверямъ балкона въ какой-то выжидательной позѣ, какъ бы готовясь къ новому, *рѣшительному* возраженію на то что ожидалъ услышать отъ своего оппонента... Графиня, со внезапною тревогой, готовая со своей стороны, въ качествѣ хозяйки дома, тотчасъ же остановить (*mettre le holà*), чаемую ею „стычку“ между этими двумя — она давно это разумѣла — взаимно враждебными по натурѣ своей лицами, быстро перебѣгала взглядомъ отъ одного къ другому...

Но никакой „стычки“ не послѣдовало. Молодой человѣкъ какъ бы и вовсе не слышалъ „вражьей отповѣди“. Онъ невозмутимо продолжалъ глядѣть со своего мѣста куда-то въ даль, весьма эффектно облитый золотымъ сіяніемъ полнаго мѣсяца глядѣвшаго на балконъ со своей недосыгаемой высоты.

Калодимонте подвнялся не слѣвша съ кресла, взялъ шляпу и протянулъ руку хозяйкѣ:

— *A demain, comtesse!.. Monsieur, j'ai bien l'honneur de vous saluer*, примолвилъ онъ съ холодною учтивостью, кивая головой въ сторону Послѣдова и, не ожидая возвратнаго поклона того,—мнѣ его не нужно, молъ,—направился изъ гостиной по луту къ сѣнямъ.

— *Au revoir, cher marquis!* крикнула ему въ слѣдъ графиня, и обернувшись на эмигранта:—Проводите его по крайней мѣрѣ! сорвалось у нея досадливо.

— На то у васъ лакеи есть, отрѣзалъ онъ какъ ножомъ и, словно сорвавшись съ привязи, быстро зашагалъ по комнатѣ къ дверямъ противоположнымъ тѣмъ откуда вышелъ гость.

— Погодите, куда же вы!.. не то испуганно, не то жалобно вскрикнула она.

Онъ остановился на порогѣ сосѣдней залы.

— За что вы разсердились.... Василий Иванович? промелетала она.

— Не разсердился... А только я у васъ не... мажордомъ... или какъ это у васъ тамъ называется, раздраженно отвѣтилъ онъ.

Прищуренные глаза ея любѣжали за нимъ чрезъ все разстояніе покоя:

— Подите сюда!.. Сядьте... вотъ тутъ, противъ меня...

И такъ поведительно и въ то же время ласкательно звучалъ въ эту минуту ея голосъ что Послѣдовъ, внезапно затихнувъ, молча и послушно двинулся къ ней и олустился, потупивъ вѣки, на указанное ею мѣсто.

— Мажордомъ... какъ вамъ не стыдно! Развѣ я васъ когда-нибудь... развѣ кому-нибудь можетъ придти въ голову de vous traiter en subalterne?.. Я обратилась къ вамъ какъ къ близкому... другу дома, прося васъ оказать любезность человѣку... моему гостю... съ которымъ, passez-moi le terme, вы были просто неучтивы...

Онъ слегка покраснѣлъ.

— Чѣмъ это? Я не ваша свѣтскій, тонкостей вашихъ не понимаю.

— Неправда! перебила она: — я вамъ еще утромъ сказала что я думаю о вашемъ *семинарствѣ*. Вы очень хорошо все понимаете и только нарочно... Вы наконецъ и на меня за что-то вознегодовали: я старалась всячески втянуть васъ въ разговоръ; вы упорно молчали, или когда удостоивали насъ съ маркизомъ отвѣтомъ, то такъ что онъ ни на минуту не могъ усомниться что онъ вамъ противенъ...

— За то онъ вамъ необыкновенно пріятенъ! съ какою-то безудержною вдругъ залальчивостью такъ и вылетѣло у Послѣдова.

„Ревность“!... У молодой вдовы забилось сердце...

— Ужасно! насмѣшливо протянула она;—оттого мнѣ такъ и досадно что вы дѣлаете все чтобы внушить ему о васъ дурное мнѣніе.

— Очень мнѣ его мнѣніе нуж... Да что вы это дразнить меня вздумали? перебилъ онъ себя на полусловѣ и весь насулился олять.

— А немножко подразнить нельзя развѣ? спросила она нежданно, полупелотомъ, наклоняясь къ нему и снизу вверхъ словно вливаясь смѣющимися глазами въ его глаза.

По лицу его пробѣжало благоуханною струйкой ея свѣжее дыханіе...

У него задвоилось въ глазахъ и сохлось какъ-то разомъ во рту будто отъ приступа жестокой лихорадки... Но онъ не хотѣлъ поддаться... Нѣтъ, не такъ, не *этимъ путемъ*, „какъ бы тамъ ни злосовѣтовалъ Волкъ“, разчитывалъ онъ, „человѣкъ *убѣжденія*“, достичь власти надъ нею...

— Онъ откинулъ голову назадъ, провель себя по лбу слегка дрожавшею рукой...

— Вамъ все смѣшки, Елена Александровна (онъ, въ силу все тѣхъ же своихъ „убѣжденій“, избѣгалъ постоянно называть ее ся титуломъ), смѣшки да потѣхи, все тотъ же вашъ свѣтскій обычай, хоть и увѣряли вы меня сегодня же, предъ появленіемъ этого вашего фата-Италянца, что надоѣло все это вамъ давно до смерти... Не даромъ, видно, говорится что горбатаго одна могилка исправитъ, промолвилъ онъ съ видимо намѣренною грубоватостью.

Но пресыщенную свѣтомъ петербургскую барыню чаровала въ немъ именно эта непривычная ея слуху грубоватость. Какая-то высшая сила мнилась ей въ этомъ... Она съ принявшимъ мгновенно выраженіе виноватости лицомъ, безмолвно, чуть не благоговѣйно внимая глядѣла на него теперь...

— Вы меня поймали сегодня на эту вашу удочку, продолжалъ онъ все такъ же, — я вамъ открылъ, и самъ не знаю какъ, многое чего вамъ знать вовсе не нужно... что, какъ вижу я теперь, можетъ лишь развѣ на часъ какой-нибудь занять, *faute de mieux*, ваше праздное любопытство...

Она уже чуть не плакала.

— Нѣтъ, ради Бога, не говорите такъ, молила она. — *Vous me faites mal!*... То что я вамъ сказала утромъ, я вамъ повторю теперь: вы для меня *toute une révélation*, я поняла что вы... и такіе же, какъ вы, благородные молодые люди... *toute une jeunesse généreuse*... что вы поклялись всѣмъ сласти Россію отъ этихъ ея взяточниковъ и чиновниковъ, *et rendre tout le monde heureux*, и что васъ за это гонятъ, сажаютъ въ тюрьмы и посылаютъ Богъ знаетъ куда... Я это, клянусь вамъ, Василій Ивановичъ, — и ея бѣлоснѣжныя, сквозившія до плечъ сквозь легкую ткань платья, руки сложились крестомъ на груди, — такъ уважаю... И что это вамъ вздумалось про меня?.. Такъ уважаю, *je sens en moi tant d'échos à ces nobles aspirations* что я Богъ знаетъ, кажется,

что дада бы чтобы помочь вамъ всѣмъ чтобы добиться того къ чему вы стремитесь!..

У нашего революціонера судорожно заморгали вѣки. „Неужели такъ, просто, безъ труда и работы съ его стороны, сами козыри просятся въ руки?“, пронеслось у него въ мозгу.

— Вы, говорите, готовы были бы... *помочь?* глухо произнесъ онъ, будто не слышавъ...

— О, да, всѣмъ чѣмъ могу! восторженно подтвердила молодая женщина.

— И могли бы многимъ!.. съ какою-то внезапною, нервной торопливостью выговорилъ Послѣловъ.

— Чѣмъ, чѣмъ, говорите, я готова...

Онъ задвигался въ своемъ креслѣ, собираясь начать... И вдругъ, словно какою-то иглой, кольнуло его внутренно. Слова Волка предъ разставаньемъ съ нимъ въ Венеціи звенѣли въ его ухъ: „Ты тамъ съ нею свои барскіе выкрутасы сумѣешь продѣлать!“ И въ то же время почувствовалось ему что „это самое, столь справедливо презираемое въ *partii* барство“, переданное ему въ кровь отъ рожденія, „будто какая-то наследственная язва“, стоитъ теперь „бревномъ“ между имъ и тѣмъ что поручено ему исполнить, что „языкъ у него вдругъ какой-то *суконный* сталъ“ и не поворачивается, не въ силахъ „просить денегъ у женщины... и еще у этой женщины которую онъ“... А между тѣмъ онъ необходимы *имъ тамъ*, деньги, онъ это знаетъ. Не далѣе какъ два дня назадъ получено имъ было отъ Волка письмо изъ Лемберга, писанное шифромъ, въ которомъ, разобравъ его посредствомъ условеннаго ключа, прочелъ онъ слѣдующія, обрывистыя какъ телеграммы, но многознаменательныя строки: „Застрѣлъ здѣсь по пути; за грошами дѣло. Пришли что можешь скорѣе, ждутъ меня тамъ. Предпріятія задуманы великолѣпныя. Средства *Лорда* (это былъ псевдонимъ молодого, богатаго энтузіаста принадлежавшаго къ *partii*) всѣ туда пойдутъ. На твой источникъ полныя надежды всѣхъ; не ударь лицомъ въ грязь. Говорилъ, большой авторитетъ приобрести можешь, отъ тебя зависитъ“... Послѣловъ поторопился тотчасъ по означенному въ письмѣ подробному адресу выслать товарищу четыреста франковъ изъ шести сотъ, которые по счастливой случайности принесены ему были въ то же утро „въ счетъ жалованья“ курьеромъ графини, Джіакомино, исправлявшимъ у нея должность прихода-расходчика... Но дальше, но задум...

манья „великодушныя предпріятія“ о которыхъ говорилъ Волкъ, на нихъ не сотни, а тысячи нужны, и ихъ необходимо достать: на его „источникъ“, прямо сказано, „разчитываютъ *остъ*“, и будущее положеніе его въ революціонной іерархіи зависитъ безусловно отъ той великой услуги которую онъ въ настоящемъ случаѣ можетъ оказать *partii*... И самый благопріятный моментъ для этого насталъ: она сама чуть прямо не предлагаетъ, говорить что „готова всѣмъ чѣмъ можетъ“ и жадно ждетъ отъ него указанія... Но все же просить у нея денегъ, *denegs*... Когда ей можетъ придти въ голову что тутъ не *partii*, а онъ, онъ самъ для себя... *вымогаетъ*...

Онъ заговорилъ слѣзла, съ насилуваною горячностью“, „взвизгивая себя“, какъ говорится, шумихою собственныхъ словъ, въ надеждѣ какъ-нибудь *съ разлета*, какъ скакуны на охотѣ переносятся черезъ ровъ и ограды, оставить за собою то чувство неодолимой, „барской“ брезгливости, что сковывало ему языкъ, не позволяло ему съ первой же минуты прямо, открыто, „какъ требовалъ его революціонный *долгъ*“, приступить къ дѣлу.

— Чѣмъ вы можете помочь, спрашиваете? говорилъ онъ:— всѣмъ! Апостоломъ, миссіонерствомъ, распространеніемъ въ вашемъ кругу тѣхъ честныхъ убѣжденій которыми руководится революціонная молодежь и лучшіе люди нашей интеллигенціи, тѣхъ „nobles aspirations“, какъ вы выражаетесь, которымъ, какъ говорите, вы вполнѣ сочувствуете...

— О да, да! закивала она и головой и руками, —я всегда была *d'opinions libérales* и объявляла это громко, *sans me gêner*, всѣмъ... Au prince Jean сколько разъ, et il était même toujours de mon avis... Миташевъ, когда онъ *былъ* министромъ, называлъ даже меня за это un *écureuil révolutionnaire*“, *écureuil*, потому что бѣлки рыжи какъ я, — *ce qui au fond n'était pas très aimable pour moi*, и что эту бѣлку непременно когда-нибудь повѣсятъ въ клѣткѣ на окно III Отдѣленія... Je m'en moquais comme de raison и продолжала, и буду теперь „распространять“ *plus que jamais*!

— Вашъ либерализмъ до сихъ поръ былъ ни на что не нужное свѣтское фрондерство pour passer le temps, перефразировалъ въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ эмигрантъ грубый приговоръ по этому предмету, высказанный ему Волкомъ, —отъ этого ни на шагъ не можетъ двинуться впередъ дѣло революціи. Если вы дѣйствительно желаете служить этому дѣлу, идти вмѣстѣ

съ нами къ тѣмъ же освободительнымъ цѣлямъ, вы не должны, не имѣете болѣе права довольствоваться этимъ либеральнымъ дилеттантствомъ. Вы обязаны проникнуться искреннею, святою ненавистью къ нашему азіатскому правительству, къ социальному строю держащемуся имъ и для него, къ тѣмъ преступнымъ порядкамъ подъ гнетомъ которыхъ живываютъ милліоны живыхъ человѣческихъ организмовъ... Вы обязаны постоянно помнить что по всему лицу Россіи ежедневно, ежечасно, стонутъ разбитыя груди бѣдняковъ, текутъ слезы по изнеможеннымъ лицамъ страдальцевъ...

Бойкія слова и готовые формулы изъ революціоннаго катхизиса кипучимъ и обильнымъ ключемъ полились изъ его устъ; онъ заговорилъ о „неисходной *страдѣ* народной“ о „голодныхъ желудкахъ массъ“ и о „разжирѣвшихъ *на потѣ и крови кулакавъ и жищникавъ* на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы“, о „бездарности“, о „тулости правителей“ и о „доводимыхъ до полного отупѣнія, до лишенія всякаго человѣческаго образа населеніяхъ“...

— Oh, c'est affreux! вскрикивала отъ времени до времени вѣщавшая ему свѣтская барыня. Вся трепетная, блѣдная отъ волненія, глядѣла она не отрываясь на этого краснорѣчиваго и прекраснаго „tribun populaire“... „Mirabeau, Mirabeau!“ проносилось у нея въ головѣ, „какъ онъ хорошъ былъ бы à la chambre des députés, на возвышеніи, съ этимъ выразительнымъ лицомъ и чудесными глазами, et que la Russie se-rait heureuse!“

— Но часъ избавленія близокъ, продолжалъ онъ съ улыбкой чаемаго торжества на устахъ:—съ каждымъ днемъ приобретаемъ мы все болѣе и болѣе приверженцевъ въ интеллигентной средѣ русскаго общества, въ печати и вліятельныхъ кругахъ, и съ каждымъ часомъ все очевиднѣе начинаетъ пасовать правительство предъ силой общественнаго сознанія примыкающаго къ революціи...

— И вы побѣдите, весь народъ пойдетъ за вами! произнесла въ энтузіазмѣ своемъ она, всплескивая ладонями.

— Народъ, повторилъ машинально эмигрантъ и словно полерхнулся на этомъ словѣ... Въ памяти его, во всемъ ея безобразіи возставала сцена въ кабакѣ, въ злоху „хожденія въ народъ“, три дня его революціонной проповѣди...— Народныя массы, заговорилъ онъ оправясь,—опять доведены вѣковой тиранией до полускотскаго состоянія, относительно

этого нечего себя обманывать. У насъ была своя пора розовыхъ иллюзій, страстной вѣры въ народъ, когда намъ казалось легко мирною пропагандой социальныхъ идей уяснить ему его экономическія условія и гражданскія права, пробудить въ немъ сознаніе своей силы, и тѣмъ вызвать его самого на борьбу съ автократіей, но мы должны были убедиться что на это потребовались бы годы, а насъ по пятамъ преслѣдовало правительство... Мы попрежнему теперь служимъ народу, какъ бы въ чемъ-то извиняясь, добавимъ эмигрантъ,—но уже не рассчитываемъ на его инициативу. Побѣда революціи безо всякаго спроса его дастъ ему свободу и счастье...

Графиня не спрашивала *изъ чѣмъ же* именно должно было состоять то „счастье“ на которое не требовалось никакого предварительнаго „спроса“ у тѣхъ кому предполагалось дать оное, и хорошо дѣлала. Ей не сумѣлъ бы отвѣтить ея блондинъ Мирабо. Для него, какъ и для всей *партии*, это всегда составляло „вопросъ второстепенный“, *подробность*, которую предоставлялось разрѣшить „самою жизнью“. Ему достаточно было какъ-то огульно вѣрить что стоило только „революціи“ побѣдить „автократію“—и потекутъ отовсюду млеко и медъ по селамъ и весямъ пространной Россіи, и неизъяснимымъ блаженствомъ исполнятся немедля тѣ „разбитыя груди“, засіяютъ тѣ „изнеможенные лица бѣдняковъ“ о которыхъ говорилъ онъ своей слушательницѣ... И никогда еще такъ искренно, такъ всецѣло не вѣрилось ему въ это близкое „наступающее“ счастье *встать* какъ въ эту минуту, въ этомъ высокомъ слабо освѣщенномъ одною лампой покоѣ, съ его обтянутыми старинною шелковою тканью стѣнами, расписнымъ плафономъ и широко открытыми на балконъ дверями, сквозь которыя вмѣстѣ съ залахомъ цвѣтовъ словно врывалась къ нимъ вся мѣлющая нѣга италіанской ночи...

Въ голосѣ его нежданно зазвучала какая-то умиленная нота:

— Недаромъ по крайней мѣрѣ, скажемъ мы себѣ тогда, потребовала отъ насъ эта борьба съ деспотизмомъ столько силъ, столько жертвъ... А еслибы вы знали сколько лучшихъ изъ нашихъ братьевъ, пока еще не пришелъ нашъ часъ, томится теперь въ изгнаніи, голодаетъ, забываетъ, изнываетъ въ казематахъ, въ центральныхъ тюрьмахъ!..

— *C'est affreux, affreux!* даже всхлинула на этотъ разъ глубоко растроганная молодая женщина:—такая преданность à une noble idée и такая награда за это!.. Но, скажите, неужели нельзя сдѣлать такъ чтобъ эти несчастные ссыльные имѣли по крайней мѣрѣ чѣмъ толпить у себя, и что вѣсть?..

— Какъ сдѣлать! Насъ много, а ограниченныхъ денежныхъ средствъ которыми можетъ располагать *partia* едва достать на самое дѣло революціи. Теперь же болѣе чѣмъ когда-нибудь, въ виду задуманныхъ *предпріятій*, таинственно подчеркнуть оны,—нужны ей средства, большія средства... и ихъ могло бы доставить ей лишь какое-нибудь очень состоятельное лицо сочувствующее нашимъ дѣламъ, внезапно „съ разлета“, какъ оны и чаялъ, сорвалось у него само собою съ языка.

— Что же, не дала ему передохнуть графиня,—я первая буду ужасно рада дать что могу... что нужно...

— А рады, такъ чего же лучше!..

Рубиковъ былъ переицѣнъ, и такъ легко, такъ просто! Словно птицы залѣтаи на душѣ Послѣлова.

— Я ничего не *вымогаю* у васъ, Елена Александровна, замѣтите, вы сами предлагаете, какъ бы для *очистки совѣсти*, вымолвилъ оны съ веселою улыбкой и въ первый разъ съ начала разговора обнимая ее всю широко-раскрывшимся горячимъ взглядомъ.

Она чуть-чуть прижмурила глаза, какъ бы отъ внезапнаго свѣта...

— Я бы хотѣла чтобы мнѣ это стоило хоть какой-нибудь жертвы, но у меня больше денегъ чѣмъ надо... Я не проживала здѣсь и половины моихъ доходовъ, и мой управляющій лишеть что за прошлое полугодіе у него оказалось невысланныхъ мнѣ двадцать восемь тысячъ которыя оны положилъ въ банкъ на текущій счетъ... *Disposez-en* по мѣрѣ того какъ нужно будетъ, я вамъ дамъ чекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, живо возразилъ оны,—я отстраняюсь. Этимъ распорядиться могутъ только на мѣстѣ. Я напишу, если позволите, кому слѣдуетъ... со всѣми предосторожностями, разумѣется, чтобы вашего имени никогда не было... а тамъ можно будетъ выслать вашъ чекъ тому лицу которое будетъ уполномочено *partией*.

— Дѣлайте какъ найдете лучшимъ, небрежно уронила графиня и поднялась съ мѣста, какъ бы съ тѣмъ чтобы

прекратить *дѣловой* разговоръ.—А ночь какая, посмотрите, и видъ отсюда при этомъ освѣщеніи! молвила она черезъ мигъ, выходя на бѣломраморныя плиты устлавшія балконъ.

Молодой человѣкъ последовалъ за нею...

Вся потонувшая въ морѣ луннаго свѣта, у ногъ ихъ лежала вѣчно юная, убранная во всѣ сокровища своей художественной красоты Флоренція и, разсѣвая ее полодямъ, желтый Арно катилъ по узкой ея долинѣ свои рабншія золотомъ воды. Узорчатая цѣль обнимающихъ ее горъ бѣжала темно-синеею грядой по всей линіи горизонта. „Какъ мужъ на стражѣ въ тишинѣ“, выступалъ вѣчный хвоями Monte Senagio съ пріютившимся на его склонѣ мирнымъ Фіезоле, родиною Ега Angelico. На противоположной окраинѣ, опирая надъ холмомъ, гдѣ нѣкогда, спасаясь отъ ужасовъ чумы, внималъ Боккаччіо изъ устъ очаровательныхъ синьоръ и лукавыхъ кавалеровъ соблазнительнымъ разказами своего *Декамерона*, несла въ блѣдно-лиловою дымкой лары вечерняго осенята тумана... А прямо, прямо насупротивъ, поверхъ десятковъ тысячъ крышъ, памятниконъ, башенъ, изъ самаго сердца города, какъ лучшая его жемчужина, какъ бы синтезъ всей изшедшей отъ него творческой силы искусства, несся къ серебрянымъ звѣздамъ волшебный Campanile (колоколыня) Джотто, съ надвигавшимся на него своади осьмидугльнымъ куполомъ Santa Maria del fiore... А надо всемъ этимъ небо, темно-лазурное, словно окаменѣвшее, италіянское небо, и тишь, блаженная тишь какъ въ могилѣ... какъ въ раю... Тамъ, внизу, будто гдѣ-то неизмѣримо далеко отъ *нигъ*, горятъ огни, сплываютъ кучками люди. А здѣсь, кругомъ ни звука человѣческаго, ни струи въ воздухѣ, ни шедеста въ листкахъ розъ цѣляющихся по лиластрамъ террасы и доносящихъ до *нигъ* свой упоительный запахъ...

Графиня уронила руки на перила и налегла на нихъ своею пышною грудью.

— Ахъ, какъ хорошо! вылетѣло у нея глубокимъ, счастливымъ вздохомъ.

Да... хорошо! вырвалось за ней у эмигранта!

Она, не измѣняя положенія, быстро повернула къ нему шеею.

— А! наконецъ-то нашелся такой моментъ когда и вась *зацѣпило*, monsieur l'indifférent au beau!..

— Попался, нечего дѣлать! засмѣялся онъ въ отвѣтъ весело звенѣвшимъ смѣхомъ.

Такого „момента“, такого свѣтозарнаго луча, дѣйствительно, еще не бывало, не сверкало еще никогда на мрачномъ фонѣ его жизни... Онъ еще не вполне могъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, но его уже охватывало чувство какого-то никогда еще не испытаннаго имъ удовлетворенія. Онъ исполнял все что отъ него ожидалось, болѣе чѣмъ могли ожидать отъ него: *partii* теперь открывался кредитъ на такую крупную сумму что успѣху „предпріятій“ ничто уже не могло помѣшать... И достигнуто это прямо, „честно“, побѣднымъ словомъ „гражданскаго убѣжденія“, а не тѣмъ претившимъ его „барству“ циничнымъ путемъ на который злорадно указывалъ ему Волкъ... Да, онъ совершилъ все что предписывалъ ему его „революціонный долгъ“ — и въ правѣ теперь дать наконецъ волю своему „субъективному чувству“, пойти, широко раскрывъ жадныя объятія, на соблазнъ этой ночи этой женщины...

— Попадись, повторила она трелетнымъ голосомъ какъ бы вся мѣля и *ошудая* въ свою очередь...

Онъ безъ словъ подошелъ къ самымъ периламъ, полусклонившись надъ ней, со страстнымъ, едва сдерживаемымъ желаніемъ прильнуть тутъ же поцѣлуемъ къ отдалявшейся отъ ворота платья нѣжной кожѣ ея затылка, à la naissance des cheveux, какъ говорятъ Французы, къ той черточкѣ на которой безчисленными колечками вились ея роскошныя пахучіе волосы.

— Одна Топу никогда не пойметъ этой прелести, говорила она тѣмъ временемъ какъ бы задумавшись на мигъ. И вдругъ, со мгновенно засверкавшимъ взглядомъ, обернулась къ нему всѣмъ тѣломъ, очутясь при этомъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ него что онъ невольно подался шагъ назадъ:— скажите, вы ее очень любили?

— Топу?

И онъ повелъ съ усмѣшкой плечомъ: — Топу мнѣ сестра, и мы терлѣтъ не могли другъ друга съ самаго дѣтства.

Она всплеснула руками въ невыразимомъ изумленіи:

— Ваша сестра?...

— Да... Настоящее имя мое: Владиміръ Буйдосовъ.

— Такъ вы... вы тотъ ея братъ о которомъ она мнѣ какъ-то разъ сказала en passant что онъ давно пропалъ безъ вѣсти...

Vous êtes mon cousin?...

— Если хотите...

— Чтò?

— Давать мнѣ это названіе.

— А вы?

И лихорадочно раскрывшіеся глаза ея съ любившимъ внезапно лицомъ такъ и воззрѣвъ въ его глаза...

— Я... мнѣ этого мало, едва былъ онъ въ силахъ выговорить отъ лодымавагося ему къ горлу внутренняго трелета.

Она вскинулась вся, вздрогнула...

— О, я это знала, я предчувствовала! вырвалось у нея какимъ-то кликомъ торжества.

— Что... что предчувствовали?...

— Что?... Что ты будешь мой—вотъ что! пролетела она, нежданннмъ движеніемъ закидывая ему руку за голову и притягивая ее къ своимъ пылавшимъ губамъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ПРАЗДНИКЪ „СЛАВА“ У СЕРБОВЪ

Между племенами населяющими Европу, Славянское всего болѣе сохранило до нашего времени своеобразныхъ преданій, оригинальныхъ народныхъ лѣсенъ, обычаевъ сѣдой старины. Въ этомъ отношеніи славянскія народности, взятая каждая отдѣльно, представляютъ громадный интересъ для этнографа и археолога, отнюдь не меньше того какой имѣютъ славянскія нарѣчія для филолога занимающагося сравнительною грамматикой индо-европейскихъ языковъ. Особенно богаты своеобразными обычаями тѣ народности которыя, будучи задержаны въ своемъ естественномъ ростѣ, должны были вынести въ теченіе вѣковъ грубое иго азіатскихъ пришельцевъ, Турокъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду балканскихъ Славянъ. Гораздо менѣе старинныхъ преданій и обычаевъ сохранилось у тѣхъ Славянъ которые такъ или иначе подпали подъ власть Германскаго племени. Тамъ гдѣ Славяне сталкивались съ Нѣмцами, гдѣ латино-нѣмецкое культурное вліяніе дѣйствовало нивелирующимъ образомъ на Славянъ и Нѣмцевъ, представляя вторымъ ассимилировать себѣ первыхъ, тамъ быстро исчезали старые народные славянскіе обычаи, принимались чужіе; тамъ постепенно исчезали Славяне, слияясь съ Нѣмцами. Лишь въ позднѣйшее время воскрешенія славянскаго самосознанія многіе западные Славяне стали заботиться о сохра-

неніи наследія предковъ, но если имъ это въ извѣстной степени удастся относительно языка и литературы, то нельзя и ожидать того же успѣха относительно обычаевъ и обрядовой стороны жизни, уже давно забытыхъ... Умершаго уже не воскресить.

Южные Славяне вообще очень богаты своеобразными обрядами и обычаями, а православные въ этомъ отношеніи занимаютъ первое мѣсто. Турецкое иго давило ихъ такъ-сказать лишь внѣшнимъ образомъ, а если оно вліяло губительно и на внутренній міръ Юго-Славянъ, если извращало народный характеръ, прививая къ нему нѣкоторыя несимпатичныя черты, то дѣйствовало лишь постольку поскольку всякое рабство извращаетъ духъ челоуѣка, губить его нравственную цѣльность и лишаетъ его возможности дальнѣйшаго развитія.

Юго-Славянинъ, тѣснимый мусульманомъ - Туркомъ и фанариотскимъ духовенствомъ, спасался въ своемъ тихомъ домѣ отъ всѣхъ притѣсненій ожидавшихъ его на улицѣ, любилъ вспоминать былые славные дни своего свѣтлаго прошлаго въ лѣсняхъ и сказаніяхъ переданныхъ отцами, свято соблюдалъ обычаи старины, какъ завѣтъ оставшіяся отъ предковъ, завѣтъ который не могъ быть отнять у него завоевателями. Какъ извѣстно, Славяне на Балканскомъ полуостровѣ, находясь подъ игомъ Турокъ, предпочитали жить по селамъ, удаляясь отъ городовъ, которые они предоставляли Туркамъ и дукавымъ Грекамъ и гдѣ поэтому преобладало населеніе магометанское. Сельская жизнь, посвященная по преимуществу земледѣлію и скотоводству, и одинаковое положеніе всѣхъ предъ лицомъ властелина магометанина заставляли Юго-Славянъ искать опоры другъ въ другѣ, заставляли бережно хранить родовыя и дружественныя связи, которыя могли облегчить печальное положеніе каждаго въ случаѣ нужды.

И въ самомъ дѣлѣ, если магометанская власть заставляла снимать колокола съ колоколенъ, чтобы не было слышно призыва къ общей молитвѣ христіанъ, такъ какъ этотъ звонъ оскорблялъ де служъ всякаго правоваго мусульманина, желавшаго слышать лишь возгласы мудлы или хаджи съ минаретовъ мечетей, то власть эта являлась бессильною у домашняго очага Болгарина или Сербя, справлявшаго свой домашній праздникъ среди своихъ родныхъ. Если же и случалось что

извѣстные ревностный Турокъ оскорблялъ этотъ домашній праздникъ, то въ горахъ и дѣсахъ его ждала мстительная рука гайдука, рѣдко давшая промахъ. А этотъ домашній праздникъ между тѣмъ тѣсно связывалъ родичей и друзей такимъ союзомъ который облегчилъ въ послѣдствіи дѣло народнаго воскресенія и освобожденія. Это особенно ясно замѣтно въ исторіи освобожденія Сербовъ теперешняго королевства. Подъ покровомъ домашняго торжества, освященнаго обычаемъ старины, сходились жители различныхъ мѣстностей, иногда удаленныхъ одна отъ другой, условливались въ общихъ предпріятіяхъ, мѣнялись свѣдѣніями и разказами, думали вмѣстѣ горькую думу о народномъ горѣ...

Здѣсь мы намѣрены говорить лишь о Сербсахъ сохранившихъ два замѣчательные обычая: *побратимство* и *славу*. Первое создавало союзъ между двумя лицами не находившимися въ кровныхъ родственныхъ связяхъ, союзъ иногда болѣе крѣпкій чѣмъ скрѣпленный родственными и національными узами; вторая скрѣпляла семью и связывала ее съ цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній. Оба эти обычая сохранились отъ старины, оба имѣютъ свою исторію, оба освящены церковью. *Побратимство* нашло себѣ объясненіе даже въ сказаніи о томъ какъ Христосъ сталъ побратимомъ Прова. Это сказаніе, извѣстное подъ заглавіемъ: *Слово како сотвори Господь побратимство*, попадается во многихъ сборникахъ, но болѣе оригинальный переводъ находится въ „Словѣ пресвутера о древнѣ честиномъ и возвещеніи Святыя Троица и въ память Моисіеви“, открытый покойнымъ профессоромъ Андреемъ Половымъ и напечатанный съ пергаментаго списка XIV вѣка въ первомъ прибавленіи къ описанію рукописей Хлудовской бібліотеки (1875, стр. 31—44) *. *Побратимство* и крестовое братство, играющее роль въ нашихъ былинахъ (Илья Муромецъ и Святгоръ мѣняются крестами и становятся *названными братьями*—Рыбниковъ, I, стр. 39,—примѣръ одинъ изъ множества), конечно представляютъ одно и то же явленіе. *Побратимство* или братство освящалось даже

* Намъ извѣстенъ списокъ слова о побратимствѣ Прова, сына Селевка, со Христомъ еще въ рукописи XVI вѣка Загребской бібліотеки Югославянскій Академіи (№ рукописи 406 на бумагѣ). Впрочемъ, этотъ списокъ немаломъ отличается отъ текста напечатаннаго г. Костомаровымъ въ первомъ томѣ его *Памятниковъ отреченной литературы*.

особыми обрядами и молитвами въ церкви, и нетолько въ сербскихъ требникахъ можно найти *чинъ побратимству* или *чинъ братотворенію*, *сиречь любовь крестная*, но и въ нашихъ рукописныхъ требникахъ часто попадаетъ: *чинъ, бываемый на братотвореніе*. У Сербовъ связи побратимства могли быть заключены даже между людьми разной вѣры; такъ, напримеръ, князь Милошъ въ 1815 году во время возстанія Сербовъ самъ ѣздилъ для переговоровъ къ Рушидъ-пашѣ лишь потому что въ турецкомъ лагерѣ былъ его побратимъ Серчесма, магометанинъ и делубаша у Мараши. На слово этого Серчесмы, ручавшагося Милошу за его безопасность во время пребыванія у Турокъ, онъ могъ положиться. Этотъ Серчесма самъ такъ высоко цѣнилъ узы побратимства что, провожая Милоша изъ турецкаго стана, счелъ своимъ долгомъ посовѣтовать своему побратиму не ѣздить больше по приглашенію Турокъ въ ихъ станъ для переговоровъ хотя бы онъ самъ, его побратимъ, звалъ его. Такъ велика была ненависть къ вождю сербскаго возстанія въ лагерѣ Турокъ и такъ высоко цѣнились связи побратимства! Сами Сербы цѣнили имущество своихъ побратимовъ—Турокъ и слали ихъ отъ народной мести.

На этотъ разъ, впрочемъ, мы намѣрены остановиться лишь на второмъ изъ указанныхъ обычаевъ сербскихъ, на обычай празднованія Славы, какъ чисто сербскомъ и у насъ малоизвѣстномъ.

Прежде всего замѣтимъ что Слава принадлежитъ однимъ Сербамъ: ея не имѣютъ ни Болгары, ни Хорваты, и у Сербовъ даже существуетъ пословица: гдѣ је слава, ту је Србинъ, иными словами что всякій празднующій Славу—Сербъ по народности. Между Сербами сохранили Славу лишь православные, а Босняки, принявшіе католичество или магометанство, вѣстѣ съ перемѣной вѣроисповѣданія отказались и отъ этого родоваго праздника.

Праздникъ Славы имѣетъ нѣсколько названій: *Крсно име*, *Слава*, *Благъ данъ*, *Свети*, *Свето*. Святой, память коего чествуется по календарю въ тотъ день когда славится Слава, считается защитникомъ и покровителемъ славящей его семьи. Онъ главный помощникъ въ трудностяхъ жизни, къ нему по преимуществу обращаются члены семьи съ молитвами, имъ клянутся и присягаютъ. Выраженіе „тако ми мога свеца“, то-есть клянусь моимъ святымъ—болѣе сильно чѣмъ всякая чужая божба.

Празднованіе Славы во всѣхъ краяхъ населенныхъ Сербамъ имѣеть одинъ общій типъ. Конечно, детали въ обрядахъ могутъ быть различны, а также различаются по мѣстностямъ многія здравицы, необходимыя и обычныя на этомъ праздникѣ, но общій типъ и этихъ эпическихъ рѣчей и выраженій всюду одинъ и тотъ же. Празднованіе Славы тѣсно связано съ воспоминаніемъ о цѣломъ рядѣ предковъ, хотя этотъ логическій характеръ въ однѣхъ мѣстностяхъ ярче выступаетъ въ самыхъ обрядахъ, въ другихъ—слабѣе, но во всякомъ случаѣ присущъ всякой сербской Славы.

Слава—считается такимъ важнымъ семейнымъ праздникомъ что даже какое-нибудь тяжкое горе, случившееся въ день Славы, не прерываетъ торжества. Намъ пришлось быть на Славы у одного виднаго бѣлградскаго чиновника г. М. 6 декабря 1880. Въ это утро умеръ одинъ изъ его ближайшихъ родственниковъ, и хотя по временамъ хозяйинъ и хозяйка удалялись въ другія комнаты чтобы дать волю слезамъ, но попрежнему продолжали принимать и угощать приходившихъ съ поздравленіями гостей.

Для празднованія Славы, по обыкновенному ритуалу, необходимо въ сербскомъ домѣ заготовить особую *восковую свѣчу* (красна свеча), *хлѣбъ* или пирогъ (колач) и *колыво*.

Поселяне готовятъ эту свѣчу изъ воску домашнихъ пчелъ, а горожане покупаютъ ее, причемъ на ней обыкновенно бываетъ изображеніе того Святаго, котораго празднуютъ. Свѣчу эту зажигаетъ самъ хозяйинъ при началѣ праздника и самъ же тушитъ ее, заливая виномъ. По народному повѣрью, свѣча изъ желтаго воска предпочтительнѣе сдѣланной изъ бѣлаго. Чѣмъ она больше тѣмъ лучше. *

Хлѣбъ приготовляемый для Славы бываетъ разныхъ родовъ и носить различныя названія. Главный и необходимый хлѣбъ *колач*, затѣмъ *крстак*, *проскурица* (просфора) и *погача* или *проја*. *Колач* готовится изъ пшеничной муки, заквашенной дрожжами, на немъ дѣлается крестъ, по срединѣ котораго выдавливаются цвѣтокъ. Вообще верхняя корка хлѣба украшается весьма разнообразно. *Проскурица* и *крстакъ* готовятся тоже изъ кислаго тѣста, *погача* изъ прѣснаго, а *проя* изъ кукурузной муки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,

* *Годишница Николе Чупича*. Т. I, ст. Милчевича: *Слава у Срба*, стр. 111.

напримѣръ въ Босніи, наканунѣ Славы хозяйка печетъ два *колача*, которые и сѣдаются въ первый и второй день праздника. * Верхнюю корку ихъ она украшаетъ, различными узорами и рисунками, причемъ въ серединѣ изображается традиціонный букетикъ *базилки* (*Oscium basilicum*). Колачъ несутъ въ церковь для освященія обыкновенно на погачѣ. Въ Мостарѣ (въ Герцеговинѣ) готовятъ еще нѣсколько малыхъ хлѣбовъ, которые называются *чурек*, для раздачи бѣднякамъ и нищимъ въ день праздника Славы.

Кѣливо готовится изъ разваренныхъ зеренъ самой крупной пшеницы, вмѣстѣ съ толчеными орѣхами, миндалемъ и сахаромъ. Все это кладется на блюдо, и этой вкусной кашѣ даютъ форму большого хлѣба и украшаютъ ее различными снастями.

За нѣсколько дней до Славы или наканунѣ ея (канунъ Славы зовется *Навечери* или *навече*) приходитъ въ домъ священникъ освятить воду. По традиціонному обычаю, на столѣ при сосудѣ съ водой кладутъ лучекъ базилика, свѣчу и ставятъ кадильницу. Священникъ, освятивъ воду, помянувъ поименно всѣхъ домочадцевъ и окроливъ весь домъ, остатокъ воды отдаетъ хозяйкѣ, которая и мѣситъ тѣсто на этой теперь освященной, а иногда и божоявленской водѣ.

Наканунѣ Славы, обыкновенно вечеромъ, а въ Босніи ** утромъ, хозяинъ или самъ отправляется приглашать на свой праздникъ, или посылаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ. *** Посланный беретъ сосудъ съ водкой, чаще всего такъ называемую *чутуру* или *дуно*, то-есть выдолбленную тыкву употребляемую какъ сосудъ, наполняетъ ее водкой и отправляется звать знакомыхъ на ужинъ („званце“). Посланный приглашаетъ произнося нѣсколько словъ элическаго характера. Приглашаемый, въ знакъ того что принимаетъ приглашеніе, льетъ водку изъ этого сосуда, а затѣмъ доликаетъ его чтобы сосудъ былъ постоянно полонъ. Въ одномъ серб-

* *Гласник*, XXX, ст. Петрановича: *Обичаји Српског народа у Босни*, стр. 313.

** *Гласник*, *ibidem*, 214.

*** Врчевичъ въ книгѣ *Три народне свечаности*, говоря о празднованіи Краснаго Имени (въ Герцеговинѣ, Бокѣ Которской и Черногоріи, стр. 85), разказываетъ что хозяинъ зоветъ къ себѣ друзей на Славу за восемь дней до праздника. Канунъ Славы называется тамъ *мѣшине* отъ того что мѣсятъ тѣсто для „колача“.

окомъ округъ (Ягодинскомъ) существовалъ еще особенный обычай приглашенія. *Славный* выходилъ на высокое мѣсто въ своемъ селѣ и кричалъ: „о Милой, Радой и т. д., пришелъ мой дѣтский день; носи ложку и пожалуй въ мой домъ на ужинъ, а завтра на обѣдъ.“*

Наступаетъ время ужина, и гости постепенно собираются. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ съ непокрытою головою у дома и обмѣнивается при этомъ привѣтствіями, тоже сохраняющими характеръ оригинальности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всякій гость приноситъ и отдаетъ хозяйкѣ яблоко или айву. Наконецъ гости собрались, садятся за столъ. Между ними избирается *долибаша*, то-есть *soi-disant* председатель, который знаетъ много специальныхъ здравицъ и который поэтому занимаетъ первое мѣсто за столомъ. Когда всѣ усядутся, молодая дѣвушка или молодуха приноситъ сосудъ съ водою, подходитъ къ каждому изъ участниковъ пира, и всѣ умываютъ руки. Въ Боснии дѣвушки и молодыя женщины не ограничиваются этимъ: онѣ разуваютъ гостей-мущинъ и умываютъ имъ ноги въ знакъ почтенія. Затѣмъ начинается пиръ, и круговая чаша, начиная отъ хозяина, обходитъ всѣхъ гостей по порядку. Кумъ, играющій весьма важную роль въ сербской семьѣ, обыкновенно сидитъ по правую руку хозяина. Во время обѣда или ужина на праздникъ Славы чаша переходитъ обыкновенно отъ хозяина къ долибашѣ или куму. Ужинъ наканунѣ Славы начинается молитвой. Хозяинъ приноситъ кадильницу съ жаромъ и зажигаетъ огнемъ этихъ углей свѣчу. Хозяинъ окадитъ свѣчу, иконы, себя и гостей и затѣмъ всѣ молятся про себя, лишь одинъ хозяинъ произноситъ громко молитву. Вотъ примѣръ этой молитвы: „Боже милостивый, помоги; Святой Николай, мое *красное* имя будь мнѣ въ помощь, всюду и на всякомъ мѣстѣ. Святая Троица, живая Богородица, сохрани меня отъ всякой бѣды и вражеской руки; завтрашнее утрешко, яркое солнышко на радость мнѣ взойди и засіяй; честный крестъ, благой Христе, сохрани меня отъ бѣды видимой и невидимой; помоги мнѣ грѣшному и всякому брату христіанину, который по правдѣ живетъ (право ходи) и Богу молится.“** Въ Крайнкѣ на Тимокѣ хозяинъ и гости въ этотъ вечеръ берутъ по

* *Годишница*, *ibidem*, стр. 120.

** *Годишница*, *ibidem*, стр. 122.

нѣсколько зеренъ пшеицы изъ колива и вытирають ладны о потолокъ избы, приговаривая: „пусть у хозяина пшеица растеть до потолка“. Послѣ этого начинается ужинъ, причемъ хозяинъ, угощая водкой (ракией), произноситъ привѣтствіе обращаясь къ долибашѣ и гостямъ. Вообще онъ обязанъ обращаться съ особыми привѣтствіями ко всѣмъ членамъ хора *.

Въ Босніи этотъ ужинъ сопровождается здравицами и на немъ провозглашается Слава долибашею или кѣмъ-нибудь изъ гостей. Г. Петрановичъ ** передаетъ одно изъ этихъ провозглашеній, въ которомъ поминаются различные Святые (общіе и сербскіе) и смѣшиваются церковный, народно-историческій и эпическій элементы. Молитва эта начинается поминованіемъ Св. Троицы. Упомянувъ Іисуса Христа, Богородицу, Іоанна Крестителя, евангелистовъ, которые названы „четырьмя столпами Святаго Евангелія“, четырехъ вселенскихъ патріарховъ, Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и Іоанна Милостиваго, молящійся переходитъ къ перечисленію многихъ другихъ святыхъ. Такъ онъ говоритъ: „Сорокъ Мучениковъ, шестнадцать пророковъ, двѣнадцать апостоловъ, которые соборъ *собирали* и безумнаго „Арію изложше“. Далѣе перепутывая имена византийскихъ и чисто-сербскихъ Святыхъ, молитва упоминаетъ о Симеонѣ Мироточивомъ, Максимѣ, деспотѣ Іованѣ, Ангелинѣ, деспотѣ Стефанѣ, Стефанѣ Дечанскомъ, Стефанѣ Сербскомъ кралѣ, царѣ Симеонѣ, „свѣтлой звѣздѣ“ царѣ Урошѣ, просвѣтителѣ Саввѣ и т. д., смѣшивая всѣ эти имена и Святыхъ, и несвятыхъ. Весь этотъ рядъ именъ кончается молитвой о прощеніи грѣховъ усолшимъ и о здоровіи и веселіи живымъ. „И на здравіе дому и хозяину и всему роду христіанскому. Богу слава и держава, намъ здравіе и веселіе. Аминь“.

На слѣдующій день хозяинъ несетъ *колачъ*, свѣчу и коливо въ церковь, гдѣ священникъ благословляетъ все это особю молитвой, въ которой встрѣчается слѣдующее мѣсто: „Иже смѣнили три отроки и Даниїла, сущія въ Вавилонѣ, сластопитанныхъ свѣтлїя показавшїи, самъ Всеблагій Царю и смѣна сія съ различными плоды благослови и отъ нихъ вкушающія освяти, яко во славу твою и въ честь святаго (имя

* *Гласникъ*, XXX, 315 и слѣд.

** *Гласникъ*, XXX, 318, 319.

рекъ) сія предложася отъ твоихъ рабовъ и въ память во благочестивой вѣрѣ скончавшихся“. Въ Герцеговинѣ священникъ читаетъ надъ коливомъ тѣ же молитвы что и на лавникахѣ. Но чаще освященіе хлѣба и колива совершается дома. Послѣ ектеніи и освященія священникъ беретъ колачъ и надрѣзываетъ его съ нижней части на крестъ и поливаетъ виномъ, приговаривая: „колачъ *ломили* Бога молили; колачъ предивали виномъ, дом се предивао (пердивался, былъ наполненъ) миромъ, животомъ (жизнью), здравлемъ и свакимъ (всякимъ) добромъ, Боже дай.“ Надломленный хлѣбъ священникъ опять выравниваетъ и вмѣстѣ съ хозяиномъ вертитъ его три раза съ лѣвнѣемъ: *Исаіе, микуй, Святые мученики и Слава Тебѣ, Христе Боже* и т. д., то-есть тѣхъ же молитвъ которыя поются при вѣчаніи. Затѣмъ по надрѣзамъ они ломаютъ колачъ, складываютъ его половины въ видѣ полумѣсяца, льютъ съ него остатки вина, которымъ онъ былъ полить, цѣлуютъ хлѣбъ и цѣлуются другъ съ другомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священникъ беретъ половину этого хлѣба себѣ, оставляя другую хозяину. Въ Ужичкомъ округѣ, близкомъ къ Герцеговинѣ, это освященіе *колача* и *колива* носитъ характеръ вполне поминальный. Священникъ читаетъ даже: *Со души праведныхъ* и т. д. и поетъ: *Со святыми упокой*.

Затѣмъ уже начинается праздникъ настоящій. Въ городахъ являются то и дѣло гости, знакомые, сосѣди, и каждому хозяйка дома или дочь подноситъ *сладко*, то-есть воду и варенье, водку, кофе, вино и коливо. Каждый обязанъ покушать колива и до обѣда обыкновенно выливаетъ рюмку водки. Въ полдень начинается обѣдъ, въ которомъ участвуютъ приглашенные. Не придти къ кому-нибудь съ поздравленіемъ въ день его Славы—значить обидѣть или желать разрыва знакомства, а потому въ этотъ день славящій принимаетъ массы лицъ съ которыми имѣлъ хотя бы самое небольшое знакомство.

Обѣдъ тоже сопровождается множествомъ здравицъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Конечно, всѣ эти здравицы традиціонны, всѣ идутъ отъ отцевъ и дѣдовъ и произносятся по разъ заведенному порядку. Обыкновенно полагается послѣ четвертой чаши—*дигнути у славу*, то-есть провозгласить торжество Славы. Для исполненія этого обряда хозяйка приноситъ въ ситѣ половину колача, восковую свѣчу и

кадильницу съ жаромъ и ладономъ. Хозяинъ ставитъ на верхнемъ краю стола свѣчу и хлѣбъ. Затѣмъ онъ зажигаетъ свѣчу огнемъ изъ кадильницы, кадитъ свѣчѣ, гостямъ и колачу. Всѣ стоятъ и крестятся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ Кумановѣ) всякій изъ гостей зажигаетъ по маленькой свѣчкѣ, которую и держитъ, пока хозяинъ кадитъ и провозглашаетъ три обрядовые тоста въ честь Славы: 1) во славу Божию (за тверде славе Божіе); 2) за „честные кресты и крсыя имена“ (за часних крста и крсыих имена); 3) за Святую Троицу. Вотъ послѣдній: „писмо (мы пили) за крста и крсыих имена, а ово тѣмо тречу (будемъ лить третью) чашу вина за Свете Троице. Света Троица да је помотница сваком бра-ту на своме занату (занятиу, ремеслѣ): на дому, на луту, у чарној гори (въ темномъ лѣсу), на мутној води, свуда (всюду) да је помотница, Боже дај“. Затѣмъ продолжается пиръ съ обычнымъ рядомъ здравицъ, которыя, какъ выше сказа-но, отличаются характеромъ элическимъ, традиціоннымъ.

Нѣкоторыя частности въ обычаяхъ соблюдаемыхъ на этомъ пирѣ въ различныхъ мѣстностяхъ видоизмѣняются. Въ Герцеговинѣ хозяинъ кладетъ колачъ себѣ на голову и только надламываетъ его такимъ образомъ пополамъ, но не разнимаетъ обѣихъ половинокъ, пока священникъ не польетъ его виномъ по разрѣзамъ. Затѣмъ одну половину колача ѣдятъ, а другую кладутъ въ *сито*, чтобы былъ *сытныи* годъ. Затѣмъ священникъ произноситъ ектенію, начинающуюся словами: *Во славу и похвалу*, и первымъ поминаетъ Иисуса Христа. Между разными Святыми упоминаемыми въ этой ектеніи, укажемъ на русскихъ Святыихъ, очевидно вошедшихъ въ Сербскую церковь при посредствѣ церковныхъ книгъ нашей печати, а именно: въ ней упоминаются Петръ, Алексій, Иона и Филлилъ Московскіе, Никита—епископъ Новгородскій, Антоній и Θεодосій Печерскіе, Сергій Радонежскій, Варламіи Хутынскій. Изъ сербскихъ Святыихъ первое мѣсто отводится конечно Св. Саввѣ, упоминаются и болгарскіе Святыя (напримѣръ Іоаннъ Рильскій).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи (на Ресавѣ) соблюдается еще одинъ характерный обрядъ. Когда соберутся гости и выпьютъ по одной, по двѣ рюмки водки, хозяинъ кладетъ чистую рубаху на полъ, на нее ставитъ колачъ, стаканъ вина и зажженную свѣчу, и затѣмъ кладетъ поклоны, цѣлуя всякій разъ колачъ и приговаривая особую ектенію. Начинаетъ онъ словами: „Да

метанишем (да поклонюсь) прво Господу Богу, да (чтобы) ми поможе“. Затѣмъ онъ кладетъ поклонъ Святому, котораго славить. Далѣе онъ говоритъ: „Метанишем за сунце, које нас греје; метанишем за месец и све (всѣ) звезде, што нас светле; метанишем за землю, за ватру (огонь), за воду“. Потомъ онъ перечисляетъ всѣ виды хлѣбовъ и травъ, всѣхъ домашнихъ, сосѣдей, кумовьевъ, наконецъ кладетъ поклонъ за всѣхъ людей. Онъ не забываетъ положить поклонъ и за скотъ не только свой, но и всего свѣта. Послѣднія метанія въ этой характерной дѣйствицѣ поклоновъ очень оригинальны: Метанишем за покој душе свију мојих (всѣхъ моихъ) покојника; покојника комписких (покојниковъ сосѣдскихъ), кумовских, приѣзельских, покојника свију (всѣхъ) мојихъ гостију (гостей); покојника свега (всего) села, покојника свега света; метанишем за покој душе све поклане и липсале стоке (за покој души всего зарѣзаннаго и ладшаго скота)“. Послѣдніе поклоны дѣлаются за здоровье старѣйшинъ, священниковъ и учителей, „и за особенное здоровье скота и всякой живности домашней“. Въ то время когда хозяинъ кладетъ эти земные поклоны, которыхъ бываетъ до 44, одинъ изъ гостей ломаетъ по маленькому кусочку отъ просфоры и бросаетъ ихъ въ тарелку. Окончивъ метанія, хозяинъ цѣлуется съ гостемъ, а тарелку съ кусочками просфоры отдаетъ хозяйкѣ, которая послѣ отдаетъ ихъ домашнему скоту. *

Одинъ изъ извѣстныхъ дѣятельныхъ помощниковъ Вукъ Караджича въ собираніи народныхъ произведеній, бывшій вице-консулъ австрійскій въ Босніи Вукъ Врчевичъ, перечисляетъ здравицы употребляемыя въ Герцеговинѣ въ день Славы. Вотъ онѣ: 1) за добрый часъ обѣда; 2) за лучшее время; 3) во славу Святаго празднуемаго въ день Славы; 4) за здоровье хозяина; 5) хозяинъ провозглашаетъ здоровье гостей; 6) долибаша поднимаетъ здравицу чтобы Богъ поддержалъ друзей и покорилъ враговъ; 7) во здравіе хозяйки дома; 8) заключительная здравица при заключеніи стола. **

Въ этихъ мѣстахъ о которыхъ говоритъ Врчевичъ (въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Бокъ Которской и по Далматіи) провозглашеніе Славы и возженіе свѣчи предшествуютъ обѣду.

* *Годишница*, *ibidem*, стр. 134.

** Три главнее народнее свечаности *Вук С. Врчевич* г. Панчево. 1883, стр. 99—104. Здравицы эти перепечатаны изъ книги *Српске мале пјсеме*, изданной вдовою В. Караджича въ Вѣнѣ въ 1866 году.

Въ Конавлѣ, въ Далматіи, каноникъ Матвѣй Водоличъ записалъ „напитницы“, то-есть тосты провозглашаемые народомъ при Славѣ. Эти тосты короче другихъ, но сохраняютъ тотъ же характеръ что и всѣ здравицы Сербскаго племени.* Напитницы въ Конавлѣ употребляются у католиковъ, Далматинцевъ, гдѣ сохранились обломки старыхъ сербскихъ обычаевъ. Быть-можетъ у однихъ лишь Конавлянъ Славянъ-католиковъ сохранился обычай празднованія Славы, общій всѣмъ православнымъ.

Въ Левачскомъ срезѣ (Ягодинскаго округа) къ празднику Славы готовится четыре колача. Одинъ разрѣзывается наканунѣ вечеромъ, другой разрѣзываетъ священникъ въ день Славы, третій рѣжетъ хозяинъ съ избраннымъ лицомъ, которое поэтому называется *колачаромъ*, четвертый на другой день праздника, который называется *окрилье*.** Когда наступаетъ время провозгласить Славу, хозяйка приноситъ колачъ на какомъ-нибудь другомъ хлѣбѣ. На колачъ она кладетъ свѣчу, ладонъ и цѣфты и ставитъ его на верхній край стола, покрывъ полотенцемъ. Она цѣфуетъ руку сначала хозяину-мужу, а затѣмъ каждому гостю. Колачаръ послѣ этого открываетъ хлѣбъ, снимая съ него полотенце. Когда хозяинъ покладитъ всѣмъ ладонемъ и подниметъ чашу въ честь своей Славы, колачаръ приступаетъ къ исполненію своей обязанности и разрѣзываетъ колачъ. Но проведенъ ножомъ до половины хлѣба, онъ останавливается и говоритъ: „Пиши, хозяинъ что дашь: плугъ залнулъ за лень (пиши, домашине, шта тѣм, залъ плугъ за лань)“. Хозяинъ тогда объявляетъ что онъ даетъ, напримѣръ, бочку вина и жареную свинью или известное число фунтовъ рыбы, смотря потому приходится Слава въ постъ или нѣтъ. Тогда колачаръ оканчиваетъ свое дѣло, разрѣзываетъ колачъ крестообразно и затѣмъ вмѣстѣ съ хозяиномъ беретъ обѣими руками хлѣбъ и повертываетъ его справа нѣтъ трижды. Повернувъ разъ, они поднимаютъ его и говорятъ: „Величай Господи домъ и хозяина!“ При лѣвнѣ: *Господи помилуй!* всѣ гости поддерживаютъ колачъ и принимаютъ участіе въ этомъ символическомъ

* Эти напитки перепечатаны Врчевичемъ въ его книгѣ: *Три народне свечаности*, стр. 106—110, изъ *Загребскаго Альманаха 1863* года, гдѣ онъ напечатаны Водоличемъ.

** Милчевичъ, *Кнежевина Србија*, стр. 219.

поворачиваніи хлѣба. Остатки вина коимъ поливается колачъ сливаются въ чашу. Затѣмъ всѣ гости безъ различія пола получаютъ по цвѣточку съ этого хлѣба и пьютъ рюмку, которая называется *посладеница* (успокаивающая), за исключеніемъ хозяевъ. *

Что касается времени когда провозглашается Слава, то по свидѣтельству г. Милчевича, который сдѣлалъ лучшее описаніе этого праздника, провозглашеніе Славы во многихъ мѣстахъ обыкновенно совершается послѣ четвертой чаши, посвященной привѣтствію гостей. Эта чаша зовется *добродошлица*. **

Пиръ въ день Славы продолжается долго, до мрака, но по селамъ во многихъ мѣстахъ и теперь еще не оканчивается однимъ днемъ. Слѣдующій день послѣ Славы зовется *Окриље*, *Пожутарје*, *Колшиски дан* (сосѣдскій день—въ Ужичкомъ округѣ), *Патарница* (посохъ—въ городахъ), *Испратня* (проводы—въ Босніи по Савѣ) и т. д. Въ Черногоріи Слава праздновалась даже по 5—6 дней и разоряла жителей. Князь Данииль въ 1853 году издалъ строгое запрещеніе по этому поводу, ограничивъ праздникъ Славы однимъ днемъ. Въ Герцеговинѣ Слава праздновалась и по 8 дней. ***

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кромѣ Славы празднуется еще *Преслава*, то-есть вторая Слава. Обыкновенно это бываетъ у тѣхъ которые славятъ Святаго празднующагося два раза въ годъ, на примѣръ, Николу вешняго и зимняго. Впрочемъ случается что празднуются два дня не имѣющіе связи между собою по чествуемымъ Святымъ: на примѣръ, 23 апрѣля славятъ Св. Георгія, а преславляютъ Св. Илью 20 июля. Въ Босніи Преслава называется *Прислужба*. **** По словамъ Петрановича, она бываетъ въ тѣхъ семьяхъ въ коихъ предки по какому-нибудь случаю завѣщали торжествовать извѣстный день, или славить какого-нибудь святаго. Эта *Прислужба* празднуется лишь одинъ день въ отличіе отъ Славы празднующейся иногда по три дня.

Въ Босніи провозглашается Слава вечеромъ наканунѣ за ужинкомъ и за вечернею трапезой въ день Славы, но не за

* *Годишница* I, стр. 135 и слѣд.

** *ibidem* стр. 145.

*** Врчевичъ, стр. 126.

**** *Гласникъ* XXX, 337.

обѣдомъ. * Но тамъ гдѣ на Славѣ присутствуетъ священникъ и въ Боснии Слава можетъ быть провозглашена за обѣдомъ. Въ Герцеговинѣ и близкихъ къ ней мѣстахъ Далматіи священникъ, посѣтивъ домъ гдѣ празднуется Слава, творитъ поминовение почившихъ сродниковъ этого дома. Приступая къ поминальной ектеніи, священникъ крошитъ хлѣбъ стоящій предъ нимъ и окуриваетъ эти крошки ладаномъ. Эти крошки хлѣба соотвѣтствуютъ частицамъ вынимаемымъ изъ просфоры въ церкви при совершеніи литургіи.

Праздникъ сопровождается пѣснями, которыя поются за обѣдомъ и ужиномъ. Въ Бокъ-Которской существовалъ обычай что въ половинѣ обѣда дѣвушки и молодухи поютъ пѣсни всякому изъ присутствующихъ мужчинъ. ** Вечеромъ молодежь водить *коло*, то-есть хороводъ. Въ Риснѣ и Буднѣ (въ Далматіи) это коло состоитъ лишь изъ молодыхъ людей. Какъ пляшущіе, такъ и присутствующіе на праздникъ поютъ пѣсни, съ тою разницею что водящіе коло поютъ веселыя пѣсенки, а пожилые люди часто слушаютъ пѣвца юнацкой былинны.

Когда на слѣдующій или на третій день гости уходятъ съ празднованія Славы, они кладаютъ въ тарелку немного денегъ, этотъ день зовется *уствави*, *уствак* (sing). Самое прощаніе съ хозяиномъ исполняется по разъ установленному обычаю и сопровождается эпическими рѣчами въ благодарность за пріемъ и угощеніе.

Слава бываетъ не только въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ, но и въ селѣ или общинѣ. Такая Слава зовется общинною. Можетъ быть и нѣсколько праздниковъ въ селѣ, но всѣ они называются *заветинами* (отъ слова завѣщать) и не имѣютъ того значенія какимъ пользуется праздникъ сельской Славы, когда молятся за урожай и который бываетъ въ теченіе времени отъ Святой до Петровокъ. Въ каждомъ старомъ селѣ есть извѣстное мѣсто гдѣ собираются праздновать общую Славу. Если въ селѣ имѣется церковь, то собираются на лалерти; если же нѣтъ, то подъ деревомъ на которомъ съ западной стороны вырѣзанъ крестъ. Дерево по этому знаку зовется *записъ* и пользуется особеннымъ вниманіемъ и почетомъ со стороны сельчанъ. Наканунѣ

* *Гласникъ*, ibidem, 332 и 333.

** Врчевичъ, стр. 131.

праздника совершается всенощная (бдѣніе), а въ день Славы—крестный ходъ по полямъ. Село также готовитъ на Славу *колачъ* и *кѣливо*. Въ Крайнѣ на Тимокѣ приносятъ подъ залпъ молодого барашка, прилѣпляютъ къ рогамъ двѣ зажженныя свѣчи и буравятъ дыру въ деревѣ. Священникъ сначала окуриваетъ ягненка ладономъ и читаетъ надъ нимъ молитву на *заколѣніе*. Послѣ этого молодой парень, неженатый и цѣломудренный, закалываетъ ягненка, но при этомъ стараются не разбрызгать крови, которую выливаютъ въ дыру дерева. Затѣмъ эту дыру залѣпляютъ землей. Зарѣзаннаго ягненка жарятъ и ѣдятъ, священнику отдають голову.

Церкви тоже имѣютъ свою Славу. Въ эти дни у монастырей и церквей собираются иногда тысячи народа и устраиваются ярмарки. Въ то время когда молодежь водить кѣло и поетъ лѣсни, болѣе зрѣлые люди иногда договариваются объ общихъ предпріятіяхъ для защиты родной страны. Въ Бѣлградѣ эту Славу празднуютъ особенно торжественно на кладбищѣ 25 апрѣля въ день Св. Марка, когда славить кладбищенская церковь. Къ церковной Славы также готовится причтомъ *колачъ* и *кѣливо*.

Всѣ учебныя заведенія празднуютъ свою Славу 14 января, когда по сербскимъ святцамъ приходится чествованіе Св. Саввы, перваго сербскаго святителя, великаго патріота и просвѣтителя, сына Стефана Немани. Этотъ день во всѣхъ училищахъ Сербіи празднуется актомъ. Впрочемъ, праздникъ этотъ установленъ въ Сербіи недавно, закономъ 13 января 1841 года. И на этой Славы соблюдаются всѣ обычаи, то-есть рѣжется *колачъ*, готовится *кѣливо* и зажигается свѣча, а въ церкви на службѣ поминаются имена всѣхъ жертвователей на школу. По селамъ крестьяне въ этотъ день хорошему учителю дѣлають иногда подарки въ благодарность за обученіе дѣтей.

Самое старое упоминаніе о Славы или Крсномъ Имени относится къ XIV вѣку въ грамотѣ братьевъ жулана Бѣляка и воеводы Радича Санковицей отъ 15 апрѣля 1391 года, въ которой они клянутся Дубровчанамъ, между прочимъ, „свѣтъмъ Юрьемъ и архангеломъ Михаиломъ, нашими крестными имени“. * Это мѣсто было уже указано сербскими писа-

* Муклошичъ. *Monumenta Serbica*, стр. 219.

телямъ, и намъ не удалось до сихъ поръ найти въ памятникахъ болѣе древняго указанія на празднованіе Славы у Сербовъ.

Но народныя сербскія лѣсни полны разказами о празднованіи Славы или Краснаго Имени различными сербскими кралями и юнаками бывшихъ временъ могущества и славы Сербскаго народа. Онѣ даютъ полное понятіе о томъ значеніи Славы какимъ пользуется и теперь этотъ праздникъ въ народѣ. Въ виду этого мы остановимся на нѣкоторыхъ лѣсняхъ и познакомимся съ ихъ содержаніемъ.

Къ празднику Славы сербская народная лѣсня приурочиваетъ важнѣйшія событія и особенныя свойства. По одной герцеговинской лѣснѣ *Славу славятъ* даже Святые. Вотъ какъ напримѣръ праздновалъ свою Славу Св. Архангелъ (Михаилъ). „Святой Архангелъ славитъ Славу Св. Іоанна (то-есть въ Ивановъ день). Собрались Божьи праведники и онъ угощаетъ ихъ виномъ и ракіей, но нѣтъ между его гостями Святаго Николая. Возговоритъ святой Егорій: „Боже милый, гдѣ жѣ это нынче Св. Николай? Чтѣ онъ такъ залоздалъ?“ Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ вотъ явился Св. Николай, Святымъ призвалъ онъ Божью помощь, праведники отвѣтили ему тѣмъ же, предъ Никою они встали, съ собою рядомъ усадили и стали они пить холодное вино. Вотъ ужъ два, три раза обошла всѣхъ чаша круговая, а когда пошла четвертая, Николай взялъ ее въ руки—и внезапно заснулъ за полнымъ столомъ. И упалъ онъ на лѣвую сторону, изъ руки выпустилъ чашу, но вино изъ чаши не пролилось и стала она сама на столѣ. Скоро онъ однако проснулся, схватилъ вновь чашу рукою и сказалъ сербскую здравицу. Всѣ святые удивились и спросили: „Николае, праведникъ ты Божій, что заснулъ ты такъ внезапно, уронивъ на столъ чашу и она не разбилась, а литье въ ней не пролилось?“ Николай имъ въ отвѣтъ на это: „Мои братья, Божьи праведники, теперь я странствовалъ долго. Полыбла лодка по морю, въ лодкѣ было тридцать монаховъ, а народу не было и смѣты; день плохой случился, повѣялъ вѣтеръ южный, валы въ морѣ подыались, грозно на берегъ ударяли, лодку залило водою. Монахи раскрыли тогда книги, помянули всякаго Святаго, ни одинъ имъ не хотѣлъ помочь; ибо когда мы дѣлились, вы мнѣ дали всѣ морскіе корабли. Вотъ они и вспомнили Святаго Николая, съ Божьей помощью добрался я до лодки, захватилъ ее рукою,

остановилъ морской южный вѣтеръ и вывелъ на сушу погибавшихъ. Тогда-то я проснулся, чашу рукой схватилъ и буду всегда ходить по морю“. Всякій изъ бывшихъ тутъ святыхъ поцѣловалъ руку Николая: „хвала Тебѣ Божій угодникъ что Ты избавилъ Сербскій народъ и лодку отъ большихъ страданій.“ *

Празднованіе Славы совершается извѣстнымъ традиціоннымъ способомъ; поэтому народная лѣсня говоритъ что всякое отступленіе отъ обычая влечетъ за собой наказаніе. Эти обычаи Славы обязательны для всѣхъ, безо всякаго различія сословія и положеній. Въ наше время они соблюдаются болѣе или менѣе точно по селамъ; въ городахъ, конечно, дѣлаются значительныя отступленія. Въ этомъ отношеніи представляетъ много интереса другая лѣсня, содержаніе которой позволимъ себѣ также изложить. „Царь Симеонъ славить Славу въ Призрѣнѣ, славномъ городѣ, въ лучшее время года, весной, когда цвѣты цвѣтутъ: онъ славить Святаго Егорія. Собралъ онъ довольно сербскихъ сыновъ, поставилъ три полные стола: одинъ изъ сухаго золота, другой изъ чистаго серебра, третій изъ дерева шумшира. За первымъ сидятъ старцы-патріархи и полны-молодые монахи; за вторымъ—Сербы и бояре, и старѣйшины его земли; за третьимъ—ребята-простаки, между ними дьякъ-самоукъ. А служить имъ всѣмъ царь Симеонъ. Вынесъ онъ всякихъ сластей, довольно литья и довольно кушанья, и подаетъ онъ имъ вино и водку въ золотой чашѣ своею бѣлою рукой. Обошелъ онъ ихъ дватри раза, всѣмъ по порядку налилъ онъ холоднаго вина. Говорятъ ему сербскіе вельможи: „государь, царь Симеонъ! Намъ всѣмъ совѣстно: ты, государь страны Сербской, а намъ услуживаешь самъ, намъ подаешь литье. Послушай же насъ, сядь за столъ съ нами, имѣешь слугъ—пусть служатъ они, пусть они подаютъ намъ ливо“. Всѣ подтвердили эти слова, и царь сѣлъ. Когда всѣ напился холоднаго вина, царь Симеонъ выразилъ желаніе чтобы кто-нибудь залѣлъ лѣсню. Тогда „дьякъ-самоукъ“ (ученикъ) сказалъ: „Государь, царь Симеонъ! я бы сегодня скорѣе заплакалъ чѣмъ бы телеръ залѣлъ“ и у него полились слезы изъ глазъ. Всѣ смутились и говорятъ: „Стулай вонъ отсюда, дьякъ-самоукъ. Чтò тебя

* Петрановичъ. *Пѣсни*, т. I, стр. 21. Ср. *Пѣсни* Вука Караджича, т. II, стр. 99, гдѣ тотъ же разказъ изложенъ иначе, причеиъ Св. Николай *диже у славу*.

такъ взволновало что ты и насъ упрекаешь, да стыдишь и по лицу льешь слезы? Иль тебя чашей обнесли? Иль ты хочешь вина краснаго? Иль ты хочешь хлѣба бѣлаго? Если чаша тебя миновала, дадимъ тебѣ четыре за одну“. Дьякъ-самоукъ тогда объясняетъ такъ причину своихъ слезъ: „Когда стоялъ царь Симеонъ и самъ служилъ свое Крское Имя, по порядку всѣмъ былъ слуга, у него на плечахъ стояли два голубя золотые, у шеи его они миловались. А когда царь сѣлъ за столъ, отлетѣли два голубя золотые, прилетѣли два ворона гаврана, сѣли они на плечи царю, у шеи его они кривляются, шумятъ.“ За эти рѣчи всѣ разсердились на дьяка-самоука, тѣмъ болѣе что никто изъ присутствовавшихъ не видѣлъ ни голубей, ни вороновъ на плечахъ царя Симеона. Тогда дьякъ-самоукъ предлагаетъ средство испытать его: онъ предлагаетъ залереть его въ келлію изъ лучины и поджечь ее съ четырехъ сторонъ. Просить онъ лишь о томъ чтобъ ему было дано „честное“ Евангеліе. Если онъ сгоритъ то это будетъ значить что онъ былъ неправъ и обманывалъ. Царь Симеонъ такъ и сдѣлалъ: сейчасъ изъ лучины сдѣлали келлію и давъ дьяку Евангеліе, ввели его туда и подожгли келлію. Дьякъ-самоукъ сталъ „воспѣвать Христа преблагаго“, а царь Симеонъ съ гостями удаллся во дворець. На слѣдующее утро они нашли дьяка-самоука здоровымъ и невредимымъ на мѣстѣ пожараща. Огонь еще не погасъ, и Симеонъ, пораженный чудомъ, поспѣшилъ къ дьяку, но у него тотчасъ же загорѣлось платье. Всѣ бросились тушить платье на царѣ, тушили и 30 половъ, но никто не могъ потушить огня, и царь сгорѣлъ бы живьемъ еслибы дьякъ-самоукъ не махнулъ своею палкой и правою рукою и этимъ не потушилъ горѣвшаго на царѣ платья. Телерь и царь Симеонъ и 30 половъ-монаховъ поняли какъ правдивы были слова дьяка и стали просить его дать имъ поцѣловать его руку, но онъ обѣими руками захватилъ „живой огонь“ и положилъ его себѣ за поясъ, а затѣмъ потушилъ его: огонь былъ для него безвреденъ. И вотъ взяли они его за бѣлы руки, увели въ царскій дворець, сѣли за полный столъ и стали пить холодное вино, а царь Симеонъ имъ самъ служить. Онъ снялъ палку, взялъ золотую чашу въ бѣлыя руки, всякому самъ подаетъ и такъ имъ говорить: „Послушайте, братія мои дорогіе! и прости ты мнѣ, дьякъ-самоукъ, въ живой огонь бросилъ я тебя, а ты меня поучилъ уму и разуму,

твоя слава не погибнетъ ни у Бога, ни у добрыхъ людей, Богъ тебѣ судилъ небесное царство. Послушайте меня, братія мои дорогіе, когда у кого-нибудь изъ васъ будетъ праздноваться *Крсное Има*, не садитесь за полный столъ, пока не прославите своего праздника“. Тогда заговорилъ вновь дьякъ-самоукъ: „Государь, царь Симеонъ! Когда ты служишь на своей Славѣ, ты служишь не братіи, но своему славному Святому и да служить ему всегда и во вѣкъ всякій Сербъ по своему закону“. *

Въ Босніи, Герцеговинѣ, Далматіи и многихъ мѣстахъ Сербіи и теперь семья хозяина не садится за столъ вмѣстѣ съ гостями, но кушаетъ тогда когда гости уже отпировали и слушаютъ какую-нибудь юнацкую лѣсню, сидя у огня въ избѣ или предъ домомъ на лугу. **

На праздникъ Славы узнается будущее и судьба предстоящая даже цѣлому народу. Краль Милутинъ на свой Славѣ въ день Йована, по народной лѣснѣ, узнаетъ отъ стараго игумена и „дьяковъ-философовъ“ о судьбѣ Сербскаго племени, о намествіи Турокъ, которые разрушаютъ сперва алтарь въ „Іасофіи“ царьградской, а затѣмъ Петковицу-церковь въ Призренѣ „нашемъ (Сербскомъ) Цареградѣ“. По просьбѣ сербскихъ господъ, они затѣмъ предсказываютъ что Призренъ вернется Сербамъ, когда согласятся на то семь королей, просвѣщенныхъ вѣрою „Христа крещенаго“. Игуменъ и дьяки узнаютъ объ этомъ изъ книгъ, которыя лѣсня называетъ „книге старовнике“, ***

По народному повѣрью, празднующему Славу помогаетъ во всемъ Богъ. Г. Милчевичъ **** приводитъ народный разказъ изъ окрестностей Ниша о томъ какъ жена одного селяка передала своему мужу продать свой поясъ (лавте), такъ какъ

* *Сборникъ Петрановича* II. 97. У Вука Караджича т. II, 93, дѣйствующимъ лицомъ является царь Степанъ и его обличителемъ старый монахъ. Пѣснѣ (№ 12) помѣщенной у Петрановича соответствуютъ двѣ лѣсни въ *Сборникѣ Караджича* (т. II, 19 и 20). Можно думать что обѣ эти лѣсни Вуковы представляютъ лишь части этой одной, хотя лѣсня о царѣ Константинѣ и дьякъ-самоукѣ имѣетъ особое окончаніе.

** *Гласник*, XXX, стр. 331. Врчевичъ: *Три народни свечаности*, тр. 95.

*** *Сборникъ Петрановича*, т. III, стр. 66—71.

**** *Годишница* I, 110.

значе не на что было отпраздновать Славу. На рынкѣ онъ встрѣтилъ какого-то старца, который охотно купилъ у него поясъ его жены, заплативъ цѣну какую тотъ запросилъ. Селякъ, купивъ на добытыя такимъ образомъ деньги все нужное для праздника, возвращается домой и видитъ поясъ вновь на женѣ. Оказывается что во время отсутствія селяка приходилъ старецъ, купившій поясъ, и передалъ его женѣ селяка, будто бы по порученію ея мужа. Этотъ старецъ былъ, конечно, никто иной какъ тотъ Святой который праздновался въ день Славы того селяка, Святой Николай.

Въ одной народной пѣснѣ изъ Герцеговины разказывается какъ къ одному Сербу въ день его Славы пріѣхалъ нѣкій Турокъ или Потурченецъ „Джидовин Недо“, сталъ угощаться и запретилъ славить Славу и поминать имя Христово. Хозяинъ тогда послалъ свою жену на дорогу чтобъ она угостила виномъ и закусками перваго встрѣчнаго въ честь его домашняго праздника, праздновать который ему запретилъ какой-то наѣхавшій насильникъ, и рассказала ему о постигшей ихъ бѣдѣ. Лишь только она вышла на дорогу, ей встрѣтился Лютица-Богданъ, одинъ изъ выдающихся богатырей сербской народной поэзіи, который заѣхалъ въ домъ славящаго свой праздникъ Серба и убилъ Турка. * Въ другой пѣснѣ разказывается какъ воевода Тодоръ ушелъ изъ тюрьмы, благодаря святому Георгію, котораго онъ чествовалъ какъ своего локровителя, какъ „Крсно Име“. ** Въ день Славы, по народной пѣснѣ, рѣшались Сербскими государями важнѣйшія предпріятія; такъ постройку знаменитой Раваницы, теперь монастыря въ Сербіи, задумалъ князь Лазарь въ Крушевцѣ, на праздникъ своей Славы въ день Св. Амосія. *** А король Дечанскій Стефанъ Урошъ на праздникъ своей Славы передалъ своему сыну Стефану Душану, который въ пѣсняхъ иногда называется Симеономъ, царство, оставивъ за собою лишь нѣсколько монастырей. ****

Такимъ образомъ во мнѣніи народномъ праздникъ Славы пользуется особымъ почтеніемъ и значеніемъ. Онъ очень важенъ для того кто его празднуетъ, съ нимъ соединены всѣ

* Петрановичъ, т. II, стр. 471. Слава Дѣура Смедеревца.

** Вукъ Караджичъ, II, 96.

*** Вукъ Караджичъ, II, 198.

**** Петрановичъ, II, 107; III, 89.

важнѣйшія воспоминанія Серба, его празднованіе должно совершаться по извѣстной традиціи, идущей изъ стари. Славу празднуетъ всякій Сербъ. Въ Герцеговинѣ, Черногоріи и Бокъ Которской, рассказываетъ Врчевичъ *, нѣтъ дома который не славилъ бы свое старинное „Крсно Име“, будь онъ богатый или бѣдный. Послѣдній нищій, если не имѣетъ чѣмъ принять гостей на своей Славы, не забудетъ освятить хлѣбъ въ церкви и передать священнику для прочтенія поминальную книжку своихъ родныхъ“. Сербы готовы цѣлый годъ отказывать себѣ во всемъ, лишь бы на Рождествѣ и праздникѣ Славы принять и угостить по обычаю. Еслибы кто не отпраздновалъ своей Славы, ему бы казалось что онъ повиненъ не только предъ своимъ Святымъ, но и предъ Богомъ.

Слава или Крсно Име не есть праздникъ кого-нибудь одного изъ членовъ дома; это праздникъ всего дома, всего рода. Слава остается потомству, идетъ отъ дѣда и отца къ сыну и внуку, и выраженіе „угаси му се свѣча“, то-есть потуши его свѣча, которую зажигаютъ во время Славы,—самое горькое для Серба: оно значитъ что у такого человѣка нѣтъ сыновей, которые могли бы продолжать Славу своего отца. У Сербовъ не празднуется день рожденія или именинъ кого-нибудь одного изъ членовъ семьи, праздникъ Славы замѣняетъ для всѣхъ дни рожденія и именинъ.

Слава весьма рѣдко мѣняется. Впрочемъ, иногда, хотя и рѣдко, мѣняется Святой Славы, по той на примѣръ причинѣ что молитвы Святому прежней Славы не приносили того о чемъ славищій просилъ, между тѣмъ какъ молитвы другому святому оказались болѣе дѣйствительными **. Но и въ такихъ случаяхъ празднуется и первая старая Слава наравнѣ съ новою. Въ народѣ существуетъ слѣдующій разказъ: какой-то человѣкъ который славилъ Святаго Климента поплакъ въ рѣчку и сталъ тонуть. „Помоги, Святаго Климента, моя Слава!“ закричалъ онъ. Но вода его уносила все дальше. „Помоги мнѣ, Святой Николай!“ закричалъ онъ вновь, и сталъ опускаться на дно, но внезапно почувствовалъ дно подъ ногами и счастливо выбрался на берегъ. Тогда онъ сердито сказалъ: „э, мой Святой Климентъ! Климачеш“ (то-есть будешь похаживать теперь около моего дома, но повалпрасну). Съ этихъ поръ буду славить Святаго Николая, который помогаетъ.

* Въ вышеуказанной книгѣ, стр. 83.

** *Годишница*, I, стр. 97.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣняется Слава на основаніи обычаевъ. Такъ, зять живущій у тестя, пока тотъ живъ, славить Славу дома, а свою *кадитъ*, то-есть несетъ въ церковь свѣчку и просфору, но не зоветъ гостей. Усыновленный принимаетъ Славу своего новаго отца. Наслѣдникъ обязанъ вмѣстѣ съ наслѣдствомъ принять и Славу того чье имущество унаслѣдовалъ. Въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ нѣсколько Славъ, которыя обязанъ также свято праздновать. Вдова и вообще замужняя женщина славить Славу своего мужа, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ей разрѣшается обычаемъ славить Славу и своего рода, а именно: если она унаслѣдовала все имущество своего отца какъ единственная наслѣдница и такимъ образомъ является юридическою единицей въ своей общинѣ.

Связь родственная, хотя и отдаленная, иногда опредѣляется днемъ празднованія Славы. Если Слава двухъ семей живущихъ въ разныхъ мѣстахъ приходится въ одинъ и тотъ же день, то это считается признакомъ нѣкоторой родственной связи между ними, связи скрывающейся въ свѣдѣ старинѣ. Въ старину между лицами въ семьяхъ которыхъ празднуется одинъ и тотъ же день Славы не могло быть заключено брачнаго союза, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ужичкаго округа въ Сербіи и до сихъ поръ самъ народъ не допускаетъ подобныхъ браковъ.

Убийца оласяющійся кровной мести, которая и теперь отчасти сохранилась у Сербовъ Черногоріи, спасается тѣмъ что, мѣняя мѣстожительство, мѣняетъ и день своей Славы, хотя свою старую Славу онъ все-таки кадитъ. Этою перемѣной Славы онъ словно отказывается отъ своего рода, становится ему чужимъ, а слѣдовательно его родъ не повиненъ въ крови имъ пролитой.

Всякій членъ задруги, которая непремѣнно связана самымъ близкимъ родствомъ, конечно празднуетъ ту же Славу что и задруга. Если онъ уйдетъ изъ задруги и поселится въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ не выдѣлившись изъ задруги, онъ не имѣетъ права въ своемъ новомъ мѣстожительствѣ ни печь особаго *колача славскаго*, ни готовить *кѣлива*, хотя можетъ принимать и угощать друзей и знакомыхъ въ день своей Славы. Въ задругѣ готовится на его долю какъ хлѣбъ, такъ и кѣливо, какъ будто бы предполагается что отсутствующій членъ ея вернется въ свою семью. Праздновать свою Славу въ полномъ смыслѣ, то-есть съ соблюденіемъ

всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, можетъ лишь тотъ кто совершенно выдѣлился изъ задруги.

Г. Милчевичъ въ своей интересной статьѣ о Славѣ, о которой мы уже упоминали и откуда почерпнули многія данныя, перечисляетъ главнѣйшіе дни празднованія Славы, а также и даетъ число празднующихъ въ извѣстный день въ Бѣлградѣ свою Славу. * Оказывается что въ сербской столицѣ наибольшее число жителей празднуетъ Славу въ день Св. Николая 6 декабря. Затѣмъ идетъ празднованіе Михаилова дня — 8 ноября, Юрьевъ день—23 апрѣля и Святаго Іоанна—7 января. По Славѣ иногда судятъ, откуда переселилась та или другая семья въ Бѣлградъ. Такъ Герцеговинцы и всѣ тѣ которые происходятъ изъ Герцеговины обыкновенно славятъ Св. Георгія, патрона Герцеговины; въ Шумадиіи особенно много славящихъ въ Николинъ день (6 декабря). Мѣстами встрѣчаются села гдѣ празднуютъ одну Славу почти всѣ жители.

Въ Герцеговинѣ, Бокъ-Которской и Черногоріи, по словамъ Врчевца, ** болѣе всего семей славящихъ Георгіевъ день (23 апрѣля), Димитріевъ день (26 октября), Николинъ (6 декабря) и Ивановъ день (7 января). У славящихъ въ одинъ и тотъ же день имѣется даже общее прозваніе: Дюрдевштаца—Георгіевцы, Митровштаца—Димитріевцы, Никольштаца—Николаевцы и Іованштаца—Іоанновцы. Тѣ которые празднуютъ Славу въ одинъ день считаются „бравственици“, то-есть братственниками, родными.

Происхожденіе этого обычая сербскіе этнографы обыкновенно объясняютъ тѣмъ что всякая сербская семья святитъ на праздникъ Славы тотъ день когда она приняла крещеніе во время перехода изъ язычества въ христіанство *** и такимъ образомъ сохраняетъ воспоминаніе о своемъ до-христіанскомъ періодѣ жизни. Г. Милчевичъ полагаетъ что „апостолы святой вѣры“ сдѣлали уступку Сербамъ-язычникамъ, разрѣшивъ „чтобы всякая семья вмѣсто стараго домашнего божка избрала своимъ домашнимъ защитникомъ того христіанскаго Святаго въ день празднованія коего она приняла крещеніе, и чтобы въ этотъ день въ послѣдствіи

* *Годишница*, т. I, стр. 101 и 102.

** *Три народне свечаности*, стр. 85.

*** *Ibidem*, стр. 83.

дѣлала воспоминаніе о своихъ покойникахъ и праздновала свое крещеніе“. * Такое объясненіе происхожденія праздника Славы, по нашему мнѣнію, ни на чемъ не основано, и не естественнѣе ли предположить что Сербы-христиане сохранили нѣкоторые свои домашніе праздники временъ язычества, причѣмъ каждая семья осталась при своемъ домашнемъ языческомъ праздникѣ, замѣнивъ лишь своего божка именовъ христианскаго Святаго подѣ влияніемъ христианскихъ проповѣдниковъ. Кромѣ естественности такого объясненія празднованія Славы, намъ кажется что мы въ состояніи найти и языческой его первообразъ или лучше слѣдъ въ ляматникахъ славянской старины.

Общій характеръ празднованія Славы, какъ видно изъ предшедшаго описанія ея обряда, *поминальный*. Это праздникъ *уплаго рода*, чествованіе умершихъ, воспоминаніе о предкахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ моленіе о живыхъ. Слово *крсно*, прилагаемое къ названію этого праздника—*крсно иже*, не менѣе употребительному чѣмъ названіе *Слава*, а также и роль свѣчи и огня служатъ достаточнымъ указаніемъ на значеніе *огня* на праздникѣ Славы. *Крес* или *крижес* зовется огонь раскладываемый по холмамъ по поводу какого-нибудь народнаго праздника; ** въ Хорватіи этимъ словомъ называютъ огонь, раскладываемый наканунѣ Иванова, Петрова и Юрьева дней. Этимъ же словомъ во множественномъ числѣ (*Кресови*) называются три дня предъ Ильинымъ днемъ (20 іюля) и три дня послѣ него, вслѣдствіе ихъ жары. У Словенцевъ въ Крайнѣ *крес* означаетъ праздничный огонь, а у Хорутанъ *кресницями* называютъ дѣвъ предрекающихъ судьбу новорожденнымъ, *роженницъ*, которыхъ по тамошнему повѣрію можно видѣть во время *креса*—праздника Кулала (24 іюня). *** Самое названіе праздника *Крсно Иже* указываетъ на связь праздника съ чествованіемъ *огня*, этого символа жизни, присутствіе котораго необходимо во всѣхъ празднествахъ поминальнаго характера.

Въ старыхъ ляматникахъ и въ живыхъ народныхъ сказаніяхъ у Славянъ мы находимъ упоминаніе о чествованіи

* *Годишница*, стр. 90.

** Вукъ Караджичъ. *Leison*, S. Verbo.

*** Калачовъ, *Архивъ историко-юридическихъ содѣній* и т. д. 1855, т. II, ч. 1, статья Срезневскаго: *Роженницы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ*, стр. 105.

Рода и *Роженница*. Покойный И. И. Срезневскій * собралъ свидѣтельства попадающіяся въ нашихъ памятникахъ о поклоненіи Роду и Роженицамъ. Онъ въ роженицахъ видитъ „дѣвъ судьбы и жизни“ и отождествляетъ ихъ съ Парками. Сопоставляя преданія славянскія съ вѣрованіями и сказаніями греческими, римскими, кельтскими и германскими, нашъ ученый приходитъ къ убѣжденію что Роженицы—лишь славянскій образъ того разряда богинь который существовалъ въ мѣологии всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Памятники въ коихъ упоминается о празднованіи *Роду* и *Роженницамъ* принадлежатъ ** къ письменности южно-славянской: болгарской и сербской. Мы остановимся лишь на тѣхъ мѣстахъ этихъ свидѣтельствъ гдѣ упоминается объ обрядахъ сопровождавшихъ это поклоненіе Роду и Роженицамъ. Въ Парамейникѣ 1271 года встрѣчается выраженіе: „вы... готовящеи рожаницамъ тралезу“. Въ сборникахъ извѣстныхъ подъ названіемъ *Златоустъ*, въ *Словъ* о поставляющихъ тралезу Роду и Рожаницамъ повторяется это же мѣсто и упоминаются еще „ставѣнще тралезоу родоу и рожаницамъ“. Рожаницамъ пѣлись и пѣсни: „вы поете пѣсни бѣсовски идоломъ родоу и рожаницамъ“. Увѣщаніе оставить этотъ языческій обычай, *Слово* говоритъ: „се же чада слышащеи, останѣте ся поустошнаго того творенія, и слоужбы тоя сатанины. наставѣнне тралезы тоя коумирьскыя нареченыя родоу и рожаницамъ“. Въ Паисіевскомъ сборникѣ, описанномъ Шевыревымъ въ *Попѣдкѣ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь*, встрѣчается мѣсто: „оттуда же извыкоша елени класти требы артемиду и артемидѣ, рекше роду и рожаницѣ, тацѣи же егултыяе. Тако и до Словѣнъ доиде се слово и ти начаша требы класти роду и рожаницамъ, преже Перуна, бога ихъ. А переже того клали требу улиремъ и берегинямъ; по святѣмъ крещеньи перуна отринуша, а по Христа Бога яшась; но и нонѣ по украинамъ молятъ(я) ему проклятому богу Перуну, и Жорсу, и Мокоши, и Вилу, и то творять отац, сего не могутъ лишити(ся) проклятаго ставленья вторыя тралезы нареченыя Роду и Рожаницамъ, на велику прелестъ вѣрнымъ крестьяномъ и на хулу святому крещенью и на гнѣвъ Богу“ и т. д. Въ *Словъ* нѣкагого

* См. вышеуказанную статью Срезневскаго.

** Срезневскій, *ibidem*, стр. 106.

Христолюбца, * послѣ перечисленія различныхъ языческихъ божествъ, между коими упоминаются *родъ и рожаницы*, говорится: „не тако же просто зло створимъ, но и мѣшаемъ чистыя молитвы съ проклятымъ моленіемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутья цны трапезы, ** законнаго обѣда, иже нарицаеть незаконная трапеза, мѣвиная роду и рожаницамъ“. Востоковъ указалъ въ одномъ цвѣтникѣ; говоря о Родѣ и Рожаницахъ, мѣсто: „съ робятъ первыя волосы стригутъ и бабы *каши варятъ* на собраніе рожаницамъ“. *** Наконецъ, въ извѣстномъ *Вопрошаніи* „Кюриковомъ“ говорится: „Аже се роду и рожаницѣ крають хлѣбы и сыры и медъ. Бороваше велми, нѣгдѣ, рече, молвить: горе льющимъ рожаницѣ“. Профессоръ Э. И. Буслаевъ, комментируя это мѣсто, замѣчаетъ что здѣсь заключается „намекъ на лживые тропари роду и рожаницамъ вводившіеся на пирахъ“, очевидно принимаая здѣсь *пьюцимъ* вмѣсто *поюцимъ*, не *пюцимъ*. ****

Такимъ образомъ памятники даютъ намъ свидѣтельство что роду и рожаницамъ ставились трапезы, клалась требы, что имъ „*крають*“, то-есть сѣкутъ или рѣжутъ хлѣбы, поють лѣвси и льютъ въ ихъ честь. Въ списокѣ *Слова* Христолюбца 1523 года, находящемся въ Румянцевскомъ музеѣ, тотъ часъ послѣ рѣчи о вѣрованіи въ вилѣ говорится: „пкладавають имъ требы и короваи имъ домятъ и огневи ся молятъ, зовущи его сварожцемъ.“ † Христолюбецъ говоритъ что поклоненіе разнымъ языческимъ богамъ совершаютъ „не токмо не вѣжи, но и вѣжи, полови и книжницы. Аще ли не творятъ того вѣжи, да льютъ и ядятъ моленое то брашно“. У того же Христолюбца находимъ указаніе что во время пира особеннымъ почтеніемъ пользовался чеснокъ, который клали въ чаши изъ коихъ лили на праздникѣ. Замѣтимъ что лукъ и чеснокъ и теперь любимая и почти необходимая приправа кушаній на славянскомъ Югѣ у Сербовъ и

* Буслаевъ. *Историческая Христоматія*, стр. 522.

** Мы читаемъ это мѣсто такъ какъ находится въ Паисіевомъ сборникѣ, а не по вариантамъ указаннымъ въ сноскахъ въ христоматіи Буслаева. Принято же читать „кутъиныя трапезы“. *Кутья*—кѣливо, и въ Бѣлоруссіи слово это и до сихъ поръ употребляется въ этомъ значеніи.

*** Срезневскій. *Ibidem*, стр. 104.

**** Буслаевъ. *Историческая Христоматія*, стр. 403.

† Буслаевъ, *ibidem*, стр. 520.

Болгарь и въ блюдахъ приготовляемыхъ къ обѣденному столу въ день Славы онъ также играетъ большую роль. По словамъ г. Милчевича, въ Ужицкомъ округѣ, гдѣ всего болѣе сохранились древніе обычаи, на Славу особенно много готовится *луку*, то-есть луку и чесноку. * Сыръ, который, по *Вопрошанію* Кирика, употреблялся для торжества Роду и Рожаницамъ, составляетъ также необходимое блюдо во многихъ мѣстахъ на пиру въ день Славы (Златиборъ). ** Въ деревняхъ гдѣ сохранились старые обычаи, на Славѣ пьютъ прежде всего теплый напитокъ изъ меду, называемый „медляной“. Этотъ напитокъ составляетъ тамъ необходимую принадлежность праздника, и самый бѣдный селякъ заласается медомъ къ этому дню. Известна и у насъ роль меду и сыты на поминкахъ и похоронныхъ обѣдахъ.

Покойный С. М. Соловьевъ отмѣтилъ чествованіе Рода и Рожаницъ, какъ возданіе почести памяти умершихъ. Онъ въ нихъ видѣлъ „духовъ покровителей цѣлаго рода и каждаго родича“. *** Аванасьевъ, изслѣдователь мифологическихъ преданій Славянъ, думалъ иначе. Онъ полагалъ что „Родъ и Рожаницы были божества олицетворявшія собою идею судьбы“. Рожаница, по его мнѣнію, своего рода геній или духъ, который давался каждому человѣку при его рожденіи и опредѣлялъ его будущую участь. Празднованіе Роду и Рожаницамъ должно вызывать благосклонность божествъ къ новорожденному младенцу. ****

Замѣтимъ что вопросъ о значеніи Рода и Рожаницъ въ славянской мифологіи и о мѣстахъ памятниковъ гдѣ упоминается ихъ чествованіе подлежитъ новому и основательному пересмотру. Мы слышали что профессоръ Московской Духовной Академіи Мансветовъ, сдѣлавшій докладъ въ Археологическомъ Обществѣ, готовитъ интересное изслѣдованіе объ этихъ пра-славянскихъ божествахъ или геніяхъ. Но мы думаемъ что и тѣхъ немногихъ чертъ

* По-сербски чеснокъ называется *бели лук*, лукъ же *црни лук*.

** *Годишница*, I, стр. 118.

*** *Архивъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній*, Калачова, кн. I, стр. 35.

**** *О значеніи Рода и Рожаницъ*. Аванасьевъ. *Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній* Калачова, книга 2я, ч. 1, стр. 141, и *Поэтическая воззрѣнія Славянъ на природу*, т. III, стр. 419.

чествованія Рода и Рожаницъ которыя мы выше указали достаточно для того чтобы въ празднованіи Славы видѣть преемственную связь съ языческимъ чествованіемъ Рода и Рожаницъ. Новый человекъ въ мірѣ составляетъ продолженіе той дивной цѣли предковъ души коихъ населяютъ Олимпъ родовыхъ, домашнихъ божествъ. Поэтому понятно что праздникъ Рода получилъ особый отбѣнокъ поминальный, сдѣлавшись праздникомъ не только живущихъ, но и отошедшихъ въ вѣчность. Сербская Слава—праздникъ рода, и здравицы по преимуществу состоятъ изъ всякихъ пожеланій добра, здоровья, счастья, многочадія всѣмъ живымъ, а молитвы и поклоны носятъ характеръ поминальный. Это поистинѣ праздникъ Рода, связывающій прошлое съ настоящимъ и будущимъ. Значеніе и роль огня въ народныхъ вѣрованіяхъ достаточно извѣстны. Всякое поминаніе покойниковъ непременно сопровождается огнемъ: въ Сербіи есть даже обычай не тушить свѣчу зажженную на могилѣ: она сгораетъ до конца и сама гаснетъ. На кладбищахъ сербскихъ по субботамъ, часто можно видѣть *коливо* (кутью) на могилахъ и слышать обычныя припайки и причитанья женщинъ.

Итакъ, мы думаемъ что праздникъ Славы, какъ преемство чествованія Рода и Рожаницъ, есть праздникъ рода, причемъ въ самой формѣ празднованія осуществляется единеніе умершихъ съ живыми. Вѣроятно и чествованіе Рода и Рожаницъ носило также поминальный характеръ, какъ это указывалъ С. М. Соловьевъ. Что касается имени *Слава*, которымъ названъ праздникъ *Крсно Иже*, то оно происхожденія позднѣйшаго и замѣнило собою это древнѣйшее. Вѣроятно служители церкви замѣнили имъ старое названіе, желая уменьшить впечатлѣнія языческія. Самое слово *славити* почти синонимъ *праздновать*, *торжествовать*, а потому *Слава* можетъ быть переведено просто словомъ *праздникъ*.

Дни празднованія Славы, какъ было выше сказано, различны въ разныхъ мѣстностяхъ. Особенно же распространено празднованіе Славы въ Николинъ и Юрьевъ дни. Почти вся Герцеговина празднуетъ послѣдній. Можетъ быть это объясняется празднованіемъ зимняго поворота солнца на лѣто и праздникомъ весны. Тотъ фактъ что Слава празднуется во многіе цыне дни вѣроятно можно объяснить позднѣйшимъ стараніемъ лишить этотъ праздникъ языческаго

характера и связать его, напимѣръ, съ храмовымъ праздникомъ того села гдѣ празднуется та или другая Слава. Можно утверждать что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у всѣхъ жителей была одна и та же Слава, но съ переселеніемъ жителей изъ одной мѣстности въ другую Славы перемѣшались. Въ Бѣлградѣ и теперь о празднующихъ, напимѣръ, Юрьевъ день, какъ Славу, утверждаютъ что такіе жители города переселенцы изъ Герцеговины по своимъ предкамъ.

ПЛАТОНЪ КУЛАКОВСКІЙ.

Послѣсловіе. Эта статья возникла изъ доклада сдѣланнаго мною въ февралѣ текущаго года въ Этнографическомъ отдѣленіи Московскаго Общества Любителей Естествознанія. Послѣ доклада одинъ изъ присутствовавшихъ, г. Шапошниковъ, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія. Онъ указывалъ что обычай побратимства и празднованіе Славы—виды одного и того же обычая и что обрядъ крученія свѣчи въ Могилевской губерніи, имъ тутъ же разказанный, соответствуетъ сербской Славѣ. Признаемся насъ не убѣдили эти слова оппонента и что мы не находимъ ничего общаго между связью чужихъ другъ другу лицъ въ побратимствѣ и Славой указывающею на родовую связь лицъ. Что касается обычая крученія свѣчи въ Могилевской губерніи, то опять—таки это своеобразный обычай, подходящий лишь къ общему типу обычая въ поклоненія огню. Болгарская газета *Марица* (№ 485 отъ 3 мая), перепечатывая извѣстіе о моемъ докладѣ, замѣчаетъ что „празднованіе Славы сербской въ нѣсколько измѣненной формѣ можетъ быть обложено съ закланіемъ жертвы *курбанъ* въ честь какого-то Святаго“, обычаемъ чисто-болгарскимъ. Въ закланіи *ягненка* (см. выше) на Славѣ села можно видѣть примѣсь къ Славѣ и другихъ обычаевъ, но мы пока не видимъ ничего общаго между Славой и курбаномъ. Слѣдуетъ быть осторожнымъ въ вопросѣ о принадлежности того или другаго обычая тому или другому славянскому племени. Извѣстно что Сербы даже опредѣляютъ границы своего племени празднованіемъ Славы, но одинъ обычай еще ровно ничего не говоритъ въ пользу той или другой этнографической границы племени.

П. К.

НЕ ПЕРВАЯ И НЕ ПОСЛѢДНЯЯ

РАЗКАЗЪ

I.

Юня 15, 1880.

Наконецъ-то я въ деревнѣ, въ той самой Березовкѣ гдѣ мы провели нѣсколько мѣсяцевъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, послѣ свадьбы. Еслибы мнѣ предсказали тогда что я переживу мужа я бы сошла съ ума, а вотъ уже шесть лѣтъ минуло со дня его кончины, время взяло свое, но сердце очень устало, локоя просить.

Эта деревня, этотъ домъ разбередили во мнѣ большое мѣсто, и не въ первый разъ пришлось подумать: блаженны тѣ кому не дана способность страдать. Желаніе быть на нихъ похожею недостойно развитаго человѣка, — знаю, а все-таки имъ завидую. Я спрашивала у своего духовника, будетъ ли Господь Богъ судить такихъ людей снисходительнѣе чѣмъ насъ. Онъ отвѣчалъ: „Что Ему въ деревянномъ-то обрубкѣ!“

Я здѣсь независима, а съ моимъ характеромъ, хотя мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, отъ зависимости не уйдешь, развѣ случай выручитъ. Подумаешь, еслибы свекровь не поѣхала лѣчить-ся за границу, я провела бы, какъ и всегда, не то сердобольною, не то компаньонкою съ ней все лѣто въ пыльной Москвѣ. Прости Господи! Желая ей ото всей души жить до ста лѣтъ за морями и за горами.

Въ Москвѣ я бываю постоянно тамъ гдѣ мнѣ смертельно скучно, не дорвусь туда гдѣ мнѣ хорошо и злѣю молча; здѣсь я нигдѣ не бываю, ни на кого не злѣю, на меня не вѣетъ со всѣхъ сторонъ духомъ цинизма и разрушенія. Я было рѣшилась не выписывать журналовъ,—нельзя. Болѣзненное любопытство такъ и тянетъ къ новостямъ; но, слава Богу, все какъ будто приутихло, умиротворилось, такъ что и газеты я открываю безъ особеннаго смущенія. Съ собой я не привезла ни одной современной книги, но выбрала изъ библіотеки нѣсколько томовъ Бальзака и Гоголя. Кабинетъ я себѣ устроила прелестный, въ бывшей гостиной, большая комната, не высокая, вся окруженная садовыми деревьями; въ ней не жарко и въ полуденный зной. По внутренней стѣнѣ стоятъ старинные шкалчики съ книгами, а возлѣ оконъ горшки съ цвѣтами. Въ этомъ уютномъ, тихомъ раю я бесѣдную мысленно съ моимъ милымъ мужемъ. Я вѣрю въ общеніе душъ. О, я крѣпко вѣрю что въ мірѣ много мы другъ друга узнаемъ!

Юня..

Письмо отъ сестры. Она восхищается Крымомъ: мужъ ея и дѣти здоровы, и она сама крѣпчаетъ ежедневно отъ морскихъ куланій. Какъ милая моя Ката рада, что я освободилась хоть на время отъ тещи; увѣряетъ что телерь меня къ ней не лустятъ. Получила тоже много писемъ отъ друзей и родныхъ, такіа добрыя письма. Кто зоветъ въ деревню на домашній спектакль, кто предлагаетъ развлеченіе въ семейной жизни; но мнѣ нужны тишина, спокойствіе и болѣе ничего.

Праздество въ честь Пушкина единственное воспоминаіе на которомъ я отдыхаю. Не доказало ли оно что въ самомъ сердцѣ нашего общества таится отчаянный протестъ противъ современнаго направленія. Кто передастъ восторгъ публики когда больной вдохновенный Достоевскій возстановилъ образъ русской женщины въ лицѣ Татьяны?... Налоръ долго подавленныхъ чувствъ былъ такъ силенъ что въ собраніи сдѣлалось настоящее смятеніе. Толпа встала, заколыхалась; плакали, кричали, махали платками: на нѣсколько минутъ заслонили отъ меня Достоевскаго; но я его видѣла когда онъ отклонилъ рукой лавровый вѣнокъ, который сняли съ бюста Пушкина чтобъ увѣнчать имъ оратора. Что за

человѣкъ этотъ Достоевскій! Подумаешь: дѣйствующія лица полупомѣшаны или совсѣмъ помѣшаны; много и грязныхъ страницъ... Но и тутъ остался отлечатокъ души автора. Это душа горитъ и любитъ какъ алостоль Павелъ велѣлъ любить. Авторъ касается грязи для того только чтобы въ ней отыскать хоть частицу золота.

Въ тогдашнихъ дѣяхъ было что-то улоительное; мы жили духовною жизнью. Торжество Пушкина было торжество нашихъ лучшихъ нравственныхъ стремленій. Мнѣ казалось что вся Россія обновилась въ ту минуту когда покрывало слустилось съ памятника, и грянуло это магическое для русскаго человѣка слово: ура!

Юля...

Сегодня меня навѣстилъ нашъ приходскій священникъ. Добрякъ. Намъ когда-то удалось ему оказать услугу, о чемъ онъ не забылъ. Между прочимъ я замѣтила что революционеры утихли; онъ покачалъ недовѣрчиво головой и разказалъ что недавно къ нимъ въ школу прислали учителя, нѣкоего Перлова, человѣка очень подозрительнаго. Я спросила почему онъ подозрителенъ.

— Какъ вамъ сказать? Громогласно-то онъ своихъ почитій не проповѣдуетъ, но всѣ его слова, и онъ самъ, пропитаны чѣмъ-то недобрымъ, нечистымъ. У насъ въ школѣ можетъ преподавать лишь человѣкъ безъ средствъ, а этотъ хорошо одѣвается, куритъ дорогой табакъ, держитъ бѣлую кухарку, такъ она разказывала что у него въ чемоданѣ листолеты и кинжалъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, не разъ въ окрестностяхъ подбрасывали прокламаціи. И переписку онъ ведетъ большую: пишетъ за границу и въ Петербургъ; въ церковь же никогда не заглядываетъ. Очень онъ мнѣ подозрителенъ!

— Суда по тому что вы разказываете, батюшка, напрасно ему повѣрили воспитаніе молодежи.

— Да что же прикажете дѣлать! Здѣшній помѣщикъ Юхновскій и доводилъ до начальства что, молъ, прислали человѣка ненадежнаго,—вниманія не обратили, можетъ и не повѣрили. Твердо сидитъ. А его мѣста добивалась Анна Ильиншна Пальчикова, ваша сосѣдка, прекраснѣйшая женщина. Вы знакомы?

— Нѣтъ, и не встрѣчалась.

— Молодая женщина, а чай тридцати лѣтъ не будетъ, а тоже горюетъ. Мужъ ее бросилъ, уѣхалъ да пропалъ. Въсточки о себѣ не даетъ вотъ уже два года. Я такъ думаю ужь не къ *какъ* ли шайкѣ онъ присталъ. Съ Перловымъ-то ошитоварищи были. Что бы вамъ познакомиться съ Анной Ильинишной? Живетъ она одиноко и плакать-то ей не съ кѣмъ. Имѣньице ее отъ васъ всего въ полуверстѣ если не въ объѣздѣ, а подемъ идти по тропинкѣ. Скажу ей чтобъ она просто къ вамъ пришла.

— Нѣтъ! подождите, батюшка; не говорите ничего. Какъ-нибудь познакомимся.

— Ну, какъ угодно.

Когда онъ ушелъ мнѣ стало совѣстно что я отказалась отъ знакомства. Бѣдная женщина! Изъ двухъ несчастій, легче можетъ-быть похоронить любимого человѣка чѣмъ знать что онъ умеръ для насъ заживо.

Юля...

Случай мнѣ далъ возможность поправить мою вину. Сегодня я поѣхала къ обѣднѣ; во время службы разразилась гроза и хлынулъ ливень. Возлѣ меня, около клироса, стояла стройная, довольно полная молодая женщина въ круглой шляпкѣ; къ концу обѣдни къ ней подошла старушка и спросила:

— Анна Ильинишна, матушка, какъ же вы къ себѣ-то доберетесь? Гляди, на цѣлый день проливной пошелъ.

— Что дѣлать! Какъ-нибудь доберусь.

Я вмѣшалась въ разговоръ.

— Позвольте мнѣ васъ довести. Мы, кажется, сосѣди.

— Мнѣ совѣстно. Вамъ все-таки надо дать крюкъ.

— Объ этомъ не стоить и говорить.

— Въ такомъ случаѣ очень вамъ благодарна.

Мы сѣли въ пролетку. Спутница моя отвѣчала не сложно на нѣсколько сказанныхъ мною лустыхъ фразъ; мы скоро доѣхали. Поблагодаривъ меня, она собралась выйти изъ пролетки; я ей сказала:

— Надѣюсь мы будемъ видаться.

— Если вы этого желаете... я очень рада. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, налейте у меня чаю, а лошадей поставьте подъ навѣсъ.

Я согласилась.

Мнѣ понравилась ея наружность своеобразно красивая. Лицо ея кругловатое, полное, глаза большіе и смотрятъ иногда безъ выраженія, словно оловянные; иногда же совсѣмъ синіе, а когда она ихъ прищуриваетъ, какіе-то масляные. Носъ толстоватъ, слегка приподнятъ и маленькій ротъ. Мнѣ кажется что она должна нравиться мужчинамъ больше чѣмъ женщинамъ. Воспитывалась она кое-какъ; ея природный умъ не отзывается начитанностью; тѣмъ лучше.

— Чѣмъ вы больше занимаетесь? спросила я.

— Ничѣмъ особенно; своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Всего-то у меня тридцать десятинъ земли, фруктовый садъ да огорождъ. Они меня и кормятъ. Я съ нихъ собираю ежегодно нѣсколько сотъ рублей. Помѣщаюсь я, какъ видите, въ четырехъ комнаткахъ, да больше мнѣ и не нужно. По милости сосѣдей читаю иногда журналы. Очень мнѣ хотѣлось учить дѣтей, да на мою бѣду начальство назначило школьнаго учителя.

— Перловъ, кажется? Говорятъ, нигилистъ?

— Да, пріѣхалъ дѣтей добру учить. И не однихъ дѣтей, и взрослыхъ-то онъ съ толку сбивалъ. Можетъ-быть людей хорошихъ увлекъ!

Она сказала съ ожесточеніемъ эти слова, въ которыхъ крылся намекъ на ея мужа. Я уже слышала отъ отца Николая что по всѣмъ вѣроятностямъ Пальчиковъ присталъ къ бунтовщикамъ. Анна Ильинишна замолкла; въ ея глазахъ я увидѣла злое выраженіе. Мнѣ стало неловко. Я заговорила о другомъ.

— Анна Ильинишна, позвольте васъ попросить вывести этотъ букетъ фіалокъ. Крѣпкаго залаха я не выношу.

— Ахъ, такіа-то вы! отвѣчала она послѣдно вставая чтобъ отвезти букетъ въ другую комнату.—Хрустальная, а вотъ у меня не нервы, а снасти; все выносятся, не то что залахъ цвѣточка. Въ иное время дала бы Богъ знаетъ что чтобы схватить тифъ и пролежать безъ памяти мѣсяца три, четыре!.. И напрашиваешься на болѣзнь, да не береть.

— Бываетъ И такъ, сказала я,—что желаешь заболѣть и совсѣмъ не встать.

Она взглянула на меня и промолвила послѣ минутнаго молчанія.

— Видно и вы не мало страдали! Повѣрьте мнѣ: больно когда смерть разлучаетъ людей, но когда ихъ разлучаетъ жизнь—еще больнѣе.

Я не ошиблась рѣшая за нее на дняхъ этотъ страшный вопросъ. Бесѣдовали мы довольно долго и очень пріятно. Въ этой личности нѣтъ ничего условнаго; она мнѣ нравится.

Юля...

Анна Ильинишна бываетъ у меня почти каждый день и начинаетъ сильно ко мнѣ привязываться, чему я очень рада. Вчера она принесла мнѣ огромный букетъ васильковъ.

— Ахъ, милая Анна Ильинишна, мои любимые цвѣты!

То-то, вы говорили вчера что ихъ любите, я и набрала во ржи...

Она стояла возлѣ меня и сказала съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Вы мой добрый ангелъ...

И обняла меня своими крѣпкими руками. Всѣ ея чувства сильны и выражаются иногда черезчуръ своеобразно. Мы перелистывали журналы: въ Петербургѣ открыли новую типографію и задержали двухъ молодыхъ.

— И читать-то гадко! замѣтила Анна Ильинишна, бросая газеты на столъ.—Ахъ! еслибъ я была диктаторомъ! (она сжала кулакъ). Я бъ ихъ подтянула! Не смѣйтесь; я бы освободила край, я была бы русская Иоанна д'Аркъ.

— Однако, что же бы вы сдѣлали?

— Сама по себѣ я бы ничего не сдѣлала; мнѣ было бы указано свыше что надо сдѣлать... Я была бы только орудіе въ рукахъ Господа Бога... Затѣмъ съ радостью пошла бы на костеръ, на всѣ мученія на которыя осудили бы меня наши враги!

У ней жесткій выговоръ, и она говоритъ контральтомъ; но въ эту минуту ея голосъ словно зазвенѣлъ, глаза разгорѣлись; право, въ эту минуту художникъ съ удовольствіемъ набросалъ бы ея портретъ. Отъ политическаго разговора насъ отвлекло письмо сестры. Оно опоздало тремя днями, я ему сильно обрадовалась.

— Вы очень дружны съ вашею сестрой? спросила моя сосѣдка.

Она мой лучший другъ.

— И вы ея лучшей другъ?

— Конечно. Послѣ мужа и дѣтей она никого такъ не любить какъ меня.

— Послѣ мужа и дѣтей! повторила Анна Ильинишна.— Стало-быть вы на третьемъ планѣ и довольны? Признаюсь, вы не взыскательны.

— Не взыскательна? повторила я въ свою очередь съ немалымъ удивленіемъ.— Не дай Богъ чтобъ она меня предпочитала своему семейству! Тогда она не была бы счастлива.

— Пусть будетъ несчастлива, лишь бы меня любила больше всѣхъ.

— Какой эгоизмъ! Такъ-то вы понимаете любовь?

— Такъ. Я пойду въ огонь и въ воду за тѣхъ кого люблю, но требую обоюднаго чувства. Когда человекъ готовъ жертвовать собой, онъ не эгоистъ.

— И да, и нѣтъ... Какъ вамъ сказать... Ну, если вы не эгоистка, то вы деслотъ въ чувствѣ.

— Можетъ-быть; вѣрно только то что не всякій способенъ любить какъ я. Узнаете меня поближе, сами увидите.

Она замолкла, потомъ промолвила:

Я любила страстно мать и мужа.

О своемъ мужѣ она заговорила прямо въ первый разъ.

Я спросила:

— А теперь?.. Вы еще его не забыли?

— Теперь?.. теперь я его ненавижу.

Ея лицо приняло такое выраженіе что мнѣ стало страшно. Глаза ея посинѣли; въ нихъ мелькнулъ злобный блескъ. Она поблѣднѣла. Я поняла что эта женщина изъ любви или ненависти готова на все. Что-то меня отъ нея оттолкнуло. Я молчала.

— А вы ненависти не понимаете? спросила она вдругъ.

— Понимаю, но вѣроятно не такъ какъ вы.

— Да! Вы допускаете ненависть спокойную, уживчивую. Лежи, молъ, въ моемъ сердцѣ гдѣ я тебѣ пригрѣла мѣстечко и не давай о себѣ знать. Такъ ли?

Боже мой! Можно подумать что вы способны мстить до кровавой развязки.

— Способна.

Я наклонила голову надъ работою, и холодъ пробѣжалъ по сердцу. Прошло нѣсколько минутъ; Анна Ильинишна сидѣла противъ меня какъ каменная, не шевелясь и наконецъ заговорила съ лихорадочною раздражительностью:

— Моя искренность меня погубила въ вашихъ глазахъ, вѣдь такъ? Ну скажите, скажите напрямки что вы обо мнѣ думаете, умоляю васъ, скажите.

— Хорошо, скажу. Вы говорили сейчасъ какъ дикарь или нехристь.

— Какъ нехристь?.. Вы правы...

— Повторяю, и какъ дикарь котораго развитіе не обуздало.

— И это пожалуй правда... Я необузданная. Спасибо что вы не утаили вашего мнѣнія. Журите меня, браните меня; отъ васъ я все приму. Можетъ и лучше буду.

Я протянула ей неволью руку. Вѣдь богатая природа, прямая, честная, горячая, но бѣдовая, дикая!

Поль...

Анна Ильиншна обѣдала у меня, затѣмъ мы ѣздили въ лѣсъ, долго гуляли. Разговоръ не прекращался. Сужденія ея отличались, какъ и всегда, необыкновенною примитивностью; я ихъ оспаривала, а она мнѣ отвѣчала.

— Не требуйте отъ меня чтобъ я судила какъ вы. Меня воспитывали на мѣдный грошъ.

Только что мы вернулись домой, слуга доложилъ что г. Перловъ, сельскій учитель, желаетъ меня видѣть.

— Меня?.. Зачѣмъ? Я была заранѣе предубѣждена противъ него и хотѣла ему отказать, но Анна Ильиншна схватила мои руки.

— Голубушка, Александра Михайловна, примите его ради Бога. Онъ знакомъ съ моимъ мужемъ и одинъ можетъ сказать гдѣ тотъ скрывается. Ради Бога, спросите у него гдѣ мужъ. Примите его, умоляю васъ.

Что было дѣлать? Волей-неволей я приняла Перлова.

Онъ раскланялся очень вѣжливо, я же встрѣтила его холодно вопросомъ о цѣли его посѣщенія.

— Я слышалъ что у васъ бібліотека, отвѣчалъ онъ,—и надѣялся что вы мнѣ позволите ея иногда пользоваться.

Эта просьба мнѣ показалась предлогомъ для знакомства; я отвѣчала:

— Моя бібліотека состоитъ изъ русскихъ и французскихъ писателей сороковыхъ годовъ. Вѣроятно вы до нихъ не охотникъ.

— Жаль. Впрочемъ, иногда не откажешься и отъ стараго романа; здѣсь непроходимая скука.

Тутъ заговорила Анна Ильиншна.

— А кто васъ звалъ на эту скуку? спросила она съ неимовѣрною грубостью.—Я чай сами навязались.

— На то была воля начальства, отвѣчалъ онъ не покидая приличнаго тона.—Меня сюда прислали.

Прекрасный выборъ, нечего сказать! Не повѣрю чтобы васъ выбрали, должно-быть сами на мѣсто напросились.

Я была ошеломлена, а Перловъ смотрѣлъ на нее улыбаясь. Въ сущности рѣшили что онъ революціонеръ безъ серьезныхъ доказательствъ, по догадкамъ, "мелькнуло у меня въ головѣ; и мнѣ стало такъ совѣстно что я кинула убійственный взглядъ Аннѣ Ильиншнѣ, а она бросила свою работу на столъ и вышла.

— Какая прелестная женщина! замѣтилъ мой гость, обращаясь ко мнѣ.

Эти слова онъ сказалъ съ такою искренностью что невозможно было въ нихъ заподозрить скрытой насмѣшки, и я разразилась неудержимымъ смѣхомъ. Смѣхъ мой былъ заразителенъ, Перловъ разсмѣялся въ свою очередь.

— Вы не взыскательны, проговорила я.

— Что она обращается со мною черезчуръ не любезно... Это ничего. Дитя природы; можетъ положить гнѣвъ на милость. Какая энергія! А кто она?

Я ее назвала.

— А-а! Въ первый разъ ее вижу. Мнѣ бы хотѣлось знать за что она меня возненавидѣла.

— Право не могу вамъ сказать.

— Я догадываюсь что она повѣрила слухамъ которые распускаютъ обо мнѣ.

— Можетъ-быть.

— Такъ и есть. Однако возможно ли допустить чтобы поручили нравственное развитіе дѣтей человѣку ненадежному?

Это было сказано какимъ-то двусмысленнымъ тономъ, и тонкая улыбка пробѣжала по его губамъ. Я поняла что онъ издѣвается надо мною, и его наглость меня взбѣсила.

— Такіе выборы повторялись не разъ, отвѣчала я.—Чужая душа—потемки.

— Вы обижаете не меня, а премудрыхъ представителей власти, замѣтилъ онъ не покидая насмѣшливаго тона.

Онъ самъ подтвердилъ все что разказывалъ отецъ Николай. Мнѣ хотѣлось сбить съ рукъ поскорѣй моего непро-

шеннаго гостя, но все-таки приходилось исполнить просьбу Анны Ильинишны, и я спросила знакомъ ли онъ съ ея мужемъ.

— Съ Пальчиковымъ? Знакомъ.

— Гдѣ онъ?

Онъ? Должно-быть во Ржевѣ. По крайней мѣрѣ я его встрѣтилъ тамъ весной.

— Онъ на службѣ?

— Кажется.

Я встала, Перловъ догадался что ему пора уйти и взялся за шляпу. Не успѣлъ онъ перешагнуть за-порогъ, какъ Анна Ильинишна ворвалась въ комнату.

Чтò?.. Узнали гдѣ онъ?

— Вашъ мужъ во Ржевѣ.

— А-а-а! Наконецъ-то! заговорила она. — Я вѣдь знала что они друзья съ этимъ Перловымъ, единомышленники. Теперь я могу ему сказать: „ты въ моихъ рукахъ! Если захочу, то укажу на тебя какъ на опаснаго человѣка.“ Какъ онъ струсить!

Я смотрѣла на нее не вѣря своимъ ушамъ.

— Какъ! Вы собираетесь донести на вашего мужа изъ личной вражды?..

— Нѣтъ, нѣтъ! Сохрани Богъ! Изъ личной злобы я этого не сдѣлаю, а только хочу его застрашать. Я, молъ, могу тебя погубить, ты въ моихъ рукахъ. Довольно онъ меня мучилъ, пусть же самъ теперь помучится.

Злорадство съ которымъ она ухватилась за надежду отмстить мужу заставило меня понять на чтò способна эта женщина.

— Признаюсь, молвила я,—и угроза хороша! Но скажите, вы можете поручиться, положи руку на сердце, что въ минуту бѣшенства вы не исполните этой угрозы.

Она измѣнилась въ лицѣ и сѣла молча противъ меня. Кажется она поняла что мое предположеніе могло сбыться, и ей стало страшно и стыдно за себя.

— Такъ-то вы умѣете ненавидѣть? спросила я.

Она не отвѣчала, и крупныя слезы покатались градомъ по ея лицу. Сильно тронутая, я обняла ее, а она поцѣловала горячо мои руки.

— Я такъ страдала, промолвила она.—Ненависть вкралась въ мою душу ломимо моею воли.

— Однако вы отказываетесь отъ вашего намѣренія?

— Отказываюсь. Я сдѣлаю все что вы отъ меня потребуете.

Я бѣжала отъ людей, искала одиночества, и не могла уклониться отъ обаянія новаго чувства. Нѣтъ! Не отъ людей я бѣжала, а отъ неволи.

— Какъ-то мнѣ будетъ разставаться съ вами! говорила она прощаясь со мной.

— Кто знаетъ! Я можетъ-быть пріѣду сюда будущимъ лѣтомъ.

— А осень-то? А всю-то зиму?...

Дорого бы я дала чтобы позвать ее къ себѣ погостить въ Москву. Но я не у себя. Теща моя вернется на зиму, вотъ и опять надѣвай кандалы.

Августъ..

Неожиданно хорошій день! Рано утромъ мнѣ подали депешу отъ Михаила Васильевича Ильинскаго. Онъ меня просилъ выслать ему лошадей на станцію. Я ждала Анну Ильинишну, но написала ей что посвящаю весь день старому другу, и къ завтраку онъ уже былъ у меня.

Въ первыя минуты свиданія, послѣ шестилѣтней разлуки, намъ было какъ будто неловко, мы не знали съ чего начать; но достаточно было дотронуться до любой живой струны чтобы разговоръ завязался и не умолкъ.

Жоржъ Сандъ сказала о воспоминаніяхъ старыхъ друзей: „Ce sont des liens d'or et de diamants“. И даже самое ничтожное изъ нихъ прибавляетъ новый алмазъ въ драгоценной цѣпи. Перебрали мы всю молодость съ начала до конца.... Какъ онъ измѣнился, похудѣлъ, посѣдѣлъ! Но его наружность мнѣ показалась еще типичнѣй; въ ней еще ярче обозначился мечтатель-джентльменъ, деликатный до щелетильности. Онъ не могъ отдѣлаться до сорока лѣтъ отъ врожденной застѣнчивости; говорить медленно; какъ и прежде, ему не сразу даются выраженія, и онъ легко конфузится. Одинъ изъ его пріятелей увѣрялъ что онъ готовъ умереть изъ учтивости. Теперь же у него одно на умѣ: судьбы Россіи, и онъ ѣдетъ въ Петербургъ чтобы добиться какой бы то ни было должности и принести свою лепту отечеству.

Послѣ обѣда мы сошли въ садъ. Все небо заволкло бѣлыми тучками; я очень люблю этотъ мягкій, ровный свѣтъ безъ тѣней, онъ дѣйствуетъ успокоительно на нервы. Было влажно, тепло и чрезвычайно тихо.

— Я жду чего-то, сказалъ Ильинскій. — Настоящій порядокъ вещей не можетъ длиться. Намъ предстоитъ въ скоромъ будущемъ переломъ; его вызоветь можетъ-быть страшная катастрофа.

Долго мы мечтали о лучшей будущности. Съ нимъ я отвела душу; онъ мнѣ оставилъ самое свѣтлое впечатлѣніе. Въ десять часовъ я его проводила на станцію. Мы простились понимая что никогда не были такъ близки другъ ко другу, что этотъ день проведенный вмѣстѣ установилъ между нами новую короткость.

Странно! Нельзя любить одинаково двухъ человѣкъ. У каждаго чувства свой личный характеръ. Ильинскій, на примѣръ, мнѣ дорогъ въ особенности потому что онъ олицетворяетъ для меня идеаль средневѣковаго рыцаря. Этотъ образъ сохранялъ все свое обаяніе въ моемъ воображеніи, хотя въ наше время его забросали грязью.

Августа...

Я напрасно ждала все утро Анну Ильинишну, и послѣ обѣда пошла къ ней. Хотѣлось подблизиться съ нею вчерашними впечатлѣніями, но она меня приняла такъ холодно что я спросила:

— Что съ вами, что случилось?

— Она отвѣчала сухо: — Ничего.

— Я васъ никогда не видала такою. Что-нибудь да есть.

— Голова тяжела. Я не спала всю ночь.

Не догадываясь въ чемъ дѣло, я заговорила о моемъ свиданіи съ Ильинскимъ; она слушала, нагнувъ голову на работу, и вдругъ меня перебила:

— Жаль что я давно не знала что вы съ нимъ такіе друзья; тогда бы и безъ вашей вчерашней записки не обременила васъ своею особой.

Я остолбенѣла. Мнѣ было непріятно до боли. Неужели она обидчива какъ провинціалка?..

— Возможно ли?... Мой вчерашній отказъ васъ оскорбилъ?

Отвѣта не было.

т. слхvii.

12*

— Вы желаете стать со мной на церемонную ногу? Хотите чтобы я съ вами обращалась какъ съ чужою?

— Кажется ваша вчерашняя записка мнѣ дала ясно понять что я вамъ чужая. Вы только что не написали что я буду лишняя между вами и вашимъ другомъ.

— Да, вы были бы лишняя, отвѣчала я прямо.

— Благодарю за искренность. Этого слова я не забуду.

— Однако я отъ него не откажусь, сказала я настойчиво, разсерженная ея неожиданною выходкой.—Какъ вы не понимаете что постороннему лицу просто скучно между двумя старыми знакомыми, которые не видались цѣлыхъ шесть лѣтъ.

— А любопытно бы узнать сколько у васъ друзей. Должно-быть сами не перечтете.

— Да слава Богу, у меня есть друзья, и надежные.

— И вы мной пожертвуете для каждаго изъ нихъ?

— Кажется, Анна Ильиншна, сегодня я у васъ лишняя.

Прощайте.

Я направилась къ дверямъ, но была убѣждена что она опомнится и удержитъ меня; однако она и не попыталась со мной помириться.

Нѣтъ, это не провинціальная обидчивость. Не въ первый разъ я замѣчаю въ ея чувствахъ странную смѣсь самоотверженія и эгоизма. Эта глупая сцена меня такъ возмутила что я не могу услокоиться до сихъ поръ и забыть непріятнаго и холоднаго выраженія лица Анны Ильиншны...

Августъ...

Анна Ильиншна упорно на меня сердилась цѣлые два дня; я не вытерпѣла, пошла къ ней. Она сидѣла на крыльцѣ. Лицо ея мнѣ показалось не только грустно, но даже мрачно. Однако я начала весело:

— Анна Ильиншна, вы меня знать не хотите, а я не могла помириться съ мыслью что мы повздорили; въ итогѣ, кто кого больше любить?

— Спасибо вамъ, отвѣчала она довольно холодно, затѣмъ все болѣе и болѣе одушевляясь,—что дѣлать, такъ видно и останусь безразсудною, какъ Богъ создалъ. У васъ вишь много друзей, а вы у меня одна. Чтобъ исполнить вашу прихоть я пожертвую... чѣмъ? ну хоть годомъ жизни. Вы говорили что не видались съ этимъ господиномъ цѣлыхъ

шесть лѣтъ, а я бы не провела шести лѣтъ не выдавшись съ вами, лѣшкомъ бы обошла всю Россію чтобы съ вами по-видаться!

Я не нашла да и не искала отвѣта; мы поцѣловались. Когда она успокоилась, я попыталась ей доказать что одна привязанность не исключаетъ другой; Анна Ильинишна опять оскорбилась. Мы разстались повидимому довольныя другъ другомъ, но въ сущности наше объясненіе оставило во мнѣ неприятное чувство. Нѣтъ, милая Анна Ильинишна, вы очень оригинальны, и я дорожу вашею дружбой, но не прощваю на нее моихъ коренныхъ друзей, какъ вы тамъ ни обижайтесь.

Августъ...

Наши отношенія утратили, для меня по крайней мѣрѣ, свою главную прелесть, простоту. До этой глупой исторіи я была вполне искренна съ Анной Ильинишною, а теперь обдумываю слова чтобы не оскорбить ея и стѣсняю себя, а она этого не замѣчаетъ. Я не могу ни писать, ни читать когда она здѣсь; то шутя, то съ сердцемъ она вырываетъ книгу изъ моихъ рукъ, листъ бумаги изъ-подъ моего пера и требуетъ чтобы я занималась ею. А я не рѣшаюсь положить конецъ этимъ фантазіямъ, которыя мнѣ нравились въ началѣ нашего знакомства, а теперь именно послѣ этой сцены мнѣ порядкомъ надоѣдаютъ, за что я себя упрекаю. Я бы должна все ей слускать, не только мелочи. Вѣдь я знаю что еслибъ я ей сказала: лойди на дно морское чтобы мнѣ достать жемчужину, она бы пошла.

Августъ...

Я замѣчаю что Анна Ильинишна поставила меня въ рабскую зависимость. Дошло до того что я избѣгаю распечатывать въ ея присутствіи привезенныя съ почты письма. Моя переписка вызываетъ разные намеки, даже насмѣшки надъ моимъ *пространнымъ сердцемъ, способнымъ вмѣщать миллионы друзей.* Иногда съ досады я пророню слово, которое насъ приводитъ къ длиннымъ объяснительнымъ разговорамъ. Я

бѣжала отъ домашняго деспотизма; кто бы мнѣ сказалъ что и здѣсь судьба меня сведеть съ деспотомъ особеннаго рода, готоваго задушить меня дружбой! Не смѣшно ли что въ мои годы я не совладаю съ положеніемъ, не могу изъ него вылутаться? Чѣмъ больше я ей уступаю тѣмъ болѣе охлаждаюсь къ ней. Иногда мнѣ ее жаль, а иногда я браню себя за мою неблагодарность... Все это ужасно скучно.

Августъ...

Мы ходили недавно за пять верстъ поклониться чудотворной иконѣ Божіей Матери. Насъ провожали горничныя. Дорога идетъ лѣсомъ до самой часовни. Прелестный лѣтній день, смолистый запахъ роши, тишина такъ хорошо на меня дѣйствовала что я словно помолодѣла и весело разговаривала съ Анной Ильиничной. Она сорвала мимоходомъ палоротникъ и воткнула его въ шляпу какъ перо.

— Какъ вы хороши, сказала я,—и какъ бы къ вамъ присталъ костюмъ... цыганскій, напримѣръ, или русскій.

Она кокетливо улыбнулась.

— Было время, находили что я недурна, отвѣчала она. Бывало наряжусь святками именно въ сарафанъ, да и затыну лѣсенку, можетъ и не одинъ изъ нашихъ городскихъ ло мнѣ вздохнулъ.

— Я думаю. А вы поете?

— Пою. Давно ужъ не пѣла.

— Спойте что-нибудь.

Она призадумалась и затынула звучнымъ голосомъ:

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды
Ой люли! ой люли!
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротчикамъ приводилъ!

.....

— Эхъ, заключила она, схвативъ себя за голову, — прошла моя молодость!

— Прошла? вамъ всего двадцать девять лѣтъ!

— А на что мнѣ они мои двадцать девять лѣтъ? Кому они нужны?.. А тяжело они отзываются иногда, пожалуй хуже старости!

Не въ первый разъ я поняла ее. Эта женщина жить хочет. Она такъ привязалась ко мнѣ потому только что ее душить страстная природа, и она не знаетъ куда дѣвать свои силы. Мы дошли до часовни и помолвившись сѣли на траву, въ десяти шагахъ отъ трактира. Я послала горничную за самоваромъ и сливками; только что мы расположились пить чай, изъ трактира вышелъ молодой человекъ, сѣлъ въ тележку и проѣхалъ мимо насъ. Анна Ильинишна вскрикнула, онъ обернулся и тутъ же исчезъ за облакомъ пыли.

— Мужъ! проговорила она.

Эта неожиданная встрѣча испортила прогулку. Анна Ильинишна не скрывала своего волненія.

— Хоть бы остановился на минуту, хоть бы слово мнѣ бросилъ! говорила она.—Но сердце его и жалости не знаетъ. Конечно, мнѣ не нужны ни его жалость, ни его любовь, я его ненавижу, а гордость страдаетъ.

Руки ея дрожали. Я подумала: не дай ему Богъ попасть въ недобрый часъ въ эти сильныя руки!

Посыпались предположенія, зачѣмъ онъ здѣсь.. Онъ былъ у Перлова, они задумываютъ недоброе, она доберется до истины и т. д.

Я вдругъ рѣшилась спросить:

— Анна Ильинишна, вы человекъ честный и прямой, признайтесь, не виноваты ли вы сами, хоть въ чемъ-нибудь, предъ нимъ?

— Я! я-то виновата предъ нимъ! Какъ Христосъ предъ Жидами. Развѣ въ одномъ слѣшкѣ его любила.

„Вотъ оно!“ подумала я, и продолжала ее допрашивать.

— Слишкомъ любить нельзя; но какъ любить? Это другое дѣло. Вы должно-быть ревнивы.

— Сначала я его ревновала къ книгамъ. Сядетъ бывало за чтеніе, и забудетъ что я на свѣтѣ. Книги да журналы, журналы да книги, цѣлый день онъ въ нихъ вливается, а по вечерамъ начинается писанье. Онъ статьи пишетъ для журналовъ, а я сижу одна одишенька, наконецъ не вытерплю, и разражусь. Но все-таки онъ былъ у меня на глазахъ, такъ сказать домосѣдъ; а когда началъ онъ исчезать каждый день послѣ обѣда, и я бывало жду его не дождусь до разсвѣта, ну тутъ ужъ разыгралась во мнѣ настоящая ревность. Боже мой, какъ я мучилась! Вы черезъ эту попытку не прошли и не можете ее понять. Знать что любимый человекъ не только

равнодушень къ вамъ, но отдалъ другой всю свою душу— это адъ! А можетъ-быть онъ и не любилъ другой, но и меня-то онъ не любилъ, это вѣрно.

— Какъ же вы разстались?

— Онъ уѣхалъ будто къ матери, и не вернулся; написалъ мнѣ что жизнь вдвоемъ со мной ему кажется невыносима. Такъ мы и разстались.

— И вы не искали случая его видѣть?

— Онъ постоянно скрывался отъ меня, я не знала даже гдѣ онъ.

Все стало ясно для меня—и сказать ли правду? не зная Пальчикова я невольно его оправдываю. Стоитъ только представить себѣ Анну Ильиничну въ припадкѣ ревности, и поймешь что нѣтъ мужа который бы отъ нея не сбѣжалъ. Но она этого не допускаетъ, и долго старалась меня убѣдить въ правотѣ своихъ отношеній къ Пальчикову и въ его неблагодарности. А все-таки скажу: природа не доживная.

Сентябрь...

Сколько переменъ! Моя свекровь скончалась въ Парижѣ. Ея кончина измѣнитъ всю мою жизнь. Неожиданное извѣстие я получила отъ Наташи Ивлевой, вмѣстѣ съ просьбой ей выслать лошадей на станцію. Я не рѣшилась объявить Аннѣ Ильиничнѣ что ѣду встрѣчать гостью; объ ея пріѣздѣ она узнала черезъ мою горничную, затѣмъ ушла не дождавшись меня. Все утро мы толковали съ Наташей о новой для меня будущности; наконецъ судьба давала мнѣ возможность жить спокойно, жить свободно, а между тѣмъ сердце мое чуяло грозу впереди и смущалось отъ ожиданія. Во избѣжаніе грозы я пригласила Анну Ильиничну на чашку чаю, но моя пригласительная записка вызвала лишь самый холодный отказъ. Я разразилась на мою пріятельницу, а Наташа принялась меня журить за слабость характера (слабость! у меня вовсе нѣтъ характера). „Господь Богъ тебя освободилъ отъ тетушкинаго ига, говорила Наташа по-своему не стѣсняясь: но ты такъ создана что того и гляди попадешь подъ новую олеку. Не сладить съ какою-то безумною сосѣдкой! Какъ тебѣ не стыдно! Вѣдь я вижу что ты просто ея боишься.“

Она была почти права, и я себя задава наконецъ вопросъ какъ бы измѣнить эти глупыя дружескія отношенія. Наташа увѣжая взяла съ меня слово что я не пойду къ Аннѣ Ильинишнѣ, а дождусь по крайней мѣрѣ чтобъ она положила гнѣвъ на милость и сама явилась ко мнѣ.

Слово-то я дала, но не сдержала. Меня мучила мысль что я была хотя невольною причиною новыхъ недочетовъ для блѣдной женщины. Скрѣпя сердце и приготовясь къ объясненію, я добралась до нея, и постучалась въ дверь.

— Кто тамъ? громко спросила она.

— Я... отворите.

Она не скоро отворила. Меня такъ поразили ея блѣдность и гнѣвное выраженіе лица что я растерялась и остановилась у дверей.

— Не угодно ли вамъ сѣсть? начала она придвигая кресло.

Этотъ пріемъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Я сказала:

— Послушайте, Анна Ильинишна, это просто дѣтская комедія. Ради Бога прекратимте ее.

— Прошу васъ сѣсть, отвѣчала она.—Я должна съ вами объясниться.

— Объясниться?... Развѣ между нами было недоразумѣніе?

— Да, между нами было маленькое недоразумѣніе, сказала она и усмѣхнулась.

Мы сидѣли другъ противъ друга. Одну руку она протянула на столъ ударяя по немъ сжатыми пальцами. Слова она говорила отчетливо своимъ жесткимъ выговоромъ, не возвышая голоса и прищуриваясь. Une colère pâle. Она продолжала:

— Два дня тому назадъ я пришла къ вамъ; горничная ваша мнѣ сказала что вы поѣхали на станцію, и вернетесь съ какою-то пріятельницей. Я не хотѣла быть для васъ помѣхой и собралась домой, но наканунѣ я забыла свое вязанье въ вашей комнатѣ, и стала его отыскивать. Оно лежало на лисьменномъ столѣ возлѣ записной книжки. Книжка была открыта, мое имя мнѣ бросилось въ глаза...

Я ее перебила:

— Вы прочли... вы себя позволили...

Прочла съ начала два слова, затѣмъ все. Не правда ли скверно?

Да, отвѣчала я.

— Скверно. Я не совладаю съ собой, да и не жалю. Ничего нѣтъ хуже какъ обманывать себя и быть обманутою. Я вамъ надоѣла до смерти и не мудро: я груба, я мужичка, а вы олицетворенное совершенство и большая барыня. Я недостойна вашей дружбы, и освобождаю васъ отъ нея и отъ себя.

Это было сказано съ язвительною прошею.

Кровь мнѣ бросилась въ лицо.

— Правда ваша, мы съ вами не пара, отвѣчала я.—Никогда я не рылась въ чужой совѣсти, а вы попробовали и остались недовольны, тѣмъ хуже для васъ. Прощайте!

Такъ-то мы разстались. Холодные сентябрьскіе дни на меня наводятъ тоску; мнѣ неловко, даже больно вспоминать объ Аннѣ Ильинишнѣ, находиться въ ея сосѣдствѣ. Я ѣду въ Москву гдѣ наконецъ не буду ни для кого стѣсняться.

Объ Аннѣ Ильинишнѣ нельзя судить какъ о другой. Прочестъ чужое письмо непростительно, но для человѣка развитаго, а для ея дикой природы такой поступокъ не мѣшаетъ быть честною и во многихъ отношеніяхъ она неоспоримо честна. Еслибы свѣтская женщина прочла мой дневникъ (что, по правдѣ сказать, могло бы случиться), она бы въ этомъ не созналась, а Анна Ильинишна лгать не умѣетъ.

Я угадываю что она сильно огорчена, мнѣ жаль ее, но и себя мнѣ жаль, и я ѣду съ радостью; предъ отъѣздомъ къ ней напишу.

II.

Письмо Александры Михайловны дошло по назначенію послѣ ея отъѣзда. Она уѣхала не зная что Анна Ильинишна занемогла отъ удара нанесеннаго ей разрывомъ съ женщиною которую она полюбила такъ горячо не имѣя съ ней ничего общаго. Добрыя, свисходительныя, милыя строки Александры Михайловны вызвали взрывъ негодованія. Измѣявъ ея письмо въ рукѣ, Анна Ильинишна бросила его на столъ.

Она лежала на диванѣ. Голова ея была повязана платкомъ намоченнымъ въ уксусъ; ея лицо пожелтѣло, глаза устали отъ бессонницы. Горькія думы отгоняли отъ нея сонъ, и не съ кѣмъ было отвести душу. Такъ прошло нѣсколько дней; но разъ утромъ она сорвала платокъ съ больной головы, накинула пледъ, и пошла бродить куда глаза глядятъ, подъ осеннимъ вѣтромъ и дождемъ. Въ сумерки она возвратилась домой, пообедала въ первый разъ съ начала болѣзни, затѣмъ

уснула какъ убитая, и проснулась почти здорова. Но отъ душевнаго потрясенія отдѣлаться не легко; она тоскливо поглядывала на свои маленькія комнатки, и ей становилось въ нихъ душно.

Кто-то постучался въ дверь. Работница Арина отворила, и доложила своей госпожѣ что ее жаждетъ видѣть Иванъ Николаевичъ Перловъ.

— Это зачѣмъ? спросила Анна Ильиншна.

— Не говорилъ. Вы бы его, барыня, приняли. Ужь дождь-то большой.

— Пусти.

Перловъ сбросилъ съ себя пальто *impermeable*, и вошелъ къ хозяйкѣ дома.

— Да награждать васъ небеса за гостепріимство! началъ онъ.— Я прозябъ до костей.

— Вольно же вамъ шататься въ такую погоду, любезно отозвалась Анна Ильиншна.

— Я вышелъ не изъ любви къ дождю; въ Березовкѣ больной, надо было его навѣстить.

— Развѣ вы докторъ?

— Я занимался на медицинскомъ факультетѣ... кстати, слышалъ что вы нездоровы и можетъ-быть нуждаетесь, въ помощи, вотъ и зашелъ къ вамъ...

— Очень благодарна. Я, какъ видите, здорова. Что мнѣ дѣлается!

— Не прикажите ли самоварчикъ поставить? спросила Арина.

— Хлопотъ я вамъ надѣлаю... вернулъ Перловъ.

— Поставь, рѣзко перебила Анна Ильиншна.

Объ ея болѣзни и даже объ ея ссорѣ съ Александрой Михайловной онъ слышалъ отъ Арины, которая не скупилась на сплетни, и все ему рассказала на ярмаркѣ, гдѣ они встрѣтились наканунѣ. Анна Ильиншна его поразила съ перваго взгляда. Вся ея особа пришлась ему посердцу и овладѣла его воображеніемъ. „Завоевать такую женщину, думалъ онъ оглядывая ее, была бы блистательная побѣда не только для меня, но и для кружка. Перекинься она на нашу сторону, и освоится какъ разъ съ динамитомъ и револьверомъ. А какъ смазлива! Я ли не счастливъ въ женщинахъ, а всѣхъ бы отдалъ за эту.“

А Анна Ильиншна думала между тѣмъ: „благо онъ здѣсь; узнаю, во что бы то ни стало, чего такъ давно добиваюсь.“

Александра Михайловна угадала причину ея размолвки съ мужемъ. Человѣкъ мирный, даже флегматическій, онъ бѣжалъ отъ нея, и давно утѣшился отъ неудавшагося брака, который долженъ былъ оставить на долго болѣзненный слѣдъ въ жизни Анны Ильиничны. Мужа своего она теперь не любила, но интересовалась имъ лотому что ея килучая природа нуждалась въ лицѣ. Она спросила безъ обиняковъ, вдругъ:

— Зачѣмъ пріѣзжалъ сюда мой мужъ?

— Не могу вамъ сказать, отвѣчалъ Перловъ.

— Какъ же это мнѣ понять? Не умѣете сказать, или не хотите?

Перловъ глядѣлъ на нее вопросительно.

— Да что вы меня разсматриваете? крикнула она.— Не трудитесь придумывать чѣмъ меня обмануть. Развѣ для меня тайна что вы его завербовали въ ваше проклятое общество.

Перловъ сказалъ спокойно:

— Вы желаете знать зачѣмъ онъ сюда пріѣзжалъ?

— И главное, гдѣ находится теперь. Мнѣ надо съ нимъ повидаться.

— Я вамъ даю слово что вы объ этомъ узнаете, но не раньше трехъ, четырехъ дней.

— А почему не сейчасъ?

— По самой простой причинѣ: я не имѣю понятія о томъ что дѣлаетъ вашъ мужъ, но даю вамъ слово что развѣдаю.

— Даете слово? А кто поручится что вы его сдержите?

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы ко мнѣ обратились? спросилъ Перловъ.

— Потому что вы единственный человѣкъ къ которому я могу обратиться.

— Позвольте у васъ спросить, за что вы меня возненавидѣли и что такое *наше проклятое общество*?

— Хотите прикидываться.

— Это не отвѣтъ, а я въ правѣ требовать чтобы вы объяснились.

— Вы учите дѣтей безбожію.

— Это вы сами слышали?

— Не сама, но тотъ...

— Тотъ кто распустилъ такой слухъ меня оклеветалъ.

— Оклеветалъ! Вы въ церковь никогда не заглядываете.

— А вы часто бываете въ церкви, какъ же вы не поняли что невѣрующихъ обращаютъ не ненавистью, а кротостью? Вамъ бы родиться инквизиторомъ.

— Инквизиторомъ! повторила она съ сердцемъ.—Вы первые назвали меня инквизиторомъ.

— Не сердитесь. Люди религіозные вообще таковы. Они отталкиваютъ тѣхъ кто желалъ бы съ ними сблизиться чтобъ усвоить себѣ ихъ попятія.

— Они далеко не таковы, сохрани Богъ! возразила съ жаромъ Анна Ильинишна.

— Однако, вотъ я, не набожный человекъ, слышалъ что вы, усердная христіанка, занемогли, и пришелъ къ вамъ съ желаніемъ вамъ помочь, а вы только что не бьете меня по щекамъ. За что?

Она нѣсколько смутилась и возразила:

— Виновата ли я что вы назвали себѣ дурную славу?

— Каковъ бы я ни былъ, я не оскорбилъ бы васъ ни заочно, ни въ глаза на основаніи слуховъ. Чѣмъ же однако я назвалъ себѣ дурную славу?

— Съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, явились прокламаціи.

Перловъ разсмѣялся.

— Я-то тутъ при чемъ? Кто докажетъ что именно я ихъ подбрасывалъ?

— Зачѣмъ вы взяли должность сельскаго учителя?

— Я не кончилъ университетскаго курса по болѣзни и другой должности не добился. Неужели меня осуждаютъ за то что я сельскій учитель? Когда накинута на человека, онъ виноватъ куда бы ни повернулся. Не всякому дано вѣрять, но человекъ не вполне вѣрующій можетъ исполнять то что предписано Евангеліемъ, а вы осуждаете и оскорбляете на основаніи пустыхъ словъ. Минутное впечатлѣніе иногда неизгладимо: не ручайтесь что вы не убили во мнѣ желаніе измѣнить мои убѣжденія, предполагая что они дурныя.

— Я имѣла такое вліяніе на васъ?... я этому вѣрить не могу, отвѣчала Анна Ильинишна.

— А вы повѣрьте. Дурной человекъ не ищетъ сближенія съ честными людьми. Судите сами: на что я вамъ и на что вы мнѣ? Изъ какихъ выгодъ мнѣ заискивать въ васъ?

Не нужно было быть тонкимъ дипломатомъ чтобъ ее поколебать.

„Кажется не ажетъ, а кто его знаетъ!“ подумала она, и оглянувъ его блѣдное лицо окаймленное черною, жидкою бородой, его мягкіе глаза, замѣтила что у него безспорно симпатичная наружность.

Арина накрыла столъ и подала самоваръ; хозяйка заварилла чай. Перловъ любовался ею и замѣтилъ между прочимъ:

— А мы должны подружиться, Анна Ильинишна, уже потому что мы съ вами люди одинокіе. Вы скучаете, и я скучаю. Давно ли вы разстались съ вашею сосѣдкой, Александрою Михайловной?

Анна Ильинишна измѣнилась въ лицѣ и отвѣчала отрывисто:

— Недавно.

— Вы, кажется, ее очень любили?

— Да. Не всякій способенъ любить умеренно.

— Мнѣ странно что вы съ ней сошлись.

— А почему бы я съ ней не сошлась? спросила она заледчиво.

— Она такъ себѣ: ни то, ни сѣ. Не кровь течетъ въ ея жилахъ, а клюквенный морсъ, тогда какъ вы...

— Что я?...

— Огонь да полымя, рѣшилъ Перловъ.

Анна Ильинишна опустила глаза на чайникъ. Она не испытала неприятнаго чувства при мысли что онъ такъ скоро разгадалъ ее, но ей становилось неловко. Она замѣтила:

— Нельзя судить о людяхъ съ перваго взгляда.

— Правда. А все-таки я съ перваго взгляда составилъ себѣ понятіе о васъ и о вашей сосѣдкѣ, и не ошибся.

Она покачала головой, повторила для того только чтобы сказать что-нибудь: „нельзя“, и стала глядѣть по сторонамъ. Небо прояснилось, и Перловъ понялъ что пора уходить.

— Благодарю васъ за гостепріимство, сказалъ онъ. — Я уйду съ надеждой что вы перестанете меня избѣгать какъ изверга какаго-нибудь.

Анна Ильинишна смотрѣла ему прямо въ лицо.

— Богъ васъ знаетъ! отвѣчала она. — Смотрите-то вы, пожалуй, хорошимъ человѣкомъ.

— На кого же и клеветаютъ какъ не на хорошихъ людей? возразилъ Перловъ.

— А вѣдь правда, подумала она. — Что же, слово-то свое сдержите?

— Будьте покойны.

Онъ ей пожалъ руку, откланялся, но вернулся изъ передней, и сказалъ:

— Умоляю васъ, если понадобятся пособія для больныхъ, обратитесь ко мнѣ. Все-таки я кой-что смыслю.

— Очень рада. У меня своя домашняя алтечка.

— О, я знаю что вы всячески помогаете бѣднымъ людямъ...

— Э, подноте, какъ вамъ не стыдно, терпѣть не могу! перебила Анна Ильинишна, которая любила творить добро втихомолку.

Оставшись наединѣ, она тоскливо задумалась. Извѣстiя объщанныя Перловымъ занимали ея праздное воображенiе но горевала она не о мужѣ, а по дружеской привязанности, которая наполняла ея сердце и измѣнила ей. Разумѣется въ своемъ разрывѣ съ Александрой Михайловной она винила ее, а не себя; но чья бы ни была вина, результатъ выходилъ одинъ и тотъ же для нея, одиночество и тоска. Въ сущности виноватыхъ не было. Случайность сблизила двухъ женщинъ которымъ не слѣдовало бы и встрѣчаться: одна утратила силы въ борьбѣ съ жизнью, другая не знала куда дѣвать избытокъ силъ. Устремивъ глаза на осеннее небо, Анна Ильинишна оперлась локтями въ подоконникъ, и слезы у ней такъ и хлынули.

Арина вошла въ комнату, смахнула со стола крохи хлѣба, и, переминаясь съ ноги на ногу, промолвила:

— Барыня...

— Чего тебѣ? спросила съ досадою и не оборачиваясь Анна Ильинишна. Она терпѣть не могла чтобъ ее заставляли въ слезахъ.

— Барыня... а вѣдь Иванъ-то Николаевичъ по васъ съ ума сходитъ.

— Какой Иванъ Николаевичъ съ ума сходитъ?

— А Перловъ-то... по васъ.

Анна Ильинишна быстро отерла слезы и обернулась.

— Чтò ты врешь?

— Я, барыня, не вру. Вчера-съ на ярмонкѣ... Это мы на ярмонкѣ, значить, встрѣдись... Онъ мнѣ и говорить: „что, молъ, Арина, твоя красавица барыня...“

— Не смѣй, мнѣ повторять ни его вранья, ни твоихъ догадокъ! рѣзко перебила Анна Ильинишна.—Видно ни ему, ни тебѣ дѣлать-то нечего.

На этомъ словѣ она отвернулась и облокотилась опять на подоконникъ. Ей и на мѣстѣ не сидится, и выйти не хочется. Наканунѣ, возвращаясь домой, она шла въ раздумьѣ, опустивъ голову, и когда подняла ее, предъ ней стоялъ пустой

Березовскій домъ съ наглухо заколоченными ставнями. При этомъ воспоминаніи тоска овладѣвала ею. Она порывисто встала, бросила фотографію Александры Михайловны въ ящикъ, подъ кипу писемъ и бумагъ, и подумала съ горемъ: „не первую привязанность схоронила, за то послѣднюю. Помирюсь съ одиночествомъ.“

Но жить одинокою не легко въ молодые годы. Коротенькій сентябрьскій день тянулся до безконечности, а въ длинные вечера было еще скучнѣй. Анна Ильинишна прочтетъ съ начала до конца газетный листъ, затѣмъ возьметъ карты, разложитъ ласьянсъ, погадаетъ, примется за вязанье, но эти занятія развлекали ее тогда когда ея жизнь была согрѣта привязанностью, теперь же пришлось къ нимъ прибѣгать чтобы чѣмъ-нибудь убить время.

Разъ Арина вошла торопливо въ комнату.

— Барыня, сказала она съ какою-то двусмысленною радостью, — никакъ нашъ сосѣдъ идетъ.

Но барыня спросила холодно:

— Такъ что жь?

— Я ничего... не то чтобы насчетъ чего-нибудь... отвѣчала нѣсколько сконфуженно Арина.

„У ней всегда вздоръ въ головѣ, да еще нечистый, рѣшила Анна Ильинишна. Господи, какую вѣсть онъ мнѣ привезетъ?“ И между тѣмъ зажгла лампу. На дворѣ уже стемнѣло.

Она смекнула что Перловъ привезетъ вѣсть важную. У него была загадочная физиономія. Что-то недосказанное проглядывало въ его словахъ, даже въ пріемахъ.

— Ваше порученіе исполнено, началъ онъ съ разстановкой.

— Спасибо вамъ. Ну и что же?

— Да... какъ-то все вышло... странно.

— Ужь вы говорите прямо.

— Въ томъ-то и дѣло что иныя вещи трудно говорить прямо.

— Совсѣмъ не трудно когда я желаю ихъ слышать... когда я хочу, добиваюсь... отозвалась она съ возрастающимъ раздраженіемъ.

— Добиваетесь, — такъ, а можетъ имъ не обрадуетесь.

— Это наковецъ невыносимо!

Перловъ вынулъ письмо изъ бумажника и сказалъ:

— Я поручилъ одному пріятелю разузнать гдѣ находится и что дѣлаетъ вашъ мужъ, и вотъ его отвѣтъ.

Анна Ильинишна вырвала письмо изъ его рукъ.

— Нѣтъ, позвольте, такъ нельзя, продолжалъ Перловъ.— Я найду строки которыя васъ касаются.

Онъ взялъ обратно письмо, пробѣжалъ его глазами и указалъ ей на эти слова.

„Не возьму въ толкъ почему ты интересуешься Пальчиковымъ. Мозги у него, какъ тебѣ извѣстно, не велички, лишеть онъ попрежнему пошленькія консервативныя статейки и живеть пригнѣваючи съ молоденькою вдовушкой, изъ самыхъ лустенькихъ. Я ихъ встрѣчаю иногда на улицѣ. Вотъ и все.“

Анна Ильинишна прочла про себя эти строки. Ея губы сжалась и холодный взглядъ изобразилъ скрытый гнѣвъ.

— Вы сами требовали.. началъ Перловъ.

— Сама. Такъ что же? И очень рада. Перебила она.

— Мм! а тамъ пожалуй съ меня взыщете зачѣмъ васъ послушался.

— Я очень рада, да, да, очень рада, повторила она.— Самая горькая правда лучше для меня самой сладкой лжи.

Она замолкла на нѣсколько минутъ и заговорила опять съ ѣдкою усмѣшкой.

— А вы боялись меня огорчить? щадили меня?.. Какъ вы добры! Напрасно трудились. Я все давно, давно понимала. Но честная душа не скоро убѣдится что люди способны гнусно обманывать.

— Да онъ и не трудился васъ обманывать, вы умудрились обмануться на его счетъ. Вашъ мужъ... этотъ ничтожнѣйшій изъ людей, не стоить вашего стараго башмака. Вы царица старинной сказки, а онъ шутъ плохихъ журналистовъ. Дивисься только что вы съ нимъ сошлись и что ему удалось вамъ понравиться.

Эта горячая выходка ее огорошила. Анна Ильинишна вслыхнула, взглянула на Перлова и опустила глаза. Ей было пріятно слышать такое безпощадное осужденіе Пальчикова и такое лестное для нея сравненіе съ нимъ, но ей не хотѣлось показать невольнаго удовольствія. Оправившись она отвѣчала:

— Пожалуста не увлекайтесь; вы можетъ-быть скоро во мнѣ разочаруетесь.

— Разочароваться я не боюсь. Вы мнѣ говорили что неспособны любить умѣренно и васъ нельзя любить умѣренно.

Онъ зашелъ слишкомъ далеко. Анна Ильинишна рѣзко возразила:

— Что намъ съ вами объ этомъ толковать. Ни вы меня не полюбите, ни я васъ не люблю.

-- Даже дружбой?

— Гм! будто отъ дружбы не страдаешь! Нѣтъ! лучше жить такъ, даже безъ дружбы.

— И я хотѣлъ себя посвятить любви къ человечеству, промовилъ Перловъ,—но однимъ этимъ чувствомъ ограничиться не могу.

— Арина, подай мнѣ шерстяную косынку, холодно! крикнула Анна Ильинишна.

Разговоръ свелъ на посторонніе вопросы, въ которыхъ Перлову удалось выставить себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, защитникомъ угнетенныхъ и страдающихъ. Онъ красно говорилъ о честности, о долгѣ, о высокомъ призваніи человека, не объясняя своей слушательницѣ значенія которое придавалъ этимъ словамъ. Между тѣмъ онъ ей казалъ безъ лести, ото всей души, окончательно потерялъ изъ виду что она могла быть героиней будущихъ подвиговъ, а видѣлъ въ ней лишь женщину въ которую влюбился. Его выразительные глаза, устремленные на нее, смущали ее не разъ и вызывали краску на лицѣ, но тогда онъ ихъ олускалъ съ видимымъ усиленіемъ.

Кто онъ такой, точно ли Перловъ или другой кто-нибудь? какому слою общества принадлежалъ? гдѣ скитался до двадцати восьми лѣтъ? объ этомъ никто не зналъ. Онъ разказалъ Аннѣ Ильинишнѣ что имя его родителей осталось для него тайной, что его воспитала бѣдная женщина, и онъ уже самъ вышелъ въ люди; а насколько было правды въ его разказѣ—неизвѣстно. Главной цѣли своей онъ достигъ, оправдался во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ.

— А я грѣшный человекъ, сказала Анна Ильинишна,—повѣрила что вы бунтовщикъ.

— Ну, а еслибъ оказалось что въ самомъ дѣлѣ бунтовщикъ, что бы вы со мной сдѣлали? спросилъ онъ шута.

— Что бы я сдѣлала? О, вамъ бы не поздоровилось! Я бы вотъ собственными руками васъ удушила.

Онъ засмѣялся принужденнымъ смѣхомъ и спросилъ:

— Я могу скоро вернуться къ вамъ?

Она повела бровью и отвѣчала:

— Тамъ увидимъ. Здѣсь народъ болтливый, всякій вздоръ придумаетъ...

— Есть на что вниманіе обращать! Говорять, на всякое чиханье не наздравствуешься. Я приду. Вѣдь вы меня не прогоните?

— Сказано повремените, возразила она.

Жутко ему стало отъ мысли что ее, пожалуй, не побѣдишь разомъ, а владѣть собой въ отношеніяхъ съ женщинами онъ не привыкъ, и рѣшилъ въ свою очередь: теперь повинуюсь, но такъ ли, иначе ли, последнее слово останется за мною.

А она, проводивъ его, думала о немъ: „Нѣтъ, его оклеветали“, разсуждала она сама съ собой.—„Развѣ дурной человекъ сумѣлъ бы такъ удачно принять личину хорошаго человека? Нѣтъ, нѣтъ, его чувства и помыслы честны и чисты. А какъ онъ на меня глядѣлъ! Словно мною любовался. Мнѣ было недовко, даже непріятно...“

И ей стало почему-то совѣстно предъ Ариной, которая воздержалась однако на этотъ разъ отъ комментаріевъ.

Лестныя слова Перлова гладили мягко, словно бархатомъ, уязвленное сердце Анны Ильиничны; они отвлекли ее вдругъ отъ горькихъ воспоминаній оскорбленной дружбы, и она начала на него смотрѣть съ чисто женскимъ предубѣжденіемъ. Правда и то что въ ея понятіяхъ бунтовщикъ не могъ даже выражаться какъ другіе: одна наружность должна была его выдать съ перваго взгляда, а наружность Перлова не могла не нравиться; онъ говорилъ сладко и вкрадчиво и постоянно возвышался въ воображеніи моей героини. Воображеніе ея, въ общемъ смыслѣ этого слова, было далеко не развито, но ея природа ждала только искры чтобы вспыхнуть.

Перловъ былъ человекъ упорный. Упорствомъ онъ достигалъ всякой цѣли. Совѣсть его конечно не беспокоила. Не мало женщинъ пошли на его удочку, не мало школьничковъ онъ сбилъ съ пути. Анна Ильинична боялась его принимать къ себѣ, но развѣ нельзя видѣться съ нею внѣ дома? Вотъ она любитъ ходить за больными: чего удобнѣе для свиданія?

Въ Березовкѣ считалось до четырехсотъ душъ, и въ извѣстныя времена года больные не переводились на деревнѣ. Перловъ дожидался обыкновенно чтобъ его попросили къ пациенту, теперь же онъ пошелъ въ Березовку безъ приглашенія.

— Нѣтъ ли больныхъ? спросилъ онъ у перваго встрѣчнаго. Мужикъ лочесалъ затылокъ.

— Больныхъ-то? Какъ не быть больныхъ.

— Кто же боленъ?

— А кто его знаетъ!

„Фу ты, животное!“ подумалъ Перловъ. Онъ вообще не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ о народѣ.

— Есть у васъ больные? спросилъ онъ у бабы, которая несла ведро съ водой, перебираясь маленькими шагами черезъ грязную дорогу и размахивая свободною рукой.

— Больные-то? Нѣтуту, батюшка; благодаря Бога, у насъ нѣтуту.

— Хотъ не у васъ, у другихъ?

— У другихъ-то? Не слышать.

„Чортъ возьми! Словно на смѣхъ никто не обожрался!“ подумалъ опять Перловъ.

Другая баба плелась вдоль улицы; Перловъ, не теряя надежды, пошелъ ей на встрѣчу и повторилъ вопросъ: есть ли больные на деревнѣ?

— На деревнѣ-то? Не могу знать, батюшка. А вотъ у Сорокиныхъ хозяйка умираетъ.

— Гдѣ они, Сорокины?

— А вонъ, вонъ изба съ нашею-то рядомъ. Окна крашеные.

Перловъ послѣдовалъ къ указанной избѣ. Въ горницѣ, раздѣленной перегородкой, старуха нянчила внучку, и двое дѣтей возились на полу съ котенкомъ; за перегородкой слышались стоны.

— Кто боленъ? спросилъ Перловъ.

Старушка его узнала и низко поклонилась.

— Сноха, батюшка, больно занедужилась.

— Чтó съ ней сдѣлалось?

— А Богъ вѣдаетъ. Должно съ глазу. Баба здоровехонька была, да не съ того ни съ сего вечеръ ее разбирать стало. Голову вишь совсѣмъ разломилло, а сама такъ и горитъ. „Семька, говорю, Настасья, косатка, я тебя поларю.“ Поларили мы ее, и словно ей полегчило, да въ ночь и скрутило; колотья поднялись въ правомъ боку, такъ сердечная и катается.

Перловъ пошелъ за перегородку. Настасья лежала на кровати, тускло освѣщенной зеленоватыми грязными стеклами окошечка выходившаго на улицу. Больная высвободила руки изъ-подъ тулупа покрывавшаго ее, а голова склонилась на

бокъ. Перловъ ощутилъ ея горячій лобъ, сдѣлалъ два, три вопроса и сказалъ.

— Запрягите-ка телѣжку; надо съѣздить къ Аннѣ Ильинишнѣ; у ней домашняя алтечка. Хозяинъ дома?

— Дома батюшка, дома. Ванька, обратилась старушка къ старшему внуку,—скажи чтобъ онъ проворнѣй телѣжку заложилъ. Барыня, молъ, Анна Ильинишна лѣкарствица пришлетъ.

— Я къ ней напишу словечко, сказалъ Перловъ.

Онъ покушался самъ поѣхать къ Аннѣ Ильинишнѣ, но одумавшись, рѣшилъ что вѣрнѣе всего ее дожидаться въ избѣ и написалъ карандашемъ нѣсколько словъ на листкѣ, который вырвалъ изъ своего бумажника.

„Здѣсь больная которой слѣдуетъ немедленно поставить шпанскую мушку. Нѣтъ ли у васъ? Привезите. А я слѣшу домой.“

Телѣжку живо заложили; онъ сталъ дожидаться на крыльцѣ ея возвращенія. Было около трехъ часовъ; висѣвшій съ утра туманъ начиналъ разсѣваться; влажный воздухъ былъ пропитанъ запахомъ конопли. Въ головѣ Перлова пронеслось далекое воспоминаніе... Точно такой же осенній день и барскій домъ въ который судьба занесла случайно нашего героя. Онъ одинъ на балконѣ выходившимъ въ садъ и опирается на перила. Для него рѣшается жизненный вопросъ.

— Быть или не быть?

Вдругъ его зоветъ тихій голосъ.

Перловъ вздрагиваетъ какъ ужаленный и оборачивается. За нимъ стоитъ молодая дѣвушка; она глядитъ на него спокойно и говорить.

— Вы писали ко мнѣ, я не отвѣчала. Вы писали во второй разъ, вотъ ваше письмо не распечатанное.

Перловъ взялъ письмо и смотрѣлъ на нее съ тупымъ отчаяніемъ. Молодая дѣвушка смутилась и прибавила съ участіемъ.

— Я люблю другаго... я въ своемъ чувствѣ не вольна...

Она исчезла за дверью балкона.

За этого другаго она и вышла замужъ, а Перловъ не простилъ ни ей, ни ему, и возненавидѣлъ ихъ. Ненависть которую онъ тщательно разжигалъ въ себѣ распространилась на все сословіе, рѣшила его будущность, извратила лучшія свойства его души.

Когда образъ молодой дѣвушки пронесся въ его воображеніи, онъ пожалъ плечами.

„Какъ я умудрился полюбить эту жеманную куклу?“ спрашивалъ онъ у самого себя. „Извращенный вкусъ. Возмужалъ я съ тѣхъ поръ, выросъ. То ли дѣло Анна Ильинишна! Взглянетъ, голубушка, такъ по сердцу и погладитъ. А подойти къ ней страшно, пожалуй и ладонью прогуляется по щекамъ. А въ самой-то огонь горитъ. Не баба, а кладъ!“

Телѣжка показалась на улицѣ и быстро подѣвхала къ крыльцу. Изъ нея выпрыгнула Анна Ильинишна съ мѣшкомъ въ рукахъ.

— Привезла всѣ свои запасы, берите.

— Экое вы сокровище! замѣтилъ Перловъ.

Они вошли въ избу. Пока онъ готовилъ лѣкарство, Анна Ильинишна привязала горчичники къ ногамъ больной, и положила ей на голову холодный компрессъ. Перловъ дѣятельно помогалъ его возобновлять, и не разъ рука врача коснулась руки сердобольной. Разговоръ шелъ вполголоса. Между тѣмъ дѣтей уложили, только старушка смотрѣла подгорюнившись на сноху, которая однако перестала стонать и забылась. Анна Ильинишна и Перловъ перешли въ другую часть комнаты, и сѣли въ красный уголь подъ образами.

— Вы слѣшили домой? спросила она.

— Слѣшилъ, да не хочется оставить больную.

— Ничего. Я буду при ней.

— Нѣтъ... Мы ужъ здѣсь останемся вмѣстѣ. А какъ судьба насъ съ вами сближаетъ! Сегодня меня преслѣдовала мысль: вѣрно кто-нибудь заболѣлъ въ Березовкѣ; пойду посмотрю. Такъ и есть. А безъ васъ дѣло бы не обошлось.

— Вы добрый, отозвалась она.

Старушка зажгла лучину и горница ярко освѣтилась. Вошелъ хозяинъ.

— Хозяинъ, раздуй-ка самоваръ, сказала Анна Ильинишна. — Я заласалась на всякій случай чаемъ и домашнимъ хлѣбомъ.

— Сейчасъ, касатка, подхватила старушка. — Мигомъ раздую. Подай-ко его въ сѣни, Андрей.

— А вѣдь хорошо въ избѣ, свѣтло и тепло, замѣтила Анна Ильинишна, которой стало вдругъ очень весело.

— Рай! не вышель бы отсюда, отвѣчалъ Перловъ, выразительно взглянувъ на нее.

Она покраснѣла и заговорила живо:

— Рай-то не рай... Въ рай пожалуй лучше... Слышите, кажется Настасья застонала.

Она пошла за перегородку.

— Что? спросилъ Перловъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— Нѣтъ, ничего... спитъ. Подите, вы ее разбудите.

Она смѣнила компрессъ и сняла горчичники, не спѣша, пока возвратилась старушка.

— Самоваръ готовъ, косатка. Поди-ка заваривай чай.

Анна Ильинишна сѣла противъ самовара.

Злая судьба искушала ее въ образѣ челоуѣка котораго она бы ненавидѣла еслибы знала кто онъ. Въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи высказывалась страсть, и молодая женщина слѣло вѣрjалась ему. Малѣйшій его намекъ отзывался сладко въ ея сердцѣ, но она отвѣчала весело и бойко, не показывая вида что ей было пріятно. Они провели вмѣстѣ нѣсколько часовъ въ тѣсной короткости, выходили не разъ на крыльцо и становились рядомъ подъ навѣсомъ чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, затѣмъ прозябнувъ, возвращались въ теплую избу, и тоже вмѣстѣ подходили къ больной.

Наконецъ Настасья стала дышать свободнѣе и жаръ значительно уменьшился. Всѣ улеглись на деревнѣ, пора домой и телѣжку уже заложили. Было рѣшено что Перловъ отвезетъ Анну Ильинишну, а на обратномъ пути захватитъ хозяина, который доставитъ его домой и возвратится съ лошадыю. Ночь была свѣжая, лунная, оласная для влюбленнаго; Перловъ поспѣшилъ сѣсть въ телѣжку, Анна Ильинишна стала собирать свои вещи, но въ самую минуту отъѣзда ея овладѣло мучительное недоумѣніе. Она боялась остаться съ глазу-на-глазъ съ Перловымъ, и словно на-показъ добрымъ людямъ уѣхать съ нимъ вдвоемъ... а уѣхать съ нимъ въ такую ночь удыбалось и ей. Она шарила въ углахъ будто что-то искала, накинула на голову косынку, потомъ сняла ее, и стала посреди горницы, повертывая голову по сторонамъ какъ птица въ клеткѣ.

— Аль что потеряла, косатка? спросила старушка.

— Да вотъ... не отыщу стклянки съ каплями.

— Мы отыщемъ, отыщемъ. Здѣсь не пропадетъ.

— Аграфена, сказала молодая женщина, рѣшившись вдругъ,—я боюсь оставить больную.

— Ни! ничего, касатка. Пора тебѣ отдохнуть. Ей, слава Богу, съ твоихъ лѣкарствицъ полегчило.

— Все равно, боюсь. Я хочу сама мушку снять.

Она выскочила на крыльцо. Хозяинъ стоялъ около телѣжки и разговаривалъ съ Перловымъ.

— Иванъ Николаевичъ, крикнула она,—поѣзжайте къ себѣ съ Андреемъ, а я пока останусь съ больною. А тамъ Андрей и меня домой доставить.

Перловъ понялъ что возраженія невозможны, и уѣхалъ съ Андреемъ раздраженный до нельзя, страстно влюбленный, готовый на глупости какъ восемнадцатилѣтній юноша.

На другой день Анна Ильиншна пошла къ обѣдѣ, такъ какъ было воскресенье, и у церковнаго входа встрѣтила Перлова.

Сердце ея стукнуло, и она поразовалась чисто христіанскою радостью что онъ не забываетъ храма Божьяго. Ея вѣра была чисто дѣтская вѣра, не испорченная ни размышленіемъ, ни чужими теоріями. По окончаніи службы, молодая женщина приложилась къ мѣстнымъ иконамъ и вышла изъ церкви, кивнувъ головой Перлову, но онъ ее скоро догналъ.

— Анна Ильиншна, началъ онъ,—я собираюсь къ вамъ сегодня.

Она колебалась. Боязнь молвы и безотчетный страхъ охватили ее.

— Нѣтъ... нельзя сегодня.

— Развѣ васъ дома не будетъ?

— Не то что дома не буду... нельзя! Въ другой разъ.

— Анна Ильиншна, примите меня сегодня.

— Говорю что нельзя, такъ нельзя, отвѣчала она своимъ рѣзкимъ тономъ.

Но блѣдность Перлова ее смутила, Анна Ильиншна олустила голову, и они пошли рядомъ молча. Въ первый разъ она почувствовала на себѣ дѣйствіе его жгучаго взгляда. Магнетическій токъ пробѣжалъ по ея жиламъ; она не находила словъ чтобы прервать мучительное молчаніе и оставалась у околицы.

— Прощайте, сказала она, толкнувъ калитку.

— Такъ не позволяете? спросилъ онъ.

— Нѣтъ!

Она не вернулась домой, а пошла далѣе.

Ею овладѣвало все болѣе и болѣе неопредѣленное смущеніе. Пройдя нѣсколько шаговъ, она тревожно оглянулась; ей показалось что кто-то идетъ за ней, но за нею никого не

было, а предъ ней лѣсъ шумѣлъ подъ осеннимъ вѣтромъ, и ускори́въ шагъ, она направилась къ лѣсу. Ей хотѣлось куда-нибудь спрятаться, она боялась встрѣтить прохожаго на пути.

Странно подѣйствовало на нее шумъ и трескъ вѣтвей, слышавшіеся съ оглушительнымъ карканьемъ воронъ; въ ней поднялось что-то радостное, восторженное. Она вдыхала глубоко холодный воздухъ и поднявъ голову, смотрѣла на верхушки волнующихся деревьевъ. Не разъ въ осенній день она плакала въ этомъ лѣсу и пѣла во весь голосъ одну изъ своихъ любимыхъ лѣсенъ:

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася.

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!

Нѣтъ подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятіяхъ жгла
Пощауами!

Эти слова блуждали и теперь въ ея мысляхъ, но она ихъ не пропѣла, а произнесла вслухъ первыя строки:

Не весна тогда
Жизнью вѣяла....

Вдругъ въ двухъ шагахъ отъ нея, словно выросла фигура Перлова. Анна Ильинична вскрикнула, и испуганная, пристыженная, прислонилась къ дереву.

Разставшись съ нею, Перловъ пошелъ вдоль околицы и выбрался на дорожку, другою стороною поля, не теряя изъ виду молодой женщины. Они достигли вмѣстѣ лѣса, гдѣ скоро сошлись.

Перловъ бросился къ ней, обвилъ рукой ея станъ, лицо его коснулось ея лица...

— Красавица моя, шепталъ онъ, — ненаглядная...

Она какъ будто замерла, но вдругъ очнулась, оттолкнула его и крикнула:

— Прочь, подите прочь!

Съ этими словами она лустилась бѣгомъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ остановилась чтобы перевести духъ и придти въ себя, но все еще не могла собраться съ мыслями бродившими хаосомъ въ ея головѣ. Она еще никогда не испытала ничего подобнаго и стояла какъ прикованная на мѣстѣ. Наконецъ шуршанье сухихъ листьевъ заставило ее повернуть голову.

Перловъ стоялъ за нею.

Она сдвинула брови, и оглянувъ его поведительнымъ взглядомъ:

— Я вамъ велѣла оставить меня, сказала она жестко, не возвышая голоса.—Вы это слышали?

— Знаете чѣмъ это кончится? отвѣчалъ онъ.—Я убью... васъ или себя.

Въ эту минуту онъ смотрѣлъ человѣкомъ готовымъ исполнить свою угрозу. Блѣдность его усилилась, онъ весь дрожалъ.

— Я васъ прошу меня оставить, сказала она, невольно смягчивъ тонъ.

— Прикажете, я послушаюсь, хоть бы пришлось умереть

— Уйдите, настояла она, почти шепотомъ.

Перловъ исчезъ въ лѣсу; однако она удалилась не безъ страха, и обрадовалась встрѣчѣ съ березовскою женщиной, засидѣвшеюся у священника.

Анна Ильинишна не могла опомниться: негодованіе и стыдъ заглушали въ ней всѣ другія чувства. Не въ первый разъ она ввухала любовь, но чистота ея сердца, строгость жизни спасали ее отъ оскорбленій. Чѣмъ же объяснить, чѣмъ оправдать грубую выходку Перлова? Анна Ильинишна боялась выйти изъ дома, и кровь ей бросалась въ лицо когда стучались въ дверь. Ночью она услокоилась, однако заснула поздно и проснулась рано. Голова ея освѣжилась, и она рѣшилась написать Перлову чтобъ онъ отнынѣ и навсегда прекратилъ свои посѣщенія. Съ горяча она взялась за перо, но, къ ея собственному ужасу, въ ея сердцѣ возникла такая жалость къ нему и такая боль при мысли о разрывѣ съ нимъ что ея рука замерла на бумагѣ.

— Барыня, сказала Арина,—а вы меня отпустите сегодня къ сестрѣ на именины. Обѣдъ вчерашній; похлебку только надо разогрѣть, да котлетки холодныя...

Анна Ильинишна смотрѣла на нее растерянно, не отвѣчая. Письмо къ Перлову она хотѣла послать съ нею и вдругъ сообразила что подастъ этимъ поводъ къ сплетнямъ и пере-

судамъ. Послѣ минутнаго молчанія Арина повторила свою просьбу.

— Ступай, я отобѣдаю безъ тебя.

Арина приняралась. Анна Ильичишна ждала съ нетерпѣніемъ чтобъ она ушла и, оставшись одна, взялась олять за леро, но бросила его на столъ и ухватилась за голову какъ человекъ пораженный открытіемъ страшной тайны. Боже мой! зачѣмъ она пустила его къ себѣ? Зачѣмъ дала ему возможность оправдаться предъ ней и овладѣть ея довѣріемъ? Думай она что онъ грѣшникъ, что онъ не знаетъ ни Бога, ни совѣсти, что онъ преступникъ для котораго нѣтъ святыхъ, она бы его менавидѣла.

— Ненавидѣть легче чѣмъ любить... заключила она и испугалась такому рѣзкому опредѣленію своихъ чувствъ.—Любить?... Неужели въ самомъ дѣлѣ я его люблю?... Нѣтъ, этого не будетъ! Надо себя осилить.

Она рѣшила что навѣстить подъ какимъ-нибудь предлогомъ священника и пошлетъ письмо съ крестьянскимъ мальчикомъ. Затѣмъ письмо было написано и запечатано. Молодая женщина надѣла пальто, спрятала лакетъ въ карманъ, отворила дверь и остолбенѣла, очутившись противъ Перлова. Не давъ ей опомниться, онъ поднялся на крыльцо.

— Я къ вамъ писала, начала она дрожащимъ и рѣзкимъ голосомъ.—Вы пришли кстати.

Подавъ ему лакетъ, она ступила шагъ назадъ и хотѣла затворить за собою дверь, но Перловъ ее придержалъ и вошелъ въ прихожую.

— Вы можете его прочесть у себя, замѣтила Анна Ильичишна.

— Я его совсѣмъ не прочту, отвѣчалъ онъ,—его содержаніе мнѣ извѣстно.

На этомъ словѣ онъ разорвалъ лакетъ и бросилъ его на полъ.

Они смотрѣли въ глаза другъ другу съ вызывающимъ выраженіемъ, словно хотѣли испытать кто кого переломить. Въ ея сердцѣ преобладалъ гнѣвъ.

— Подите вонъ! сказала она, любѣднѣвъ.

Но онъ бросился къ ея ногамъ.

— Не гоните меня, умолялъ онъ.—Дайте только посмотрѣть на васъ, отдохнуть отъ моей каторжной жизни. Я не люблю пустыхъ словъ, и если сказалъ что застрѣляюсь, не

думайте что хотѣлъ васъ застрашать глупою фразой. Револьверъ со мною, вотъ онъ, у меня на груди. Я у васъ ничего не прошу, только позвольте остаться здѣсь.

Въ ея растерянномъ взглядѣ высказывался какой-то тупой страхъ. Ея дрожавшія губы шептали.

— Встаньте... встаньте...

Она упала на диванъ; Перловъ сѣлъ съ нею рядомъ, но она отъ него отодвинулась. Нѣсколько минутъ они провели молча, неподвижно. Анна Ильинишна старалась придти въ себя, а онъ ждалъ ея перваго слова, но не выдержалъ и поднялъ руку чтобъ ее обнять. Она вскочила какъ обожженная и сказала:

— Или мнѣ позвать прохожаго чтобъ онъ меня защитилъ отъ васъ?.. Вы отъ меня ничего не добьетесь. Слышали?.. А теперь оставьте меня.

— Навсегда? спросилъ Перловъ.

— На... всегда... прошептала она.

— Теперь я ловинуюсь, но навсегда я васъ не оставляю.

Онъ ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ вернуться, а она сѣла на диванъ, дрожа какъ въ лихорадочномъ ознобѣ.

„Я пропала!“ подумала она съ ужасомъ. „Пропала!“ думала она опять поздно вечеромъ, ложась въ постель. „Не совладать мнѣ съ собой если Господь Богъ не спасетъ меня“. Словно она чула что человѣкъ съ которымъ ее связала судьба судить ей темную будущность.

Прошла цѣлая недѣля. Анна Ильинишна нерѣдко заглядывала въ окно со страхомъ и глухимъ желаніемъ увидать издали Перлова. „Что съ нимъ? Почему онъ замолкъ? Не изъ тѣхъ онъ которые отказываются легко отъ цѣли.“ Она вспомнила о револьверѣ и лоблѣдѣ; но ее успокоивали эти прощальныя слова: „теперь я ловинуюсь, но навсегда васъ не оставляю“.

Разъ утромъ, только что она проснулась, Арина ей подала маленькую коробочку перевязанную накрестъ шнуркомъ. Его концы были прилечтаны къ крышкѣ.

— Отъ Ивана Николаевича! доложила Арина. Проѣхалъ сегодня и остановился у крыльца. „Арина, говорить, отдай своей барынѣ.“ И съ телѣжки не сошелъ. Одѣтъ по дорожному. Должно вдаль уѣхалъ.

— Хорошо, отвѣчала Анна Ильинишна по возможности равнодушно; но сердце ея замерло. Оставшись одна, она открыла коробочку. Въ ней лежало желѣзное кольцо съ вырѣзанною надписью: „Увидимся“.

И впрямь, онъ надѣлъ на нее желѣзное кольцо, околдовалъ. Куда онъ уѣхалъ? На долго ли? Гдѣ мы увидимся... спрашивала она, и спрятала кольцо съ суевѣрнымъ страхомъ.

Вскорѣ послѣ того ее навѣстилъ священникъ. Она его встрѣтила съ тайною надеждой развѣдать что-нибудь о Перловѣ, но рѣшилась приступить къ вопросу только въ ту минуту когда отецъ Николай собрался домой.

— А что, батюшка, нашъ школьный учитель? Говорятъ, въ отъѣздѣ.

— Да, куда-то провалился, никто не знаетъ куда, отвѣчалъ отецъ Николай.

— Когда же онъ вернется?

— Обищалъ вернуться въ среду, сказалъ священникъ и понизивъ голосъ прибавилъ:—становой получалъ отъ начальства приказаніе его арестовать и доставить въ городъ, а тамъ въ Петербургъ отправять... Попадется!

Пораженная этимъ извѣстіемъ, Анна Ильинишна не раскричалась по обыкновенію, а напротивъ замолкла. Холодный потъ выступилъ на ея лицо.

— Прощайте, да хранитъ васъ Господь! сказалъ отецъ Николай.

— Батюшка, позвольте... Вы говорите его велѣно арестовать... А если онъ невиновенъ?.. если его оклеветали?

— Оклеветали? повторилъ отецъ Николай—Нѣтъ, честнаго человѣка за такого молодца не примуть. Честный-то его издалека разгадаетъ. Оклеветали! Какъ бы не такъ!

Священникъ удалился, не подозрѣвая что произвелъ страшный эффектъ. Анна Ильинишна стояла предъ нимъ неподвижно какъ статуя, и уже проводивъ его, пришла въ себя, и сердце ея вслыхнуло вдругъ.

Схватятъ его, увезутъ въ Петербургъ, въ крѣпость! И удастся ли ему оправдаться?... Самъ того не подозрѣвая, онъ сошелся вѣроятно со злоумышленниками, и они втянули его въ бѣду. А можетъ-быть глупые, ни на чемъ не основанные слухи его погубили. Не сама ли она кричала противъ него громче другихъ, ненавидѣла его? А онъ любитъ ее, никто ея такъ не любилъ какъ онъ!

На эти магическія слова: „онъ любитъ меня“, отзывались всѣ струны ея души. Онъ одарилъ Перлова всѣми возможными совершенствами въ глазахъ любѣжденной женщины. Неожиданно разразившаяся бѣда дала ей мѣру ея собственнаго чувства, развила его чуть ли не до страсти.

Допустить чтобы погибъ такой человекъ! Это невозможно! Невозможно, повторяла она, и кровь ей бросалась въ лицо. Но какъ предупредить его? Куда написать?... Гдѣ онъ скрывается?...

Оставалось два дня до возвращенія Перлова. Арина, къ которой Анна Ильинишна въ этомъ случаѣ обратилась безъ обиняковъ, подтверждала что Иванъ Николаевичъ вернется непременно въ среду, съ вечернимъ поѣздомъ, а что вернется такъ это вѣрно, потому что всѣ его пожитки остались на квартирѣ

Съ вечернимъ поѣздомъ?... думала Анна Ильинишна. Лишь бы становой не схватилъ его на станціи, онъ спасенъ. Да, онъ спасенъ, но цѣною вѣчной разлуки съ нею. Онъ уѣдетъ куда-нибудь вдаль, можетъ-быть за границу, и Богъ вѣдаетъ когда судьба ихъ сведетъ опять, и опять ея сердце будетъ разбито. Переживетъ ли она это послѣднее, самое тяжелое испытаніе?...

Но до себя ли ей? Главная задача въ томъ чтобы предупредить его вовремя.

Въ назначенный день она сказала Аринѣ что поѣдетъ встрѣчать свою двоюродную сестру, которая обѣщала у ней погостить. Эта двоюродная сестра навѣщала ее не разъ, и разказы выходилъ совершенно естественнымъ. Анна Ильинишна поѣхала за два часа до прихода поѣзда, и все-таки боялась опоздать. Она успокоилась когда телѣжка подъѣхала къ станціи, но ею овладѣла другаго рода боязнь. Пріѣдетъ ли онъ? Что она сдѣлаетъ если онъ не пріѣдетъ? Если придется нѣсколько разъ устраивать встрѣчу съ нимъ на желѣзной дорогѣ и возбудить подозрѣніе мѣстной полиціи?... Анна Ильинишна не боялась ни заразы навѣщая больныхъ, ни длинныхъ одинокихъ прогулокъ, даже зимой, въ метель; она была вообще не изъ робкихъ, но приходила въ ужасъ при мысли о столкновеніи съ полиціей. Своимъ честнымъ именемъ она дорожила, и умерла бы скорѣй чѣмъ сѣсть на скамью подсудимыхъ.

Въ вокзалѣ уже зажгли газъ, и собралось довольно публики. Аннѣ Ильинишнѣ показалось что всѣ на нее смотрять и что каждый угадываетъ цѣль ея появленія. По временамъ она озиралась какъ запуганный звѣрокъ, а иногда полузакрытые глаза принимали мрачное выраженіе.

Толпились около буфета; чтобы не отличатся отъ другихъ, она спросила чаю, и пріютилась у маленькаго стола. Съ нею рядомъ сѣлъ незнакомецъ.

— Какой час? спросила она развязно.

— Шесть. Через четверть часа придет поезд.

Последовало молчаніе. Вдругъ Анна Ильиншна спросила ни съ того, ни съ сего:

— Вы въ Петербургъ?

— Нѣтъ, я только-что оттуда.

— А? Оттуда?... какія вѣсти? все ли спокойно?

— Развѣ наружное спокойствіе. Аресты частые; то типографію откроютъ, то перелиску перехватятъ.

— Злодѣи! По ихъ милости и невинные попадаютъ.

— Вѣроятно попадаютъ и невинные. Что дѣлать! Время смутныя. Мало ли грѣха эти люди на душу взяли!

Анна Ильиншна выпила нѣсколько глотковъ чая и не продолжала разговора. Она считала до безконечности долго тянувшіяся минуты. Вдали раздался свистокъ... Ея сердце дрогнуло, и непомня себя она очутилась на платформѣ.

Изъ вагоновъ третьяго класса, къ которымъ она направилась, вышелъ, съ большимъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ, Иванъ Николаевичъ Перловъ.

— Вы?.. сказалъ онъ, останавливаясь передъ Анной Ильиншной.

— Тише! промолвила она.— Уйдите куда-нибудь... Только ради Бога чтобы насъ не замѣтили! Дѣло очень, очень важное!..

— Сюда, сюда! отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.

Они пробрались черезъ толпу, миновали вокзалъ и сошли въ поле.

Перловъ догадывался смутно въ чемъ дѣло и молчалъ:

— Да что? что такое?

— Не могу... нельзя, скорѣй! скорѣй! торопила она.

У нея духъ занимался отъ волненія, она спросила:— куда мы идемъ?

— А вонъ стоитъ домикъ, недалеко отъ желѣзной дороги.

Анна Ильиншна остановилась на всемъ ходу.

— Кто тамъ живетъ? въ этомъ домикѣ?

— Не бойтесь... тамъ живетъ простая, мнѣ знакомая женщина. Этотъ домъ ей порученъ хозяевами.

Когда они дошли, Перловъ стукнулъ три раза въ окно. Дверь отворилась, и на крыльцѣ показалась молодая женщина, повязанная платкомъ и одѣтая въ дешевое ситцевое платье. Перловъ ей что-то шепнулъ на ухо; она взглянула на Анну Ильиншну и скрылась.

Все жилье состояло изъ четырехъ маленькихъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ горѣла свѣча на деревянномъ, не выкрашенномъ столѣ. Анна Ильинишна опустила на стулъ и проговорила:

— Спасайтесь! Васъ велѣно арестовать.

Онъ вздрогнулъ, но скоро оправившись спросилъ:

— Отъ кого вы слышали?

Она разказала свой разговоръ со священникомъ.

Минута была рѣшительная. Ему предстояла разлука, вѣроятно вѣчная разлука съ Анной Ильинишной. Не испытать ли ея чувства? Не открыть ли ей истину? Что возметъ перевѣсъ: страсть или ненависть къ его дѣятельности? Онъ стоялъ предъ нею понуривъ голову, опустивъ руки и ломая слетенные пальцы. А она смотрѣла на него испуганно, ожидая... Ея участь висѣла на волоскѣ.

Ей показалось что зашумѣли около входа; она вскочила и крикнула:

— Идутъ! Идутъ! Бѣгите!

Эти слова положили конецъ его недоумѣнью и борьбѣ.

Нѣтъ! испытаніе — это ребячество. Промѣнять вѣрное на невѣрное... Она его любитъ и все въ его рукахъ. Лишь бы обладать ею, и его мысли будутъ ея мысли, и все что ей кажется бѣлымъ ей будетъ казаться чернымъ, и наоборотъ. За любимымъ человѣкомъ шли одинаково и честныя и развратныя, и умныя и глупыя.

— Здѣсь мы совершенно безопасны, сказалъ онъ.—Но я вернусь домой. Пусть меня увезутъ силой, добровольно я съ тобой не разстанусь.

Анна Ильинишна не возразила, но взглянула на него такимъ взглядомъ что Перловъ ее притянулъ къ себѣ и влился въ ея губы. Застигнутая въ располхъ, обезумѣвшая, она его не оттолкнула...

.....

Ты мнѣ отдала всю твою душу? спрашивалъ онъ ее въ эту ночь.

— Еслибъ у меня были двѣ души, я бъ ихъ отдала тебѣ, отвѣчала она.

III.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе года. Въ свѣжее февральское утро наша знакомая Александра Михайловна Витальева пробиралась лѣшкомъ по Садовой, до своей квартиры. Теперь ей жилось легко и свободно, и она смотрѣла весело. Мысли ея были заняты прїѣздомъ сестры, которую она ждала въ тотъ же день, послѣ долгой разлуки. Ея глаза блуждали то по деревьямъ покрытымъ инеемъ, то по небу золотисто молочнаго цвѣта, и остановились на молодой женщинѣ, шедшей ей на встрѣчу. Александра Михайловна по близорукости не съ разу ее узнала, но сердце у нея ёкнуло когда онѣ очутились лицомъ къ лицу.

Анна Ильинишна гордо ее оглянула, даже не поклонилась; наоборотъ Александра Михайловна ей радушно протянула руку.

— Вы! наконецъ-то! воскликнула она.—Какъ я рада!

Она была дѣйствительно рада. Въ ея памяти сохранились лишь хорошія свойства Анны Ильинишны, прямота, честность, горячность природы, и въ разрывѣ со своею бывшею прїятельницей Александра Михайловна винила себя.

„Я не выказала ни довольно снисхожденія къ ея необузданному характеру, часто говорила она,—ни достаточно благодарности за ея привязанность! Еслибъ я могла когда-нибудь искупить свою вину!“

Но вернувшись въ Березовку она узнала что Анна Ильинишна собралась вдругъ къ своей двоюродной сестрѣ, и уѣхала, поручивъ хозяйство Аринѣ. Долго она не давала вѣсточекъ о себѣ, но въ началѣ зимы какой-то незнакомецъ прїѣхалъ въ ея хуторъ и продалъ его по довѣренности данной владѣльцей. О ней онѣ почти ничего не сказалъ; не добились даже гдѣ она обрѣталась. Эти разказы огорчили Александру Михайловну.

Увѣряли что въ ея внезапномъ исчезновеніи Пердовъ игралъ какую-то роль, но Александра Михайловна не вѣрила этимъ слухамъ и только смѣялась надъ ними.

— Наконецъ-то, повторила она, крѣпко пожавъ руку своей бывшей сосѣдки.—Да что вы смотрите такъ враждебно? Вѣдь

я васъ отъ души любила, и всю вину нашего разрыва беру на себя.

Анна Ильинишна не ожидала такого радушнаго привѣтствія, внезапно смягчилась и отвѣчала неволью на теплое пожатіе дружеской руки.

— Пойдемте вѣстѣ, продолжала Александра Михайловна.— Скажите гдѣ вы живете? Чтò подѣлываете?

— Живу я... какъ вамъ сказать? вездѣ и нигдѣ.

Въ этихъ словахъ проглядывало нѣкоторое смущеніе.

— Какъ вездѣ и нигдѣ? Чтò это значитъ?

— Право такъ... А чтò подѣлываю?... прошло то время когда я сидѣла сложа руки и жила для себя одной.

— Вы-то жили для себя одной? Напротивъ, когда я васъ знала, вы были готовы отдать все бѣднымъ.

— Эка важность давать излишекъ да еще вредъ этимъ дѣлать! перебила Анна Ильинишна.

— Кому же вредъ?

— Частная-то благотворительность? Чтò жь она коли не вредъ? Только помогаетъ нищимъ лаодиться, вотъ и все.

— Какія странныя понятія! возразила Александра Михайловна, смутно догадываясь что въ этихъ понятіяхъ кроется что-то недоброе.— Неужели не подать куска хлѣба голоднымъ?

Анна Ильинишна собиралась отвѣчать и колебалась.

— Есть люди которые отдаютъ несчастнымъ всю жизнь, не то что лишній грошъ, промолвила она потупясь.

— Ну, эти люди стоятъ такъ высоко что намъ за ними нечего и гваться.

— А по вашему кто эти люди? спросила съ какимъ-то азартомъ Анна Ильинишна.

— Не трудно ихъ назвать: хотъ бы Рукавишниковъ. Въ двадцать восемь лѣтъ онъ посвятилъ себя на спасеніе погибающихъ дѣтей, и пожертвовалъ имъ своимъ богатствомъ и своею молодостью.

— Ну чтò за примѣръ! та же частная благотворительность. Опять же онъ это дѣлалъ изъ самолюбія, а отъ настоящаго дѣла уклонялся.

— Изъ самолюбія! повторила съ негодованіемъ Александра Михайловна.

— Вѣрьте, я это слышала отъ людей которые его близко знали.

— Ужь полно, не изъ зависти ли они распускаютъ о немъ такіе слухи?

— Они стоятъ выше зависти, возразила Анна Ильинишна. Взглядъ ея сверкнулъ и голосъ дрогнулъ, она замолкла. Ея слушница вспомнила рассказы о Перловѣ и догадалась обо всемъ.

— Неужели? неужели? сказала она, оглянувшись съ ужасомъ и съ невольнымъ участіемъ Анну Ильинишну. — Такъ это правда?

— Что? что правда?

— Вы полюбили кого-нибудь изъ этихъ великихъ дѣятелей?

— Правда. Не осуждайте меня. Я и такъ наказана. Мнѣ было суждено любить не на радость, а на мученіе. Всего лучше закончить съ такими привязанностями. Одно чувство прочно и велико, то чувство въ которое не входитъ ни расчета, ни эгоизма, а чтобы дорости до него надо любить не одного, а всѣхъ.

— Исключая однако тѣхъ кто занимаетъ высокое положеніе въ обществѣ, какъ бы они ни были чисты; исключая вѣрующихъ, какъ бы они ни были самоотверженны, перебила съ горечью Александра Михайловна. — Тѣ не считаются людьми, и надъ ними произнесенъ поголовный приговоръ.

— Ахъ, замолчите, вы тутъ ничего не понимаете, крикнула горячая новобранка.

— Какъ же они васъ осѣтили! замѣтила Александра Михайловна; — какъ вы скоро помирилась съ тѣмъ что вамъ было ненавистно! А вѣра ваша? и ее услѣбли уничтожить?

— Нѣтъ, но я иначе теперь понимаю смыслъ Евангелія. Христосъ сказалъ: *думали ли вы что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе.*

Боже мой! та ли это грубая, но простая и добрая Анна Ильинишна? Она ли выучилась толковать по своему евангельскіе тексты и говорить заученными фразами? Александра Михайловна остановилась у входа своей квартиры. Въ ея головѣ возникла мысль вытащить изъ бездны полубезумную жертву Перлова, и она прискивала убѣдительныя слова. Тутъ только она замѣтила что Анна Ильинишна значительно похудѣла, и что преждевременныя морщинки бороздили ея еще недавно полное и свѣжее лицо. Она была одѣта бѣдно, въ изношенное пальто побѣдѣвшее по швамъ, и не менѣе изношенная круглая шляпа закрывала до половины ея лобъ. Свое состояніе она давно пожертвовала такъ-называемому общему дѣлу.

Александра Михайловна схватила ее обнаженную руку.

— Анна Ильинишна, милая! по вашему собственному признанію, вы не нашли счастья въ новой привязанности?

— Ну, не наша, ну что же?

— Бросьте эти бредни. Уйдите хоть на время отъ этого кружка, пока вы успеете опомниться, успокоиться. Вы изстрадались, взгляните на себя, васъ узнать нельзя, сжальтесь надъ собой, я буду васъ любить, баловать, пойдемте ко мнѣ.

Давно Анна Ильинишна отвыкла отъ ласковыхъ словъ, они вызвали слезы на ее глаза; но тихо освободивъ свою руку, она отвѣчала:

— Спасибо вамъ, вы добрая, но извините, судите какъ ребенокъ. Можно отстать отъ человѣка когда онъ намъ измѣнить, но самой измѣнить мысли, уйти отъ цѣли, это низко, подло; никогда!

Она быстро удалилась и не обернулась, исчезая изъ глазъ Александры Михайловны.

Можно угадать черезъ что прошла Анна Ильинишна. Перловъ, увлекая ее, билъ навѣрняка, и скоро успѣлъ доказать ей что она принимала *черное за бѣлое* и наоборотъ. Онъ былъ „развить“, а она была вовсе не развита, и ее сбили съ толку теоріи, възальтировавъ страстныя стороны ее души, готовой отдаваться безусловно. Гораздо труднѣе было помирить ее съ обычаями петербургскаго кружка, гдѣ допускался какой-то пьяный разгулъ отношеній между мужчинами и женщинами. Женщины признавали торжественно своихъ любовниковъ и переходили *по принципу* отъ одного къ другому. Анна Ильинишна отвернулась отъ нихъ съ отвращеніемъ, бросилась со слезами въ объятія Перлова и сказала: „удали меня отъ нихъ, мнѣ съ ними стыдно.“

На первыхъ порахъ ему нравилась эта строгость понятій, которая оставляла исключительно за нимъ обладаніе любимой женщиной, но его любовь остыла по простствію медоваго мѣсяца, и онъ началъ превозносить добродѣтели своихъ единомышленницъ.

— Онѣ такъ поступаютъ по самоотверженію, говорилъ онъ, — чтобы пустыя женщины не ослабили нашего духа, чтобы мы не раставались съ ними нравственно. Посмотрите на Петковскую—сила! солнце! а кутила со всѣми нами.

— Твоя Петковская можетъ-быть великій политическій дѣятель, возразила Анна Ильинишна, уже усмѣвшая усвоить себѣ эти выраженія,—но я ее терпѣть не могу и никогда не сойду съ нею.

Анна Ильинишна была глубоко оскорблена, но Перловъ заглашалъ лаской ея негодованіе и требовалъ чтобъ она служила не личному чувству, а Россіи. Онъ видѣлъ въ ней существо ограниченное, но по энергіи способное на дѣло, а его довѣріе льстило ея самолюбію, возвышало ее въ собственномъ мнѣніи.

Были въ кружкѣ женщины которыхъ пугалъ, какъ и ее, развратъ. Обманутыя чувствомъ, какъ и она, онѣ посвятили себя, по ихъ выраженію, „заботамъ о реформахъ въ краѣ“. Анна Ильинишна сошлась съ ними и втягивалась все болѣе и болѣе въ жаркія пренія о любви къ человечеству. Когда Перловъ охладѣлъ къ ней окончательно, кружокъ, по его просьбѣ, возлагалъ на нее тѣ порученія которыя ее удаляли изъ Петербурга. Она ихъ строго исполняла, а между тѣмъ Перловъ отдыхалъ отъ сценъ, упрековъ и слезъ. Впрочемъ эти сцены скоро прекратились. Аннѣ Ильинишнѣ, сокрушенной своимъ новымъ недочетомъ, надоѣла жизнь, и горемычная женщина порѣшила бы съ собою пулей или ядомъ еслибы не увлеклась мыслью умереть за спасеніе Россіи.

„Умирать такъ или иначе все равно, сказала она себѣ, но лучше пожертвовать свою жизнь благородной цѣли“ и заглушала лихорадочною суетой жгучую душевную боль.

Нѣсколько дней спустя послѣ ея встрѣчи съ Александрой Михайловной, Россія облеклась въ трауръ послѣ катастрофы 1 марта...

Въ Петербургѣ начались аресты, и полиція добралась до квартиры Перлова; онъ отстрѣливался и былъ убитъ наповалъ. Въ это время Анна Ильинишна дѣйствовала въ Москвѣ. Узнавъ о его смерти, она зарычала какъ разъяренная львица и въ неудержимомъ порывѣ бросилась на улицу съ безотчетною мыслью пролить чью-нибудь кровь чтобъ отомстить за любимаго человѣка. Но товарищи привели ее домой, и она успокоилась скорѣе чѣмъ ожидали. Живой онъ уже погибъ для нея; со смертью его прекратились мучительные переходы отъ надежды къ отчаянію, отъ любви къ ненависти, прекратились и терзанія безпрестанно возбужденной ревности. Сначала она казалась убитою горемъ, но отдохнула

отъ прежнихъ волненій сама того не сознавая. Она его потеряла навсегда, но за то онъ теперь никому принадлежать не будетъ.

„Онъ мнѣ завѣщалъ свою волю, думала она, и я должна жить до поры до времени, пока не исполню ея. Я его ученица, не посрамлю его памяти.

И Анна Ильинишна отдалась всецѣло такъ-называемому „народному дѣлу“. Она разбрасывала прокламаціи, ходила по деревнямъ, возбуждая въ народѣ вопросъ о новомъ раздѣлѣ земли и на этотъ вопросъ находила много отголосковъ. За два мѣсяца до коронаціи ее посылали съ порученіями за границу. Тамъ кружокъ анархистовъ торжествовалъ: иностранцы вѣрили въ его силу, въ его журнальныя угрозы, и съ трепетомъ готовились ѣхать въ Россію на ужасающую катастрофу въ которой могли погибнуть. Подпольная печать объявляла что на жизнь Русскаго Царя готовятъ двадцать покушеній и что Москва запылаетъ со всѣхъ концовъ. Московскихъ жителей предупреждали чтобъ они спасались заблаговременно. Александра Михайловна получила безымянное письмо въ которомъ старый другъ ей совѣтовалъ уѣхать въ деревню на время празднествъ. Но совѣтомъ она не воспользовалась и желала видѣть торжественный въѣздъ Державной Четы въ первопрестольную столицу, добыла на 10 мая мѣстечко на Тверской.

Анна Ильинишна вернулась въ Москву въ самый разгаръ приготовленій къ коронаціи. Ей было, между прочимъ, поручено наблюдать за настроеніемъ народа.

Городъ принялъ непривычно оживленный видъ: на главныхъ улицахъ, въ Кремлѣ и около Кремля воздвигались циты съ вензелями; народъ толпился около нихъ, любясь новымъ зрѣлищемъ.

„Чему они радуются? Сами не знаютъ“, думала Анна Ильинишна, „радуются что живутъ подъ игомъ. Но въ нихъ спитъ дикій звѣрь, стоить только ему почувать свободу и онъ проснется.“

Наступило 10 мая. Съ разсвѣтомъ поднялся народъ на встрѣчу Царя. Цѣлое море народа колыхалось между Кремлемъ и Петровскимъ дворцомъ, двигалось къ Тверской, къ Смоленскому вокзалу и такое же море людей стояло на Ходынскомъ полѣ противъ дворца.

Анна Ильинишна, одѣтая простолюдинкой, съ косышкой на головѣ, шла вдоль одного изъ переулковъ которые примыкали къ Тверской. Рядомъ съ ней молодая женщина вела за руку дѣвочку лѣтъ семи.

— Какъ это вы не побоялись взять съ собой ребенка? заговорила Анна Ильинишна.—Ее того и глади раздавать.

— И то боялась, милая, отвѣчала женщина,—да ничего не подѣлаешь. Пристала „мама, возьми да возьми! хочу видѣть Царя!“ да въ слезы. „А ну, говорю, какъ тебя убьютъ?“ А она все свое. Извѣстно, ребенокъ, не смыслить. Вишь до чего дожили. Идешь Царя встрѣчать, а страхъ тебя такъ и разбираетъ.

— Отъ чего это?

— Вѣстимо отъ чего: кто ихъ знаетъ что они еще затѣяли, дьяволы проклятые. Хоть бы проучили-то ихъ порядкомъ чтобъ они угомонились.

— Да, кажется, ужъ и такъ проучили: царскимъ убійцамъ не поздоровилось, замѣтила Анна Ильинишна.

— Что повѣсили-то ихъ? Эка важность! Злодѣя повѣсять, онъ и думать о томъ забудетъ.

— А какъ по вашему-то наказать бы ихъ? спросила Анна Ильинишна, скорчивъ улыбку.

— Какъ бы наказать-то? Антонъ Панкратьевичъ, значить мужъ мой, правду сказалъ: вытянуть бы имъ жилы, да всѣ косточки перебить, а тамъ ужъ и повѣсить. Вотъ бы имъ лапять и припили.

„Неблагодарные! Безумные!“ отвѣчала ей мысленно Анна Ильинишна: „пришли вы сюда бессмысленно пошумѣть, да поглазѣть, а мы идемъ за васъ на смерть и вы же насъ проклинаете. Все равно, мы пойдемъ своею дорогой, вамъ надо какъ дѣтямъ насильно привить оспу чтобъ избавить отъ смертельной заразы.“

Вдоль всей Тверской выстроились локки, а за ними сплошною стѣной стояла народная охрана. Анну Ильинишну, какъ и всѣхъ, остановили при входѣ въ переулокъ.

— Что, не видать еще Царя? спросила она у мастерового.

— Не видать, отвѣчалъ онъ, не взглянувъ на нее.—Вишь, только въ часъ поѣздъ тронется.

— А слышно милости будутъ?

— Вѣстимо будутъ.

— Говорять, землю дасть, сказала Анна Ильинишна.

— На то Его воля.

— А если не дасть?

Мастеровой окинулъ ее подозрительнымъ взглядомъ.

— А ты что за лица? спросилъ онъ такимъ тономъ что Анна Ильинишна не на шутку смутилась.

— Я-то? отозвалась она,—изъ Подольска, племянница попады.

— Ужь вы, половскія племянницы! Знала бы ты свое бабье дѣло, да о другомъ не болтала. Убирайся-ка отсюда, пока не откатали.

— Богъ съ тобой, за что ты? возразила она.

— Говорять тебѣ убирайся. Трепки не было бы! промолвилъ онъ сквозь зубы.

Анна Ильинишна скрылась.

Въ деревняхъ ей удавалось прельщать крестьянъ приманкой новаго раздѣла, потому она и попыталась подольститься съ нею къ мастеровому, да не въ поладь. Ему было не до раздѣла земли; онъ охранялъ отъ покушенія злодѣевъ Царскую Семью, и не поздоровилось бы тому кто полагалъ бы лодъ его тяжелую руку.

Анна Ильинишна, смущенная неудачною попыткой, стала всматриваться въ разнообразныя лица этой несмѣтной толпы. Они всѣ были обращены съ напряженнымъ вниманіемъ въ ту сторону откуда долженъ былъ тронуться повоздъ; всѣ выражали чувство тревожнаго, но строгаго и благоговѣйнаго ожиданія. Нѣтъ, не бессмысленно собрались они и не для того чтобы пошумѣть и поглазѣть; они собрались отстаивать свои улованія противъ общаго врага. Никогда Анна Ильинишна не приходилось видѣть народной толпы въ подобномъ настроеніи. Въ этой толпѣ высказывалась такая сила, такая нравственная сила что наша героиня начинала испытывать что-то похожее на робость и смиреніе, и смутно сознавала невозможность нарушить торжественную тишину этого гигантскаго сборища. Нѣтъ, нарушить ее было немислимо... Одна фальшивая нота могла довести до грознаго взрыва преданность этого народа своимъ завѣтнымъ преданіямъ.

Вдругъ прогудѣлъ колоколь, и все окрестное пространство словно вздохнуло вѣкругъ Анны Ильинишны... Народъ сжалъ

шалки, тысячи рукъ творили крестное знаменіе. Ударъ колокола извѣщалъ что царскій поѣздъ двинулся.

Нетерпѣніе ожиданія разгоралось съ каждою минутой, но выражалось безъ шума, безъ нарушенія порядка, безъ громкаго слова. У цнвыхъ слезы выступали на глазахъ, другіе шептали молитву. Анна Ильинишна разобрала въ этомъ шепотѣ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его.*

„Отъ какой бѣды просить они заступничества силъ небесныхъ“, думала Анна Ильинишна съ замираемъ сердца: „кто эти враги? Ужь не мы ли, непрощенные защитники народа?“

Но вотъ словно дрогнулъ воздухъ, вдали раздалось *ура!* и повторилось будто раскаты грома въ горахъ. Это слово вырвалось изъ устъ всей массы какъ крикъ беззавѣтной любви. Всѣ сословія слились мгновенно въ одномъ порывѣ; изъ оконъ высовывались тысячи женскихъ и мужскихъ головъ, съ сияющими лицами, хоть многія изъ нихъ были орошены слезами.

Вотъ оно подступаетъ ближе и ближе, это *ура*, этотъ ликующій кликъ Русскаго народа, вотъ оно здѣсь, надъ головой, неумолкающимъ рокотомъ стоитъ въ воздухѣ...

Государь Императоръ на бѣломъ конѣ покзался впереди царственнаго поѣзда. „Сохрани и помилуй его, Господи!“ слышалось со всѣхъ сторонъ.

— И Господь сохранитъ, и предъ нашею силой сробѣють злодѣи, сказала чей-то грозный голосъ.

Царь ѣдетъ и кланяется и вправо и влѣво; старики его встрѣчаютъ и провожаютъ крестнымъ знаменіемъ, а молодежь восторженными кликами.

Когда поѣздъ скрылся изъ вида, толпа заколыхалась. Возлѣ Анны Ильинишны остановились два иностранца: одинъ изъ нихъ былъ республиканецъ Французъ. Онъ сказалъ смущеннымъ голосомъ: *Pour se convertir à la cause des rois il faut venir dans ce pays où la nation et le souverain ne font qu'un.* *

А между тѣмъ, вдали, у Спасскихъ Воротъ, гремитъ и гремитъ могучее *ура!*

Добираясь домой, Анна Ильинишна находилась въ странномъ расположеніи духа. Мысли ея словно застыли; какъ че-

---

* Чтобъ обратиться въ приверженцы монархической власти достаточно пріѣхать въ этотъ край, гдѣ нація и Царь слились въ одно.

ловѣкъ пораженный видѣнемъ, она не скоро могла придти въ себя и возвратиться къ сознанию дѣйствительности.

„Что же это? что же это?“ бродило у нея въ головѣ: „тутъ ничего не поймешь...“

Около нея бѣгали дѣти и кричали ура. У прохожихъ было одно слово на устахъ—ура! Анна Ильинишна очнулась наконецъ, и провела ночь въ тревожномъ раздумьѣ.

„Да онъ просто молится на Царя, этотъ угнетенный народъ. Когда мы доказывали ему что онъ угнетень, онъ соглашался съ нами; откуда же эти неподдѣльные восторги?... Никакая власть, никакой подкупъ не могутъ такъ настроить людей, принудить ихъ разыграть такую роль. Развѣ это роль? Они рады голову положить за Царя, а насъ растерзать. Этотъ народъ сила вооруженная противъ насъ. И на насъ смотрѣли какъ на силу, насъ боялись, а сегодня предъ этою массою мы были ничто—кроха. Что-то скажутъ наши.“

Москва представляла въ это время изумительное зрѣлище: Флаги всѣхъ странъ міра развѣвались въ городѣ, и по улицамъ неслись въ золоченыхъ каретахъ представители иностранныхъ державъ, ихъ свиты, и петербургская знать. Глаза разбѣгались на эту блестящую лестроту нарядовъ, національныхъ костюмовъ, мундировъ, щегольскихъ акилажей, породистыхъ лошадей и русскій человекъ, безусловно вѣрующій въ могущество своего Царя, смотрѣлъ на этихъ представителей чужихъ земель какъ на мелкоту явившуюся на поклонъ общему владыкѣ.

По Тверскому бульвару проѣхала карета. Рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ лакей въ иностранной ливреѣ съ букетомъ разноцвѣтныхъ перьевъ на шляпѣ.

— Это кто же? возвысился молодой голосъ среди группы собравшагося народа.

— А ихній митрополитъ. Къ другимъ царямъ онъ на вѣнчаніе не ѣздитъ. А супротивъ Русскаго Царя я, говорить, этого сдѣлать не могу.

— Нѣтъ, это англійскій посланникъ проѣхалъ, вмѣшался въ разговоръ кто-то въ нѣмецкомъ платьѣ.

— А можетъ статья-съ, добродушно согласился мужичокъ.

— А Французъ-то, дядя? Пріѣхалъ на поклонъ? спросилъ молодой малый.

— Еще бы Французу не пріѣхать, отвѣчалъ съ усмѣшкой мужичокъ,—ты тогда, а чай, только на ноги стаялъ, а дѣло-то недавно было. Французы Нѣмцамъ войну объявили;

Нѣмецъ сейчасъ же къ нашему Царю. Выручи изъ бѣды, помоги. Ну, Царь нашъ его руку и держалъ; Француза побди и несмѣтныя богатства отъ него отобралъ. Да Нѣмцу мало, вишь, показалось и вооружился онъ олять на Парижъ, да покойный Царь не допустилъ. „Баста“, говоритъ, „хѣша Французъ и провинился предо мною въ Крыму, да ужъ его доже оттрепали; надо лю Божески судить.“ Кому ужъ коли не имъ на поклоны къ намъ прійхать?

Отдаленный звукъ трубы прекратилъ этотъ разговоръ завязавшійся у Тверскихъ воротъ, гдѣ ждалъ объявленія о днѣ Коронаванія: Въ одно мгновеніе головы обнажились, всѣ умолкли, замерли. Блистательный кортежъ герольдовъ вѣхалъ на площадь. Ихъ бѣлые мундиры сіяли золотомъ, на шляпахъ развѣвались перья. По данному знаку, герольды подняли жезлы, трубачи протрубили сборъ, и секретарь прочиталъ громкимъ голосомъ объявленіе. Оно заключалось словами: „О семь торжествѣхъ всѣмъ вѣрноподаннымъ чрезъ сіе возвѣщается, дабы въ вождѣнный оный день усугубили мольбы свои къ Царю царствующимъ, да всемошною рукою Своею благодатью пріосвѣтитъ Царство Его Величества и да утвердитъ въ немъ миръ и тишину, во славу Свою Святую и къ непоколебимому благоденствію государства“.

Только что прозвучали послѣднія слова, на площадь вѣхала невзначай карета съ иконою Иверской Божіей Матери.

Болѣе двухъ столѣтій вѣра во Святую икону передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Болѣе двухъ столѣтій Москвичи обращаются къ ней въ години горя и во дни радости. Предъ нею мать поручаетъ Царицѣ Небесной сына идущаго на войну, невѣста проситъ благословенія на предстоящій бракъ, страждущій молить Бога объ исцѣленіи и, наконецъ, Русскіе Цари готовясь къ священному обряду Коронаванія не вѣзжаютъ въ свой дворецъ, не помолившись въ часовнѣ куда поставилъ икону ихъ благочестивый предокъ Алексѣй Михайловичъ.

Ея неожиданное появленіе поразило народъ, какъ знаменіе посланное свыше. Толпа заколыхалась, крикнула: „Стой“ и бросилась къ каретѣ.

—Вотъ Она Заступница! кричали сотни голосовъ.—Она охранитъ отъ бѣды.

Обѣ дверцы экипажа были отворены и присутствующіе

начали поочередно креститься и прикладываться къ иконѣ. Многие поклоняясь ей произносили имя Царя. *

Анна Ильинишна слушала будто въ чадѣ эти рѣчи, видѣла эти сцены и словно просыпалась отъ горячечнаго сна. Спокою вѣка Русскій народъ радостно праздновалъ вѣнчаніе своихъ царей, но радость его высказывалась бражничаніемъ, пѣснями, пляской. То ли теперь? На улицѣ ни пьянаго не встрѣтишь, ни веселой пѣсни не услышишь; всѣ проникнуты одною мыслью, всѣхъ поглощаетъ одна забота, охраненіе Государя отъ домашнихъ враговъ. Толпа килитъ на улицахъ и на площадяхъ, и все спокойно. Не пѣсни она поетъ, а обнажаетъ головы предъ храмами и творитъ молитвы.

Когда-то Анна Ильинишна была близка къ народу, и не позвала его, потому что его характеръ обнаруживается вполнѣ лишь въ торжественныхъ случаяхъ; а она его видѣла поглощеннымъ матеріальными заботами, и не петербургскій кружокъ могъ дать ей вѣрное понятіе о немъ.

Она бродила какъ тѣнь по улицамъ, не находя себѣ мѣста. „И чего мы глядѣли!“ вертѣлось у нея въ головѣ: „два года тому назадъ та же толпа окружала Зимній Дворецъ 1 марта и истерзала двоихъ изъ нашихъ за одну улыбку. Не вразумились мы тогда, не вразумилась я. Зачѣмъ не застрѣлили меня вмѣстѣ съ Перловымъ?“

Она начинала сознать только теперь всю нелѣпость попытки разбить народныя идеалы, чтобы замѣнить ихъ другими, и вернулась въ свою квартиру мрачнѣе ночи. Воспоминанія сценъ на площади преслѣдовали ее неотвязчиво: геральды, народъ, образъ Иверской Божьей Матери. Когда толпа къ нему бросилась, Анна Ильинишна невольно перекрестилась. Давно отвыкла она отъ молитвы, или молилась украдкой, чтобы не возбудить насмѣшекъ своихъ товарищей, и то рѣдко, развѣ по старой памяти. Но было время когда она вѣрила такъ глубоко и такъ безотчетно что на днѣ ея души осталась искорка прежняго чувства и вслыхивала иногда помимо ея воли. Поэтому-то теперь воображеніе рисовало предъ ней такъ ярко ликъ Пречистой Дѣвы; но между

* Эта сцена не вымышленная и произошла дѣйствительно у Тверскихъ Воротъ.

ею и ркою, предъ которою она молилась когда-то, стояло какое-то враждебное лицо... И сердце одинокой скитальницы божественно сжималось. Сегодня утромъ то же лицо заслоняло отъ нея божественныя черты, и Анна Ильинишна, одна во всей толпѣ, не приложилась къ образу.

Прошло нѣскольکو дней. Не многіе оставшіеся въ Москвѣ анархисты жили изъ предосторожности на разныхъ квартирахъ и въ разныхъ частяхъ города, но ухитрились сообщаться между собой, несмотря на зоркій надзоръ полиціи. Кружокъ приунылъ, однако не признавалъ себя окончательно побѣжденнымъ. Анна Ильинишна была искреннѣе, а можетъ-быть и умнѣе другихъ; она утратила разомъ вѣру въ ихъ ученіе и не утала ни своего разочарованія, ни презрѣнія къ ихъ несостоятельности. Столкновение было горячее, и съ той минуты между ними и ею зародилась глухая вражда. Лично она никогда ихъ не любила; съ ними ее связывали одни убѣжденія, эта единственная связь порвалась, а кружокъ безплощаденъ въ такомъ случаѣ: отступничество онъ наказываетъ смертью. На Анну Ильинишну начали поглядывать подозрительно; она замѣтила что за ней слѣдили, и ею овладѣло новое чувство неодолимый страхъ.

То что испытываетъ странникъ, заблудившійся въ пустынь и ожидающій наладенія дикаго звѣря, испытала она. Она была совершенно беззащитна, совершенно одинока. Во всемъ мірѣ не было ни человѣка къ которому она могла бы честно обратиться, ни уголка гдѣ бы могла сластись отъ ожидаемой ея участи. Рано или поздно, ее найдутъ вездѣ.

Было время отчаяннаго горя когда она добросовѣстно желала умереть за то что называла благородною цѣлью; то время прошло, горе остыло и насильственная смерть ей показалась ужасна.

„Нѣтъ, я этого не долущу, я сама наложу на себя руки“, думала она: „должно-быть и съ вислицей мириться, лишь когда есть надежда отъ нея уйти“.

„Да, страшна смерть, а какъ я безплощадно готовила ее другимъ!“ думала она: самоубійство? А если въ самомъ дѣлѣ самоубійство ведетъ къ вѣчной мукѣ? Если вѣчность не пустое слово?“ И она заглянула съ ужасомъ и въ свою прошедшую жизнь, и въ загробную. Нѣтъ, лучше отдаться въ ихъ руки, умереть мученическою смертію и можетъ-быть Господь увидитъ ея раскаяніе и помилуетъ.

Однако, несмотря на это рѣшеніе, она скрывалась отъ враговъ, удаляя, насколько было возможно, минуту кровавой расправы. Анна Ильинишна прокинулась больною и забилась въ свою маленькую комнату, со всѣхъ сторонъ окруженную жильцами. Войти къ ней силой не было возможности. Тамъ она сидѣла одиноко и бессмысленно глядѣла въ окно. Вся ея энергія пропала вдругъ. Пушечные выстрѣлы, возвѣщающіе о каждомъ новомъ торжествѣ, уличный радостный говоръ толпы раздавались въ ея сердцѣ таковыми ударами. Она лишняя вездѣ, отверженный членъ этой громадной и дружной семьи.

Разъ вечеромъ ей стало душно до дурноты въ своей комнаткѣ, и она бросилась на улицу. Звонили во всѣ колокола, Анна Ильинишна шла долго безъ цѣли и чуть было не попала подъ омнибусъ. Ей удалось однако перескочить вовремя черезъ рельсы, и она оглянулась. Предъ ея глазами на площади возвышалась ярко освѣщенная лампадками часовня Иверской. Анна Ильинишна перебралась черезъ площадь и вошла въ часовню.

Въ ту минуту между нею и иконою не стоялъ враждебный образъ. Что-то успокоительное и благодатное настигло ее. Забывъ о жизни и о смерти, она глядѣла на знакомый ликъ Богородицы, опустила на колѣни и судорожно зарыдала.

Когда она поднялась и собралась выйти, ее назвалъ по имени голосъ Александры Михайловны Витальевой.

— Анна Ильинишна! Давно мы не видались. Слава Богу, кажется многое измѣнилось съ тѣхъ поръ...

И взглянувъ на ея почти неузнаваемое, убитое горемъ лицо она прибавила:

— Поѣдьте вмѣстѣ.

— Куда? робко спросила Анна Ильинишна.

— Ко мнѣ, поговоримъ, отвѣчала Александра Михайловна, слускаясь съ лѣстницы.

Она вошла въ карету.

— Анна Ильинишна, что же вы? Садитесь.

— Нельзя... Впрочемъ совсѣмъ темно... Насъ не увидать вмѣстѣ, проговорила Анна Ильинишна и сѣла возлѣ нея.

— Вы это что сказали сейчасъ? спросила Витальева.

— Я боюсь вамъ повредить... Вамъ извѣстно что я... я... бормотала она.

— Знаю... знаю отчасти. Одинъ изъ нихъ васъ увлекъ... Но вѣдь вы давно отстали отъ нихъ?

— Недавно.

Этотъ отвѣтъ она сдѣлала послѣ продолжительнаго молчанія.

— Недавно! повторила съ испугомъ Александра Михайловна.

— И я въ ихъ рукахъ... положеніе мое безвыходное, они меня убьютъ... Мы видимся съ вами въ послѣдній разъ. Да, они меня убьютъ и подѣломъ мнѣ. Я другаго не стою. Голубушка, помолитесь за меня... прощайте навсегда.. Выпустите меня изъ кареты.

Александра Михайловна была поражена, но доброта взяла верхъ надъ страхомъ; она схватила за руку свою слугицу и сказала:

— Погодите.

Однако она не могла проговорить ни единого слова пока карета не остановилась.

— Войдите, сказала Александра Михайловна.—Вы у меня никого не встрѣтите.

При свѣтѣ лампы Анна Ильинишна взглянула на нее. Ея смущеніе высказывалось блѣдностью и строгимъ выраженіемъ лица. Она молвила дрожащимъ голосомъ:

— Сядьте, разкажите мнѣ все.

И слушала опустивъ голову на обѣ руки чтобы скрыть чувства страха, жалости которыя переполняли ея душу.

— Вы во всемъ раскаялись? спросила она вдругъ.— Вамъ не хочется умирать? Хотите чтобъ я васъ спасла?

— Для меня нѣтъ спасенія. Вы только себѣ повредите.

— Хотите чтобъ я васъ спасла? повторила Александра Михайловна.

— Хочу.

— Игуменья *** монастыря мнѣ близкая родственница. Она васъ пріютитъ... Я вамъ дамъ письмо къ ней; хотите?

— Неужели! вскрикнула Анна Ильинишна.

— Только вы ей все разкажете... Слышите, все.

— А если тогда она отъ меня откажется?

— Не откажется. Подождите здѣсь.

Она ушла въ соседнюю комнату, а Анна Ильинишна оглядывалась отирая слезы, и спрашивала у себя: „не сонъ ли это“.

— Вотъ, сказала Александра Михайловна, подавая ей запечатанный пакетъ.—Къ счастью до монастыря нѣтъ желѣз-

ныхъ дорогъ. Я написала на конвертѣ вашъ маршрутъ. Вамъ нужны деньги на дорогу, возьмите, и Христосъ съ вами!

Анна Ильинишна схватила ея руку и горячо поцѣловала. Монастырь вдали отъ людей ей показался раемъ послѣ пережитыхъ волненій. Она было направилась прямо къ заставѣ, но одумавшись вернулась на квартиру для необходимыхъ приготовленій къ отъѣзду. На другой день она выбралась изъ Москвы. Около нея шли два ремесленника.

— А что видѣлъ Царя-то? спросилъ одинъ.

— Еще какъ видѣлъ-то! Когда вышелъ онъ съ Государыней изъ дворца и дождикъ пересталъ, и когда вышелъ изъ собора—пересталъ, такъ солнце за намъ и ходило.

— Словно мы всё повѣчались съ нимъ на царство, отозвался другой.

ОЛЬГА Н.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

Въ С.-Петербургѣ:

Въ память Священнаго Коронованія Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Подъ редакціей В. В. Комарова. III+469 стр. 8 д. л. Съ картинами.

Н. И. Гродековъ. *Война въ Туркменіи.* Походъ Скобелева въ 1880—1881 годахъ. Томъ первый. 281+158 стр. 8 д. л.

Военная статистика Россіи. Литовская область, Полѣсье и страна къ югу отъ Полѣсья. Записки офицеровъ старшаго курса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, составленныя по лекціямъ адъюнктъ-профессора М. Литвинова въ 1882—83 году. 16 стр. 8 д. л.

Кавказъ. Лекціи адъюнктъ-профессора М. Литвинова. 55 стр. 8 д. л.

Франко-Нѣмецкая война (до сраженія при Марсъ-ла-Турѣ включительно). Курсъ старшаго класса Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. 411+23 стр. въ 8 д. л.

Литовская метрика, государственный отдѣлъ великаго княжества Литовскаго при Правительствующемъ Сенатѣ. Грамоты и регесты изъ собранія „древнихъ актовъ“ писанныхъ на литовско-русскомъ, латинскомъ, нижне-германскомъ, старо-

четскомъ и польскомъ языкахъ. Составилъ метрикантъ литовской метрики Л. М. Зельверовичъ. Т. I. 112 стр. 8 д. л.

Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о франкъ-масонахъ. Евг. Олоцинина. 30 стр. 8 д. л.

Алфавитный указатель историческихъ лѣтъностей съ обозначеніемъ времени событій. Какъ пособіе для изученія всеобщей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ Л. Л. Игнатовичъ. 63 стр. 8 д. л.

И. С. Бліохъ. *Финансы Россіи XIX столѣтія.* Исторія, статистика. Томъ I. 29 + XIII + 292 + VII стр., 4 д. л. Томъ IV. XI + 307 + XXX. 4 д. л.

Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева. Томъ второй. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и съ факсимиле, приложенными къ первому тому. Новое изданіе Глазунова. 458 стр. Томъ четвертый. 440 стр. 8 д. л.

Сочиненія И. Лажечникова. Т. I. Посмертное полное изданіе. CLXXXVIII + XII + 428 стр. 8 д. л.

Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и исторіи. Евгенія Маркова. Изданіе второе. VII + 593 стр., 8 д. л.

Благонамѣренныя рчи. Сочиненіе М. Е. Салтыкова (Щедрина). Изданіе второе. 507 стр. 8 д. л.

Забытыя пѣсни. Сборникъ стихотвореній Н. С. Олоцинина 1845—1858. 46 стр. 12 д. л.

Гамлетъ принцъ Датскій. Трагедія Шекспира. Въ новомъ переводѣ А. Л. Соколовскаго. 151 стр. 8 д. л.

Родъ князей Запѣтныихъ. Историческій романъ. Сочиненіе А. Шардина. Т. I. 324 стр. Т. II. 399 стр. 8 д. л.

Die Eroberung von Constantinopel. Trauerspiel in 5 Akten von Alexander Petrick. 143 S. in 8.

Истинная любовь. Комедія въ 3хъ дѣйствіяхъ. П. Новикова. 70 стр., 16 д. л.

Для домашнихъ спектаклей. *Адвокатъ.* Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. К. Кузьмина-перваго. 24 стр. 8 д. л.

О значеніи и назначеніи дипломата. Сочиненіе А. И. Ботезать. 84 стр. 12 д. л.

Новый энциклопедическій словарь въ восьми томахъ. Изд. профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. Н. Березинымъ Т. I. А.—Бес. 8 д. л.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній составленные по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть русско-французская. Изданіе третье. 772 стр. 8 д. л.

Французская грамматика въ сравненіи ея съ русскою. Составилъ Н. Фену. Часть первая. Лексикологія. Пятое изданіе. 92 стр. 8 д. л.

Исторія русской словесности. (Учебникъ для средне-учебныхъ заведеній). Составилъ А. Галаховъ. Примѣнительно къ учебному плану утвержденному Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Изданіе третье, безъ перемѣнъ. 252+XXXII стр. 8 д. л.

Теорія словесности. Составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній П. Смирновскій. V+157 стр. 8 д. л.

Первые уроки русской грамматики въ связи съ начальными упражненіями въ правописаніи. Составилъ В. Гербачъ. 64 стр. 8 д. л.

Н. Бунаковъ *Христоматія для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и биографическими очерками.* Отдѣлъ второй. Изданіе шестое. 300 стр. 8 д. л.

Ариѳметика. Часть II. Составилъ инженеръ В. Цытовичъ. 107 стр. 8 д. л.

Руководство практической ариѳметики въ объемъ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено Александромъ Вороновымъ. 260+IV стр. 8 д. л.

Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для народныхъ училищъ. Составлено Александромъ Вороновымъ. Второе изданіе. 55 стр. 8 д. л.

Краткій повторительный курсъ ариѳметики. 126 стр. 12 д. л.

Собраніе ариѳметическихъ задачъ. Составлено Александромъ Вороновымъ. Часть II. 3е изданіе. 92 стр. 8 д. л.

Краткое пособіе для рѣшенія письменныхъ практическихъ ариѳметическихъ задачъ. Составилъ Ф. А. Щелкуновъ. 15 стр. 8 д. л.

Начальный курсъ географіи. Обзоръне земнаго шара. Учебникъ для младшаго класса. Составилъ Константинъ Ельницкій. 54 стр. 8 д. л.

А. Воронецкій. *Учебникъ всеобщей географіи.* Курсъ первый. Второе исправленное изданіе. 80 стр. 8 д. л.

Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ П. Бѣлоха. 2е изданіе. 312 стр. 8 д. л.

Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ П. Бѣлоха. Курсъ элементарный. 15е изданіе. 95 стр. 8 д. л.

Краткій учебникъ географіи Н. Равскаго. Западная Европа, съ 15ю таблицами чертежей. 71 стр. 8 д. л.

Краткій повторительный курсъ алгебры. 193 стр. 12 д. л.

Краткій повторительный курсъ исторіи Среднихъ Вѣковъ. 77 стр. 12 д. л.

А. Я. Гердь. *Учебникъ зоологіи для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія.* Въ двухъ частяхъ. Часть I. Безпозвоночныя. Второе исправленное изданіе съ 263ю рисунками въ текстѣ. 224 стр. 8 д. л.

Учебникъ минералогіи для городскихъ школъ. Составилъ А. Гердь. Пятое исправленное изданіе. 158 стр. 8 д. л.

Книга для чтенія. Составилъ А. Барановъ. 3е изданіе. 143 стр. 8 д. л.

Родное. Сочиненіе М. Б. Чистякова. 418 стр., 8 д. л.

Разказы изъ жизни животныхъ. С. Чистякова. 176 стр. 8 д. л.

Колосъя. Повѣсти для дѣтей отъ осьми лѣтъ. М. Чистякова. Изданіе третье. 214 стр. 8 д. л.

Разказы для маленькихъ дѣтей. М. Чистякова. 82 стр. 12 д. л.

Бѣсѣды Ожы Максимыча съ крестьянскими мальчишками о разведеніи плодовыхъ деревьевъ. Составлено Эдуардомъ Рего. Съ политипажами въ текстѣ. Пятое изданіе. 108 стр. 8 д. л.

О Русской землѣ. Разказъ первый. С. Максимова. Шестое изданіе. 48 стр. 8 д. л.

Разказы дѣдушки Василья. Разказъ третій. *Павелъ-лежень.* 32 стр. 16 д. л.

Источники и рѣки. Съ 7 рисунками. 48 стр. 8 д. л.

Моря и океаны. 41 стр. 8 д. л.

О вредныхъ насекомыхъ Полтавской губерніи. В. И. Филиппова. 44 стр. 8 д. л.

Путеводитель по учебному ботаническому саду устройству Н. П. Животовскимъ при Педагогическомъ Музее въ С.-Петербургѣ. 42 стр. 8 д. л.

Практическія наставленія къ сушенію плодовъ и устройству сушильни съ планомъ сушильни. Н. Е. Цабель. 32 стр. 8 д. л.

Какъ и чѣмъ пахать, бороновать и укатывать. Н. Горбуновъ. Съ шестью рисунками. VI изданіе. 20 стр. 12 д. л.

Основы культуры и технической переработки сахарнаго сорго. В. И. Ковалевскаго. 58 стр. 8 д. л.

Общія правила разбивки садовъ съ перечисленіемъ выносли-

вѣтъ древесныхъ растений въ сѣверной и средней Россіи. Сочиненіе Дг. Регеля. Изданіе 2е. 66 стр. 8 д. л.

Начальныя свѣдѣнія изъ Естественной Исторіи. Выпускъ первый, составленный по порученію Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній профессоромъ Э. К. Брандтомъ. 152 стр. 8 д. л.

Вырожденіе. Глава изъ теоріи развитія (Дарвинизма). Профессора Э. Рея Ланкестера. Съ рисунками въ текстѣ. Переводъ съ англійскаго Дг. Ивина. 79 стр. 12 д. л.

Мѣры къ улучшенію народнаго труда въ Россіи. I. Устройство ремесленныхъ школъ, подъ названіемъ „учебныя мастерскія“. Проектъ выработанный для С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія гласнымъ С.-Петербургской городской думы П. А. Мясоѣдовымъ. 69 стр. 8 д. л.

Основы машиностроенія. Соч. Ив. Тиме. Т. I. Выпускъ I. XXXIV+458+XVI стр. 8 д. л. Съ атласомъ чертежей.

Точное нивелированіе по швейцарскому способу (нивеллиромъ Керна). Составилъ инж. Гельманъ. 48 ст. 8 д. л.

Инженера П. Котляревскаго. *О соединеніи водопроводныхъ трубъ.* Съ 6 приложеніями и 2 листами чертежей. 52 стр. 8 д. л.

Азіатская холера. Ея исторія, формы, распознаваніе, предупрежденіе, лѣченіе и способы дезинфекціи. (Популярный очеркъ.) Доктора медицины П. О. Смоленскаго. 27 стр. 16 д. л.

Помощь врачамъ и врачующимъ. Вопросы и отвѣты необходимые въ особенности для заочной консультаціи и заочнаго пользованія разными способами лѣченія. Составила по новѣйшимъ лѣчебникамъ Елена Молоховецъ. 42 стр. 12 д. л.

Руководство къ частной патологіи и терапіи для практическихъ врачей и учащихся Дг. Германа Эйхгорста. Переводъ съ нѣмецкаго Дг. Н. Э. Крузенштерна. Выпускъ 6й. 753—928 стр. 8 д. л.

И. Гарчинскій. *Очерки изъ анатоміи, физиологіи и гигиены.* Руководство для реальныхъ училищъ и пособіе для самообразованія. 160+III стр. 8 д. л.

Краткій очеркъ душевныхъ болѣзней по классификаціи Крафтъ-Эбинга. Составилъ приватъ-доцентъ А. Эрлицкіи (для студентовъ). 8 д. л.

Th. Weyl. *Вспомогательныя таблицы для производства химико-физиологическихъ изслѣдованій.* Составлены для врачей и фармацевтовъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Дг. Б. О. Соркинъ. 32 стр. 12 д. л.

Красный Крестъ въ Германіи. Сочиненіе Фридриха фонъ-Кригерна. Рефератъ съ предисловіемъ лейбъ-медика, заслуженнаго профессора Н. Эдекауера. 39 стр. 8 д. л.

Отчетъ главноуполномоченнаго Россійскаго Общества Краснаго Креста князя С. В. Шаховскаго о дѣятельности Общества въ Закаспійскомъ краѣ въ 1880—1881 г. III+135 стр. 8 д. л.

Сборникъ свѣдѣній о современномъ устройствѣ и боевой подготовкѣ нашихъ драгунскихъ полковъ. Выпускъ I. Боевое устройство драгунскихъ полковъ. Составилъ полковникъ К. Дуронъ. 79 стр. 8 д. л. Выпускъ II. 90 стр. 8 д. л.

Краткій историческій очеркъ разработки вопроса о полковомъ обозѣ на Кавказѣ. Подполковникъ Аверкіевъ. 18 стр. 8 д. л.

Очеркъ дѣятельности уряднаго воинскаго начальника въ мирное и военное время. Съ картою. Составилъ К. Д. 42 стр. 8 д. л.

Труды съезда гг. членовъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества въ Москвѣ 1882 года, изданныя подъ главною редакціей Л. П. Стѣчкина. Т. II. 436 стр. 8 д. л.

Обзоръ дѣятельности учрежденной по Высочайшему повелѣнію комиссіи Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ 1 января 1880 года по 1 іюля 1883 года. 39 стр. 8 д. л.

Труды комиссіи по техническому образованію и отчетъ о школахъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежденныхъ Императорскими Русскими Техническими Обществомъ при содѣйствіи гг. фабрикантовъ и заводчиковъ города С.-Петербурга. 1881—1882. 197+25 стр. 8 д. л.

Протоколы засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго университета за первую половину 1882—1883 академическаго года. 127 стр. 8 д. л.

Скорбный листъ или вѣчная память о безреженно умершей Розаліи Самуиловнѣ Варшавской, урожденной Поляковой. Скончалась 26 іюля 1883 года въ Новомъ Петергофѣ. Сочиненіе М. Ханекеса. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Многознаменательныя событія въ жизни Русскаго народа съ 8 по 28 мая 1883 года. Подробное описаніе Священнаго Коронованія Императора Александра III. 71 стр. 12 д. л.

Многознаменательныя событія въ жизни Русскаго народа

съ 8 по 28 мая 1883 года. *Подробное описание Священнаго Коронованія Императора Александра III.* А. Ни—кій. 32 стр. 8 д. л.

Евгеній Соколовъ. *Къ столѣтію кончины Святителя Гилсона Воронежскаго.* 12 стр. 16 д. л.

Агиландритъ Пилменъ, настоятель Николо-Угрюмскаго монастыря. Бібліографическій очеркъ (1810—1880). Составленъ однимъ изъ его учениковъ. 517 стр. 8 д. л.

Краткое наставленіе крестьянскимъ Женщинамъ о томъ какъ онѣ должны воспитывать своихъ дѣтей. 8 стр. 12 д. л.

Н. Карѣевъ. *Основные вопросы философіи и исторіи.* Критика исторіософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса. Томъ I. VI+456 стр. Томъ II. 400 стр. 8 д. л.

Отголоски старинныя. Историческіе разказы С. Макаровой. 327 стр. 8 д. л.

Турецкіе анекдоты. Изъ тридцатилѣтнихъ воспоминаній Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). 420 стр. 12 д. л.

Иркутскъ. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтій. 92 стр. 4 д. л.

Москва въ современномъ состояніи и что ей предстоитъ въ отношеніи благоустройства. Рефератъ В. Д. Кастальскаго, читанный въ годичномъ собраніи ученаго отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній 4 декабря 1882 года. 21 стр. 8 д. л.

Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Эдуарда Гиббона. Изданіе Джоржа Белля, 1877 года. Съ примѣчаніями Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. XI+583 стр. 8 д. л.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи Сергѣя Муромцева, профессора Московскаго Университета. XXXV+697 стр. 8 д. л.

Руководство ко всеобщей исторіи. Средній курсъ. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе 18е. 500 стр. 8 д. л.

Нѣсколько замѣчаній о медаляхъ Аспурга и Рескупориса, преемниковъ Босфорскаго царя Полемона I. П. О. Бурачкова. 11 стр. 4 д. л.

A. W. Oreschnikow. *Zur Münzkunde des Cimmerischen Voporus.* 22 S. in- 8.

Исторія геометріи, соч. Шаля. Переводъ съ французскаго. Т. I. II.+307. Т. II+428 стр. 8 д. л.

Объ основаніи защиты владѣній. Пересмотръ ученія о владѣніи. Сочиненіе Dr. Рудольфа фонъ-Теринга. Переводъ съ нѣмецкаго. 179 стр. 8 д. л.

Бездна. Правдивая исторія М. Б. Маркевича. Часть первая. 319 стр. 8 д. л.

„Старога Знакомаго“ (Н. И. Пастухова). *Разбойникъ Чуркинъ.* (Народное сказаніе.) Часть третья. 719 стр. 8 д. л.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе для школъ. Для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Редакція К. Козьмина. Съ приложеніемъ портрета автора въ юношескомъ возрастѣ и тридцати картинъ въ текстѣ, рисованныхъ академикомъ В. Е. Маковскимъ. Изданіе второе. Томъ. I. 220 стр. 8 д. л.

Народная бібліотека. *Чѣмъ люди живы.* Разказъ графа Л. Н. Толстаго. 31 стр. 8 д. л.

Жребій брошен! Историческій романъ эпохи Юлія Цезаря. Сочиненіе Людмилы Шаховской. Часть первая. 278 стр. 8 д. л.

Изъ пещеръ и дебрей Индостана. Письма на родину Радабай. 508 стр. 8 д. л.

Посохъ. Собраніе лѣсволѣній. 189 стр. 8 д. л.

Мазена. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ поэмы Пушкина. Музыка П. Чайковскаго. 66 стр. 12 д. л.

М. Вернъ. Прогулка по Средиземному морю. 360 стр. 12 д. л.

Лѣсъ. Значеніе его въ природѣ и мѣры къ его сохраненію. Я. Вейнберга. VIII+563 стр. 8 д. л.

Сокращенный латинскій словарь Ананьева, Яснецкаго и Лебединскаго. Изданіе второе, исправленное. 1.135 стр. 8 д. л.

Народная бібліотека. *Юліанъ Милостивый.* 48 стр. 8 д. л.

Новинка. Разказы для дѣтей, съ картинками. Изд. А. Гласовой. 151 стр. 8 д. л.

Дѣвочка Серафимочка. Разказъ бабушки. Соч. Пожевой. 38 стр. 8 д. л.

Понятному обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разказы для дѣтей. Составилъ К. К. Веберъ. 160 стр. 8 д. л.

Девятая книга Энеиды Виргилія. Два текста: подлинный и по упрощенной конструкціи, съ примѣчаніями, объясненіемъ болѣе трудныхъ мѣстъ и словаремъ для употребленія въ гимназіяхъ. По лучшимъ иностраннымъ образцамъ составилъ Иванъ Соснедкій. Выпускъ девятый. 86 стр. 8 д. л.

Латинская грамматика Dr. Фердинанда Шульца, обрабо-

танная для русскихъ гимназій Юріемъ Ходобаемъ. Курсъ младшаго возраста. Изданіе шестое. 240 стр. 8 д. л.

Книга упражненій къ латинской грамматикѣ Dr. Фердинанда Шульца, составленная Ю. Ходобаемъ и П. Виноградовымъ. Часть первая. Этимологическія и синтаксическія упражненія для трехъ низшихъ классовъ. Изданіе седьмое. 304 стр. 8 д. л.

Xenophontis Memorabilia. Текстъ со словаремъ, составленнымъ для гимназій. Изданіе пятое. 151+126 стр. 12 д. л.

Руководство къ ариметикѣ. Ариметика дробныхъ чиселъ. Составилъ Н. В. Бугаевъ. 191 стр. 8 д. л.

Пособіе къ чтенію и изученію Гомера. Составилъ Г. Веркгаултъ. I. *Одиссея.* Выпускъ девятый. Пѣснь девятая. Изданіе третье. 550—616 стр. 8 д. л.

Карманный орфографическій словарь съ обозначеніемъ переноса словъ. Составилъ А. Русаковъ. 391 стр. 12 д. л.

Синтаксисъ русскаго языка применительно къ правописанію. Составилъ А. Кирличниковъ для духовныхъ училищъ. Изданіе 3е. 64 стр. 8 д. л.

Задачи на числа первой сотни. Выпускъ I. 63 стр. Выпускъ 2й. 51 стр. 8 д. л. Составилъ Иванъ Староградскій.

Первоначальное руководство для практическаго изученія нѣмецкаго языка. Составилъ Фердинандъ Мей. 80 стр. 8 д. л.

Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Для элементарнаго курса. Часть вторая. Составили Е., А. и Д. Тихоміровы. 4е изданіе. 103 стр. 8 д. л.

Геометрія для уездныхъ училищъ. Составлена по Дистервегу А. Давидовымъ. Изданіе четвертое. 61 стр. 8 д. л.

Календарь крестный на 1884 годъ. 48 стр. 4 д. л.

Календарь крестовый на 1884 годъ. 32 стр. 4 д. л.

Календарикъ на 1884 годъ. 72 стр. 16 д. л.

Русскій календарь на 1884 годъ. 4 д. л.

Нѣсколько словъ правды о взаимномъ страхованіи въ пользу пережившихъ. Предостереженіе отцамъ семействъ. Е. Р. 58 стр. 8 д. л.

Къ вопросу о лѣченіи молоками болѣзней сердца. Диссертація на степень доктора медицины Владиміра Шнауберта. 104 стр. 8 д. л.

По поводу книги О. А. Халеукаго: кавказскія минеральныя воды въ медицинскомъ отношеніи. Dr. Г. С. Денисенко. 30 стр. 8 д. л.

Новое практическое руководство по электро-гомеопатіи графа Маттеи. 64 стр. 12 д. л.

Исслѣдованіе соединеній ацетиленя. А. Сабанѣева. 96 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Хозяйственныя замѣтки составленныя Волынцемъ. 40 стр. 8 д. л.

Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственныя кредитныя билеты. Доцента университета Св. Владиміра А. Антоновича. 262 стр. 8 д. л.

Этюды по Персіи. С. Бежа. 136 стр. 8 д. л.

М. Стуковенковъ. О распространеніи сифилиса и мѣрахъ для борьбы съ нимъ. 24 стр. 8 д. л.

Начертательная геометрія. Руководство для реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній. Съ атласомъ. Составилъ инженеръ-механикъ П. М. Тетеревъ. 108 стр. 8 д. л.

Россійскій календарь въ трехъ отдѣлахъ на 1884 годъ. 112 стр. 12 д. л.

Въ Харьковѣ:

Три поколѣнія. Поэма А. Балдина. 63 стр. 8 д. л.

Въ Казани:

И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія: „Стихотвореніе въ прозѣ и Клара Милличъ“. Н. Невзорова. 42 стр. 8 д. л.

Гроза прошла мимо. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. К. Бродовскаго. 56 стр. 8 д. л.

Первый шагъ къ изученію русскаго языка для начальныхъ грузинскихъ чиновъ. Составилъ Агніашвили. VIII+92 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Историческій очеркъ христіанской благотворительности. Двѣ публичныя лекціи читанныя профессоромъ богословія при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ протоіереемъ А. Н. Кудрявцевымъ. 34 стр. 8 д. л.

Звуковая азбука съ прописями, наглядной диктовкою и рисунками по клѣткамъ. Составилъ Е. Терентьевъ. 64 стр. 8 д. л.

Матеріалы къ изученію врачебной стороны одесскихъ лимановъ. Собраны на Ходжибейскомъ лиманѣ докторомъ медицины О. О. Мочутковскимъ. Физиологическая часть. 62 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, составленная Михаиломъ Грубецкимъ. Третье издание. 101 стр. 12 д. л.

Старославянская грамматика. Составилъ М. Колосовъ. Изданіе 12е. 70 + XIX стр. 8 д. л.

Букварь русско-нѣмецкій. 4е издание. 48 стр. 12 д. л.

Успѣхи польской льсной литературы въ области древоизмѣренія. А. Краузе. 170 стр. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Указатель эсальнородоужныхъ правилъ и порядковъ для путешественниковъ по Россійскимъ эсальнымъ дорогамъ. Собрано и составлено М. Нементовичемъ. 160 стр. 12 д. л.

Календарь хозяйственно-коммерческій на 1884 високосный годъ. 64 стр. 8 д. л.

Руководство къ употребленію анилиновыхъ красокъ. Составлено И. Б. Сегалемъ. 80 стр. 8 д. л.

Въ Нѣжинѣ:

Учебникъ по русской грамматикѣ. II. Синтаксисъ. Составилъ И. Бѣлоруссовъ. 46 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Выборъ стихотвореній Гёте и Шиллера, съ подробными замѣчаніями, для употребленія въ VII классъ гимназій и въ соответствующихъ классахъ другихъ средне-учебныхъ заведеній. Составилъ А. Мессъ. 102 стр. 8 д. л.

Въ Вяткѣ:

Правила о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ въ уѣздахъ Вятской губерніи. Изданіе третье. 30 стр. 8 д. л.

Краткій историческій обзоръ священнаго вѣнчанія русскихъ царей на царство. Составилъ В. Юрьевъ. 32 стр.

Въ Тулѣ:

Отчетъ о дѣятельности Общества тульскихъ врачей за 1882—83 годъ и приложенія. 86 стр. 8 д. л.

Въ Горбатовѣ:

Емеля. Русская сказка въ стихахъ. Одинъ изъ вариантовъ народно-литературнаго эпоса. 80 стр. 12 д. л.

Въ Воронежѣ:

Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ въ исторіи русской народной словесности. (Интересные вопросы стиховъ космогоническаго характера). 28 стр. 12 д. л.

Въ Луцкѣ:

Какъ сберечь себя солдату отъ глазной болѣзни. Составлено для нижнихъ чиновъ докторомъ Орябинскимъ. 9 стр. 12 д. л.

Пособіе къ обученію нижнихъ чиновъ грамотѣ въ ротѣхъ, эскадронахъ и особенно въ батареяхъ. Составилъ и издалъ В. Сольскій. 85 стр. 8 д. л.

Удешевленіе сельскохозяйственнаго производства какъ средство конкуренціи съ Америкой въ хлопчатой торговлѣ. К. А. Конолацкаго. 12 стр. 8 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Университетскія дѣла. — Судебные куріозы. — Тургеневъ. — Проектъ общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Изобрѣтеніе г. Ливчака. — Россія и западная Европа. — Черногорія и Сербія. — Король Альфонсъ XII въ Парижѣ.

I.

Моск. Вѣд. № 255.

Обсужденіе новаго проекта университетскаго устава вѣроятно будетъ одною изъ первыхъ законодательныхъ работъ предстоящей осенней сессіи Государственнаго Совѣта. Можно надѣяться что дѣло это, начатое почти десять лѣтъ тому назадъ, теперь наконецъ, послѣ цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ и совершенно излишнихъ проволочекъ и колебаній, достигнетъ благополучнаго окончанія и положитъ давно ожидаемый предѣлъ волюющему безобразію творящемуся подъ видомъ „самоуправленія“ въ нашихъ университетахъ.

Защитники злополучнаго устава 1863 года начинаютъ умолкать предъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ наглядныхъ фактовъ обнаруживающихъ все зло которое въ теченіе двадцати лѣтъ губило учащуюся молодежь и систематически прелят-

ствовало развитію русской науки. За то все сильнѣе раздаются со всѣхъ сторонъ жалобы на то что порядки господствующіе въ нашихъ университетахъ стали невыносимы. Даже *Голосъ*, выходящій нынѣ подъ личиною *Новостей*, отстаивавшій нѣкогда всякими неправдами уставъ 1863 года какъ нѣкій неприкосновенный лалладіумъ либерализма, и онъ теперь отступился отъ этого устава и обвиняетъ именно его въ плачевномъ состояніи нашего университетскаго образованія. „Какъ это ни прискорбно заявить“, читаемъ мы въ № 142 *Новостей*, „но было бы ни съ чѣмъ несообразно скрывать что „виной залуствія многихъ каедръ являются именно сами „университеты и уставъ 1863 года. По этому уставу, забота о „замѣщеніи каедръ предоставлена самимъ университетамъ, „то-есть ихъ факультетамъ и совѣтамъ. Это—капитальная „особенность нашихъ университетовъ въ которой всего бо- „лѣе выражается данное имъ начало самоуправленія, но ко- „торая, вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагаетъ на нихъ и очень боль- „шую отвѣтственность предъ государствомъ и обществомъ. „И какъ же воспользовались университеты этимъ преимуще- „ствомъ? Воспользовались такъ что самая снисходительная „критика не можетъ не отнестись къ нимъ безъ горькаго упре- „ка. Взявъ во вниманіе всѣ извиняющія и смягчающія обстоя- „тельства, всѣ тѣ *circonstances atténuantes* на которыя такъ „любятъ ссылаться безусловные защитники устава 1863 года, „она, критика эта, все-таки принуждена сказать что возло- „женіе на университеты заботы о замѣщеніи каедръ при- „вело не только къ тому что многія каедры многіе годы, „иногда полтора десятка лѣтъ и болѣе, остаются незамѣщен- „ными *по винѣ университетовъ* (курсивъ подлинника), но и „тѣ которыя замѣщены, замѣщались нѣрѣдко въ ущербъ „всякимъ интересамъ науки, съ предпочтеніемъ лицъ наиме- „нѣе достойныхъ наиболѣе достойнымъ и уважаемымъ.“

Нѣ рѣдко намъ приходилось указывать на то что науки, въ нашихъ университетахъ процвѣтать не могутъ по той причинѣ что большинство профессоровъ гораздо болѣе интересуется факультетскими и совѣтскими интригами, составляющими всю суть хваленаго „самоуправленія“, чѣмъ услѣхами серьезной науки. Наши указанія назывались въ лагерѣ „либеральныхъ интеллигентовъ“ оскорбительною для господъ профессоровъ клеветой. Послушайте, однако, какъ теперь о тѣхъ же профессорахъ отзывается одинъ изъ самыхъ завзя-

тыхъ представителей „либеральной интеллигенціи“ въ указанной выше статьѣ *Новостей*: „Борьба партій, въ которой побѣда естественно достается не людямъ науки, а интриганамъ, отгѣсняетъ отъ университетовъ лучшія силы, находя выгоду въ привлеченіи къ нимъ научныхъ и нравственныхъ личностей. Сколько молодыхъ ученыхъ, выдающихся своими талантами и знаніями, было оттиснуто хотя бы въ послѣднія десять лѣтъ отъ университета и сколько профессоровъ принадлежавшихъ къ лучшимъ силамъ университета принуждены были покинуть его не по чему другому какъ по невыносимой для преданныхъ наукъ и дѣлу лицъ тиранніи большинства руководимаго интригами,—и сказать трудно. Бывали случаи что изъ личныхъ дразгъ разомъ пустили цѣлые факультеты или цѣлыми группами бѣжали отъ воротъ университета дѣятели которые составляли лучшее его украшеніе.“

Кто же виноватъ въ томъ что наши университеты представляютъ такое безотрадное явленіе? Авторъ статьи *Новостей* прямо указываетъ на уставъ 1863 года, составители котораго не предвидѣли что „въ университетахъ выплывутъ на поверхность и пріобрѣтутъ господство силы которыя будутъ пользоваться самоуправленіемъ для цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ процвѣтаніемъ университетовъ. Просторъ достался не наукъ и независимостью воспользовались не лучшіе и истинные ея служители. Напротивъ, и наука, и тѣ кто оставался наиболѣе вѣренъ ей, чѣмъ дальше тѣмъ больше оттирались на задній планъ, а на переднемъ появлялись элементы которые заставили бы содрогнуться составителей устава.“

Кто же теперь еще является защитникомъ этого негоднаго устава? И на этотъ вопросъ статья *Новостей* даетъ весьма положительный отвѣтъ: „Въ настоящее время наиболѣе рьяными защитниками неприкосновенности устава 1863 года являются именно тѣ элементы профессорскаго сословія которые со всѣмъ не имѣлись въ виду при его составленіи, элементы погнавшіе идею самоуправления до господства кулачества и самой грубой эксплуатаціи преимуществъ свободнаго учрежденія“. Итакъ, мы теперь знаемъ ради чьихъ интересовъ такъ долго тормозилось дѣло университетской реформы, и кто тѣ господа которые такъ бережно охраняютъ уставъ 1863 года. Это „университетскіе кулаки и эксплуататоры.“

По проекту новаго устава, профессора будутъ назначаться правительствомъ преимущественно изъ среды приватъ-доцентовъ заявившихъ себя своею плодотворною научною и дидактическою дѣятельностію. Наши псевдо-либералы до сихъ поръ приходили въ ужасъ при одной мысли о подобной „правительственной олекѣ“. Но современные факты и воспоминанія о состояніи нашихъ университетовъ до 1863 года, то есть о такомъ времени когда профессора назначались правительствомъ, заставили даже петербургскихъ „интеллигентовъ“ измѣнить свое мнѣніе. Вотъ что мы читаемъ въ той же самой статьѣ *Новостей*:

Если положеніе университетовъ, университетской науки и высшаго образованія у насъ неудовлетворительно, то неблагоприятно закрывать на это глаза и предоставлять злу разрастаться болѣе и болѣе. Въ положеніи нашихъ университетовъ, главнѣйшихъ разсадниковъ высшаго образованія, замѣшаны столь крупныя интересы, національныя, государственныя и общественныя, что приносить эти интересы въ жертву какой бы то ни было партійной точкѣ зрѣнія просто преступленіе. Никто не станетъ спорить что университеты наши находятся теперь въ состояніи не процвѣтанія, а весьма незавиднаго прозябанія... Развѣ есть теперь что-нибудь похожее на ту бодрость духа у профессоровъ и студентовъ каковая во второй половинѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ давала себя чувствовать всему русскому обществу? Развѣ профессора имѣютъ теперь то вліяніе на слушателей? Развѣ слушатели посѣщаютъ теперь аудиторію любимыхъ профессоровъ тысячами? Развѣ каеэды тогда стояли въ такой мѣрѣ пустыми? Развѣ тогда было такое оскуднѣніе въ громкихъ именахъ и выдающихся талантахъ? Развѣ теперь около профессоровъ группируется такая масса желающихъ ближе узнать науку студентовъ какъ это было во время нашего студенчества? Развѣ, наконецъ, теперь профессора пользуются такимъ уваженіемъ въ глазахъ слушателей и общества? То же обстоятельство что наука у насъ теперь пошла дальше и прелодеается во многихъ отношеніяхъ иначе, ни малѣйшимъ образомъ не можетъ быть отнесимо на счетъ устава 1863 года, такъ какъ въ движеніи науки всего менѣе повинны русскіе университеты, и если данныя науки и результаты ея теперь сообщаются въ нашихъ университетскихъ аудиторіяхъ во многихъ случаяхъ уже не тѣ какія сообщались двадцать пять лѣтъ тому назадъ, то это происходитъ почти всецѣло отъ того что теперь не тѣ уже данныя и результаты въ *нѣмецкихъ* книгахъ, руководствахъ и журналахъ, откуда по преимуществу почерпается научная мудрость русскихъ ученыхъ, не только паокихъ и среднихъ, но даже и хорошихъ. Чѣмъ же тутъ хвастаться? Вотъ есаубы защитники

полной неприкосновенности устава 1863 года доказали намъ что подъ покровомъ этого устава у насъ проявилось неизвѣстное дотола въ нашей странѣ научное движеніе и воспиталась масса молодыхъ ученыхъ которая съ успѣхомъ могла бы занять всѣ иногда много дѣлъ сиротящія каѳедры, это было бы другое дѣло. Но этой массы ученыхъ не видно, каѳедры остаются попрежнему вакантными, и какого-нибудь оживленнаго движенія въ наукѣ не видно ни въ столицѣ, ни въ провинціи, а скорѣе видно увяданіе или жалкое прозябаніе. Неужели, въ виду всего этого, можно оставлять дѣло высшаго образованія въ прежнемъ положеніи? Ни подъ какимъ видомъ.

Итакъ уставъ 1863 года признается никуда не годнымъ даже бывшими его друзьями, сотрудниками *Голоса* и *Новостей*, которые должны признаться что наука процвѣтаетъ не у насъ, а въ Германіи, и что даже наши хорошіе профессора читаютъ свои лекціи по нѣмецкимъ книжкамъ.

Но повѣрятъ ли читатели что въ той же самой статьѣ *Новостей*, въ которой такъ безпощадно бичуется уставъ 1863 года, уставъ этотъ отнесенъ „по всей справедливости къ лучшимъ законодательнымъ актамъ нашей эпохи возрожденія“! Повѣрятъ ли они что эта статья имѣетъ своею цѣлью помѣшать осуществленію университетской реформы, что она написана противъ проекта новаго устава, реорганизующаго наши университеты по образцу образцовыхъ германскихъ университетовъ. Проектъ этотъ не долженъ осуществиться потому что будто бы „духъ его, общій складъ его законоположеній „производятъ удручающее впечатлѣніе и на безпристрастный „взглядъ имѣющій въ виду лишь интересы науки и высшаго „образованія кажутся рѣшительно реакционными и не цѣлесообразными“.

Можетъ ли дальше идти цинизмъ? Мы понимали бы возраженія такихъ людей которые намъ сказали бы: „уставъ 1863 года принадлежитъ къ лучшимъ законодательнымъ актамъ потому что онъ принесть великую пользу русской наукѣ, и замѣнять его поступившимъ въ Государственный Совѣтъ новымъ уставомъ не слѣдуетъ потому что этотъ уставъ придаетъ нашимъ университетамъ характеръ университетовъ германскихъ, которые никуда не годятся въ сравненіи съ цвѣтущимъ состояніемъ нашихъ университетовъ“. Такое возраженіе противорѣчило бы истинѣ, но было бы строго логично. Теперь же намъ говорятъ: уставъ 1863 года принадлежитъ къ лучшимъ законодательнымъ актамъ, такъ какъ онъ никуда

не годится и причинилъ Россіи великое, неисчислимое и непоправимое зло, а новый уставъ будетъ вреденъ для Россіи, такъ какъ онъ введетъ въ наши университеты наилучшую организацію.

Подобная защита устава 1863 года со стороны его бывшихъ друзей является для него послѣднимъ coup de grâce.

Въ нашихъ университетахъ наступила тяжелая переходная пора, когда старый законъ фактически потерялъ уже всякій авторитетъ, а новый законъ еще юридически не вошелъ въ силу. Дай Богъ чтобъ эта смутная пора какъ можно скорѣе кончилась и уступила мѣсто новой животельной эрѣ возрожденія.

Моск. Вѣд № 263.

20 сентября происходили въ совѣтѣ Московскаго Университета выборы ректора. Знаменитый ректоръ остался далеко за флагомъ и сходить со сцены. Дважды университетскій совѣтъ ставилъ профессора Тихонравова громаднымъ большинствомъ во главу университета, а теперь, какъ сказываютъ, изъ сорока слѣшкомъ голосовъ онъ могъ собрать за себя только одиннадцать. Такой результатъ есть справедливое самоосужденіе ученой коллегіи, повторительно отдававшей университету въ управленіе лица отъ котораго послѣ шестилѣтняго опыта пришлось наконецъ рѣшительно отречься. Поздравляемъ университетскую коллегію съ этимъ, хотя и позднимъ, шагомъ къ возстановленію достоинства университета.

Выборъ новаго ректора былъ неожиданностію. Г. Боголюбовъ принадлежитъ къ числу младшихъ по времени служенія членовъ совѣта, но хотя онъ не слѣдилъ ознаменовать себя изданіемъ многихъ книгъ и книжекъ, пользуется уваженіемъ какъ серьезный ученый и преподаватель. Еслибы званіе ректора въ нашихъ университетахъ было такого же свойства какъ на примѣръ въ германскихъ, еслибы ректоръ былъ только представителемъ ученаго сословія, то никакого дальнѣйшаго вопроса не могло бы возникнуть въ данномъ случаѣ. Можно имѣть увѣренность что университетъ въ новомъ ректорѣ будетъ имѣть достойнаго представителя въ научномъ отношеніи. Но дѣйствующій въ Россіи университетскій уставъ возлагаетъ на ректора множество заботъ хозяйственнаго, административнаго, наконецъ политическаго свойства, которыя не имѣютъ ничего общаго съ научнымъ призваніемъ. Чѣмъ болѣе профессоръ предавъ дѣлу своей науки, чѣмъ

болѣе проникнуть своимъ призваніемъ, тѣмъ менѣе удобно ему положеніе ректора созданное нынѣшнимъ университетскимъ уставомъ.

II.

Моск. Вѣд. № 254.

Ежегодные судебные каникулы кончаются у насъ 1 сентября. Съ этого времени двери нашихъ судовъ и палатъ широко растворяются, ихъ залы наполняются разнообразною публичкой, такъ или иначе прикосновенною къ суду, массой любопытныхъ, охотниковъ поглазѣть какъ творится судъ, послушать казусные процессы, которые во время лѣтняго ваканта покоятся въ архивахъ, точно бенефисныя піесы въ театрахъ до разгара сезона.

Много газетной бумаги тратится на печатаніе судебныхъ отчетовъ. Намъ доставлены уже первые репортерскіе листки. На сей разъ они пришли изъ Петербурга. Петербургскій Окружный Судъ открылъ свою осеннюю сессію въ Царскомъ Селѣ, и 6 сентября слушалось тамъ дѣло о сынѣ дворянина Владиславѣ Генриховѣ Выржиковскомъ, обвинявшемся въ преступленіи предусмотрѣнномъ 285 ст. Улож. о Наказ.

Вотъ что мы узнали изъ присланной намъ судебной лѣтописи.

Въ Царскосельскомъ уѣздѣ имѣется учебное заведеніе вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ, *Лисенское учебное лѣсничество*. 1 іюня сего года всѣ воспитанники его были собраны утромъ въ рекреационномъ залѣ, гдѣ объявлены были имена переведенныхъ изъ низшихъ классовъ въ высшіе, окончившихъ курсъ, оставленныхъ въ прежнихъ классахъ, а также исключенныхъ за нерадѣніе. Списки эти составлены были педагогическимъ совѣтомъ училища, на основаніи отмітокъ полученныхъ воспитанниками на экзаменахъ, и утверждены Лѣснымъ Департаментомъ. Какъ только инспекторъ классовъ, г. Павловичъ, прочелъ имена исключенныхъ, между которыми значился и Выржиковскій, „послѣдній вышелъ изъ строя воспитанниковъ и подойдя къ стоявшему въ залѣ старшему воспитателю, коллежскому совѣтнику Келлеру, схватилъ его обѣими руками за плечи и сорвалъ у него правый погонь, послѣ чего былъ остановленъ прочими воспитанниками“. Таково показаніе г. Келлера, данное на предварительномъ слѣдствіи, начавшемся по требованію директора училища и окончившемся преданіемъ Выржиковскаго суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ

статья Уложенія по которой онъ обвиняется, за насильственное дѣйствіе противъ начальника при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей, кромѣ заключенія въ смиренномъ домѣ на срокъ до двухъ лѣтъ, полагаетъ и нѣкоторое ограниченіе правъ.

Открылся судъ въ предсѣдательствѣ члена суда г. Сербиновича. Подсудимый, который на предварительномъ слѣдствіи не только сознавался въ томъ что сорвалъ погонь у г. Келлера, но еще и хвастался что при этомъ будто бы нѣсколько разъ ударилъ своего воспитателя, по прочтеніи обвинительнаго акта спрашивается признаетъ ли онъ себя виновнымъ. *Въ совершеніи этого факта признаю себя виновнымъ, послѣдовалъ отвѣтъ.* „Что васъ къ этому побудило?“ Этимъ вопросомъ подсудимый сразу разумѣется вовлекается предсѣдателемъ въ область ликантной психологіи, гдѣ онъ чувствуетъ себя совершенно какъ дома. „Меня побудили совершить это преступленіе тѣ насилія и многія несправедливости которыя производились надо мною *и моими товарищами* со стороны Келлера.“ Затѣмъ слѣдуетъ бойкое повѣствованіе подсудимаго о томъ въ чемъ заключались насилія и чрезвычайно развязные отвѣты его на предлагавшіеся ему вопросы. Келлеръ де умышленно убавлялъ баллы за *поведеніе* ему и тѣмъ воспитанникамъ которыхъ онъ не взлюбилъ. Не будь этого, не аттестуй его Келлеръ дурно въ поведеніи, онъ, несмотря на то что получилъ неудовлетворительныя отмѣтки на экзаменахъ, могъ бы еще *остаться на третій годъ* въ одномъ и томъ же классѣ; теперь же его исключили. Не взлюбилъ де Келлеръ его за то что онъ подружился съ воспитанникомъ Эренбергомъ, очень дурнаго поведенія, и за то еще что разъ вечеромъ Келлеръ позвалъ его и товарища Павлова въ дежурную комнату и выговаривалъ имъ за то что они оба пьяны. „Мы, говоритъ Выржиковскій, *дали честное слово воспитанниковъ* что мы вовсе не пьяны, но Келлеръ намъ не повѣрилъ, не соглашался освидѣтельствовать насъ чрезъ доктора, и отправилъ подъ арестъ. Я подъ арестъ не пошелъ, Келлеръ и сбавилъ мнѣ баллъ за поведеніе.“ Далѣе подсудимый нахально сознается что уже за два или три мѣсяца до 1 іюня замышлялъ побить Келлера и „освободить отъ него училище“, но сдѣлалъ это только въ тотъ моментъ когда узналъ что исключенъ, „въ порывѣ гнѣва“, прибавляетъ онъ, помня что „аффектъ“ долженъ сослу-

жить ему службу для защиты. Директоръ и инспекторъ училища удостовѣрили на судѣ что Выржиковскій исключенъ изъ заведенія по постановленію совѣта, утвержденному департаментомъ, *за дурныя успѣхи, а не за поведеніе* (Боже сохрани, исключать за дурное поведеніе!), и подверглись продолжительному перекрестному допросу со стороны защитника и одного изъ членовъ суда, домогавшихся узнать каковъ человекъ старшій воспитатель Келлеръ, не придирчивъ ли онъ, не очень ли строгъ. Допрашиваемые не сумѣли хранить молчаніе на столь неумѣстное любопытство, не догадались что суду нѣтъ дѣла до аттестаціи воспитателя, остающагося при должности и ни въ чемъ предъ судомъ неповиннаго.

Но интереснѣе всего что въ судѣ были вызваны съ десятковъ воспитанниковъ, свидѣтельствовавшихъ о доблестныхъ качествахъ исключеннаго товарища Выржиковскаго и неодобрительномъ образѣ дѣйствій ихъ старшаго воспитателя Келлера, надзору котораго они еще ввѣрены и въ настоящее время. Они полагаютъ что Выржиковскій, возмущенный несправедливостями Келлера, вызванъ былъ на преступленіе. Мало этого, директоръ, не подтвердившій на судѣ мнѣній воспитанниковъ о негодности ихъ старшаго воспитателя, былъ въ присутствіи ихъ передопрощенъ о поведеніи Келлера, не измѣнитъ ли онъ на этой возмутительной очной ставкѣ своихъ прежнихъ показаній. Директоръ выказалъ настолько храбрости что и предъ фронтомъ воспитанниковъ отвергалъ ихъ показанія.

Правда, товарищъ прокурора, г. фонъ-деръ-Паленъ, возмущался тѣмъ что судебное слѣдствіе больше занято потерпѣвшимъ отъ преступленія Келлеромъ, изслѣдованіемъ его провинностей предъ воспитанниками, чѣмъ дѣяніемъ подсудимаго, доказывалъ предумышленность въ преступленіи подсудимаго и требовалъ строгой кары безо всякаго снисхожденія. Не смотря на то защитникъ доказывалъ что едва ли возможно такъ строго, а главное *такъ слабо*, относиться къ поступку Выржиковскаго какъ это дѣлаетъ прокуроръ, и объяснялъ присяжнымъ засѣдателямъ что они обязаны истолковывать дѣйствіе подсудимаго не по буквѣ закона, „а какъ отцы, какъ братья“, взвѣсивая причины вызвавшія его поступокъ.

Присяжные, хотя и обнаружили въ данномъ случаѣ нѣкоторую „смѣлость“, признавъ Выржиковскаго виновнымъ, но

не настолько чтобы не оказать ему снисхожденія. Судъ же, обязанный, въ виду этого снисхожденія, понизить наказаніе только на одну степень, понизилъ его на двѣя четыре, перескочивъ съ 1й степени 36 статьи Уложенія о Наказаніяхъ, устанавливающей нормальную кару за преступленіе предусмотрѣнное 285 статьею, ко 2й степени 37 статьи Уложенія, и назначилъ ее въ наименьшей, опредѣленной этою статьею, мѣрѣ, приговоривъ Выржиковскаго къ заключенію въ смиренный домъ всего на два мѣсяца, и упустивъ изъ вида, что подсудимый, какъ несовершеннолѣтній (ему восемнадцать лѣтъ), и безъ того избавляется отъ ограниченія правъ, самой чувствительной части наказанія.

Мы разказали существенныя части этого столько же куріознаго сколько печальнаго дѣла, не считая нужнымъ печатать подробный отчетъ, который не замедлят опубликовать другія газеты.

Какой законъ давалъ право суду, послѣ рѣшенія Сената по дѣлу Вѣры Засуличъ, судить въ данномъ дѣлѣ потерпѣвшаго, а не подсудимаго, вызывать и допрашивать свидѣтелей (и притомъ воспитанниковъ) о такихъ обстоятельствахъ которыя вовсе не служатъ къ разъясненію ни состава преступнаго дѣянія, ни обстоятельствъ смягчающихъ или отягчающихъ вину подсудимаго, и предавать воспитателя суду воспитанниковъ?

Какими соображеніями руководился судъ понижая до крайней степени наказаніе обвиняемому?

Моск. Вѣд. № 255.

Въ *Киевланинѣ* читаемъ: „9 сентября, въ Киевскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло весьма несложное по своимъ обстоятельствамъ, но очень важное для характеристики дѣятельности новаго суда. Обвинялся крестьянинъ Свѣшко въ довольно тяжкомъ преступленіи: кражѣ во время пожара. Сидѣлъ сей Свѣшко и въ тюрьмѣ, и только по опредѣленію судебной палаты вылученъ въ послѣдствіи на свободу. На судебномъ сѣдствіи главный свидѣтель показалъ что топоръ (въ кражѣ котораго обвинялся Свѣшко) обвиняемымъ не украденъ, а имъ, свидѣтелемъ, данъ подсудимому, а когда въ послѣдствіи онъ, свидѣтель, потребовалъ топоръ обратно, то Свѣшко возвратить его отказался, заявивъ что топоръ принадлежить ему. Обвинитель, товарищъ прокурора Рѣзниковъ, отъ

обвиненія отказался и, нечего прибавлять, присяжные вынесли оправдательный вердиктъ. Невольно спрашиваешь: гдѣ же тутъ кража, тайное похищеніе имущества? Мы усматриваемъ самоуправство—не больше, а несчастнаго предають суду по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи; товарищъ прокурора составляетъ обвинительный актъ, судебная палата утверждаетъ, а въ итогѣ—тюремное заключеніе и скамья подсудимыхъ. Да что же это такое, наконецъ? Неужели прокурорскій надзоръ можетъ безнаказанно играть судьбой человека и прятать его въ тюрьму по собственному усмотрѣнію.“

III.

Моск. Вѣд. № 247.

Область лжи и обмана снова значительно раздвинулась. Умеръ Тургеневъ, и всевозможные прихвостни либерализма накинудись на его еще не закрытую могилу, громко требуя поминальнаго угощенія. Бываетъ умереть какой-нибудь богатый купецъ и во дворѣ къ нему налѣзутъ салопницы всего околотка, голосать и причитають и изъ кожи лѣзутъ доказать родственникамъ что они тоже знали покойнаго и имѣють право на поминальный блинъ. Такъ и теперь вездѣ кушать литературныя и цыныя салопницы, убѣжденныя и старающіяся убѣдить что смерть Тургенева чрезвычайно близко ихъ касается, выносить ихъ на поверхность нашей будничной жизни и даже къ чему-то обязываетъ предъ прахомъ писателя и предъ ожидающими соотечественниками. Кто только не участвуетъ въ этой погребальной эксплуатаціи: либеральные редакторы съ либеральными репортерами и наборщиками, либеральные прикащики книжныхъ магазиновъ, либеральные фотографы стяжавшіе извѣстность выставкой либеральныхъ литературныхъ портретовъ, либеральныя содержательницы пансіоновъ, придающія какое-то неразгаданное значеніе тому обстоятельству что у нихъ въ заведеніи была отслужена паннихида по покойномъ Иванѣ Сергѣевичѣ. Даже одна сельская учительница на педагогическомъ съѣздѣ назойливо требовала чтобъ ей позволили сдѣлать „заявленіе“ по поводу смерти Тургенева, и когда ей не позволили, ужасно обидѣлась и огорчилась, а услужливый корреспондентъ тотчасъ нажаловался въ газетѣ на предсѣдателя съѣзда: вотъ, молъ, не позволяютъ даже предложить отслужить паннихиду! Словомъ, все что у насъ пріяло извѣ-

стную печать джелиберализма сорвалось съ мѣсть, носится и мечется; стараюсь изо всѣхъ силъ показать свою непосредственную близость къ автору *Отцовъ и Дѣтей* и потребовать своей доли въ воздаваемыхъ его памяти чествованіяхъ.

Еслибы наша печать обладала небольшою дозой искренности, она должна была бы вмѣсто всего того что въ ней говорится теперь сказать слѣдующее: „Умеръ Тургеневъ, писатель котораго называютъ большимъ художникомъ, но съ которымъ мы не имѣемъ ничего общаго. Двадцать лѣтъ сряду мы терзали его имя, стремясь доказать его полную несостоятельность относительно либеральныхъ задачъ настоящаго времени, и занятія эти доставили намъ порядочный заработокъ; очень возможно даже что, глумясь надъ его произведеніями, мы заработали больше гонорара чѣмъ онъ самъ этими произведеніями. Это обязываетъ насъ къ снисходительности; тѣмъ не менѣе мы не можемъ не протестовать противъ преувеличеннаго значенія какое хотятъ дать его литературной дѣятельности. Тургеневъ недурно писалъ повѣсти, но онъ имѣлъ несчастную мысль изобразить съ безпристрастіемъ художника столкновение двухъ поколѣній, тогда какъ всѣ истинные либералы должны были просто кричать: долой отцовъ и да здравствуютъ дѣти. Его талантъ поднялъ значеніе литературы какъ разъ въ то время когда мы стремились совершенно упразднить ее чтобы замѣнить распивочною журналистикой. Политическія убѣжденія его были весьма блѣдныя и сомнительныя, несмотря на нѣкоторое стараніе „возвратить утраченную благосклонность молодаго поколѣнія“; для насъ остается даже невыясненнымъ его отношеніе къ классическому образованію, и есть основаніе подозрѣвать что въ качествѣ Европейца онъ втайнѣ считалъ его весьма приличнымъ образованіемъ. Словомъ, это былъ писатель скорѣе вредный чѣмъ полезный и во всякомъ случаѣ такой котораго мы никогда не рекомендовали читать для развитія мозговъ подрастающаго поколѣнія.“

Вотъ что должна была бы сказать наша печать еслибы она не была такъ лицемерна и еслибы не научилась лгать систематически, безстыдно, лгать профессионально, съ убѣжденіемъ что именно лганье и составляетъ задачу ея общественнаго служенія. И конечно ни одна газета не скажетъ ничего подобнаго вышеприведеннымъ строкамъ, но будетъ громко вопіять о великомъ значеніи усюпшаго писателя и требовать

публичныхъ жертвоприношеній надъ его прахомъ. И всѣ прислѣшники и прихлебатели лжелиберализма будутъ волиять вмѣстѣ съ нею. Эти общественные ругатели по пятаку со строчки, поносившіе въ теченіе двадцати лѣтъ имя Тургенева, эти учителя русской словесности, толковавшіе кадетамъ и двѣцамъ что Тургеневъ написалъ ласквиль на молодое поколѣніе, эти нахлестанные либеральною дозой прикащики книжныхъ магазиновъ, увѣрявшіе подъ рукою довѣрчивыхъ покупателей что „Тургенева нынче только отставные генералы спрашиваютъ“, всѣ они будутъ колотить себя въ грудь и просить чтобъ имъ позволили возложить вѣнокъ на гробъ писателя. И некому будетъ выгнать мытарей и фарисеевъ...

Есть что-то глубоко оскорбительное въ этой вѣчной игрѣ лжелиберальной пошлости, въ непрерывномъ издѣвательствѣ надъ довѣрчивою толпой, не понимающею наглаго обмана въ безстыдной эксплуатаціи литературныхъ именъ. Есть что-то невыразимо безотрадное въ зрѣлищѣ этой наивной толпы, готовой чествовать любимаго писателя и не сознающей насколько оскорбительны для его памяти наглыя кривлянья литературной черни надъ свѣжею могилой. Но попробуйте обуздать эту взбудораженную чернь! Вѣдь она тѣмъ и сильна что не способна уразумѣть своей наглости и своего неприличія; она понимаетъ только городовыхъ приставленныхъ къ рѣшеткѣ съ краткимъ полномочіемъ „не пускать“. А публика, въ свою очередь, приучена думать что если толпу „пускаютъ“, то стало-быть это очень приличная толпа, и если она безчинствуетъ, то съ одобренія начальства.

Смерть, такъ часто безплощадная къ высоко-выдающимся русскимъ талантамъ, долго щадила Тургенева. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, уже перешагнувъ ту черту на которой художественное дарованіе его обнаружило себя въ полномъ блескѣ и силѣ. Это не ослабляетъ прискорбнаго значенія утраты, но даетъ возможность взглянуть на писателя во весь его ростъ, подвести итогъ законченной, вполне выразившейся литературной жизни. Жизнь полная интереса потому что она совпадаетъ съ жизнью цѣлаго русскаго общества въ одинъ изъ самыхъ смутныхъ историческихъ періодовъ.

Предшественники и учителя Тургенева имѣли счастливую возможность жить и развиваться въ болѣе спокойной и независимой обстановкѣ. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь не встрѣчались съ мутными общественными теченіями. Волны

жизни тихо катились въ глубокомъ незамутимомъ руслѣ; родина стояла предъ ними какъ громадная неподвижная картина, полная застывшихъ законченныхъ образовъ, которые такъ удобно наблюдать и которые такъ ясно сами себя опредѣляютъ. Тургеневу выпала другая судьба. Въ началѣ своего литературнаго подвига онъ еще могъ охватить взглядомъ ювѣта эти тихія воды русской жизни, стыдливо плесканье лѣтнихъ волнъ, отразившееся въ его первыхъ повѣстяхъ изъ московской и провинціальной жизни, въ *Запискахъ Охотника*, въ поэмахъ и стихотвореніяхъ, нынѣ уже забытыхъ. Затѣмъ началась Крымская война, Севастопольское сидѣнье; русское общество почувствовало кровавыя раны, растревожилось, заметалось. Наступила эпоха чрезвычайнаго напряженія и возбужденія, нетерпѣливыхъ и смутныхъ ожиданій, все болѣе сосредоточивавшихся около вопроса громаднаго значенія—освобожденія крестьянъ. На впечатлительномъ чуткомъ талантѣ Тургенева это возбужденное состояніе общества тотчасъ отразилось. Въ *Запискахъ Охотника*, печатавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ видѣ маленькихъ отдѣльныхъ разказовъ, какъ будто яснѣе стала высказываться мысль, становившаяся общемою мыслью всѣхъ русскихъ людей. Критика шестидесятыхъ годовъ очень любила увѣрять будто *Записки Охотника* написаны съ цѣлью пролапандировать упраздненіе крѣпостнаго права, будто это произведеніе тенденціозное и будто въ томъ только и заключается его огромное значеніе. Увѣреніе такое же фальшивое какъ и все пущенное въ ходъ извѣстною частью журналистики той эпохи. Талантъ подобный Тургеневскому не можетъ быть тенденціозенъ безъ привитой извнѣ порчи. Его охотничьи разказы не имѣютъ иного значенія кромѣ художественнаго. Но художникъ не обязанъ намѣренно уходить отъ того что тайно зрѣетъ въ жизни; въ извѣданномъ мраморѣ вы чувствуете мысль, вамъ кажется что вы слышите дыханіе, ощущаете бѣненіе пульса. Въ *Запискахъ Охотника* отозвалось именно это невримое дыханіе жизни, это бѣненіе общественнаго пульса; въ нихъ какъ бы носится предчувствіе освобожденія крестьянъ, какъ носилось оно въ самомъ обществѣ. Это не пролапанда эманципации, это просто отраженіе общества приближившагося къ громадной соціальной реформѣ. Такъ точно и въ *Рудинѣ*, первой большой повѣсти Тургенева, отразилось смутное, томящее возбужденіе общества, еще не сознающаго

как и куда оно пойдет, но скучающего своею застоившеюся жизнью, страдающего недугами и застоєм соковъ. Это общество еще не создало себѣ идеала; въ немъ, какъ въ самомъ Рудинѣ, сказывается только „неопредѣленное стремленіе впередъ“. Съ другой стороны, его болѣзненно тревожитъ готовый идеалъ западной жизни, въ то время страстно взволнованной быстрыми приливами и отливами революціи и реакціи, и эта черта опять съ художническою проникательностью выразилась въ самомъ Рудинѣ, въ его почти непонятномъ появленіи на парижскихъ баррикадахъ. Слѣдующая затѣмъ повѣсть Тургенева, оставшаяся лучшею его повѣстью, *Дворянское Гнѣздо*, схватываетъ счастливѣйшій моментъ тогдашней русской жизни, тотъ моментъ когда эта жизнь, еще не сдвинутая съ мѣста, еще покоящаяся на своихъ историческихъ основахъ, вдругъ озарилась блескомъ разсвѣта; когда сквозь разорванныя грозовыя тучи ярко прорѣзалась лазурь, въ освѣженномъ бурей воздухѣ пахнуло чѣмъ-то новымъ, бодрящимъ, исполненнымъ радостныхъ ожиданій. Эту могучую струю свѣжаго воздуха вы чувствуете неотразимо сквозь разказанную въ повѣсти печальную исторію. Предъ вами какъ будто въ послѣдній разъ, во всей ея спокойной цѣлости, предстала картина прежней русской жизни, прежняго общества. Еще ничто не передвинулось въ этой картинѣ: все тѣ же законченныя, выуклые образы, тотъ же широкій пейзажъ, тѣ же краски; но лучъ солнца раздробился на ней, озаривъ весеннимъ блескомъ все что еще недавно казалось тусклымъ и холоднымъ. Да, это счастливѣйшій моментъ старой, дворянской Россіи. Еще минута — и вѣтеръ окрѣпчаетъ, золотистый туманъ всколеблется, настанетъ смятеніе, подымется мятущаяся пыль и встанутъ темные вихри. Но повѣть даль только почувствовать приближеніе этой слѣдующей минуты и удержалъ насъ только до тѣхъ поръ пока золотистый весенній блескъ еще лежалъ на картинѣ какъ прощальная улыбка, какъ послѣдній отсвѣтъ уходящаго дня. Завтра начнется тревога, въ воздухѣ почувствуется электричество, въ крови безпокойное томленіе и ожиданіе. Общество, уже приготовленное къ чему-то новому, обнаружитъ нетерпѣніе. Какъ чудно выразилъ Тургеневъ это нетерпѣніе въ повѣсти *Наканунъ*, гдѣ все наполнено какою-то неясною тревогою, гдѣ дѣйствующія лица куда-то неудержимо рвутся, гдѣ имъ какъ будто больно и трудно отъ этого стихійнаго порыванія не

находящаго цѣли, и гдѣ сама окружающая среда какъ будто съ недоумѣніемъ смотритъ на нихъ, не понимая этого тревожнаго взмахиванья крыль, и въ то же время словно торолитъ ихъ, словно говоритъ имъ: ну что же? вѣдь вы собрались летѣть? вѣдь кому-нибудь надо же летѣть? Экзальтированный образъ Елены, и герой Болгаринъ, полавшій со своимъ опредѣленнымъ идеаломъ въ ненашедшую никакого идеала русскую жизнь, и тихій Берсеневъ не знающій куда дѣваться со своею философіей и съ культомъ безлечальной науки, и чуткій Шубинъ измучившійся сознаниемъ что его не хватаетъ на что-то новое, большое, требуемое жизнью, и недоумѣвающій Уваръ Ивановичъ, загадочно играющій перстами предъ чѣмъ-то непонятнымъ, совершающимся на его глазахъ, и развязка повѣсти, полная нетерпѣливаго отчаянія и безсильнаго томленія, все изумительно совпало съ общественнымъ настроеніемъ минуты и съ глубокимъ смысломъ замедленной и рвущейся жизни.

Шагъ за шагомъ поэтъ шелъ вмѣстѣ съ этою жизнью, приостанавливаясь каждый разъ когда въ ней что-то сказывалось, открывалось его художническому чутью, шелъ вмѣстѣ съ нею какъ ея лучшій истолкователь, торжественно неся предъ лицомъ общества свою скрижалъ. Съ восторженнымъ вниманіемъ читало общество изящныя письма начертанныя рукой артиста на этой скрижалѣ, научаясь понимать само себя, свою мысль и свою душу, наслаждаясь прелестью изображеній, богатствомъ тоновъ и благородствомъ рисунка. Въ полной зрѣлости силъ поэтъ подошелъ къ тому историческому моменту нашей жизни который отразился въ повѣсти *Отцы и Дети*. Онъ и здѣсь остался такимъ же художникомъ, наблюдателемъ, поэтомъ и живописцемъ какимъ былъ. Его задачей, его сюжетомъ попрежнему были все та же дѣйствительная жизнь, все тѣ же живые люди, которыхъ надо наблюдать и отражать въ ихъ незамаскированной *сути*; его приемы остались все тѣ же, приемы художника творящаго образы, говорящаго тѣми самыми столкновеніями, явленіями, фактами которыми говоритъ жизнь. Но эта жизнь уже значительно измѣнилась, въ нее вошло болѣе разныхъ идей; измѣнились и люди, стали какъ будто рѣзче, виднѣе. Оттого и новая повѣсть Тургенева показалаь какъ будто болѣе рѣзкою и болѣе занятою идеями и принципами чѣмъ прежнія его повѣсти. Въ сущности же поэтъ оставался опять

совершенно вѣренъ жизни и даже такъ-сказать зависимъ отъ жизни: она сама, эта жизнь, подняла рѣзкость тона и приблизилась къ области политическихъ и общественныхъ идей.

Отцы и Дети образуютъ предѣльную черту въ творчествѣ Тургенева. По существу своего таланта Тургеневъ былъ поэтъ цѣлостной, гармонически согласованной жизни. Пока русская жизнь шла однимъ общимъ ходомъ, пока лучшее русское общество одинаково думало и чувствовало, одинаково стремилось или томилось, Тургеневъ какъ бы сливался съ нимъ, жилъ самъ этою общею жизнью и съ изумительнымъ искусствомъ отражалъ ее. Но съ 60хъ годовъ русская жизнь разбилась на противоположныя теченія, русскіе люди пошлѣ въ разбродъ и перестали понимать другъ друга. Разбилась цѣльность жизни, рухнула широкая картина которую понималъ и любилъ поэтъ. Съ этой минуты ему какъ будто самому труднѣе стало жить. Онъ точно потерялъ свое мѣсто въ жизни, и въ немъ словно осталась тоска по ея разрушенной цѣлостности. Въ повѣсти *Дымъ* онъ пытался безпристрастно, но уже вполнѣ отрицательно изобразить новый моментъ такъ-сказать расколовшейся жизни, расплавшагося общества, но попытка, достигающая изумительнаго мастерства въ частностяхъ, въ общемъ впечатлѣніи оказалась замѣтно ниже прежнихъ созданій. Въ послѣдней большой повѣсти *Новь* Тургеневъ опять пытался овладѣть съ безпристрастіемъ сторонняго наблюдателя раздвоившимся теченіемъ жизни и явленіями порожденными разрывомъ, но это новое усиліе увѣнчалось еще меньшимъ успѣхомъ. Его талантъ роковымъ образомъ поддалъ вліянію неблагоприятнаго хода нашей жизни, отъ которой въ послѣдніе годы онъ такъ настойчиво сторонился и которая теперь лицомъ-врну шумитъ вокругъ его свѣжей могилы.

Моск. Вѣд. № 251.

Газета *Justice* получила отъ извѣстнаго Петра Лаврова письмо, въ коемъ значится:

„По смерти г. Тургенева я не только не нахожу нужнымъ скрывать, но даже долгомъ считаю предать гласности фактъ о коемъ до сего времени знали лишь я и еще немногія лица. Когда, въ 1874 году, я перенесъ редакцію социалистскаго и революціоннаго органа *Впередъ* изъ Цюриха въ Лондонъ, Тургеневъ по собственной инициативѣ предложилъ мнѣ содѣйствовать изданію этого органа; затѣмъ, въ теченіе

свѣдующихъ трехъ лѣтъ, то-есть за все время моего редакторства, онъ ежегодно вносилъ въ кассу изданія по 500 франковъ.“

Моск. Вѣд. № 261

Печать наша вдругъ напустилась съ удивительнымъ пыломъ на корифея русскихъ социалистовъ и революціонеровъ, извѣстнаго Петра Лаврова. Этотъ Петръ Лавровъ, артиллерійскій полковникъ и профессоръ Военной Академіи, давнымъ-давно выселился за границу, и лѣтъ, не помнимъ, двѣнадцать или пятнадцать подвизается на революціонномъ полприщѣ. Нѣтъ предмета въ покинутомъ имъ отечествѣ который не былъ бы имъ или его друзьями оболганъ и оклеветанъ. Но гг. Стасюлевици были долготерпѣливы и не возмущались революціонными клеветами. Наоборотъ, они негодовали противъ всякаго слова въ обличеніе клеветниковъ и неутомимо агитировали противъ всякаго дѣла клонившагося къ огражденію нашего общества и нашей школы отъ вліянія пропаганды Петра Лаврова и компаніи.

Что же случилось въ эти послѣдніе дни? Умеръ Тургеневъ, и Лавровъ счелъ своимъ долгомъ почтить его память изъясненіемъ благодарности за поддержку которую тотъ оказывалъ Лаврову при изданіи социалистскаго и революціоннаго органа *Впередъ*. И вотъ теперь только и рѣчи что объ этомъ якобы гнусномъ поступкѣ Петра Лаврова; онъ де оклеветалъ знаменитаго писателя, онъ лжець, злоумышленникъ, негодяй. Разыгравшееся негодованіе этихъ господъ, разумѣется, захватило и насъ. Мы оказались чуть не соумышленниками Лаврова, чуть не продиктовали ему это заявленіе. Насъ обвиняютъ зачѣмъ мы не скрыли напечатаннаго и перепечатаннаго въ иностранныхъ газетахъ сообщенія Лаврова, или зачѣмъ мы не отбѣдали Лаврова должнымъ образомъ за ложь и клевету. Увы, съ нашей стороны обличеніе революціонеровъ не было бы интересною новостью. Теперь вышло лучше. Мы вызвали г. Стасюлевича, en personne, выступить противъ корифея русскихъ революціонеровъ.

Г. Стасюлевичъ доходить въ своей ревности до того что объявляетъ дѣломъ безчестнымъ со стороны парижской радикальной газеты обнародованіе письма Лаврова. По его мнѣнію, никакой другой органъ парижской печати не рѣшился бы на это, кромѣ газеты безшабашнаго Клемансо. Прежде чѣмъ печатать это позорящее память Тургенева письмо, Клемансо

долженъ де былъ потребовать отъ Лаврова доказательствъ и провѣрить ихъ.

Г. Стасюлевичъ и его друзья такъ привыкли издѣваться надъ простодушнѣмъ русской публики что считаютъ ее способною повѣрить будто въ нынѣшней Франціи, которая чтить за великій праздникъ день взятія Бастиліи, поддержка революціонному органу можетъ считаться дѣломъ безчестнымъ, и что Лавровъ своимъ сообщеніемъ, а Клемансо обнаруженіемъ онаго, хотѣли бросить тѣнь на память покойнаго, а не возвеличить и прославить его, что раскрытіе факта, который требовалось держать въ секретѣ при жизни Тургенева, было съ точки зрѣнія Лаврова комомъ грязи, а не наилучшимъ вѣнкомъ какой онъ только могъ положить на гробъ покойнаго.

Грѣшныя люди, мы не думаемъ чтобъ и во мнѣніи многихъ здѣшнихъ ревнителей памяти Тургенева вѣнокъ положенный Лавровымъ на его гробъ былъ обстоятельствомъ позорящимъ. Лаврову нечего смущаться укоризнами которыя теперь на него сыплются. Онъ хорошо понимаетъ что онъ не серіозны. Вѣдь никто и не думалъ укорять его пока его сообщеніе не огласилось въ Россіи. Фактъ съ притворнымъ паэосомъ опровергается изъ опасенія чтобъ онъ не смутилъ статистовъ складываемыхъ къ участию въ спектаклѣ.

Впрочемъ, въ толкахъ есть и разнообразіе. Одни, какъ г. Стасюлевичъ, утверждаютъ что Лавровъ выдумалъ сообщаемый имъ фактъ. Другіе, не отрицая факта, объясняютъ его мягкосердечіемъ Тургенева, который оказывалъ де пособіе нуждавшемуся человѣку, а не дѣлу его. Исчисляютъ доходы Тургенева и находятъ что 500 франковъ слишкомъ ничтожная сумма для поддержки революціоннаго изданія. Печатаютъ умиительный разказъ о самомъ Петрѣ Лавровѣ, который не вѣжета съ ехидствомъ лжи и клеветы приписанныхъ ему самимъ г. Стасюлевичемъ.

Господа, будетъ вамъ вертѣться! Не зачѣмъ отрицать фактъ сообщенный Лавровымъ, не зачѣмъ и затирать его. Тургеневъ не милостынью давалъ Лаврову, который въ ней не нуждался. Пятьюстами франковъ которые Тургеневъ ежегодно посылалъ въ редакцію революціоннаго журнала *Впередъ* и другими подобными щедротами онъ откулился отъ травли которая не давала ему покоя въ шестидесятыхъ годахъ и которая сразу прекратилась въ семидесятыхъ, когда Тургеневъ рѣшился платить дань Печенѣгамъ и Половцамъ.

При впечатлительности, авторскомъ тщеславіи и некрѣпкомъ характерѣ онъ не выдержалъ оскорбленій которыми осыпали его многіе изъ нынѣшнихъ чествователей его памяти, и сдался...

Пишущій эти строки зналъ Тургенева съ молодыхъ лѣтъ. Его артистической натурѣ, изяществу его вкуса, образованному уму былъ ненавистенъ грубый радикализмъ который началъ овладѣвать нашею литературой съ конца сороковыхъ годовъ. Кончилось тѣмъ что онъ безъ оглядки бѣжалъ изъ *Современника*, когда въ этомъ журналѣ рѣшительно водворился духъ Добролюбова и Чернышевскаго. Помнимъ съ какимъ раздраженіемъ, съ какою горечью говорилъ онъ тогда о зараждавшемся нигилизмѣ, его виновникахъ, о томъ самомъ Базаровѣ которому послѣ публично поклонился. Тогда Тургеневъ держался довольно крѣпко. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ высоко поднялся патріотическій духъ въ нашемъ обществѣ. Правительство, бывшее тогда еще въ полномъ обладаніи собою, впервые съ полною рѣшимостью вступило на путь національной политики, обновляя страну, ободряя и оживляя ея здоровыя силы. Но все измѣнилось въ послѣднюю половину этого десятилѣтія. Началось печальное время антирусской реакціи; духъ въ обществѣ упалъ, и къ началу новаго десятилѣтія снова овладѣло имъ растлѣніе. Семидесятые годы были періодомъ возраставшаго ослабленія правительства, упадка государственнаго духа, революціонной пропаганды которая охватила своею сѣтью всю страну и стала властью съ которою сдѣлать было не легко.

Тургеневъ былъ художникъ по преимуществу. У всякаго свое призваніе. Политическіе интересы мало занимали его, и онъ не имѣлъ твердаго гражданскаго образа мыслей. Все достоинство его произведеній заключается въ чистой художественности. Онъ не былъ призванъ къ борьбѣ и убѣгалъ или откудался отъ того что было ненавистно ему. Сначала онъ насидовалъ себя стараясь задобрить своихъ противниковъ. Но когда оскорбленія смѣнились оваціями, то луть задабриванья стало легче и завлекательнѣе. Шагъ за шагомъ бѣдный Тургеневъ дошелъ до того что преклонялъ свою сѣдую голову подъ приговоромъ буйнаго студента-соціалиста, который снисходительно журилъ и поощрялъ его. Это стоить пяти сотъ франковъ. Въ то время когда въ Россіи бѣсновались испорченные молодые люди, сами не зная чего отъ нея требуя и какому дѣлу служа, когда преступленіе совершалось за

преступленіемъ, растерянное общество не знало чему вѣрить и чего ожидать, Тургеневъ переводилъ на французскій языкъ записки одного изъ этихъ несчастныхъ бѣжавшаго изъ тюрьмы за границу и печаталъ ихъ съ уважительнымъ отзывомъ о нигилистахъ въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ. Тургеневъ сталъ наконецъ символомъ какого-то неопредѣленнаго либерализма. Никто не заботился о его литературныхъ произведенияхъ. Въ немъ чествовали политическаго дѣятеля какимъ онъ никогда не былъ, хотя не прочь былъ казаться таковымъ чтобы собаки не кусались, а ластились.

Напрасно издѣваются надъ латыюстами франковъ. Чѣмъ же и куплены оваціи которыми эти господа чествовали Тургенева въ послѣдніе годы его жизни и чествуютъ теперь по смерти? Тургеневъ обладалъ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ. Онъ принадлежитъ къ плеядѣ талантовъ народившихся и созрѣвшихъ въ тѣ тихія времена когда у насъ не было ни городскихъ, ни земскихъ говорильень, ни газетъ, ни революцій. Въ литературѣ мы все еще живемъ послѣдками тѣхъ временъ, а теперь таланты рождаются туго, созрѣваютъ плохо, старые же хилѣютъ и умираютъ прежде естественной смерти своихъ обладателей или сходятъ съ ума. Если талантъ Тургенева не отличался глубиной и обширностію концепцій, то произведенія его блещутъ прелестью разказа, поэзіей описаній, тонкостію отдѣлки, мастерствомъ если не въ характерахъ, то въ тилахъ и положеніяхъ, тою наблюдательностію художника, которая возводитъ въ ясныя очертанія то что въ жизни разбросано, растеряно и закрыто случайностями. Произведенія его далеко не всѣ равнаго достоинства. Лучшія принадлежатъ къ первой порѣ его дѣятельности. Рядъ позднѣйшихъ его произведеній представляетъ зрѣлище постеленнаго уклада. Съ той минуты когда пришлось ему *откупаться*, онъ, съ утратой свободы духа, терялъ и силу творчества. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности онъ писалъ какъ бы по памяти, которая все болѣе и болѣе измѣняла ему. Но какъ бы ни были значительны достоинства лучшихъ произведеній Тургенева, они, въ этомъ всякій сознается, далеко не такого свойства чтобы возводить его во всемірные геніи. Онъ не принадлежалъ къ числу начинателей какимъ былъ напримѣръ Глинка, творецъ русской музыки, которому на этихъ дняхъ закладывали памятникъ въ Смоленскѣ, что обошлось безъ всероссійскихъ криковъ газетъ, безъ пышныхъ депутаций, безъ гг. Стасю-

левичей, столь ревностныхъ къ отечественной славѣ и къ интересамъ искусства. Лучшія повѣсти Тургенева навсегда останутся украшеніемъ нашей литературы, но преувеличивать его значеніе до тѣхъ размѣровъ какіе хотятъ придать ему, можно только съ заднею мыслию, не имѣющею ничего общаго съ литературой, въ которой однако замыкается весь талантъ и все призваніе Тургенева.

Еслибы литературныя произведенія Тургенева имѣли дѣйствительно то значеніе какое хотятъ придать имъ чтобы всю Россію поднять на ноги для тризны по немъ, то оцѣнка его генія, въ продолженіе сорокалѣтняго писательскаго поприща, не могла бы не выразиться въ чемъ-нибудь серьезномъ. Должна была бы возникнуть цѣлая литература посвященная изученію его твореній, а между тѣмъ кромѣ двухъ, трехъ статей указать не на что. Его травили въ лучшую пору его таланта; прославлять его стали на склонѣ и не какъ художника, а какъ вождя какой-то партіи, какъ представителя европеизма и либеральныхъ идей, какъ ходячій символъ конституціи, о каковой нѣтъ и помину въ его произведеніяхъ. Ему чуть не приписывали освобожденіе крестьянъ: ему кадили какъ другу „молодаго поколѣнія“, его превозносили за гуманныя отношенія ко всѣмъ развращавшимъ наше полуобразованное общество тенденціямъ. Тургенева радилъ въ чуждый ему костюмъ политическаго дѣятеля...

Господа, вы тѣшились надъ Тургеневымъ при жизни: постыдитесь продолжать ту же игру на его могилѣ! Имѣйте сколько-нибудь уваженія къ памяти умершаго человѣка. Оставьте Тургенева при его истинныхъ заслугахъ и достоинствахъ: не рядите по крайней мѣрѣ мертвое тѣло въ тотъ нарядъ въ какомъ при жизни водили вы его по улицамъ. Дайте по крайней мѣрѣ похоронить его честно...

IV.

Моск. Вѣд. № 235.

Составленный Высочайше учрежденною комиссіей, состоящею подъ предсѣдательствомъ графа Э. Т. Баранова, проектъ „общаго устава Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ“ въ скоромъ времени будетъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ. Это будетъ первымъ законодательнымъ опредѣленіемъ общаго для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи положенія. Оно не только *зажметъ* дѣйствующія въ насто-

ящее время для частных желѣзнодорожныхъ компаній права, раздѣяныя во многочисленныхъ актахъ концессій, но и существенно *измѣнить* созданное этими концессіями положеніе желѣзнодорожныхъ компаній въ нашемъ отечествѣ.

Проектъ „желѣзнодорожнаго устава“ имѣеть въ виду, во-первыхъ, усилить правительственное руководство компаніями; во вторыхъ, подчинить ихъ нѣкоторымъ ограниченіямъ въ пользованіи и управленіи паровозными линіями, а также усилить ихъ отвѣтственность предъ частными лицами.

Съ этою цѣлью предполагается нѣсколько правительственныхъ установленій для разсмотрѣнія и утвержденія мѣръ принимаемыхъ правленіями частныхъ желѣзнодорожныхъ компаній и собраніями ихъ акціонеровъ. Въ вѣдѣніи „Высшаго Желѣзнодорожнаго Совѣта“ и состоящаго при немъ „Распорядительнаго Комитета“ сосредоточивается непосредственное управленіе всѣми рельсовыми путями. „Высшій Совѣтъ“ будетъ имѣть право „издавать правила, инструкціи и указы въ развитіе существующихъ желѣзнодорожныхъ узаконеній“ (ст. 19 п. 2 общаго устава), а равно „обсуждать общіе вопросы, имѣющіе въ виду провозные желѣзнодорожные тарифы и условія ихъ примѣненія“ (ст. 19 п. 4 *ib.*). „Распорядительному Комитету“ предполагается дать власть не только утверждать представленные ему правленіями желѣзнодорожныхъ компаній тарифы, но самостоятельно вводить признаваемые имъ полезными новые тарифы и подвергать дисциплинарной отвѣтственности членовъ желѣзнодорожныхъ правленій за нарушеніе ими правилъ по установленію и примѣненію тарифовъ (ст. 20 п. 4 и примѣчаніе).

Съ этою же цѣлью подчиненія правительственному руководству дѣятельности желѣзнодорожныхъ компаній узаконяется утвержденіе „Верховнымъ Совѣтомъ“ и „Распорядительнымъ Комитетомъ“ постановленій состоявшихся на сѣздахъ делегатовъ отъ желѣзныхъ дорогъ, образующихъ изъ себя группы по прямому пассажирскому и товарному движенію (ст. 75). Въ настоящее же время, какъ извѣстно, сѣзды не ограничены ничѣмъ въ своей дѣятельности, вводя не рѣдко такіа правила которыя не согласны съ дѣйствующими законоположеніями, о чемъ свидѣтельствуютъ недавно помѣщавшіяся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* отчеты о бывшемъ въ юль сѣздѣ 2й группы въ Москвѣ.

На этомъ не останавливается проектъ „общаго устава желѣзныхъ дорогъ“. Онъ вводитъ въ составъ правленія каждой желѣзной дороги особаго члена отъ правительства, представляя ему не только право совѣщательнаго голоса въ рѣшеніяхъ принимаемыхъ желѣзнодорожнымъ правленіемъ (ст. 86), но главнымъ образомъ право протеста должствующаго имѣть, своимъ послѣдствіемъ перенесеніе вопроса на рѣшеніе Высшаго Совѣта (ст. 89). Ни одно желѣзнодорожное правленіе не будетъ въ правѣ издавать общія правила или указы для управленія дорогой безъ утвержденія Высшаго Совѣта (ст. 96). Для регулированія законнаго состава общихъ собраній акціонеровъ желѣзнодорожныхъ компаній, право участія явившихся акціонеровъ подчиняется повѣркѣ особо для этого назначенныхъ правительствомъ лицъ (ст. 82).

Кромѣ правительственнаго руководства, послѣдовательно проводимаго въ законопроектѣ относительно дѣятельности желѣзнодорожныхъ компаній, „общій желѣзнодорожный уставъ“ подчиняетъ ихъ цѣлому ряду гражданскихъ ограниченій, усиливая ихъ отвѣтственность предъ лицами.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія тѣ постановленія „общаго устава“ которыя обязываютъ желѣзныя дороги отвѣчать за утрату или поврежденіе сданныхъ имъ груза за время отъ заключенія договора перевозки до выдачи груза. Отъ этой отвѣтственности онъ освобождаются только въ томъ случаѣ если докажутъ что утрата и поврежденіе произошли или по винѣ самого отправителя, небрежно упакованнаго отправляемый имъ товаръ, или отъ дѣйствія превозмогающей силы, *vis majoris* (ст. 215). Обязывая желѣзнодорожныя правленія доказывать тѣ обстоятельства которыя могутъ освободить ихъ въ данномъ случаѣ отъ отвѣтственности за ввѣренный имъ грузъ, „общій уставъ“ облегчаетъ грузоотправителямъ возможность взысканія съ виновной дороги, предоставляя имъ по своему выбору предъявлять къ ней искъ о вознагражденіи за утраченный или поврежденный грузъ въ тотъ судъ къ которому для нихъ удобнѣе обратиться. Иски къ желѣзнымъ дорогамъ касающіеся перевозки грузовъ и пассажирскаго багажа предполагается предоставить потерпѣвшему предъявлять въ одинъ изъ судовъ которымъ подсудны компаніи: 1) по мѣсту нахождения правленія дороги, 2) ея управленія, 3) станціи отправленія или 4) станціи назначенія. „Эти четыре мѣста считаются мѣстомъ пребыванія

железной дороги“, говорить ст. 234 „общаго устава“, приближая такимъ образомъ судъ къ имѣющему исковое требованіе истцу.

Для обезпеченія дѣйствительнаго удовлетворенія по взысканіямъ обрацаемымъ къ концессионернымъ компаніямъ, проектъ железнодорожнаго закона опредѣляетъ имущество компаніи на которое можетъ быть обращено исполненіе по присужденному исковому требованію.

Здѣсь впервые узаконяется въ русскомъ правѣ особый видъ имущества подлежащаго исключительнымъ постановленіямъ и создается понятіе объ „имуществѣ желѣзныхъ дорогъ“ (ст. 250). „Железная дорога со всѣми ея принадлежностями составляетъ нераздѣльное недвижимое имущество“. Такимъ образомъ, полотно дороги, железнодорожныя зданія, станціи, складочныя магазивы, мосты и т. п. имѣютъ значеніе „нераздѣльнаго недвижимаго имущества“, понятіе о которомъ соотвѣтствуетъ установившемуся въ германскомъ и англійскомъ законодательствѣ представленію о *Bahnkörper*, *Railway Land*. На ряду съ „недвижимымъ имуществомъ дороги“ признается ея движимое имущество, въ составъ котораго входят доходы, наличныя суммы и долговыя претензіи компаніи. Исполненіе по присужденнымъ съ компаніей исковымъ требованіямъ обращается сперва на ихъ движимое имущество, и если оно не можетъ быть покрыто этимъ путемъ, кредиторы дороги могутъ просить судъ о признаніи ея несостоятельною (ст. 252), что влечетъ за собой взятіе пути въ распоряженіе правительства (ст. 253), которое или выкупаетъ желѣзную дорогу, или продаетъ ее съ публичнаго торга (ст. 254, л. 1).

Такимъ образомъ „железная дорога и ея принадлежности“ разсматриваются въ проектѣ „общаго устава“ какъ обыкновенное имущество, на цѣнность котораго можетъ быть обращено взысканіе кредиторовъ концессионной компаніи.

Новый железнодорожный уставъ встрѣтилъ разнообразныя замѣчанія и возраженія, которыя идутъ отчасти отъ железнодорожныхъ компаній, отчасти отъ правительственныхъ учреждений. Первые, возражая, говорили *pro domo sua* и отстаивали свою независимость отъ налагаемыхъ на нихъ ограниченій. Противъ проекта „железнодорожнаго устава“ недавно опубликованы замѣчанія со стороны Министерства Путей Сообщенія, которое высказалось противъ выработан-

наго проекта желѣзнодорожнаго закона, полагая что этими измѣненіями государство нарушило бы свои контрактныя условія съ дорогами. Но концессія не то что контрактъ въ родѣ тѣхъ какіе казна заключаетъ съ подрядчиками и поставщиками. Выдавая концессію государство собственно только дозволяетъ частной компаніи исполнить предпріятіе въ видахъ государственной пользы, и государственное значеніе желѣзныхъ дорогъ остается за ними въ чьихъ бы рукахъ онѣ ни находились. Концессія не есть, какъ думаетъ Министерство Путей Сообщенія, нѣчто въ родѣ тѣхъ „конвенцій“ которыя недавно заключены во Франціи между республиканскимъ правительствомъ и пятью главными французскими компаніями. Не дай Богъ намъ въ Россіи пойти по пути Франціи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Концессія есть актъ государственной власти создающей себѣ органъ который долженъ подчиняться всѣмъ ея требованіямъ, къ числу коихъ относятся содержащіяся въ проектированномъ уставѣ положенія. Измѣняя на основаніи этихъ положеній условія желѣзнодорожной эксплуатаціи, государственная власть совершаетъ такой же актъ своего верховенства какъ при отнятіи крѣпостнаго права, при введеніи и закрытіи откуповъ, при установленіи воинской повинности и т. д. Общая польза связанная желѣзными дорогами въ жизни государства ярко характеризуется Макколеемъ (въ его *History of England*), который сопоставляетъ ихъ съ изобрѣтеніемъ письменъ и книгопечатанія.

Обращаемъ вниманіе компетентныхъ лицъ и публики на недавно вышедшее въ свѣтъ специальное изслѣдованіе нашего почтеннаго сотрудника А. А. Борзенко, подъ заглавіемъ *Концессія желѣзнодорожнаго права*, въ которомъ разработана юридическая сторона этого вопроса.

V.

Моск. Вѣд. № 237.

Годовщина Седанскаго дѣла, 2 сентября, національный праздникъ въ Германіи. Патриотическое чувство живо, какъ и за тринадцать лѣтъ предъ симъ, отзывается на это торжество. „Это день которымъ можетъ гордиться германская армія“, сказалъ на этомъ праздникѣ фельдмаршалъ Мольтке.

Успѣхи Пруссіи въ 1866 году сначала приписывали игольчатому ружью, потомъ „школьному учителю“, наконецъ „прусскому капитану“, то-есть ротному командиру обучающему

создать. Это все очень остроумно, но не точно. Всѣ побѣды Прусаковъ были результатомъ дѣйствія одной и той же силы, которая создала и школьнаго учителя, и капитана, и игольчатое ружье. Припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого ружья.

Въ 1829 году, когда король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ еще наследнымъ принцемъ, механикъ Дрейзе поднесъ ему ружье „особой конструкціи“ напоминающей телерешнѣя дѣтскія игрушечныя ружья стрѣляющія горохомъ. Ружье это заряжалось съ дула, но безъ шомпола, капсюль былъ вставленъ въ лулу и воспламенялся толстою иголь проходившею въ стволъ чрезъ маленькій каналъ въ винтѣ, которымъ въ обыкновенныхъ ружьяхъ замыкается стволъ сзади. Иголь приводилась въ движеніе спиральною пружиной. Въ этомъ ружьѣ было то достоинство что оно *заряжалось намного скорѣе* обыкновеннаго, потому что не нужно было употреблять шомпола, ни особо надѣвать капсюль. Но за то въ первоначальномъ образцѣ Дрейзе было множество крупныхъ недостатковъ, начиная съ самаго канала въ казенникѣ, который поэтому выгоралъ и ружье портилось. Не было даже предохранительнаго взвода. У насъ ружье Дрейзе было бы конечно забраковано и оставлено безъ вниманія; нашли бы что начала его устройства не выдерживаютъ критики и потому дальнѣйшей разработки не заслуживаютъ. Въ Пруссіи взглянули на дѣло иначе. Уже въ 1830 году, и самъ изобрѣтатель при содѣйствіи прусскихъ офицеровъ, и особая коммиссія назначенная военнымъ министромъ, производили обширныя опыты съ ружьемъ Дрейзе. Результатомъ этихъ опытовъ *въ 1836* году было примѣненіе къ ружью *заряжанія съ казны*. Потребовалось еще пять лѣтъ на опыты, и въ 1841 году ружье Дрейзе было окончательно принято въ армію вслѣдствіе убѣжденія что „это изобрѣтеніе есть великій даръ Провидѣнія ниспосланный для преуспѣянія государства“. А между тѣмъ въ остальной Европѣ военные умники смѣялись надъ прусскою „тайной“, надъ заряжаніемъ съ казны, и пророчили Прусакамъ только неудачи. До 1860 года европейскія арміи занимались заряжаемымъ съ казны оружіемъ едва ли не изъ одного только любопытства, а потомъ все ждали *опыта* и наконецъ проснулись подъ громъ выстрѣловъ Кениггреца. Тутъ началась горячка; всѣ торопились вводить оружіе заряжаемое съ казны и только въ немъ видѣли залогъ успѣха. Исторія прусскаго

ружья оставлена безъ вниманія и урокъ пропалъ почти безсѣдно.

Прошли годы, и вотъ опять нарождается *прусская тайна*. Мы получили свѣдѣнiе что секретному отдѣленiю Шпандаускаго завода приказано изготовить довольно значительное число экземпляровъ изобрѣтеннаго проживающимъ въ Россiи, въ Вильнѣ, г. Ливчакомъ особаго прибора для „*автоматической*“ стрѣльбы изъ ружей при оборонѣ“. Этотъ приборъ испытывавшiйся въ Вильнѣ, а въ Петербургѣ, оставленный безо всякаго вниманiя, вѣроятно „по сомнительности мысли“ изобрѣтенiя представшаго предъ нашими такъ-называемыми специалистами, безъ заграничнаго диплома, и въ его сыромъ, первоначальномъ видѣ,—приборъ этотъ даетъ возможность стрѣлять въ бою почти безъ промаховъ, тогда какъ опыты послѣднихъ войнъ показали что при боевой стрѣльбѣ изъ обыкновеннаго ружья попадетъ едва *четыре*хсотая пуля. Англичане утверждаютъ что у нихъ въ Египетскую экспедицію изъ тысячи людей попадала только одна. Отсюда понятна важность и польза предложеннаго г. Ливчакомъ и отвергнутаго у насъ прибора. Въ Германiи взглянули на дѣло иначе. Всякая „мысль“ требуетъ технической разработки; военные люди Пруссiи этого не боятся и конечно извлекаютъ изъ приобрѣтеннаго ими секрета со временемъ пользу. Въ Пруссiи денегъ даромъ не бросаютъ, и самый заказъ прибора и приглашенiе изобрѣтателя въ концѣ iюля въ Берлинъ на счетъ Прусскаго правительства служатъ доказательствомъ серьезности дѣла.

Мы слышали что изобрѣтатель обращался и къ другимъ, къ Францiи, къ Австрiи, но безуспѣшно. Посмотрѣли, посмотрѣли, въ Австрiи даже одобрили, да и въ сторону отложили, потому что изобрѣтенiе требуетъ разработки, а главное потому что введенiе его есть *смельный шагъ*, на который люди рѣшаются не иначе какъ будучи твердо убѣждены въ пользѣ такого шага; въ области военной это убѣжденiе можетъ явиться только у глубокихъ знатоковъ дѣла, постоянно его изучающихъ, и не съ чужихъ словъ.

Загляните въ нашъ *Оружейный Сборникъ*. Что тамъ есть! Ничего кромѣ переводовъ и извлеченiй изъ французскихъ и нѣмецкихъ сочиненiй вышедшихъ за два года до появленiя той книжки русскаго военнаго журнала куда они попали, да компиляцiй изъ такихъ же книжекъ и статей. Въ *Оружейномъ Сборникѣ* не было до сихъ поръ ни слова отзыва о

монографію подполковника Волоцкаго *Русский огонь в бою*, вышедшей въ 1881 году, а между тѣмъ книжка эта появилась въ нѣмецкомъ переводѣ (*Das Gewehrfeuer im Gefecht*) у извѣстнаго спеціалиста-издателя Цернина въ Дармштадтѣ, сколько знаемъ, не дешево заплатившаго за переводъ. Въ этой монографіи,—замѣченной въ извѣстныхъ нѣмецкихъ военныхъ кругахъ, и въ нашихъ *Русскомъ Инвалидѣ* и *Военномъ Сборникѣ*,—въ этой монографіи точно такъ же какъ и въ другихъ статьяхъ того же автора напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1882 и 1883 годовъ, предложены всѣ доводы и основанія которые слѣдуетъ принять въ рѣшеніи вопроса объ автоматическомъ прицѣлѣ и даже предсказана *неизбѣжность* его появленія въ вооруженіи большихъ армій.

Моск. Вѣд. № 264.

Въ № 251 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* прочли мы слѣдующее:

Московскія Вѣдомости подняли вопль по поводу того что изобрѣтатель прибора для автоматической стрѣльбы, нѣкто г. Ливчакъ, не былъ одѣненъ нашимъ Военнымъ Министерствомъ, что, отвергнутый здѣсь, онъ бросился въ Германію и тамъ его приборъ немедленно приняли и въ Шпандау сдѣлали значительный заказъ его станковъ... Это было бы очень горько еслибы это была правда... Каковъ бы ни былъ аппаратъ г. Ливчака, принимая во вниманіе его вѣсъ и размеры, можно прямо сказать что онъ не годится для полевыхъ войскъ... Такой приборъ можетъ годиться для крѣпостей, при стрѣльбѣ изъ-за закрытій... Возможно что Пруссаки и заказали для этой цѣли нѣсколько сотъ и даже тысячъ приборовъ. Но и въ такомъ случаѣ дѣло настолько не важно что распинаться въ печати поможительно не стоить...

Весь этотъ вздоръ не стоить бы вниманія еслибы здѣсь отъ начала до конца не было жи съ цѣлью извратить и замазать дѣло заслуживающее серьезнаго вниманія.

Прежде всего, сообщенное *Московскими Вѣдомостями* о судьбѣ прибора г. Ливчака есть *правда*, фактъ. Теперь о томъ какъ этотъ фактъ толковать слѣдуетъ. „Въ Европѣ, говорятъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, развелось не мало изобрѣтателей которые развозятъ свои *секреты* по военнымъ министерствамъ и требуютъ себѣ уплаты суммъ“. Хорошо, но военныя министерства имѣютъ спеціалистовъ и средства различить *секреты* стоящій вниманія отъ вздорнаго. У насъ г. Ливчакъ не добился испытанія своего прибора, въ Германіи на него обратили вниманіе. Почему? Или приборъ Лив-

чака у насъ отвергнуть безъ испытанія по невниманію къ своему дѣлу господъ спеціалистовъ, или же потому что между тѣми кому было поручено рассмотреть проектъ не было „хотя сколько-нибудь понимающаго дѣла военнаго человѣка“. Верховогаду у котораго вмѣсто мыслей кружатся въ головѣ фразы послѣдней страницы только-что прочтенной книжки, конечно, не разобрать дѣла отъ бездѣлья. Для него все являющееся безъграничнаго патента „не важно“. Дурно только бываетъ пробужденіе отъ этого кошмара, и дорого обходится высококомѣрное невѣжество мнимыхъ спеціалистовъ. За примѣрами ходить не далеко. Въ минувшую кампанію мы вышли въ поле съ ружьями и пушками хуже турецкихъ. Во время войны стали заводить такъ-называемую дальнобойную артиллерію, и что же? Выписываемъ слова И. И. Филипенка изъ недавно вышедшей книги его: *Основы организаціи техническихъ въдожствъ*. „Немедленно стали обнаруживаться въ ней (новой дальнобойной артиллеріи) серіозные недостатки, поломки и пр. Обнаруженіе и исправленіе, что счастьемъ для насъ, произошло не на поляхъ сраженій. Господь хранилъ насъ и въ томъ случаѣ когда скорострѣльные горные пушки, уже укупоренныя и назначенныя въ отправку въ Турцію, обнаружили негодность лафетовъ и опасность для прислуги въ устройствѣ снарядовъ, причѣмъ погубъ и самъ изобрѣтатель.“

С.-Петербургскія Въдожства передаютъ нѣкоторыя подробности о приборѣ г. Ливчака. Очевидно, писавшій статью скрываетъ часть того что ему извѣстно. Дѣйствительно ли приборъ г. Ливчака служитъ только для обороны? Но пусть приборъ этотъ годится только въ крѣпостяхъ и при стрѣльбѣ вообще изъ-за закрытій, можно ли называть такой приборъ „не важнымъ“ въ ту эпоху военнаго искусства, отличительная черта которой есть широкое развитіе инженерныхъ работъ на поляхъ сраженій?

VI.

Моск. Вѣд. № 244.

Послѣдніе дни въ берлинской и вѣнской печати наговорено, выражаясь словами *Сѣверо-Германской Газеты*, „сенсационныхъ дѣлъ мастерами“ не мало вздора относительно какихъ-то русскихъ замысловъ на Востокъ, направленныхъ разомъ и противъ Турціи, и противъ Сербіи, даже противъ Болгаріи. Вѣнская *Deutsche Zeitung*, а съ нею и нѣкоторыя

другія газеты, утверждали что Россія поддерживаетъ Петра Карагеоргиевича и готова содѣйствовать его видамъ на сербскій престолъ, а *Съверо-Германская Газета*, воспроизведя эту басню, сочла еще нужнымъ прибавить будто „по новѣйшимъ признакамъ виды Петра Карагеоргиевича простираются не только на Сербію, но и подальше, особенно на Болгарію“.

Неловкая обмолвка органа князя Бисмарка не прошла даромъ. Ее принялись толковать на всѣ лады и, при содѣйствіи вѣнской офиціозной *Политической Корреспонденціи*, договорились до Геркулесовыхъ столбовъ. Россія уничтожила де автономію Болгаріи, которая стала вассаломъ Россіи, тогда какъ de jure должна быть вассаломъ Турціи; державы, особенно Германія, возбуждены де этимъ, ояѣ негодуютъ, „вся Европа противъ Россіи.“ „Даже весьма почтительная къ Россіи *Крестовая Газета*“, какъ замѣтила *Кельнская*, и та находитъ что теперешнее положеніе Болгаріи вовсе не соотвѣтствуетъ постановленіямъ Берлинскаго трактата 1879 года.

Итакъ, выходило что Россію надо образумить!.. Но это было уже слишкомъ, и органъ князя Бисмарка, *Съверо-Германская Газета*, послѣшила умѣрить этотъ газетный задоръ точно такъ же какъ недавно умѣряла задоръ французскихъ шовинистовъ. Таковъ смыслъ и цѣль ея статьи отъ 1 сентября, содержаніе которой передалъ намъ телеграфъ. По поводу Болгаріи, сказано въ этой статьѣ, до сихъ поръ ни съ чьей стороны, даже со стороны болѣе всѣхъ заинтересованной Порты, не было заявлено ни жалобъ, ни сѣтованій, и въ руководящихъ сферахъ нельзя замѣтить ни малѣйшаго признака возбужденія державъ противъ Россіи; это возбужденіе существуетъ только въ фантазіи-измыслителей сенсационныхъ вѣстей, вредныхъ уже тѣмъ что порождаютъ въ Русскомъ народѣ мысль будто кто-то помышляетъ о нападении на Россію, тогда какъ и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Италіи „господствуетъ желаніе жить съ Россіей въ мирѣ“, потому что отъ такой войны не предвидится никакихъ выгодъ.

Сила вещей заставила теперь *Съверо-Германскую Газету* повторить то же самое что еще на дняхъ высказывалось *Московскими Вѣдомостями*: „Ни съ Германіей, ни съ ея политикой у насъ нѣтъ никакихъ счетовъ, ни Германія ничего у насъ не забыла, ни мы у Германіи“ (см. № 227 *Моск. Вѣд.*). Въ нѣмецкой печати вошло чуть не въ поговорку утверждать будто въ Россіи имѣется какая-то „партія славистскихъ

подстрекателей“ заботящаяся о возбужденіи вражды Русскихъ къ Нѣмцамъ. Очень хорошо что теперь констатировано, наконецъ, что подстрекатели вовсе не слависты, а просто германскіе и австрійскіе сочинители сенсационныхъ вѣстей, тѣ самые газетные спекулянты на которыхъ еще дѣтвомъ указывала вышедшая въ Штуттгартѣ брошюра *Russland und Deutschland*, о которой нѣмецкая печать сочла за лучшее умолчать вовсе.

Говорятъ: „Европа противъ Россіи“. Европѣ теперь не до насъ. Франція и Англія заняты своими внутренними дѣлами, Китаемъ, Египтомъ. Германія слѣдуетъ укрѣпить и развить свои политическіе союзы и торговыя связи; послѣднія, какъ утверждаютъ, составляли будто бы даже главный пунктъ зальцбургскихъ переговоровъ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Кальноки.

„Нѣкоторыя изъ вѣсткихъ газетъ, читаемъ въ берлинской *Post* отъ 10 сентября, обратила вниманіе на извѣстіе что въ Зальцбургѣ шла рѣчь о болѣе тѣсномъ экономическомъ сближеніи между Германіей и Австріей; онѣ выражаютъ даже горячее желаніе чтобы это сближеніе осуществилось“. *Wiener Presse* поясняетъ въ чемъ можетъ состоять это сближеніе. „Мы слышали, говоритъ поманутая газета, что между Германскимъ и Австрійскимъ правительствами происходитъ обмѣнъ идей относительно *торговаго союза* и что объ этомъ предметѣ вторично говорилось въ Зальцбургѣ.“

„Такой союзъ былъ бы дѣйствительно прекраснымъ дополненіемъ политическаго, добавляетъ *Neue Freie Presse*, и этому можно только порадоваться, такъ какъ прекратилась бы таковая борьба между союзниками“. Даже *Deutsche Zeitung*, газета строго держащаяся покровительственной системы, и та признаетъ великое значеніе подобнаго „сближенія“.

Въ чемъ можетъ состоять такой *торговой союзъ*? Между Германіей и Австро-Венгріей уже заключенъ торговый договоръ. Обязательная сила его оканчивается, правда, 1 января 1884 года, но договоръ можетъ быть оставленъ въ дѣйствиіи годъ за годомъ, до 1887 включительно. Еслибы нѣкоторыя условія казались невыгодными Австро-Венгріи, она всегда могла бы получить отъ Германіи новыя льготы, тѣмъ болѣе что въ послѣднюю экстренную сессію Германскій рейхстагъ предоставилъ правительству понижать пошлины съ товаровъ тѣхъ странъ гдѣ Германія поставлена выгодаше другихъ

державъ. Еслибы, наоборотъ, Германія нуждалась во льготахъ, то ей точно такъ же было бы не трудно добиться уступокъ за уступки, такъ какъ при заключеніи договора принималась во вниманіе германскія высокія пошлины 1879 года. Дѣло идетъ очевидно о гораздо большемъ. „Мы не знаемъ пока, замѣчаетъ *Wiener Presse*, достигнуто ли соглашеніе въ принципѣ и дѣйствительно ли рѣчь идетъ о *таможенной униіи*, къ которой должны быть привлечены и земли Балканскаго полуострова, но это не невозможно, такъ какъ идея таможенной униіи, во первыхъ, не нова, а во вторыхъ, Германія въ послѣднее время обратила особенное вниманіе на свою торговлю съ Востокомъ.“

Для Германіи таможенное объединеніе съ Австріей, конечно, и выгодно и желательно. Оно должно входить въ ту программу германской политики которая привела къ союзу 1879 года. Нѣмецкая печать вотъ уже два года твердитъ о необходимости подкрѣпить политическій союзъ торговымъ. Въ Австріи точно такъ же есть сильная партія которая желала бы видѣть, попрежнему, Австрію членомъ Германскаго Таможеннаго Союза. Но какъ этотъ фактъ мирнаго присоединенія къ Германіи отразился бы на внутренней политикѣ Австріи? Стоитъ припомнить что ея правительству было не легко провести даже простую торговую сдѣлку съ Германіей. Чтò выгодно Цислейтаніи, то можетъ оказаться невыгоднымъ коронѣ Св. Стефана, и таможенное объединеніе съ Германіей едва ли послужитъ къ скрѣпленію составныхъ частей распатанной имперіи Габсбурговъ... Австрію можетъ лѣзнуть развѣ призракъ таможеннаго союза Дунайскихъ державъ, мысль о которомъ, хотя и въ другой формѣ, была пущена въ оборотъ еще въ 1878 году, когда Австрія шла занимать Боснію и бредила военными конвенціями чуть не со всѣми государствами Балканскаго полуострова.

Не здѣсь ли слѣдуетъ искать источника того почти заискивающего вниманія какимъ въ послѣднее время удостоены Сербія и Румынія въ Берлинѣ и Вѣнѣ? Не здѣсь ли, наконецъ, источникъ и тѣхъ нелѣпыхъ басенъ о замыслахъ Россіи на Востокъ и раздраженіи противъ нея Европы, опровергнуть которые послѣдила *Сѣверо-Германская Газета* и сама къ нимъ отчасти причастная? Не слишкомъ ли много и не впору поусердствовали послушные извѣстной указкѣ сочинители басенъ?

Моск. Вѣд. № 248.

Воспроизводимъ извѣстную изъ телеграммъ замѣтку *Съверо-Германской Газеты* отъ 13 сентября, на которую уже отозвались *Московскія Вѣдомости*. Статья эта доказываетъ что не русская печать, какъ доселѣ утверждали въ Германіи, а австрійская и берлинская стремится вызвать въ Россіи раздраженіе противъ сосѣдей. Вотъ полный текстъ этой замѣтки:

„Въ вѣнской *Neue Freie Presse* и, какъ ея эхо, въ нѣкоторыхъ берлинскихъ газетахъ, въ послѣднее время съ особою вазойливостью выступаетъ тенденція искусственно создать несогласіе между Россіей и прочими европейскими державами, особенно же Германіей. Желаннымъ орудіемъ для этихъ попытокъ возстановить общественное мнѣніе Россіи противъ западныхъ сосѣдей названныя газеты находятъ въ дѣлахъ Болгаріи, коими *Neue Freie Presse*, между прочимъ въ номерѣ 6.838 отъ 10 сентября, злоупотребляетъ утверждая будто, по слухамъ, державы, *съ Германіей во главѣ*, весьма раздражены изъ-за Болгаріи противъ Россіи. Ставится пароль: *Европа противъ Россіи*. Мы не намѣрены теперь входить въ разслѣдованіе мотивовъ этихъ тенденціозныхъ утверждений, но заявляемъ что въ правящихъ сферахъ нѣтъ и тѣни *раздраженія* изъ-за Болгаріи, и что пароль *Европа противъ Россіи* совершенно не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ и есть фальшь. Въ Вѣнѣ, точно такъ же какъ въ Берлинѣ, а безъ сомнѣнія и въ Италіи, господствуетъ желаніе жить въ мирѣ съ Россіей. Ни одна держава не имѣетъ интереса къ войнѣ, и ведась бы она Европой или отдѣльными государствами, бѣдствіе войны, даже побѣдоносной, будетъ все то же; при столкновеніи съ Россіей оно не было бы даже ослаблено видами политическихъ выгодъ въ результатъ. Отъ Россіи нечего требовать, нечего желать. Такія выраженія какъ *Европа противъ Россіи* совершенно ненужнымъ образомъ служатъ только къ возбужденію въ Русскомъ народѣ мысли будто кто-то думаетъ напасть на Россію.

„Относительно происходящаго въ Болгаріи до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, ни одна сторона, не исключая и ближе всѣхъ заинтересованной Порты, не высказала обвиненій или жалобъ; *раздраженіе державъ противъ Россіи* существуетъ лишь въ воображеніи сенсационныхъ дѣлъ мастеровъ.“

Моск. Вѣд. № 257.

На дняхъ въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, подъ видомъ телеграммъ изъ Варшавы и Одессы, были сообщены сенсационныя извѣстія о сосредоточеніи русскихъ войскъ въ Привислянскомъ краѣ, закладкѣ продовольственныхъ магазиновъ и особыхъ воцѣственныхыхъ инструкціяхъ будто бы полученныхъ русскими желѣзными дорогами и портовыми городами. Извѣстія эти были немедленно переданы въ Вѣну. „Намъ лишить отсюда, передаетъ *Крестовая Газета*, что на эти извѣстія въ Вѣнѣ обратили очень мало вниманія; они вовсе не произвели того впечатлѣнія на которое были разчитаны. Это объясняется тѣмъ что немедленно сдѣлался извѣстнымъ источникъ басни, причемъ оказалось что вина падаетъ на польскія газеты которыя безъ устали, въ видахъ агитаціи, распространяють тревожныя извѣстія о русскихъ вооруженіяхъ“. Почти въ томъ же смыслѣ высказывается по этому предмету и *Свергер-Германская Всеобщая Газета*. Въ своемъ ежедневномъ политическомъ обзорѣнн, воспроизводя сообщенное *Пештскимъ Ллойдомъ*, органъ князя Бисмарка говоритъ: „Въ Пештѣ эти извѣстія могли произвести извѣстный эффектъ; но за предѣлами Венгріи къ нимъ отнеслись спокойно, ибо съ большою критикою“.

VII.

Моск. Вѣд. № 246.

О поѣздкѣ князя Черногорскаго въ Константинополь иностранная, главнымъ образомъ австро-венгерская, печать высказывалась вкривъ и вкось, съ явнымъ неудовольствіемъ и досадою. Сперва австрійская печать встревожилась предположивъ что князь поѣхалъ въ гости къ султану съ тѣмъ чтобъ исполнить какое-то секретное порученіе Россіи, хотя для секретныхъ порученій Россія имѣетъ въ Константинополь своего уполномоченнаго представителя, а наилучшее порученіе какое Россія могла бы дать князю Черногорскому только и могло бы состоять въ упроченіи мира и благосостоянія его же владѣнія. Теперь, когда князь уже возвратился въ Цетинье, вѣнскія газеты почему-то стараются умалить значеніе поѣздки и злорадно намекають что князь Николай прокатился въ Константинополь лонапрасну, ибо ему не удалось де перехитрить турецкихъ министровъ. Князь Черногорскій не имѣлъ и надобности состязаться въ хитрости съ дипломатами Стамбула, и отношенія его къ Портѣ потому и уладились успѣшно что не требовалось прибѣгать ни къ какимъ ухищ-

реніямъ. Главная цѣль поѣздки князя Николая въ Константинополь заключалась въ томъ чтобъ упрочить дружественныя отношенія между Черногоріей и Турціей, и цѣль эта достигнута. Доказательствомъ тому служитъ благополучное разрѣшеніе вопроса который еще оставался между Черною Горой и Турціей. Еще въ бытность князя Николая въ Константинополь обнаружено пріаде султана объ окончательномъ регулированіи Турецко-Черногорской границы. Вопросъ этотъ имѣетъ для Черногоріи особенную важность. Турецкіе комиссары, командированные для передачи Черногорцамъ нѣкоторыхъ частей турецкой территоріи, уже прибыли въ Цетинье и приступили къ делимитационнымъ работамъ.

Вообще за дѣйствіями Черногорскаго правительства крайне недоброжелательно слѣдятъ въ Австріи, во всемъ усматривая угрозу себѣ и своимъ вездѣсущимъ интересамъ. Этой манерѣ своихъ вѣнскихъ и лештскихъ покровителей стала въ послѣднее время слѣдовать и сербская офиціозная печать. Органъ высшаго сербскаго кабинета, *Видело*, не счелъ неприличнымъ придаться къ браку дочери князя Николая съ княземъ Петромъ Карагеоргиевичемъ, чтобъ оскорбить Черногорское правительство и весь Черногорскій народъ. Въ обширной статьѣ, посвященной сперва восхваленію династіи Обреновичей, единственной сербской династіи, на Черногорію изливается цѣлый потокъ брани и инсинуацій. Черногорія обвиняется въ томъ что она будто бы всегда сѣяла смуту среди Сербскаго народа, что она какъ нищій протягиваетъ руку за милостыней, что она служитъ чуждымъ (русскимъ) интересамъ изъ зависти къ благосостоянію королевства Сербіи, которое стало де государствомъ вполне культурнымъ, имѣетъ свою желѣзную дорогу и національный банкъ и теперь пользуется уваженіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй. Разказавъ все это напыщеннымъ слогомъ, *Видело* возглашаетъ что пришло время открыто поставить вопросъ: „кто за Сербію и кто противъ нея?“

Официальная черногорская газета отвѣчала на эту выходку. Замѣтивъ сперва что бракъ княжны Зорки съ Петромъ Карагеоргиевичемъ имѣетъ чисто семейный характеръ, *Гласъ Черногорца* говоритъ что въ Сербіи тревожатся совершенно напрасно по поводу этого событія которое не можетъ повліять на отношенія между Сербіей и Черногоріей. „Съ нашей, съ черногорской стороны, говоритъ газета, не сдѣлано и не будетъ сдѣлано ничего что могло бы измѣнить

наши отношенія къ Сербіи; мы совершенно хладнокровно выслушаемъ всѣ незаслуженныя обвиненія и останемся въ прежнихъ братскихъ отношеніяхъ къ Сербскому народу, который несомнѣнно возвратится къ своимъ братьямъ...“ Отношенія между Сербіей и Черногоріей, замѣчаетъ далѣе газета, могутъ измѣниться лишь въ томъ случаѣ если—чего не дай Богъ—одна изъ нихъ измѣнитъ сербству и продастъ себя недругамъ. Препираться съ *Виделомъ* совершенно де излишне, такъ какъ отъ этого выигралъ бы только третій. О зависти Черногоріи къ Сербіи говорить по меньшей мѣрѣ странно. Черногорія, правда, бѣдна, но надо припомнить почему она бѣдна. Ея бѣдность служитъ ей къ чести, а не къ стыду! Неужели кровь пролитая Черногорцами въ вѣковой борьбѣ за независимость не имѣетъ никакой цѣны? Выставлять вопросъ о томъ „кто за Сербію и кто противъ нея“ также совершенно неумѣстно. „Кто ставитъ этотъ вопросъ? Мы не ставимъ его, находя это совершенно лишнимъ. Вы утверждаете что не боитесь отвѣта на этотъ вопросъ; мы его также не боимся, ибо знаемъ напередъ какъ бы гласилъ отвѣтъ. Мы увѣрены что каждый Сербъ за Сербію и что нѣтъ Серба который бы былъ противъ нея; но въ то же время мы также вполне увѣрены что нѣтъ Серба который былъ бы противъ Черногоріи.“ О первой роли среди Сербскаго народа, говорить *Гласъ Черногорца*, спорить было бы напрасно. Первая роль принадлежитъ тому кто ее заслужитъ, а не тому кто ее добивается. Рѣшеніе этого вопроса предстоить еще въ далекомъ будущемъ, теперь же спорить объ этомъ было бы горькою проніей.

Полемика между *Виделомъ* и *Гласомъ Черногорца* во всякомъ случаѣ не лишена интереса. Между тѣмъ какъ нынѣшніе сербскіе правители, полагаясь вѣроятно на поддержку въ Вѣнѣ, требуютъ себѣ ничѣмъ пока не заслуженной гегемоніи, Черногорцы смотрятъ на Сербскій вопросъ съ точки зрѣнія всякаго честнаго сербскаго патріота.

Моск. Вѣд. № 258.

Въ Сербіи на дняхъ происходили выборы депутатовъ въ обыкновенную (малую) скупщину, на разсмотрѣніе коей будетъ предложена заключенная конференціей à quatre желѣзнодорожная конвенція съ Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей. Хотя по настоящее время не обнародовано еще официальныхъ данныхъ о результатѣ выборовъ и хотя мнѣнія по этому поводу нѣсколько расходятся въ сообщеніяхъ газетъ

вѣнскихъ и пештскихъ, однако теперь не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнiю что австро-фильскій кабинетъ г. Пирочанца понесъ позорное пораженiе, такъ какъ въ числѣ избранныхъ 125 депутатовъ, къ правительственной, прогрессистской партiи принадлежать не болѣе 30—35 членовъ. Если принять въ соображенiе что состоявшiеся на дняхъ выборы должны были служить мѣриломъ популярности правительства въ странѣ гдѣ вскорѣ предстоятъ выборы въ „великую“ скупщину, имѣющую заняться пересмотромъ дѣйствующаго въ Сербiи устава, то пораженiе кабинета получаетъ особенное значенiе, тѣмъ болѣе что органы правительства позволяли себѣ при выборахъ всевозможныя насилiя и злоупотребленiя и заблаговременно, подъ разными предлогами, засадили въ тюрьмы цѣлый рядъ вожаковъ оппозицiи. Не помогли нынѣшнимъ сербскимъ правителямъ, ни поддержка со стороны Австрiи, ни почести оказываемыя королю Милану въ Австрiи и Германiи.

Въ Австро-Венгрии результатъ сербскихъ выборовъ произвелъ весьма тяжкое, почти удручающее впечатлѣнiе. Должно быть политики Вѣны и Пешта имѣли о Сербскомъ народѣ весьма низкое понятiе разчитывая на полное отсутствiе въ немъ всякаго политическаго смысла. А еще недавно, всего съ десятокъ дней тому назадъ, офицiозныя австрiйскiя газеты предсказывали Сербскому правительству побѣду на выборахъ, вѣроятно полагаясь на донесенiя заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ сербскихъ министровъ....

Особенное вниманiе послѣднимъ выборамъ въ Сербiи посвящаетъ офицiозная вѣнская *Presse*, получающая свои свѣдѣнiя непосредственно изъ бѣлградскаго *прессъ-бюро* и служащая органомъ нынѣшнихъ сербскихъ правителей, въ особенности когда они считаютъ необходимымъ пропагандировать какую-нибудь свою затѣю за границей. Эта всевѣдущая въ сербскихъ дѣлахъ *Presse* также поражена результатомъ выборовъ и утверждаетъ что „никто, даже самый осторожный наблюдатель политическихъ дѣлъ въ Сербiи не могъ предвидѣть подобнаго результата выборовъ“ и съ сожалѣнiемъ констатируетъ что министерство Пирочанца не въ состоянiи болѣе остаться у дѣлъ и вынуждено подать въ отставку. Въ виду компетентности источника откуда *Presse* получаетъ свои свѣдѣнiя, заявленiе это не лишено интереса.

Но какъ объяснить результатъ выборовъ, какъ объяснить антипатiю Сербскаго народа къ правителямъ, которые, ло

словамъ вѣнскихъ газетъ, ошастливили Сербскій народъ давъ ему возможность широко пользоваться всѣми благами цивилизаціи? „Дѣло объясняется тѣмъ; говоритъ *Presse*, что народъ политически незрѣлъ, что онъ злоупотребляетъ свободными учрежденіями (какими это?) дарованными ему въ 1880 году, и что постоянно умножается число недовольныхъ нынѣшнимъ правительствомъ изъ личныхъ интересовъ.“

Чувствуя вѣроятно что всѣ объясненія неудачи австро-фильскаго Сербскаго правительства не вполне удовлетворительны, *Presse*, со свойственнымъ вѣнской офиціозной печати безстыдствомъ, въ заключеніе заявляетъ что оппозиція одержала побѣду благодаря миѣческимъ „русскимъ рублямъ“ которые играли де при послѣднихъ выборахъ большую роль. Басня „о русскихъ рубляхъ“ столько разъ повторялась въ австро-венгерской печати, такъ олошмилась что ей врядъ ли кто вѣритъ. Что касается спеціально Сербіи и ея внутреннихъ дѣлъ, то скорѣе слѣдуетъ жаловаться на бездѣйствіе наше въ то время какъ Австрія не дремала и настойчиво обрабатывала сербскихъ министровъ. Австрійское правительство, чуть не ежедневно конфискующее нумера неугодныхъ ему газетъ, какъ извѣстно, относится весьма снисходительно ко всѣмъ выходкамъ и безобразнымъ инсинуаціямъ печатаемымъ тѣми же газетами противъ Россіи; поэтому мы вовсе не удивляемся что *Presse* позволила себѣ при этомъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтить что „русскими рублями было подготовлено и недавнее покушеніе на жизнь короля Милана.“ Цѣль этого замѣчанія заключается очевидно въ томъ чтобы побудить короля Милана принять „драстическія“ мѣры противъ оппозиціи, хотя бы для этого пришлось уничтожить восхваляемую австрійскими газетами конституцію. Офиціозная *Presse* высказываетъ эту мысль совершенно открыто. Исходя изъ той точки зрѣнія что оппозиціонные члены сербской скупщины угрожаютъ не только спокойствію и благосостоянію Сербіи, но и личности короля Милана, *Presse* торжественно заявляетъ что на первый планъ выступаетъ де теперь въ Сербіи *salus reipublicae*. „Если сербскіе радикалы, говоритъ газета, орудіе иностранной (русской) агитаціи, то мы заранѣе одобряемъ всѣ мѣры короля Милана къ охраненію порядка „какъ бы драстичны и безплощадны онѣ ни были“. Замѣчательно что та же *Presse* не очень давно еще порицала рѣзко болгарскихъ правителей за то что въ Болгаріи не дѣйствуетъ

конституціонный режимъ, и все де поэтому зависитъ „отъ произвола Русскихъ“, а теперь она совѣтуетъ прибѣгнуть къ „драстическимъ“ мѣрамъ и разогнать сербскую скулицину за то что большинство членовъ ея не намѣрено поддерживать распоряжающихся по своему произволу и во вредъ интересамъ страны австрофильскихъ министровъ. Для австрійскихъ газетъ форма правленія остается, повидимому, на послѣднемъ планѣ когда дѣло идетъ о своихъ интересахъ.

Тревога забытая австрійскими газетами по поводу послѣднихъ выборовъ въ Сербіи весьма понятна. *Neue Freie Presse*, болѣе откровенная чѣмъ ея офиціозный товарищъ, оставляетъ въ сторонѣ значеніе совершившагося факта для Сербскаго правительства, и прямо заявляетъ что онъ имѣетъ громадное значеніе для *политики Австро-Венгрии* которой удалось де послѣ долгой борьбы „втянуть Сербію въ сферу своихъ интересовъ“. Теперь дружбѣ Австріи съ Сербіей угрожаетъ де серіозная оласность: если даже предположить что направление иностранной политики Сербіи при новомъ министерствѣ не измѣнится (а это еще весьма сомнительно), то все-таки Австрія не найдетъ столь услужливыхъ и удобныхъ людей какъ нынѣшніе сербскіе министры.

Чѣмъ разрѣшится нынѣшній сербскій кризисъ, пока еще не извѣстно. Былъ слухъ что кабинетъ подалъ уже въ отставку, но слухъ этотъ затѣмъ опровергнуть. Дѣло разрѣшится лишь послѣ возвращенія короля Милана изъ Германіи, которое послѣдуетъ вѣроятно на дняхъ. Многіе признаки указываютъ на то что Сербскій король намѣренъ поддерживать своихъ министровъ до послѣдней крайности; на это указываетъ, между прочимъ, состоявшееся на дняхъ наименованіе 44 депутатовъ назначаемыхъ самимъ правительствомъ и тотъ фактъ что король предоставилъ министрамъ *распустить* нынѣшнюю скулицину „если это понадобится“. Коль скоро эта мѣра будетъ дѣйствительно приведена въ исполненіе, то отъ этого врядъ ли окрѣпнетъ авторитетъ короля Милана, врядъ ли успокоится эта несчастная страна, претерпѣвшая въ послѣднее время столько невзгодъ...

Моск. Вѣд. № 264.

Кризисъ въ Сербіи продолжается. Министерство было вынуждено подать въ отставку, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали какъ-то составится новый кабинетъ способный водворить въ странѣ миръ. Король Миланъ послѣдшилъ обратиться съ

рескриптомъ на имя г. Пирочанца, выражая „глубокое сожалѣніе“ по случаю его отставки, съ благодарностію вспоминая о его „патріотическихъ“ (sic) заслугахъ и въ заключеніе торжественно возвѣщая что заслуги оказаны именно по части иностранной политики, которая всегда де была проникнута намѣреніемъ доказать Европѣ что Сербія желаетъ быть элементомъ мира и „самостоятельнаго развитія цивилизаціи“.

Такъ какъ на выборахъ одержала побѣду такъ-называемая радикальная партія, то, согласно парламентскому обычаю, во главѣ правленія должны бы стать приверженцы этой партіи. Но радикальный кабинетъ, такъ мудрствовали вѣнскія газеты придираясь къ названію „радикальный“, невозможенъ, — невозможенъ даже въ такомъ государствѣ гдѣ давно установленъ конституціонный режимъ и гдѣ народъ политически зрѣлъ. Дѣло въ томъ что такъ-называемые радикалы въ Сербіи не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія получать свои инструкціи изъ Вѣны и Пешта. Австрійскія газеты сообщаютъ что Миланъ, вслѣдъ за своимъ возвращеніемъ изъ Вѣны, гдѣ онъ „болѣе двухъ часовъ совѣщался съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Кальноки“, пригласилъ къ себѣ вождей радикальной партіи и предложилъ имъ составить новый кабинетъ и управлять *внутри* предѣловъ Сербіи по своему усмотрѣнію, выставивъ непрѣмьнымъ условіемъ чтобъ иностранная политика Сербіи, въ особенности *интимныя* отношенія „къ могущественному сосѣду“, ни въ чемъ не измѣнились. Вожди радикаловъ отказались наотрѣзъ подчиниться этому условію, и переговоры не удалось.

Пришлось подумать о новой комбинаціи. Составленіе коалиціоннаго министерства изъ „прогрессистовъ“ (приверженцевъ Пирочанца) и радикаловъ оказалось также невозможнымъ, ибо оппозиціонные члены сербской скупщины не только не желаютъ вступать въ сдѣлку съ г. Пирочанцемъ, но намѣрены *притянуть его и товарищей къ суду за незаконныя дѣйствія* ихъ пока они находились у власти.

Партія г. Ристича слишкомъ мала, да и въ скупщинѣ у него слишкомъ незначительное число приверженцевъ, но это врядъ ли помѣшало бы королю предложить ему составленіе кабинета еслибы г. Ристичъ, въ глазахъ его королевскаго величества, не былъ „реакціонеромъ“, такъ какъ партія его защищала дѣло митрополита Михаила. По мнѣнію короля (онъ это высказалъ въ разговорѣ съ корреспондентомъ вѣнской

Neue Freie Presse, а официозная *Видело* перепечатала его слова), приверженцы г. Ристича желаютъ оградить Сербію каменною стѣной отъ „Европы“ и не относятся съ подобающимъ уваженіемъ къ западной культурѣ. Слѣдовательно и кабинетъ Ристича оказался невозможенъ; тѣмъ болѣе что австро-венгерскіе покровители питаютъ къ г. Ристичу почему-то особенную антипатію.

Въ виду всего этого, король Сербскій составилъ совершенно новый кабинетъ, принявшій конечно условіе относительно интимности съ Австріей. Шефомъ новаго кабинета назначенъ Николай Христичъ, состоявшій министромъ-президентомъ при покойномъ князѣ Михаилѣ и своимъ правленіемъ болѣе другихъ отвѣтственный за убіеніе князя Михаила въ Толчидере. Въ рескриптѣ на имя удалившихся министровъ король съ нѣкоторою нѣжностію упоминаетъ объ иностранной политикѣ дружелюбной къ Австріи; повтому неудивительно что постъ министра иностранныхъ дѣлъ порученъ одному изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Австріи, бывшему сербскому уполномоченному въ Вѣнѣ, Богичевичу. Портфель военнаго министра отданъ полковнику Протичу, адъютанту короля Милана, имѣющему въ сербской арміи не очень лестную репутацію человѣка безхарактернаго. Въ сущности военная часть будетъ въ рукахъ самого короля, а г. Протичъ будетъ лишь исполнителемъ его распоряженій. Что касается остальныхъ министровъ, то одинъ изъ нихъ состоялъ членомъ бывшаго кабинета Пирочанца, двое другихъ тоже очень угодны въ Вѣнѣ.

Выходитъ одно изъ двухъ: либо король Миланъ, желая выставить себя „конституціоннымъ“ монархомъ, принявъ отставку кабинета, но съ тѣмъ чтобы, придравшись къ какому-нибудь поводу (каковыхъ конечно встрѣтится не мало), распустить нынѣшнюю скупщину; либо онъ считаетъ сербскую оппозицію людьми лишеными смысла и слѣдовательно неспособными понять что со вступленіемъ новыхъ министровъ въ должность перемѣнились только лица, а политика останется прежнею, то-есть „угодною Австріи и сочувственною просвѣщенной Европѣ“.

Загадывать впередъ что случится въ Сербіи мы не станемъ. Въ этой странѣ, какъ и вообще на Востокѣ, нерѣдко происходятъ удивительныя по внезапности событія. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію что кризисъ въ Сербіи этимъ не кончится, и что можно разчитывать на скорое получение интересныхъ новостей изъ Сербскаго королевства....

VIII.

Моск. Вид. № 256.

Въ Парижѣ и Мадридѣ шумъ и суета. Весь сырѣ-боръ загорѣлся изъ-за того что Шлезвигъ-Голштинскій уландскій полкъ, шефомъ коего назначенъ императоромъ Вильгельмомъ король Альфонсъ, оставилъ по себѣ тяжелое воспоминаніе во Франціи въ 1871 году, а теперь стоитъ въ Страсбургѣ, статуя котораго стоящую въ Парижѣ Французы, при всякомъ удобномъ случаѣ, закутываютъ въ черный крель, произнося патріотическія заклинанія.

Какъ только вѣсть о назначеніи короля Альфонса шефомъ уландовъ или, какъ выражаются Французы, уландскимъ *полковникомъ*, достигла Франціи, цѣлая фаланга газетныхъ и уличныхъ агитаторовъ пустились *обрабатывать* толпу, приготавливая уличную демонстрацію королю Альфонсу.

Съ одной стороны, *несговорчивые* натравливали толпу на „короля-уланд“. Съ другой, два парижскіе органа *France* и *Petite France*, инспирируемые г. Вильсономъ, зятемъ г. Гриви, взывали къ оскорбленному патріотическому чувству Французовъ и требовали чтобы новому шефу нѣмецкаго уландскаго полка былъ оказанъ елико-возможно холодный пріемъ.

Отзывчивая на всякую агитацію, парижская уличная толпа исполнила съ охотой и усердіемъ то чего отъ нея желали вожаки и коноводы. Она встрѣтила и проводила короля Альфонса бранью и свистками, а импотентная республиканская администрація хлопала глазами глядя на безпримѣрный скандалъ учиненный во имя „патріотическаго чувства“.

Когда въ Испанію пришла вѣсть объ оскорбленіи нанесенномъ въ Парижѣ ея государю, негодованіе вызванное этимъ прискорбнымъ фактомъ заставило Испандцевъ забыть на время ихъ домашнія распри, и органы самыхъ противоположныхъ политическихъ группъ сались въ общемъ хорѣ энергическаго протеста. Не только министерская *Iberia* (органъ Сагасты), возмущаясь безобразнымъ фактомъ, требуетъ удовлетворенія, а съ нею вмѣстѣ и всѣ консервативные и либеральные органы, какъ *Diario, Español, Cronista, Correo, Epoca, Liberal, Progreso* и другіе, но даже *El Porvenir*, органъ Сорильи, этого *несговорчиваго* Испанца, хотя и совѣтуетъ не

раздражать народныя страсти „чтобы не сыграть въ руку Германіи“, тѣмъ не менѣ настаиваетъ на требованіи возстановить поруганную честь. Офиціозная *Correspondencia* заявила что министерство адресуетъ Франціи официальную ноту „протестующую и требующую наказанія виновниковъ враждебной демонстраціи“.

Кого же наказать?

Угрожающій тонъ испанской печати заставилъ, однако, призадуматься правителей „третьей республики“ о послѣдствіяхъ. Президентъ Гречи, сперва весьма благодушно отнесшійся къ свисту и брани которыми граждане всемірной столицы угостили короля Альфонса отъ имени Франціи, и не выразившій ему при первомъ свиданіи даже простаго соболѣзнованія по поводу происшедшаго, на другой день поѣхалъ къ Альфонсу XII съ извиненіями, и держалъ такую рѣчь предъ юнымъ королемъ: „я явился къ вамъ просить васъ отъ имени Франціи не смѣшивать ее съ тѣми негодяями (*misérables*) которые уронили ея старинную репутацію демонстраціями, отъ коихъ я съ негодованіемъ отвращаюсь. Къ несчастію, наши законы беспильны подавлять подобныя манифестація (каково признаніе!). Прошу ваше величество дать намъ новое доказательство вашей великодушной дружбы (*généreusc amitié*) принявъ участіе въ банкетѣ, который соединитъ сегодня вечеромъ все правительство за моимъ столомъ, и тамъ вы увидите истинныя чувства Франціи.“

Разчеты на „великодушіе“ юнаго короля оправдались. Онъ принялъ приглашеніе, хотя въ его отвѣтъ ясно была выражена мысль что на участіе свое въ этомъ банкетѣ онъ смотритъ какъ на *privilegia odiosa* своего положенія. Король сказалъ: „я согласенъ, г. президентъ, дать странѣ которую вы представляете это новое доказательство моей сердечной симпатіи, но вы позволите мнѣ послѣ этой *последней жертвы* сохранить за собою полную *свободу дѣйствій*“. Потомъ король прибавилъ: „кромѣ того, г. президентъ, для того чтобъ я могъ принять это удовлетвореніе послѣ публичнаго оскорбленія, нужно чтобы вы мнѣ разрѣшили предать гласности настоящее ваше объясненіе“. Въ отвѣтъ на это президентъ Гречи сказалъ: „не только соглашаюсь, но прошу васъ объ этомъ“.

Въ тотъ же день король Альфонсъ имѣлъ возможность въ домѣ г. Гречи „увидѣть истинныя чувства Франціи“, и хотя *Intransigent* увѣряетъ что „слабы король Альфонсъ хотѣлъ

познакомиться съ этими чувствами, ему слѣдовало искать ихъ не въ средѣ *ферристскихъ* министровъ, а пройтись инкогнито по улицамъ Парижа и послушать разговоры въ толлѣ, король повидимому остался удовлетвореннымъ и... на слѣдующій день покинулъ гостеприимную столицу Франціи.

Стараясь поддержать достоинство „третьей республики“, газета *Temps* послѣшила заявить что все окончилось въ порядкѣ, и что l'incident est clos.

Не всё, однако, такъ думаютъ. *France*, напротивъ, увѣряетъ что только теперь должно разыгратъя дѣло: нужно де теперь разчитаться (*régler les comptes*) съ г. Ферри, который, по мнѣнію этой газеты, компрометтировалъ Францію вызвавъ скандалъ своимъ „неумѣстнымъ усердіемъ“.

Что какіе-то „счета“ начнутся съ министерствомъ Ферри по поводу происшедшаго скандала, это не подлежитъ сомнѣнію. Телеграфъ уже принесть намъ извѣстіе о выходѣ въ отставку генерала Тибодена, и слухи о крушеніи министерства становятся все настойчивѣе и опредѣленнѣе. Газетами комментируется прибытіе въ Парижъ г. Фрейсине, а *République Française* прямо увѣряетъ что „г. Греви, выйдя изъ своего кажущагося или дѣйствительнаго бездѣйствія, намѣренъ создать себѣ кабинетъ по своему вкусу, соединивъ эти три имени: Вильсонъ, Тибоденъ и Фрейсине“... Толки о томъ что въ минѣ которая подводится подъ министерство работаетъ главнымъ образомъ зять г. Греви, г. Вильсонъ, основаны на странномъ поведеніи двухъ органовъ, изъ коихъ одинъ, *Petite France*, непосредственно издается г. Вильсономъ, а другой, *France*, инспирируется имъ. Эти газеты, еще за нѣсколько дней до пріѣзда короля Альфонса, принялись обсуждать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли президенту республики встрѣчать короля Альфонса на станціи или нѣтъ, причемъ выставлялось на видъ что такая встрѣча была бы нарушеніемъ республиканскаго этикета, а съ другой стороны сообщалось что г. Ферри настаиваетъ на торжественной встрѣчѣ. Наконецъ, наканунѣ въѣзда короля Альфонса, органъ г. Вильсона, *Petite France*, бросилъ въ публичку, уже достаточно *подготовленную* и раздраженную зажигательными статьями объ „уланѣ“, такую бомбу: „президентъ республики поѣдетъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги встрѣчать Альфонса XII. Г. Греви рѣшилъ на этотъ шагъ по убѣжденію президента совѣта министровъ. Несмотря на живѣйшее

отвращеніе (*malgré les vives réurgnances*) обнаруженное г. Гревви, онъ долженъ былъ преклониться предъ государственными соображеніями, и сдаться на убѣжденія г. Жюля Ферри“.

Парижскіе санкюлоты послужили и при вѣздѣ короля Альфонса, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, орудіемъ въ рукахъ политической интриги. Умѣренные мадридскіе органы указываютъ на князя Бисмарка сумѣвшего де столкнуть лбами Францію и Испанію; умѣренные республиканскіе органы Парижа настаиваютъ, со своей стороны, что король Альфонсъ былъ жертвой интриги г. Вильсона.

Если вѣрны предположенія парижской печати относительно мѣткости ударовъ г. Вильсона, то въ ближайшемъ будущемъ судьбы Франціи перейдутъ въ руки триумvirата: Вильсонъ, Тибоденъ, Фрейсине. Нѣтъ сомнѣнія что это будетъ вполнѣ республиканское министерство: съ Вильсономъ публика познакомилась въ послѣдніе дни, когда онъ приобрѣлъ популярность обнаруженіемъ секретныхъ документовъ, генералъ Тибоденъ заслужилъ наименованіе республиканскаго Эспинаса и далъ доказательства своего якобинства декретомъ 23 февраля изгнавшимъ принцевъ изъ арміи, а г. Фрейсине—это старый знакомый...

При семъ № прилагается особое объявленіе для всѣхъ подписчиковъ отъ склада настоящаго шоколата Ретаблиеръ у А. Л. ШТУММЕРЪ, въ Москвѣ.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕНИЕ Ф И Л А Р Е Т А, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а равно для учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и народныхъ училищъ. Цѣна 50 коп., съ перес. 65 коп.

ПОЛНЫЙ ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ, составленный по современнымъ латинскимъ словарямъ Аманьевымъ, Яснецкимъ и Лебединскимъ и изданный П. Леонтьевымъ. Ц. 4 р., пересылака за 5 фунтовъ.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78) ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для городскихъ уѣздныхъ училищъ. 1878. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы. Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва. 1881. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей. Варсоломея Коцнева. Цѣна: выпускъ первый 75 коп., выпускъ второй 75 к., I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылаку прилагать 25 коп.

НАБАБЪ. Французскіе нравы Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВЪ СТОРОНЪ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ въ четырехъ частяхъ Ю. В. Жадовской. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

МОГАРЪ МЛАДШИЙ. Романъ Андреа Тѳоріе. Переводъ съ французскаго. 1880. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

КУРСКІЕ ПОРУБЕЖНИКИ. Историческій романъ, соч. Влад. Маркова. Въ 3хъ частяхъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антона Троллопа, въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Автона Троллопа. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ВЪДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. Второе изданіе. 1881. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Семъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛЪ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фонбдакка. Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ.

НАСТОЯЩІЙ

ШОКОЛАТЪ РЕТАБЛІЕРЪ

DR. СИМСОНА И К^о.

Употребленіе коего приноситъ несомнѣнную пользу.

Можно получать **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** у главнаго агента

А. Л. ШТУММЕРЪ въ Москвѣ,

НИЖНЕ-КИСЕЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШИГАЕВА.

Требованія исполняются съ первою отходящею почтой.

Цѣна за фунтъ 1 р. 20 к.

